БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
6

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЪІ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1999

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ

6

XIV — середина XV века

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1999

ББК 84Р1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЫРКО

ТП-98-II-2966
ISBN 5-02-028354-1 (Т. 6)
ISBN 5-02-028307-X

ЛИТЕРАТУРА ВРЕМЕНИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОДЪЕМА

Главное историческое событие в жизни Руси второй половины XIV века и первой XV — победа на Куликовом поле.

В 1380 году московский князь Дмитрий Иванович, собрав многочисленное войско почти всех русских княжеств, преградил путь на Русь золотоордынской армии Мамая. Куликовская победа имела огромное национальное значение. Именно Москва организовала сопротивление Золотой Орде. Дмитрий Донской, защищая не одно только свое Московское княжество, но всю Русь, выступил вперед и встретил золотоордынское войско за рубежами Руси — в «диком поле». Именно здесь, у Непрядвы и Дона, решался вопрос о том, вокруг какого княжества объединяться русскому народу. Ни изменившая Рязань, ни медливший с посылкой своих войск Новгород, ни какой-либо другой центр не получили в глазах всего населения такого общерусского авторитета, как Москва.

Куликовская победа «за Доном» подняла политический престиж Москвы, сделав ее подлинной главой русских княжеств. Эта битва подняла русское национальное самосознание и сама явилась результатом не только экономического и военного роста Руси, но и роста культурного и общенародного. Литературный подъем предшествовал Куликовской победе и продолжался после.

Несмотря на то что через два года после Куликовской битвы хан Тохтамыш «изгоном» захватил и разорил Москву, а уплата ордынского «выхода» длилась еще целое столетие, рост национального самосознания не замедлялся.

Что же предшествовало в русской культуре главному историческому событию эпохи — Куликовской битве?

Прежде всего отметим начавшееся еще с середины XIV века восстановление культурных связей с балканскими странами — с Византией, Болгарией и Сербией в первую очередь. Культурная изоляция Руси, существовавшая

более века после нашествия Батыя в результате чужеземного ига, закончила на время свое существование. Русская культура включилась снова в культурное развитие Европы. Страна стала выходить из оцепенения чужеземного ига, когда, по выражению летописца, и «хлеб не шел в рот от страха». Явления письменности и искусства об этом свидетельствуют с достаточной убедительностью.

Появились и крупные центры умственного общения — монастыри Афона, Константинополя, Сербии и Болгарии по преимуществу.

Возникло единое умственное направление, единое развитие, не отменявшее, конечно, национальных особенностей, а, напротив, способствовавшее развитию отдельных национальных культур.

Во второй половине XIV и в начале XV века на Русь переносится огромное количество различных новых переводов, сделанных на славянский литературный язык в Болгарии, Сербии, монастырях Греции, Иерусалима, Синая. Здесь и сочинения отцов церкви в новых переводах, сочинения богословские, церковно-канонические, церковно-служебные и, что для нас самое главное, — произведения литературные. Оригинальные южнославянские произведения (главным образом жития) составляют сравнительно небольшую часть появившихся на Руси памятников письменности. Среди перенесенных к нам из Византии через южнославянское посредство произведений отметим новые переводы или новые редакции старых переводов Четвероевангелия, Апостола, Псалтыри, «Служебных миней», гимнографической литературы, «Песни песней», «Слов» Григория Богослова, «Лествицы» Иоанна Лествичника, «Пандектов» Никона Черногорца, «Вопросов-ответов» Псевдо-Афанасия, «Жития» Антония Великого, «Жития» Варлаама и Иоасафа, «Синайского патерика», «Слова» Мефодия Патарского и других, а также переводы ранее неизвестных в славянской традиции сочинений отцов церкви и византийских мистиков: Василия Великого, Исаака Сирина, Григория Синаита, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста и т. д. Особое значение имело появление в XIV веке переводов Дионисия Псевдоареопагита — философа и богослова, в сочинениях которого ясно ощущаются элементы античной традиции.

Приблизительно в это время или чуть раньше на Руси появляются «Повесть об Индийском царстве», «Сказание о двенадцати снах Шахаиши», «Хождение Зосимы в блаженную страну рахманов», «Слово о Макарии Римском». Особенно же много делается на самой Руси новых переводов исторических сочинений и редактируются старые. Перерабатывается «Еллинский и Римский летописец» («еллинским» он назван потому, что охватывал языческие времена античности, а «римским» — так как охватывал византийскую историю, считавшуюся историей Римской империи), создаются Иудейский хронограф и Толковая Палея. Переносятся на Русь и славянские переводы болгарских и сербских святых.

Замечательно, что наряду с болгарскими и сербскими переводами с греческого делаются переводы и на Руси, а также в Константинополе, на Афоне и в болгарских монастырях, где тоже жили русские. Переводами с греческого занимался сам московский митрополит Алексей и многие русские церковные деятели. Преемник Алексея на русской митрополичьей кафедре болгарин Киприан списывал в Константинопольском Студийском монастыре «Лествицу» Иоанна Лествичника, а затем в Голенищеве под Москвой «многие святыя книги со греческаго языка на руськый язык преложи и довольно списания к пользе нам остави».

Этот далеко не полный перечень переводческой деятельности и интереса к переводной литературе, свидетельствующих о большом умственном подъеме в XIV—XV веках, должен быть сопоставлен с одновременными фактами южнославянского и особенно непосредственного византийского влияния в русском искусстве, появлением на Руси византийских и сербских мастеров. Связи с балканскими странами отнюдь не ограничивались письменностью.

Чрезвычайно существен и факт обратного, русского влияния в южнославянских странах. Это влияние отмечено для письменности многими исследованиями.

*

В чем сущность того единого умственного движения, которым был охвачен восток и юго-восток Европы и которое не знало отчетливых границ между восточнославянскими и южнославянскими народами? В этом умственном движении могут быть отмечены некоторые черты, которые типичны для этого периода и в Западной Европе.

Главная черта этого периода — рост личностного начала. В отличие от Западной Европы, где этот процесс был связан с общим обмирщением культуры и ослаблением церковности, на востоке и юго-востоке Европы рост личностного начала совершался внутри самой церковной культуры. Церковь здесь продолжала иметь огромное значение — особенно в борьбе с иноверными завоевателями. Борьба с чужеземным игом и нашествиями захватывала народные силы, но общение между странами, восстанавливавшееся во второй половине XIV и первой половине XV века, открывало доступ новым идеям.

Внутренняя жизнь человека — вот что интересует теперь в первую очередь и писателей, и художников и что входит в церковную жизнь. Уединенная молитва, молитвенное самоуглубление, отшельничество, уход от людей в далекие скиты становятся необходимыми элементами монашеского подвига.

Рост личностного начала в культуре имел огромное значение на Руси. В эпоху борьбы с игом выступали вперед личные свойства человека: его преданность князю, его стойкость, неподкупность, независимость, мужество и т. д. и т. п. Поэтому на личные качества человека и обращалось в литературе и изобразительном искусстве гораздо большее внимание, чем раньше.

С развитием личностного начала в определенной мере связано появление в XIV веке, сперва на Балканах, а вскоре и в России, нового литературного стиля — экспрессивного, эмоционального, а вместе с тем и «ученого», усложненного и часто торжественного. Так, на середину XIV века падает на Балканах короткий расцвет Тырновской литературной школы. Расцвет этот наступил в 1371 году, когда главный деятель этой школы Евфимий стал патриархом в Тырнове, и продолжался до захвата Тырнова турками в 1393 году.

Тырновское литературное направление было направлением, развивавшим в литературе торжественный стиль, с помощью которого можно было бы прославить болгарских деятелей. Стиль этот способствовал развитию литературного языка, обогащению его лексики за счет искусственных словообразований. В Тырнове развивалась особая «филологическая» ученость, было реформировано правописание и изменялись даже почерки рукописей. То же самое мы видим и в Сербии, где в Ресавском монастыре производится реформа орфографии и письма.

Реформы языка, усложнение стиля, появление новой орфографии имели своей целью создать единую для всех славян письменность, сблизить эту письменность с письменностью Византии, объединить литературу всех южных и восточных славян. Действительно, по свидетельству деятеля болгарской литературы этого времени Григория Цамблака, в Тырнове учились и работали «не токмо же болгарских родов множество, но и северная все до океана и западная до Илирика».

Возникший в XIV веке в Болгарии в Тырнове панегирический стиль создал чрезвычайно искусную орнаментальную прозу.

Новый сложный стиль, стиль «плетения словес», ответил на Руси потребностям начавшегося перед Куликовской победой подъема национального самосознания. Его торжественность позволяла восхвалять церковных и светских деятелей русской истории. Само название этого стиля — «плетение словес» — следует понимать как плетение словесных венков — венков победных и мученических, венков славы.

Особенное значение этот новый стиль «плетения словес» имел в Москве.

Это объясняется особой идейной атмосферой, установившейся в Москве уже в середине XIV века и сохранявшейся значительно позже.

*

В исходе XIV века Москва постепенно становится крупнейшим средоточием литературных сил, еще раньше, чем она стала средоточием русской государственности. Конец XIV и первая половина XV века — время идеологической подготовки создания единого Русского государства. При этом подъем всех духовных сил русского общества идет под знаком возрождения традиций

времен национальной независимости — Владимирской и Киевской Руси XI—XIII веков.

Дмитрий Донской первым стал на ту точку зрения, что только Москва является наследницей Владимирского княжества. В Москве возрождаются строительные формы Владимира, традиции владимирской письменности и летописания. В Москву переводятся владимирские святыни, становящиеся отныне главными святынями Москвы. Из Владимира же перекочевывают в Москву и те политические идеи, которыми руководствовалась великокняжеская власть во Владимире. И эта преемственность политической мысли оказалась и действенной, и значительной, придав уже в XIV веке политике московских князей необычайную дальновидность, поставив ей цели, осуществить которые Москве удалось после ряда столетий чрезвычайных усилий только во второй половине XVII века. Идеей этой была идея собирания всего киевского государственного наследства.

Московские князья, настойчиво добивавшиеся ярлыка на великое княжение, так же как и тверские, владимирские, видели в себе потомков Мономаха. В их городе с начала XIV века обосновался митрополит «Киевский и всея Руси», и они считали себя законными наследниками киевских князей: их земель, их общерусской власти.

Постепенно, по мере того как нарастает руководящая роль Москвы, эта идея киевского наследства крепнет и занимает все большее место в политических домогательствах московских князей, соединяясь с идеей владимирского наследства в единую идею возрождения традиций государственности независимой и могущественной домонгольской Руси. Московские князья претендуют на все наследие Владимира I Святославича и Владимира Мономаха, на все наследие князей Рюрикова дома. Борьба за киевское наследие была борьбой с Ордой, поскольку киевское наследие было наследием национальной независимости, национальной свободы. Борьба за киевское наследие была также борьбой за старейшинство московского князя среди всех русских князей; она означала борьбу за единство русского народа, а в будущем — за Смоленск, за Полоцк, за Чернигов, за Киев, она означала также тяжкий труд над образованием единого Русского государства.

Отсюда естественное на первых порах стремление судить обо всем «по старине и по пошлине» — на основе традиций эпохи независимости. В эпоху борьбы с Ордой это стремление к восстановлению старых традиций было явлением прогрессивного порядка. Только в будущем, в XVI и XVII веках, когда Русь была уже полностью независимой, этот первоначально творческий принцип стал препятствием на пути развития русской культуры, явившись как бы знаменем государственного консерватизма XVI—XVII веков.

Стремление к возрождению традиций эпохи независимости Руси характеризует и древнерусскую литературу второй половины XIV—XV веков.

Мысль обращается к независимому прошлому с желанием увидеть в нем будущее. Русские литературные произведения XI—XIII веков становятся образцами для создания новых. Заимствуются отдельные места, образы и идеи из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, из житий Бориса и Глеба, из Повести временных лет, из произведений Кирилла Туровского, из Киево-Печерского патерика, из «Слова о полку Игореве», из «Слова о погибели Русской земли», «Жития Александра Невского», «Повести о разорении Рязани Батыем» и проч. На этой основе создаются новые произведения, посвященные современности или ближайшему, не утратившему своего значения прошлому.

В этих условиях обращение к литературе времен национальной независимости с ее высоким и весьма искусным стилем (особенно в произведениях Илариона XI в., Кирилла Туровского XII в. и др.) совпало с аналогичными тенденциями нового литературного стиля, возникшего на Балканах. Новый стиль проник на Русь вместе с многочисленными памятниками письменности, которые были привезены беженцами с Балкан, но его привезли также и живые носители этого стиля — замечательные писатели — болгары по происхождению: митрополит Киприан и Григорий Цамблак. Значительно позже, в XV веке, его распространял на Руси и профессиональный писатель Пахомий Серб, писавший по заказам тексты служб и жития русским святым в Новгороде и Москве.

Переехав на Русь и став московским митрополитом, болгарин Киприан написал ряд сочинений, из которых значительнейшее — житие митрополита Петра. Московский митрополит Петр был первым, который окончательно перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву и здесь даже собственными руками построил себе в новом Успенском соборе гробницу, как бы утверждая этим «вечность» своего пребывания в новом церковном центре Руси. Киприан своим «Житием московского митрополита Петра» так же точно обосновывал свою связь с Москвой, а некоторыми деталями своего произведения подчеркнул общность своей судьбы с судьбой митрополита Петра. Болгарин Киприан на русской митрополичьей кафедре ощущал себя прежде всего главой русской церкви и москвичом.

Уже имевшееся до него житие Петра Киприан значительно переработал в новом стиле. По этой переработке мы ясно можем себе представить — что именно внес Киприан нового в свое житие митрополита Петра. Это новое заключалось прежде всего в том, что он добавил в житие чрезвычайно много личного. Никогда прежде биография святого не становилась в такой мере предметом для размышления о своей собственной судьбе. И это «новшество» очень типично для конца XIV века. Говоря о путешествии Петра в Константинополь для поставления в митрополиты, Киприан подчеркивает схожесть своих собственных затруднений в Константинополе с поставлением в русские митрополиты с теми затруднениями, которые встретил там же Петр и по тому же

поводу. Далее Киприан прямо вставляет в Житие Петра размышления о своих собственных злоключениях, когда его не хотел принимать в Москве Дмитрий Донской и он вынужден был жить некоторое время в Литве.

Связь своей судьбы с судьбой Петра Киприан обращает в нечто реальное, когда пишет о том, что, заболев в Царьграде, он обратился с молитвой к митрополиту Петру и молитва эта помогла ему: исчезли все тяжкие болезни. В Москве он с особенным усердием обращается к гробу Петра и молится Петру — как своему покровителю.

Эпическая тема — биография святого — разрешена в произведении Киприана как лирическая повесть. Это характерно для нового стиля — стиль этот лиричен в своей основе.

*

Стиль панегирической прозы XIV—XV веков в его русском варианте отмечен какой-то особой напряженностью поисков эмоциональной выразительности. Он понуждал авторов к усиленной работе, к неустанным поискам наилучшего выражения, свидетельствовал о высокой филологической культуре своего времени, был «неспокойным», и в нем ясно ощущалось стремление выразить особое, лирическое отношение к миру. Форма в нем требовательно подчинялась содержанию, он был связан с определенным мировоззрением, вернее — мироотношением, со стремлением взглянуть на окружающий мир со своей особой, индивидуальной точки зрения. Мы можем назвать этот стиль орнаментальной прозой и видеть в нем одно из проявлений усиления личностного начала в литературе.

Характерная черта нового стиля — появление единого «сверхсмысла», извлечение новых значений из сочетания слов, развитие контекста. Создаются различные эффекты ритма, игры словами, — особенно словами, имеющими общий корень, или словами синонимичными, близкими по значению.

Встает вопрос: не является ли это стремление к «контексту» выражением общего стремления эпохи к единству, с которым связан и культ троичности — «единства во множественности»? Гармония согласованных усилий, как и нравственные искания разного рода, становится в это время основной темой и литературы, и изобразительных искусств. Это — знамение времени, доминанта всего его изобразительного искусства, как и всей литературы.

Если в монументальном стиле предшествующих периодов основой единства было внешнее его оформление, монолитность и спаянность, отражающаяся в силе и тяжести, то теперь на первый план выступают внутренние явления монолитности. Единство как бы растет изнутри, освящает и одновременно освещает объект некиим внутренним светом. Это отчетливо заметно в зыбкой, колеблющейся, «играющей» прозе орнаментального стиля, так же как и в особом «сиянии» красок рублевской «Троицы», в пристрастии к «плави», к

различным формам передачи света (особенно в композиции «Преображения» — одном из излюбленных сюжетов этого времени).

О внутреннем свете очень часто говорят произведения панегирических жанров, и его же пытаются передать художники в своих произведениях. Об этом же говорит и ритмическая устремленность в вышину, которая все больше сказывается в произведениях архитектуры, особенно в XV веке.

Одна из характерных особенностей живописи этого времени — использование различных оттенков одного и того же цвета. Если для предшествующего времени была характерна многокрасочность, то в XV веке появляется использование разных оттенков синего (в «Троице» Рублева), красного (в новгородских иконах).

Не чистый цвет, а оттенки цвета и их сопоставления имеют очень большое значение в живописи XIV и XV веков. Художники второй половины XIV—XV веков стремятся к согласованию цвета, к единому ритму, пронизывающему всю композицию. Это мы видим и в произведениях Рублева, и в произведениях Феофана Грека, и во многих других, особенно лучших, созданиях того же времени.

*

Расцвет русской орнаментальной прозы падает на конец XIV—XV век и связан прежде всего с именем замечательного русского писателя Епифания Премудрого. В его произведениях орнаментальная проза достигла своего высшего и непревзойденного цветения. Ему принадлежат составленные в этом стиле «Житие Стефана Пермского» и дошедшее до нас в позднейшей переработке — «Житие Сергия Радонежского».

Последнее произведение особенно замечательно своим идейным содержанием.

Основатель ставшего самым знаменитым в Московском княжестве Троице-Сергиевого монастыря Сергий Радонежский всю жизнь прожил в монастыре не только полунищенской, но и трудовой жизнью.

Сквозь драгоценную узорчатость «плетения словес» с тем большим контрастом выступает перед читателем личная скромность Сергия и его тяжелая жизнь труженика и радетеля о Русской земле: ордынские нашествия, насилия московских воевод, жизнь в лесу среди диких зверей, постоянная нехватка пищи.

Сергий властен и силен. Сильный физически («имел силу против двух человек»), он силен и своим влиянием на народ.

«Житие Сергия Радонежского» состоит из отдельных рассказов с сюжетной законченностью. Многие из этих рассказов явно восходят к народным легендам о Сергии. Образ Сергия в этих легендах всегда один и тот же: он силен и сдержан, «дерзновенен» к властям и смирен перед Богом, скромен

и вместе с тем отличается большим чувством собственного достоинства. В сущности образ Сергия создан не Епифанием — он заключен уже в народных о нем рассказах. Стиль плетения похвал святому, который так ярко представлен в Житии Сергия и который так часто делал неправдоподобными все авторские восторги, здесь у Епифания органически связан с содержанием.

Орнаментальная проза панегирического стиля Епифания не является простой языковой игрой, бессодержательным орнаментом: нагромождение однокоренных слов или слов с ассонансами нужны для усиления экспрессии, нужны по смыслу. Ключевое слово, создающее плетенку, подчеркивает в тексте основное.[1]

*

Вернемся к тем культурным и, в частности, литературным связям, которые были восстановлены начиная с середины XIV века между Русью и Балканским полуостровом.

Реальные связи со странами Балканского полуострова были закреплены в обширной литературе путешествий, интерес к которым особенно проявляли новгородцы, чей Великий Город стоял на одной из важнейших торговых дорог Европы, хотя временно и прерванной во второй половине XIII века нашествием Батыя, а теперь возобновленной благодаря включению Новгорода в Ганзейский союз.

Новгородцы всегда были неутомимыми путешественниками, людьми книжными и ценителями искусств. Таким именно внимательным к культуре иных стран путешественником оказался Стефан Новгородец, составивший подробное описание Константинополя.

«Хождение Стефана Новгородца в Царьград» относится к 1348—1349 годам. Стефан пришел в Константинополь не один, а с «другы осемью». Кто были эти «другы», мы не знаем, так же как не знаем и цели, с которой приходил Стефан: был ли он торговым человеком или приходил в Царьград по делам новгородской церкви. Стефан описывает в Константинополе не только религиозные ценности, но и архитектуру, предметы искусства. Он обратил внимание на статую Юстиниана (для русского человека, не знавшего у себя на родине скульптурных монументов, эта статуя была особенно удивительна), описывает знаменитые колонны Софийского храма, отмечает статую Христа в «новой» базилике, колонну Константина Великого, перечисляет украшения и художественную утварь храмов. При этом Стефан прежде всего всюду обращает внимание на то, что отсутствовало у него на родине и что было для него самым необычным: помимо скульптуры — колонны, портики, описывает мра-

[1] См. подробнее: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 118—126.

мор — его твердость и цвет, подробно рассказывает об огромной гавани Константинополя и о морских судах.

Стефан, как и другие новгородские паломники, отмечает в своем «хождении» следы разрушений, причиненных Константинополю крестоносцами в 1204 году. И это невольно выдает в нем осведомленного человека, интересующегося памятниками искусства и их историей.

Кроме «Хождения» Стефана Новгородца, от XIV века дошли до нас еще два своеобразных «путеводителя» по Константинополю — «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда». Оба этих памятника составлены не очевидцами, а восходят к какому-то не дошедшему до нас третьему описанию Константинополя — может быть, принадлежащему Василию Калике — будущему новгородскому архиепископу Василию, написавшему послание к тверскому епископу Федору о земном рае.

И это послание Василия о земном рае характеризует тягу русских людей XIV века к далеким странам и далеким путешествиям. Василий описывает земной рай, который видели его «дети» — новгородцы.

Непосредственной темой послания Василия послужил спор о том, существует ли рай на земле, в котором жили Адам и Ева, или материальный рай погиб и есть только рай «мысленный», то есть идеальный, неземной.

Спор этот, довольно типичный для средневековья, касался одной из основ религиозного мировоззрения той эпохи. Несториане и яковиты, сторонники прямого и непосредственного понимания библейской истории, как реально существовавшей, верили в материальный рай на земле, доступ в который для людей крайне затруднен, но возможен. В этом споре глава новгородской церкви Василий становится на одну точку зрения с «еретиками».

Василий даже определяет место существования земного рая: «А в Паремии (т. е. в Ветхом завете. — *Д. Л.*) именуются четыре рѣкы, идуть из рая: Тигр, Нил, Фисонъ, Ефраксъ — со въстока, Нил же — под Египтомъ... течетъ же с высокых горъ, и еже суть от земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ, а верху его рахмане живуть».

Одна из деталей послания Василия делает его рассказ о новгородцах, нашедших земной рай, типично новгородским по своему вниманию к живописи, которой новгородцы славились далеко за пределами своего города. Горы, стеной отделяющие рай со стороны моря, имеют изображение деисуса: «...написанъ дѣисусъ лазоремъ чуднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскыма руками творенъ, но Божиею благодатью». Фантазия новгородцев клонилась, следовательно, к тому, чтобы и горы украсить фресками, написав их драгоценнейшим «лазорем», которого в действительности едва хватало на миниатюры. Тема деисуса тоже не случайна для ограды рая: «деисус», или «деисис», означает моление, которое возносят Богоматерь и другие святые к страшному судии мира Христу с просьбой о прощении грешников, — это тема

конца мира, Страшного суда, в результате которого определяются те, кто попадает в рай и кто пойдет в ад.

Тема конца мира характерна для времени больших исторических поворотов: читатели хотели судить о настоящем в свете всей человеческой истории — от ее начала и до грядущего конца.

В Москве первое обширное «хождение» в Царьград относится к 1389 году. Оно было составлено Игнатием Смольянином и описывало русское церковное посольство в Царьград, все перипетии борьбы за место митрополита московского и внутренние события византийской жизни, — в частности борьбу за византийский императорский престол между Иоанном II и Мануилом II. Игнатий присутствовал при восшествии на престол Мануила II и подробно описал церемонию, причем не забыл отметить и мотив бренности существования властителей, так интересовавший русских в XIV и XV веках и отразившийся несколько позже в «Сербской Александрии». После венчания Мануила II первыми поздравляют его «мраморницы и гробоздатели», принесшие ему на выбор для его будущей гробницы различные сорта мрамора. Гробовщики напоминают царю, что он смертен и тленен, что с сильных мира сего больше спросится на том свете, а поэтому царю надо особенно стремиться иметь «страх Господень, и смирение, и любовь, и милость».

Из других описаний путешествий отметим «Хождение» Зосимы, побывавшего в Иерусалиме и Константинополе в 1420-х годах. Сильнее, чем у многих других путешественников, отразились в «Хождении» Зосимы сочинения его предшественников — в частности, игумена Даниила начала XII века и уже упоминавшееся «Хождение» Стефана Новгородца.

*

Интерес к Константинополю и другим странам растет параллельно с интересом к всемирной истории. На Русь переносятся переведенные у болгар византийские хроники Иоанна Зонары и Константина Манассии. Последний со своей экспрессивной манерой повествования оказал огромное влияние на русскую историческую литературу XV—XVII веков. В «Хронике» Манассии большое внимание уделялось характеристикам исторических лиц, психологическим мотивировкам их действий, моральным сентенциям и нравоучительности. История предстояла перед читателем как огромная школа житейской мудрости. Все действующие лица резко делятся на положительных и отрицательных, и для оценки их действий автор не скупится на самые резкие или возвышенные эпитеты.

В составе «Хроники» Манассии русский читатель получил и новый вариант рассказа об осаде Трои ахейцами, обычно называемый «Притчей о кралех», многие подробности которой восходят к мифологическим поэмам

Овидия, а другие взяты из западной средневековой поэзии и сохраняют дух рыцарской куртуазности.

Особое значение в формировании нового исторического стиля на Руси, помимо «Хроники» Манассии, имели биографии сербских «кралей» — Стефана Немани, написанной его сыновьями Стефаном и Савой, и Стефана Лазаревича, написанной Константином Костенческим, а также «Жития и повести кралей Србския поморския земли», сложенные архиепископом Даниилом. Биографии эти были составлены пышно и имели целью приукрасить и возвысить сербскую династию Неманичей, независимость Сербии, прославить воинские доблести сербских «кралей» и их воинов. Это были панегирики сербским властителям, а в их лице и сербскому народу.

В бою сербские воины «женяаше (прогонял. — *Д. Л.*) един тысящю, а два двигнета тмы» (десятки тысяч. — *Д. Л.*). Сам Стефан Лазаревич именуется «громоименитым царем», смотреть на него было так же трудно, как на солнце, врагам он грозил как «молнийная стрела» и т. д.

Стиль этих пышных биографий повлиял и на русские биографии великих князей московских и тверских и продолжал влиять в течение всего XV и XVI веков, отразившись в русской «Степенной книге царского родословия» XVI века.

Интерес к всемирной истории был связан со стремлением осмыслить настоящее, найти философское утешение в размышлениях о превратностях судеб царств — даже самых могущественных, обрести надежду на освобождение. Вместе с тем в какой-то мере размышления над превратностями исторических судеб поднимали национальное самосознание, позволяли видеть судьбы Русской земли в перспективе всей мировой истории.

Появление историчности сознания — одна из характернейших и существеннейших черт Предвозрождения. Статичность предшествующего мира сменяется динамичностью нового. В домонгольский период время космическое; оно исчисляется по временам года, сменам дня и ночи; оно все повторимо; время — круговорот. В XIV и XV веках появляется сознание неповторимости эпох, событий, личности. Историзм органически связан с открытием ценности отдельной человеческой личности и с особым интересом к историческому прошлому.

Мир как история! — Понимание это соединено с антропоцентризмом. Представление об исторической изменяемости мира связано с интересом к душевной жизни человека, с представлением о мире как о движении, с динамизмом стиля. Мир понимается и воспринимается во времени, и показательно, что некий «сербин» устанавливает в Москве первые городские часы, а архиепископ Евфимий в Новгороде строит часозвоню.

Ничто не закончено, а поэтому и невыразимо словами; текущее время неуловимо. Его может лишь в известной мере воспроизвести поток речи,

динамичный и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды.

Если раньше история представлялась человеческому сознанию как цепь событий, то теперь она предстает и как смена состояний. Состояние зависимости от иноземной власти резко противостоит прежней независимости Руси.

С конца XIV века на основе летописей других княжеств и существования в самой Москве непрерывавшихся традиций ведения исторических записей усиленно развивается московское летописание. Московское летописание стремится охватить своими записями все русские земли, иначе говоря — стать летописанием общерусским. Используются летописи Твери, Владимира, Нижнего Новгорода, Ростова, Новгорода и других городов. Московские летописцы не только «записывают», но и осмысляют события, стараются извлечь из событий нравоучительный смысл, ищут в истории уроки нравственные, политические и даже просто военные. В летописание проникают элементы публицистические, что было так типично для летописания XI—XIII веков. Характерно, что киевская Повесть временных лет по-прежнему переписывается во главе русских летописей, подчеркивая тем самым «связь времен», общность исторических корней, происхождения русского народа и княжеского рода.

Наиболее значительное произведение московского летописания — это Троицкая летопись, использованная в свое время Н. М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» и сгоревшая в пожаре 1812 года, тогда же, когда сгорела и рукопись «Слова о полку Игореве». Текст Троицкой летописи был восстановлен по частям с разной степенью достоверности известным советским историком — М. Д. Приселковым.[1]

*

Интерес к недавней истории отразил замечательный цикл произведений, посвященных центральному событию эпохи — Куликовской битве: две летописные повести о Куликовской битве (краткая и пространная), поэтический отклик на сражение «за Доном» — «Задонщина», очень популярное в древней Руси «Сказание о Мамаевом побоище», а также «Слово о царе и великом князе Дмитрии Ивановиче».

В «Задонщине» имеется в начале текста такое место: «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову...»[2] Обычное понимание этого места такое: «...создадим произведение...» Но такого выражения нигде больше в древнерусских текстах не зафиксировано. Написание нового произведения, сочинительство, никогда не представлялось как «соединение слов».

---

[1] Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[2] Цитируется по списку Ундольского, но место это имеется и в других списках.

Вместе с тем выражения «приложить слово к слову», «составить слово» встречается довольно часто (например, в Киево-Печерском патерике), и оно означает соединение различных произведений в одно, сочинение произведения («слово» означает произведение, а не только слово — единица речи); «оставить слово» — прекратить рассказ.[1]

Следовательно, то место в «Задонщине», где говорится «составим слово к слову» следует переводить так: «сочиним „Слово" к „Слову" — на основе одного „Слова" составим другое». Напомним, что «Задонщина» — это научное название произведения о Куликовской битве, а в самом тексте оно называется «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андреѣвиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамая».

Оправдывается такое сопоставление старого слова и нового тем, что Дмитрий Донской потомок Владимира Киевского и киевских князей вообще.

Автор «Задонщины» последовательно сопоставляет события Донской битвы с событиями поражения Игоря Святославича, как они изображены в «Слове о полку Игореве», «ввергая печаль» на войско Мамая и воздавая славу Дмитрию и Владимиру Андреевичу словами «Слова о полку Игореве».

В «Слове о полку...» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск, которым грозит поражение. В «Задонщине» те же зловещие предзнаменования соответствуют походу войск Мамая.

В «Слове» «дети бесовы», то есть половцы, кликом поля перегородили, в «Задонщине» же русские сыны широкие поля кликом огородили.

В «Слове» «черна земля» посеяна костьми русских; в «Задонщине» — татарскими.

В «Слове» кости и кровь русских всходят тугою по Русской земле; в «Задонщине» восстонала земля татарская, бедами и тугою покрывшись.

В «Слове» тоска разлилась по Русской земле; в «Задонщине» по Русской земле простерлось веселие и буйство.

В «Слове» «поганые» приходили со всех сторон с победами на землю Русскую; в «Задонщине» же — «уныло царей их (татар. — *Д. Л.*) веселие и похвальба на Русскую землю».

«Задонщина» — была обращением к духовным и художественным богатствам «Слова о полку Игореве». Русская культура середины XIV—первой половины XV века была вся, как мы уже сказали, обращением к духовным богатствам эпохи независимости: в литературе, в политической и в церковной жизни, в эпосе, в архитектуре, в живописи и т. д.

---

[1] «Сицева же (такая же. — *Д. Л.*) бысть вещь по смерти блаженаго отца нашего Феодосиа, от преслушаниа сътворенное. Иже аще и несть зде лепо исповедати ея, но обаче по въспомяновение того придохом и сему подобно Слово к Слову приложим» (Абрамович Д. И. Киэво-Печерьский патерик. К., 1931. С. 59; ср. с. 78 — «оставим слово»).

«Задонщина» явилась своего рода символом этих реставрационных тенденций XIV—XV веков, возникших в связи с Куликовской победой. Она была попыткой изобразить победу Дмитрия Ивановича Донского как отплату за поражение Игоря Святославича — в тех же образах и выражениях.

Одно из самых распространенных в Древней Руси произведений — «Сказание о Мамаевом побоище». Оно известно в нескольких редакциях, по существу представляющих собою самостоятельные литературные произведения — обширные, часто иллюстрировавшиеся, включавшиеся в состав летописей. «Сказание...» создано после летописных повестей (краткой и пространной) о Куликовской победе и после «Задонщины», отрывки из которых оно включило в свой состав. Вместе с тем различные редакции «Сказания...» имели и самостоятельные источники, а одна из редакций, условно называемая «Печатной», испытала на себе и непосредственное влияние «Слова о полку Игореве». Многое отражено в «Сказании...» и по устным источникам. Только в «Сказании...» мы найдем рассказ о гадании по приметам накануне Куликовской битвы. Только в «Сказании...» читается эпизод с переодеванием Дмитрия перед сражением, рассказ о поединке Пересвета и татарского богатыря, рассказы о подвигах отдельных воинов, в числе их и о подвиге некоего Юрки-сапожника.

В целом же в «Сказании...» очень отчетливо проведена официальная точка зрения на события, на взаимоотношения светской власти и церковной, на роль Москвы и измену рязанского князя Олега.

«Сказание о Мамаевом побоище» замечательно тем, что в нем искусно сочетаются части, написанные в разных стилях. Есть места, в которых заметно «плетение словес» и панегирическая выспренность; есть части в характере народных плачей; есть, наконец, отдельные куски текста, описывающие фактическую сторону событий в летописном стиле.

Несомненно, что «Сказание...» — это очень значительное произведение, сравнительно большое по своим размерам, исполненное сознанием важности совершающегося как поворотного момента в русской истории.

Монументально-исторический стиль, который был так характерен для предшествующей литературы XI—начала XIV века, не исчез ни во второй половине XIV века, ни в XV веке. Он только приобрел иные формы, утратил единство, растворился в панегирическом стиле, в монументальном повествовании огромных летописных сводов, в разнообразии жанров, в которых на первый план выступали разные стороны монументализма и историзма.

*

После Куликовской победы золотоордынцы продолжали свои наступления на Русь, но эти наступления носили характер набегов, совершаемых быстро, «изгоном» и подготовляемых втайне. Эти набеги приносили огромные несчастья Русской земле, и рассказы о них отразились в летописи. Характер

этих рассказов был совершенно иным, чем произведения о Куликовской победе. В них мало лирики (разве что плачи по погибшим и сетования на причиненное разорение), но зато они рассудительно анализировали поведение русских военачальников и неприятеля, анализировали всю обстановку и придавали своему анализу публицистическую направленность. Объединять произведения о Куликовской победе и произведения о набегах золотоордынцев в единый жанр «воинских повестей», как это часто делается, невозможно. В последних перед нами живая публицистика. Их пафос в исправлении создавшегося положения, при котором русское население часто оставалось совершенно беззащитным. Но это и не былые «повести о княжеских преступлениях», каких было много в XII—XIII веках. Повести о набегах золотоордынцев анализируют всю обстановку, тактику наступающего врага, тактику обороны, поведение различных слоев населения, международное положение Москвы и политику отдельных княжеств. Перед нами сложнейшее литературное явление, в котором ощущается опыт многих поколений, оказавшихся под игом монголо-татар.

В 1382 году татарский хан Тохтамыш внезапно подошел к Москве с большим войском. Дмитрий Донской был застигнут врасплох и не смог собрать крупного войска для защиты Москвы. Обращение за помощью к другим русским князьям не имело успеха. Он отступил от Москвы, оставив горожан самих оборонять город, и стал собирать войско на севере. Татары обманом взяли Кремль, разграбили и пожгли всю Москву.

«Повесть о нашествии Тохтамыша» дошла в двух редакциях с двумя различными тенденциями. В одной из повестей, написанной для летописи митрополита Киприана, главная роль в защите Москвы принадлежит литовскому князю Остею. И это понятно: митрополит Киприан, осознававший себя главой православной церкви как на Руси, так и в Литве, хотел укорить московского князя и воевод, оставивших свое население на произвол судьбы, примером литовских князей. По другой редакции, составленной несколько позднее, город обороняют сами жители, особенно купцы — «суконники и сурожане», то есть купцы, ведшие далекую торговлю с заморскими странами через крымский город Сурож (Судак). Эта последняя редакция «Повести о нашествии Тохтамыша» наиболее интересна.

«Повесть...» начинается с указания на небесные знамения: появление «хвостатой звезды» (кометы), предвозвестившей «злое пришествие Тохтамышево». Описана рознь князей, не пошедших на зов Дмитрия Донского. Защищают город сами горожане, оказавшиеся без князя. Горожане силой удерживали тех, кто хотел бежать из города, который был «аки море в велице бури». Автор на стороне горожан, которые готовились к обороне с молитвою и надеялись на Бога, и не разделяет самоуверенности тех, кто, упившись медом, хвастливо заявлял, что не сдадут города, в котором и «стены камены и врата железна». Тем не менее и автор повести признает, что москвичи не сдали бы

города, если бы не поверили лживым посулам врагов. Особенно отмечает он подвиг некоего «суконника Адама», который попал стрелою прямо в «сердце гневливое» сына ордынского хана. С чувством гордости описывает автор «сильную» стрельбу горожан по осаждавшим из пороков, самострелов и пушек.

С горечью осуждает автор вторичную измену рязанского князя Олега, уже ранее предавшего русское войско перед Куликовской битвой и указавшего путь войску Тохтамыша на Москву. С иронией сообщает он о том, что на обратном пути войска Тохтамыша пограбили Рязанскую землю.

Отдельные формулы «Повести о нашествии Тохтамыша» заимствованы из «Повести о разорении Рязани Батыем», особенно те, в которых передается плач по опустошенной Москве, но общее содержание повести, ее своеобразный нравоучительный тон, попытка глубоко разобраться в исторических событиях вводятся в литературу впервые.

Иной характер носит «Повесть о Тамерлане», или, как его называют русские летописи, о Темир-Аксаке — Железном Хромце. Здесь повествователя интересует по преимуществу личность легендарного завоевателя, покорившего половину тогдашнего мира, но не дошедшего до Москвы в 1395 году и повернувшего назад.

Впереди Тамерлана разносятся вести о его завоеваниях, бесчисленных победах и всесветном могуществе. Жизнь Тамерлана рисуется как своего рода феномен — игралище судьбы. Он стал фантастическим героем из сына бедного раба. Он был мелким вором, «ябедником», «лютым разбойником», его поймали с украденной овцой, нещадно били, и он, охромев, принужден был сковать себе железную ногу. Железо — символ жестокости, и вся дальнейшая его судьба как бы выросла из этого несчастного случая. «Железный Хромец» собрал вокруг себя таких же разбойников, а затем и бесчисленные войска, завоевал многие страны и отступил от Москвы только благодаря чудесной помощи Богоматери. В Москву перед тем была перенесена икона Владимирской Божьей Матери, и именно она, одетая в багряные одежды жена, в сопровождении святителей явилась Тамерлану во сне и приказала повернуть назад. «Повесть...» полна церковного красноречия, и в ней явственно ощущается религиозный характер.

Третья повесть снова нравоучительного и публицистического характера — это «Сказание о нашествии Едигея в 1408 году».

Хан Едигей скрытно вторгся на Русскую землю и подошел к Москве. Великий князь Василий Дмитриевич, как и Дмитрий Донской при нашествии Тохтамыша, ушел на север. Едигей разорил почти все московские области и, взяв «окуп», ушел назад. Этот внезапный набег опять послужил поводом к обширному нравоучению русским князьям, недостаточно оберегающим русские земли от тайных набегов, и снова в пример беспечности русским ставятся осторожные литовские князья.

По поводу повести об Едигее Н. М. Карамзин писал: «Описанием Едигеева нашествия заключается харатейный Троицкий летописец».[1] Троицкая летопись — это важнейшая московская летопись самого начала XV века, и если она заключалась именно этим произведением, то, следовательно, ему придавалось большое значение: это был как бы вывод из предшествующей московской истории, наставление московским князьям, да и всем москвичам.

По-видимому, «Сказание о нашествии Едигея в 1408 году» было написано несколько раньше составления Троицкой летописи, еще во Владимире, куда в 1408 году удалился митрополичий двор во время нашествия Едигея, а затем использовано для заключительной части этого свода. При включении «Сказания...» в конце летописи оно было несколько расширено и обрамлено рассуждениями летописца, повторившими основную мысль «Сказания...». Эта основная мысль автора «Сказания...» состоит в том, что исконные враги русской независимости — не Литва, а степные народы. Многочисленные исторические ссылки автора говорят о том, что он был внимательным читателем Повести временных лет: «...не сихъ ради преже Киеву и Чернигову бѣды прилучишася, иже имѣюще брань межи собою, подимающе пловци на помощь, наважаху братъ на брата, да и первое наимуюче ихъ, сребро издааше из земля своея. А половци, исмотривше руский наряд (русское вооружение и расстановку войск. — *Д. Л.*), по сем самим одолѣша».

Автор протестует против того, что князья пользуются «половецкою», то есть татарскою, помощью, а татары, высмотревши расположение и «наряд» русских, тем удобнее затем на них нападают. Он обращает внимание своих читателей на назидательный смысл истории взаимоотношения русских со степными народами: «...разумѣти же убо нам лѣпо есть на семь и памятовати, хотящим по сих любовь имѣти съ иноплеменники». Когда пограничные отряды Едигея пришли, чтобы помочь русским против Витовта, «старци же сего не похвалиша, глаголюще: „Добра ли се будеть дума юных наших бояръ, иже приведоша половець на помощь?"» Резкому осуждению подвергнуты в «Сказании...» и нерешительные действия русских войск. По поводу оставления великим князем Москвы перед приходом войск Едигея летописец вставил цитату из псалма, не оставляющую никаких сомнений в цели ее применения: «Добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя».

Но взгляд на степные народы как на главных врагов Руси и доказываемая с этой точки зрения необходимость союза Руси и Литвы против их общего врага — ордынцев не помешали автору «Сказания...» протестовать против оказываемого тем же литовцам чрезмерного внимания в Москве. Особенному осуждению подвергся в летописи князь Василий Дмитриевич за то, что отдал

---

[1] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. СПб., 1892. Примечания. С. 71 (примеч. 207).

Свидригайлу, «ляху верою» (т. е. католику), кафедральный город митрополита всея Руси — Владимир. В «Сказание...» вставлена похвальная характеристика города Владимира как стола Русской земли, «мати градом» русским (термин, заимствованный из Повести временных лет, где он применен к Киеву), города пречистой Богоматери, в котором «князи велиции рустии первосѣдание и столъ земля Русскыя приемлють».

Не случайно, что «Сказание о нашествии Едигия», как и вся московская летопись, опирается в обоих общеисторических рассуждениях на Повесть временных лет. Примером «великого Селивестра Выдобыжского» оправдывает составитель «Сказания...» смелость своих обличений князей. Автор заверяет «властодержцев», которые прочтут его труд, что он писал его не ради того, чтобы досадить им, не из зависти к их чести, но по примеру «начального летословца киевского», который «вся временнобогатства земская не обинуяся показуеть». Автор ссылается на пример первых наших «властодержцев», которые повелевали без гнева описывать все случившееся — доброе и недоброе. Он ссылается на пример того почета, которым окружил Владимир Мономах Сильвестра Выдубицкого, описывавшего события русской истории без прикрас («не украшая пишущего»). Он просит «наших» властодержцев (т. е. в первую очередь московского князя Василия Дмитриевича) последовать примеру древних князей и слушать старцев, «ибо красота граду есть старчество». Таким образом, русская литература времен независимости Руси давала не только образцы для подражания и некий политический идеал, но и моральные уроки, уроки нравственной мудрости.

*

Несколько обособленно развивалась литература Новгорода. Традиции государственной независимости от Киева, а впоследствии от северо-восточных русских княжеств были в Новгороде чрезвычайно сильны, а умственная жизнь особенно интенсивна, благодаря чему здесь постоянно возникали ереси, расцветал политический сепаратизм.

Обращение к эпохе независимости Руси приобрело в Новгороде особую форму. Если в Москве и окружавших ее княжествах это было по преимуществу обращение к Киевской и Владимиро-Суздальской старине, то в Новгороде, сохранявшем и оборонявшем свою независимость от северо-восточных княжеств, это обращение к старине направлялось на возрождение только своей, новгородской, старины.

В старых формах восстанавливается Николо-Дворищенский собор (в XIV в.) и церковь Параскевы Пятницы на Торгу (в 1345 г.).

Чем сильнее была опасность присоединения Новгорода к Москве, тем интенсивнее шло возрождение новгородской старины.

Во второй четверти XV века выделяется как энергичный политик, покровитель искусств и письменности архиепископ Евфимий II (годы его архиепископства: 1429—1459). Лихорадочная строительная деятельность Евфимия II свидетельствует о его стремлении утвердить независимость Новгорода, его самостоятельность и могущество. Евфимий II обстраивает новыми зданиями владычный двор Новгородского Детинца, строит на Софийской и Торговой сторонах, строит в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыни и т. д. Некоторые здания он воздвигает с помощью западных мастеров, в других возрождает, иногда даже с некоторой утрировкой (церковь Ильи на Славне), старые новгородские формы XII века.

В письменности Евфимий II укрепляет антимосковские и сепаратистские тенденции, возрождает интерес к новгородской старине, воскрешает различные предания и легенды, стремится создать свой, новгородский, круг святых и организовать свои формы их почитания. Евфимий II учреждает обряд поминовения новгородских князей и святителей, торжественно открывает мощи двух новгородских святых: Варлаама Хутынского и архиепископа Иоанна, известного своею борьбой в XII веке с Владимиро-Суздальским, Рязанским и другими княжествами.

При Евфимии II около 1432 года создается обширный владычный летописный свод Софийского временника — летописи, ведшейся при Софийском соборе. Создаются и другие летописные своды, впоследствии присоединенные к московскому летописанию.

В 1436 году произошло открытие мощей архиепископа Иоанна, при котором в 1169 году совершилось «чудесное» спасение Новгорода от подступивших к нему войск северо-восточных княжеств. Мощи Иоанна были торжественно перенесены в Софийский собор, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и чуда спасения Новгорода от войск суздальцев в 1169 году создается при Евфимии II цикл легенд: своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличивание новгородского прошлого несколько позднее обставлено было и другой легендой. Под 1439 годом Новгородская летопись сохранила сказание пономаря Аарона. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверми», то есть теми, которыми перестали пользоваться, вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконою Корсунской Божьей Матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот, «бысть радостен о таковом явлении», велел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников. Это чествование привело к тому, что многие устные легенды о новгородских архиепископах были записаны, получили литературную форму.

Из цикла сказаний, связанных с архиепископом Иоанном, особенный литературный интерес имеет легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим. В повести много бытовых, натуралистических подробностей, сближающих ее по своему типу с рассказами Киево-Печерского патерика, с одной стороны, и с народными сказками — с другой. Повесть как бы соткана из целого ряда ходячих мотивов. Таковы, например, распространенные мотивы о бесе или бесах, которых святой заставляет на себя работать (например, при построении монастыря), мотив плавания против течения (против течения плывут часто мощи святых, иконы), мотив прибытия святого в монастырь по воде (например, в «Житии Антония Римлянина»), мотив беса, оборачивающегося каким-либо животным, женщиной (обычно при искушениях), мотив самоотворяющихся дверей и самозажигающихся свечей при появлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе (в сказках, из которых он перекочевал, между прочим, в «Ночь перед Рождеством» Гоголя) и проч.

Центральная легенда цикла, связанного с архиепископом Иоанном, — легенда о чудесном спасении Новгорода во время его осады суздальцами в 1169 году. Наибольшую популярность эта легенда получила в обработке югославянского ритора Пахомия Серба, которого Евфимий пригласил в Новгород для своих многочисленных литературных начинаний и для создания церковного почитания новых новгородских святых. Пахомий прибыл в Новгород с Афона не ранее 1429 и не позднее 1438 года. Простые и непосредственные новгородские рассказы о битве суздальцев с новгородцами Пахомий «удобрил» витиеватым красноречием, искусно добиваясь ритмической гладкости слога, необходимого в богослужении, и усилил их назидательный смысл.

Легенда о чуде с суздальцами возникла, очевидно, в XIII—XIV веках и проникла в письменность еще до ее Пахомиевской обработки. Скромный рассказ летописи об отражении в 1169 году приступа суздальцев, в котором тема чуда еще отсутствовала, был заменен в новгородской летописи новым — с особым заголовком: «О знамении святей Богородици». Рассказ этот повествует о том, как в Новгороде во время осады его суздальцами оказались лишь «князь Роман молод» да владыка Иоанн и посадник Якун. Для отражения приступа вынесли на забрало острога из церкви Спаса на Ильине улице икону Знамения. Три дня съезжались суздальцы, «попустиша стрелы, аки дождь умножен на острог». Икона оборотилась лицом к городу, спиной к осаждавшим суздальцам, и «паде на них тма на поле, и ослепоша вси». Новгородцы, выйдя из острога против суздальцев, «овых избиша, а другыя изымааше, а прок их зде отбѣгоша». «И продавааху суздальца по две ногате» (Софийская первая летопись).

Этот краткий рассказ Пахомий Серб дополнил некоторыми, очевидно, устными известиями, а кое в чем развил от себя, воспользовавшись для этого версиями северо-восточных летописей. Летописец-суздалец не знает чуда с

иконою Знамения на забрале у Десятинной церкви, но он повествует зато о том, как в трех новгородских церквах на трех иконах заплакала Богородица, предвидя наказание новгородцам от Бога за их грехи. Пахомий в своем «Похвальном слове Знамению» изобразил дело так, что плакала вынесенная на забрала Богородица, раненная стрелою суздальцев, а владыка Иоанн собрал слезы ее в свой «мафорий» (омофор). В «Слове» Пахомия события схематизированы и лишены всяких конкретизирующих деталей, местного и исторического колорита. Поход на Новгород соединенных сил суздальцев, половчан, рязанцев и прочих изображен как поход одного великого князя, которого Пахомий называет «лютым фараоном». Походу придана порочащая «психологическая» мотивировка в обычной, традиционной манере: «Завистью разгорелся и, собрав вои от различных стран, покушашеся ити на предъреченный град» — Новгород. Перед походом — опять-таки по литературной традиции — Андрею посылается Богом предостережение: болезнь. «Но ума ненаказаннаго никтоже исцелити не възможе». Андрей Боголюбский сравнивается с лютым фараоном, а защитник Новгорода архиепископ Иоанн объявляется мужем совершенным в добродетели. Описание осады заменено общей фразой, что осаждавшие «творяще елика обычнаа пленующемъ дѣлати и град раздрушати». В трафаретном описании приступа («стрѣлы якоже дождь» и проч.) Пахомий допускает явные анахронизмы, вводя в дело современную ему, но еще отсутствовавшую в XII веке артиллерию («и громы каменных метании»). Описание самого чуда прерывается лирическим восклицанием: «О чюднаго ти посещения, Владычице! О неизреченной помощи твоей, Пречистаа!» Кроме того, введены длинные речи-молитвы Иоанна, ответный «глас свыше» и проч. За фактической частью изложения в «Слове» следовало традиционное «радование» Богоматери, заканчивавшееся отнюдь не традиционным радованием Новгороду: «...радуйся и ты, Великий Новъград, сподобивыйся такового неизреченного таинства». Заканчивается «Слово» молитвой, традиционные слова которой должны были звучать в обстановке середины XV века особенно остро: молитва заключалась прошением об избавлении «града нашего» «от глада, губительства, труса, и потопа, нашествия иноплеменникь». Под «иноплеменниками», очевидно, разумелись суздальцы...

Кроме произведений, посвященных обороне Новгорода в 1169 году, Пахомий в первый свой приезд в Новгород при Евфимии II написал «Службу Варлааму Хутынскому», «Похвальное слово» ему же и «Житие Варлаама». По утверждению Пахомия, он пользовался при составлении жития устными рассказами монахов Хутынского монастыря, но на самом деле в фактической части жития лишь перефразировал вторую редакцию имевшегося уже перед тем жития, в прочей же части прибег к обычному своему «плетению глагол». Житие Варлаама Хутынского сохранилось в большом числе списков, что объясняется, однако, не столько литературными достоинствами труда Пахомия, сколько

популярностью святого, имя которого символизировало времена могущества Новгорода.

*

Во второй четверти XV века произошло событие, снова насторожившее русских церковных и государственных деятелей против всего того, что шло на Русь из Византии и западных стран.

В 1439 году во Флоренции состоялся церковный собор, на котором была провозглашена уния восточной и западной христианских церквей. Русская церковь была представлена митрополитом Исидором, признавшим унию. В Москве эта уния не была принята и Исидора взяли под стражу, после чего он бежал из России. Ферраро-Флорентийский собор усилил то недоверчивое отношение, которое существовало на Руси к католической церкви, и это сыграло отрицательную роль в развитии русской культуры, накрепко отделив ее от Запада идеологическими преградами. Однако само путешествие на собор вызвало три его описания, в которых не уделялось особого внимания церковным вопросам, но зато описывались немецкие и итальянские города, а в одном из рассказов, принадлежащем суздальцу Авраамию, было дано подробное описание театрального представления. Авраамий восхищенно описал, как в одной из флорентийских церквей представлялась мистерия Фео Белькари «Благовещение». Авраамий понял содержание мистерии, привел переводы диалогов, хотя, по-видимому, не знал языка, но особенно подробно остановился на сценических ухищрениях, костюмах, декорациях, танцах, назвав все представление «чюдным видением и хитрым деланием».

*

Мы наметили только некоторые темы этого значительнейшего периода в развитии русской литературы и остановились на отдельных литературных жанрах, которыми была столь богата эта переломная эпоха в русской культуре. Перелом совершился не только от упадка к расцвету, но и от статичного монументализма предшествующей эпохи к новому динамическому стилю, стилю эмоциональному, стремящемуся представить внутреннюю жизнь человека, — стилю, в котором все отчетливее звучали личностное начало и индивидуальные особенности авторства.

Эпоху конца XIV — первой половины XV века было бы легко сопоставить с явлениями Возрождения на юге и севере Западной Европы, увидеть в России конца XIV—начала XV века элементы Возрождения. И они действительно были, но резкое отличие заключалось в том, что сопутствующее Возрождению светское начало вовсе не возросло в России. Объяснялось это прежде всего тем, что борьба за национальную независимость имела отчасти религиозные формы: она выливалась в формы борьбы христианства с мусульманством.

Поэтому-то, между прочим, в повестях о Куликовской победе доля церковного элемента значительно больше, чем в «Слове о полку Игореве», а во всей русской литературе этого времени заметно усиление мистического элемента. Но главная черта литературы этого времени — национальный подъем, подъем национального самосознания, подъем глубокого интереса к родной истории и ко времени государственной и народной независимости Руси.

Д. С. Лихачев

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

XIV — середина XV века

ХОЖДЕНИЕ СТЕФАНА НОВГОРОДЦА

ОТ СТРАННИКА СТЕФАНОВА НОВОГОРОДЦА

Азъ, грѣшный Стефанъ из Великаго Новагорода, съ своими другы осмью приидох въ Царьградъ* поклонитися святым мѣстом и цѣловати телеса святых. И помилова ны Богъ святыи Софеи Премудрость Божия. В недѣлю Страстную *приидохом* въ град, и идохомъ къ святѣй Софеи.*

Ту стоить столпъ чюденъ* вельми толстотою и высотою и красотою, издалеча с моря видѣти его. И на *верху* его сѣдить Иустинианъ Великы на конѣ велми чюденъ: аки живъ, в доспѣсѣ сороцинском, грозно видѣти его, а в руцѣ яблоко злато велико, а вь яблоцѣ крестъ, а правую руку от себе простеръ буйно на полъдни на Сороциньскую землю, къ Иерусалиму. Суть же инии стлъпове мнози по граду стоятъ от камени мрамора, много на них писаниа от връха и до долу писано рытию великою. Много дивитися и умъ не можеть сказати: желѣзо камени того не иметь.

А от того столпа Устинианова внити въ двери святыя Софии в первыя двери, поступивъ мало — въ другия, и 3-е, и 4-е, и 5-е, и в шестые, тож в седмые двери внити въ святую Софѣю, великую церковь. И, пошед мало, обратитися на западъ и възрѣти горѣ на двери: ту стоит икона святы Спасъ. О той иконѣ рѣчь в книгах пишется, того мы не можем исписати. Ту бо поганы иконоборец лѣствицю пристави, въсъхотѣ съдрати вѣнець златый, и святая Феодосиа опроверже лѣствицю и расзби поганина, и ту святую заклаша рогом козьим.

И оттоле мало пошед, видѣхомъ множьство народа, цѣлующе Страсти Господни,* и възрадовахомся велми, зане бо без слезъ не мощно приити къ Страстем Господнимъ. И ту видѣ нас царевъ боляринъ, ему же имя протостратарь,* и допровади ны до Страстей Господних, Бога ради, и цѣловахомъ, грѣшнии. По той же сторонѣ, поступивше мало, ту на стѣнѣ Спасъ, мусеею утворенъ, и вода святая от язвъ гвоздинных от ногу его идет, и ту цѣловахом; и помазаша ны масломъ и *напои* водою святою. И ту стоятъ столпове от камени

ХОЖДЕНИЕ СТЕФАНА НОВГОРОДЦА

ИЗ СТРАННИКА СТЕФАНА НОВГОРОДЦА

Я, грешный Стефан из Великого Новгорода, с восемью спутниками своими пришел в Царьград поклониться святым местам и приложиться к мощам святых. И помиловал нас Бог заступничеством святой Софии Премудрости Божьей. В Страстную неделю пришли мы в город и пошли к святой Софии.

Тут стоит столп, изумительный своей толщиной, и высотой, и красотою, издалека с моря видно его. А наверху его Юстиниан Великий сидит на коне, достойный великого удивления: как живой, в доспехе сарацинском, трепет охватывает при виде его; а в руке у него большое золотое яблоко, а на яблоке крест, а правую руку отважно простер на юг, к Сарацинской земле, к Иерусалиму. И множество других столпов в городе стоит из камня мрамора, много на них, от самого верха и до низа, надписей и украшений, искусно вырезанных. Очень это удивительно и уму непостижимо: железо камня того не берет.

А пойдя от того столпа Юстинианова, можно войти в двери святой Софии, в первые двери, отступя немного — в другие, и в третьи, и в четвертые, и в пятые, и в шестые, также и в седьмые двери можно войти в святую Софию, великую церковь. И, пройдя немного, нужно повернуть на запад, и посмотреть вверх на двери: тут стоит икона святого Спаса. О той иконе написан рассказ в книгах, которого мы не можем здесь переписать. Тут ведь поганый иконоборец приставил лестницу, хотя содрать венец золотой с иконы, и святая Феодосия оттолкнула лестницу и погубила поганого, и тогда святую закололи козьим рогом.

И оттуда немного пройдя, увидели мы множество людей, которые прикладывались к Страстям Господним, и сильно возрадовались, потому что ведь нельзя без слез прийти к Страстям Господним. И тут увидел нас царев боярин, который зовется протостратором, и он провел нас к Страстям Господним, Бога ради, и приложились мы к ним, грешные. По этой же стороне, отступя немного, на стене Спас, изображенный мозаикой, и течет святая вода из ран от гвоздей на ногах его, и приложились мы к нему; и помазали нас маслом, и

краснаго мрамора, довани чюдно, в них же лежать мощи святых.* Ту люди прикасаются, идѣже кого болить, здравие приемлют. И ту видѣ нас святый патриархъ Царяграда, ему же имя — Исидоръ,* и цѣловахом в руку его, понеже бо велми любить Русь. О великое чюдо смирениа святых! Не наш обычай имѣютъ.

Оттолѣ идохомъ къ святому Арсению патриарху и цѣловахом тѣло его, и помаза ны старець маслом его. И то все идет посолнь въ церкви той.

И оттолѣ пошедше въ двери из церкви, итти промеж стѣнъ со свѣщею, обходя акы кругомъ.

Тамо же стоить икона святы Спасъ велми чюдна, и то зовется Елеоня гора,* по подобию, якоже и въ Иерусалимѣ. Оттоле, пошед къ олтарю, стоятъ столпи велми красны, подобни аспиду; ту же есть в великомъ олтарѣ колодяз, от святаго Иердана явися. Стражи бо церковнии выняша изь кладязя пахирь, и познаша калики руския. Греци же не яша вѣры, русь же рѣша: «Нашь пахирь есть, — мы купахомся и изронихом на Иерданѣ, а во днѣ его злато запечатано». И разбивше ставець и обрѣтоша злато, и много дивишася, се бо чюдо сътворися Божиим повелѣниемъ, то ся нарече «Иерданъ».

И вышедше из великого олтаря на лѣвую руку посолнь — и ту кандило велико с маслом *стькляно* падеся от высоты и не разбися, ни огнь не угасе. Аще бы желѣзно было, то да бы ся разбило, но нѣкая сила невидимая поставила на камени. И ту близ трапеза каменна святого Авраама, ему же Богъ въ Троици явися под дубом Амаврийскым; той дубъ зелено лѣствие имѣет и зимѣ и лѣтѣ, и до скончяниа вѣку, огороженъ каменем высоко, сороцина стрегуть его. Ту же одръ лежить желѣзенъ, на нем же святых мученикъ мучиша, поставивше на огнѣ. Ў того одра множество люди приходитъ и приемлють исцѣление, и цѣловахом его. И ту стоятъ стлъпове от камени багряна, красни велми, пропестри, аспиду подобни; видети в них человѣку лица своего образ, аки в зерцало; от великого Рима привезени суть.

Имать же святый Софеи множьство кладязъ съ сладкими водами, оприч тѣх, иже въ стѣнах церковных и промежу стѣнъ, и не познати их равно со дном, рекше, помостом церковным. Суть же колца желѣзны вбиваны въ мраморъ, мрамор бо зовется камень гладокъ и красенъ вельми. Тако же и кандилъ множество неисчетно въ святой Софии: иная же въ предѣлех и в комарах, а инии въ стѣнах и промежи стѣнъ и во улицах церковных, идѣже иконы великыя стоят, и ту кандила с маслом древяным горят. И ту, грѣшнии, приходихом съ слезами и радостию, по силѣ свѣщи подавахом, тако же и у мощей святых. Святы Софеи имат дверей 365, тако же и престолов, окованы хитро велми. Инии же от них загражени за оскудѣние.

напоили водою святой. И тут стоят столпы из камня, красного мрамора, искусно окованные, а в них лежат мощи святых. К ним люди прикасаются тем местом, которое болит, и выздоравливают. И тут увидал нас святой патриарх Царьграда, а имя его — Исидор, и мы приложились к руке его, потому что он очень любит Русь. О великое чудо смирения святых! Не наш у них обычай.

Оттуда пошли мы к святому Арсению-патриарху и приложились к мощам его, и помазал нас старец маслом с гробницы его. И все это следует одно за другим в церкви той, если идти посолонь.

И оттуда пошли мы в двери из церкви, передвигаясь по галереям со свечою, обходя церковь как бы вокруг.

Там же стоит дивная икона святого Спаса, и это называется Елеонская гора, подобно тому, как и в Иерусалиме. Оттуда, если идти к алтарю, стоят столпы очень красивые, как будто из яшмы. Тут же в великом алтаре есть колодец, который водой наполнился от святой реки Иордана. Вот как стало это известно: стражи церковные нашли в колодце ковш, а ковш этот признали своим странники русские. Греки же не поверили, тогда русские сказали: «Наш это ковш, — мы купались в Иордане и уронили его, а в дне его сокрыто золото». И разбили ковш, и нашли золото, и сильно изумились; это чудо свершилось по Божьему повелению, поэтому колодец тот называется «Иордан».

И если пойти от великого алтаря налево посолонь — тут огромная лампада стеклянная, наполненная маслом; однажды упала она сверху и не разбилась, и огонь не погас. Если бы даже железной была, то и тогда разбилась бы, но эту некая сила невидимая поставила невредимой на камне. И тут вблизи алтарь каменный святого Авраама, ему же Бог в Троице явился под дубом Мамврийским (тот дуб стоит с зелеными листьями и зимой, и летом, и так до скончания века, огражден он высокой каменной оградой, и сарацины охраняют его). Тут же и ложе находится железное, на котором святых мучеников мучили, ставя ложе на огонь. К тому ложу множество людей приходит и исцеляются, и мы приложились к нему. И тут стоят столпы из камня багрового цвета, с разводами, очень красивые, будто из яшмы; и человек видит в них свое лицо, словно в зеркале; привезены они из великого Рима.

В святой Софии множество колодцев с очень вкусной водой, кроме тех, которые имеются в стенах церковных и в галереях, и их трудно заметить, так как они вровень с полом, то есть с помостом церковным. В мрамор (а мрамором называется камень гладкий и очень красивый) вбиты железные кольца. И лампад несчетное множество в святой Софии: одни в приделах и в нишах, а другие — на стенах, и между стен, и в церковных галереях, где великие иконы стоят, и тут лампады с деревянным маслом горят. И мы, грешные, ходили здесь, плача и радуясь, и, по силе своей, жертвовали свечи, и ставили их у мощей святых. В святой Софии триста шестьдесят пять дверей и столько же престолов, и двери окованы очень искусно. Некоторые же из них замурованы из-за оскудения средств.

А о святѣй Премудрости Божии умъ человѣчь не может сказати и исчести, но что видѣхом, и написахом.

Идучи же от святыа Софии мимо столпъ Иустиниановъ, мимо малы тръгъ, нарицаемы Милии, мимо святаго Феодора, на гору поити великою улицею — Царевым путемъ. Подшед не далече доброго стрѣлца перестрѣлъ, ту стоить столпъ правовѣрнаго царя Констянтина от багряна камени, от Рима привезенъ. На връх его крестъ, в том же столпѣ 12 коша укрух,* ту же и секира Ноева лежит. Ту патриархъ лѣто провожаеть.

И оттоле идохомъ назад къ святѣй Софеи, ту близ церкви великия Ирина святая,* а оттоле недалече святая Богородица монастырь женскы, зовомъ Итерапиотица, ту лежит святая Евдокиа. И оттуду на подолъ к морю идучи, святы велики мученикъ Георгий, нарицаем Ирюни, рекше — «Непобѣдимая сила». Ту стоят Страсти Господня, замчены и запечатаны царевою печатию. На Страстной недѣли царь сам с патриархом отпечатывают и цѣлуют, а потомъ не възможно их видѣти никомуже. Ту лежит тѣло святы Анны, и цѣловахом, грѣшнии. И ту за стѣною над морем явися Христосъ самъ, и ту церковь, нарицаемая «Христос стоит», ту лежит множество болящих, и от инѣх градов привозят, и приимают исцѣлениа. И ту лежит святы Аверкии, и цѣловахом тѣло его. То бо мѣсто подобно есть *Силуямли* купѣли, иже въ Иерусалимѣ.

И оттоле идохомъ в монастыръ святыя Богородица, иже зовется Перечь.* Ту лежит глава Иоанна Златоустаго,* и поклонихомся и цѣловахом. И оттолѣ идохом в монастырь Понахрандов,* ту — глава святаго Василиа.* И оттоле не далече монастырь *Пандънасу*,* и ту суть Страсти Господни, на двое раздѣлены.

И оттоле идохом, въ вторникъ, къ святѣй Богородици выходнѣй иконѣ,* ту бо икону Лука евангелистъ написалъ, позираа на самую госпожу дѣвицу Богородицю, и еще живе й сущи. Ту икону въ въсякой вторникъ выносят. Чюдно велми зрѣти: ту сходится весь народ, и из градовъ. Икона же та велика велми, окована гораздо, и пѣвци пред нею поют красно, а народи вси зовут: «Кирьелѣсонъ», с плачем. Единому человѣку въставят на плеща встанно, а он руцѣ распрострет, аки распятъ, тако же и очи ему запровръжеть, видети грозно, по буевищу мычет его сѣмо и овамо, велми силно повертывает им, а онъ не помнит ся куды его икона носит. Потом другий похватить, и той тако же, таже третей и четверты подхватывают, а онѣ поют с диакы пѣние велико, а народ зовет: «Господи, помилуй!» с плачем. Два диакона держать рипиды,* а иные кивотъ пред иконою. Дивно видѣние: 7 человѣкъ или 8 въставят на плеча одиному человѣку, а онъ, аки простъ, ходитъ изволением Божиим.

А о святой Премудрости Божьей ум человеческий не в силах все рассказать и перечислить, а мы что видели, про то и написали.

Идя от святой Софии мимо столпа Юстинианова, мимо небольшой торговой площади, называемой Милией, мимо церкви святого Феодора, выйдешь на гору большой улицей — Царевым путем. Пройдешь не больше, чем на расстояние выстрела хорошего стрельца, и тут стоит столп правоверного царя Константина из багряного камня, привезенный из Рима. На верху его крест, а в столпе том двенадцать корзин с ломтями хлеба, и секира Ноева там же лежит. В этом месте патриарх проводит лето.

И оттуда пошли мы назад к святой Софии, тут вблизи большая церковь святой Ирины, а невдалеке от нее женский монастырь святой Богородицы, называемый Итерапиотица, тут лежат мощи святой Евдокии. А оттуда, если идти вниз к морю, — монастырь святого великомученика Георгия, называемый Ирюни, что значит — «непобедимая сила». Здесь находятся Страсти Господни, которые закрыты и запечатаны царевой печатью. На Страстной неделе царь сам с патриархом открывают и прикладываются к ним, а после того невозможно их видеть никому. Тут лежат мощи святой Анны, и мы, грешные, к ним приложились. И тут за стеною над морем явился сам Христос, и тут церковь, называемая «Христос стоит»; здесь пребывает множество больных, которых и из других городов привозят, и получают они исцеление. И тут лежит святой Аверкий, и мы приложились к мощам его. Это место похоже на Силоамскую купель, которая находится в Иерусалиме.

И оттуда мы пошли в монастырь святой Богородицы, который называется Перечь. Тут лежит голова Иоанна Златоуста, и мы поклонились и приложились к ней. И оттуда пошли в монастырь Панахрандов, здесь — голова святого Василия. И недалеко отсюда монастырь Пандассы, и здесь хранятся Страсти Господни, разделенные надвое.

И оттуда, во вторник, пошли мы к выходной иконе святой Богородицы, эту икону Лука-евангелист написал, смотря на саму госпожу нашу Богородицу-деву, когда она еще жива была. Ту икону в каждый вторник выносят. Удивительное это зрелище: тогда сходится весь народ, и из других городов приходят. Икона же эта очень большая, искусно окованная, и певцы, идущие перед нею, красиво поют, а весь народ с плачем восклицает: «Господи, помилуй!» Одному человеку поставят икону на плечи стоймя, а он руки распрострет, словно его распяли, и глаза у него закатятся, так что смотреть страшно, и по площади бросает его туда и сюда, и вертит его в разные стороны, а он даже не понимает, куда его икона носит. Потом другой подхватит ее, и с тем бывает так же, а затем и третий, и четвертый подхватывают, и они поют с дьяконами пение великое, а народ с плачем взывает: «Господи, помилуй!» Два дьякона держат рипиды, а остальные киот перед иконой. Дивное зрелище: семь человек или восемь поставят икону на плечи одному человеку, а он, изволением Божиим, ходит, будто ничем не нагруженный.

И оттуду, идучи к монастырю Инѣяклесиа, рекше къ 9-и *чиномъ* церкви и въ одиной церкви ту Христос велми гораздо, аки живъ человѣкъ, образно стоить, не на иконѣ, но собою стоить. Ту же дворъ, нарицается «Полата правовѣрнаго царя Констянтина»: стѣны его высоки велми, выше городных стѣн, великъ, граду подобенъ, под *подрумием* стоит, при мори. Ту близ монастырь Сергиа и Вакха, и цѣловахом главы ею. То все посолнь водится, подръживая по лѣвую руку городную стѣну, възлѣ море.

От подрумия поити мимо Кандоскамии,* туто суть врата городная желѣзна решедчата, велика велми; тѣми бо враты море введено внутрь города. И коли бываетъ рать с моря, и ту держат корабли и катарги, до треюсотъ. Имѣет же катарга веслъ 200, а иная 300 весел, в тѣх судех по морю рать ходить. А оже будет вѣтръ, а *они* бѣжат и гонят, а корабль стоит — погодия ждеть.

А оттоле идохом къ святому Димитрию, ту лежит тѣло святаго царя Ласкариасафа, тако бо бѣ имя его, и цѣловахомъ, грѣшнии, тѣло его. Той есть монастырь царевъ, стоить при мори, и ту есть близ монастыря того живет жидовъ много при мори, възлѣ городную стѣну, и врата на море зовутся Жидовская. И ту было знамение: приходилъ Хозрой,* царь перскы, ратию къ Царюграду, и уже хотяше взяти град, и бысть въ Цариградѣ плачь великъ. Тогда прояви Богъ старцу нѣкоему и рече: «Вземше поясъ святыя Богородица, и омочите конець его в море». И сътвориша тако с пѣниемъ и плачем, и възмутися море и разби корабля их о градную стѣну. Тоже и нынѣ кости их бѣлѣются, аки снѣгь, при градной стѣнѣ, близ Жидовскых вратъ.

Таже идохом ко святому Иоанну, въ Студискы монастырь, много бо суть ту видѣниа — не възможно писати — и цѣловахом тѣло святаго Савы повара: 40 лѣт варилъ на братию ясти. А другое — тѣло святыя Соломаниды. И ту стоит лотокъ, на нем же вообразися святая Богородица съ Христомъ: проскурникъ всыпа муку на доску и възлия воду, и въскрича отроча в муцѣ на доскѣ. И проскурник, ужасеся, тече къ игумену и братии. И прииде игумен и братия и видѣша на досцѣ образ святыя Богородица съ младенцем съ Христомъ. Церковь же та велика велми и высока, полатою сведена, иконы в ней, аки солнце сиають, велми украшены златом, а дно церковное — много дивитися: аки женчюгом иссажена, и писцу тако не мощно исписати. Тако же и трапеза, идѣже братия ядять. Велми чюдно, паче инѣх монастырей, стоит на краи, близ Златых вратъ. Ту жилъ Феодоръ Студискы* и в Русь послал многы книги: Устав, триоди и ины книгы.

И оттоле идохомъ в Перевлету, рекше, к Прекрасней Богородици в монастырь, и цѣловахом руку Иоанна Крестителя* и Симеона Богоприимца* и

И оттуда, когда идешь к монастырю Инеяклесиа, то есть к церкви Девяти чинов, есть одна церковь, в которой Христос изображен весьма искусно: не на иконе написан, а стоит сам по себе, как живой человек. Тут же дворец, который называется «Палата правоверного царя Константина»; стены, окружающие его, очень высоки, выше городских стен; он так велик, что подобен городу, стоит подле ипподрома, невдалеке от моря. Тут вблизи монастырь Сергия и Вакха, и мы приложились к головам их. То все идет посолонь, возле моря, если идти, придерживаясь по левую руку от городской стены.

Если от ипподрома пойти мимо Кандоскамии, то здесь есть городские ворота — железные, решетчатые, очень большие; этими воротами море введено внутрь города. И на тот случай, если приходит враг с моря, здесь держат корабли и гребные суда, числом до трехсот. Гребное же судно имеет двести весел, а некоторые — триста весел, в этих судах по морю войско передвигается. И если будет противный ветер, то они все равно быстро идут и преследуют врага, корабль же стоит — ожидает попутного ветра.

А оттуда мы пошли к святому Димитрию, тут лежат мощи святого царя Ласкариасафа (таково его имя), и приложились мы, грешные, к мощам его. Там есть монастырь царев, стоит около моря, и около монастыря того живет иудеев много на побережье, возле городской стены, и ворота морские зовутся Иудейскими. И свершилось здесь знамение: приходил Хозрой, царь персидский, войной на Царьград, и уже должен был он захватить город, так что был в Царьграде плач великий. Тогда явился Бог старцу некоему и сказал: «Взяв пояс святой Богородицы, омочите конец его в море». И сделали так с песнопениями и плачем, и разбушевалось море, и разбило корабли Хозроя о городскую стену. И вот и доныне кости погибших белеют, как снег, около городской стены, возле Иудейских ворот.

Потом пошли мы к святому Иоанну, в Студийский монастырь, где много всего видели — и описать невозможно — и приложились там к мощам святого Саввы-повара: сорок лет варил он еду на братию. А другие мощи — святой Соломониды. И тут стоит доска для раскатывания теста, на которой само по себе появилось изображение святой Богородицы с Христом: просвирник насыпал муку на доску и вылил воду, и из муки на доске раздался крик ребенка. И, ужаснувшись, просвирник бросился к игумену и братии. И пришли игумен и братия, и увидали на доске образ святой Богородицы с младенцем Христом. Церковь же эта велика очень и высока, с коробовым сводом, иконы в ней, как солнце, сияют, сплошь украшены золотом, а пол церковный великого удивления достоин: будто жемчугом усыпан, и изограф так не сможет изобразить. Так же и трапеза, где братия ест. Очень красив он, прекраснее других монастырей, стоит на окраине города, близ Золотых ворот. Тут жил Феодор Студийский, и на Русь послал он много книг: Устав, триоди и иные книги.

И оттуда мы пошли в Перивлепту, то есть в монастырь Прекрасной Богородицы, и приложились к руке Иоанна Крестителя и к мощам Симеона

Григориа Богослова.* И оттоле идохом къ Аньдрѣю Критскому,* той есть монастырь женскы велми красенъ, и цѣловахом мощи святаго Андрѣа. И оттоле идохом къ святому патриарху Тарасию и цѣловахом мощи его, и оттоле идохом къ святѣй Еуфимии и цѣловахом мощи ея. Оттоле идохом къ святѣй Богородици в монастырь и цѣловахом святую Елисаветь. И оттоле идохом къ святому пророку Даниилу, пришед къ церкви поити ис под земли степеней 25, съ свѣщею ити; на правой руцѣ — гробъ святаго пророка Данила, а на лѣвой руцѣ — святаго мученика Никиты. И цѣловах ихъ грѣшнии, и печять взяхом святаго пророка Данила.* И оттоле идохом къ святому Иоанну Милостивому* и къ святѣй Марии Клеопинѣ и къ святѣй мученици Феодосии, юже заклаша рогамъ козиимъ за икону Христову. Ти святии лежать въ единой церкви высоко ити по лѣствицѣ горѣ, тоже внити въ церковь, и цѣловахом, грѣшнии. И оттоле поити на гору къ Апостольстѣй церкви, и ту цѣловахом мощи святаго Спиридона и святаго Полиекта. И, пришед къ олтарю — на правой руцѣ гробъ святаго Григориа Феолога в преградѣ олтарьнѣй, ту же гробъ Иоанна Златоустаго, ту же близ икона в киотѣ святы Спасъ, в ню же ножем уда́ри невѣрный и поиде от иконы кровь. Тоже и до нынѣ кровь та знати, и цѣловахом, грѣшнии. А от великых дверей по правой руцѣ стаятъ два стлъпа: единъ, идѣже бѣ привязанъ Господь нашь Исус Христос, а другы, на нем же Петръ плакася горко.* Привезены от Иерусолима. Единъ толъстъ, иже бѣ Исусовъ, от зелена камени, прочернь, а други, Петровъ, — тонокъ, аки бревенце, велми красен, прочернь и пробѣль, аки дятленъ. А олтарь ту среди церкви велик, и пошед от олтаря прямо на въстокъ по церкви — ту стоит гробъ царя Константина, велик, от камени багряна, аки аспиду подобна: инѣхъ же много гробовъ царьских, но не святи. Ту цѣловахом грѣшнии.

А оттоле идохом к Спасу великому монастырю, рекше Вседръжителю: внити въ врата пръвая, и есть над враты Спасъ мусеею утворенъ, великъ образом, а высоко. Тако же и въ другая врата внити, тоже в монастырь внити. Велми красенъ, а церковь мусеею удивлена изовну, аки сиаеть. Ту доска Господня лежить, ту же 3 главы лежать — Фрола, и Лавра, Якова Перьскаго, ту тѣло Михаила Черноризца без главы; ту же стоит въ олтари сосуд от бѣла камени, в нем же Исус от воды вино сътвори — велми чюдно.

И оттоле идохом къ святому Констянтину, в монастырь женски; ту лежит тѣло святаго Климента архиепископа, ту же тѣло и Феофаны царица. И оттоле идохом къ святому Ивану Дамаскыну* в монастырь женьскы. А оттоле идохом къ святому Ивану Предтечи, иже нарицается Продром, зовуть Ивана «Богомъ богаты». Та же церковь велми удивлена, и ту цѣловахом руку святаго Иоанна Ктитора, иже устрои церковь, окована златом и с драгим камениемъ и

Богоприимца и Григория Богослова. И оттуда пошли к Андрею Критскому, это очень красивый женский монастырь, и приложились там к мощам святого Андрея. И оттуда пошли к святому патриарху Тарасию, и приложились к мощам его, а оттуда пошли к святой Евфимии и приложились к мощам ее. После этого пошли мы в монастырь святой Богородицы и приложились там к мощам святой Елизаветы. И оттуда направились к святому пророку Даниилу, и чтобы попасть в церковь, следует спуститься под землю на двадцать пять ступеней, со свечой нужно идти; там, по правую руку — гроб святого пророка Даниила, а по левую руку — святого мученика Никиты. И мы приложились к ним, грешные, и печать взяли святого пророка Даниила. И оттуда пошли к святому Иоанну Милостивому, и к святой Марии Клеопе, и к святой мученице Феодосии, которую закололи козьим рогом за икону Христову. Эти святые лежат в одной церкви, которая стоит высоко, и чтобы войти в нее, нужно идти по лестнице вверх, и мы, грешные, приложились к мощам этим. И оттуда пошли на гору к Апостольской церкви, и тут приложились к мощам святого Спиридона и святого Полиевкта. И если пройти к алтарю, — по правой руке гроб святого Григория Феолога в ограде алтарной, тут же гроб Иоанна Златоуста, и тут же вблизи в киоте икона — святой Спас, в нее ножом ударил неверный, и пошла от иконы кровь. И доныне след крови остался, и приложились мы к ней, грешные. А от царских врат по правой руке стоят два столпа: один, к которому был привязан Господь наш Иисус Христос, а другой — у которого Петр плакал горько. Привезены из Иерусалима. Один толстый, тот, что Иисусов, из зеленого камня с черными разводами, а второй, Петров, — тонкий, как бревнышко, очень красивый, с черными и белыми разводами — пестрый. А алтарь тут посреди церкви очень большой, и если пойти от алтаря прямо на восток по церкви, — тут стоит гробница царя Константина, огромная, из багряного камня, похожего на яшму, и других много гробниц царских, но не святых. И приложились мы к ним, грешные.

А оттуда пошли мы к великому монастырю Спаса Вседержителя: если войти в первые ворота, то увидишь над вратами Спаса, изображенного мозаикой, очень больших размеров и высоко. Так же и вторыми воротами можно в монастырь войти. Монастырь этот очень красив, а церковь снаружи украшена мозаикой, так и сияет. Тут находится надгробная плита Господня, тут же и три головы святых — Фрола, и Лавра, и Якова Персидского, тут же и тело Михаила Черноризца без головы; тут же в алтаре стоит чаша из белого камня, в которой Иисус воду превратил в вино — все достойно удивления.

А оттуда мы пошли к святому Константину, в женский монастырь; здесь лежит тело святого Климента-архиепископа, тут же тело и Феофаны-царицы. И оттуда пошли к святому Иоанну Дамаскину, в женский монастырь. А оттуда пошли к святому Иоанну Предтече, который называется Продром, зовут Иоанна «Богом богатый». Эта церковь дивно украшена, и здесь мы целовали руку святого Иоанна Ктитора, который поставил церковь, окована же она золотом и

женчюгом; а не Предтечева рука — а Предтечева, иже впреди писахом, у Прекрасной Богородицы близ Студискаго монастыря: ту рука святаго Иоанна правая, а лѣвая на Иерданѣ.

И оттоле идохом в Лахерну, в церковь святыя Богородица идѣже лежить риза и поясъ и скуфия, иже бѣ на главѣ ея была. А лежит въ олтари на престолѣ, в ковчезѣ запечятано тако же, яко же и Страсти Господни, еще и твержи того: приковано желѣзом, ковчег же сътворенъ от камени хитро велми. И цѣловахомъ. Ту лежит святы Патапей и святая Анастасия и святаго Пантелѣймона мощи, цѣловахом. И оттоле идохом къ церкви святаго Николы, ту лежит глава святаго Григориа и святаго Леонтия.

И оттоле идохом внѣ града. На поле, близ моря, монастырь великъ въ имя святых Козмы и Дамиана, ту цѣловахом главы ею, окованы хитро велми златом. А оттоле възвратихомся и въ град и идохом къ святой Феодосии дѣвици и цѣловахом ю́, ту есть монастырь женскы въ имя ея, при мори. Есть же чюдно велми: въ всякую среду и пяток, аки праздникъ, множьство мужей и женъ подавают свѣща и масло и милостыню. Ту же множество людей лежить болных на одрѣх, различными недуги одръжими, приимають исцѣлениа и входять въ церковь, а ины вносят и ложатся пред нею по единому человѣку, а она въступает, идѣже кого болит, и здравие приимают. А пѣвци поють от утра до 9-го часа, таже литургию поють поздно.

И оттоле идохом сквозѣ град, — далече поприще велико итти къ святому Кипреану, — и цѣловахом тѣло его: великъ былъ тѣломъ. Ту близ монастырь женски, и ту глава святаго Пантелѣймона, ту же и кровь его. А оттоле идохом в монастырь святаго Стефана, ту лежит глава его. А оттоле идохом къ святѣй Варварѣ, и глава ея ту.

А въ Царьград, аки в дубраву велику внити: без добра вожа невозможно ходити, скупо или убого не можеши видѣти ни цѣловати ни единого святого, развѣ на праздники которого святого будеть, то же видѣти и цѣловати.

Оттоле поидохом къ Иерусалиму.

украшена драгоценными камнями и жемчугом; а это не Предтечева рука — Предтечева рука, как выше сказано, у Прекрасной Богородицы близ Студийского монастыря: там рука святого Иоанна правая, а левая на Иордане.

И оттуда пошли мы во Влахерну, в церковь святой Богородицы, где находятся риза, и пояс, и головной покров, который на голове ее был. А лежит это в алтаре на престоле, спрятанным в ковчеге, так же как и Страсти Господни, и даже еще крепче бережется: приковано железными цепями, а сам ковчег сделан из камня очень искусно. И мы приложились к нему. Тут же лежат мощи святого Потапия, и святой Анастасии, и святого Пантелеймона, и мы их целовали. И оттуда пошли мы к церкви святого Николы, тут лежат головы святого Григория и святого Леонтия.

И оттуда пошли мы за городскую стену. В поле, недалеко от моря, большой монастырь во имя святых Козьмы и Дамиана, тут мы приложились к головам их; весьма искусно окованы они золотом. И оттуда возвратились в город, и пошли к святой Феодосии-девице, и приложились к мощам ее — это женский монастырь во имя ее, возле моря. И вот что замечательно: в каждую среду и пятницу, как в праздник, множество мужчин и женщин приносят свечи, и масло, и милостыню. Тут же множество людей больных, охваченных различными недугами, лежат на постелях, и исцелевают они, и входят в церковь, а других вносят и кладут перед Феодосией, а она невидимо прикасается к тому, что болит, и выздоравливают люди. А хор поет с утра до девятого часа, литургию же поют поздно.

И оттуда пошли через весь город далеко, — большое расстояние нужно пройти к святому Киприану, — и приложились мы к мощам его: велик он был телом. Тут вблизи монастырь женский, и тут голова святого Пантелеймона, тут же и кровь его. А оттуда пошли в монастырь святого Стефана, здесь лежит его голова. А оттуда пошли мы к святой Варваре, и голова ее тут.

А в Царьград, словно в густой лес войти: без хорошего проводника невозможно ходить, скупому и бедному человеку нельзя ни увидеть, ни приложиться ни к одному святому, только лишь когда праздник какого святого будет, — тогда и можно его увидеть и приложиться к мощам его.

Из Царьграда пошли мы в Иерусалим.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ НОВГОРОДСКОГО ФЕОДОРУ ТВЕРСКОМУ О РАЕ

ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА НОВОГОРОДСКАГО ВАСИЛИЯ КЪ ВЛАДЫЦѢ ТФѢРЬСКОМУ ФЕОДОРУ

Василий, милостью Божиею архиепископъ Новагорода, священному епископу Феодору Тфѣрьскому, еже о Господѣ брату: благодать и миръ от Бога-Отца, Вседержителя, и твоему священьству, и всему священному събору, игуменомъ, и попомъ, и дѣтемъ твоимъ.

Понеже увѣда смирение наше и святый сбор *священный*, игумени, иерѣи, что ся учинило у вас въ Тфѣри промежи вами, в тѣхъ людех Божиих, поспѣшениемъ и по съвѣту дьяволю и лихих людей, якоже бо слышахом, распрю, бывшюю в васъ о ономъ честномъ раю, и пребых много *дний* о взыскании исправлениа Божественаго закона. Тѣмь, еже изысках, и се пишу к тебѣ, понеже, брате, по Божию повелѣнию, должъни есми другъ къ другу послониа творити о исправленыхъ намъ Божественых писаний отъ святых апостолъ и великих святитель, якоже бо тѣ святии апостоли бес престаниа послониа творяху другъ къ другу, такоже и намъ подобно есть, в нихъ бо мѣсто поставлени есмы. Кто во что позванъ, тотъ в томъ пребывает.

Слышахъ, брате, что повѣстуеши: «Рай погиблъ, в нем же был Адамъ».

Ино, брате, о того есмы *погибели* не слыхали, ни в Писании где обрѣли о томъ святомъ раю, но всѣ вѣдаемъ от святаго Писаниа, что насади Богъ рай на въстоцѣ, въ Едемѣ,* и введе в онь человѣка, и заповѣда ему, рекъ: «Аще съблюдеши слово мое — живъ будеши, аще ли преступиши — смертью да умреши, в ту же землю поидеши, от нея же взятъ еси». И он же преступи заповѣдь Божию, и изгнанъ бысть из рая, и плачася горко, въпия: «О, раю святый! И еже еси мене ради насаженый и Евгы ради затвореный! Помоли тебе сотворшаго и мене създавшаго, да некли твоих цвѣтець насыщуся!»* Тѣмъ к нему Спасъ глаголя: «Моего създаниа не хощю *погубити*, но хощу спасти и в разумъ истины *привести*», обѣща ему паки внити в рай.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ НОВГОРОДСКОГО ФЕОДОРУ ТВЕРСКОМУ О РАЕ

ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО ВАСИЛИЯ К ВЛАДЫКЕ ТВЕРСКОМУ ФЕОДОРУ

Василий, милостью Божией архиепископ Новгорода, священному епископу Феодору Тверскому, брату о Господе: благодать и мир от Бога-Отца, Вседержителя, тебе и твоему священству, и всему священному собору, игуменам и попам, и детям твоим духовным.

Узнало смирение наше и весь святой священный собор, игумены и священнослужители, что учинилось у вас, в Твери, между вами, людьми Божиими, умышлением и советом дьявольским и лихих людей, — распря, как слышали мы, о честном рае; и провел я много дней в стремлении постигнуть истину в познании Божественного закона. И то, что нашел я, то и пишу тебе, ибо должны мы, брат, по Божию повелению друг к другу послания творить о понятых нами Божественных писаниях святых апостолов и великих святителей, подобно тому, как и сами те святые апостолы беспрестанно послания творили друг к другу; так и нам подобает делать, ибо на их место поставлены мы. Кто на что призван, тот пусть в этом пребывает.

Слышал я, брат, что говоришь ты: «Рай, в котором был Адам, погиб».

Но мы, брат, о гибели того рая не слыхали, и в Писании, где об этом святом рае пишется, о том не нашли, хотя все ведь знаем из святого Писания, что насадил Бог рай на востоке, в Эдеме, и ввел в него человека, и заповедал ему, сказав: «Если сохранишь заповедь мою — жив будешь, если же преступишь — смертью да умрешь, и в ту же землю пойдешь, из которой ты сотворен». И человек преступил заповедь Божию, и изгнан был из рая, и, горько заплакав, возопил: «О рай святой, меня ради посаженный и Евы ради затворенный! Умоли твоего Творца и моего Создателя, пусть хоть когда-нибудь вновь насыщусь я красотой цветения твоего!» Поэтому Спас человеку и говорил: «Не хочу я погубить мое создание, но хочу спасти и в разумение истины привести», и обещал ему, что вновь войдет он в рай.

А в Паремии именуются 4 рѣкы, идуть из рая — Тигр, Нил, Фисонъ, Ефраксъ* — со въстока; Нил же — под Египтомъ, ловять на немъ и силолои, течетъ же с высокыхъ горъ, и еже суть от земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ, а верху его рахмане* живуть.

А се, брате, в Прилозѣ* всѣмъ явлено есть, в чюдесѣх святаго архаггела Михаила, что възмяи праведнаго Еноха,* посади его въ честномъ раю. А се Илия* святый и въ раи же сѣдить, находилъ его Агапей* святый и часть хлѣба взял. А святый Макарий* за 20 поприщь жилъ от святаго рая. А Ефросимъ* святый былъ в раю, и три яблока принеслъ изъ рая, и дал игумену своему Василию, от них же исцѣлениа многа быша.*

И нынѣ, брате, мнитъ ти ся мысленый рай, но все мыслено мнится видѣниемъ. А еже Христос рече въ Еуангелии о второмъ пришествии, и то ли мыслено сказаете? Сущимъ одесную себе речеть: «Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте *уготованое* вамъ царствие преже сложениа миру». И сущимъ ошуюю себе речеть: «Отъидите от мене, проклятии, въ огнь вѣчный, уготованый диаволу и аггеломъ его». «Не вамъ бо, рече, *уготовах* мукы, но *диаволу* и аггеломъ его».*

О тѣх двою мѣсту великий Иванъ Златаустый* рече: «Насади Богъ рай на въстоцѣ, а на западѣ — муки уготова; якоже бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселие, а внѣ двора — темница».

А се священномученикъ Патрекѣй глаголеть:* «Два места уготова Богъ: едино исполнено благых, а другое — тмы и огня исполнено».

То же, брате, не речено Богомъ видѣти человѣкомъ святаго рая, а мукы и нынѣ суть на западѣ. Много дѣтей моихъ, новогородцевъ, видоки тому на Дышучемь мори:* червь неусыпающий, и скрежеть зубный, и рѣка молненая Моргъ, и что вода входить въ преисподняя и пакы исходить 3-жды днемь.* И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погибе, повѣжь ми, брате, в немь же есть и Пречистая Богородица, и множесьтво святых, еже по въскресении Господни явишася многимъ въ Иерусалимѣ и паки внидоша в рай? Речено бо имъ есть: «Уже пламенное оружие не хранить вратъ Едемьскыхъ»; приде бо Спасъ мой, вопия вѣрнымъ: «Внидѣте паки в рай!»

И се, брате, въ «*Блаженнѣх*»* молвитъ: «Снѣди ради древняя изведе из рая врагъ Адама, крестом же разбойника Христосъ в онь введе».

И егда же приближися преставление Владычици нашея Богородица, аггелъ вравье принесе, вѣтви из рая,* являя, гдѣ ей быти. А еже рай мысленый есть, то почто *видиму вѣтвь* сию аггелъ принесе, а не мыслену есть? Апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ жидовъ вѣтвь сю видѣша.

А в Паремии называются четыре реки, которые текут из рая, с востока, — Тигр, Нил, Фисон, Евфрат; Нил же — во владениях Египта, в нем вылавливают и алойные дерева; течет же он с высоких гор, которые возвысились от земли и до неба, и место это недоступно для людей, и в самом верхнем течении его рахманы живут.

А вот, брат, в Прологе, в описании чудес святого архангела Михаила, для всех засвидетельствовано, что, взяв праведного Еноха, посадил он его в честном раю. А вот и Илия святой в раю живет, встретил его там Агапий святой и кусок хлеба у него взял. И святой Макарий за двадцать поприщ жил от святого рая. А Ефросим святой был в раю, и три яблока принес из рая, и дал игумену своему Василию, от них же много исцелений было.

И ныне, брат, ты думаешь, что существует только духовный рай, а все духовное представляется лишь как видение. А то, что Христос сказал в Евангелии о втором пришествии, вы разве и это считаете существующим только в воображении? Стоящим справа от него скажет Христос: «Придите, получившие благословение Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам еще до создания мира». И стоящим слева от него скажет: «Отойдите от меня, проклятые, в огонь вечный, приготовленный дьяволу и слугам его». «Не вам, — сказал он, — приготовил муки эти, но дьяволу и слугам его».

Об этих двух местах великий Иван Златоуст сказал: «Насадил Бог рай на востоке, а на западе — му́ки приготовил, подобно тому как внутри царского двора — радость и веселие, а вне двора — темница».

А вот что священномученик Патрикий говорит: «Два места приготовил Бог: одно — наполнено всем благим, а другое — тьмы и огня преисполнено».

К тому же, брат, не дано Богом видеть людям святой рай, а муки — и теперь находятся на западе. Многие из детей моих духовных, новгородцев, видели это на Дышащем море: червь неусыпающий, и скрежет зубовный, и река кипящая Морг, и вода уходит там в преисподнюю и вновь выходит наверх трижды за день. И если те все места мучений не погибли, то как же могло святое это место погибнуть, поведай мне, брат, — место, в котором и пречистая Богородица находится, и множество святых, которые после воскресения Господа явились многим людям в Иерусалиме и вновь вошли в рай? Ведь сказано было им: «Уже пламенное оружие не стережет ворот Эдема», ибо пришел Спас мой, призывая верных: «Войдите вновь в рай!»

И вот, брат, в «Блаженных» поется: «Ради плода древесного вывел Адама из рая дьявол, а Христос разбойника крестом в рай ввел».

И когда приблизилось успение владычицы нашей Богородицы, ангел цветущие финиковые ветви из рая принес, показывая этим, где она теперь будет. А если рай существует только в воображении, то зачем ангел ветвь эту — видимую, а не воображаемую — принес? Апостолы видели, и множество неверных иудеев ветвь эту видело.

Ни едино же дѣло Божие есть тлѣнно, но вся дѣла Божиа нетлѣнна суть, самовидець есмь сему, брате. Егда Христос, иды на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, — и до сего дни не отворени суть. А егда постився Христос надь Ерданомъ, своима очима видѣлъ есмь постницу его, сто фуникъ Христос посадилъ — не движими суть и до нынѣ, не погибли, ни погнили.*

Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на въстоцѣ рай, почто обрѣтеся въ Ерусалимѣ, тѣло Адамле?* То не вѣси ли, брате, службу аггельскую, коль скоро свершають, без износимых рѣчей служать Богу, во мьгновении ока землю прорыщуть и небеса преходять? Мощно бо есть Богови единѣмъ словомъ Адама из рая въ Иерусалимѣ поставити; и хѣрувиму повелѣ хранити врата Едемьская, а по въскресении своемь повелѣ Адаму въ рай внити и множество святых с нимъ. Слово и дѣло есть въскорѣ.

А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ-новгородец* и сынъ его Ияковъ; а всѣх ихъ было три юмы,* и одина от нихъ погибла, много блудивъ, и двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ, и принесло ихъ к высокымъ горамъ.* И вѣдѣша на горѣ той написанъ Дѣиисусъ лазоремъ чюднымъ* и велми издивленъ, паче мѣры, яко не человѣчьскыма рукама творенъ, но Божиею благодатью. И свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ самосиянен, яко не мочи человѣку исповѣдати.

И пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнце не видѣ, но свѣтъ бысть многочасьтный,* свѣтлуяся паче солнца. А на горахъ тѣхъ ликованиа многа слышахуть, и веселия гласы поюща. И повелѣша единому другу своему взыти по шеглѣ* на гору ту, видѣти свѣт-отъ и ликованныя гласы; и бысть, яко взиде на гору ту, и абие въсплеснувъ руками, и засмѣяся, и побѣже от друговъ своих к сущему гласу. Они же велми удивьлешеся, и другаго послаша, запрѣтивъ ему, да обратився скажет имъ, что есть бывшее на горѣ. И той тако же сътвори, нимала възвратися къ своимъ, но с великою радостию побѣже от них. Они же страха исполнишася, и нача размышляти в себѣ, глаголюще: «Аще ли смерть случится, но вѣдѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего». И послаша третиаго на гору, привязавъ ужищи за ногу ему. И тако же и тотъ въсхотѣ сътворити: въсплескавъ радостно и побѣже, в радости забывъ ужища на нозѣ своей. Они же здернуша его ужищомъ, и томъ часу обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша въспять, не дано есть имъ дале того видѣти, свѣтлости тое неизреченныи, и веселия, и ликованиа тамо слышащаго. А тѣх, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добри-здорови.

А что, брате, молвишь: «Рай мысленый», ино, брате, такъ то и есть мысленый и будет, а насаженый — не погыблъ, и нынѣ есть. На нем же свѣтъ самосиянен, а твердь запята есть до горъ техъ раевых.

Ни одно из дел Божиих не является тленным, но все дела Божии нетленны, я самовидец этого, брат. Когда Христос добровольно шел на страдания, то затворил он своими руками городские ворота — они и до сего времени стоят не отворены. А когда постился Христос у реки Иордана, — я своими глазами видел скит его, — посадил он сто фиников, и сохранились они и доныне, не погибли, не сгнили.

Или, брат, ты станешь думать так: если Бог насадил рай на востоке, то почему оказалось в Иерусалиме тело Адама? Но разве ты не знаешь, брат, службы ангелов, как они скоропослушливы, без произносимых вслух слов служат Богу, во мгновение ока всю землю облетают и небеса насквозь проходят? Может ведь Бог одним словом Адама из рая в Иерусалим переместить; и херувиму велел охранять ворота Эдема, и после воскресения своего велел Адаму в рай войти и множеству святых с ним. Слово Божие быстро претворяется в дело.

А то место святого рая находил Моислав-новгородец и сын его Иаков. И всех их было три юмы, и одна из них погибла после долгих скитаний, а две других еще долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам. И увидели на горе той изображение Деисуса, написанное лазорем чудесным и сверх меры украшенное, как будто не человеческими руками созданное, но Божиею благодатью. И свет был в месте том самосветящийся, даже невозможно человеку рассказать о нем.

И долго оставались на месте том, а солнца не видели, но свет был многообразно светящийся, сияющий ярче солнца. А на горах тех слышали они пение, ликованья и веселья исполненное. И велели они одному из товарищей своих взойти по шегле на гору эту, чтобы увидеть, откуда свет и кто поет ликующими голосами; и случилось так, что когда он взошел на гору ту, то тотчас, всплеснув руками и засмеявшись, бросился от товарищей своих на звук пения. Они же очень удивились этому и другого послали, строго наказав ему, чтобы, обернувшись к ним, он рассказал о том, что происходит на горе. Но и этот так же поступил, не только не вернулся к своим, но с великой радостью побежал от них. Они же страха исполнились и стали размышлять, говоря себе: «Даже если и смерть случится, то мы бы хотели узнать о сиянии места этого». И послали третьего на гору, привязав веревку к его ноге. И тот захотел так же поступить: всплеснул радостно руками и побежал, забыв от радости про веревку на своей ноге. Они же сдернули его веревкой, и тут же оказался он мертвым. Они же устремились оттуда прочь: нельзя им было дальше ни смотреть на это — на эту светлость неизреченную, ни слушать веселья и ликованья. А дети и внучата этих мореходов и теперь, брат, живы-здоровы.

А что, брат, говоришь: «Рай духовный», то так, брат, и есть духовный, и будет. Но и тот рай, что посажен, — не погиб, и ныне существует. В нем свет светит самосветящийся, а твердь его недоступна людям, только до райских гор дойти они могут.

А мысленый рай то и есть, брате, егда вся земля огнемъ искушена будетъ, по апостольскому словеси: «Чаем небесъ новых и земли новые, егда истинный свѣтъ — Христос — сниде на землю».

Размысли себѣ, брате: коль свѣтелъ свѣтъ именуется в Бытии, запятый твердью, паче же того дивнѣе и свѣтлѣе свѣтъ Христос истинный есть, а с ним 9 чиновъ свѣтли суть, служать ему: 1 чинъ — аггели, 2 чинъ — архаггели, 3 — начала, 4 — власти, 5 — силы, 6 — престоли, 7 — господьствие, 8 — хѣрувими многоочитии, 9 — серафими шестокрилатии. Егда Господь нашь явится съ свѣтлостью божесьтва своего на земли и силы небесныа двигнутся, аггели престануть от дѣлъ своихъ и явять свѣтлость свою, сътвореную от Бога, то есть, брате, мысленый рай, егда вся земля просвѣщена будеть свѣтом неизреченнымъ, исполнена радости и веселия, якоже апостолъ Павелъ глаголеть, егда въсхищенъ бысть до третиаго небеси: «Око не вѣдѣ, и ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его».

О семъ раю мысленомъ Христос рече: «Суть етери от здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрять царствие Божие, пришедша в силѣ». То суть, брате, видѣвьши царствие Божие: Моисѣй и Илья, Петръ, Ияковъ, Иоаннъ на Фаворьстѣй горѣ;* якоже видѣвше ученици его, удариша собою о перстную землю, не могуще видѣти свѣтлости божества его.

Не возможно бо его, брате, ни святымъ видѣти мысленаго рая, въ плоти суще, того ради сие святии видѣвши, не могоша стояти, ниць на землю падоша.

И ты, брате Феодоре, о семъ словеси не смущайся; рай на въстоцѣ не погиблъ, созданный Адама ради. И сими словесы уверися, брате, и весь священный соборъ тако научи и укрепи сице мудрствовати, якоже ти изъявихъ отъ Божественнаго писания в семъ послании.

Миръ и любовь о всемогущемъ Бозѣ, Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, емуже слава во вѣки. Аминь.

А духовный рай — это то, брат, когда вся земля огнем обновлена будет, по апостольскому слову: «Ждем мы небес новых и земли новой, когда истинный свет — Христос — сойдет на землю».

Подумай, брат, каким светлым называется в Книге Бытия горний свет, огражденный твердью, но еще удивительнее и светлее того истинный свет — Христос, а с ним девять чинов светлых, служащих ему: первый чин — ангелы, второй чин — архангелы, третий — начала, четвертый — власти, пятый — силы, шестой — престолы, седьмой — господства, восьмой — херувимы со многими очами, девятый — серафимы шестикрылые. Когда Господь наш явится в сиянии божества своего на землю и силы небесные двинутся вместе с ним, ангелы оставят дела свои и явят светлость свою, сотворенную Богом, это и есть, брат, духовный рай, — когда вся земля освещена будет светом неизреченным, наполнится радостью и весельем, как и апостол Павел сказал, когда вознесен был до третьего неба: «Око не видело, и ухо не слышало, и сердцем человек не чувствовал того, что приготовил Бог любящим его».

Об этом рае духовном Христос сказал: «Некоторые из вас, здесь стоящих, не узнают смерти, пока не увидят царство Божие, пришедшее во всей своей силе». Вот, брат, те, кто узрел царство Божие: Моисей и Илья, Петр, Иаков, Иоанн на Фаворской горе; как увидели ученики Его, бросились ниц, на прах земной, не имея сил смотреть на сияние Божества его.

Невозможно ведь, брат, даже святым, когда они во плоти существуют, видеть его, этот духовный рай, поэтому, увидев такое, святые и не могли устоять, ниц на землю упали.

И ты, брат Феодор, не испытывай сомнения в этом утверждении: рай на востоке, созданный Адама ради, не погиб. И ты сам уверуй в эти слова, брат, и весь священный собор этому научи и укрепи его в этом рассуждении, как я показал тебе на основе Божественного писания в этом послании.

Мир и любовь тебе во имя всемогущего Бога, Господа нашего Иисуса Христа, слава ему вовеки. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ

СЛОВО О ВАВИЛОНѢ, О 3 ОТРОКѢ.* ПОСЛАНИЕ ОТ ЛЕУКИЯ ЦАРЯ, А ВО КРЕЩЕНЬИ НАРЕЧЕНАГО ВАСИЛИЯ,* ЕЖЕ ПОСЛА В ВАВИЛОНЪ ИСПЫТАТИ ЗДНАМЕНИЯ У СВЯТЫХ ТРЕХЪ ОТРОКЪ ОНАНЬИ, ОЗАРЬИ, МИСАИЛА

А первое посла 3 человѣкы крестьяньскаго роду и сурьскаго. Они же рекоша: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грекъ гричина, из Безъ обяжанина,* из Руси русина». И посла, яко хотяхут.

Бяше близъ Вавилона за 15 дний, рече имъ царь Василѣй: «Аще будетъ зднамение святыхъ здѣ, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобникъ вѣрѣ хрестьяньстѣй и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьяньскый».

И поидоша 3 мужи, Гугрий грѣцинъ, Яковъ обѣжанинъ, Лаверъ русинъ, и ехали 3 неделѣ до Вавилона. И придоша тамо и не видиша града: оброслъ бо бяше былиемъ, яко не видити полаты. Они же пустиша кони и нашли бо бяху путець, малаго звѣри хождение. Бяше бо в былии томъ елико трава, а двѣ части гада, но не бысть им страха. И поидоша путемъ тѣмъ и придоша ко змию.

Бяшет ту лѣствица от древа купариса прилождена чрез змѣя, а написано бо бяше на ней 3 слова: грѣческы, обезскы, рускы. 1-е слово грѣческы: «Котораго человѣка Богъ принесеть к лествицѣ сей...» 2-е слово обезскы: «Да лѣзеть чрес змѣя без боязни...» Третьее слово рускыи: «Да идеть с лѣствицѣ чресъ полаты до часовницѣ». Бяшеть бо лѣствиця та 18 степенѣй: така бяшеть толстота змѣя того. Взидоша горѣ, оже тамо — другая лѣствиця внутрь, написано тако же.

И преидоша чрес полаты, бяху бо полаты полны гада, но не створиша им ничто же.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ

СЛОВО О ВАВИЛОНЕ, О ТРЕХ ОТРОКАХ. ПОСОЛЬСТВО ЦАРЯ ЛЕВКИЯ, НАРЕЧЕННОГО В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ, КОТОРЫЙ ПОСЫЛАЛ В ВАВИЛОН ИСПРОСИТЬ ЗНАМЕНИЯ У СВЯТЫХ ТРЕХ ОТРОКОВ — АНАНИИ, АЗАРИИ, МИСАИЛА

Сначала он хотел послать трех человек, христиан сирийского рода. Они же сказали: «Не подобает нам идти туда, но пошли из Греции грека, из Обезии обежанина, из Руси русина». И он послал тех, кого они хотели.

Когда они были за пятнадцать дней пути до Вавилона, сказал им царь Василий: «Если будет здесь знамение святых, то не отрекусь от Иерусалима, но буду поборником веры христианской и защитником от врагов иноверных рода христианского».

И пошли три мужа, грек Гугрий, Яков обежанин, Лавер русин и ехали до Вавилона три недели. А когда пришли туда, не увидели града: весь быльем порос так, что не видно было палат. Пустили они коней и нашли тропу, которую протоптали малые звери. В зарослях же тех было лишь часть травы, а две части гадов; но не было у них страха. И они пошли тем путем и пришли к змию.

Чрез змия была положена лестница из древа кипариса, а на ней — надпись на трех письменах: по-гречески, по-обежски и по-русски. Первая надпись по-гречески: «Которого человека Бог приведет к лестнице сей...» Вторая надпись по-обежски: «Пусть лезет чрез змия без боязни...» Третья надпись по-русски: «Пусть идет с лестницы чрез палаты до часовни». И была та лестница из восемнадцати ступеней: такова толщина того змия. Взошли они на верх ее, а там — другая лестница, внутрь града, и написано на ней то же.

А когда они проходили через палаты, были палаты полны гадов, но не причинили им никакого вреда.

Они же пришедше и влѣзоша в церковъ, и наполнишася благоухания уста их: бяху бо много дѣяния въ церкви написана. И поклонишася гробомъ святыхъ 3-хъ отрокъ Онаньи, Озарьи и Мисаила и ркоша: «Приидохомъ к вам по Божию изволению и великаго царя Василия богохранимаго просить от вас зднамения». И стояше клубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с камениемъ драгымъ с жемцюгом украшеным, полнъ мура и ливанъ, и стекляницю, того не видихом. Мы же,* веемше ис кубка того, быхомъ веселѣ. И воставше от сна, мыслихомъ взяти кубокъ с виномъ и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба въ 9-й час дни: «Не возмете зднамения здѣ, но идите в царевъ домъ, возмите зднамение!» Они же ужасны быша велми. И бысть имъ глас 2-е: «Не ужасайте, идите!»

Они же вставше идоша. Бяше бо царева полата от часовницѣ. И внидоша в цареву полату и видиша ту одръ стоящъ, и ту лежаше 2 вѣнця: царя Навходоносора* и царицѣ его. Они же веемше, видиша грамоту, написано грѣческымъ языком: «Си вѣнци створенѣ бысть, егда Навходоносоръ царь створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмстѣй».* Бяху бо вѣнци тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. «Си венци *сокров*ены бысть доселѣ, а ныни положена бысть и на царѣ богохранимом Василии и царѣцѣ блаженнии Александрѣ* молитвами святых 3 отрок».

И вшедъ въ 2-ю полату и видѣша запоны и памфиры царьскыя, идѣ же прияша руками, и бысть все, акы прах. И бяхут ту ларцы со златомъ и сребром, и отвергше, видиша злато и сребро и камение многоцѣнное и драгое. И взяша камень великых числомъ 20 донести цареви, а собѣ, яко могут отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же у трех отроков.

И приидоша къ церкви и вшедше поклонишася трем отрокомъ, и не бысть им глас. И начаша тужити, и веемше от кубка того, испивше и быхомъ весели. И бысть им глас заутра свитающи дни неделному и рекошач имъ: «Умыемъ лице свое!» И узрѣвше кубокъ церковный с водою, и умывше лица своя, и воздаша хвалу Богу и трем отрокомъ. Отпѣвше и заутренюю и часы, и бысть имъ глас яко: «Взясте зднамение, поидите путемъ своим, Богомъ водими, къ царю Василию». Они же, поклонишася, испивше по 3 стекляницѣ и поидоша къ змии. И прислонивше лѣствицю, полѣзоша чрес змѣя, и принесоша все, еже имѣяху.

Сынъ жѣ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степени и полетѣ долу* и убуди змѣя. И въсташа на змѣи чешуя, акы волны морьскыя. Они же, веемше друга своего, поидоша сквозѣ былие с полудни и видѣша коня и другы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистну змѣй. Они же от страха быша акы мертвии.

А гдѣ стояше царь Василѣй, ожидая дѣтей своих, — бяшеть я нарекъ собѣ акы дѣтѣй, — бяше бо змѣя того свистъ и тамо. И падше от свиста того, ослеплѣ бяхут, и мнозѣ от стадъ их изомроша, яко до 3000: подошелъ бо бяше

Когда же они подошли к церкви и вошли в нее, наполнились благоуханием уста их, ибо в церкви написано было много деяний святых. Поклонились они гробам святых трех отроков — Анании, Азарии и Мисаила — и сказали: «Пришли к вам по велению Божию и великого богохранимого царя Василия просить от вас знамения». И стоял на гробе Анании златой кубок, украшенный дорогими камнями и жемчугом, полный мира и ливана, и стеклянная чаша, подобной которой и не видывали. Они же, отлив из кубка того, возрадовались. А восстав от сна, подумали было взять кубок с вином и нести к царю. Но был им глас от гроба в девятый час дня: «Не отсюда возьмете знамение, но идите в царев дом, там получите знамение!» Они же пришли в ужас. И был им глас вторично: «Не ужасайтесь, идите!»

И встав, они пошли. Царева же палата была у часовни. И когда они вошли в цареву палату, увидели они одр, а на нем — два венца: царя Навуходоносора и царицы его. Они же, взяв их, увидели грамоту, написанную греческим языком: «Эти венцы сделаны были, когда царь Навуходоносор воздвиг золотого идола и поставил его на Дирелмесском поле». И были те венцы из сапфира, изумруда, крупного жемчуга и аравийского золота. «Доселе венцы эти были сокрыты, а ныне молитвами трех святых отроков должны быть возложены на царе богохранимом Василии и блаженной царице Александре».

А войдя во вторую палату, увидели они царские одежды, порфиры, но едва прикоснулись к ним руками, как все обратилось в прах. И стояли тут ларцы со златом и серебром, и открыв их, увидели они золото, серебро и драгоценные камни. И взяли они двадцать крупных камней, чтобы отнести царю, а себе — столько, сколько могли унести, да взяли кубок, такой же, как у трех отроков.

И вернулись они к церкви и, войдя в нее, поклонились трем отрокам, но не было им гласа свыше. И стали они тужить, но, отпив из кубка того, возрадовались. А утром на рассвете воскресного дня был им глас, изрекший: «Умоем лица свои!» И они увидели кубок церковный с водою, умыли лица свои и воздали хвалу Богу и трем отрокам. Когда же они отпели заутреню и часы, был им глас такой: «Знамение вы взяли, теперь, ведомые Богом, пойдите путем своим к царю Василию». Они же поклонились, испили по три чаши и пошли к змию. И, прислонив лестницу, полезли через змия, и понесли все, что взяли.

Сын же обежанин, именем Яков, запнулся на пятнадцатой ступени, полетел вниз и разбудил змия. И поднялась на змии чешуя, как волны морские. Они же, подхватив друга своего, пошли сквозь заросли и к полудню увидели коней и своих слуг. А когда начали они укладывать на коней своих бремя, свистнул змий. И они от страха пали замертво.

Свист змия достиг и того места, где стоял царь Василий, ожидая детей своих, — ибо нарек он их своими детьми. От свиста того ослепли и пали замертво многие из братии их, до трех тысяч, ибо царь подошел к

за 15 дний. И отступиша от того мѣста за 16 дний и рече: «Уже мои дѣти мертвѣ». И пакы рече: «Еще пожду мало».

Сии же въставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 дний, и пришедше, поклонишася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому.

Патриарх же взем 2 вѣнца и, прочетъ грамоту, възложи на царя Василия и на царицю на Александрѣю, родомъ арменина наречеся.* Царь же, вземъ кубокъ, повелѣ наполнити сухимъ златом, а камений 5 драгих посла въ Ерусалимъ к патриарху. А что собѣ принесоша, поведавше царевѣ злато и сребро и камение драгое и жемчюгъ великый. Царь же не взяше ничего же, но еще дасть имъ по 3 *перпера* злата.* И отпусти я и рече им: «Поидѣта с миромъ, гдѣ суть отци ваши и матери, и прославите Бога, и 3 отрокы, и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василия».

Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскый* рече: «Поиди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за род крестьянескъ!»

Вавилону на пятнадцать дней пути. И отступил он от того места на шестнадцать дней пути и сказал: «Уже дети мои мертвы». А затем сказал: «Еще подожду немного».

А те, вставши, как ото сна, пошли, и настигли царя за шестнадцать дней пути, а, прийдя, поклонились царю. И рад был царь и все войско его. И они рассказали ему все, — каждый особо.

Патриарх же взял два венца и, прочитав грамоту, возложил их на царя Василия и на царицу Александрию, родом из Армении. Царь же, взяв кубок, повелел наполнить его чистым золотом да пять дорогих камней послал в Иерусалим к патриарху. И обо всем, что они принесли для себя, — о золоте и серебре, о драгоценных камнях и крупном жемчуге, — посланцы поведали царю. Царь же не взял себе ничего, но и еще дал им по три золотых монеты. И отпустил их, сказав им: «Идите с миром туда, где отцы ваши и матери и прославляйте Бога и трех отроков, и царя Улевуя, в крещении нареченного Василием».

Оттуда царь хотел было идти в Индию. Давид же, царь критский, сказал: «Пойди на страны северные, на врагов иноверных, за род христианский!»

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВѢРНЕМЬ КНЯЗИ ДОВМОНТѢ И О ХРАБРОСТИ ЕГО

В лѣто 6773-е. Побишася Литва межи собою* нѣкиа ради нужа, блаженый же князь Домантъ съ друженою своею и съ всѣм родомъ своимъ оставль отечьство свое, землю Литовскую, и прибѣже в Плѣсков.* Си бысть князь Домонт от племени литовского,* прьвѣе имѣа ко идоломъ служение* по отцю преданию, егда Богъ восхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну в онь благодать Святого Духа, и възбнувся, яко от сна, от идолского служениа и помысли своими бояры креститися во имя Отца и Сына и Святого Духа. И крещен бысть въ соборной церкви, въ святѣй Троици,* и наречено бысть имя ему въ святомъ крещении Тимофѣй. И бысть радость велика во Плескове, и посадиша его мужи псковичи на княжение въ градѣ Псковѣ.

По неколицѣхъ днехъ помысли ехати съ мужи псковичи, съ 3-ми девяносты,* и плени землю Литовскую, и отечьство свое повоева, и княгиню Герденевую* полони и дѣти ея, и все княжение его повоева, и възратися съ множеством полона ко граду Плескову. Перебродився Двину, и отъеха за 5 верстъ, и ста шатры на бору чистѣ, а стражи постави на рѣцѣ на Двинѣ Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою с Литовникомъ. Двѣ же девяностѣ мужь отпровади с полономъ, а во едином девяносте сам ся оста, жда по собѣ погони.

Герденю же съ своими князи дома не бывшю, и приехаше в домы своя, аже домовѣ их и земля их вся пленена. Ополчився Гордений и Гойтортъ и Люмби и Югайло и прочии князи, в семисотъ погнаша в слѣд Домонта, хотяще его руками яти и лютой смерти продати, а мужи псковичи мечи иссѣчи, и пребродившеся Двину рѣку и сташа на брезѣ. И стражи же, видѣвше рать велику, пригнавше, поведавше Домонту: рать перебродилася Двину. Домонтъ же рече Давыду и Лувѣ: «Помози вама Богъ и святаа Троица, оже еста устерегла

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВЕРНОМ КНЯЗЕ ДОВМОНТЕ И О ХРАБРОСТИ ЕГО

В 6773 (1266) году. Из-за какой-то распри побились литовцы друг с другом, блаженный же князь Довмонт с дружиною своей и со всем родом своим покинул отечество свое, землю Литовскую, и прибежал во Псков. Был этот князь Довмонт из рода литовского, сначала поклонялся он идолам по заветам отцов, а когда Бог восхотел обратить в христианство людей новых, то вдохнул в Довмонта благодать Святого Духа, и, пробудившись, как от сна, от служения идолам, решил он со своими боярами креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа. И крещен был в соборной церкви, в святой Троице, и наречено было ему имя во святом крещении Тимофей. И была радость великая во Пскове, и посадили его мужи-псковичи на княжение в граде Пскове.

Несколько дней спустя задумал Довмонт отправиться в поход с мужами-псковичами, с тремя девяносто, и покорил землю Литовскую, и отечество свое завоевал, и полонил княгиню Герденя и детей их, и все княжество его разорил, и направился со множеством пленных к граду Пскову. Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей — Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гердень и князья его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земля разорены. Ополчились тогда Гердень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и лютой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: «Помоги

рать велику, полезьта доловъ». И рече Давыдъ и Лува: «Не лезова доловъ, хотя животъ свой дати на славѣ и кровь свою пролити с мужи съ псковичи за святую Троицу и за вся церкви святыа. А ты, господине княже, поеди борзо с мужи съ псковичи на поганую Литву». Домонт же рече псковичемъ: «Братьа мужи псковичи, кто старъ, то отець, а кто млад, той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣх странах, се же, братья, нам предлежитъ животъ и смерть. Братья мужи псковичи, потягнѣте за святую Троицу и за святыа церкви, за свое отечьство!»

Тогда же бѣ приспѣлъ день великого и славнаго воеводы, мученика Христова Леонтиа,* и рече Тимофѣй князь: «Святаа Троица, и святый великий воевода Леонтий, и благовѣрный княже Всеволоде,* помози намъ в час сий на супротивныя врагы». И ехав, князь Домонтъ с мужи псковичи Божиею силою и святаго Христова мученика Леонтиа одиномъ девяностомъ 7 сот побѣди. Тогда же убиенъ бысть князь великий литовский *Гойтортъ*, и инѣхъ князей много избиша; а инаа Литва въ Двине истопоша, а инѣхъ Двина изверже 70 их на островъ Гоидовъ, а инии на прочаа островы извержени быша, а инии вниз по Двине поплыша. Тогда же убиенъ бысть Онтонъ един псковитинъ, сынъ Лочков, брат Смолигов, а инии вси без вреда съхранени быша молитвою святого Христова мученика Леонтиа. И възвратишася с радостию великою ко Пскову граду съ многою користию, и бысть радость и веселие велико въ градѣ во Пскове о пособии святыа Троица, и славнаго великого Христова мученика Леонтиа, и благовѣрнаго князя Всеволода, ихъ молитвами на супостатыа побѣда.

И паки же по томъ времени, в лѣто 6775-е, великий князь Дмитрий Олександровичь... съ зятемъ своимъ с Домонтомъ* и с мужи с новогородци и со псковичи и иде к Раковору,* и бысть сѣча велика* с погаными немци на полѣ чистѣ, и помощию святыа София* Премудрости божиа и святыа Троици немецкиа полкы побѣдиша февраля 18 суботу сыропусную.* И прошед горы непроходимаа, и иде на вируяны,* и плени землю их и до моря, и повоева Поморье,* и паки возвратився, и исполни землю свою множеством полона. И славна бысть вся земля ею во всехъ странах страхом грозы храборства великого князя Дмитрея, и зятя его Домонта, и мужь ею новогородцовъ и псковичь.

И по томъ по неколицех днехъ останок собравше поганое латины,* и пришед тайно, и взяша с украины нѣколико псковскых сѣлъ, и възвратишася вскорѣ. И боголюбивы же князь Домонтъ не стерпѣ обидимѣ быти земли и дому святыа Троица от нападениа поганыхъ немець, выехавъ в погоню с малою дружиною в пяти насадах* с шестьюдесятью мужь псковичь, Божиею силою 8 сотъ немѣц побѣди на рѣцѣ на Мироповнѣ,* а два насада бѣжаше в ыныа островы. Боголюбивый же князь Домонтъ, ехав и зажже островъ, и пожже ихъ под травою, а инии побѣгоша, а власи их зажжени горятъ, а иных иссѣче, а

вам Бог и Святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответил Давыд и Лува: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганых литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар — тот мне отец; а кто млад — тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за Святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!»

Это был день великого и славного воеводы, мученика Христова Леонтия, и произнес князь Тимофей: «Святая Троица, и святой великий воевода Леонтий, и благоверный князь Всеволод, помогите нам в час сей одолеть ненавистных врагов». И выехал князь Довмонт с мужами-псковичами, и Божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов победил. В этой битве был убит великий литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Онтон, Лочков сын, брат Смоликов, а другие остались невредимыми, благодаря молитве святого Христова мученика Леонтия. И возвратились они с радостью великой к Пскову-граду и с многой добычей, и были радость и веселье всеобщее в граде Пскове о заступничестве Святой Троицы, и славного великого Христова мученика Леонтия, и благоверного князя Всеволода, ибо их молитвами были побеждены супостаты.

И снова, спустя некоторое время, в год 6775 (1268), великий князь Дмитрий Александрович с зятем своим Довмонтом и с мужами-новгородцами и псковичами пошли к Раковору. И была сеча великая с безбожными немцами на поле чистом, и с помощью святой Софии Премудрости Божьей и Святой Троицы победили они полки немецкие 18 февраля в субботу сыропустную. И Довмонт, пройдя земли непроходимые, пошел на вируян, и завоевал землю их до моря, и Поморье разорил, и возвратился обратно, и пополнил землю свою множеством пленных. И прославилась земля их во всех странах, устрашенных грозою храбрости великого князя Дмитрия, и зятя его Довмонта, и мужей их — новгородцев и псковичей.

И через несколько дней собрались оставшиеся в живых поганые латиняне и пришли тайно, и взяли несколько псковских сел по окраинам, и быстро возвратились вспять. Боголюбивый же князь Довмонт не потерпел обиды земле и дому Святой Троицы от нападения поганых немцев, выехав в погоню с малою дружиною в пяти насадах с шестьюдесятью воинами-псковичами, Божьею силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, и два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и одних пожег в траве, а другие побежали, и волосы их горели, а иных Довмонт посек,

инии истопоша в водѣ пособием святыа Троици, и славнаго великого воина Георгиа,* и молитвою благовѣрнаго князя Всеволода, месяца априля в 23 день, на память святого славнаго мученика Христова Георгиа. И възвратишася с радостию великою въ град во Псковъ, и бысть радость и веселие въ граде во Пскове о пособии Святыа Троица и святого воина *великого* Христова мученика Георгиа.

Слышав же местеръ земля Ризскиа* мужство Домонтово, ополчився в силѣ тяжцѣ без Бога, и прииде ко Пскову в корабляхъ и в лодьях и на конехъ, и с порокы, хотя плѣнити домъ Святыа Троица, а князя Домонта руками яти, а мужъ псковичь мечи иссѣчи, а иныа люди плесковскыа в работу ввѣсти. Слышав же то Домонтъ, ополчающася люди без ума во множствѣ силы, без Бога, и вниде въ церковь Святыа Троица и, положивъ мечь свой пред олтаремъ Господнимь, пад, моляся много с плачемъ, сице глаголя: «Господи Боже силъ, мы, людие твои и овца пажити твоея, имя твое призываемъ, призри на кроткиа и смиренныа възвыши, и гордыхъ высокиа мысли низложи, да не опустиеть пажить овць твоих».* И взем же игуменъ Сидоръ* мечь, и всь иерѣйский чинъ, препоясавше мечемъ, и благословивша и отпустиша. Домонт же въ множествѣ ярости мужства своего, не дождавъ полковъ новъгородцких, с малою дружиною с мужи съ псковичи выехавъ, Божиею силою побѣди и изби полки ихъ, самого же местера раниша по лицю. Они же трупьа своя многи учаны* накладоша, вѣзоша в землю свою, а останокъ ихъ устрѣмиша на бѣгъ, месяца июня в 8 день, на память святого мученика Федора Стратилата принесению мощей.

И паки же по временех княжениа его начаша поганая латына силу дѣати на псковичехъ нападениемъ и работою. Боголюбивый же князь Тимофѣй не стерпѣ обидимъ быти, ехавъ с мужи съ псковичи, и плѣни землю и грады их пожже.

И потомъ по малѣ времѣни бысть знамение в лунѣ, месяца септября. Тоа же зимы грѣх ради наших изгониша немци изгонною ратью посад у Пскова, в лѣто 6807-е, месяца марта въ 4 день, на память святого мученика Павла и Ульаны, и избиша игумены. Тогда убиенъ бысть Василей, игуменъ святого Спаса,* Иосифъ прозвутеръ, Иасаф, игуменъ святѣй Богородици Снятной горѣ,* и с ними 17 мнихъ, и черньца, и черници, и убогыа, и жены, и малыа дѣтки, а мужь Богъ ублюдѣ. Въ утрий же день погании немци оступиша град Псков, хотяще его плѣнити. Боголюбивый же князь Тимофей не стерпѣ дождати мужь своихъ болшея рати и выехал с малою дружиною с мужи съ псковичи и с Ываномъ с Дорогомиловичем* и сь его дружиною, противо имъ вполчився. Помощью Святыа Троица у святого Петра и Павла на бѣрезѣ* удари на нихъ; и бысть сѣча зла, якоже николиже не бывала у Пскова, и раниша самого мендѣря* по главѣ, а вельневици,* изъимавѣ, посла к великому князю Андрѣеви,*

а иные потонули в воде помощью Святой Троицы, и славного великого воина Георгия, и молитвою благоверного князя Всеволода месяца апреля в двадцать третий день на память святого славного мученика Христова Георгия. И возвратились они с радостью великою во град Псков, и были радость и веселие во граде Пскове о заступничестве Святой Троицы и святого воина великого Христова мученика Георгия.

Прослышал магистр земли Рижской о мужестве Довмонта, собрал полки и силой страшною, безбожною пришел ко Пскову в кораблях, и в ладьях, и на конях, и с орудиями стенобитными, намереваясь пленить дом Святой Троицы и князя Довмонта схватить, а мужей-псковичей мечами посечь, а остальных людей псковских в плен увести. Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без Бога, Довмонт вошел в церковь Святой Троицы и, положив меч свой пред алтарем Господним, пал на колени, долго молясь со слезами, говоря так: «Господи Боже сил, мы, люди твои и овцы пажити твоей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих». И взял игумен Сидор и все священники мечи, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт же в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, Божьею силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство месяца июня в восьмой день, на память перенесения мощей святого мученика Федора Стратилата.

И снова во времена княжения Довмонта начали поганые латиняне угрожать псковичам набегами и неволей. Боголюбивый же князь Тимофей не потерпел обиды, выехал с мужами-псковичами и разорил землю их и города сжег.

Вскоре после этого, в сентябре месяце, было лунное затмение. В ту же зиму за грехи наши ворвались немцы легкими отрядами в предместья Пскова в год 6807 (1299) 4 марта, на память святого мученика Павла и Ульяны, и перебили игуменов. Тогда был убит Василий, игумен святого Спаса, пресвитер Иосиф, Иоасаф, игумен святой Богородицы на Снетной горе, и с ними семнадцать монахов, и чернецов, и черниц, и убогих, и женщин, и малых детей, а мужей Бог сохранил. Наутро поганые немцы обступили город Псков, собираясь его захватить. Боголюбивый же князь Тимофей в нетерпении не дождался своего основного войска и выехал с малою дружиною мужей-псковичей и с Иваном Дорогомиловичем и его дружиною и приготовился к битве. С помощью Святой Троицы ударил по ним Довмонт у святых Петра и Павла на берегу; и была сеча жестокая, какой никогда не бывало у Пскова, и самого командора ранили в голову, а вельневичан, взяв в плен, послали к великому князю Андрею,

а прочии вскорѣ повергъша оружиа и устрѣмишася на бѣгъ страхомъ грозы храборства Домонтова и мужъ его псковичь.

Тогда же бѣаше и моръ золъ на людех.

Сей же бѣ князь не одинем храборъством показанъ бысть от Бога, но и боголюбецъ показася, в мирѣ приветливъ, и церкви украшаа, и попы и нищаа любя, и вся праздники честно проводя, и попы и чернца кормля, и милостыню даа и сиротамъ и вдовицамъ. Якоже рече Исайя пророкъ: «Князь благъ въ странѣ, увѣтлив, боголюбивъ, страннолюбецъ, кротокъ, смѣренъ, по образу Божию; Богъ бо мира не аггеломъ любить, но человѣкомъ щедря си ущедряеть и показуеть милость свою на мирѣ».*

И прославися имя князей нашихъ во всѣх странахъ, и бысть имя их грозно на ратехъ, и быша князи княземъ и воеводы воеводамъ, и бысть грозенъ гласъ ихъ пред полкы, аки труба звѣнящи, и бысть побѣжаа и не бѣ побѣдими, якоже бѣ и Акрита,* единъ побѣжая полки в крѣпости силы своеа. Такоже и великий князь Александръ* и Дмитрей сынъ его с своими бояры, и с новогородци, и съ зятем своимъ с Домонтомъ и сь его мужи с плесковичи побѣжаа страны поганыа Немець, Литву, Чюдь, Корелу. То единаго ли ради Езекѣя съхраненъ бысть Иерусалимъ от плѣнениа Синахиримля, царя Асурска.* Паки же и великимъ княземъ Александром, и сыномъ его Дмитреемъ, и зятемъ его Домонтомъ спасенъ бысть град Новгород и Псковъ от нападениа поганыхъ немѣць.

И по томъ времени мало здравъ бывъ благовѣрный князь Тимофей и нача болѣти, и в той болѣзни и преставися к Богу в жизнь вѣчную, месяца майя в 20, на память святого мученика Фалѣлеа. А проводиша его все поповство, и игумены, и чернцы, и все множество людей плакахуся его, и тако положиша и в святѣй Троици с похвалами, и пѣсньми, и пѣнии духовными. Бысть же тогда жалость велика въ Плѣсковѣ мужемъ, и женам, и малымъ дѣтемъ по добром господине благовѣрномъ князи Тимофѣи, и много бо дне пострада за домъ Святыа Троица и за мужей за псковичь стояниемъ дому Святыа Троица.

а остальные вскоре бросили оружие и побежали, страшась грозы храбрости Довмонта и его мужей-псковичей.

Тогда же был мор сильный среди людей.

Сей князь не только одной храбростью отмечен был от Бога, но отличался боголюбием, был приветлив в миру, и украшал церкви, и попов и нищих любил, и все праздники достойно соблюдал, наделял необходимым священников и чернецов, был милостив к сиротам и вдовицам. Как сказал Исайя-пророк: «Благой князь в стране — приветлив, боголюбив, любит странников, кроток и смиренен по образу Божию; ибо Бог в мире не к ангелам питает любовь, но к людям, наделяя их щедро, благодетельствует и на земле являет милосердие свое».

И прославилось имя князей наших во всех странах, и было имя их грозою во время ратное, и были они князья князьям и воеводы воеводам, и был голос их грозен перед полками, как звенящая труба, и побеждали они, но были непобедимыми, подобно Акриту, который побеждал полки мужеством силы своей. Так и великий князь Александр, и Дмитрий, сын его, со своими боярами, и с новгородцами, и с зятем своим Довмонтом, и с его мужами-псковичами побеждали народы иноверные — немцев, литовцев, чудь и корелу. Не ради ли одного Езекии был сохранен Иерусалим от разорения Сенахиримом, царем ассирийским? Так и великим князем Александром, и сыном его Дмитрием, и зятем его Довмонтом спасены были Новгород и Псков от нашествия поганых немцев.

И потом занемог благоверный князь Тимофей и в болезни отошел к Богу в жизнь вечную месяца мая в двадцатый день, на память святого мученика Фалалея. И провожали его всем собором, игумены и чернецы, и многие люди оплакивали его, и положили его в Святой Троице с похвалами и песнопеньями духовными. И скорбели в Пскове мужи, и жены, и малые дети о добром господине, благоверном князе Тимофее, ибо много он потрудился, защищая дом Святой Троицы и мужей-псковичей.

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

В лѣто 6860. Рукописание Магнуша, короля свѣйскаго. Се язъ, князь Магнушь, король свѣйский, нареченый въ святомь крещеньи Григорий, отходя сего свѣта, пишу рукописание при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей братьи, и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованьи, занеже намъ не посабляется.

Первие сего подьялъся местерь Бельгерь* и шелъ в Неву, и срѣте его князь великий Александръ Ярославич на Ижерѣ-рѣцѣ,* и самого прогна, а рать его поби.

И потом брат мой Маскалка, вшедъ в Неву, городъ постави на *Охтѣ*-рѣцѣ* и посадникы своя посади съ множествомъ нѣмець, а самъ поиде за море. И пришед великий князь Андрѣй Александрович, город взя,* а намѣстники и немѣць поби.

И потом было намъ розмирие с Русью* 40 лѣт.

И потом за сорок лѣт с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ взяли есмя миръ вѣчный* на Невѣ, земли есмя и водѣ учинили роздѣлъ, кому чѣм владѣти, и грамоты есмя пописали и попечатали.

И потом за 30 лѣт,* язъ, Магнушь-король, того не порядя, поднялся есмь съ всею землею Свѣйскою, и вшед в Неву, и взя город Орѣховъ и намѣстники есмь свои в городѣ посадилъ, и съ *ними* нѣколко силы моей оставих, а самъ есмь пошелъ за море. И потомъ новогородци пришед, город свой взяли, а намѣстниковъ и немѣць побили, которыи сидѣли в городѣ.

И язъ, того не порядя, за одинъ годъ, опять пошелъ к Орѣхову* съ всею Свѣйскою землею; и стрѣти мя вѣсть, что новогородци под Орѣховцемъ. И язъ опять пошел под Копорью,* и под Копорьею есмь ночь ночевал; и вѣсть ко мнѣ пришла: новогородци на *украѣ* земли. И язъ послышевъ, побѣглъ за море; ино в валу парусовъ не знати; и въста буря силна, и потопи рати моей много на усть Неровы-рѣкы.* И пошелъ есмь в землю свою съ *останкомъ* рати.*

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

В 6860 (1352) год. Завещание Магнуша, короля шведского. Вот я, князь Магнуш, король шведский, нареченный в святом крещении Григорием, уходя из этого мира, пишу завещание при жизни своей и приказываю своим детям, и своим братьям, и всей земле Шведской: не нападайте на Русь, если крест в том целовали — нет нам в этом удачи.

Первым пошел войной мессер Бельгер и вошел в Неву; и встретил его князь великий Александр Ярославич на Ижоре-реке, и самого прогнал, а рать его побил.

И потом брат мой Маскалка, войдя в Неву, город поставил на Охте-реке, посадников своих со множеством немцев там посадил, а сам пошел за море. И пришел великий князь Андрей Александрович, город взял, а наместников и немцев побил.

И потом было нам размирие с Русью сорок лет.

И потом, через сорок лет, заключили мы мир вечный на Неве с великим князем Юрием Даниловичем, земли и воды разделили, кому чем владеть, грамоты написали и скрепили печатями.

И потом, через тридцать лет, я, Магнуш-король, нарушив мир, поднялся со всею землею Шведскою, и вошел в Неву, и взял город Орехов, и наместников своих в городе посадил, а с ними часть войска оставил, а сам пошел за море. И потом новгородцы пришли, город свой взяли, а наместников и немцев, которые были в городе, перебили.

И я, не остерегшись этого, через год опять пошел к Орехову со всею Шведскою землею; и дошла до меня весть, что новгородцы под Ореховцем. И потом я опять пошел под Копорье, и под Копорьем ночь ночевал; и весть ко мне пришла: новгородцы на побережье. И я, услышав это, побежал за море; из-за волн с парусами было не справиться, и поднялась буря сильная, и потопила рати моей много в устье Наровы-реки. И пошел я в землю свою с остатком войска.

И от того времени наиде на нашу землю Свѣйскую погыбель: потопъ, моръ, голодъ и бысть сѣча между собою. У самого у мене Богъ отъя умъ, и сѣдѣх в полате год прикованъ къ стѣнѣ чепию желѣзною и задѣланъ есмь был в полатѣ.

И потомъ приѣхалъ сынъ мой Сакунъ из Мурманьской земли,* и выня мя ис полаты, и повезе в землю свою Мурманьскую. И удари на мене опять потопъ, корабли мои и люди мои истопи вѣтръ, а сам сътворихся на днѣ корабленемъ, и с торцнемъ* пригвоздихся, три дни и три нощи. И по Божию повелѣнию, принесе мя вѣтръ под манастырь святаго Спаса в Полную рѣку,* и сняху мя со дьскы черньци, и внесоша мя в манастырь и постригоша мя в черньци и въ скыму;* и сътвори мя Господь три дни и три нощи жива. А все то мене Богъ казнилъ за мое высокоумие, что есмь наступалъ на Русь на крестномь целовании.

И нынѣ приказываю своимъ дѣтем и своей братьи и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ целовании; а кто наступить — на того огнь и вода, имже мене Богъ казнилъ. А все то створилъ *Богъ* къ моему спасению.

И с того времени пришла на нашу землю Шведскую погибель: потоп, мор, голод и война междоусобная. У меня самого Господь отнял разум, и сидел я в палате год, прикованный к стене цепью железною, и заключен был я в этой палате.

И потом приехал сын мой Сакун из Мурманской земли, и взял меня из палаты, и повез меня в землю свою Мурманскую. И опять налетела буря: корабли мои и людей моих потопил ветер, а сам я очутился на дне корабельном и, уцепившись за доску, плавал три дня и три ночи. И по Божью повелению принес меня ветер к монастырю святого Спаса в Полную реку, и сняли меня с доски монахи, и внесли меня в монастырь, и постригли меня в иноки и в схиму; сохранил меня Господь три дня и три ночи живым. А все это — Божья кара за мою гордыню, за то, что пошел войною на Русь, нарушив крестное целованье.

И теперь приказываю своим детям, и своим братьям, и всей земле Шведской: не воюйте с Русью, если договор с ней заключили; а кто пойдет — против того будут и огонь, и вода, чем и меня Бог казнил. А все это сотворил Господь для моего спасения.

ЖИТИЕ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО

В ЛѢТО 6800.* УБИЕНИЕ БЛАГОВѢРНОГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА,* МЕСЯЦА НОЯБРЯ ВЪ 22 ДЕНЬ

Благослови, отче.

Венецъ убо многоцвѣтенъ всякимъ украшениемъ и всякимъ цвѣточным видящимъ его очима многую свѣтлость подастъ. Кииждо убо взора своего видѣниемъ влечетъ к собѣ: ово бѣлым образомъ цвѣточнымъ просвѣщается, ин же черленым и багряным и зѣло точнымъ лице имѣя; а въ едином совокуплении смѣсившимся от многъ арамат чюдоносную воню испущающе благоухания, изимающе злосмрадие от сердца вѣрных. Сице убо жития имѣющих велие усвоение къ единому Богу, желающе, како угодия ему сътворити, киимъ доити и видѣти горний Иерусалимъ: овии же отложше плотскую немощь, постомъ и молитвами в пустыняхъ и в горах, в пешерах изнуряюще тѣло свое и венецъ, и перфиру, и весь санъ своего сунклитства временнаго, ничтоже вмѣняюще, оставляаху, токмо единого Христа любящи въ сердци и желающе нетлѣннаго царства, но еще тѣло свое предаша на поругание узамъ, и темницам, и ранам, конечное, кровь свою проливающе, въсприимаху царство небесное и венецъ неувядаемый. Яко же сей крѣпкий умомъ и терпеливый душею блаженный и христолюбивый великий князь Михайло Ярославичь свое царство, *уметы* вмѣнивъ, остави, приятъ страсть нужную, положи душу свою за люди своя, помня слово Господне, еже рече: «Аще кто положит душу свою за други своя, сей великий наречется въ царствии небеснемъ».* Сии словеса измлада навыче от Божественаго Писания, положи на сердци си, како бы пострадати. Нам же сеи не от *и*нѣхъ слышавше, но сами бывше честному его въспитанию и добронравному възрасту его и премудру разуму усерднаго к Богови усвоения.

Сего блаженнаго великого князя Михаила Ярославича нѣсть лѣпо в забвение ума оставити, но на свѣщницѣ проповѣдания оставити, да вси, видящи

ЖИТИЕ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО

В ГОД 6800. УБИЕНИЕ БЛАГОВЕРНОГО И ХРИСТОЛЮБИВОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА, МЕСЯЦА НОЯБРЯ В 22 ДЕНЬ

Благослови, отче.

Сплетенный из множества цветов венец всевозможными украшениями и различными цветами доставляет великую радость тем, кто видит его ⟨своими⟩ очами. Ибо каждый ⟨цветок⟩ образом своим и видом влечет к себе: один белизной светится, другой красный или багряный лик имеет; а когда все они вместе соединяются, смешивая многие ароматы, ⟨то⟩ чудесное благоухание испускают, изымая злосмрадие из сердец верных. Таковы и жития тех, кто имел великое устремление к единому Богу, старался, как бы ему угодить, тех, кому суждено дойти и видеть горний Иерусалим: одни, презрев плотскую немощь, постом и молитвами в пустынях и в горах, в пещерах изнуряя тело свое, и венец, и порфиру, и сан своего царства временного оставляли, ни во что его вменяя, одного лишь Христа любя ⟨всем⟩ сердцем и желая нетленного царства; да еще и тело свое предали на поругание узам, и темницам, и ранам, и наконец, кровь свою проливая, восприняли царствие небесное и венец неувядаемый. Так же как сей сильный умом и терпеливый душою блаженный и христолюбивый великий князь Михайло Ярославич царство свое, к праху приравняв, оставил, и приняв тяжкие мучения, положил душу свою за людей своих, помня слово Господне, которое гласит: «Если кто положит душу свою за ближних своих, тот великим наречется в царствии небесном». Узнав слова эти из Божественного Писания, затаил он в сердце своем ⟨желание⟩ пострадать. Мы же все это не от других слышали, но сами были ⟨свидетелями⟩ честного его воспитания, добронравной зрелости и исполненного разумом и мудростью усердного стремления к Богу.

Сего блаженного великого князя Михаила Ярославича не подобает оставлять в забвении, нет, следует его поставить на подсвечник проповедания,

свѣт богоразумнаго князя жития, терпѣния, конечная страсти его, просвѣтят сердца своя умная свѣтомъ немерцаемыя благодати. Аз же, аще грубъ сый и невѣжа есмь, но ревностию любве господина своего палимъ есмь. Убояхся оного раба лениваго, съкрывшаго талантъ господина своего в земли, а не давшаго добрымъ торжником, да быша сътворили сторицею.* Но паки боюся и трепещу своея грубости: како въспишу от многа мало, извѣстити о конечнѣй страсти блаженнаго Христова воина, великого князя Михаила Ярославича, еже сътворися в послѣдняя времяна въ дни наша. Се и начиная молитися: «Владыко Господи Исусе Христе, подай же ми умъ и разумъ и отверзи ми устнѣ, да възвестят хвалу твою, да провѣщаю подвигъ блаженнаго раба твоего».

В послѣдняя бо лѣта Господь нашь Исус Христос, Слово Божие, родися от пречистыя девы Мария Богородица, и приятъ страсть, исправляя падения рода нашего, и въскресе в третий день, и възнесеся на небеса.* *В* день пятдесятный посла Господь нашъ Богъ Духъ свой на апостолы,* оттолѣ начаша учити, обходяще вся страны, и крестити въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и в себе мѣсто поставляаху патриархи и митрополиты, епископы же и прозвитеры. Господь же премилостивый Богъ божественым своимъ промышлениемъ *на* послѣдний вѣкъ яви благодать свою на русскомъ языцѣ: приведе великого князя Владимера русскаго въ крещение; Вълодимеръ же, просвещенъ Святаго Духа благодатию, введе всю землю русскую въ крещение.* Оттоле распространися святая вѣра по всей земли, и бысть веселие и радость велика в новопросвещенных людехъ; точию единъ дияволъ сѣтовашеся, побѣждаемъ от тѣх, имиже преже тѣхъ чтим бываше, жертву приимая и вся угодная. Сего не терпя, врагъ душь наших опромѣташеся, льстивый, како бы съвратити с праваго пути ихъ; и вложи в сердце ихъ зависть, ненависть, братоубийство; нача въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат менший под старѣйшим братомъ, умножися неправда и злоба многа въ человѣцѣхъ, и предашеся въ слабость свѣта сего скороминующаго. Господь же премилостивый Богъ, не терпя видѣти погибающа от диявола род нашь, претяше намъ казньми, хотя нас обратити от злобъ нашихъ, посла на ны казнь, овогда глад, овогда смерть въ человѣцехъ и скотѣхъ; конечную пагубу преда нас в руцѣ измаилтяном.* Оттолѣ начахомъ дань даяти по татарьскому языку. И егда коему княземъ нашим доставашеся великое княжение, хожаше князи русстии въ Орду къ цареви,* носящи множество имѣния своего.

По великомъ жестоком пленении русстемъ минувшимъ лѣт 34.*

Сей блаженный, приснопамятный и боголюбивый великий князь Михайло бысть сынъ великого князя Ярослава, внук же великого князя и блаженнаго Всеволодичя, скончавшагося нужною смертию въ Ордѣ за крестьяне. Роди же ся от блаженныя, въистину от преподобныя матери, великие княгини Ксении;* его же святая та и премудрая мати въспита въ страсѣ Господни и научи святымъ книгам и всякой премудрости.

чтобы все, видя свет жития богоразумного князя, его терпения, его последних страданий, просветили свои мысленные сердца светом немеркнущей благодати. Я же, хотя и груб, и невежа, но распаляет меня ревностная любовь к своему господину. Убоялся я участи того раба ленивого, скрывшего талант господина своего в земле вместо того, чтобы дать его добрым торговцам, дабы вернули сторицею. Но опять боюсь и трепещу своей грубости: как мне описать из многого немногое, чтобы рассказать о последних страданиях блаженного Христова воина, великого князя Михаила Ярославича, о том, что случилось в недавние времена, в дни наши. С тем и начинаю, молясь: «Владыко Господи Иисусе Христе, подай же мне ум и разум, отверзи мне уста, да провозгласят они хвалу тебе, да возвещу о подвиге блаженного раба твоего».

В последние времена Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, родился от пречистой девы Марии Богородицы, и принял страдания, исправляя падший наш род, и воскрес в третий день, и вознесся на небеса. В день пятидесятый послал Господь Бог наш Дух свой на апостолов, от того времени начали они учить, обходя все страны, и крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа, и вместо себя поставляли патриархов и митрополитов, епископов и пресвитеров. Господь же премилостивый Бог божественным своим промышлением в последний век явил благодать свою на русском народе: привел великого князя русского Владимира ко крещению; Владимир же, просвещенный Святого Духа благодатию, привел ко крещению всю русскую землю. От того времени распространилась святая вера по всей земле, и было веселие и радость великая среди новопросвещенных людей; лишь один дьявол сетовал, побеждаемый теми, кем прежде был почитаем, принимая жертвы ⟨от них⟩ и все угодное. Не терпя этого, враг душ наших спохватился, льстивый: как бы совратить их с праведного пути; и вложил в сердца их зависть, ненависть, братоубийство; начали отнимать нажитое сын у отца, младший брат у старшего брата, умножилась неправда, и ⟨стало⟩ много злобы в людях, и отдались они слабостям света сего скоротечного. Господь же премилостивый Бог, не хотя видеть погибающим от дьявола род наш, останавливает нас карами, стремясь обратить нас от зла нашего, посылает он нам наказание: то голод, то мор на людей и скотину, — и в последнюю пагубу предал нас в руки измаильтянам. От того времени начали дань давать по татарскому ясаку. И когда кому из князей наших доставалось великое княжение, ходили князья русские в Орду к царю, принося ⟨ему⟩ множество своих богатств.

После великого жестокого пленения русского минуло 34 года.

Блаженный, приснопамятный и боголюбивый великий князь Михаил был сыном великого князя Ярослава, внуком же великого князя блаженного ⟨Ярослава⟩ Всеволодича, скончавшегося тяжкою смертью в Орде за христиан. Родился же он от блаженной, воистину преподобной матери, великой княгини Ксении; и воспитала его святая та и премудрая мать в страхе Господнем и научила святым книгам и всякой премудрости.

Князящу же ему в вотчинѣ своей въ Тфери, преставися великий князь Андрѣй* въ Тфери, благослови его на свой стол, на великое княжение, сего христолюбиваго великого князя Михаила, емуже по старѣйшинству дошелъ бяше степени великого княжения.* И поиде въ Орду къ царю,* якоже преже бывши его князи имѣаху обычай тамо взимати княжение великое.

В то же время сыновецъ его князь Юрий* поиде въ Орду же. Бывшу ему в Володимере, блаженный и приснопамятный митрополит Максимъ всея Руси* со многою молбою браняше ему итти въ Орду, глаголя: «Азъ имаюся тебѣ съ княгинею, с материю князя Михаила, чего восхочешъ изъ отчины вашея, то ти дасть». Он же обещася, рекъ: «Хотя, отче, поиду, но не ищу княжения великого».

И бывшу ему во Ордѣ, не хотяше добра роду крестьяньскому дияволъ вложи в сердце князем татарьским свадиша братию, рекоша князю Юрию: «Оже ты даси выход болши князя Михаила, тебѣ дамъ великое княжение». Тако превратиша сердце его, нача искати великого княжения. Обычай бѣ поганых, и до сего дни — вмещущи вражду между братьею, князи русскими, себѣ многия дары взимаютъ.

И бывши прѣ велицѣ между има, и бысть тягота велика в Руси за наша беззакония и съгрѣшения. О том рече пророкъ: «Аще обратитеся ко мнѣ и останетеся от злобъ ваших, то вложу любовь княземъ вашим, аще ли не останетеся злаго обычая вашего, ни покаетеся от многих беззаконий своих, всякою казнию покажню вас».* Но милостию пречистыя Богородица и всѣх святых прииде благовѣрный великий князь Михайло и посаженъ бысть на столѣ дѣда и отца своего у святѣй Богородици в Володимере блаженым и преподобным Максимом, митрополитомъ всея Руси.

И князившу ему лѣто в великомъ княжении, и сѣде инъ царь, именем Озбякъ.* И видѣ Богъ мерьскую вѣру срацинскую,* и оттолѣ начаша не щадити рода крестьяньска, якоже бо о таковых рекоша царския дѣти, въ плѣну в Вавилонѣ сущии, глаголаху: «Предасть ны в руцѣ царю немилостиву, законопреступну, лукавнѣйшу паче всея земля».* Егда бо Господь Титу предасть Иерусалимъ, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И паки, егда Фоцѣ преда Царьград, не Фоцу любя, но Царьград казня за людская прегрешения.* Еже и си нас дѣля бысть за наша согрѣшения. Но мы бывшее възглаголемъ.

Оттоле нача быти вражда между князема сима, а еще сваристася многажды миръ межю собою, но врагъ дияволъ паки рать въздвизаше. И паки бывшимъ княземъ во Ордѣ, бывши прѣ велице межю има; оставиша Юрия у себя въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша в Русь. И минувшу лѣту, паки безаконнии измаилтяне, не сыти суще мздоимьства, егоже ради желааше, вземши многое сребро, и даша Юрию великое княжение, и отпустиша с ним на Русь единого от князь своих, беззаконнаго треклятаго Кавгадыя.* Блажен-

Когда княжил он в вотчине своей в Твери, преставился великий князь Андрей в Твери, благословив на своей стол, на великое княжение христолюбивого великого князя Михаила, которому по старшинству дошел черед великого княжения. И пошел он в Орду к царю, ибо и прежде его бывшие князья имели обычай принимать там великое княжение.

В то же время племянник его князь Юрий пошел тоже в Орду. И когда был он во Владимире, блаженный и приснопамятный митрополит всея Руси Максим со многими мольбами, запрещая ему идти в Орду, говорил: «Я тебе порукой буду, с княгинею, с матерью князя Михаила, — чего захочешь из отчины вашей, то тебе и даст». И он пообещал ⟨ему⟩, сказав: «Хотя я, отче, и пойду, но не стану искать великого княжения».

И когда был он в Орде, не хотящий добра роду христианскому дьявол вложил в сердце князьям татарским ⟨мысль⟩ столкнуть братьев, и сказали они князю Юрию: «Ежели ты даешь дани больше князя Михаила, то будет тебе великое княжение». Так обратили они сердце его, и начал искать он великого княжения. Таков обычай поганых и до сего дня, — посеяв вражду между братьями, князьями русскими, себе многие дары они принимают.

И была распря великая между ними, и была тягота великая на Руси за наши беззакония и прегрешения. О том сказал пророк: «Если обратитесь ко мне и оставите злодеяния ваши, то вложу любовь ⟨в сердца⟩ князьям вашим, если же не оставите злой обычай ваш, не покаетесь во многих беззакониях своих, всякими карами накажу вас». Но милостию пречистой Богородицы и всех святых пришел благоверный великий князь Михайло и посажен был на столе деда и отца своего у святой Богородицы во Владимире блаженным и преподобным Максимом, митрополитом всея Руси.

И когда прокняжил он год на великом княжении, воцарился ⟨в Орде⟩ другой царь, именем Узбек. И увидел Бог мерзкую веру сарацинскую; и от того времени не стали ⟨татары⟩ щадить рода христианского, как говорили о подобном царские дети, бывшие в плену в Вавилоне: «Предал нас в руки царю немилостивому, законопреступному и лукавейшему на всей земле». Ибо когда Господь предал Титу Иерусалим, ⟨сделал он это⟩, не Тита любя, но Иерусалим казня. И опять же, когда Фоке предал он Царьград, ⟨сделал это⟩, не Фоку любя, но Царьград казня за людские прегрешения. Так же и с нами это было за наши согрешения. Но мы расскажем о том, что случилось.

От того времени началась вражда между князьями этими, и еще заключали мир между собою многажды, но враг дьявол снова подымал рать. И когда опять были князья в Орде, была распря великая между ними; и оставили ⟨татары⟩ Юрия у себя в Орде, а князя Михаила отпустили на Русь. И прошел год, и снова беззаконные измаильтяне, ненасытившиеся от мздоимства, одного ⟨богатства⟩ желающие, получив много серебра, дали Юрию великое княжение и отпустили с ним на Русь одного из князей своих, беззаконного треклятого

ный же великий князь Михайло срѣте его с вои своими, послалъ князю Юрию, рекъ: «Брате, аже тебѣ далъ Богъ и царь великое княжение, то азъ отступлю тебѣ княжения, но в мою оприснину не въступайся». Роспустя вои свои, поиде в вотчину свою з домочадци своими.

Паки не престаетъ дияволъ, желаетъ кровопролития, еже сотворися за грехи наша. Прииде князь Юрий ратию ко Тфери, совокупя всю землю Суздальскую, и с кровопийцем с Ковгадыемъ множество татаръ, и бесерменъ, и мордвы, и начаша жещи городы и села. И бысть туга и скорбь велика, поимающе бо мужи, мучиша разноличными ранами и муками и смерти предаяху, а жены ихъ осквернища погании. И пожгоша всю волость Тверскую и до Волги, и поидоша на другую страну Волги, в той странѣ то же, хотѣша сътворити.

Блаженный же великий князь Михайло призвавъ епископа своего, и князи, и бояре и рече имъ: «Братие, видите, княжения отступился есмь брату моему молодшему, и выход далъ есмь, и се над тѣмъ, колика зла сътвориша в отчинѣ моей, аз же терпях имъ, чаяхъ, убо престанет злоба сия. Наипаче вижю, уже головы моея ловят. А нынѣ не творюся, в чем ему виноватъ буду или в чем виноватъ, скажите ми». Они же, яко единѣми усты, съ слезаами рекоша: «Господине, правъ еси во всемъ пред сыновцемъ своим. Тако въ смирение сотворил еси, се взяша всю волость твою, а на другой странѣ в отчинѣ твоей то же хотятъ сотворити. А нынѣ, господине, поиди противу имъ, а мы за тебя хотимъ животом своимъ». Блаженный же великий князь Михайло такоже съ многимъ смирениемъ рече: «Братие, слышите, что глаголетъ святое Евангелие: иже аще кто положит душу свою за други своя, велик наречется въ царствии небеснемъ. Нам же не за единъ другъ, ни за два положити душа своя: селико народа в полону, и инии избиени суть, жены же и дщери ихъ осквернени суть от поганыхъ; а нынѣ мы, иже за толика народа положим душа своя, да вменится намъ слово Господне въ спасение».

И утвердившеся крестомъ честнымъ, и поидоша противу ратным. И яко быша близъ себе, бысть видѣти ратных бесчисленое множество; яко съступишася полци, и бысть сѣча велика; не могуть брани носити противнии и вдаша плещи свои; милостью бо святаго Спаса и пречистыя его Матери и помощию великаго архаггела Михаила побѣди великий князь Михайло; бысть видѣти бесчисленое множество ратных, падающих под конми язвени, аки снопы в жатву на нивѣ.

Князь же Юрий, видѣвъ вои свои рсполошены, аки птица въ стадѣ, отъехав к Торжку с малою дружиною, оттолѣ вборзе к Новугороду. А окаяннаго Кавгадыя со други повелѣ великий князь избити, в немже бысть послѣдняя горкая погибель.

Сия же побѣда сътворися месяца декабря в 22 день, на память святыя мученици Анастасии, в день четвертокъ, в годину вечернюю. Самому же великому князю Михаилу бѣ видѣти доспѣх его весь язвлен, на тѣле же его не

Кавгадыя. Блаженный же великий князь Михайло встретил его с воинами своими, и послал ко князю Юрию и сказал: «Брат, если тебе дал Бог и царь великое княжение, то я уступлю тебе княжение, но в мою землю не вступай». И, распустив воинов своих, пошел в свою вотчину со своими домочадцами.

И снова не унимается дьявол, желает кровопролития, что и случилось за грехи наши. Пришел князь Юрий войной на Тверь, собрав всю землю Суздальскую, а с кровопийцем Кавгадыем множество татар, и бусурман, и мордвы, — и начали жечь города и села. И была скорбь и печаль великая, ибо хватали они мужчин и мучили, нанося им различные раны, и смерти предавали, а их жен осквернили, поганые. И сожгли всю волость Тверскую до Волги, и пошли на другой берег Волги, и хотели в той стороне то же сотворить.

Блаженный же великий князь Михайло, призвав епископа своего, князей и бояр, сказал им: «Братия, видите, уступил я княжение брату моему младшему, и дань дал; и после того сколько зла сотворили в отчине моей, я же терпел это от них, чаял, что прекратится злодеяние это. Теперь же вижу, уже головы моей они хотят. И ныне я не скрываюсь, в чем пред ним виноват был или в чем сейчас виноват, скажите мне». Они же, словно едиными устами, со слезами сказали: «Господин ⟨наш⟩, прав ты во всем пред племянником своим. Ты так в смирении все сделал, а он взял всю волость твою, и на другом берегу в вотчине твоей то же хотят сотворить. Ныне же, господин, пойди против них, а мы за тебя хотим жизнью своей постоять». Блаженный же великий князь Михайло так же со многим смирением отвечал: «Братия, слышите, что гласит святое Евангелие: „если кто положит душу свою за ближних своих, великим наречется в царствии небесном". Нам же не за одного человека, не за двоих положить души свои: столько народа в полоне, а кто убит насмерть, жены же их и дочери осквернены погаными; и ныне нам, за столько народа положившим души свои, вменится слово Господне во спасение».

И утвердившись честным крестом пошли они против войска. И как приблизились, стало видно ратников бесчисленное множество; как сошлись полки, сделалась сеча великая; уже не могут битвы выдержать противники и показали плечи свои; милостью святого Спаса и пречистой его Матери и с помощью великого архангела Михаила победил великий князь Михайло; и было видно бесчисленное множество воинов, падающих ранеными под ⟨ноги⟩ коней, как снопы в жатву на ниве.

Князь Юрий, видя воинов своих, распуганных, как птицы в стае, отъехал к Торжку с малой дружиной, а оттуда быстро к Новгороду. А окаянного Кавгадыя, от которого случилась последняя горькая погибель, с ⟨его⟩ ближними повелел великий князь побить ⟨и обезоружить⟩.

Победа эта случилась месяца декабря в 22 день, на память святой мученицы Анастасии, в четверг, в часы вечерние. У самого же великого князя Михаила было видно, что все доспехи его изрублены, а на теле его не было

бысть никоеяже раны. Рече же блаженный пророкъ Давыдъ: «Падетъ от страны твоея тысяща и тма одесную, к тебѣ же не приступитъ, не приидетъ к тебѣ зло, и рана не приступитъ к телеси твоему, яко аггеломъ своимъ заповѣсть от тебе сохранити тя во всѣх путехъ твоих, на руках возмут тя».* Якоже и бысть тогда сохраненъ великим архаггеломъ Михаиломъ. И избави из плѣна множество душь, бывшая въ скверныхъ поганьских рукахъ, возвратися въ свое отчество с великою радостию. Приведе окааннаго Ковгадыя в дом свой, и много почтивъ его и одаривъ, отпусти его во своя. Он же лестию ротяшеся много не вадити къ цареви, глаголя: «Занеже воевалъ есмь волость твою без царева повелѣния».

Князь же Юрий совокупи множество новогородецъ и пьскович и поиде ко Тфери. И срѣте его благовѣрный великий князь Михайло противу Синѣевъского. Паки не хотя видѣти другаго кровопролития за толь мало дни, удалишася и целоваша крестъ. И рече блаженный князь Михайло: «Поидеве, брате, оба во Орду, жалуемся вмѣсте къ царю, абы ны чим помочи крестьяномъ сим». Князь же Юрий съемся с Ковгадыемъ, поидоста наперед во Орду, поимше с собою вси князи суздальские и бояре из городовъ и от Новагорода. По повелѣнию же окаянный Ковгадый, написавъ многа лжа, свидѣтелствова на блаженнаго Михаила.

Князь же Михайло посла сына своего Костяньтина* въ Орду, а самъ поиде во Орду же после сына своего Костяньтина, благословяся у епископа своего Варсунофия,* и от игуменов, и от поповъ, и отца своего духовнаго, игумена Иванна; послѣднее исповѣдание на рецѣ на Нерли* на многи часы, очищая душу свою, глаголаше: «Азъ, отче, много мыслях, како бы намъ пособити крестьяномъ сим, но моихъ ради грѣховъ множайшая тягота сотворяется разности; а нынѣ же благослови мя, аще ми ся случитъ, пролию кровь свою за них, да некли бы ми Господь отдалъ грѣховъ, аще сии крестьяне сколко почиютъ».

Еже до егоже мѣста проводити его благородная его княгини Анна и сынъ его Василий,* возвратишася от него со многим рыданиемъ, испущающе от очию слезы, яко рѣку, не могуще разлучитися от възлюбленнаго своего князя.

Он же поиде к Володимерю. Приехалъ посолъ от царя, глаголя: «Зовет тя царь. Буди вборзе за месяць, аще ли не будеши, уже воименовал рать на твой город. Обадил тя есть Ковгадый къ царю, глаголя: „Не бывати ему во Ордѣ"».

Думаша же бояре его, ркуще: «Сынъ твой въ Ордѣ, а еще другаго пошли сына своего». Тако же глаголета ему: «Господине отче драгий, не езди сам во Орду, которого хощещи, да того пошлеши, занеже обаженъ еси къ цареви, дондеже минет гнѣвъ его».

Крѣпкий же умом, исполнився смирения, глаголаше: «Видите, чада, яко царь не требуетъ вас, детей моихъ, ни иного кого, но моей головы хощетъ. Аще

никакой раны. Ведь сказал блаженный пророк Давид: «Падет подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, к тебе же не подступит; не придет к тебе зло, и язва не подберется к телу твоему, ибо ангелам своим заповедает о тебе — сохранять тебя на всех путях твоих, на руках понесут тебя». Так вот и был он тогда сохранен великим архангелом Михаилом. И избавил от плена множество душ, бывших в скверных руках поганых, и возвратился в свое отечество с великою радостию. Привел окаянного Кавгадыя в свой дом, и много почтив его и одарив, отпустил восвояси. Тот же льстиво и долго клялся не жаловаться царю, говоря: «Ибо воевал я волость твою без царева повеления».

А князь Юрий собрал множество новгородцев и псковичей и пошел к Твери. И встретил его благоверный великий князь Михайло против Синеевского. И не хотя видеть нового кровопролития за столь малое время, разошлись они и целовали крест. И сказал блаженный князь Михайло: «Пойдем, брат, оба в Орду, пожалуемся вместе царю, только чтоб чем-нибудь помочь этим христианам». Князь же Юрий вместе с Кавгадыем пошли наперед в Орду, взяв с собой всех суздальских князей и бояр из городов и из Новгорода. И по повелению ⟨князя Юрия⟩ окаянный Кавгадый, написав много лжи, свидетельствовал на блаженного Михаила.

Князь же Михайло послал сына своего Константина в Орду, и сам пошел в Орду после сына своего Константина, благословясь у епископа своего Варсонофия, и у игуменов, и у попов, и у отца своего духовного игумена Ивана; говорил последнюю исповедь на реке Нерли много часов, очищая душу свою: «Я, отче, много размышлял, как бы нам помочь христианам, но из-за грехов моих еще больше тягот случается; и ныне благослови меня, если мне приведется, пролью за них свою кровь, быть может, отпустит мне Господь грехи, если эти христиане хоть сколько-нибудь передохнут».

До этого места проводили его благородная его княгиня Анна и сын его Василий, и возвратились от него с великим рыданием, источая слезы из очей, будто реки, не в силах разлучиться с возлюбленным своим князем.

Он же пошел к Владимиру. Приехал посол от царя и сказал: «Зовет тебя царь. Поезжай скоро, если за месяц не приедешь, то он уж и войско назначил на твой город. Оговорил тебя Кавгадый перед царем и сказал: „Не бывать ему в Орде"».

Думали его бояре и сказали: «Сын твой в Орде, и еще другого пошли сына своего». Также и ⟨два его сына⟩ сказали ему: «Господин ⟨наш⟩! Отец дорогой! Не езди сам в Орду, кого хочешь из нас, того и пошли, ведь ты оговорен перед царем, подожди, пока минет гнев его».

Сильный же умом, исполнившись смирения, сказал ⟨им⟩: «Видите, чада, что царь не требует ни вас, детей моих, ни кого иного, а моей головы хочет.

азъ гдѣ уклонюся, а отчина моя вся в полону избиени будут, а после того умрети же ми есть, то лучши ми есть нынѣ положити душу свою за многия душа». Помянулъ бо бяше блаженнаго отчество боголюбца, великаго Христова мученика Дмитрея, рекше про отчину свою и про Селунь град: «Господи, аще погубиши ихъ, то и азъ погибну с ними, аще ли спасеши ихъ, то и азъ с ними спасенъ буду».* Сий убо такоже сътвори: умысли положити душу свою за отчество, избави множество от смерти своею кровию и от многоразличных бѣд. И паки много поучивъ сына своя кротости, уму, смирению же и разуму, мужеству, всякой доблести, веляше же послѣдовати благымъ своимъ нравомъ. На мнозе же целовашеся съ многими слезами, не можаху ся разлучити от аггелообразнаго взора красныя свѣтлости его и святаго лица его, не могуще насытитися медоточнаго учения его. Егда разлучастася слезни и уныли, отпусти ихъ во отчество свое, давъ имъ даръ, написавъ имъ грамоту, раздели имъ отчину свою, ти тако отпусти ихъ.

Дошедшу же ему во Орду месяца сентября въ 6 день, на память чюдеси великаго архаггела Михаила, на усть рѣки Дону, идѣже течет в море Сурожьское, ту же срѣте его князь Костяньтинъ, сынъ его. Царь же дасть ему пристава, не дадуще его никомуже обидити. Се бо умякнуша исперва словеса ихъ паче елѣя, та бо ны быша и стрѣлы,* егда одари вси князи и царицю, последи же и самого царя. Бывшу же ему въ Ордѣ полтора месяца, и рече царь княземъ своимъ: «Что ми есте молвили на князя Михаила? Сотворита има суд съ княземъ Юриемъ, да котораго сотворите вправду, того хочю жаловати, а виноватого казни предати». А не вѣси окаанне, аже ся своею казнию исплелъ еси ему вѣнецъ пресвѣтелъ!

Въ един же от дни собрашася вси князи ординьстии за дворъ его, сѣдше въ единой вежи, покладааху многы грамоты съ многимъ замышлениемъ на блаженнаго князя Михаила, глаголющи: «Многы дани поимал еси на городѣх наших, а царю не дал еси». Истинный же Христовъ страдалецъ князь Михайло глаголя, любя истинну, со всякою правдою, обличаше ихъ лживое свѣдѣтелство. О таковых судьяхъ реченно бысть: «Поставлю властеля, ругателя ихъ и судию, немилующа ихъ».* Се бо бяше нечестивый Ковгадый самъ судия и, судя же, тоже лжив послухъ бываше, покрывая лжею своею истинная словеса вѣрнаго Михаила. И изрече многозамышенныя вины на блаженнаго непорочнаго Христова воина, а свою страну оправдая.

Паки, минувши единой недели по судѣ томъ, в день суботный, от нечестивых изыде повелѣние безаконно: поставиша и на другомъ судѣ связанна блаженнаго Михаила, износяще ему неправедное осужение, глаголя: «Царевы дани не далъ еси, противу послабилъся еси, а княгиню Юрьеву повелѣлъ еси уморити».* Благовѣрный же князь Михайло съ многым свидѣтельством глаголаше: «Колико съкровищь своих издаялъ есмь цареви и княземъ, все бо исписано имяще», — а посла како избави на брани и съ многою честию отпусти,

Если я куда-нибудь уклонюсь, а отчина моя вся в полоне перебита будет, — ведь мне же умирать после этого; так лучше мне ныне положить душу свою за многие души». Помянул он имя блаженного боголюбца, великого Христова мученика Димитрия, сказавшего про отчину свою и про Селунь град: «Господи, если погубишь их, то и я погибну с ними, если же спасешь их, то и я с ними спасен буду». И он так же поступил: решил душу свою положить за отечество, избавил множество людей своею кровью от смерти и от многоразличных бед. И снова долго учил сынов своих кротости, уму, смирению и разуму, мужеству, всякой доблести и велел следовать благим своим обычаям. И долго они целовались со многими слезами, не в силах оторваться от лицезрения ангелообразного вида его прекрасной светлости, не в состоянии насытиться его медоточного учения. Когда разлучились, в унынии и в слезах, отпустил он их в свое отечество, дав им дар — написав грамоту, разделил им отчину свою, и с тем отпустил их.

Когда же пришел он в Орду, месяца сентября в 6 день, на память чуда великого архангела Михаила, на устье реки Дона, там, где впадает она в море Сурожское, встретил его князь Константин, сын его. Царь же дал ему пристава, не давая никому его в обиду. И сперва «разнежились словеса их больше елея, а потом стали они нам как стрелы», когда одарил всех князей и царицу, наконец же и самого царя. И когда пробыл он в Орде полтора месяца, сказал царь князьям своим: «Что мне наговаривали на князя Михаила? Устроим им суд с князем Юрием: кого признаете правым, того хочу пожаловать, а виноватого казни предать». (А не ведаешь, окаянный, что своею казнью сплел ты ему венец пресветлый!)

В один из дней собрались все князья ордынские за двором его, сели в одной веже и выложили множество грамот с многими измышлениями на блаженного князя Михаила и сказали: «Много дани ты взял с городов наших, а царю не отдал». Истинный же Христов страдалец князь Михайло отвечал, любя истину, со всей правдой и обличал их лживое свидетельство. О таковых судиях было сказано: «Поставлю властителя, ругателя и судию немилостивого». Так и нечестивый Кавгадый сам был судьей и, судя, сам же был и лжесвидетелем, покрывая своею ложью правдивую речь верного Михаила. И наговорил он множество измышлений и вин на блаженного непорочного Христова воина, оправдывая свою сторону.

Когда прошла неделя после того суда, в день субботний, снова вышло от нечестивых беззаконное повеление: поставили и пред другим судом блаженного Михаила, связанным, и вынесли ему неправедное осуждение, сказав ⟨ему⟩: «Ты царевой дани не дал, против ⟨нас⟩ выступить осмелился и княгиню Юрьеву повелел уморить». Благоверный же князь Михайло со многими доказательствами говорил: «Сколько своих сокровищ передавал я царю и князьям, ведь все это переписано», — и как посла он избавил ⟨от гибели⟩ на поле битвы и с

а про княгиню Бога послуха призываше, глаголаше, яко «ни на мысли ми того сътворити». Они же безаконнии, по глаголющему пророком: «уши имуть и не слышат правды, уста имуть и не глаголютъ, очи имуть и не видят»,* ослепи бо ихъ злоба ихъ, — не вмениша себѣ ни мала словеса блаженнаго, но рѣша в собѣ: «Поносы и узами стяжим его и смертию нелѣпотною осудимъ его, яко неключимъ есть намъ, не послѣдует нравомъ нашим».

Яко же бо восхотѣша злобы, тако и сътвориша. В настоящую бо нощь приставиша от седми князей седмь сторожей,* инѣхъ немало и покладааху пред блаженнаго многыя узы желѣзныя, хотяще отягчити нозѣ его. Ваемше от портъ его, поделишася и в ту нощь мало облегчиша ему от узъ желѣзных, но связанъ тако пребысть всю нощь. Тое же нощи отгнаша от него всю дружину его, силно биюще, и отца его духовнаго Александра игумена,* и оста единъ в руках ихъ, глаголаше бо в собѣ: «Удалисте от мене дружину мою и знаемых моих от страстей».

Наутрия же в неделю повелѣниемъ безаконных возложиша колоду велику от тяжка древа на выю святаго, прообразующе ему поносную муку прияти, юже приимъ, благодаряше Господа Бога с радостию и со слезами, глаголя: «Слава тебѣ, Владыко человѣколюбче, яко сподобил мя еси прияти начаток мучения моего, сподоби мя прияти и кончати подвигъ свой, да не прельстят мене словеса лукавых, да не устрашат мя прещения нечестивых».

И повелѣша безаконнии вести святаго послѣ царя, бяше бо пошелъ царь на ловлю. Премудрый же благовѣрный великий князь Михайло, якоже обыче измлада, николиже не измѣняше правила своего, в нощи убо пояше псалмы Давыдовы. А како поиде из Володимеря, от тоя недѣли до недѣли постящеся, причащающися тѣла и крови Господня; отнележе ятъ бысть, наипаче беспрестани по вся нощи не дающи сна очима своима, да не уснетъ, не воздремлетъ храняяй его аггелъ, но пакы славяше Бога, съ многыми слезами и съ глубокимъ въздыханиемъ исповѣдаяся к нему, глаголаше: «Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к тебѣ да придетъ, не отврати лица твоего от мене, Владыко. В он же день, аще тужю, приклони ко мнѣ ухо твое, в он же часъ призову тя, Господи, скоро услыши мя. Се бо минуша, яко дымъ, дние мои».* Прочее: «Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до душа моея, приидохъ бо сѣмо, яко въ глубину морьскую, аки буря, потопи мя. Се бо умножишася на мя паче влас главы моея ненавидящеи мя без ума. И преже сего мой хлѣбъ ядяше и мою любовъ видѣвша, а нынѣ укрѣпишася на мя врази мои, быша досажающи ми бес правды».*

Егда безаконнии они стражие в нощи забиваху в той же колодѣ святѣи руцѣ его, но ни, тако озлобляемъ, не престая поя Псалтырь, а единъ отрокъ его седяше, прекладывая листы. Он же прилѣжно глаголаше: «Господи, не отврати лица твоего от отрока твоего, яко скръблю, скоро услыши мя, вонми

большой честью отпустил, а про княгиню Бога в свидетели призывал, говоря, что «и на мысли того у меня не было». Эти же беззаконники, по сказанному пророком: «уши имеют и не слышат правды, уста имеют и не говорят, глаза имеют и не видят», ибо ослепила их собственная злоба, — и не прислушались они к словам блаженного, но решили промеж себя: «Поношением и узами опутаем его и безобразной смертью осудим его, ибо не годится он нам, не последует он нашим нравам».

Как пожелали зла, так и сотворили. В ту же ночь приставили от семи князей семь сторожей, и иных немало, и положили перед блаженным множество уз железных, собираясь заковать ноги его. Взяли, ⟨что хотели⟩, из одежды его, поделили ⟨между собой⟩ и в ту ночь почти не облегчили его от уз железных, так связанным и пробыл он всю ночь. В ту же ночь прогнали от него всю его дружину, избивая сильно, и отца его духовного игумена Александра; и остался один он в руках их, и говорил про себя: «Удалили от меня дружину мою и ближних моих от страстей ⟨моих⟩».

Наутро же в воскресенье по повелению беззаконных возложили великую колоду из тяжелого дерева на шею святого, показывая, что предстоит ему принять позорное мучение, и приняв его, благодарил он Господа Бога с радостью и со слезами, говоря: «Слава тебе, Владыка человеколюбче, что сподобил меня принять начало мучения моего, сподоби меня принять и окончить подвиг свой, да не прельстят меня слова лукавых, да не устрашат меня угрозы нечестивых».

И повелели беззаконные вести святого вслед за царем, ибо отправился царь на охоту. Премудрый же благоверный великий князь Михайло, как привык смолоду, никогда не изменял правила своего, — в ночи пел псалмы Давидовы. И как отправился из Владимира, с того дня от воскресенья до воскресенья постился, причащаясь телу и крови Господней; а с тех пор, как был схвачен, еще больше, беспрестанно, все ночи не давал сна своим очам, чтоб не уснул, не задремал хранящий его ангел, но вновь и вновь славил Бога, со многими слезами и с глубоким воздыханием исповедаясь ему, говорил: «Господи, услышь молитву мою, и вопль мой да придет к тебе, не отврати лица твоего от меня, Владыка. В день скорби моей приклони ко мне ухо твое; в час, когда воззову к тебе, Господи, скоро услышь меня, ибо исчезли, как дым, дни мои...» И далее: «Спаси меня, Боже, ибо дошли воды до души моей, ибо я пришел сюда, как в глубину морскую, как будто буря потопила меня. Ненавидящих меня без ума стало больше, чем волос на главе моей. Прежде хлеб мой ели и любовь мою видели, а ныне укрепились на меня враги мои, преследующие меня неправедно».

Когда беззаконные те стражи в ночи забивали в ту колоду святые руки его, то он, мучимый таким образом, не переставая пел Псалтирь, а один отрок его сидел, переворачивая листы. Он же усердно говорил: «Господи, не отврати лица твоего от раба твоего, ибо скорблю, скоро услышь меня, вонми душе моей,

души моей, избави ю от враг моих. Ты бо единъ вѣси помышление мое, студ мой и срамоту мою, се бо пред тобою суть вси стужающии ми бес правды. Иже бы кто со мною поскорбѣлъ, и утешающаго не обрѣтох, развѣе тебе, Господи, въздаютъ бо ми злая въз добрая, пролей на ня гнѣвъ твой и ярость гнѣва твоего да иметъ я́.* Почто ся хвалиши о злобѣ своей, безаконный же Ковгадый, злая мысля на мя по вся дни? Язык твой, яко бритву изоощрену, сътворилъ еси, лесть възлюбилъ еси, злобу паче добра, забылъ еси многих моих даровъ, глаголалъ еси, на мя неправду къ цареви. Сего ради раздрушит тя Богъ, въсторгнет тя и преселит тя от селения твоего и корень твой от земля живыхъ.* Но трьплю, Господи, имени твоего ради, яко благо ми будетъ пред преподобными твоими, давно бо жадах, да ми пострадати за Христа. Се бо видѣ себе озлобляема сице, радуюся о спасении твоемъ, — и въ имя Господа Бога нашего възвеличимся. Но въскую, Боже, прискорбна еси, душе моя, въскую смущаеши мя; уповай на Бога моего, яко исповѣмся ему; спасение лицу моему Богъ мой».*

Тако же на всякъ час славя Бога съ слезами, въ день же бяше всегда видѣти свѣтлым веселым взоромъ, словесы сладкими тѣшаше дружину свою. И бяше видѣти, яко никоего озлобления приемлюще, глаголаше: «Се ли едино было, дружина моя, егда преже сего, яко в зерцало, зряще на мя, тѣшастася. Нынѣ же видящеи на мнѣ се древо, печалуетеся и скорбите. Помяните, како прияхомъ благая в животѣ нашем, сихъ ли не можемъ претрьпити? А что бо ми есть сия мука противу моимъ дѣломъ! Но болша сих достойна ми прияти, да некли быхъ прощение улучилъ». И приложи слово, слово праведнаго Иева: яко годѣ Господеви, тако и будетъ, буди имя Господне благословено от нынѣ и до вѣка.* Да не печалуйте, пребывъше мало, узрите прочее выя моея».

Минувшим же 24 днем святому в неизреченном терпѣнии, нечестивый же Ковгадый, имѣя ядъ аспиденъ под устнами своими, пакы досажая души долготерпѣливаго князя Михаила, повелѣ его привести и в торгъ в таковой укоризне, созва вся заимодавца и повелѣ святаго поставити на колѣну пред собою; величашеся безаконный властьми над праведнымъ и многа словеса изрече досадна праведному. Посем рече: «Вѣдая буди, Михайле, такъ царевъ обычай: аже будетъ ему на кого нелюбо, хотя от своего племяни, то таково древо въскладаютъ на него. Егда же царевъ гнѣвъ минет, то паки в первую честь введетъ его. Утро бо въ предидущий день тягота сии отъидет от тебе, потомъ в болшей чести будеши». Възрѣв же, рече сторожемъ: «Почто не облегчите древа сего?» Они же рекоша: «Заутра или на другой день тако сътворимъ по глаголу твоему». И рече окаянный: «Поддержите ему древа того, да не отягчаетъ ему плещу». Тако единъ от предстоящих за нимъ, подъимъ, держаще, древо то.

Многу же часу минувшу о въпросѣхъ, а праведному отвѣты дающа; посемъ повелѣ вести вонъ блаженнаго. Ведше его, и рече слугамъ своим:

избави ее от врагов моих. Ибо ты один ведаешь помышление мое, стыд мой и посрамление мое, ибо перед тобою все преследующие меня неправедно. Если бы кто поскорбел со мной, но утещающего не нашел, кроме тебя, Господи; воздают мне злом за добро, излей на них гнев твой, и ярость гнева твоего да обымет их. Почто хвалишься злобой своей, беззаконный Кавгадый, зло замышляя на меня всякий день? Ты соделал свой язык словно бритву изощренную, полюбил ложь и зло больше добра, забыл многочисленные дары мои, наговорил на меня неправду царю. За то сокрушит тебя Бог, исторгнет тебя и переселит тебя из селений твоих ⟨предков⟩ и корень твой из земли живых. Но терплю, Господи, имени твоего ради, ибо будет мне благо перед преподобными твоими, ибо давно я жаждал пострадать за Христа. Вот видя себя так мучимого, радуюсь я спасению твоему, — ради имени Господа Бога нашего возвеличимся. Но почему — о Боже — скорбишь ты, душа моя, зачем смущаешь меня; уповай на Бога моего, ибо исповедаюсь ему; спасение мне Бог мой».

Так все время славил он Бога со слезами, днем же всегда можно было видеть, как он светлым, веселым взором и сладкими словами утешал дружину свою. И видели, как, ничуть не оскорбляясь, говорил он: «Не все ли едино, дружина моя, когда прежде вы, как в зеркало, на меня глядя, утешались. Ныне же, видя на мне эту колоду, печалитесь и скорбите. Вспомните, как принимали мы благое в жизни нашей, сего ли не сможем претерпеть? Что для меня эта мука в сравнении с делами моими! Больше того достоит мне принять, дабы, быть может, ⟨когда-нибудь⟩ прощение получить». И добавил слова, слова праведного Иова: как угодно Господу, так и будет; да будет имя Господне благословенно отныне и до века. «Не печальтесь, скоро увидите и все иное, что сбудется на вые моей».

После того как провел святой 24 дня в несказанном терпении, нечестивый Кавгадый, с ядом аспидным под своими устами, досаждая вновь душе долготерпеливого князя Михаила, повелел привести его на торжище в таком унижении, созвал всех заимодавцев и повелел поставить святого пред собою на колени: величался беззаконный властью над преподобным и много обидных слов говорил преподобному. Потом сказал: «Знай, Михаил, таков царев обычай: если будет кто ему нелюб, хоть и своего племени, то такую колоду возлагают на него. Когда же минет царский гнев, то снова в прежнюю честь царь введет его. Завтра утром тягота эта отойдет от тебя, потом в большой чести будешь». И, посмотрев, сказал сторожам: «Почему не облегчите колоду эту?» Они же ответили: «Завтра или на следующий день так и сделаем по приказу твоему». И сказал окаянный: «Поддержите ему колоду эту, пусть не отягчает ему плечи». И так один из стоящих за ним, подняв, стал держать ту колоду.

И много времени прошло в вопросах, а праведный держал ответы; потом повелел ⟨Кавгадый⟩ увести прочь блаженного. Когда повели его, сказал он

«Дадите ми столецъ, да приму покой ногама своима, бѣста бо отягчали от многаго труда». В то же время съехалися бесчисленое множество от всѣхъ языкъ, сшедшеся, стояще, зряху на святого. Рече же единъ от тѣхъ стоящих ему: «Господине княже, видиши ли, селико множество народа стоятъ, видящи тя в таковой укоризне. А преже тя слышахом царствующаго въ своей земли. Абы еси, господине, въ свою землю шелъ». Блаженный же рече съ слезами, яко «позору быхомъ аггеломъ и человѣкомъ, и вси видящеи мя покиваша главами своими».* И паки: «Уповаша на Господа, да избавитъ и, яко хощетъ ему, яко той есть исторгий мя ис чрева, упование мое от сесцю матере моея».* Въставъ, поиде к вежи своей и глаголя прочее псалма того; и оттолѣ бяше видѣти очи его полны слезъ, чюяше бо ся въ сердци, яко уже скончатися доброму течению.

Бывшу же блаженному князю Михаилу в неизреченном томъ терпѣнии, в таковой тяготѣ 26 дней, за рекою Терком, на рецѣ на Сѣвенци, под городом Тютяковымъ, минувши горы высокыя Ясския Черкаскыя, близъ вратъ желѣзных.* В среду рано повелѣ отпѣти заутреню, и канонъ, и часы. Сам же с плачемъ послушавъ правила причащения и рече попови, да бых молвилъ *псаломъ* сий. Он же вда ему книги. Приимъ книгы, нача глаголати тихо, съ умилениемъ и многим воздыханиемъ и со многими слезами, испущая от очию, яко рѣку, слезы, глаголаше се: «Съхрани мя, Господи, яко на тя уповах»,* псалом 2: «Господь пасетъ мя, ничтоже мя лишит»,* псалом 3: «Вѣровах, тѣм же и възглаголахъ».* По семъ нача каятися ко отцу своему духовному съ многим смирениемъ, оцищая душу свою, бяше бо с ним игуменъ да два попа. По сем же присѣдящу у него сыну его Костяньтину, он же приказываше къ княгине и сыномъ своим, приказываше про отчину свою, и про бояре, и про тѣх, иже с нимъ были, и до менших, иже с ним были, но веля ихъ презрѣти. И по сем уже часу приближающуся, и рече: «Дадите ми Псалтырь, велми бо ми есть прискорбна душа моя». Чюяше бо сий въ сердцы — при дверех пришелъ есть святый зватай по блаженную его душу. Разгнувъ, обрѣте псалом: «Внуши, Боже, молитву мою, вонми моление мое, въ скорбѣхъ печалию моею смутихся от гласа вражия и от стужения грѣшнича, яко въ гневѣ враждоваху мнѣ».*

В той час окаянный Ковгадый вхожаще къ царю, исхожаше съ отвѣты на убиение блаженнаго Михаила. Се же чтяше: «Сердце мое смутися въ мнѣ, и страхъ смерти нападе на мя».* И рече попом: «От*ци*, молвите псалом сий, скажите ми». Не хотяше болшему смущати ему: «Се, господине, знакоми то, молвит в послѣди главизне: възверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаетъ, не дасть бо в вѣки смятения, праведнику».* Он же пакы глаголаше: «Кто дасть ми крилѣ, яко голуби, полещу и почию. Се удалихся бѣгая и въдворихся в пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго мя».*

слугам своим: «Дайте мне стулец, чтобы дать мне покой ногам своим, отягчали они от многих трудов». В то же время съехалось бесчисленное множество ⟨людей⟩ от всех народов, сшедшись, стояли они и смотрели на святого. И один из тех стоявших сказал ему: «Господине княже, видишь ли, какое множество народа стоит, видя тебя в таком унижении. А прежде слышали, что царствовал ты в своей земле. Шел бы ты, господине, в свою землю». Блаженный же сказал со слезами: ибо «мы выставлены были на позорище ангелам и людям», — и: «все, видящие меня, покивали главами своими». И еще: «Уповали на Господа, да избавит его, как угодно ему, ибо он тот, кто исторгнул меня из чрева ⟨матери моей⟩, упование мое с младенческих лет моих». И, встав, пошел он к веже своей, говоря далее тот псалом; и с тех пор видели очи его полными слез, ибо он чувствовал сердцем, что приходит конец доброму течению.

И терпел блаженный князь Михаил несказанную ту муку 26 дней, за рекою Терком, на реке на Севенци, под городом Тютяковым, как минуешь горы высокие Ясские Черкасские, близ врат железных. В среду рано повелел он отпеть заутреню, и канон, и часы. Сам же, с плачем, послушав правила к причащению, сказал попу, чтоб прочел он псалмы сии. И тот дал ему книгу. Взяв книгу, начал он читать тихо, с умилением и воздыханием и со слезами, и текли из очей его слезы, как река, и говорил вот что: «Храни меня, Господи, ибо на тебя уповаю», псалом 2: «Господь — пастырь мой, ни в чем не буду я нуждаться», псалом 3: «Веровал я, и потому проглаголал». После этого стал он каяться отцу своему духовному с большим смирением, очищая душу свою, были ведь с ним игумен и два попа. Потом, когда явился пред ним сын его Константин, стал он давать наказ ко княгине и сыновьям, наказ про отчину свою, и про бояр, и про тех, кто с ним был, вплоть до самых низших, с ним бывших, веля о них позаботиться. А потом уж и час его приблизился, и сказал он: «Дайте мне Псалтырь, ибо сильно скорбит душа моя». Ибо чувствовал он сердцем — при дверях уже святой зватай по блаженную его душу. Разгнув книгу, обрел он псалом: «Услышь, Боже, молитву мою, внемли молению моему, в скорби и печали смутился я от гласа вражия и от притеснения грешников, ибо в гневе враждуют против меня».

В тот час окаянный Кавгадый вошел к царю — и вышел с повелением на убиение блаженного Михаила. Тот же читал: «Сердце мое смутилось во мне, и страх смерти напал на меня». И сказал попам: «Отци ⟨мои⟩, прочтите псалом сей, скажите ⟨его⟩ мне». Они же не хотели еще больше смущать его: «Тут, господине, известно все это, сказано в последнем стихе: возверзи на Господа печаль твою, и он поддержит тебя, не даст никогда поколебаться праведнику». Он же снова прочел: «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился, я удалился бы далеко и водворился в пустыне, уповая на Бога, спасающего меня».

Егда вожааху блаженнаго Михаила со царемъ в ловѣх, глаголааху ему слуги его: «Се, господине, проводницы и кони готови, уклонися на горы, живот получиши». Он же рече: «Не дай же ми Богъ сего сътворити, николиже бо сего сътворих во дни моя. Аще бо азъ, гдѣ уклонюся, а дружину свою оставя в такой бедѣ, кою похвалу приобрящу, но воля Господня да будетъ».

И рече: «Аще бы ми врагъ Ковгадый поносилъ, претрьпѣлъ убо бых ему. Но сей ненавидяй мене велерѣчюетъ о мнѣ и се ему нѣсть изменения от Бога; аз же, Господи, уповаю на тя».* И тако скончa псалом, и съгнувша Псалтырь, и дасть отроку.

И се в той час единъ отрокъ его въскочи в вежю обледѣвшим лицем и измолкъшим гласомъ: «Господине княже, се уже едутъ от Орды Ковгадый и князь Юрей съ множествомъ народа прямо къ твоей вежи». Он же наборзе воставъ, и въздохнувъ, рече: «Вѣмъ, на что едут, на убиение мое». И отсла сына своего Костяньтина къ царице. И бѣ страшно в той час, братие, видѣти от всѣхъ странъ множество женущих видѣти блаженнаго князя Михаила. Ковгадый же и князь Юрей послаша убийцы, а сами в торгу ссѣдоша с коней, близъ бо бяше в торгу, яко каменемъ довреши.

Убийцы же, яко дивии звѣрие, немилостивии кровопийцы, разгнавше всю дружину блаженнаго, въскочивше в вежю, обрѣтоша его стояща. И тако похвативше его за древо, еже на выи его, удариша силно и възломиша на стѣну, и проломися стѣна. Он же паки въскочивъ, и тако мнози имше его, повергоша на землю, бияхутъ его нещадно ногами. И се единъ от безаконных, именем Романецъ, и извлече ножь, удари в ребра святаго, в десную страну и, обращая ножь сѣмо и овамо, отрѣза честное и непорочное сердце его. И тако предасть святую свою блаженную душю в руцѣ Господеви великий христолюбивый князь Михайло Ярославичь месяца ноября в 22 день, в среду, въ 7 дни и спричтеся с лики святых и съ сродникома своима, з Борисом и Глѣбом,* и с тезоименитым своимъ с Михайлом с Черниговьским.* И приятъ венецъ неувядаемый от рукы Господня, егоже въжделѣ.

А двор блаженнаго разграбиша русь же и татарове, а имѣние русское повезоша к себѣ в станы, а вежю всю расторгоша подробну, а честное тѣло его повергоша наго, никимже небрегому. Един же пригна в торгъ и рече: «Се уже повелѣнное вами сотворихомъ». Ковгадый же и князь Юрей всѣдше на кони, приехаша въскорѣ к тѣлу святаго и видѣша тѣло святаго наго, браняше и съ яростию князю Юрию: «Не отець ли сей тебе бяшет князь великий? Да чему тако лежит тѣло наго поверженo?» Князь же Юрий повелѣ своимъ покрыти единою котыгою,* еже ношаше при дѣдѣ его, а другыя кыптом* своим.

И положиша и́ на велицѣй вѣцѣ, и возложиша и́ на телѣгу, и увиша ужи крѣпко, и превезоша за реку, рекомую Адежь, еже речется «горесть». Горесть бо намъ въистинну, братие, в той час бысть, видѣвшим такову смерть поносную господина своего князя Михаила Ярославича. А дружина наша

Когда водили блаженного Михаила с царем на охоту, говорили ему слуги его: «Вот, господине, проводники и кони готовы, убеги в горы — спасешь жизнь». Он же сказал: «Не дай мне Бог этого сделать, никогда в жизни своей такого не делал. Если куда-нибудь убегу, а дружину свою оставлю в такой беде, какую же я похвалу получу ⟨за это⟩. Да будет воля Господня».

И сказал: «Если бы меня враг Кавгадый поносил — это я перенес бы, но ненавистник мой величается надо мною, и нет в нем перемены, я же, Господи, уповаю на тебя». И так окончил псалом и, закрыв Псалтырь, отдал отроку.

И вот в этот момент один из отроков его вбежал в вежу с побледневшим лицом и пресекшимся голосом: «Господине княже, вот уже едут из Орды Кавгадый и князь Юрий с множеством народа прямо к твоей веже!» Он же быстро встал и, вздохнув, сказал: «Знаю я, для чего едут, — чтобы убить меня». И отослал сына своего Константина к царице. Страшно было в тот час, братия, видеть множество стремящихся поглядеть на блаженного князя Михаила. Кавгадый же и князь Юрий послали убийц, а сами слезли с коней на торжище, ибо недалеко был торг этот, можно было камнем добросить.

Убийцы же, будто дикие звери, немилостивые кровопийцы, разогнав всю дружину, вскочили в вежу и увидали его стоящим. И так, схватив его за колоду, что была на шее его, ударили сильно и швырнули на стену — и проломилась стена. Он же снова вскочил, и тогда множество людей набросилось на него, повалили на землю и стали бить его беспощадно ногами. И один из беззаконников, по имени Романец, вытащил нож и ударил святого в грудь, справа, и, вращая нож туда и сюда, вырезал честное и непорочное сердце его. И так предал святую свою блаженную душу в руки Господу великий христолюбивый князь Михайло Ярославич месяца ноября в 22 день, в среду, в 7 часов дня, и приобщился к лику святых вместе со сродниками своими с Борисом и Глебом и тезоименником своим Михаилом Черниговским. И принял из руки Господней венец неувядаемый, к которому так стремился.

Двор блаженного разграбили русичи же и татары, богатство русское повезли к себе в станы, вежу всю разломали на мелкие части, а честное тело его бросили нагое и никем не хранимое. И один ⟨из них⟩ прибежал на торжище и сказал: «Уже приказанное вами сделали». Кавгадый же и князь Юрий, сев на коней, быстро приехали к телу святого и увидели тело святого нагим; и яростно выбранил ⟨Кавгадый⟩ князя Юрия: «Не отцом ли тебе был сей князь великий? Почему же тело его нагим брошено?» И князь Юрий повелел своим людям прикрыть тело котыгою, что носил еще при деде своем, и кыптом своим.

И положили его на большую доску, подняли на телегу, перевязали крепко веревками и перевезли через реку, называемую Адежь, что означает «горесть». Ибо воистину горесть была в тот час нам, братия, когда увидели мы такую унизительную смерть господина своего князя Михаила Ярославича. А из дружины нашей немногие

немнози гонзнуша рукъ ихъ: иже дрързнуша, убежаша въ Орду къ царице, а другых изимаша, влечахут наги, терзающи нещадно, акы нѣкия злодѣя, и приведши въ станы своя, утвердиша въ оковах. Сами же князи и бояре въ единой вежи пияху вино, повѣстующе, кто какову вину изрече на святаго.

Но, възлюблении князи русстии, не прельщайтеся суетъными мира сего и вѣка скороминующаго, иже хуждьше паучины минуеть. Ничтоже бо принесосте на свѣт сей, ни отнести можете — злата и сребра или бисера многоцѣнънаго, нежели градовъ и власти, о нихже каково убийство сътворися! Но мы на первое възвращшеся, сътворившеся чюдо да скажемъ.

В настоящую бо нощь посла князь Юрей от слугъ своихъ стеречи телеси святаго. И яко начаша стеречи телеси святаго, яко страх великъ и ужасъ приятъ, не могуще трьпѣти, отбѣгоша въ станы. И рано пришедше, не обрѣтоша телеси святаго на вѣже, но телѣга стояще и вѣку на ней ужи привязано, а тѣло святаго особь на единомъ мѣсте лежаше раною к земли и кровь многую исшедшу изъ язвы; десная рука под лицемъ его, а лѣвая у язвы его, а порты одинако одѣнъ. Преславно бо Господь прослави вѣрнаго раба своего Михаила и тако удиви: об нощь бо лежа тѣло святаго на земли, а не прикоснуся ему ничтоже от звѣрей, от множества сущу бесчислену; съхранит бо Господь вся кости ихъ, ни едина же от нихъ не съкрушится, смерть же грѣшником люта.* Еже и бысть треклятому и безаконному Кавгадыю: не пребывъ ни до полулѣта, злѣ испроверже окаянный животъ свой, приятъ вѣчныя муки.

Мнози же вѣрнии и от невѣрных тое нощи видѣша чюдо преславно: два облака свѣтла всю нощь осѣняета над телесем преблаженнаго, растурающася и паки ступающася вмѣсто, осѣняющи, яко солнце. Наутрия глаголаху: «Святъ есть князь сий, убиенъ бысть безвинно. Облакома сима являетъ присѣщение аггельское над нимъ», — еже исповѣдаша нам съ слезами и съ многими клятвами, яко истинна есть бывшее.

И оттолѣ посла тѣло въ Мжачары и съ всѣми бояры. И тамо, слышаша, гости, знаеми ему, хотѣша прикрыти тѣло святаго с честию плащаницами многоцѣнными и съ свѣщами преславно въ церкви поставити. Приставлении же немилостивии бояре не даша ни видѣти блаженнаго, но съ многою укоризною поставиша въ единой хлѣвине за сторожи. Но ту прослави его Господь Богъ. Мнози от различных языкъ, живующих в мѣсте том, по вся нощи видяху столпъ огнен, сияющь от земля и до небеси, инии же яко дугу небесную, прикладающи над хлѣвину, идѣже лежитъ тѣло блаженнаго.

И оттолѣ его повезоша к Бездежю, и яко приближающимся имъ къ граду и мнози видѣвше из града около саней святаго множество народу съ свѣщами, инии же на конѣхъ с фонари на воздусѣхъ ездяще. И тако привесше въ град, не поставиша его во церкви, но въ дворѣхъ стрежахутъ его. Един же от стрегущих възлежа верху саней, сущихъ с телесемъ святаго; и тако невидимо

избежали рук их: те, кто дерзнули,— убежали в Орду к царице, а других поймали, потащили нагими, избивая нещадно, как каких-нибудь злодеев, и приведя в свои станы, заковали в оковы. Сами же князья и бояре в одной веже упивались вином и рассказывали, кто какую вину наговорил на святого.

О, возлюбленные князья русские, не прельщайтесь суетою мира сего и века скоропреходящего, что быстрее паутины минует. Ничего не принесли вы на свет сей, ничего же и унести не сможете — ни золота и серебра, ни бисера драгоценного, ни тем более городов и власти, ради которых такое убийство содеялось! Но мы к предыдущему вернемся, чтобы рассказать о происшедшем чуде.

В ту ночь послал князь Юрий слуг своих стеречь тело святого. И как начали они стеречь тело святого, так великий страх и ужас напал на них, и не в силах терпеть его, убежали они в станы. И вернувшись рано ⟨утром⟩, не нашли они тела святого на доске, лишь телега стояла, и доска на ней веревками привязана, а тело святого поодаль лежало раною к земле, и крови много вытекло из раны; правая рука — под лицом его, а левая — у раны, и одежда на нем. Преславно Господь прославил верного раба своего Михаила и так удивил: всю ночь лежало тело святого на земле, а ни один зверь, из бесчисленного множества тут живущих, не коснулся его, — ибо хранит Господь все кости их, и ни одна из них не сокрушится, смерть же грешникам — страшна. Так и случилось с треклятым и беззаконным Кавгадыем: не прожив и полугода, скверно кончил он окаянную жизнь свою, принял вечные муки.

Многие же верные и из неверных некоторые видели в ту ночь чудо преславное: два светлых облака всю ночь осеняли тело преблаженного, расходясь и опять сходясь, сияли как солнце. Наутро говорили: «Свят сей князь, убит безвинно. Облака эти являют заступничество ангельское над ним», — что в слезах и со многими клятвами и исповедали нам, что истинно так было.

И оттуда послали тело в Мжачары со всеми боярами. И говорили, что там знавшие князя купцы хотели с честью прикрыть тело святого драгоценными плащаницами и со свечами с великой славой в церкви поставить. Приставленные же жестокие бояре не дали даже увидеть блаженного, но поставили со всяким унижением в какой-то хлев, приставив сторожей. Но и тут прославил его Господь Бог. Многие из различных народов, живущих в том месте, все ночи видели огненный столп, сияющий от земли до небес, а другие — радугу, склоняющуюся к хлеву, где лежит тело блаженного.

И оттуда повезли тело к Бездежу, и когда подъезжали к городу, многие из города видели около саней святого множество народа со свечами, иные же на конях с фонарями по воздуху ездили. И так, привезя в город, не поставили его в церкви, а во дворе стерегли его. Один же из стерегущих разлегся на санях с телом святого; и какая-то неведомая сила сбросила его

нѣкоторая сила сверже его далече с саней святаго. Он же с великою боязнию едва въста, живу ему сущу, пришедше, повѣда сущему ту иереови вся бывшая ему, от негоже мы слышахомъ и написахомъ.

И оттолѣ повезоша его в Русь. Везуще его по градомъ по русскимъ и довезоша его до Москвы, положиша й въ церкви всемилостиваго Спаса в монастыри.* И княгинѣ же его и сыном его не вѣдущимъ ничтоже сътворшагося, далече бо бяше земля, не бѣ мощно вести никомуже.

На другое же лѣто приехавъ в Русь князь Юрий, приведе с собою князя Костяньтина и дружину отца его. И се увѣдавши княгини его Анна, и епископъ Варсунофей, и сынове его, послаша увѣдати на Москву. Послании же приехаша, повѣдая, яко христолюбивый великий князь Михайло убиенъ бысть. И плакашеся многи дни неутѣшно.

Бывшу князю Юрию в Володимере, посла к нему князь Дмитрей брата своего Александра* и бояръ своих, и едва ся смиришася. И взя князь Юрий множество сребра, а мощи блаженнаго Михаила повелѣ отпустити въ Тферь. Послаша на Москву бояръ своихъ со игумены и со прозвитеры, привезоша мощи святаго въ Тферь со многою честию, и срѣте й Дмитрей, и Александръ, и Василий, и княгини его Анна на Волге в насадѣ.* А епископъ Варсунофей съ кресты и съ игумены, и с попы, и дияконы, и бесчисленое множество народа срѣтоша его у святаго Михаила на березѣ. И от многаго вопля не бѣ слышати поющихъ, не можаху раки донести тѣсноты ради до церкви, поставиша пред враты церковными. И тако на многи часы плакавшеся, едва внесоша въ церковь, пѣвше надгробныя пѣсни, положиша въ церкви святаго Спаса* въ гробѣ, яже самъ създалъ, на десной странѣ, посторонь епископа Семиона,* месяца сентября въ 6 день на чюдо архаггела Михаила.

Се чюднее сотвори Богъ своею чюдною и неизреченною милостию: ис толь далее страны везено тѣло святаго на телѣзе и в санех, потом же все лѣто стояло на Москвѣ, обрѣтеся все тѣло цѣло и неистлѣвше. Да како можемъ по достоянию въсхвалити, блаженный княже...*

далеко с саней святого. Он же, едва встав, с великой боязнью, ибо жив остался, пришел и рассказал все, что случилось с ним, бывшему тут иерею, от которого мы слышали и написали.

И оттуда повезли его на Русь. Везли его по городам русским и довезли до Москвы, положили его в церкви всемилостивого Спаса в монастыре. А княгиня и сыновья его не знали ни о чем случившемся, ибо далеко была земля ⟨их⟩, и ни у кого не было возможности везти.

На другой год приехал на Русь князь Юрий, привел с собой князя Константина и дружину отца его. И вот, услышав об этом, княгиня Анна, и епископ Варсонофий, и сыновья его послали в Москву, чтоб узнать все. Посланные же, вернувшись, поведали, что христолюбивый великий князь Михаил убит. И плакали они много дней неутешно.

Когда был князь Юрий во Владимире, послал к нему князь Дмитрий брата своего Александра и бояр своих, — и едва помирились. И взял князь Юрий множество серебра, а мощи блаженного Михаила повелел отпустить в Тверь. Послали в Москву бояр своих с игуменами и пресвитерами, привезли мощи святого в Тверь с большою честью, и встретили его и Дмитрий, и Александр, и Василий, и княгиня его Анна на Волге в насаде. А епископ Варсонофий с крестами, и с игуменами, и с попами, и дьяконами, и бесчисленное множество народа встретили его у ⟨монастыря⟩ святого Михаила на берегу. И от сильного вопля не было слышно поющих, и не могли из-за тесноты раки донести до церкви, поставили перед вратами церковными. И так долгие часы плакали и едва внесли в церковь, поя надгробные песнопения, и положили в церкви святого Спаса в гробнице, которую сам сделал, на правой стороне, пообок от епископа Симеона, месяца сентября в 6 день на чудо архангела Михаила.

Еще чудеснее сотворил Бог своею чудною и несказанною милостью: из столь дальней страны везли тело святого на телеге и в санях, потом целый год стояло оно в Москве, и осталось все тело цело и нетленно. Да как можем достойно восхвалить, блаженный княже...

ПОВЕСТЬ О ШЕВКАЛЕ

В лѣто 6834. ⟨...⟩ Того же лѣта князю Александру Михайловичу дано княжение великое,* и прииде из Орды, и сѣде на великое княжение. Потом, за мало дний, за умножение грѣх ради наших, Богу попустившу диаволу възложити злаа въ сердця безбожным татаром глаголати безаконному царю*: «Аще не погубиши князя Александра и всѣх князий русскых, то не имаши власти над ними». И безаконный и треклятый всему злу начальник Шевкалъ,* разоритель христианскый, отверзъ скавернаа своя уста, начат глаголати, диаволом учим: «Господине царю, аще ми велиши, азъ иду въ Русь и разорю христианство, а князя их избию, а княгини и дѣти к тебѣ приведу». И повелѣ ему царь сътворити тако.

Безаконный же Шевкал, разоритель христианскый, поиде въ Русь с многыми татары и прииде на Тфѣрь и прогна князя вел*икаго* съ двора его, а сам ста на князя *великаго* дворѣ* с многою грьдостию и яростию. И въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением, и битием, и поруганием.* Народи же гражданстии, повсегда оскорбляеми от поганых, жаловахуся многажды великому князю, дабы их оборонил. Он же, видя озлобление людий своих и не могы их оборонити, трьпѣти им веляше. И сего не трьпяще тфѣричи искаху подобна врѣмени.

И бысть въ день 15 аугуста мѣсяца, въ полутора, как торгъ сънимается, нѣкто диаконъ тфѣритинъ, прозвище ему Дудко, поведе кобылицу младу и зѣло тучну, напоити ю на Волзѣ воды. Татарове же, видѣвше, отъяша ю, диакон же, съжаливъси зѣло, начатъ въпити, глаголя: «О мужи тфѣрстии, не выдавайте!»

И бысть между ими бой. Татарове же, надѣющеся на самовластие, начаша сѣчи, и абие сътекошася человѣци и смятошася людие. И удариша въ вся колоколы, и сташа вечемъ, и поворотися град весь,* и весь народ в том часѣ събрася. И бысть в них замятня, и кликнуша тфѣричи и начаша избивати татаръ, где котораго застропивъ, дондеже и самого Шевкала убиша. И всѣх по ряду, не оставиша и вѣстоноши, развѣ иже на поли пастуси стада конева

ПОВЕСТЬ О ШЕВКАЛЕ

В год 6834 (1326). 〈...〉 В том же году Александру Михайловичу было дано княжение, и он пришел из Орды и сел на великокняжеский престол. Потом, немного дней спустя, из-за умножения наших грехов, когда Бог позволил дьяволу вложить в сердце безбожных татар злую мысль, сказали они своему беззаконному царю: «Если не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не получишь власти над ними». Тогда беззаконный и проклятый зачинатель всего зла Шевкал, разоритель христианства, отверз свои скверные уста и начал говорить, наученный дьяволом: «Государь царь, если ты мне велишь, я пойду на Русь, разорю христианство, убью их князя, а княгиню и детей приведу к тебе». И царь велел ему так сотворить.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами, и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан — насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристями, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон-тверянин, — прозвище ему Дудко, — повел кобылицу, молодую и очень тучную, напоить водой в Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»

И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли

пасущеи. Тии похватавше лучшии жребци и скоро бѣжаша на Москву и оттолѣ въ Орду и тамо възвѣстиша кончину Шевкалову. ⟨...⟩

А убиен бысть Шевкал в лѣто 6835.* И то слышав, безаконный царь на зиму посла рать на землю Русскую, 5 темников, а воевода Федорчюк,* и людий множество погубиша, а иныя в плѣнъ поведоша, а Тфѣрь и вся грады огнем пожгоша. Великый же князь Александръ, не трьпя безбожныя их крамолы, оставль княжение русское и вся отчьствиа своя, и иде в Пьсковъ с княгинею и съ дѣтми своими, и пребысть в Пьсковѣ.

лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду, и там возвестили о кончине Шевкала.〈...〉

Убит же был Шевкал в 6835 (1327) году. И, услышав об этом, беззаконный царь зимой послал рать на Русскую землю — пять темников, а воевода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню. Великий же князь Александр, чтобы не терпеть безбожных преследований, оставив русский великокняжеский престол и все свои наследственные владения, ушел во Псков с княгиней и детьми и остался в Пскове.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

*О побоище иже на Пианѣ.** Въ лѣто 6885. ⟨...⟩ Того же лѣта перебѣжа из Синие Орды* за Волгу нѣкоторый царевичь именем Арапша, и въсхотѣ ити ратью к Новугороду к Нижнему. Князь же Дмитрей Костянтинович* посла вѣсть къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю.* Князь же великий Дмитрей събравъ воя многы и прииде ратью к Новугороду к Нижнему въ силѣ тяжцѣ.

И не бысть вѣсти про царевича Арапшу, и възвратися на Москву. А посла на них воеводы своя, а с ними рать володимерскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитрей Суждальскый посла сына своего, князя Ивана,* да князя Семена Михайловичя,* а с ними воеводы и воя многы.

И бысть рать велика зѣло, и поидоша за рѣку за Пиану, и прииде к ним вѣсть, повѣда имъ царевичя Арапшю на Волчьи Водѣ. Они же оплошишася и небрежением хожаху, доспѣхи своя на телѣги своя въскладаху,* а инии — в сумы, а *у* иных сулици* еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены. А ѣздят, порты своя с плечь спущав, а петли розстѣгавъ, аки роспрѣли, бяше бо им варно, бѣ бо в то время знойно. А гдѣ наѣхаху в зажитьи* мед или пиво, и испиваху до пьяна без мѣры и ѣздят пьяни. Поистиннѣ — за Пьяною пьяни! А старѣйшины их или князи их, или бояре старѣйшиа, велможи, или воеводы, тѣ всѣ поѣхаша ловы дѣюще, утѣху си творяще, мнящеся, аки дома.

А в то время погании князи мордовьстии подведоша втаю рать татарскую из Мамаевы Орды на князей наших. А князем не вѣдущим, и про то им вѣсти не было. И доидоша на Шипару, абие погании борзо раздѣлишася на 5 полковъ, и внезапу из невѣсти удариша на нашу рать в тылъ, бьюще и колюще и сѣкуще без вести. Наши же не успѣша ничтоже, что бы им сътворити, побѣгоша к *рѣцѣ* ко Пьянѣ, а татарове послѣ, бьюще.

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

О побоище, бывшем на реке Пьяне. В год 6885 (1377). ⟨...⟩ В этом же году перешел из Синей Орды за Волгу некий царевич по имени Арапша, и захотел он пойти ратью на Нижний Новгород. Князь же Дмитрий Константинович послал об этом весть к зятю своему, ко князю великому Дмитрию Ивановичу. Князь же великий Дмитрий, собрав много воинов, пришел ратью к Нижнему Новгороду с войском большим и грозным.

И не было никаких известий о царевиче Арапше, и возвратился великий князь в Москву. А против татар он послал воевод своих, а с ними рать владимирскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую. А князь Дмитрий Суздальский отправил сына своего, князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними воевод и множество воинов.

И собралось великое войско, и пошли они за реку за Пьяну. И пришла к ним весть о том, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из Мамаевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли ⟨наши⟩ до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колоть и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и, не в силах ничего сделать, побежали к реке к Пьяне, а татары преследовали их и избивали.

И ту убиша князя Семена Михайловичя и множество бояръ. Князь же Иван Дмитреевич прибѣгоша в оторопѣ к рѣцѣ ко Пьянѣ, гоним напрасно, и вержеся на конѣ в рѣку и ту утопе, и с ним истопоша в рѣцѣ множество бояръ и слугъ и народа безчислено. Сиа же злоба сдѣяся мѣсяца августа въ 2 день, на память святаго мученика Стефана, в недѣлю, въ 6 час дне от полудне.

Татарове же одолѣвше христианом, и сташа на костех, полонъ весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Новугороду к Нижнему изгоном, без вести. Князю же Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати противу ихъ на бой, но побѣжа в Суждаль. А люди горожане новогородстии разбѣжашася в судѣх по Волзѣ к Городцу.

Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему *мѣсяца* августа въ 5 день, въ среду, на память святаго мученика Еусегниа, в канунъ Спасову дни,* остаточных людей горожанъ избиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша, и згорѣло церквей въ градѣ 32. Отъидоша же погании от града в пятницу иноплеменници, волости новогородстии воюючи, а села жгучи и множьство людей посѣкоша, а жены и дѣти и дѣвици в полонъ без числа поведоша.

Того же лѣта пришед прежереченный царевичь Арапша и пограби Засурье* и огнем пожже й тогда.

Того же мѣсяца августа приѣха князь Василей Дмитреевич* из Суждаля в Новъгород в Нижний, посла и повелѣ выняти из рѣкы изо Пьяны брата своего, князя Ивана. И привезоша его в Новъгород, и плакашася над ним, и положиша его въ церкви каменой святаго Спаса, в притворѣ, на правой сторонѣ, за недѣлю по Оспожинѣ дни,* в той же день мѣсяца августа въ 23.

И тогда убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич, жестоко преследуемый, прибежал в оторопи к реке Пьяне, бросился на коне в реку и утонул, и с ним утонули в реке многие бояре и воины и народа без числа погибло. Это несчастье свершилось второго августа, в день памяти святого мученика Стефана, в воскресенье, в шестом часу пополудни.

Татары же, одолев христиан, стали на костях и весь полон и все награбленные богатства здесь оставили, а сами пошли изгоном, не подавая вестей, на Нижний Новгород. У князя же Дмитрия Константиновича не было войск, чтобы выйти на бой с ними, и он побежал в Суздаль. А новгородские жители убежали на судах вверх по Волге к Городцу.

Татары же пришли к Нижнему Новгороду пятого августа, в среду, в день памяти святого мученика Евсигния, накануне Спасова дня, и оставшихся в городе людей перебили, а город весь, и церкви, и монастыри сожгли, и сгорело тогда в городе тридцать две церкви. Ушли же поганые иноплеменники из города в пятницу, разоряя нижегородские волости, сжигая села, и множество людей посекли, и бесчисленное количество женщин, и детей, и девиц повели в полон.

В том же году пришел прежде названный царевич Арапша, и повоевал, и пожег тогда Засурье.

И в том же месяце августе приехал князь Василий Дмитриевич из Суздаля в Нижний Новгород. И послал он людей, и повелел вынуть из реки из Пьяны тело брата своего, князя Ивана. И привезли того в Нижний Новгород, и сотворили плач над ним, и похоронили его в каменной церкви святого Спаса, в притворе, на правой стороне, через неделю после Госпожина дня, двадцать третьего августа.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

О побоищи на рѣцѣ на Вожѣ* в Рязанской земли. Въ лѣто 6886. ⟨...⟩ Того же лѣта ординский князь, поганый Мамай,* събравъ воя многы и посла Бѣгича* ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую.

Се же слышав, князь великий Дмитрей Иванович събравъ воя многы и поиде противу их в силѣ тяжцѣ. И, переѣхавъ за Оку, вниде в землю Рязаньскую и срѣтошася с татары у рѣки у Вожи, и стояху, промежу собою рѣку имуще.

Не по мнозѣх же днех татарове переѣхаша на сю сторону и, удариша в кони свои, и скочиша вборзѣ и, нюкнуша гласы своими, и поидоша на грунах и ткнуша на наших. И удари на них: съ едину сторону Тимофѣй околничий, а съ другую сторону князь Данилей Пронскый, а князь великий удари в лице. Татарове же в том часѣ повергоша копья своя и побѣгоша за рѣку за Вожю, а наши послѣ за ними бьючи их, и сѣкучи, и колючи, и убиша их множество, а инии в рѣцѣ истопоша. А се имена избитых князей: Хазибѣй, Коверга, Карабулукъ, Костровъ, Бѣгичка.

По сих же приспѣ вечеръ, и заиде солнце, и смерьчеся свѣтъ, и наста нощь, и бысть тма, и нелзѣ бяше гнатися за ними за рѣку. А на завьтрее бысть мъгла велми велика. А татарове тако и побѣгоша еще сущи с вечера и чрес всю нощь бѣжаху. Князь же великий на заутрие уже перед обѣдом поиде за ними слѣдом ихъ, и погнаша их убѣжавших далече. Обрѣтоша бо в полѣ повержены дворы их, и шатры их, и вежи* их, и юртовища их, и алачюгы,* и тѣлѣги их, а в них товаръ безчислен весь пометанъ. А самѣх не обрѣтоша — бяху бо побѣжали к Ордѣ.

Князь же великий Дмитрей възвратися оттуду на Москву с побѣдою великою и рати роспусти съ многою корыстью. Тогда убьенъ бысть Дмитрей Монастыревъ да Назаръ Даниловъ Кусакова. Се бысть побоище прилучися мѣсяца августа 11 день, на память святаго мученика Еупла диакона, въ среду

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

О побоище на реке Воже в Рязанской земле. В год 6886 (1378). 〈...〉 В этом же году ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.

Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река.

По прошествии немногих дней татары переправились на эту сторону реки и, нахлестывая коней своих и закричав на своем языке, пошли рысью, и ударили на наших. А наши ринулись на них: с одной стороны Тимофей окольничий, а с другой стороны — князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лоб татарам. Татары же сразу побросали копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их, а многие из них в реке утонули. И вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабулук, Костров, Бегичка.

А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары, как побежали вечером, так и продолжали бежать в течение всей ночи. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали. И наехали в поле на брошенные становища их, и шатры, и вежи, и юрты, и алачуги, и телеги их, а в них бесчисленное множество всякого добра, и все это брошено, а самих нет никого — все побежали в Орду.

Князь же великий Дмитрий возвратился оттуда в Москву с победой великой и рати свои распустил по домам с большой добычей. Тогда убиты были Дмитрий Монастырев да Назарий Данилов Кусаков. А побоище это произошло одиннадцатого августа, в день памяти святого мученика Евпла-диакона, в среду

при вечере. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю, одолѣ ратным и побѣди врагы своя, и прогна поганых татаръ.

И посрамлени быша окааннии половци,* възвратишася съ студом, без успѣха, нечестивии измалтяне,* побѣгоша гоними гнѣвом Божиим! Прибѣгоша в Орду къ своему царю, паче же къ пославшему Мамаю, понеже царь их, иже в то время имѣаху себе, не владѣаше ничимже* и не смѣаше ничтоже сътворити пред Мамаем, но всяко старѣйшиньство съдержаше Мамай и всѣми владѣаше в Ордѣ.

Видѣв же Мамай изнеможение дружины своея, прибѣгшее к нему, а иныя избиты князи, и велможи, и алпауты, и многыя воя своя изгибша. И разгнѣва же ся зѣло Мамай и възъярися злобою. И тоя же осени, събравъ останочьную силу свою и съвъкупи воя многы, поиде ратью вънборзѣ, без вести, изгономъ на Рязанскую землю. А князь великий Олегъ* не приготовился бѣ и не сталъ противу их на бой, но выбѣжали из своея земля, а град свой поверже и пребѣжа за Оку рѣку. Татарове же пришедше и град Переяславль и прочии грады взяша* и огнем пожгоша, и волости и села повоеваша, а людей много посѣкоша, а иныя в полонъ поведоша, и възвратишася въ страну свою, много зла сътворивше земли Рязанской.

вечером. И помог Бог князю великому Дмитрию Ивановичу, и одолел он ратных, и победил врагов своих, и прогнал поганых татар.

И посрамлены были окаянные половцы, возвратились со стыдом, потерпев поражение, нечестивые измаильтяне, побежали, гонимые гневом Божьим! И прибежали они в Орду к своему царю, вернее же к пославшему их Мамаю, потому что царь их, которого они в то время имели у себя, никакой властью не обладал и ничего не смел делать без согласия Мамая, а вся власть была в руках у Мамая, и он владел Ордой.

Мамай же, увидев разгром дружины своей, остатки которой прибежали к нему, и узнав, что погибли князья, и вельможи, и алпауты и что много воинов его побито, сильно разгневался и разъярился злобой. И в ту же осень, собрав уцелевшие силы свои и набрав много новых воинов, пошел стремительно ратью, изгоном, не подавая вестей, на Рязанскую землю. А князь великий Олег не изготовился и не встал на бой против них, но побежал из своей земли, а города свои бросил и бежал за Оку-реку. Татары же пришли и захватили город Переяславль и другие города, и сожгли их, и волости и села повоевали, и много людей убили, а иных в полон увели, и вернулись в свою страну, причинив много зла земле Рязанской.

ЗАДОНЩИНА

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ* И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРѢЕВИЧЕ,* ЯКО ПОБѢДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ*

Князь великий Дмитрей Иванович с своим братом, с княземъ Владимером Андрѣевичем, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.* «Вѣдомо намъ, брате, *что* у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю».*

Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь *православная*. Взыдем на горы Киевския и посмотрим *славного* Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева,* от него же родися хиновя* — поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ** одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела; а от Калатьския рати* до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя *поминаючи* — князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру *християньскую*.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя, потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Ондрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о похвальных сихъ *о* нынешных повѣстех *о полку* великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго.* Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся

ЗАДОНЩИНА

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая, — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние

мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим *вѣщаго Бояна*,* горазна гудца в Киеве. Тот *бо вѣщий Боянъ*, воскладоша горазная своя персты на живыя струны, *пояше* руским князем *славы*: *первую славу великому* князю киевскому Игорю *Рюриковичю*,* 2 — великому князю Владимеру *Святославичю* Киевскому, *третюю* — великому князю Ярославу Володимеровичю.*

Аз же помяну резанца Софония,* и восхвалю пѣснеми *и* гусленными *буйными* словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского. И пѣние князем руским за вѣру христианьскую!

А от Калатьские рати до Момаева побоища *160* лѣт.*

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и братъ его, князь Владимеръ Андрѣевичь, помолися Богу и пречистей его Матери, истезавше ум свой *крѣпостию*, и поостриша сердца свои мужеством, и *наполнишася* ратного духа, уставиша собѣ храбрыя *полъкы* в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего, великого князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных *дней* утѣха, возлѣти под *синие облакы*, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю! Ци буря соколи *зонесет* из земля Залѣския в полѣ *Половецкое*!* На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, *трубы* трубят на Коломнѣ,* *бубны* бьют в Серпугове,* стоят стязи у *Дону* Великого на брезѣ.

Звонятъ *колоколы* вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ, стоят мужи навгородцкие у *святыя Софии*,* а *ркучи тако*: «Уже нам, брате, не поспѣть на *пособь* к великому князю Дмитрею Ивановичю?» И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великого Новагорода,* *а с ними 7000* войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимеру Андрѣевичю, *на пособе*.

К славному граду Москвѣ сьехалися вси князи руские, а *ркучи* таково слово: «У *Дону* стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи,* межу Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И *рече* князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате, князь Владимеръ Андреевичь, *пойдем* тамо, укупим животу своему славы, *учиним землям диво*, а старым повесть, а молодым *память*! А храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую!»

И *рече* им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимера Киевскаго! Не в обиде есми были по рожению *ни соколу*, ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!»

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал* славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣеви-

времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и пречистой его Матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона Великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово:«У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим землю, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича,

чю, и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею,* да Дмитрею Волыньскому!* Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы *полководцы*, под трубами *повити*, под шеломы *възлелѣаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены* в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки *есмя Едимантовы*, а правнуки есми Сколомендовы.* Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на *свои борзи комони* и посмотрим быстрого Дону, *испиемь шеломом воды*, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ* немецких о боеданы бусорманские!»

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит *и* гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. *То ти*, брате, не *стукъ стучить, ни гром гремит,* — стучит *силная* рать великаго князя Дмитрея *Ивановича, гремят* удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными *щиты.** Сѣдлай, брате Андрѣй, свои *борзи комони, а мои готови — напреди твоих осѣдлани*. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами *70 000* окованые рати».

Уже бо, брате, *возвеяша сильнии вѣтри с моря* на усть Дону и Непра, *прилелѣяша великиа* тучи на Рускую землю, из *них выступают* кровавые зори, а в них *трепещут синие молнии*. Быти стуку *и грому* великому на речке *Непрядвѣ*,* межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речьке *Непрядвѣ*!

Уже бо *въскрипѣли телегы* межу Доном и Непром, *идут хинове на Рускую землю!* И притѣкоша сѣрые волцы от устъ Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, на Мечи, хотят *наступати* на Рускую землю. *То ти* были не сѣрые волцы, — приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси *возгоготаша* и лѣбѣди *крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша*, но поганый Момай пришел на Рускую землю и *вои* своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под *облакы летают*, вороны часто грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на *кости брешут*.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.*

А уже соколи *и кречати, белозерские* ястреби *рвахуся* от златых колодицъ* ис камена града Москвы, *обриваху шевковыя опутины, возвиваючися* под синия небеса, *звонечи* злачеными колоколы на быстром Дону, *хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамая*.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во златое свое стрѣмя, *всѣдъ на свой борзый конь* и взем свой мечь в правую руку, и помолися

и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали, и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали, и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу

Богу и пречистой его Матери. Солнце ему *ясно* на *въстоцы* сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ* молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не *ослабляй*, брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руские наступают и вотчину *нашу* отнимают!»

И *рече* ему князь великыий Дмитрей Ивановичь: «Брате Владимеръ Андрѣевичь! Сами *себѣ* есми *два брата*, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены — *70* бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь да Семен Михайловичь,* да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь,* да Андрѣй Серкизовичь,* да Михайло Ивановичь,* а вою с нами триста тысящь окованые рати. А воеводы у нас *крепкия*, а дружина *свѣдома*, а под собою имѣем *борзыя комони*, а на собѣ злаченыи доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские,* а мѣчи булатные; *а пути им сведоми, а перевозы им изготовлены*, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру *крестьянскую*. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени».

Уже бо тѣ *соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреби*, за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися *на* многие стада *на гусиные и на* лѣбѣдиные. *То ти быша ни соколи ни кречети*, то ти наехали руские князи на силу татарскую. И udариша *копия харалужныя* о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке *Непрядвѣ*.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А силныи полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. *Кликнуло Диво** в Руской земли, *велит послушати грозъным землям*. Шибла *слава* к Желѣзным Вратам,* *и* къ Караначи,* к Риму, и *к Кафе** по морю, и *к Торнаву*;* и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: *Русь великая* одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке *Непрядвѣ*.

На том полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и *гремѣли* громы велицыи. То ти ступишася руские *сынове* с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли *доспѣхы* злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святѣй Богородицы.*

Не тури *возрыкали* у *Дону* Великаго на полѣ Куликове. *То ти* нѣ тури побѣждени у *Дону* Великого, но посѣчены князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича. Побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татаръ, Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да *Микула Васильевич*, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

и пречистой его Матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к Великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты, — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали, и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры возревели у Дона Великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона Великого, а посечены князья русские, бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвѣта* чернеца, бряньского боярина, на суженое мѣсто привели.* И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым *быти* от поганых татаръ!» Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем *борзом* конѣ, а злаченым доспѣхом *посвѣчивает*, а иные лѣжат посечены у *Дону* Великого на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец* своему брату Пересвѣту старцу: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоем раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду *моему* Иякову* лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речьке *Непрядве* за вѣру крестьяньскую, и за землю за Рускую, и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но *толко часто* вороны грают *трупу* ради *человеческаго*, грозно бо *бяше и жалостьно* тогды слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни — всплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. *Микулина жена Васильевича Марья* рано плакаша у Москвы града на *забралах*,* а *ркучи* тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко *мнѣ*!» А Тимофѣева жена Волуевича *Федосья* тако же *плакашеся, а ркучи* тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в *животѣ*!» А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья* рано плакашася: «Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, *припахнули* к *нам* от быстрого Дону *полоняныа* вѣсти, *носяще* великую бѣду: и *выседоша* удальцы з *борзыхъ* коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке *Непрядве*!»

А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами.

Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннинъ день.* То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни*, восплакалися жены коломеньские, а *ркучи* тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших от нась в землю Половецкую?» *А ркучи* тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ *заградити, а Донъ шоломы вычръпати, а Мечу рѣку трупы татарьскими запрудити*? Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила».

Того же дни в суботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речьке *Непрядвѣ*.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на суженое место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитым быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона Великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И нюкнув *князь* Владимеръ Андрѣевичь гораздо, и скакаше *по рати* во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом *посвѣчиваючи. Грѣмят мечи булатные* о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего, великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, *ты еси* у златошна времени *желѣзное зоборолo*. Не оставай, *князь великый, с своими великими полкы, не потакай крамольником*! Уже бо поганые татары поля *наша* наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. *Не уставай, князь великый, съ своими бояры*».

И князь великий Дмитрей Ивановичь рече своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста! Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Господи Боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ». И помолися Богу и пречистой его Матери и всѣм святым его, и прослезися горко, и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо *полѣтѣша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтѣша*: поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичь с своими полки *за Дон* со всею силою. И рече: «Брате князь Владимер Андрѣевичь, тут, брате, испити *медовыа чары повѣденые*, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татаръ поганых».

Тогда князь великий *началъ наступати. Гремят* мѣчи булатные о шеломы хиновские. И *поганые* покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо *вспять* отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а руские *сынове* широкие поля кликом огородиша и злачеными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на оборонь!

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его, князь Владимеръ Андрѣевичь, полки поганых вспять поворотили и нача *ихъ* бити и сечи *горазно, тоску имъ подаваше*. И князи их падоша с *коней*, а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и *дерущи* лица своя, а *ркуче* такъ: «Уже нам, брате, в земли своей не *бывати* и дѣтей своих не *видати, а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова*, а в Русь ратию нам не *хаживати*, а выхода нам у руских *князей* не *прашивати*». *Уже* бо *въстонала* земля татарская, бѣдами тугою *покрышася; уныша бо царемъ их хотѣние и княземь похвала на Рускую землю ходити*. Уже бо веселие *их* пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, *камкы,*

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и пречистой его Матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, — тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогое узорочье, тонкие

насычеве везут женам своимъ. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. *Вознесеся* слава руская *на поганых хулу.* Уже бо вержено Диво на *землю,* и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям *текут. Стрѣляй, князь великый, по всѣмъ землям, стрѣляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за вѣру христьяньскую.* Уже поганые оружия своя *повергоша,* а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И *отскочи* поганый Мамай от своея дружины серым *волком* и притече к *Кафе* граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя* царя: у Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ *по задлѣшью*!»

Уподобилася еси *земля Руская* милому младенцу у матери своей: *его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его.* Тако господь Богъ помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимера Андрѣевича, меж Дона и Непра, *на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ.*

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь сь своим братом, с князем Владимером Андрѣевичем, и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речьке *Непрядвѣ.* Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лѣжат трупи крестьяньские *акы сѣнныи стоги у Дона* Великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет».

Тогды *говорит* Михайло Александровичь,* московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: «*Господине* князь великий Дмитрѣй Ивановичь! Нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрьских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 50 бояръ суздалских, 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста

ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее прегрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона Великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайс-

тысящь и три тысечи. *И помилова Богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество*».

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Братия, бояра и князи и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове наречке *Непрядвѣ*. И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благослвите в сем вѣце и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андрѣевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ких, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

О ПОБОИЩИ ИЖЕ НА ДОНУ И О ТОМЬ, ЧТО КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ БИЛСЯ СЪ ОРДОЮ

Прииде ордынский князь Мамай* съ единомысленики своими, и съ всѣми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому рати понаимовав бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы.* Такоже с Мамаемь вкупѣ, въ единой мысли и въ единой думѣ, и литовский князь Ягайло Олгердович* съ всею силою литовскою, с ляцкою, и с ними же въ единачествѣ Олегъ Иванович, князь рязанский.* Съ всѣми сими съвѣтникы поиде на великого князя Дмитриа Ивановича* и на брата его князя Володимера Андреевича.* Но хотя человеколюбивый Богъ спасти и свободити род христианский молитвами пречистыа его Матере от работы измалтьскиа,* от поганаго Мамая, и от сонма *нечестиваго* Ягайла, и от велерѣчиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшему своего христианства. И приидет ему день великий Господень в суд, аду и ехидну!

Окаанный же Мамай разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, нача злый съвѣтъ творити, темныа своа князи* поганыя звати, и рече имъ: «Пойдемь на рускаго князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи* было. Христианство потеряем, а церкви Божиа попалимь и кровь христианскую прольемь, а законы их погубимь». И сего ради нечестивый лютѣ гнѣвашеся о своих друзех и любовницѣхь, о князех, избиеных на рѣцѣ на Вожи.* И нача сверѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижася и силою многою, хотя пленити христианъ. И тогда двигнушася вся колѣна татарскаа.

И нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягайлу, и лстивому сътонщику,* диаволю съвѣтнику, отлученому Сына Божиа, помраченому тмою грѣховною и не въсхотѣ разумѣти — Олгу Рязанскому, поборнику бесерменскому, лукавому сыну, якоже рече Христос: «От нас изыдоша и на ны быша». И учини собѣ старый злодѣй Мамай съвѣтъ нечестивый с поганою Литвою и съ

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

О СРАЖЕНИИ НА ДОНУ И О ТОМ, КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ БИЛСЯ С ОРДОЙ

Пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими, и со всеми прочими князьями ордынскими, и со всеми силами татарскими и половецкими, наняв еще к тому же войска бесермен, армен, фрягов, черкасов, и ясов, и буртасов. Также собрался с Мамаем, единомыслен с ним и единодушен, и литовский князь Ягайло Ольгердович со всеми силами литовскими и польскими, и с ними же заодно Олег Иванович, князь рязанский. Со всеми этими сообщниками пошел Мамай на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его князя Владимира Андреевича. Но человеколюбивый Бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами пречистой его Матери от порабощения измаилтянского, от поганого Мамая, и от сборища нечестивого Ягайла, и от велеречивого и ничтожного Олега Рязанского, не соблюдшего своей веры христианской. И будет ему, исчадию ада и ехидне, суд в великий Господень день!

Окаянный же Мамай возгордился, возомнив себя царем, начал злой заговор плести, созывать своих поганых темников-князей и сказал им: «Пойдем на русского князя и на всю землю Русскую, как было при Батые. Христианство погубим, а церкви Божии сожжем, и кровь христианскую прольем, а законы их изничтожим». И это потому, что нечестивый люто гневался из-за своих друзей и любимцев, из-за князей, убитых на реке Воже. И начал неистово и поспешно силы свои собирать, в ярости двинувшись и в силе великой, желая пленить христиан. И тогда двинулись все племена татарские.

И начал Мамай посылать в Литву, к нечестивому Ягайлу, и к хитрому сотонщику, сообщнику дьявола, отлученному от Сына Божия, помраченному тьмою греховной и не хотящему уразуметь — Олегу Рязанскому, помощнику бесерменскому, лживому сыну, как сказал Христос: «От нас вышли и на нас поднялись». И заключил старый злодей Мамай бесчестное соглашение с пога-

душегубивымъ Олгомъ: стати имъ у Оки у рѣки на Семень день* на благовѣрнаго князя.

Душегубивый же Олегъ начал зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и къ Ягайлу своего боярина единомысленаго, антихристова предтечю, именемь Епифана *Корѣева*, веля им быти на тотъ же срок, и тъже съвѣтъ свѣща — стати ему у Оки с треглавными звѣрми сыроядци,* а кровь прольати. Враже измѣнниче Олже, лихоимъства открываеши образы, а не вѣси, яко меч Божий острится на тя, якоже пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыа сердцемь. И оружиа их внидут въ сердца их, и луци их съкрушатся».*

И бысть месяца августа, приидоша от Орды таковыа вѣсти къ христолюбивому князю, оже въздвизается на христианы измаилтьский род. Олгу же, уже отпадшему сана своего от Бога, иже злый съвѣтъ створи с погаными, и посла къ князю Дмитрию вѣсть лестную, что: «Мамай идет съ всѣмь своимъ царствомъ в мою землю Рязанскую на мене и на тебе, а и то ти свѣдомо буди — и литовский идет на тебе Ягайло съ всею силою своею».

Князь же Дмитрей се слышав, невеселую ту годину, что идуть на него вся царства, творящеи безаконие, а ркуще «еще наша рука высока есть», иде къ соборной церкви матери Божии Богородици,* и пролья слезы, и рече: «Господи, ты всемогий, всесилный и крѣпкий въ бранех, въистину еси царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны пресвятыа Матере молитвами, не остави нас, егда унываемь! Ты бо еси Богъ нашь и мы — людие твои, посли руку твою свыше и помилуй ны, посрами враги нашя и оружиа их притупи! Силен еси, Господи, и кто противится тебѣ! Помяни, Господи, милость свою, иже от вѣка имаши на родѣ христианскомь! О, многоименитаа Дево, госпоже, царице небесных чинов, госпоже присно всеа вселенныа и всего живота человечьскаго кормителнице! И въздвигни, госпоже, руцѣ свои пречистаа, има же носила еси Бога въплощена! Не презри и христианъ сих, избави нас от сыроядець сих и помилуй мя!»

Въставъ от молитвы, изыде из церкви и посла по брата своего Володимера, и по всѣх князей руских, и по великиа воеводы. И рече к брату своему Володимеру и всѣмь княземь и воеводамъ: «Пойдемь противу сего окааннаго, и безбожнаго, и нечестиваго, и темнаго сыроядца Мамаа за правовѣрную вѣру христианскую, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, сущая и не сущаа. И възмемъ с собою скипетръ царя небеснаго — непобѣдимую побѣду, и въсприимемь Аврамлю доблесть».* И нарек Бога, и рече: «Господи, в помощь мою вънми, Боже, на помощъ мою потщися! И да постыдяться и посрамляются, и познають, яко имя тебѣ — Господь, яко ты еси единъ вышний по всей земли!»*

И съвокупився съ всѣми князьми рускими и съ всею силою, и поиде противу их вборзѣ с Москвы, хотя боронити своея отчины. И прииде на

ной Литвой и душегубцем Олегом: собраться им у Оки-реки в Семенов день на благоверного князя.

А душегубец Олег начал зло к злу прилагать: послал к Мамаю и к Ягайлу своего боярина-единомышленника, антихристова предтечю, именем Епифана Кореева, веля им прийти в указанный день, и тот же уговор подтвердил — собраться у Оки с трехголовыми зверьми-сыроядцами и кровь пролить. О, враг и изменник Олег, лихоимства являешь примеры, а не ведаешь, что меч Божий угрожает тебе, ибо пророк сказал: «Оружие обнажили грешники и натянули лук, чтоб убивать во мраке праведников. И оружие их вонзится в сердца их, и луки их сокрушатся».

И когда наступил август, пришли из Орды вести к христолюбивому князю, что поднимается на христиан измаилтянский род. Олег же, отступивший уже от Бога, так как злой сговор учинил с погаными, послал к князю Дмитрию с лживой вестью: «Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя, а знай и то, что идет на тебя и литовский Ягайло со всеми силами своими».

Князь же Дмитрий, услышав, что настало недоброе время, что идут на него все царства, творящие беззаконие, и, промолвив: «Еще в наших руках сила», — пошел к соборной церкви матери Божьей Богородицы и, обливаясь слезами, произнес: «Господи, ты всемогущий, всесильный и твердый в бранях, поистине ты царь славы, сотворивший небо и землю, — помилуй нас молитвами пресвятой Матери, не оставь нас, когда отчаиваемся! Ты ведь Бог наш, и мы — люди твои, протяни руку свою свыше и помилуй нас, посрами врагов наших и оружие их притупи! Могуч ты, Господи, и кто воспротивится тебе! Вспомни, Господи, о милости своей, которую искони оказываешь роду христианскому! О, многоименитая Дева, госпожа, царица чинов небесных, вечная владычица всей вселенной и всей жизни человеческой кормительница! Вознеси, госпожа, руки свои пречистые, в которых носила Бога воплощенного! Не презри нас, христиан, избавь от сыроядцев и помилуй меня!»

И, встав с молитвы, вышел из церкви и послал за братом своим Владимиром, и за всеми князьями русскими, и за великими воеводами. И обратился к брату своему Владимиру и ко всем князьям и воеводам: «Пойдем против окаянного, и безбожного, и нечестивого, и темного сыроядца Мамая за правоверную веру христианскую, за святые церкви, и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан, живых и усопших. И возьмем с собою скипетр царя небесного — неодолимую победу, и восприимем Авраамову доблесть». И воззвав к Богу, сказал: «Господь, прислушайся к мольбе моей, Боже, на помощь мне поспеши! Пусть устыдятся враги, и посрамлены будут, и узнают, что имя твое — Господь, что ты — один всевышний во всей земле!»

И, соединившись со всеми князьями русскими и со всеми силами, вскоре выступил против них из Москвы, чтобы защитить свою отчину. И пришел

Коломну, събра вой своих 100 тысящ и 100, опроче князей и воевод мѣстных. И от начала миру не бывала такова сила рускаа князей руских, якоже при семь князи бѣаше. А всее силы и *всех* рати числомъ с полтораста тысящ или с двѣстѣ. Еще же к тому приспѣша въ тъй чинъ рагозный издалечя великие князи Олгердовичи поклонитися и послужити: князь Андрей Полоцкий съ пльсковичи, брат его — князь Дмитрий Брянский* съ всѣми своими мужи.

В то же время Мамай ста за Доном, възбуявся, и гордяся, и гнѣваася, съ всѣм своимъ царствомъ, и стоя 3 недели. И прииде князю Дмитрию паки другаа вѣсть: повѣдаша ему Мамаа за Доном съ събравшася и в полѣ стоаща, ждуще к собѣ на помощъ Ягайла с литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотят побѣду створити съ одиного. И нача Мамай слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибѣ-цари,* а не по своему докончаниу. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитьа, и хотѣ ему выход дати по христианской силѣ и по своему докончанию, како с ним докончалъ. Он же не въсхотѣ, высокомысляше, ожидаа своего нечьстиваго съвѣта литовскаго.

Олегъ же, отступникь нашь, приединився къ зловѣрному и поганому Мамаю и нечьстивому Ягайлу, нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа. Князь же Дмитрий увѣдавь лесть лукаваго Олга, кровопивца *христьянского*, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится. И князь же Дмитрий въздохнув из глубины сердца своего и рече: «Господи, съвѣты неправедных разори, а зачинающих рать ты погуби, *не азъ* почалъ кровъ христианскую проливати, *но* онъ,* Святополъкъ новый!* *Въздай* же ему, Господи, седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходит и забы благодать твою! Поострю, яко млънию, мечь мой, и приимеет суд рука моа, въздамь месть врагомъ и ненавидящим мя въздамь, и упою стрѣлы моа от крови их, да не ркут невѣрнии „кто есть богъ их?" Отврати, Господи, лице свое от них и покажи им, Господи, вся злаа напослѣдокъ, яко род развращаемь есть, и нѣсть вѣры в них твоеа, Господи! И *пролии на них гнѣвъ твой, Господи,* на языки, незнающаа тебе, Господи, и имени твоего святаго не призвашя! Кто богъ велей яко Богъ нашь! Ты еси Богъ, творяй чюдеса единъ».*

И кончав молитву, иде к Пречистѣй* и къ епископу Герасиму* и рече ему: «Благослови мя, отче, поити противу окааннаго сего сыроядца Мамаа, и нечьстиваго Ягайла, и отступника нашего Олга, отступившаго от свѣта въ тму». И святитель Герасим благословилъ князя и воя его вся поити противу нечьстивых агарянъ.

И поиде с Коломны с великою силою противу безбожных татаръ месяца августа 20, а уповая на милосердие Божие и на пречистую его матерь Богородицю, на приснодевицю Марию, призываа на помощь честный крестъ. И, прошед свою отчину и великое свое княжение, и ста у Оки на усть Лопастны,* переимаа вѣсти *от* поганыхъ. Ту бо наеха Володимеръ, братъ его, и великий его воевода Тимофей Васильевич, и вси вои останочныи, что были оставлены

в Коломну, собрал воинов своих сто тысяч и сто, помимо князей и воевод местных. От начала мира не бывало такой силы русской — князей русских, как при этом князе. А всех сил и всех ратей числом в полтораста тысяч или двести. К тому же еще подоспели в тот ратный час издалека великие князья Ольгердовичи поклониться и послужить: князь Андрей Полоцкий с псковичами и брат его — князь Дмитрий Брянский со всеми своими мужами.

В то время Мамай встал за Доном, со всем своим царством, бушуя, и кичась, и гневаясь, и стоял три недели. Пришла к князю Дмитрию еще одна весть: сказали ему, что Мамаево войско за Доном собралось и в поле стоит, поджидая на помощь Ягайла с литовцами, чтобы, когда соединятся, одержать сообща победу. И послал Мамай к князю Дмитрию дани просить не по своему договору, а как было при царе Джанибеке. Христолюбивый же князь, не желая кровопролития, хотел ему выплатить дань посильную для христиан и по своему договору, как было установлено с ним. Тот же не захотел и высокомерничал, ожидая своего нечестивого сообщника литовского.

Олег же, отступник наш, присоединившись к зловерному и поганому Мамаю и к нечестивому Ягайлу, стал дань ему платить и войско свое к нему посылать на князя Дмитрия. Князь же Дмитрий узнал о хитрости коварного Олега, кровопийцы христианского, нового Иуды-предателя, неистовствующего на своего повелителя. И, тяжко вздохнув, князь Дмитрий произнес из глубины сердца своего: «Господи, заговор неправедных сокруши и развязавших войну погуби, не я начал кровь христианскую проливать, но он, Святополк новый! Воздай же ему, Господи, семьюжды семь раз, ибо во тьме ходит и забыл благодать твою! Поострю, как молнию, меч мой, и прииму суд в руки свои, воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, и напою стрелы мои кровью их, чтобы не говорили неверные: „Кто бог их?" Отврати, Господи, лицо свое от них и покажи им, Господи, все зло их напоследок, ибо род их развращен и нет веры у них в тебя, Господи! И излей на них гнев твой, Господи, на народы, не ведающие тебя, Господи, и имени твоего святого не призывающие! Какой бог более велик, чем Бог наш! Ты один Бог, творящий чудеса!»

И, помолившись, пошел к Пречистой и к епископу Герасиму и сказал ему: «Благослови меня, отче, пойти на этого окаянного сыроядца Мамая, и нечестивого Ягайла, и изменника нашего Олега, отступившего от света в тьму». И епископ Герасим благословил князя и воинов его всех пойти на нечестивых агарян.

И вышел из Коломны в великом множестве против безбожных татар месяца августа двадцатого дня, уповая на милосердие Божие и на пречистую его матерь Богородицу, на приснодеву Марию, призывая на помощь святой крест. И, пройдя свою отчину и великое свое княжение, встал у Оки в устье Лопасни, перехватывая вести от поганых. Сюда же приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич, и все остальное войско,

на Москвѣ. И начашя възитися за Оку за неделю до Семеня дни в день неделный. И, переехавше за рѣку, внидошя в землю Рязаньскую. А самь в понеделник перебреде своимь двором. А на Москве остави воевод своих, у великой княгини Евдокеи* и у сынов своих — у Василья, у Юрья и у Ивана* — Федора Андреевича.*

И слышав в градѣ на Москвѣ, и в Переаславлѣ, и на Костромѣ, и в Володимерѣ, и въ всѣх градѣх великого князя и всѣх князей руских, что пошол князь великый за Оку, и бысть в градѣ Москвѣ туга велика, и по всѣмь его предѣломъ, и плач горекъ, и глас рыданиа. И слышано бысть, сиирѣчь высоких, Рахиль же есть, рыдание крѣпко, плачющеся чяд своих* и с великимь рыданием и въздыханиемь не хотяше ся утѣшити, зане пошли с великымь княземь за всю землю Рускую на остраа копья! Да кто уже не плачется женъ онѣх рыданиа и горкаго их плачя, зряще, убо ихъ каяждо к себѣ глаголаше: «Увы мнѣ! Убогаа нашя чада, уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, *да* сиа злостpастные и горкыа печали* вашего убийства не подъяли быхом! Почто быхомъ повинни пагубѣ вашей!»

Князь же великый прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества святыа Богородица.* И тогда приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергиа,* от святаго старца, благословенаа; в ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: «Что бы еси, господине, тако и пошолъ, а поможет ти Богъ и святаа Богородица». Князь же рече: «Сии на колесницах, а си на коних. Мы же въ имя Господа Бога нашего призовемъ:* „Побѣды дай ми, Господи, на супостаты и пособи ны оружиемь крестнымь, низложи врагы нашя; на тя уповающи, побѣжаемь, молящеся прилѣжно къ пречистой ти Матери"». И сиа изрек, начя полци ставити, и устрояше въ одежу их местную.* Яко великии ратници, и воеводы оплъчишя своя полки, и приидошя к Дону, и сташа ту, и много думавше. Овии глаголаше: «Поиди, княже, за Донъ». А друзии рѣша: «Не ходи, понеже зѣло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва, и рязанци».

Мамай же, слышав приход княж к Дону и сѣченыа своя видѣв, възьярися зракомъ и смутися умомъ, и распалися лютою яростию, и наплънися аки аспида нѣкаа,* гнѣвомъ дышуще, и рече: «Двигнетеся, силы моя темныа, и власти, и князи! И пойдемь, станемъ у Дону противу князя Дмитриа, доколѣ приспѣеть к намь съвѣтникь нашь Ягайло *съ* своею силою» .

Князю же, слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: «Господи, не повелѣлъ еси в чюжь предѣлъ преступати, аз же, Господи, не преступих. Сий же, Господи, приходяще, аки змий к гнѣзду окаанный Мамай, нечистый сыроядець, на христианство дрьзнулъ и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыа церкви Божиа разорити». И рече: «Что есть великое сверѣпство Мамаево? Аки нѣкаа ехидна, прыскающи, пришел от нѣкиа пустыня, пожрети ны хощет! Не предай же мене, Господи, сыроядцу сему Мамаю, покажи ми

которое оставалось в Москве. И начали переправляться через Оку за неделю до Семенова дня, в день воскресный. И, переехав за реку, вступили в землю Рязанскую. А сам князь в понедельник переехал реку вброд со своим двором. В Москве же оставил он воевод своих, у великой княгини Евдокии и у своих сыновей, у Василия, у Юрия и у Ивана — Федора Андреевича.

И когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел князь великий за Оку, то настала в Москве и во всех его пределах печаль великая, и поднялся плач горький, и разнеслись звуки рыданий. И слышно было рыдание безысходное, — словно Рахиль, которая, оплакивая детей своих с великими слезами и с воздыханием, не могла утешиться, — ибо пошли с великим князем на острые копья за всю землю Русскую! Да и кто не заплачет, видя, как рыдают и горько плачут жены эти, каждая ведь из них причитала: «Горе мне! Бедные наши чада, лучше для нас было бы, если бы вы не родились, тогда бы эту злострастную и горькую печаль о вашем убиении не испытали бы! Отчего же повинны мы в гибели вашей!»

Князь же великий подошел к реке Дону за два дня до Рождества святой Богородицы. И тогда пришла грамота с благословением от преподобного игумена Сергия, от святого старца; в ней же писано благословение его — чтоб бился с татарами: «Чтобы ты, господин, так и пошел, а поможет тебе Бог и святая Богородица». Князь же сказал: «Эти на колесницах, а эти на конях. Мы же к Господу Богу обратимся с молитвой: „Победу даруй мне, Господи, над супостатами, и помоги нам оружием крестным, низложи врагов наших; на тебя уповая, побеждаем, молясь прилежно пречистой твоей Матери"». И, сказав так, начал полки строить, и облек их в одежды местные. Подобно великим ратникам и воеводы вооружили свои полки, и пришли к Дону, и стали тут, и долго совещались. Одни говорили: «Пойди, князь, за Дон». А другие возражали: «Не ходи, так как слишком умножились враги наши, не только татары, но и литовцы, и рязанцы».

Мамай же, услышав о приходе князя к Дону и убитых своих воинов увидев, рассвирепел, и помутился ум его, и распалился он лютой яростью, и раздулся, словно аспид некий, гневом дышащий, и сказал: «Подвигнемся, силы мои темные, и властители, и князья! Пойдем, встанем у Дона против князя Дмитрия, пока не прибудет к нам союзник наш Ягайло со своими силами».

Князь же, слышав похвальбу Мамая, сказал: «Господи, не велел ты в чужой предел вступать, я же, Господи, не вступил. Этот же, Господи, окаянный Мамай, пришедший, как змей к гнезду, нечистый сыроядец, на христианство дерзнул, и кровь мою хочет пролить, и всю землю осквернить, и святые церкви Божии разорить». И сказал: «Что есть великая ярость Мамаева? Словно некая ехидна, прыская, явилась из некой пустыни и пожрать нас хочет! Не предай же меня, Господи, сыроядцу этому Мамаю, покажи мне величие своего божества,

славу своего божества, Владыко! И где ти аггелстии лици, и где херувимское предстоание, где серафимское шестокрилное служение? Тебе трепещет вся тварь, тебѣ покланяються небесныа силы! Ты солнце и луну створи и землю украси всѣми лѣпотами! Яви, Боже, славу свою и нынѣ, Господи, преложи печаль мою на радость! Помилуй мя, якоже помиловалъ еси слугу своего Моисеа, в горести душя възпивша к тебѣ, и столпу огньну повелѣлъ еси ити пред нимь, и морскыа глубины на сушу преложи, яко владыка сый и Господь, страшное възмущение на тишину преложилъ еси».

И си вся изрекши, брату своему и всѣмъ князем и воеводамъ великимъ, и рече: «Приспѣ, братие, время брани нашея, и прииде праздникъ царици Марии, матере Божии Богородици, и всѣх небесных чинов, и госпожи всея вселеныа и честнаго еа Рожества. Аще оживемь — Господеви есмы, аще умремь за миръ сей — Господеви есмы!»* И повелѣ мосты мостити на Дону и бродов пытати тое нощи, в канон пречистыа Божиа матере.

Заутра же в суботу *порану*, месяца сентября 8 день, в самый празник Госпожинъ,* всходящу солнцу, и бысть тма велика по всей земли, и мгляно было бяше того утра до третиаго часа.* И повелѣ Господь тмѣ уступити, а свѣту пришествие дарова. Князь же великый исполчи полки своа велиции, и вся его князи рустии свои полкы устроивше, и великыа его воеводы облачишася въ одежда местныа. И ключя смертные растерзахуся, трусъ же бѣ страшенъ и ужасъ събраннымь чядомъ издалече от встока и до запада. Поидоша за Дон, в далняа чясти земля, и преидоша Донъ вскорѣ люто и сверѣпо и напрасно, яко основанию земному подвизатися от великых силъ. Князю же перешедшу за Донъ *в* поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы, Господь Богъ единъ вожаше его, и не бѣ с ним Богъ чюждь. О, крѣпкыа и твердыа дръзости мужъство! О, како не убояся, ни усумнѣся толика множества народа ратных! Се боársташя на нь три земли, *три рати*: первое — татарскаа, второе — литовскаа, третие — рязанскаа. Но обаче всѣх сих никакоже убояся, ни устрашися, но еже к Богу вѣрою въоруживься и креста честнаго силою укрѣпився, молитвами святыа Богородица оградився, и Богу помолися, глаголя: «Помози ми, Господи Боже мой, спаси мя ради милости твоеа, вижь — врагы моа яко умножишася на мя. Господи, что ся умножишя стужающеи мнѣ? Мнози въсташя на мя, мнози борющеся со мною, мнози гонящеи мя, стужающеи ми, вси языцы обыдоша мя, именем Господнимь противляхся имъ».*

И бысть в шестую годину дни,* начашя появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло. И ту исполчишася татарстии полци противу хрестьан, и ту срѣтошася *полци*. И великыа силы, узрѣвше, поидошя, и земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вой безчисленыхъ. И извлекоша оружия — обоюдуостри в рукахъ их. И орли сбирахуся, якоже есть писано, — «где будет трупие, ту сберутся и орли».* Пришедшимъ рокомъ преже бо начашася съеждати сторожевыи плъки рускии с татарскыми.

Владыка! Где же сонм агельский, где херувимское предстояние, где серафимов шестокрылых служение? Перед тобой трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесные силы! Ты солнце и луну сотворил и землю украсил всеми красотами! Яви, Боже, величие свое и ныне; Господи, перемени печаль мою на радость! Помилуй меня, как помиловал слугу своего Моисея, в горести душевной возопившего к тебе, и огненному столпу повелел ты идти перед ним, и морские глубины в сушу превратил, как владыка и Господь, ты страшное возмущение на тишину обратил».

И, все это сказав, обратился к брату своему и ко всем князьям и воеводам великим: «Пришло, братья, время брани нашей и настал праздник царицы Марии, матери Божьей Богородицы и всех небесных чинов, госпожи всей вселенной, и святого ее Рождества. Если останемся живы — для Господа, если умрем за мир сей — для Господа!» И приказал мосты мостить на Дону и броды разыскивать в ту ночь, в канун праздника пречистой Божьей матери.

Наутро же в субботу рано, месяца сентября в восьмой день, в самый праздник Богородицы, во время восхода солнца, была тьма великая по всей земле, и туманно было то утро до третьего часа. И велел Господь тьме отступить, а свету пришествие даровал. Князь великий собрал полки свои великие, и все его князья русские свои полки приготовили, и великие его воеводы облачились в одежды местные. И врата смертные растворились, страх великий и ужас охватил собранных издалека, с востока и запада, людей. Пошли за Дон, в дальние края земли, и скоро перешли Дон в гневе и ярости, и так стремительно, что основание земное содрогнулось от великой силы. Князя, пришедшего за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы, вел один Господь Бог, и не отвернулся Бог от него. О, крепкое и твердое дерзновение мужества! О, как не устрашился, не смутился духом, увидя такое множество воинов! Ведь на него поднялись три земли, три рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. Однако же он всех их не убоялся, не устрашился, но, верою в Бога вооружившись, силою святого креста укрепившись и молитвами святой Богородицы оградившись, Богу помолился, говоря: «Помоги мне, Господи Боже мой, спаси меня милостью своею, видишь, как умножилось число врагов моих. Господи, за что умножились досаждающие мне? Многие поднялись на меня, многие борются со мной, многие преследуют меня, мучают меня, все народы обступили меня, но именем Господним я противился им».

И в шестой час дня появились поганые измаилтяне в поле, — а было поле открытое и обширное. И тут выстроились татарские полки против христиан, и встретились полки. И, увидев друг друга, двинулись великие силы, и земля гудела, горы и холмы сотрясались от бесчисленного множества воинов. И обнажили оружие — обоюдоострое в руках их. И орлы слетались, как и писано, — «где будут трупы, там соберутся и орлы». В урочный час сперва начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же князь

Сам же князь великий наеха наперед в сторожевых полцех на поганаго царя Теляка,* нареченаго плотнаго диавола Мамаа. Таче потом недолго попустя отъеха князь в великий полкъ.* И се поиде великаа рать Мамаева, вся сила татарская. А отселѣ — князь великий Дмитрий Иванович съ всѣми князьми рускими, изрядивь полкы, поиде противу поганых половець и съ всѣми ратьми своими. И възрѣв на небо умилныма очима и въздохнув из глубины сердца, рече слово псаломское: «Братие, Богъ намъ прибѣжище и сила».* И абие сступишася обоя силы велиции вмѣсто на длъгъ час, и покрыша полкы поле яко на десяти верстъ от множества вой. И бысть сеча зла и велика, и брань крѣпка, и трусъ великь зѣло; яко от начала миру сѣча такова не бывала великимь княземь рускимь, якоже сему великому князю всея Руси. Бьющим же ся им от шестаго часа до 9-го,* проольяся кровь аки дождева тучя, обоих, рускых сынов и поганых, и множество безчислено падоша трупиа мертвых от обоих. И много руси побиени быша от татаръ, и от руси — татаре. И паде труп на трупѣ, паде тѣло татарское на телеси христианскомъ; индеже видѣти бяше русинъ за татарином ганяшеся, а татаринъ русина стигаше. Смятоша бо ся и размѣсиша, киижздо бо своего супротивника искаше побѣдити. И рече к собѣ Мамай: «Власи наши растръзаются, очи наши не могут огненых слез истачати, языци наши связаются, и гортан ми пресыхает, и сердце раставает, чресла ми протязаются, колѣни изнемогают, а руцѣ ми оципают».

Что намь рещи или глаголати, видящи злострастьную смерть! Инии бо мечемь пресѣкаеми бываху, а инии сулицами прободаеми, инии же на копиа взимаеми! Да тѣм же рыданиа испольнишася москвичи мнози, небывалци. То видѣвше, устрашишася и живота отчаявшееся, и на бѣги обратившеся, и побѣгоша, а не помянушя, яко мученици глаголаху друг къ другу: «Братие, потерпим мало, зима яра, но рай сладокъ; и страстенъ меч, но славно вѣнчание». А инии сыны агаряны на бѣгъ възвратишася от клича велика, зряще злаго убийства.

И по сих же въ 9 час дне* призрѣ Господь милостивыма очима на вси князи руские и на крѣпкыа воеводы, и на вся христианы, дрьзнувше за христианство и не устрашишася, яко велиции ратници. Видѣша бо вѣрнии, яко въ 9 час бьющеся аггели помогают христианомъ, и святыхъ мученикъ полкъ, и воина Георгиа, и славнаго Дмитриа,* и великых князей тезоименитых Бориса и Глѣба. В них же бѣ воевода съвръшенаго плъка небесных вой — архистратигъ Михаил.* Двоя воеводы видѣша погании полци треслънечный плъкъ и пламенныа их стрѣлы, яже идут на них; безбожнии же татарове от страха Божиа и от оружия христианскаго падаху. И вънесе Богъ десницу нашего князя на побѣду иноплеменникь. А Мамай, съ страхомъ въстрепетав и велми въстенавъ, и рече: «Великъ Богъ христианескъ и велика сила его! Братие измайловичи, безаконнии агаряне, побѣжите не гóтовыми* дорогами!» И сам вдав плещи свои и побѣже скоро паки къ Ордѣ. И то слышавше темныа его князи и власти, и

великий напал первым в сторожевых полках на поганого царя Теляка, называемого воплощенным дьяволом Мамая. Однако вскоре после того отъехал князь в великий полк. И вот двинулась великая рать Мамаева, все силы татарские. А с нашей стороны — князь великий Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изготовив полки, пошел против поганых половцев со всею ратью своею. И, воззрев на небо с мольбою и преисполнившись скорби, сказал словами псалма: «Братья, Бог нам прибежище и сила». И тотчас сошлись на многие часы обе силы великие, и покрыли полки поле верст на десять — такое было множество воинов. И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный; от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси. Когда бились они, от шестого часа до девятого, словно дождь из тучи, лилась кровь и русских сынов, и поганых, и бесчисленное множество пало мертвыми с обеих сторон. И много руси было побито татарами, и татар — русью. И падал труп на труп, падало тело татарское на тело христианское; то там, то здесь можно было видеть, как русин за татарином гнался, а татарин преследовал русина. Сошлись вместе и перемешались, ибо каждый хотел своего противника победить. И сказал сам себе Мамай: «Волосы наши повыдраны, очи наши не успевают горячих слез источить, языки наши коснеют, и моя гортань пересыхает, и сердце останавливается, чресла меня не держат, колени слабеют, а руки мои цепенеют».

Что нам сказать или о чем говорить, видя злострастную смерть! Одни мечами перерублены, другие сулицами проколоты, иные же на копья подняты! И отчаяние охватило тех москвичей, которые не бывали на ратях. Видя все это, испугались они, и, простившись с жизнью, обратились в бегство и побежали, а не вспомнили, как говорили мученики друг другу: «Братья, потерпим немного, зима люта, но рай сладок; и страшен меч, но славен венец». А некоторые сыны агарянские обратились в бегство от кликов громких, видя жестокую смерть.

И после этого в девять часов дня воззрел Господь милостивыми очами на всех князей русских и на мужественных воевод, и на всех христиан, дерзнувших встать за христианство и не устрашившихся, как и подобает славным воинам. Видели благочестивые в девятом часу, как ангелы, сражаясь, помогали христианам, и святых мучеников полк, и воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых — Бориса и Глеба. Среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов — архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки поганых, и трисолнечный полк, и огненные стрелы, летящие на них; безбожные же татары падали, объятые страхом Божьим, и от оружия христианского. И воздвиг Бог десницу нашего князя на одоление иноплеменников. А Мамай, в страхе затрепетав и громко восстенав, воскликнул: «Велик Бог христианский и велика сила его! Братья измаилтяне, беззаконные агаряне, бегите не дорогами гóтов!» И сам, повернув назад, быстро побежал к себе в Орду. И, услышав об

побѣгоша. И то видѣвше и прочии иноплеменницы, гоними гнѣвомъ Божиимь и страхомь одержими суще от мала до велика, на бѣгъ устремишася. Видѣвше же христиане, яко татарове с Мамаемь побѣгошя, и погнаша за ними послѣ, бьюще и сѣкуще поганых без милости, Богъ бо невидимою силою устраши плъкы татарскые, и побѣжени обратиша плещи своя на язвы. И в погонѣ той овии же татарове от христианъ язвени оружиемь падоша, а друзии в рѣцѣ истопошя. И гониши их до рѣки до Мечи,* и тамо бѣжащих бесчисленое множество побишя. Князи же полци гнаша сѣдомлян,* бьюще, до стана их, и полониша богатства много, и вся имѣниа их, и вся стада содомскаа.

Тогда же на томь побоищи убьени быша на сступѣ: князь Феодоръ Романовичь Бѣлоозерский и сынъ его Иван, князь Феодоръ Торуский, братъ его Мстислав, князь Дмитрий Манастырев, Семенъ Михайлович, Микула Васильев, сынъ тысяцкого, Михайла Иванов Акинфович, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, нарицаемый Волуй, Михайло Бренков, Левъ Морозов, Семен Меликов, Дмитрий Мининичь, Александръ Пересвѣтъ, бывый преже болярин брянскый,* и инии мнози, их же имена не суть писана в книгах сих. Сии же писаны быша князи токмо и воеводы, и нарочитых и старѣйших бояръ имена, а прочих бояръ и слуг оставих имена и не писах множества ради именъ, яко число превъсходит ми, мнози бо на той брани побиени быша.

Самому же князю великому бяше видѣти всь доспѣх его битъ, язвенъ, но на телеси его не бяше раны никоеа же, а бился с татары в лице, став напреди на первомъ суимѣ. О семь убо мнози князи и воеводы многажды глаголаша ему: «Княже господине, не ставися напреди битися, но назади или на крилѣ, или нѣгде въ опришнемь мѣсте». Он же отвѣщаваше имъ: «Да како азъ възглаголю — братия моа, потягнем вси вкупѣ съ одиного, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хощу якоже словомъ, такоже и дѣлом напереди всѣх и пред всѣми главу свою положити за свою братию и за вся христианы. Да и прочии то видѣвше приимут съ усръдием дрьзновение». Да якоже рече, тако и створи, бьяшеся с татары тогда, став напереди всѣх. А елико одесную и ошую его дружину его бишя, самого же вкругъ оступиша *около аки вода многа* обаполы! И многа ударениа ударишася по главѣ его, и по плещима его, и по утробѣ его, но от всѣх сих Богъ заступилъ его в день брани щитомъ истины и оружиемь благоволениа осѣнил есть над главою его, десницею своею защитилъ его и рукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ есть, укрѣпивый го. И тако промежи многими ратными цѣлъ схраненъ бысть. «Не на лукъ бо мой уповаю, и оружие мое не спасеть мене»,* — якоже рече Давидъ пророкъ. — «Вышняго положилъ еси прибѣжище твое, не приидет к тебѣ зло, и рана не приступит к телеси твоему, яко аггеломь своимъ заповѣсть о тебѣ съхранити тя въ всѣх путех твоих, и не убоишися от стрѣлы, летящаа в день».*

этом, темные его князья и властители тоже побежали. Видя это, и прочие иноплеменики, гонимые гневом Божьим и одержимые страхом, от мала до велика обратились в бегство. Христиане же, увидев, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости, ибо Бог невидимою силою устрашил полки татарские, и, побежденные, обратились они в бегство. И в погоне этой одни татары пали под оружием христиан, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи, и там бесчисленное множество бегущих побили. Князья же гнали полки содомлян, избивая, до стана их, и захватили большое богатство, и все имущество их, и все стада содомские.

Тогда же на том побоище были убиты в схватке: князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула Васильев, сын тысяцкого, Михайло Иванов Акинфович, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевич, именуемый Волуй, Михайло Бренков, Лев Морозов, Семен Меликов, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и иные многие, имена которых не записаны в книгах сих. Здесь же названы только князья и воеводы, и знатных и старейших бояр имена, а прочих бояр и слуг опустил я имена и не написал из-за множества имен, так как число их слишком велико для меня, ибо многие в той битве убиты были.

У самого же великого князя все доспехи были помяты, пробиты, но на теле его не было ран, а сражался он с татарами лицом к лицу, находясь впереди всех в первой схватке. Многие князья и воеводы не раз говорили ему: «Князь господин, не стремись впереди сражаться, но позади будь или на крыле, или где-либо в стороннем месте». Он же отвечал им: «Да как же я скажу: „Братья мои, подвигнемся все вместе до единого", а сам свое лицо скрою и стану прятаться позади? Не могу так поступить, но хочу как словом, так и делом первым быть и на виду у всех главу свою сложить за свою братию и за всех христиан. Пусть и другие, это видя, будут отчаянны в своей дерзости». И как сказал, так и сделал, сражаясь тогда с татарами впереди всех. И сколько раз справа и слева от него его воинов избивали, а самого обступали, подобно воде, со всех сторон! И много ударов нанесли ему по голове, и по плечам его, и по утробе его, но Бог защитил его в день брани щитом истины и оружием благоволения осенил главу его, десницею своей защитил его и рукою крепкою и мышцею высокою спас его Бог, давший крепость ему. И так, оказавшись среди многих врагов, он остался невредимым. «Не на лук мой уповаю, и оружие мое не спасет меня», — как сказал пророк Давид. — «Вышнего сделал прибежищем твоим, и не придет к тебе зло, и раны не будет на теле твоем, ибо заповедует своим ангелам хранить тебя на всем пути твоем, и не устрашишься стрелы, летящей во дне».

Се же бысть грѣх ради наших въоружаются на ны иноплеменници, да быхом ся отступили от своих неправдъ: от братоненавидѣниа, и от сребролюбиа, и в неправды судящих, и от насилья. Но милосердъ бо есть Богъ человеколюбець, не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуеть.

А отселѣ, от страны Литовскиа, Ягайло, князь литовский, прииде съ всею силою литовскою Мамаю помагати, и татаромь поганымь на помощъ, а христианом на пакость. Но и от тѣх Богъ избавилъ, не поспѣша бо на срок за малым, за едино днище или менши. Но точию слышав Ягайло Олгердович и вся сила его, яко князю великому с Мамаем бой былъ, и князь великий одолѣ, а Мамай побѣже — и без всякого пожданиа литва съ Ягайлом побѣгошя назад съ многою скоростию, никим же гоними. Не видѣша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхутся и трепетаху; а не яко при нынешних временех литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию *бесѣду* оставльше и на предлежащее възвратимся.

Князь же Дмитрий з братомь своимъ Володимеромъ, и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися, став тое нощи на поганых обѣдищех, на костех татарскых,* утеръ поту своего, и, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе Богу, таковую побѣду давшему на поганыа, избавляющему раба своего от оружиа люта: «Помянулъ еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядець сих, от поганаго Мамая, и от нечьстивых измайлович, и от безаконных агарянъ, подаваа чьсть, яко сынъ, своей матери. Уставилъ еси стремление страстное, якоже еси уставилъ слузѣ своему Моисею и древнему Давиду, и новому Констянтину, и Ярославу, сроднику великих князей* на окааннаго и на проклятаго братоубийцю безглавнаго звѣря Святоплъка. И ты, Богородице, помиловала еси милостию своею нас, грѣшных рабъ своих, и всь род христианскый, умолила еси безлѣтнаго Сына своего». И мнози князи рустии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую матерь Божию Богородицю. И пакы христолюбивый князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменники, и твердо забрашася, и мужьскы храброваша, и дрънуша по Бозѣ за вѣру христианскую.

И възвратися оттуду в богохранимый град Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣв ратнымъ, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его възрадовашяся, яко обрѣтающе користь многу: пригнашя с собою многа стада кони, и велбуди, и волы, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ.

Повѣдаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣках мосты переметалъ. А кто поехалъ с Доновского побоища всвояси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати, и грабити, и нагых пущати. Князь же Дмитрий про

Это из-за наших грехов приходят войной на нас иноплеменники, чтобы мы отступились от своих прегрешений: от братоненавистничества, и от сребролюбия, и от неправедного суда, и от насилия. Но милосерден Бог-человеколюбец, не до конца гневается на нас, не вечно памятует зло.

А отсюда, от страны Литовской, Ягайло, князь литовский, пришел со всеми силами литовскими Мамаю в подмогу, татарам поганым на помощь, а христианам на горе. Но и от тех Бог избавил, ибо не поспели немного к сроку, на один день или меньше. Но едва услышал Ягайло Ольгердович и все воины его, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай побежал, — и тогда без всякого промедления литовцы с Ягайлом поспешно повернули назад, не будучи никем гонимы. Не видели они тогда ни князя великого, ни рати его, ни оружия его, одного имени его литовцы боялись и трепетали; а не то что в нынешнее время — литовцы над нами издеваются и надругательства творят. Но мы этот разговор отложим и к прежнему рассказу возвратимся.

Князь же Дмитрий с братом своим Владимиром, и с князьями русскими, и с воеводами, и с прочими боярами, и со всеми оставшимися воинами, став в ту ночь на обедищах поганых, на костях татарских, утер пот свой и, отдохнув от трудов своих, великое благодарение вознес Богу, даровавшему такую победу над погаными, избавляющему раба своего от оружия лютого: «Вспомнил ты, Господи, о милости своей, избавил нас, Господи, от сыроядцев этих, от поганого Мамая и от нечестивых измаилтян, и от беззаконных агарян, воздавая честь, как сын, своей матери. Придал нам стремление страстное, как придал слуге своему Моисею, и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великих князей, на окаянного и на проклятого братоубийцу, безглавого зверя Святополка. И ты, Богородица, помиловала милостью своею нас, грешных рабов своих, и весь род христианский, умолила вечного Сына своего». И многие князья русские и воеводы достохвальными похвалами прославили пречистую матерь Божию Богородицу. И еще христолюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и стойко оборонялась, и доблестно мужествовала, и дерзнула по воле Божьей встать за веру христианскую.

И возвратился князь великий оттуда в богохранимый град Москву, в свою отчину с победой великой, одолев противников, победив врагов своих. И многие воины его возрадовались, захватив добычу большую: пригнали с собой стада коней, и верблюдов, и волов, которым нет числа, и доспехи захватили, и одежды, и все добро их.

Поведали князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свои силы, а сам на реках мосты разломал. А кто с Донского побоища поехал восвояси через его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, то тех приказал он хватать и грабить и обобранными отпускать. Князь же Дмитрий

то въсхотѣ на Олга послати рать. И се внезапу приехашя к нему бояре рязанстии и повѣдашя, что князь Олегъ повръгъ свою землю, да самь побѣжалъ, и съ княгинею, и с дѣтми, и з бояры. И молиша его много о семь, дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же послуша их и приимъ челобитье их, рати на них не посла, а на Рязанскомь княжении посади своя намѣстники.

Тогда же Мамай не въ мнозѣ убѣжа *и прибѣжа* въ свою землю в малѣ дружинѣ. Видя себе бита, и бѣжавша, и посрамлена, и поругана, пакы гнѣвашеся и събра остаточную свою силу, хотя ити изгономъ пакы на Русь. Сице же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкий царь съ встока Тохтамышь из Синие Орды.* Мамай же, юже уготовалъ рать на ны, с тою ратию готовою и поиде противу его. И срѣтошася на Калках, и бысть имъ бой. И царь Тахтамышь побѣди Мамая и прогна его. Мамаевы же князи сшедше с конь своих и биша челомь царю Тахтамышу, и даша ему правду по своей вѣре, и яшася за него, а Мамаа оставиша поругана. Мамай же то видѣвь, и скоро побѣжа съ своими единомысленики. Царь же Тахтамыш посла за ними в погону воя своя. Мамай же гоним сыи, и бѣгаа пред Тахтамышевыми гонители, и прибѣжа близ града Кафы. И съслася с кафинци по докончанию и по опасу, дабы его приали на избавление, дондеже избудеть от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибѣже Мамай в Кафу* съ множествомъ имѣниа, злата и сребра. Кафинци же свѣщавшеся, створиша над нимь облесть, и ту от них убьен бысть. И тако бысть конець Мамаю.

А самъ царь Тахтамышь, шед, взя Орду Мамаеву и царици его, и казны его, и улусъ* всь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей. И оттуду послы своя отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣм княземь рускимъ, повѣдая имъ свой приход, и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамая побѣди, а самь, шед, сѣде на царствѣ Волжъскомъ. Князи же рустии посла его отпустиша съ честию и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша в Орду къ царю коиже своих килициев* съ многыми дары.

за это хотел на Олега послать рать. И вот неожиданно приехали к нему бояре рязанские и поведали, что князь Олег оставил свою землю и сам побежал и с княгиней, и с детьми, и с боярами. И упрашивали великого князя о том, чтобы на них рати не посылал, и сами били ему челом, и соглашались быть у него в подчинении. Князь же внял им и принял их челобитье, рати на них не послал, а на Рязанском княжении посадил своих наместников.

Тогда же Мамай с немногими убежал и пришел в свою землю с небольшой дружиной. И, видя, что он разбит, и обращен в бегство, и посрамлен, и поруган, снова распалился гневом и собрал оставшиеся свои силы, чтобы опять напасть на Русь. Когда он так порешил, пришла к нему весть, что идет на него с востока некий царь Тохтамыш из Синей Орды. Мамай же, подготовивший войско против нас, с тем войском готовым и пошел на него. И встретились на Калках, и была у них битва. И царь Тохтамыш одолел Мамая и прогнал его. Мамаевы же князья, сойдя с коней своих, били челом царю Тохтамышу, и принесли присягу ему по своей вере, и стали на его сторону, а Мамая оставили посрамленным; Мамай же, увидев это, поспешно бежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ним в погоню воинов своих. А Мамай, гонимый ими и спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал в окрестности города Кафы. И вступил он в переговоры с кафинцами, уговариваясь с ними о своей безопасности, чтобы приняли его под защиту, пока он не избавится от всех преследователей своих. И разрешили ему. И пришел Мамай в Кафу со множеством имения, золота и серебра. Кафинцы же, посовещавшись, решили обмануть Мамая, и тут он был ими убит. И так настал конец Мамаю.

А сам царь Тохтамыш пошел и завладел Ордой Мамаевой, и захватил жен его, и казну его, и улус весь, и богатство Мамаево раздал дружине своей. И оттуда послов своих отправил к князю Дмитрию и ко всем князьям русским, извещая о своем приходе и о том, как воцарился он и как противника своего и их врага Мамая победил, а сам сел на царстве Волжском. Князья же русские посла его отпустили с честью и с дарами, а сами той зимой и той весной отпустили с ними в Орду к царю каждый своих киличиев с большими дарами.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

НАЧАЛО ПОВѢСТИ, КАКО ДАРОВА БОГЪ ПОБѢДУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРЕЮ ИВАНОВИЧУ* ЗА ДОНОМЪ НАД ПОГАНЫМ МАМАЕМ,* И МОЛЕНИЕМ ПРЕЧИСТЫА БОГОРОДИЦА И РУСЬСКЫХ ЧЮДОТВОРЦЕВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО РУССКУЮ ЗЕМЛЮ БОГЪ ВЪЗВЫСИ, А БЕЗБОЖНЫХ АГАРЯНЪ ПОСРАМИ

Хощу вамъ, братие, брань повѣдати новыа побѣды, како случися брань на Дону великому князю Димитрию Ивановичю и всѣм православным христианом с поганым Мамаемъ и з безбожными агаряны. И възвыси Богъ род христианскый, а поганых уничижи и посрами их суровство, якоже въ прежняя врѣмена Гедеону над мадиамы и преславному Моисию над фараоном.* Подобаеть намъ повѣдати величество и милость Божию, како сътвори Господь волю боящихся его, како пособьствова Господь великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю* над безбожными половци и агаряны.

Попущением Божиимъ за грѣхы наша, от навождениа диаволя въздвижеся князь от въсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьанскый укоритель. И начатъ подстрѣкати его диаволъ и вниде вь сердце его напасть роду христианскому, и наусти его, како разорити православную вѣру и оскверънити святыя церкви и всему христианству хощеть покорену от него быти, яко бы ся не славило Господне имя в людех его. Господь же нашь Богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хощеть, тъ и творить.*

Онъ же безбожный Мамай начатъ хвалитися и поревноважъ второму Иулиану* отступнику, царю Батыю,* и нача спрашывати старых татаръ како царь Батый плѣнилъ Русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како плѣнилъ Русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимерь, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитреевича убилъ,* и

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

НАЧАЛО ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ДАРОВАЛ БОГ ПОБЕДУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ ЗА ДОНОМ НАД ПОГАНЫМ МАМАЕМ И КАК МОЛИТВАМИ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ И РУССКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО — РУССКУЮ ЗЕМЛЮ БОГ ВОЗВЫСИЛ, А БЕЗБОЖНЫХ АГАРЯН ПОСРАМИЛ

Хочу вам, братья, поведать о новой победе в битве, как на Дону случилась брань великого князя Дмитрия Ивановича и всех православных христиан с поганым Мамаем и с безбожными язычниками. И возвысил Бог род христианский, а поганых унизил и посрамил их дикость, как и в старые времена помог Гедеону над мадиамлянами и преславному Моисею над фараоном. Надлежит нам поведать о величии и милости Божьей, как исполнил Господь пожелание верных ему, как помог великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу над безбожными половцами и язычниками.

Попущением Божьим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя Господне средь верных Богу. Господь же наш, Бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и вершит.

Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батыю, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих

многых православных князей избилъ и святыа церкви оскьверни, и многы манастыри и села пожже, и въ Володимерѣ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ.* Ослѣплену же ему умомъ, того бо не разумѣ, како Господу годе, тако и будеть. Якоже въ оны дни Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ римскым и Навходнасором, царемъ вавилонскым* за ихъ сългрѣшениа и маловѣрие — нъ не до конца прогнѣвается Господь, ни въ вѣкы враждуетъ.

Слышавъ же безбожный Мамай от своих старых татаръ и нача подвиженъ быти и диаволомъ палим непрестанно, ратуа на християнство. И бѣ в себѣ нача глаголати къ своим еулпатом* и ясаулом, и князем, и воеводам, и всѣм татаром, яко: «Азъ не хощу тако сътворити, якоже Батый, нъ егда доиду Руси и убию князя их, и которые грады красные довлѣють нам, и ту сядем и Русью владѣем, тихо и безмятежно пожывемъ». А не вѣдый того оканный, яко Господня рука высока есть.*

И по малех днех перевезеся великую реку Волгу съ всѣми силами. И ины же многы орды къ своему великому въинству съвокупи и глагола имъ: «Поидем на Русскую землю и обогатѣемъ русскым златом!» Поиде же безбожный на Русь, акы левъ ревый пыхаа, акы неутолимая ехыдна гнѣвом дыша. И доиде же до усть рѣкы Вороножа и распусти всю силу свою и заповѣда всѣм татаром своимъ яко: «Да не пашете ни единъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыа хлѣбы!»

Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый,* яко Мамай кочуеть на Вороножѣ, а хощеть ити на Русь, на великого князя Дмитриа Ивановича Московскаго. Скудость же бысть ума въ главѣ его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своа к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю — радоватися! Твой посаженикъ и присяжникъ Олегъ, князь резанскый, много тя молить. Слышах, господине, яко хощеши итти на Русскую землю, на своего служебника князя Димитриа Ивановича Московъскаго, огрозитися ему хощеши. Нынѣ же, господине всесвѣтлый царю, приспѣ твое врѣмя: злата и сребра и богатьства много наплънися земля Московскаа и всякого узорочиа твоему царству на потребу. А князь Дмитрей Московской человекъ христианъ, егда услышить имя ярости твоеа, то отбежить в далниа отокы своа: любо в Новъгород Великый, или на Белоозеро или на Двину, а многое богатьство московское и злато — все въ твоих руках будеть и твоему въйску в потребу. Меня же раба твоего, Олга Резанскаго, държава твоа пощадить, царю. Аз бо ти велми устрашаю Русь и князя Дмитриа. И еще молим тя, царю, оба раби твои, Олегъ Резанскый и Ольгордъ Литовскый,* обиду приахом велику от того великого князя Дмитриа Ивановичя, и гдѣ будеть о своей обидѣ твоимъ имянем царьскым погрозим ему, онъ же о том не радить. И еще, господине царю, град мой Коломну за себя заграбилъ. И о томъ о всем, царю, жалобу творимъ тебѣ».

православных князей перебил, а святые церкви осквернил и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую разграбил. И так как был помутнен он разумом, то того не постиг, что как Господу угодно, так и будет: так же и в давние дни Иерусалим был пленен Титом-римлянином и Навуходоносором, царем вавилонским, за прегрешения и маловерие иудеев — но не бесконечно гневается Господь и не вечно карает.

Узнав все от своих старых татар, начал Мамай поспешать, дьяволом распаляемый непрестанно, ополчаясь на христиан. И, забывшись, стал говорить своим алпаутам, и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам: «Не хочу я так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие из городов наилучших достаточны будут для нас — тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем», — а не знал того, проклятый, что Господня рука высока.

И через несколько дней перешел он великую реку Волгу со всеми силами, и другие многие орды к великому воинству своему присоединил и сказал им: «Пойдем на Русскую землю и разбогатеем от русского золота!» Пошел же безбожный на Русь, будто лев ревущий ярясь, будто неутолимая гадюка злобой дыша. И дошел уже до устья реки Воронежа, и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: «Пусть не пашет ни один из вас, будьте готовы на русские хлеба!»

Прознал же о том князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скудность ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: «Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю — радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Дмитрия Ивановича Московского, устрашить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская, и всякими драгоценностями твоему владению на потребу. А князь Дмитрий Московский — человек христианский — как услышит слово ярости твоей, то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а великое богатство московское и золото — все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о царь: ведь ради тебя я крепко устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще просим тебя, о царь, оба раба твои, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду приняли мы великую от этого великого князя Дмитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он о том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну он себе захватил — и о все том, о царь, жалобу воссылаем тебе».

А другаго же посла своего вѣстника князь Олегъ Резанскый с своимъ написаниемъ, написание же таково в грамотах: «К великому князю Олгорду Литовьскому — радоватися великою радостию! Вѣдомо бо, яко издавна еси мыслилъ на великого князя Дмитриа Ивановичя Московскаго, чтобы его згонити с Москвы, а самому владѣти Москвою. Нынѣ же, княже, приспѣ врѣмя наше, яко великый царь Мамай грядеть на него и на землю его. Нынѣ же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, вѣм бо, яко царь дасть тебѣ град Москву, да и иные грады, которые от твоего княжениа, а мнѣ дасть град Коломну, да Владимерь, да Муромъ, иже от моего княжениа близъ стоять. Азъ же послах своего посла къ царю Мамаю с великою честью и съ многыми дары. Еще же и ты пошли своего посла и каковы имаши дары и ты пошли к нему, и грамоты свои списавъ, елико самъ вѣси, паче мене разумѣеши».

Князь же Олгордъ Литовский, слышавъ то, велми рад бысть за велику похвалу другу своему князю Олгу Резанскому. И посылаеть скоро посла къ царю Мамаю с великыми дары и съ многою тѣшью царьскою. А пишеть свои грамоты сице: «Въсточному великому царю Мамаю! Князь Олгордъ Литовский, присяжникъ твой, много тя молить! Слышах, господине, яко хощеши казнити свой улусъ,* своего служебника, московскаго князя Дмитриа. И того ради молю тя, волный царю, рабъ твой, яко велику обиду творить князь Дмитрей Московской улуснику твоему князю Ольгу Резанскому, да и мнѣ такоже велику пакость дѣеть. Господине царю волный Мамаю! Да приидеть дръжава твоего царства нынѣ до наших мѣстъ, да внидеть, царю, твое смотрение нашеа грубости от московскаго князя Дмитриа Ивановичя».

Помышляше же в себѣ, глаголющи, Олегъ Резанскый и Олгордъ Литовскый: «Яко егда услышить князь Дмитрей царевъ приход и ярость его и нашу присягу к нему, тъ отбѣжыть с Москвы въ Великый Новъград или на Бѣлоозеро, или на Двину. А мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда же царь приидеть, и мы его з болшими дары срящем и с великою честию и умолимъ его, и възвратится царь въ свои орды, а мы княжение Московское царевым велѣниемъ раздѣлим себѣ, ово к Вилнѣ, ово к Резани, и имать нам дати царь Мамай ярлыкы своа и родомъ нашим по насъ». Не вѣдаху бо, что помышляюще и что се глаголюще, акы несмыслени младые дѣти, невѣдяще Божиа силы и Владычня смотрениа. По истиннѣ бо рече: «Аще кто к Богу вѣру з добрыми дѣлы и правду въ сердци дръжыт и на Бога упование възлагаеть, и того человека Господь не дасть в поношение врагом быти и в посмѣх».*

А огосударь князь великий Дмитрий Ивановичь смиренъ человекъ и образъ носяя смиреномудриа, небесных желаа и чаа от Бога будущих вѣчных благъ, не вѣдый того, что на него съвѣщеваютъ золъ съвѣтъ ближнии его друзи. О таковых бо пророкъ рече: «Не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни

И другого послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте было так: «К великому князю Ольгерду Литовскому — радоваться великою радостию! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, с тем, чтобы изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. И сейчас, княже, присоединимся мы оба к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне отдаст он город Коломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца, и что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как — сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том».

Князь же Ольгерд Литовский, прознав про все это, очень рад был высокой похвале друга своего князя Олега Рязанского и отправляет быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так: «Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Дмитрия, потому и молю тебя, свободный царь, раб твой: великую обиду наносит князь Дмитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также большой вред чинит. Господин царь, свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о царь, твое внимание на притеснения наши от московского князя Дмитрия Ивановича».

Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: «Когда услышит князь Дмитрий о приходе царя, и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью, и умолим его, и возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою — то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам после нас». Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленые малые дети, не ведающие Божьей силы и Господнего предначертания. Ибо воистину сказано: «Если кто к Богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на Бога уповает, то того человека Господь не предаст врагам в поношение и на осмеянье».

Государь же князь великий Дмитрий Иванович — мирный человек — образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от Бога грядущих вечных благ, не ведая того, что на него замышляют злой заговор ближние его друзья. О таких ведь пророк и сказал: «Не сотвори ближнему своему зла и

копай врагу своему ямы. На Бога Творца въскладай. Господь Богъ можеть живити и мертвити».*

Приидоша же послы къ царю Мамаю от Олгорда Литовскаго и от Олга Резанскаго и принесоша ему многыа дары и написаны книгы. Царь же приатъ дары с любовию и книгы, и розслушавъ в грамотах, и пословъ чествовавъ отпусти, и написа отписание сицева: «Олгорду Литовскому и Ольгу Резанскому. На дарѣх ваших и за хвалу вашу, что приписастеся ко мнѣ, елико хощете от мене вотчины русские тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срѣтите мене, елико гдѣ успѣете, и одолѣйте своего недруга. Мнѣ убо ваша помощь не добрѣ удобна: нъ аще бых азъ нынѣ хотѣлъ своею силою великою и азъ бы древний Иерусалимъ плѣнилъ, якоже и халдѣи. Нъ нынѣ чести вашей хощу, моимъ имянем царьским и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распуженъ будеть князь Дмитрей Московский, и огрозится имя ваше въ странах ваших моею грозою. Мнѣ убо царю достоить побѣдити царя, подобна себѣ, то мнѣ подобаеть и довлѣеть царьскаа чесьть получити. А вы нынѣ пойдите от меня и рците князем своим глаголы моя».

Послы же възъвратившеся от царя къ своим княземъ и сказаша имъ, яко: «Царь Мамай здравить и велми вамъ за хвалу вашу великую, добръ глаголъ глаголеть». Они же скудни умом възрадовашася о суетнѣм привѣтѣ безбожнаго царя, а не вѣдуще того, яко Богъ даеть власть, емуже хощеть. Нынѣ же едина вѣра, едино крещение, а къ безбожному приложишяся вкупѣ гонити православную вѣру Христову. О таковых бо пророкъ рече: «Поистинѣ сами отсѣкошяся своеа добрыа масличны и присадишяся к дивии масличнѣ».*

Князь же Олегъ Резанскый начатъ поспѣшывати, слати к Мамаеви послы и рече: «Подвизайся, царю, скорье к Руси». Глаголет бо премудрость: «Путь нечестивых не спѣшится, нъ събирают себѣ досажениа и поносъ».* Нынѣ же сего Олга оканнаго новаго Святоплъка нареку.*

Слышавъ же то князь великий Дмитрей Ивановичь, яко грядеть на него безбожный царь Мамай и съ многыми ордами и съ всѣми силами, неуклонно яряся на христианство и на Христову вѣру и ревнуя безглавному Батыю, князь же великий Дмитрий Ивановичь велми опечалися о безбожных нахождении. И ставъ пред святою иконою Господня образа, яже въ зглавии его стояще, и пад на колѣну свою, нача молитися и рече: «Господи! Азъ, грѣшный, смѣю ли молитися тебѣ, смиреный рабъ твой? то к кому простру уныние мое? нъ на тебя надѣюся, Господи, и възвергу печаль мою.* И ты, Господи, Царю, Владыко, Свѣтодателю, не сътвори нам, Господи, якоже отцемъ нашимъ, иже наведе на них и на грады их злаго Батыа, и еще бо, Господи, тому страху и трепету в нас суще велику. И нынѣ, Господи, Царю, Владыко, не до конца прогнѣвайся на нас, вѣм бо, Господи, яко мене ради, грѣшнаго, хощеши всю землю нашу погубити; аз бо съгрѣших пред тобою паче всѣх человекъ. Сътвори ми, Господи, слез моих ради, яко Иезекию,* и укроти, Господи, сердце свирѣпому сему звѣрю!»

не рой, не копай врагу своему ямы, но на Бога-творца надейся, Господь Бог может оживить и умертвить».

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и грамоты. Царь же принял дары и письма благосклонно и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой: «Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми одарю вас. А вы в верности мне присягните и скорее идите ко мне и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна: если бы я теперь пожелал, то своею силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи. Теперь же хочу поддерживать вас: моим именем царским и силою, а вашею клятвой и рукою вашею разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои».

Послы же, возвратясь от царя к своим князьям, сказали им: «Царь Мамай приветствует вас и очень за восхваление ваше великое благорасположен к вам!» Те же, скудные умом, порадовались суетному привету безбожного царя, не ведая того, что Бог дает власть кому пожелает. Теперь же — одной веры, одного крещения, — а с безбожным соединились вместе преследовать православную веру Христову. О таких ведь пророк сказал: «Воистину сами себя отсекли от доброго масличного древа и привились к дикой маслине».

Князь Олег Рязанский стал торопиться отправлять к Мамаю послов, говоря: «Выступай, царь, скорее на Русь!» Ибо говорит великая мудрость: «Путь нечестивых погибнет, ибо собирают на себя досаду и поношение». Ныне же этого Олега окаянного новым Святополком назову.

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярясь на христиан и на Христову веру и завидуя безумному Батыю, и сильно опечалился князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И став пред святою иконою Господня образа, что в изголовье его стояла, и упав на колени свои, стал молиться и сказал: «Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращу печаль мою? Лишь на тебя надеясь, Господи, и вознесу печаль мою. Ты же, Господи, царь, владыка, светодатель, не сотвори нам, Господи, того, что отцам нашим сотворил, наведя на них и на их города злого Батыя, ибо еще и сейчас, Господи, тот страх и трепет великий в нас живет. И ныне, Господи, царь, владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, Господи, что из-за меня, грешного, хочешь всю землю нашу погубить; ибо я согрешил пред тобою больше всех людей. Сотвори мне, Господи, за слезы мои, как Иезекии, и укроти, Господи, сердце свирепому

Въсклонся и рече: «На Господа уповах — и не изнемогу».* И посла по брата своего по князя Владимера Андрѣевичя в Боровескъ,* и по всѣ князи русские скорые гонци розославъ, и по вся воеводы мѣстныа, и по дѣти боярскые, и по всѣ служылые люди. И повелѣ имъ скоро быти у себя на Москвѣ.

Князь же Владимеръ Андрѣевичь прииде вборзѣ к Москвѣ и вси князи и воеводы. Князь же великий Дмитрей Ивановичь, поимъ брата своего князя Владимера Андрѣевичя, прииде къ преосвященному митрополиту Киприану* и рече ему: «Вѣси ли, отче нашь, нынѣ настоащую сию бѣду великую, яко безбожный царь Мамай грядеть на нас, неуклонным образом ярость нося?» Митрополитъ же рече великому князю: «Повѣжь ми, господине, чимъ еси пред нимъ не исправилъся?» Князь же великый рече: «Испытахомся, отче, повелику, яко все по отець наших преданию, еще же нъипаче въздахом ему». Митрополитъ же рече: «Видиши ли, господине, попущениемъ Божимъ, наших ради съгрѣшений идеть плѣнити землю нашу, нъ вамъ подобаеть, князем православным, тѣх нечестивых дарми утолити четверицею сугубь. Аще того ради не смѣрится, ино Господь его смирить, того ради Господь гръдым противится, а смиренным благодать дает.* Тако же случися иногда Великому Василию в Кесарии:* егда злый отступникъ Иулианъ, идый в пръсы, и хотѣ разорити град его Кесарию, Василий же Великий помолися съ всѣми христианы Господу Богу и събра много злата и посла к нему, дабы его пресъступника утолити. Онъ же оканный паче възярися, и Господь посла на него воина своего Меркуриа* погубити его. И невидимо пронзенъ бысть в сердце нечестивый, жывотъ свой злѣ скончa. Ты же, господине, възми злато, елико имаши, и пошли противу его и паче исправися пред нимъ».

Князь же великий Дмитрей Ивановичь избраннаго своего юношу, доволна суща разумом и смыслом, имянем Захарию Тютьшова* и дасть ему два толмача, умѣюща языкъ половетцьскый, и посылаеть с ним много злата к нечестивому царю Мамаю. Захариа же, доиде земли Резанской и слышавъ яко Олегъ Резаньскый и Олгордъ Литовскый приложылися поганому царю Мамаю, пославъ скоро вѣстника тайно к великому князю.

Князь же великий Дмитрей Ивановичь, слышавъ ту вѣсть, нача сердцемъ болѣти и наплънися ярости и горести, и нача молитися: «Господи Боже мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагь пакости дѣеть, то подобаеть ми тръпѣти, яко искони есть ненавистникъ и врагъ роду христианскому; си же мои друзи искрньнии тако умыслиша на мя. Суди, Господи, между ими и мною, аз бо имъ ни единого зла не сътворих, развѣ даровъ и чьсти от них приимах, а имъ противу тако же даровах. Нъ суди, Господи, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшных».*

И поимъ брата своего, князя Владимера Андрѣевича, и поиде второе къ преосвященному митрополиту и повѣдаа ему, како Олгордъ Литовскый и

этому зверю!» Поклонился и сказал: «На Господа уповал — и не погибну». И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем в Боровск, и за всеми князьями русскими скорых гонцов разослал, и за всеми воеводами на местах, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И повелел им быстро быть у себя в Москве.

Князь же Владимир Андреевич прибыл скоро в Москву, и все князья и воеводы. А князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание великое, — ведь безбожный царь Мамай движется на нас, неумолимую в себе ярость распаляя?» И митрополит отвечал великому князю: «Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?» Князь же великий сказал: «Проверил я, отче; все точно, что все по заветам наших отцов, и даже еще больше, выплатил дани ему». Митрополит же сказал: «Видишь, господин мой, попущением Божьим ради наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарами насытить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смирится, то Господь его усмирит, потому что Господь дерзким противится, а смиренным благодать дает. Так же случилось когда-то с Великим Василием в Кесарии: когда злой отступник Юлиан, идя на персов, захотел разорить город его Кесарию, Василий Великий помолился со всеми христианами Господу Богу, собрал много золота и послал к нему, чтобы утолить жадность преступника. Тот же, окаянный, только сильнее разъярился, и Господь послал на него воина своего, Меркурия, уничтожить его. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, жизнь свою жестоко окончил. Ты же, господин мой, возьми золота, сколько есть у тебя, и пошли навстречу ему — еще раз пред ним оправдайся».

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника тайно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, восскорбел сердцем, и исполнился ярости и печали, и начал молиться: «Господи Боже мой, на тебя надеюсь, правду любящего. Если мне враг вред наносит, то следует мне терпеть, ибо искони он является ненавистником и врагом роду христианскому; но вот друзья мои близкие замыслили против меня. Рассуди, Господи, их и меня, я ведь им никакого зла не причинил, кроме того, что дары и почести от них принимал, но и им в ответ я также дарил. Суди же, Господи, по правде моей, пусть прекратится злоба грешных».

И, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и

Олегъ Резанский съвокупилися с Мамаем на ны. Преосвященный же митрополитъ рече: «Самъ пакы, господине, кою обиду сътворъ еси има?» — Князь же великий прослезися и рече: «Аще есми пред Богомъ грѣшенъ или человекы, а пред ними есми ни единыа черты не преступих по отецъ своих закону. Вѣси бо, отче, и самъ, яко доволенъ есьми своими отокы, а имъ никою обиду не сътворих и не вѣм, что ради умножышяся на мя стужающеи ми». Преосвященный же митрополитъ рече: «Сыну мой, господине князь великий, просвѣти си веселиемъ очи сердца: законъ Божий чтеши и твориши правду, яко праведенъ Господь и правду възлюби.* Нынѣ же обыдоша тя, яко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты же имянем Господнимъ противися имъ. Господь правдивъ и будеть ти въ правду помощникъ. А от всевидящего ока Владычня гдѣ можеть избыти от крѣпкыа рукы его?»

Князь же великий Дмитрей Ивановичь з братом своимъ съ князем Владимером Андрѣевичем и съ всѣми русскыми князи и воеводами здумаша, яко сторожу тверду уготовити в полѣ. И посла на сторожу изъбранных своих крѣпкых оружникъ: Родиона Ржевъскаго, Аньдрѣа Волосатаго, Василиа Тупика, Якова Ослябятова и иных с ними крѣпкых юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ* сторожу дѣати съ всякым усердиемъ и под Орду ехати и языкъ добыти, истину слышати царева хотѣниа.

А самъ князь великий по всей Русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всѣм градомъ: «Да вси готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны. Съвокуплени вси на Коломнѣ, на Мясопусть святыа Богородица».*

И ти же сторожы замедлиша в полѣ, князь же великий вторую сторожу посла: Климента Полянина, Ивана Святослава Свесланина, Григориа Судокова и иных с ними, — заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они же стрѣтоша Василиа Тупика: ведеть языкъ к великому князю, языкъ же царева двора, сановитых мужь. А повѣдаеть великому князю, что неуклонно Мамай грядеть на Русь и како обослалися и съвокупилися с ним Олегъ Резанскый и Олгордъ Литовьскый. Не спѣшить бо царь того ради итти — осени ожыдаетъ.

Слышавъ же князь великий от языка такову изложеную мысль и таково въстание безбожнаго царя, нача утѣшатися о Бозѣ и укрѣпляше брата своего князя Владимера и вси князи русские и рече: «Братие князи русские, гнѣздо есмя князя Владимера Святославича Киевъского, емуже откры Господь познати православную вѣру, якоже оному Еустафию Плакидѣ,* иже просвѣти всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллиньскыхъ и заповѣда нам ту же вѣру святую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто еа ради пострaжеть, то въ оном вѣцѣ съ святыми пръвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтенъ будеть. Азъ же, братие, за вѣру Христову хощу пострадати даже и до смерти». Они же ему рѣша вси купно, аки единѣми усты:

Олег Рязанский соединились с Мамаем на нас. Преосвященный же митрополит сказал: «А сам ты, господин, не нанес ли какой обиды им обоим?» Князь же великий прослезился и сказал: «Если я перед Богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих. Ибо знаешь и сам, отче, что удовлетворен я своими пределами, и им никакой обиды не нанес, и не знаю, отчего преумножились против меня вредящие мне». Преосвященный же митрополит сказал: «Сын мой, господин князь великий, да осветятся веселием очи твои сердечные: закон Божий почитаешь и творишь правду, так как праведен Господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы многие; суетны и тщетны их попытки, ты же именем Господним обороняйся от них. Господь справедлив и будет тебе истинным помощником. А от всевидящего ока Господня где можно скрыться — и от твердой руки его?»

И князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами обдумали, как сторожевую заставу крепкую устроить в поле, и послали в заставу лучших своих и опытных воинов: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябятева и других с ними закаленных воинов. И повелел им на Тихой Сосне сторожевую службу нести со всяким усердием, и ехать к Орде, и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя.

А сам князь великий по всей Русской земле быстрых гонцов разослал со своими грамотами по всем городам: «Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными агарянами, татарами; соединимся все в Коломне на Успение святой Богородицы».

И так как сторожевые отряды задержались в степи, князь великий вторую заставу послал: Клементия Полянина, Ивана Святославича Свесланина, Григория Судакова и других с ними, — приказав им скорее возвращаться. Те же встретили Василия Тупика: ведет языка к великому князю, язык же из людей царского двора, из сановных мужей. И сообщает великому князю, что неотвратимо Мамай надвигается на Русь и что сослались друг с другом и соединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. А не спешит царь оттого идти, что осени дожидается.

Услышав же от языка такое известие о нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в Боге и призывал к твердости брата своего князя Владимира и всех князей русских, говоря: «Братья князья русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл Господь познать православную веру, как и Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений язычества, и заповедал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первомученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти». Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: «Воистину

«Въистинну еси, государь, съвръшилъ законъ Божий и исплънилъ еси евангельскую заповѣдь, рече бо Господь: „Аще кто постражеть имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею въсприметь жывотъ вѣчный".* И мы, государь, днесь готови есмя умерети с тобою и главы своя положыти за святую вѣру християнскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрей Ивановичь, слышавъ то от брата своего князя Владимера Андрѣевича и от всѣх князей русскых, яко дрьзають по вѣрѣ поборати, и повелѣ всему въинству своему быти на Коломнѣ на Успение святыа Богородица,* яко: «Да переберу плъкы и коемуждо плъку въеводу учиню». И все множество людей, яко едиными усты рѣша: «Дай же нам, Господи, течение се съвръшити, имени твоего ради святого».

И приидоша к нему князи бѣлоозерскыа,* подобни суще к боеви и велми учреждено въинство их: князь Феодоръ Семеновичь, князь Семенъ Михайловичъ, князь Андрѣй Кѣмъскый, князь Глѣбъ Каргополской, и андомскыа князи; приидоша же ярославскыа князи* с своими силами: князь Андрѣй Ярославскый, князь Романъ Прозоровскый, князь Левъ Курбьскый, князь Дмитрей Ростовскый, и иныа убо многые князи.

То уже, братие, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнем градѣ Москвѣ, то идеть силнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремять русские сынове своими злачеными доспѣхы.

Князь же великий Дмитрий Ивановичь поимъ с собою брата своего, князя Владимера Андрѣевича, и вся князи русские, и поеде к Жывоначалной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию,* благословениа получити от святыа тоа обители. И моли его преподобный игуменъ Сергий, дабы слушалъ святую литоргию,* бѣ бо тогда день въскресный и память святых мученикъ Флора и Лавра.* По отпусте же литургии, моли его святый Сергий съ всею братьею, великого князя, дабы вкусилъ хлѣба в дому Жывоначалныа Троица, въ обители его. Великому же князю нужно есть, яко приидоша к нему вѣстницы, яко уже приближаются погании половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему преподобный старець: «Се ти замедление сугубо ти поспѣшение бу҆деть. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сиа побѣды носити, нъ по минувших лѣтех, а иным убо многым нынѣ вѣнци плетутся». Князь же великий вкуси хлѣба ихъ, игуменъ же Сергий в то врѣмя повелѣ воду освящати с мощей святых мученикъ Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы въстаеть, преподобный же Сергий окропи его священною водою и все христолюбивое его въинство и дасть великому князю крестъ Христовъ — знамение на челѣ. И рече: «Пойди, господине, на поганыа половци, призывая Бога, и Господь Богъ будеть ти помощникъ и заступникъ».* И рече ему тайно: «Имаши, господине, побѣдити супостаты своя, елико довлѣеть твоему государьству». Князь же великий рече: «Дай ми, отче, два въина от своего плъку — Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу,* тъ ты и самъ с нами

ты, государь, исполнил закон Божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал Господь: „Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную". И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав это от брата своего князя Владимира Андреевича и от всех князей русских, что решаются за веру сразиться, — повелел всему войску своему быть у Коломны на Успение святой Богородицы: «Тогда пересмотрю полки и каждому полку воеводу назначу». И все множество людей будто одними устами сказало: «Дай же нам, Господи, решение это исполнить имени твоего ради святого!»

И пришли к нему князья белозерские, готовы они к бою, и прекрасно снаряжено войско их: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и прочие многие князья.

Тут же, братья, стук стучит и будто гром гремит в славном городе Москве — то идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, и гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к Живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергий, чтобы прослушал он святую литургию, потому что был тогда день воскресный и чтилась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же литургии просил святой Сергий со всею братьею великого князя, чтобы вкусил он хлеба в доме Живоначальной Троицы, в обители его. Великому же князю было тяжко, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: «Это твое промедление двойной для тебя помощью обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Князь же великий вкусил хлеба у них, а игумен Сергий в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и преподобный Сергий окропил его священной водою и все христолюбивое его войско, и осенил великого князя крестом Христовым — знамением на челе. И сказал: «Пойди, господин, на поганых половцев, призывая Бога, и Господь Бог будет тебе помощником и заступником», и добавил ему тихо: «Победишь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии —

пособьствуеши». Старецъ же преподобный повелѣ има скоро уготовитися с великим княземъ, бѣ бо вѣдоми суть ратници въ бранѣх, не единому сту наездници. Они же скоро послушание сътвориша преподобному старцу и не отвръгошася повелѣниа его. И дасть имъ в тлѣнных мѣсто оружие нетлѣнное — крестъ Христовъ нашытъ на скымах,* и повелѣ им вмѣсто в шоломовъ золоченых възлагати на себя. И дасть их в руцѣ великому князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои изволници», и рече имъ: «Миръ вам, братие моя, крѣпко постражите, яко добрии въини по вѣрѣ Христовѣ и по всем православном христианствѣ с погаными половци!» И дасть Христово знамение всему въинству великого князя, миръ и благословение.

Князь же великий обвеселися сердцемъ и не повѣдаеть никому же, еже рече ему преподобный Сергий. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте, благословение святаго старца. И приѣхавъ на Москву, поиде з братом своим, съ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ, къ преосвященному митрополиту Киприану и повѣдаеть единому митрополиту, еже рече ему старець святый Сергий тайно и како благословение дасть ему и всему его православному въйску. Архъепископъ же повелѣ сия словеса хранити, не повѣдати никомуже.

Приспѣвшу же дни четвертку августа 27, на память святого отца Пимина Отходника, в той день въсхотѣ князь великий изыти противу безбожных татаръ. И поимъ с собою брата своего князя Владимера Андрѣевича, и ста в церкви святыа Богородица* пред образом Господнимъ, пригнувъ руцѣ к персем своим, источникъ слезъ проливающи, моляся, и рече: «Господи Боже нашъ, Владыко страшный и крѣпкый, въистинну ты еси царь славы, помилуй нас, грѣшных, егда унываем, к тебѣ единому прибѣгаемъ, нашему спасителю и благодателю, твоею бо рукою създани есмы. Но вѣм, Господи, яко съгрѣшениа моя превзыдоша главу мою, и нынѣ не остави нас, грѣшных, ни отступи от нас. Суди, Господи, обидящим мя и възбрани борющимся съ мною, приими, Господи, оружие и щитъ и стани в помощь мнѣ.* Дай же ми, Господи, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою». И пакы приступи къ чюдотворному образу Госпожы Царици, юже Лука евангелистъ, жывъ сый написа,* и рече: «О чюдотворнаа Госпоже Царице, всеа твари человечьская заступница, тобою бо познахом истиннаго Бога нашего, въплощьшагося и рождьшагося от тебе. Не дай же, Госпоже, в разорение градовъ наших поганым половцем, да не оскьвернять святых твоих церквей и вѣры христианскыа. Умоли, Госпоже Царице, сына своего Христа, Бога нашего, тъй смирить сердце врагомъ нашим да не будеть рука высока. И ты, Госпоже пресвятаа Богородице, пошли нам свою помощь и нетлѣнною своею ризою покрый насъ, да не страшливи будем к ранамъ, на тя бо надѣемся, яко твои есмя раби. Вѣм бо, Госпоже, аще хощеши и можеши нам помощи на противныа сиа врагы, поганыа половци, иже не

Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро собраться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное — крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранники», — и сказал им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами». И осенил Христовым знамением все войско великого князя — мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергий. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь благословению святого старца, словно сокровище непохищаемое получил. И, вернувшись в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и поведал ему тайно все, что сказал лишь ему старец святой Сергий, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. И, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы пред образом Господним, сложив руки на груди, потоки слез проливая, молясь, и сказал: «Господи Боже наш, Владыко великий, твердый, воистину ты — царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, нашему спасителю и благодетелю, ибо твоею рукою созданы мы. Но знаю я, Господи, что прегрешения мои уже покрывают голову мою, и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, Господи, притесняющих меня и оборони от борющихся со мною; возьми, Господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, Господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою». И затем приступил к чудотворному образу госпожи Богородицы, который Лука-евангелист написал, и сказал: «О чудотворная госпожа Богородица, всего создания человеческого заступница, — ибо благодаря тебе познали мы истинного Бога нашего, воплотившегося и порожденного тобою. Не отдай же, Госпожа, городов наших в разорение поганым половцам, да не осквернят святых твоих церквей и веры христианской. Умоли, госпожа Богородица, сына своего Христа, Бога нашего, чтобы смирил он сердца врагам нашим, да не будет рука их над нами. И ты, госпожа наша пресвятая Богородица, пошли нам свою помощь и нетленною своею ризою покрой нас, чтобы не страшились мы ран, на тебя ведь надеемся, ибо твои мы рабы. Знаю же я, Госпожа, если захочешь — поможешь нам против злобных врагов, этих

призывають твоего имени, мы же, Госпоже пречистаа Богородице, на тебя надѣемся и на твою помощь. Нынѣ подвизаемся противу безбожных печенѣгъ, поганых татаръ, да умоленъ будеть тобою сынъ твой, Богъ нашъ». И пакы прииде къ гробу блаженнаго чюдотворца Петра митрополита,* любезно к нему припадаа, и рече: «О чюдотворный святителю Петре, по милости Божии непрестанно чюдодѣйствуеши. И нынѣ приспѣ ти врѣмя за ны молитися къ общему владыцѣ всѣх, царю, милостивому Спасу. Нынѣ убо на мя оплъчишася супостати погании и на град твой Москву крѣпко въоружаются. Тебе бо Господь прояви послѣднему роду нашему и вжеглъ тебе намъ, свѣтлую свѣщу, и посъстави на свѣщницѣ высоцѣ свѣтити всей земли Русской. И тебѣ нынѣ подобаеть о нас, грѣшных, молитися, да не приидеть на нас рука смертнаа и рука грѣшнича да не погубить нас. Ты бо еси стражь нашь крѣпкый от супротивных нападений, яко твоа есмы паствина». И скончавъ молитву, поклонися преосвященному митрополиту Киприану, архиепикопъ же благослови его и отпусти поити противу поганых татаръ и дасть ему Христово знамение — крестъ на челѣ и посла богосвященный съборъ свой съ кресты и съ святыми иконами и съ священною водою въ Фроловъскыа врата, и в Никольскые, и в Констяньтино-Еленскыа,* да всякъ въинъ благословенъ изыдеть и священною водою кропленъ.

Князь же великий Дмитрей Ивановичь з братом своим, съ князем Владимером Андрѣевичем пойде въ церковь небеснаго въеводы архистратига Михаила* и бьеть челом святому образу его, и потом приступи къ гробом православных князей прародителей своих, и тако слезно рекуще: «Истиннии хранители, русскыа князи, православныа вѣры христианскыа поборьници, родителие наши! Аще имате дрързновение у Христа, то нынѣ помолитеся о нашем унынии, яко велико въстание нынѣ приключися нам, чадом вашим, и нынѣ подвизайтеся с нами». И се рекъ, изыде исъ церкви.

Княгини же великая Еовдокѣя, и княгини Владимерова Мариа,* и иных православъных князей княгини, и многыа жены воеводскыа, и боярыни московьскыа, и служниа жены ту стояще, проводы дѣющи, въ слезах и въсклицании сердечнем не могуще ни слова изрещи, отдавающе послѣднее цѣлование. И прочаа княгини и боярыни, и служние жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлование и възвратишася с великою княгинею. Князь же великий, самъ мало ся удръжа от слезъ, не дав ся прослезити народа ради, а сердцемъ своимъ велми слезяше, и утѣшаа свою княгиню, и рече: «Жено, аще Богъ по нас, то кто на ны!»*

И възыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы всѣдоша на коня своа.

Солнце ему на въстоцѣ ясно сиаеть, путь ему повѣдаеть. Уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы и възлѣтѣша под синиа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы, и хотять

поганых половцев, которые не призывают твоего имени; мы же, Госпожа пречистая Богородица, на тебя надеемся и на твою помощь. Ныне выступаем против безбожных язычников, поганых татар, умоли же ты сына своего, Бога нашего». И потом пришел к гробу блаженного чудотворца Петра-митрополита и, сердечно к нему припадая, сказал: «О чудотворный святитель Петр, по милости Божьей непрестанно творишь чудеса. И теперь настало время тебе за нас молиться общему владыке всех, царю и милостивому Спасителю. Ибо теперь на меня ополчились супостаты поганые и на город твой Москву готовят оружие. Тебя ведь Господь показал поколениям нашим и возжег тебя нам, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком светить всей земле Русской. И тебе ныне подобает о нас, грешных, молиться, чтобы не нашла на нас рука смерти и рука грешника не погубила нас. Ты ведь — страж наш твердый от вражеских нападений, ибо твоя мы паства». И, окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его и отпустил в поход против поганых татар; и, перекрестив ему чело, осенил его Христовым знамением, и послал богосвященный собор свой с крестами, и со святыми иконами, и со священной водой во Фроловские ворота, и в Никольские, и в Константино-Еленинские, чтобы каждый воин вышел благословенным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: «Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители наши! Если имеете дерзновение предстоять Христу, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, и ныне помогите нам». И, это сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жены слуг так же совершили со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, в сердце же своем сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас!»

И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок из каменного града Москвы, и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами, захотели

ударитися на многыа стада лебедины и гусины; то, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыа удалци съ своимъ государемъ, с великимъ княземъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на великую силу татарскую.

Князи же бѣлоозерьскые особь своим плъком выѣхали; урядно убо видѣти въйско их.

Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимера, на Брашеву дорогою,* а бѣлозерьскые князи — Болвановъскою дорогою,* а самъ князь великий пойде на Котелъ дорогою.* Напреди же ему солнце добрѣ сиаеть, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣеть. Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вмѣститися имъ единою дорогою.

Княгини же великаа Еовдокиа с своею снохою, княгинею Володимеровою Мариею, и с воеводскыми женами и з боярынями взыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ* под стеколчяты окны. Уже бо конечьное зрѣние зрить на великого князя, слезы льющи, аки рѣчьную быстрину. С великою печалию приложывъ руцѣ свои къ персем своим и рече: «Господи Боже мой, вышний творецъ, призри на мое смирение, сподоби мя, Господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ человецѣх великого князя Дмитриа Ивановичя. Дай же ему, Господи, помощь от своеа крѣпкыя рукы побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, Господи, якоже преже сего за мало лѣтъ велика брань была русскым князем на Калках с погаными половци съ агаряны; и нынѣ избави, Господи, от такиа бѣды и спаси ихъ, и помилуй! Не дай же, Господи, погыбнути оставъшему християнству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеши бо жывити и мертвити. Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣи отрасли, еще млады суще, князи Василиа и князя Юриа.* Егда поразить их ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада — обоего не могуть еще тръпѣти. Азъ же тогда грѣшнаа, что сътворю? Нъ възврати имъ, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, ть и земля их спасется, а они въ вѣкы царствують».

Князъ же великий поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московскых гостей сурожанъ* десяти человекъ видѣниа ради, аще что Богъ ему случить, и они имуть повѣдати в далних землях, яко гости хозяеве, быша: 1. Василиа Капицу, 2. Сидора Олферьева, 3. Констянтина Петунова, 4. Козму Коврю, 5. Семена Онтонова, 6. Михаила Саларева, 7. Тимофѣя Весякова, 8. Димитриа Чернаго, 9. Дементиа Саларева, 10. Ивана Шиха.

И подвигошася князь великий Дмитрий Иванович по велицѣй шыроцѣ дорозѣ, а по немъ грядуть русские сынове успѣшно, яко медвяныа чяши пити и сьтеблиа виннаго ясти, хотять себѣ чьсти добыти и славнаго

ударить на большие стада лебединые и гусиные; то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удальцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; изготовленным выглядит войско их.

Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою. Перед ним солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им было одной дорогой.

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем на берегу и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: «Господи Боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, Господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, Господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемилостивого Бога, ибо ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет к западу — ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать».

Великий же князь отправился, захватив с собою мужей знатных, московских купцов-сурожан десять человек как свидетелей: что бы Бог ни устроил, а они расскажут в дальних странах, как купцы знатные, и были: первый — Василий Капица, второй — Сидор Алферьев, третий — Константин Петунов, четвертый — Кузьма Ковря, пятый — Семен Антонов, шестой — Михаил Саларев, седьмой — Тимофей Весяков, восьмой — Дмитрий Черный, девятый — Дементий Саларев и десятый — Иван Шиха.

И двигался князь великий Дмитрий Иванович по большой широкой дороге, а за ним русские сыны идут скоро, будто медвяные чаши пить и гроздья виноградные есть, желая себе чести добыть и славного имени: уже ведь, братья,

имени: уже бо, братие, стукъ стучить и громъ гремить по ранней зорѣ, князь Владимеръ Андрѣевичь Москву-рѣку перевозится на красном перевозѣ в Боровъсцѣ.

Князь же великий прииде на Коломну в суботу, на память святого отца Моисиа Мурина.* Ту же быша мнози воеводы и ратници и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке.* Архиепискупъ же Геронтей коломеньскый срѣте великого князя въ вратѣх градных съ жывоносными кресты и съ святыми иконами съ всѣм съборомъ и осѣни его жывоносным крестомъ и молитву сътвори «Спаси, Боже, люди своя».

На утрие же князь великий повелѣ выѣхати всѣм воемъ на поле к Дивичю.*

Въ святую же недѣлю по заутрении начаша многых трубъ ратных гласы гласити, и арганы многы бити, и стязи ревуть наволочены у саду Панфилова.

Сынове же русскыа наступиша на великиа поля коломеньскыа, яко не мощно вмѣститися от великого въинства, и невмѣстъно бѣ никомуже очи перезрѣти рати великого князя. Князь же великий, выехавъ на высоко мѣсто з братом своимъ, с княземъ Владимеромъ Андрѣевичем, видяще множество много людий урядных, и възрадовашяся и урядиша коемуждо плъку въеводу. Себѣ же князь великий взя в полкъ бѣлозерские князи, а правую руку уряди себѣ брата своего, князя Владимера, дасть ему в полкъ ярославскые князи, а лѣвую руку себѣ сътвори князя Глѣба Бряньского. Передовой же плъкъ — Дмитрей Всеволож, да братъ его Владимеръ Всеволожъ, с коломничи — въевода Микула Васильевичь, владимерскый же воевода и юрьевскый — Тимофѣй Волуевичь, костромскый же воевода — Иванъ Квашня Родивоновичь, переславскый же въевода — Андрѣй Серкизовичь. А у князя Владимера Андрѣевичя въеводы: Данило Бѣлѣутъ, Констянтинъ Конановъ, князь Феодоръ Елетьцскый, князь Юрьи Мещерский, князь Андрѣй Муромскый.

Князь же великий, урядивъ плъкы, и повелѣ имъ Оку-рѣку возитися и заповѣда коемуждо плъку и въеводамъ: «Да аще кто поидеть по Резанской земли, то же не коснися ни единому власу!» И descemъ благословение князь великий от архиепископа коломенского, и перевезеся рѣку Оку съ всѣми силами и отпусти в поле третью сторожу, избранных своих витязей, яко да купно видятся съ стражми татарьскыми в полѣ: Семена Мелика, Игнатья Креня, Фому Тынину, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова и иных многых с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Рече же князь великий брату своему князю Владимеру: «Поспѣшим, брате, противъ безбожных половцовъ, поганых татаръ и не утолимъ лица своего от безстудиа ихъ; аще, брате, и смерть нам приключится, то не проста, ни безума нам сия смерть, нъ жывотъ вѣчный». А самъ государь князь великий, путем ѣдучи, призываше сродникы своа на помощь — святыхъ страстотръпецъ Бориса и Глѣба.

стук стучит и гром гремит на ранней заре, князь Владимир Андреевич через Москву-реку переправляется на добром перевозе на Боровском.

Князь же великий пришел в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Мурина. Тут уже были многие воеводы и воины и встретили его на речке на Северке. Архиепископ же коломенский Геронтий со всем своим клиром встретил великого князя в воротах городских с живоносными крестами и со святыми иконами, и осенил его живоносным крестом, и молитву сотворил: «Спаси, Боже, люди своя».

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю.

В святое же воскресение после заутрени зазвучали многие трубы боевые, и литавры загремели, и зашумели расшитые знамена у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширные поля коломенские, но и тут не вместиться огромному войску, и невозможно было никому взором окинуть рати великого князя. Князь же великий, въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя великое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял под командование белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего князя Владимира и дал ему под командование ярославских князей, а в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского. Передовой же полк — Дмитрий Всеволодович да брат его Владимир Всеволодович, с коломенцами — воевода Микула Васильевич, владимирский же воевода и юрьевский — Тимофей Волуевич, а костромской воевода — Иван Родионович Квашня, переяславский же воевода — Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Князь же великий, распределив полки, повелел им через Оку-реку переправляться и приказал каждому полку и воеводам: «Если же кто пойдет по Рязанской земле, — не коснитесь ни единого волоса!» И взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешел реку Оку со всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись со сторожей татарской в степи: Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и других многих с ними удалых наездников.

Сказал же князь великий брату своему князю Владимиру: «Поспешим, брат, навстречу безбожным язычникам, поганым татарам, и не отвернем лица своего от наглости их, а если, брат, и смерть нам суждена, то не без пользы, не без смысла для нас эта смерть, но в жизнь вечную!» А сам государь князь великий, в пути будучи, призывал родственников своих на помощь — святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Слышавъ же то князь Олегъ Резаньскый, яко князь великий съвъкупися съ многыми силами и грядеть въ стрѣтение безбожному царю Мамаю, и наипаче же въоруженъ твръдо своею вѣрою, еже къ Богу Вседръжителю вышнему творцу всю надежу възлагаа. И нача блюстися Олегъ Резаньскый и с мѣста на мѣсто преходити съ единомысленики своими, и глаголя: «Аще бы нам мощно послати вѣсть къ многоразумному Олгорду Литовьскому противу такова приключника, како иметь мыслити, но застали нам путь. Азъ чаях по преднему, яко не подобаеть русскым князем противу въсточнаго царя стояти, и нынѣ убо что разумѣю? Откуду убо ему помощь сиа прииде, яко противу трех насъ въоружися?»

Глаголаша ему бояре его: «Намъ, княже, повѣдали от Москвы за 15 дний, мы же устыдѣхомся тебѣ сказати: како же в вотчинѣ его есть, близ Москвы, жыветь калугеръ, Сергиемъ зовуть, велми прозорливъ. Тъй паче въоружи его и от своих калугеръ далъ ему пособники». Слышавъ же то, князь Олегъ Резанскый начатъ боятися и на бояре свои нача опалатися и яритися: «Почто ми не повѣдали преже сего? Тъ азъ бых послалъ и умолилъ нечестиваго царя, да ничтоже бы зло сътворилося! Горе мнѣ, яко изгубих си умъ, не азъ бо единъ оскудѣх умом, нъ и паче мене разумнѣе Олгордъ Литовскый: нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, аз же, окаанный, разумѣх истинный законъ Божий! Нъ что ради поплъзохся? И збудется на мнѣ реченное Господомъ: „Аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будеть много".* Нынѣ убо что сътворих? Вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли, и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрати законъ Божий! Нынѣ убо, которому моему худу разумѣнию вдах себе? Аще бы нынѣ великому князю помоглъ, тъ отнудь не прииметь мя — вѣсть бо измѣну мою. Аще ли приложуся к нечестивому царю, тъ поистиннѣ яко древний гонитель на Христову вѣру, тъ пожреть мя земля жыва, аки Святоплъка: не токмо княжениа лишенъ буду, нъ и жывота гоньзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися. Аще бо Господь по них, никто же на них. Еще же молитва выину о нем прозорливаго оного мниха! Аще ли ни единому помощи не сътворю, тъ въ прокъ от обоих како могу прожыти? И нынѣ азъ то мыслю: которому ихъ Господь поможеть, тому и азъ приложуся!»

Князь же Олгордъ Литовьскый, по предреченному съвѣту, съвокупи литвы много и варягъ, и жемоти и поиде на помощь Мамаю. И прииде къ граду Одоеву,* и слышав, яко князь великий съвокупи многое множество въинства, всю русь и словены, и пошолъ к Дону противу царя Мамаа, и слышавъ, яко Олегъ убоася, — и пребысть ту оттоле неподвижным, и начя разумѣти суетныа свои помыслы, бѣ съвокупление свое съ Олгомъ Резаньскым разномысляще, нача рватися и сердитися, глаголя: «Елико человеку не достанеть своеа мудрости, тъй всуе чюжую мудрость требуеть: николи же бо Литва от Резани

Князь же Олег Рязанский услышал, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю, да к тому же вооружен твердо своею верою, которую на Бога Вседержителя, всевышнего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: «Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться?»

Отвечали ему бояре его: «Нам, княже, сообщили из Москвы за пятнадцать дней до сего, — но мы побоялись тебе передать, — о том, что в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот сверх меры и вооружил его, и из своих монахов дал ему помощников». Услышав же то, князь Олег Рязанский испугался и на бояр своих осердился и разъярился: «Почему мне не поведали до сих пор? Тогда бы я послал к нечестивому царю и умолил его, и никакое бы зло не приключилось! Горе мне, потерял я разум свой, но не я один ослабел умом, но и больше меня разумный Ольгерд Литовский; но, однако, он почитает веру латинскую Петра Гугнивого, я же, окаянный, познал истинный закон Божий! И отчего совратился я? И сбудется со мною сказанное Господом: „Если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно". Ибо ныне что натворил? Зная закон Бога, сотворившего небо, и землю, и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попрать закон Божий! И теперь какому своему неразумному помыслу вверил себя? Если бы теперь великому князю помощь предложить, то никак он не примет меня, ибо узнал об измене моей. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то воистину стану как прежний гонитель Христовой веры, и тогда поглотит меня земля живьем, как Святополка: не только княжения лишен буду, но и жизни лишусь, и брошен буду в геенну огненную мучиться. Если же Господь за них, то никто их не одолеет, да еще и прозорливый тот монах будет помогать ему молитвой своей! Если же никому из них помощи не окажу, то впредь от них обоих как смогу устоять? А теперь я так думаю: кому из них Господь поможет, к тому и я присоединюсь!»

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много, и варягов, и жмуди и пошел на помощь Мамаю. И пришел к городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, — всю русь и словен, да пошел к Дону против царя Мамая, — прослышав также, что Олег испугался, — и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов, о союзе своем с Олегом Рязанским теперь сожалел, метался и негодовал, говоря: «Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала

учима была! Нынѣ же изведе мя ума Олегъ, а сам паче погыблъ. Нынѣ же убо пребуду здѣ, дондеже услышу московъскаго побѣду».

В то же врѣмя слышавъ князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрей Брянскый,* Олгордовичи, яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу Московьскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ князи отцомъ своим, князем Олгордом, ненавидими были, мачехи ради, нъ нынѣ Богомъ възлюбленыи бысть и святое крещение приали. Бѣста бо, аки нѣкиа класы доброплодныа, терниемъ подавляеми: жывущи межу нечестиа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити.* И посылаеть князь Андрѣй къ брату своему, князю Дмитрию, тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: «Вѣси, брате мой възлюбленный, яко отецъ нашъ отвръже нас от себе, нъ Господъ Богъ, Отецъ небесный, паче възлюби насъ и просвѣти нас святым крещениемъ, и давъ нам законъ свой — ходити по нему, и отрѣши нас от пустошнаго суетиа и от нечистаго сътворениа брашенъ;* мы же нынѣ, что о томъ Богу въздадимъ? Нъ подвигнемся, брате, подвигом добрым подвижнику Христу, началнику христианьскому, поидемъ, брате, на помощъ великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству, велика бо туга належыть им от поганых измаилтянъ, нъ еще и отецъ нашь и Олегъ Резанскый приложылися безбожным а гонять православную вѣру Христову. Намъ, брате, подобаеть Святое писание съвръшити, глаголющее: „Братие, въ бѣдах пособиви бывайте!"* Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися нам, якоже евангелистъ Лука рече усты Господа нашего Исуса Христа: „Предани будете родители и братиею и умрътвитеся, имени моего ради; претръпѣвъ же до конца — тъй спасется!"* Излѣземъ, брате, от подавляющаго сего трьниа и присадимся истинному плодовитому Христову винограду, дѣлателному рукою Христовою. Нынѣ убо, брате, подвизаемся не земнаго ради жывота, нъ небесныа почести желающе, юже Господь даеть творящим волю его».

Прочетъ же князь Дмитрей Ольгордовичь писание брата своего старийшаго, нача радоватися и плакати от радости, глаголя: «Владыко Господи человеколюбче, дай же рабом твоим хотѣние съвръшити симъ путем подвига сего добраго, яко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа!» И рече братню послу: «Рци брату моему, князю Андрѣю: готовъ есьми днесь по твоему наказанию, брате и господине. Колико есть вѣйска моего, то вси вкупѣ съ мною, Божиимъ бо промыслом съвъкуплени належащая ради брани от дунайскых татаръ. И нынѣ рци брату моему: слышах убо, яко приидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы,* а кажуть уже великого князя Дмитриа на Дону, ту бо ждати хощеть злых сыроядцевъ. И намъ подобаеть итти к Сѣверѣ и ту съвокупитися нам: предлежить бо нам путь на Сѣверу и тѣм путем утаимъся отца своего, да не възбранить нам студно».

По малехъ же днех снидошася оба брата желанно съ всѣми силами, к Сѣверѣ, и увидѣвъше, възрадовашяся якоже иногда Иосифъ съ Веньямином,*

Рязань! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе».

В то же время прослышали князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи, что великая беда и забота отяготили великого князя Дмитрия Ивановича Московского и все православное христианство от безбожного Мамая. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи их, но ныне Богом возлюблены были и святое крещение приняли. Были они, будто какие колосья плодовитые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо небольшое, в нем же написано так: «Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но Отец наш небесный, Господь Бог, сильней возлюбил нас и просветил святым крещением, дав нам закон свой, — чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то Богу воздадим? Так устремимся, брат, на подвиг благой для подвижника Христа, источника христианства, пойдем, брат, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганых измаилтян, да еще и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую. Нам, брат, следует Святое писание исполнить, говорящее: „Братья, в бедах отзывчивы будьте!" Не сомневайся же, брат, будто отцу мы противиться будем, ведь вот как евангелист Лука передал слова Господа нашего Иисуса Христа: „Преданы будете родителями и братьями и умрете за имя мое; претерпевший же до конца — спасется!" Выберемся, брат, из давящего этого сорняка и привьемся к истинному плодовитому Христову винограду, возделанному рукою Христовой. Теперь ведь, брат, устремляемся мы не земной ради жизни, но почести в небесах желая, которую Господь дает творящим волю его».

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: «Владыко, Господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что открыл ты брату моему старшему!» И велел послу: «Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брат и господин. Сколько есть войска моего, то все вместе со мною, потому что по Божьему промыслу собрались мы для предстоящей войны с дунайскими татарами. И еще скажи брату моему: слышал я также от пришедших ко мне сборщиков меда из Северской земли, говорят, что уже великий князь Дмитрий на Дону, ибо там дождаться хочет злых сыроядцев. И нам следует идти к Северской земле и там соединиться: надо держать нам путь на Северскую землю и таким путем утаимся от отца своего, чтобы не помешал нам постыдно».

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северской земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Вениамином,

видѣвши у себе множество людей, усердно бо и урядно нарочитии ратници. И приспѣша борзо на Донъ, и наѣхаша великого князя Дмитреа Ивановичя Московьскаго еще объ сю страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуй,* и ту съвокупишяся.

Князь же великий Дмитрей з братомъ своим Владимером възрадовастася радостию великою, яко бо такова милость Божиа: яко не удобь бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють и поругашяся, яко иногда вълсви Ироду,* и приидоша на помощь нашу. И многыми дарми почтивъ их, и поехаша путем, радующеся и веселящеся о святѣм Дусѣ, земнаго уже всего отвръгшеся, чающе себѣ бесмертнаго иного премѣнениа. Рече же к ним князь великий: «Братиа моа милаа, киа ради потребы приидосте сѣмо?» Они же рекоша: «Господь Богъ посла насъ к тебѣ на твою помощь». Князь же великий рече: «Въистинну ревнители есте праотца нашего Авраама, яко тъй въскорѣ Лоту поможе,* и еще есте ревнители доблестному великому князю Ярославу,* яко тъй отмсти кровь братьа своея».

И въскорѣ посла вѣсть князь великий к Москвѣ къ преосвященному митрополиту Киприану, яко «Олгордовичи князи приидоша къ мнѣ съ многими силами, а отца своего оставиша». Скоро же вѣстникъ прииде къ преосвященному митрополиту. Архиепископъ же, слышавъ, и въставъ помолися, глаголя съ слезами: «Господи владыко человеколюбче, яко съпротивнии наши вѣтри на тихость прелагаеши!»* И посла въ вся съборныа церкви и въ обители, повелѣ сугубо молитву творити день и нощь къ Вседръжителю Богу. И посла въ обитель преподобнаго игумена Сергиа, да негли их молитвъ послушаеть Богъ. Княгини же великаа Еовдокиа, слышавъ то великое Божие милосердие и нача сугубы милостыни творити и непрестанно нача ходити въ святую церковь молитися день и нощь.

Си же пакы оставим, на пръвое възвратимся.

Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, яко за двадесять и три поприща* до Дону, приспѣ же въ 5 день месяца септевриа, на память святого пророка Захарии, в той же день убиение сродника его князя Глѣба Владимеровича, приѣхаша два от стражь его, Петръ Горьскый да Карпъ Олексинъ, и приведоша языкъ нарочитъ от сановитых царева двора. Тъй языкъ повѣдаеть: «Уже царь на Кузминѣ гати стоить, нъ не спѣшить, ожыдаеть Олгорда Литовскаго и Олга Резаньскаго, а твоего царь събраниа не вѣсть, ни стрѣтениа твоего не чаеть, по предписанным ему книгам Олговым, и по трех днех имать быти на Дону». Князь же великий спроси его о силѣ царевѣ, онъ же рече: «Неисчетно многое множество въинства его силы, никомуже мощно исчести».

Князь же великий нача думати з братом своим и с новонареченною братиею, с литовьскыми князи: «Здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся?» Рекоша же ему Олгордовичи: «Аще хощеши крѣпкаго въйска, то повели

видя при себе множество людей, бодрых и снаряженных умелых ратников. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались оба радостию великою такой милости Божьей: ведь невозможно столь просто такому быть, чтобы дети отца оставили и перехитрили его, как некогда волхвы Ирода, и пришли нам на помощь. И многими дарами почтил их, и поехали своею дорогой, радуясь и славя Святого Духа, от земного уже всего отрешась, ожидая себе бессмертного иного искупления. Сказал же им князь великий: «Братья мои милые, по какой нужде пришли вы сюда?» Они же ответили: «Господь Бог послал нас к тебе на помощь!» Князь же великий сказал: «Воистину подобны вы праотцу нашему Аврааму, который быстро Лоту помог, и еще вы подобны доблестному великому князю Ярославу, который отомстил за кровь братьев своих».

И тотчас послал такую весть князь великий в Москву преосвященному митрополиту Киприану: «Ольгердовичи-князья пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили». И вестник быстро добрался до преосвященного митрополита. Архиепископ же, прослышав о том, встал на молитву, говоря со слезами: «Господи владыко человеколюбец, ибо враждебные нам ветры в тихие превращаешь!» И послал во все соборные церкви и в монастыри, повелел усердно молитвы творить день и ночь к Вседержителю Богу. И послал в монастырь к преподобному игумену Сергию, чтобы внял их молитвам Бог. Княгиня же великая Евдокия, прослышав о том великом Божьем милосердии, начала щедрые милостыни раздавать и постоянно пребывала в святой церкви, молясь день и ночь.

Это же снова оставим и к прежнему возвратимся.

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за двадцать три поприща от Дона, настал уже пятый день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олексин, привели знатного языка из числа сановников царского двора. Рассказывает тот язык: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского; согласно сведениям, полученным от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи с тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону». Князь великий спросил его о силе царской, и тот ответил: «Несчетное множество войск его сила, никто их не сможет перечесть».

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли и дальше останемся или Дон перейдем?» Сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь твердого войска, то

за Донъ возитися, да не будеть ни единому же помышлениа въспять; а о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ Богъ, нъ в правдѣ:* Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплъка побѣди,* прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед,* короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бога, подобаеть то же творити. И аще побиемъ, тъ вси спасемся, аще ли умрем, тъ вси общую смерть приимемъ от князей и до простых людей. Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смерътнаа, буйными глаголы глаголати и тѣми словесы крѣпит-ся въйско твое: мы убо видим, яко много множество избранных витязей в въйску твоем».

Князь же великий повелѣ въиньству всему Донъ возитися.

А в то врѣмя вѣстници ускоряють, яко погании приближаются татарове. Мнози же сынове русскые възрадовашяся радостию великою, зряще своего желаемаго подвига, егоже еще на Руси въжделѣша.

За многы же дни мнози влъци притекоша на мѣсто то, выюще грозно, непрестанно по вся нощи, слышати гроза велика. Храбрым людем в плъкѣх сердце укрѣпляется, а иныя же людие в плъкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша: зане же мнози рати необычно събрашася, не умлъкающи глаголють, галици же своею рѣчию говорять, орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грознаго, Богом изволенаго, въ нь же имать пасти трупа человечя, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстилается.

Мнози людие от обоих унывають, видяще убо пред очима смерть.

Начаша же погании половци съ многым студом омрачатися о погибели жывота своего, понеже убо умре нечестивый, и погыбе память их с шумом. А правовѣрнии же человѣци паче процьвѣтоша радующеся, чающе съвръшенаго оного обѣтованиа, прекрасных вѣнцовъ, о нихъ же повѣда великому князю преподобный игуменъ Сергий.

Вѣстници же ускоряють, яко уже близъко погании приближаются. Въ шестый же час дни* прибѣже Семенъ Меликъ з дружыною своею, а по них гонишяся мнози от татаръ. Толико безстудно гнашася нѣлни и плъкы русскыа узрѣша и възвратишяся скоро къ царю и повѣдаша ему, яко князи русскые оплъчишася при Дону. Божиимъ бо промыслом узрѣша множество велико людей уряжено, и повѣдаша царю, яко «князей русскых въинство четверицею болши нашего събраниа». Онъ же нечестивый царь, разженъ диаволом на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гласъ: «Тако силы моа, аще не одолѣю русскых князей, тъ како имамъ възвратитися въсвоаси? Сраму своего не могу тръпѣти». И повелѣ поганым своимъ половцем въору-жатися.

Семенъ же Меликъ повѣдаа великому князю, яко: «Уже Мамай царь на Гусинъ брод прииде, и едину нощъ имѣем межу собою, на утрие бо имать

прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе Бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил, и тебе, призывая Бога, следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем — от князей и до простых людей. Тебе же, государю великому князю, ныне нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы от тех речей укрепилось войско твое: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоем».

И князь великий приказал войску всему через Дон перейти.

А в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. И многие сыны русские возрадовались радостию великою, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стеклось на место то, завывая страшно, беспрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалая рать собралась, безумолчно перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху паря, клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, Богом предопределенного, в который должны лечь тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава пригибается.

Многие люди из обоих войск печалятся, предвидя свою смерть.

Начали же поганые половцы в великом унынии сокрушаться о конце своей жизни, потому что если умрет нечестивый, то исчезнет и память о нем с шумом. Правоверные же люди еще и больше воссияют в радости, ожидая уготованного им чаяния, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергий.

Разведчики же поторапливают, ибо уже близко поганые и все приближаются. А в шестом часу дня примчался Семен Мелик с дружиной своею, а за ним гналось множество татар; нагло гнались почти до нашего войска, но, лишь только русских увидели, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготовились к бою у Дона. Ибо Божьим промыслом увидели великое множество людей снаряженных и сообщили царю: «Князей русских войско вчетверо больше нашего сборища». Тот же нечестивый царь, распаленный дьяволом себе на пагубу, вскричав вдруг, так заговорил: «Таковы мои силы, и если не одолею русских князей, то как возвращусь восвояси? Позора своего не перенесу!» — и повелел поганым своим половцам готовиться к бою.

Семен же Мелик поведал князю великому: «Уже Мамай-царь на Гусин брод пришел, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы.

прийти на Непрядву. Тебѣ же, государю великому князю, подобает днесь исплъчитися, да не предварять погании».

Начать князь великий Дмитрей Ивановичь з братом своим князем Владимером Андрѣевичем и с литовъскыми князи Андрѣем и Дмитреем Олгордовичи до шестаго чяса плъци учрежати. Нѣкто въевода прииде с литовьскыми князи, имянем Дмитрей Бoброковъ,* родом Волынские земли, иже нарочитый бысть плъководецъ, велми уставиша плъци по достоанию, елико гдѣ кому подобаеть стояти.

Князь же великий, поим с собою брата своего князя Владимера и литовьские князи и вси князи русские и воеводы и взьехавъ на высоко мѣсто и увидѣвъ образы святых, иже сутъ въображени въ христианьскых знамениих, акы нѣкии свѣтилници солнечнии свѣтящеся въ врѣмя вѣдра; и стязи ихъ золоченыа ревуть, просьтирающеся, аки облаци, тихо трепещущи, хотять промолвити; богатыри же русские и их хоругови, аки жыви пашутся, доспѣхы же русскых сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеся, шоломы злаченыя на главах ихъ, аки заря устраняа въ врѣмя ведра свѣтящися, яловци* же шоломовъ ихъ, аки пламя огненое, пашется.

Умилено бо видѣти и жалостно зрѣти таковых русскых събраниа и учрежениа ихъ, вси бо равнодушьни, единъ за единого, другъ за друга хощеть умрети, и вси единогласно глаголюще: «Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Констяньтину побѣду,* покори под нозѣ его врагы Амалика,* якоже иногда кроткому Давиду».* Сему же удивишася литовьскии князи, рекуще в себѣ: «Нѣсть было преже нас, ни при насъ, ни по насъ будеть таково въинство уряжено. Подобно есть Александра царя макидоньскаго въиньству, мужеством бысть Гедеоновы снузници,* Господь бо своею силою въоружилъ их!»

Князь же великий, видѣвъ плъци свои достойно уряжены, и сшед с коня своего и паде на колѣни свои прямо великому плъку чернаго знамениа, на немъ же въображенъ образ Владыкы Господа нашего Исуса Христа, из глубины душа нача звати велегласно: «О Владыко Вседръжителю! Виждь смотреливым оком на люди сия, иже твоею десницею сътворени суть и твоею кровию искуплени работы вражиа. Внуши, Господи, гласъ молитвъ нашихъ, обрати лице свое на нечестивых, иже творять злаа рабом твоим. И нынѣ, Господи Исусе Христе, молю и покланяюся образу твоему святому и пречистѣй твоей Матери и всѣм святым, угодившим тебѣ, и тврьдому и необоримому заступнику нашему и молебнику иже о насъ, к тебѣ, русскому святителю, новому чюдотворцу Петру, на его же милость надѣемся, дрьзаем призывати и славити святое и великолѣпое имя твое, Отца и Сына и святого Духа, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ! Аминь».

Скончавъ молитву и всѣд на конь свой и нача по плъком ѣздити съ князи и въеводами. Коемуждо полку рече: «Братиа моа милаа, сынове русскыа,

Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготовиться, чтоб не застали врасплох поганые».

Тогда начал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами вплоть до шестого часа полки расставлять. Некий воевода пришел с литовскими князьями, именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, который знатным был полководцем, хорошо он расставил полки, по достоинству, как и где кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего, князя Владимира, и литовских князей, и всех князей русских, и воевод и взъехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, будто какие светильники солнечные, светящиеся в лучах солнечных; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить; богатыри же русские стоят, и их хоругви, точно живые, колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть на подобное русских собрание и устройство их, ибо все единодушны, один за другого, друг за друга хотят умереть, и все единогласно говорят: «Боже, с высот взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константину, победу, брось под ноги ему врагов-амаликетян, как некогда кроткому Давиду». Всему этому дивились литовские князья, говоря себе: «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску, мужеству подобны Гедеоновым всадникам, ибо Господь своей силой вооружил их!»

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка багряным знаменем, на котором вышит образ владыки Господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: «О Владыка Вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу. Вслушайся, Господи, в звучание молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, Господи Иисусе Христе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и пречистой твоей Матери, и всем святым, угодившим тебе, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеясь, дерзаем взывать и славить святое и прекрасное имя твое, и Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: «Братья мои милые, сыны

от мала и до велика! Уже, братие, нощь приспѣ, и день грозный приближися — в сию нощь бдите и молитеся, мужайтеся и крѣпитеся, Господь с нами, силенъ въ бранех. Здѣ пребудите, братие, на мѣстех своих, немятущеся. Койждо вас нынѣ учредитеся, утрѣ бо неудобь мощно тако учредитися: уже бо гости наши приближаются, стоять на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплъчишася, утрѣ бо нам с ними пити общую чашу, межу събою поведеную, еяже, друзи мои, еще на Руси въжделѣша. Нынѣ, братья, уповайте на Бога жыва, миръ вам буди о Христѣ. Аще утрѣ ускорять на нас приити погании сыроядьци».

Уже бо нощь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рождества святыа Богородица. Осѣни же тогда удолжившися и деньми свѣтлыми еще сиающи, бысть же въ ту нощъ теплота велика и тихо велми, и мраци роснии явишася. Поистинѣ бо рече пророкъ: «Нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена».*

Рече же Дмитьрей Волынецъ великому князю: «Хощу, государь, в нощь сию примѣту свою испытати». И уже заря померкла, нощи глубоцѣ сущи, Дмитрей же Волынецъ, поимъ с собою великого князя единаго, и выѣхавъ на поле Куликово и, ставъ посреди обоих плъковъ и обратився на плъкъ татарскый, слышить стукъ великъ и кличь, и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще, и аки гром великий гремить; съзади же плъку татарьскаго волъци выють грозно велми, по десной же странѣ плъку татарского ворони кличуще и бысть трепеть птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ — гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече же князь великий Дмитрею Волынцу: «Слышим, брате, гроза велика есть велми». И рече Волынець: «Призывай, княже, Бога на помощь!»

И обратився на плъкъ русскый — и бысть тихость велика. Рече же Волынецъ: «Видиши ли что, княже?» — Онъ же рече: «Вижу: многы огнены зари снимахуся...» И рече Волынецъ: «Радуйся, государь, добри суть знамениа, токмо Бога призывай и не оскудѣй вѣрою!»

И пакы рече: «И еще ми есть примѣта искусити». И сниде с коня и приниче к земли десным ухом на долгъ час. Въставъ, и пониче и въздохну от сердца. И рече князь великий: «Что есть, брате Дмитрей?» Онъ же млъчаше и не хотя сказати ему, князь же великий много нуди его. Онъ же рече: «Едина бо ти на плъзу, а другая же — скръбна. Слышах землю плачущуся надвое: едина бо сь страна, аки нѣкаа жена, напрасно плачущися о чадѣх своихь еллиньскым гласом, другаа же страна, аки нѣкаа девица, единою възопи велми плачевным гласом, аки в свирель нѣкую, жалостно слышати велми. Азъ же преже сего множество тѣми примѣтами боевъ искусих, сего ради нынѣ надѣюся милости Божиа — молитвою святых страстотръпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ наших, и прочих чюдотворцовъ, русскых поборниковъ, азъ чаю побѣды

русские, все от мала и до велика! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился — в эту ночь бодрствуйте и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на Бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыроядцы».

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника Рождества святой Богородицы. Осень тогда задержалась и днями светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная».

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в ночь эту примету свою проверить», — а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и поворотясь на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышим, брат, — гроза страшная очень». И ответил Волынец: «Призывай, княже, Бога на помощь!»

И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» — тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только Бога призывай и не оскудевай верою!»

И снова сказал: «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина, громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева, вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметами битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость Божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских

поганых татаръ. А твоего христолюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врьхъ, твоа слава будеть».

Слышавъ же то, князь великий прослезися и рече: «Господу Богу вся възможна: всѣх нас дыхание в руцѣ его!»* И рече Волынецъ: «Не подобаеть тебѣ, государю, того в плъцѣх повѣдати, токъмо коемуждо въину повели Богу молитися и святых его угодниковъ призывати на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому въину, и въружатися крѣпко и крестомъ огражатися: тъй бо есть оружие на противныа, утрѣ бо хощуть с нами видѣтися».

В ту же нощь нѣкто муж, имянем Фома Кацибѣй, разбойникъ, поставленъ бысть стражем от великого князя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганых. Сего увѣряа, Богъ откры ему в нощь ту видѣти видѣние велико. На высоцѣ мѣсте стоя, видѣти облакъ от въстока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣкакиа плъки, к западу идущь. От полуденныя же страны приидоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица их сиающа, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще плъковником: «Кто вы повелѣ требити отечесътво наше, егоже намъ Господь дарова?» И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни единъ от них не избысть. Той же Фома цѣломудръ и разуменъ оттолѣ увѣренъ бысть, и то видѣние повѣда на утрие великому князю единому. Князь же великий рече ему: «Не глаголи того, друже, никому же», и, въздѣв руцѣ на небо, нача плакатися, глаголя: «Владыко Господи человѣколюбче! Молитвъ ради святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, якоже Моисию на Амалика и пръвому Ярославу на Святоплъка,* и прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римъскаго,* хотящаго разорити отечьство его. Не по грѣхом моим воздай же ми, нъ излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай же нас въ смѣх врагом нашим, да не порадуются о нас врази наши, и рекуть страны невѣрных: „Гдѣ есть Богъ их, на нь же уповаша?"* Нъ помози, Господи, християном, ими же величается имя твое святое!»

И отпусти князь великий брата своего, князя Владимера Андрѣевичя, въверхъ по Дону в дуброву, яко да тамо утаится плъкъ его, давъ ему достойных вѣдомцовъ своего двора, удалыхъ витязей, крѣпкых въиновъ. И еще с нимъ отпусти извѣстнаго своего въеводу Дмитреа Волынскаго и иных многыхъ.

Приспѣвшу же, месяца септевриа въ 8 день, великому празднику Рождеству святыа Богородица, свитающу пятку, въсходящу солнцу, мгляну утру сущу, начаша христианьскые стязи простиратися и трубы ратные многы гласити. Уже бо русскые кони окрѣпишася от гласа трубьнаго, и койждо въинъ идеть под своим знаменем. И видѣти добрѣ урядно плъкы уставлены поучением крѣпкаго въеводы Дмитреа Боброкова Волынца.

Наставшу же второму чясу дни,* и начаша гласи трубнии обоих плъковъ сниматися, татарьскыя же трубы яко онемѣша, а русския трубы паче

хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: «Господу Богу все возможно: всех нас дыхание в его руках!» И сказал Волынец: «Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи Богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами».

В ту же ночь великий князь поставил некоего мужа, по имени Фома Кацибей, разбойника, за его мужество стражем на реке на Чурове для крепкой охраны от поганых. Его исправляя, Бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое очень, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обеих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: «Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам Господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома, с тех пор целомудрен и благоразумен, уверовал в Бога, а о том видении рассказал наутро великому князю одному. Князь же великий сказал ему: «Не говори того, друже, никому», — и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: «Владыко Господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликетян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его. Не по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милость свою, простри на нас милосердие свое, не дай нас в осмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: „Где же Бог, на которого они так надеялись?" Но помоги, Господи, христианам, ими ведь славится имя твое святое!»

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших воинов из свиты своей, удалых витязей, твердых воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник Рождества святой Богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под своим знаменем. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боброка Волынца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели

утвръдишася. Плъкы же еще не видятся, занеже утро мгляно. И в то врѣмя, братье, земля стонеть велми, грозу велику подавающи на встокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегибающеся, рѣкы же выступаху из мѣстъ своихъ, яко николиже быти толиким людем на мѣстѣ томъ.

Великому же князю пресѣдающу на избранный конь, ѣздя по плъком и глаголаше от великыа горести сердца своего, слезы аки рѣка течаше от очию его: «Отци и братиа моа, Господа ради подвизайтеся и святых ради церквей и вѣры ради христианскыа, сиа бо смерть нам нынѣ нѣсть смерть, нъ жывотъ вѣчный; и ничтоже, братие, земнаго помышляйте, не уклонимся убо, да вѣнци побѣдными увяземся от Христа Бога и спаса душамъ нашим».

Утвръдивъ же плъкы, и пакы прииде под свое знамя черное и ссѣде с коня и на инъ конь всяде и съвлече с себя приволоку царьскую и въ ину облечеся. Тъй конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Бреника и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тъ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣм знамянем и убиенъ бысть за великого князя.

Князь же великий ста на мѣсте своемъ и, вынявъ из надръ своих жывоносный крестъ, на немъ же бѣ въображены страсти Христовы,* в немъ же бѣ жывоносное дрѣво, и въсплакася горко и рече: «На тебе убо надѣемъся, жывоносный Господень кресте, иже симъ образом явивыйся греческому царю Констянтину,* егда ему на брани сущу с нечестивыми и чюдным твоим образомъ побѣди их. Не могуть бо погании нечестивии половци противу твоему образу стати, тако, Господи, удиви милость свою на рабѣ твоемъ!»

В то же врѣмя прииде к нему посолъ с книгами от преподобнаго старца игумена Сергиа, въ книгах писано: «Великому князю и всѣм русскым князем, и всему православному вьйску миръ и благословение!» Князь же великий, слышавъ писание преподобнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаниемъ утвръдися, акы нѣкыми крѣпкыми бранями. Еще же дасть посланный старецъ от игумена Сергиа хлѣбецъ пречистыа Богородица, князь же великий снѣде хлѣбець святый и простеръ руцѣ свои, възопи велегласно: «О велико имя всесвятыа Троиця, о пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам тоя молитвами и преподобнаго игумена Сергиа, Христе Боже, помилуй и спаси душа наша!»

И всѣде на избранный свой конь и, веземъ копие свое и палицу желѣзную, и подвижеся ис полку, и въсхотѣ преже всѣх самъ битися с погаными от великиа горести душа своеа, за свою великую обиду и за святыа церкви и вѣру христианьскую. Мнози же русские богатыри, удръжавше его, възбраниша ему, глаголюще: «Не подобаеть тебѣ, великому князю, напеpед самому в плъку битися, тебѣ подобаеть особь стояти и нас смотрити, а нам подобаеть битися и мужество свое и храбрость пред тобою явити: егда

громче. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступили из берегов своих, ибо никогда не было столько людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слезы потоками текли из очей его: «Отцы и братья мои, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и спаситель душ наших».

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя черное, и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в простую облекся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него надел, ибо любил он его сверх меры, и знамя свое багряное повелел оруженосцу своему над Бренком держать. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем и,сняв с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного древа, восплакал горько и сказал: «Итак, на тебя надеемся, живоносный Господень крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы твоему образу противостоять; так, Господи, и покажи милость свою на рабе твоем!»

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а в грамотах написано: «Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному войску — мир и благословение!» Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав посланца с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твердыми бронями. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой Богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простер руки свои, вскричав громогласно: «О великое имя всесвятой Троицы, о пресвятая госпожа Богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе Боже, помилуй и спаси души наши!»

И сел на лучшего своего коня, и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: «Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя Господь спасет милостью

тя Господь упасеть милостию своею, и ты разумѣешь, кого чим даровати. Мы же готови есмя в сий день главы своя положыти за тебе, государя, и за святыа церкви и за православъное християнство. Тебѣ же подобает, великому князю, рабом своим, елико кто заслужить своею главою, память сътворити, якоже Леонтий царь Феодору Тирону,* въ книгы съборныа написати нас, памяти ради русскым сыном, иже по нас будуть. Аще тебе единаго изгубим, тъ от кого имамы чаяти, кто по нас память сътворить? Аще вси спасемъся, а тебе единого останем, тъ кий намъ успѣх? И будем аки стадо овчее, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивии влъци распудять й, и разбѣжатся овци кои куды. Тебѣ, государю, подобаеть себе спасти да и нас».

Князь же великий прослезися и рече: «Братия моа милаа, русскые сынове, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нъ токмо похваляю васъ, вы бо есте въистинну блазии раби Божии. Паче же вѣсте мучение Христова страстотръпца Арефы. Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь вести й на позорище и мечемъ иссѣщи, а доблии же его друзи, единъ пред единымъ скорить, койждо ихъ свою главу усѣкателю под мечь клонять за Арефу, въеводу своего, вѣдяще убо почесть побѣды своеа. Арефа же въевода рече въином своимъ: „Вѣсте убо, братиа моя, у земнаго царя не азъ ли преже васъ почтенъ бых, земныа чьсти и дары взимах? И нынѣ же преди ити подобаеть ми и къ небесному Царю, и главѣ моей преже усѣченѣ быти, паче же веньчанѣ". И приступль мечникъ и усѣкну главу его, послѣжде и въином его усѣкну главы. Такоже и азъ, братие. Кто болши мене в русскых сыновѣх почтенъ бѣ и благаа беспрестани приимах от Господа? А нынѣ злаа приидоша на мя, ужели не могу трьпѣти: мене бо ради единаго сиа вся въздвигошася. Не могу видѣти вас, побѣжаемых, и прочее к тому не могу тръпѣти, и хощу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣру христианскую! Аще ли умру — с вами, аще ли спасуся — с вами!»

Уже бо, братие, в то врѣмя плъкы ведуть: передовой плъкъ ведеть князь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — князь Владимеръ Всеволодичь, а с правую руку плъкъ ведеть Микула Васильевичь с коломничи, а лѣвую же руку плъкъ ведеть Тимофѣй Волуевичь с костромичи. Мнози же плъкы поганых бредуть оба пол: от великиа силы нѣсть бо имъ мѣста, гдѣ разступитися. Безбожный же царь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема князи, зряй человечьскаго кровопролитиа.

Уже бо близ себе сходящеся силныа плъкы, выѣде злый печенѣгь из великого плъку татарьскаго, пред всѣми мужеством являяся, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голиаду: пяти саженъ высота его, а трех саженъ ширина его. Видѣвъ же его Александръ Пересвѣтъ, старецъ, иже бѣ в плъку Владимера Всеволодовича и, двигънувся ис плъку, и рече: «Сей человекъ ищеть подобна себѣ, азъ хощу с нимъ видѣтися!» Бѣ же на главѣ его шелом архангельскаго

своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своей головой, память сотворить, как Леонтий-царь Феодору Тирону, в книге соборные записать наши имена, чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминание устроит? Если все спасемся, а тебя одного оставим, то какой нам успех? И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря; влачится оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда. Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы Божьи. Ведь хорошо вы знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы. Когда его мучили и приказал царь вести его перед народом и мечом зарубить, доблестные его друзья, один перед другим торопясь, каждый из них свою голову палачу под меч преклонял вместо Арефы, вождя своего, понимая славу поступка своего. Арефа же, вождь, сказал воинам своим: „Так знайте, братья мои, у земного царя не я ли больше вас почтен был, земную славу и дары приняв? Так и ныне впереди идти подобает мне также к небесному царю, голове моей следует первой отсеченной быть, а точнее сказать — увенчанной". И, подступив, палач отрубил голову его, а потом и воинам его отсек головы. Так же и я, братья. Кто больше меня из русских сынов почтен был и благое беспрестанно принимал от Господа? А ныне зло нашло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного это все и воздвиглось. Не могу видеть вас, побеждаемых, и все, что последует, не смогу перенести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью погибнуть за святую веру христианскую! Если умру — с вами, если спасусь — с вами!»

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодович да брат его, князь Владимир Всеволодович, а с правой руки полк ведет Микула Васильевич с коломенцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганых бредут со всех сторон: от множества войска нет им места, где сойтись. Безбожный же царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, наблюдает людское кровопролитие.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!» И был на голове его куколь, как у архангела,

образа,* въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергиа. И рече: «Отци и братиа, простите мя грѣшнаго! Брате Андрѣй Ослебя, моли Бога за мя. Чаду моему Иакову — миръ и благословение». Напусти на печенѣга и рече: «Игуменъ Сергий, помогай ми молитвою!» Печенѣгъ же устремися противу ему, християне же вси въскликнуша: «Боже, помози рабу своему!» И ударишася крѣпко копии, едва мѣсто не проломися под ними, и спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу же третьему часу дни, видѣвъ же то, князь великий и рече: «Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, предними уже испиша и весели быша и уснуша, уже бо врѣмя подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати». И удари всякъ въинъ по своему коню и кликнуша единогласно: «С нами Богъ!» — и пакы: «Боже христианскый, помози нам!», погании же половци свои богы начаша призывати.

И съступишася грозно обѣ силы великиа, крѣпко бьющеся, напрасно сами себе стираху, не токъмо оружиемъ, нъ и от великиа тѣсноты под коньскыми ногами издыхаху, яко немощно бѣ вмѣститися на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею. На том бо полѣ силнии плъци съступишася, из нихъ же выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силнии млъниа от облистаниа мечнаго. И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго сѣчения, яко не мощно бѣ сего гръкого часа зрѣти никако же и сего грознаго побоища. Въ единъ бо час, въ мегновении ока, о колико тысущь погибе душь человечьскых, създания Божиа! Воля Господня съвръшается: часъ же третий, и четвертый, и пятый, и шестый крѣпко бьющеся неослабно християне с погаными половци.

Наставшу же седмому часу дни, Божиимъ попущениемъ наших ради грѣховъ начаша погании одолѣвати. Уже бо от сановитых мужей мнози побиени суть, богатыри же русскыа и воеводы, и удалыа люди, аки дрѣва дубравнаа, клонятся на землю под коньскыа копыта: мнози же сынове русскые сътрошася. Самого же великого князя уязвиша велми и с коня его збиша, онъ же нужею склонився с побоища, яко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, Божиею силою съхраненъ бысть. Многажды стязи великого князя подсѣкоша, нъ не истребишася Божиею милостию, нъипаче укрѣпишася.

Се же слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плъку Владимера Андрѣевича, поведаа великому князю, глаголя: «Въ шестую годину сего дни видѣх над вами небо развръсто, из негоже изыде облакъ, яко багрянаа заря над плъком великого князя, дръжашеся низко. Тъй же облакъ исплъненъ рукъ человечьскых, яже рукы дръжаще по велику плъку ово проповѣдникы, ово пророческы. Въ седмый же часъ дни облакъ тъй много вѣнцевъ дръжаше и опустишася над плъком, на головы христианьскыя».

Погании же начаша одолѣвати, христианьскыя же плъци оскудѣша — уже мало христианъ, а все погании. Видѣвъ же то князь Владимеръ Андрѣевичь

вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!» — бросился на печенега и добавил: «Игумен Сергий, помоги мне молитвою!» Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Увидев, что настал третий час дня, князь великий произнес: «Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать». И стегнул каждый воин своего коня, и воскликнули все единогласно: «С нами Бог!» — и еще: «Боже христианский, помоги нам!», — а поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, испускали дух не только от оружия, но и от ужасной тесноты — под конскими копытами, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий Божьих! Воля Господня свершается: час и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твердо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по Божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще, и Божьею помощью сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их Божьею милостью, они еще больше утвердились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича; он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую погибель русских сынов, князь

падение русскых сыновъ не мога тръпѣти и рече Дмитрею Волынцу: «Что убо плъза стояние наше? Который успѣх нам будеть? Кому нам пособити? Уже наши князи и бояре, вси русскые сынове напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится!» И рече Дмитрей: «Бѣда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себѣ приемлеть; класы бо пшеничныа подавляеми, а трьние ростуще и буяюще над благородными. И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час имаем въздарие отдати противником. Нынѣ токъмо повели всякому въину Богу молитися прилѣжно и призвати святых на помощь, и от сего часа имать быти благодать Божиа и помощъ христианом». Князь же Владимеръ Андрѣевичь, въздѣвъ руцѣ на небо, и прослезися горко и рече: «Боже Отецъ нашихъ, сътворивый небо и землю, дай же помощъ роду христианскому! Не дай же, Господи, порадоватися врагом нашим о нас, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и милости». Сынове же русскыа в полку его гръко плачуще, видяще друзи свои побиваеми от поганых, непрестанно покушающеся, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити. Волынецъ же възбраняше им, глаголя: «Пождите мало, буавии сынове русскые, будеть ваше врѣмя коли утѣшитися, есть вы с кем възвеселитися!»*

Приспѣ же осмый час дню, духу южну потянувшу съзади нам, възопи же Вълынецъ гласом великым: «Княже Владимеръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный прииде!» — и рече: «Братьа моа, друзи, дръзайте: сила бо Святого Духа помогаеть нам!»

Единомыслении же друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныа урвалися от златых колодицъ, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую; а стязи их направлены крѣпкым въеводою Дмитреем Волынцем: бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща аки лвовы, аки лютии влъци на овчии стада приидоша и начаша поганых татаръ сѣщи немилостивно.

Погании же половци увидѣша свою погыбель, кликнуша еллинскым гласом, глаголюще: «Увы нам, Русь пакы умудрися: уншии с нами брашася, а доблии вси съблюдошася!» И обратишася погании, и даша плещи, и побѣгоша. Сынове же русскые, силою святого Духа и помощию святых мученикъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчаху их, аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается у русскых сыновъ под конские копыта. Погании же бѣжаще кричаху, глаголюще: «Увы нам, честный нашь царю Мамаю! Вознесе бо ся высоко — и до ада сшелъ еси!» Мнозии же уязвении наши, и тѣ помагаху, сѣкуще поганых без милости: единъ русинъ сто поганых гонить.

Безбожный же царь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывати богы своа:* Перуна и Салавата, и Раклиа, и Гурса, и великого своего пособника Махмета. И не бысть ему помощи от них, сила бо святого Духа, аки огнь, пожигаеть их.

Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? какой успех у нас будет? кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благорожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину Богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать Божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: «Боже, Отец наш, сотворивший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, Господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно!» Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званые на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запретил им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!»

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!» — и прибавил: «Братья моя, друзья, смелее: сила Святого Духа помогает нам!»

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, Русь снова перехитрила: младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою Святого Духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя, рубили их, точно лес вырубали — будто трава под косой ложится за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!» И многие раненые наши, и те помогали, рубя поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия, и Хорса, и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила Святого Духа, точно огонь, сжигает их.

Мамай же, видѣвъ новыа люди, яко лютии звѣрие ристаху и изрываху, аки овчее стадо, и рече своим: «Побѣгнем, ничтоже бо добра имам чаати, нъ поне свои главы унесем!» И абие побѣже поганый Мамай с четырми мужы в лукоморие, скрегча зубы своими, плачущи грько, глаголя: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катунъ своих не трепати, а дѣтей своих не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова, а съ дружиною своею уже нам не видатися, ни съ князи ни съ алпауты!»

Мнози же гонишася по них и не одолѣша их, понеже кони их утомишася, у Мамая же цѣлы суть кони его, и убѣже.

Сия же суть милостию всемогущаго Бога и пречистыа Матери Божиа и молениемъ и помощию святых страстотрьпецъ Бориса и Глѣба, ихъже видѣ Фома Кацибѣевъ разбойникъ, егда на сторожы стоя, якоже преже писано есть. Етери же суще женяху, внегда всѣх доступиша и възвращахуся, койждо под свое знамя.

Князь же Владимеръ Андрѣевичь ста на костѣх под черным знаменем. Грозно, братие, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грько посмотрити человечьскаго кровопролитиа — аки морскаа вода, а трупу человечьа — аки сѣнныа громады: борзъ конь не можеть скочити, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дни кровию течаху.

Князь же Владимеръ Андрѣевичь не обрѣте брата своего, великого князя, в плъку, нъ толко литовские князи Олгордовичи, и повелѣ трубити в собранные трубы. Пожда час и не обрѣте великого князя, нача плакати и кричати, и по плъком ѣздити начатъ сам и не обрѣте и глаголаша всѣм: «Братьа моа, русскыа сынове, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего и началника?» И рече: «Аще пастырь пораженъ — и овцы разыдутся.* Кому сиа честь будеть, кто побѣдѣ сей явися?»

И рекоша литовскые князи: «Мы его мнимъ, яко жывъ есть, уязвенъ велми; егда въ мертвом трупу лежыт?» Инъ же въинъ рече: «Азъ видѣх его на седмом часу крѣпко бьющася с погаными палицею своею». Инъ же рече: «Азъ видѣх его поздѣе того; четыре татарины належахуть ему, онъ же крѣпко бияшеся с ними». Нѣкто князь, имянем Стефанъ Новосилской, тъй рече: «Азъ видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша и идуща с побоища, уязвена велми. Того ради не могох азъ ему помощи — гоним есмь трема татарины, нъ милостию Божиею едва от них спасохся, а много зла от них приимах и крѣпко пострадах».

Князь же Володимеръ рече: «Братиа и друзи, русскыа сынове, аще кто жыва брата моего обрящет, тъй поистиннѣ prъвый будеть у наю!» И разсыпашася вси по велику, силну и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. Ови же наѣхаша убитаго Михаила Андрѣевича Бренка: лежыть в приволоцѣ и в шеломѣ, что ему далъ князь великий; инии же наѣхаша убитаго князя

И Мамай, увидев новых воинов, что, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дождаться, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамая свежи кони его, и ушел он от погони.

И это все случилось милостью Бога всемогущего и пречистой Матери Божьей и молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей-разбойник, когда на страже стоял, как уже написано выше. Некоторые же гнались за татарами и, всех добив, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под багряным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: как морское пространство, а трупов человеческих — как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?» И добавил: «Если пастух погиб — и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?»

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если средь мертвых трупов лежит?» Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею». Еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский, тот сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, израненный весь. Оттого не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью Божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился».

Князь же Владимир сказал: «Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет средь нас!» И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищучи победы победителя. И некоторые набрели на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же набрели на убитого

Феодора Семеновича Бѣлозерьскаго, чающе его великим княземъ, занеже приличенъ бѣ ему.

Два же етера въина уклонишася на десную страну в дуброву, единъ имянемъ Феодоръ Сабуръ, а другий Григорей Холопищевъ, оба родом костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великого князя бита и язвена вельми и трудна, отдыхающи ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и, спадше с коней, поклонишася ему. Сабуръ же скоро възвратися повѣдати князю Владимеру, и рече: «Князь великий Дмитрей Ивановичь здравъ бысть и царствуеть в вѣкы!»

Вси же князи и въеводы, слышавше, и скоро сунушася и падше на ногу его, глаголюще: «Радуйся, князю нашь, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ,* побѣдитель врагом: сиа же побѣды честь тобѣ довлѣетъ». Князь же великий едва рече: «Что есть, повѣдайти ми». Рече же князь Владимеръ: «Милостью Божиею и пречистыа его Матери, пособием и молитвами сродникъ наших святых мученикъ Бориса и Глѣба и молением русскаго святителя Петра и пособника нашего и въоружителя игумена Сергиа, — и тѣх всѣх святых молитвами врази наши побѣжени суть, мы же спасохомся».

Князь же великий, слышавъ то и въставъ, рече: «Сий день сътвори Господь, възрадуемся и възвеселимся, людие!» И пакы рече: «Сий день Господень веселитеся, людие! Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоа суть: вечеръ въдворится плач, а заутра — радость!» И пакы рече: «Хвалю тя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не предалъ еси нас врагом нашим, и не далъ еси им похвалитися, иже сии на мя умыслиша злаа: нъ суди им, Господи, по правдѣ их, азъ же, Господи, уповаю на тя!»

И приведоша ему конь и, всѣд на конь и выѣхавъ на велико, силно и грозно побоище, и видѣвъ въйска своего бито велми много, а поганых татаръ четверицею сугубь того боле бито и, обратився к Волынцу, рече: «Въистину, Дмитрей, не ложна есть примѣта твоа, подобает ти всегда въеводою быти».

И нача з братом своимъ и съ оставшими князи и въеводами ѣздити по боищу, сердцем боля кричаще, а слезами мыася, и рече: «Братиа, русскыа сынове, князи и бояре, и въеводы, и дѣти боярьскые! Суди вам Господь Богъ тою смертию умерети. Положыли есте главы своа за святыа церкви и за православное христианство». И поѣхавъ мало, наехаше мѣсто, на немъже лежать побьени вкупѣ князи бѣлозерскые: толма крѣпко бишася, яко единъ за единаго умре. Ту же близъ лежить убит Михайло Васильевич; над ними же ставъ князь великий, над любезными въеводами, и нача плакати и глаголати: «Братья моа князи, сынове русскые, аще имате дръзновение у Бога, помолитеся о нас, вѣм бо, яко послушаеть вас Богъ, да вкупѣ с вами у Господа Бога будем!»

И пакы приѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напрьстника Михайла Андрѣевича Бренка, и близ его лежыть твръдый стражь Семенъ Меликъ, близъ

князя Федора Семеновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него.

Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы — набрели на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!»

Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: «Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр, победитель врагов: победы этой честь тебе принадлежит!» Князь же великий едва проговорил: «Что там, — поведайте мне». И сказал князь Владимир: «Милостью Божьей и пречистой его Матери, помощью и молитвами сродников наших святых мучеников Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя Петра, и пособника нашего и вдохновителя игумена Сергия, — тех всех молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись».

Князь великий, слыша это, встал и сказал: «Сей день сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся, люди!» И еще сказал: «В сей день Господень веселитесь, люди! Велик ты, Господи, и дивны дела твои все: вечером вселится плач, а наутро — радость!» И добавил: «Благодарю тебя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, Господи, по делам их, я же, Господи, надеюсь на тебя!»

И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное место битвы, увидел в войске своем убитых очень много, а поганых татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волынцу, сказал: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».

И поехал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и так сказал: «Братья, русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам Господь Бог такою смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство». И немного погодя подъехал к месту, на котором лежали убитые вместе князья белозерские: настолько твердо бились, что один за другого погибли. Тут же поблизости лежал убитый Михаил Васильевич; став же над ними, любезными воеводами, князь великий начал плакать и говорить: «Братья мои князья, сыны русские, если имеете смелость пред Богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у Господа Бога быть, — ибо знаю, что послушает вас Бог!»

И дальше поехал, и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них

же имъ Тимофѣй Волуевич убиенъ. Над ними же ставъ, князь великий прослезися и рече: «Брате мой възлюбленный, моего ради образа убиенъ еси. Кий бо рабъ тако можеть господину служыти, яко меня ради самъ на смерть, смыслено грядяше? Въистинну древнему Авису подобенъ,* иже бѣ от плъку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори». Лежащу же ту Мелику, рече над ним: «Крѣпкый мой стражу, твръдо пасомыи есмя твоею стражею». Приѣде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черньца, а пред ним лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора, и ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ. Обратився князь великий и рече: «Видите, братие, починалника своего, яко сий Александръ Пересвѣт, пособникъ нашь, благословенъ игуменом Сергием и побѣди велика, силна, зла татарина, от негоже было пити многым людем смертнаа чаша».

И отъехавъ на иное мѣсто, и повелѣ трубити в събранные трубы, съзывати людии. Храбрии же витязи, довълно испытавше оружие свое над погаными половъци, съ всѣх странъ бредут под трубный гласъ. Грядуще же весело, ликующе, пѣсни пояху, овии поаху богородичныи, друзии же — мученичныи, инии же — псалом, — то есть христианское пѣние. Кийждо въинъ едет, радуася, на трубный гласъ.

Събранымъ же людем всѣм, князь великий ста посреди ихъ, плача и радуася: о убиеных плачется, а о здравых радуется. Глаголаше же: «Братиа моа, князи русскыа и боаре мѣстныа, и служылыа люди всеа земля! Вам подобаеть тако служыти, а мнѣ — по достоанию похвалити вас. Егда же упасеть мя Господь и буду на своем столѣ, на великом княжении, въ градѣ Москвѣ, тогда имам по достоанию даровати вас. Нынѣ же сиа управим; коиждо ближняго своего похороним, да не будуть звѣрем на снѣдение телеса христианьскаа».

Стоялъ князь великий за Даном на костѣх осмь дний, дондеже розобраша христианъ с нечестивыми. Христианскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса повръжена звѣрем и птицам на расхыщение.

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Считайтеся, братие, колкых въевод нѣтъ, колкых служылых людей?» Говорить бояринъ московской, имянем Михайло Александрович, а был в плъку у Микулы у Васильевича, росчетливъ бысть велми: «Нѣтъ у нас, государь, 40 боариновъ московскых, да 12 князей бѣлозерскых, да 13 боаринов посадниковъ новгородскых, да 50 бояриновъ Новагорода Нижнего, да 40 боаринов серпоховскых, да 20 боаринов переславскых, да 25 боаринов костромскых, да 35 боаринов владимерскых, да 50 боаринов суздалскых, да 40 боаринов муромскых, да 33 боаринов ростовскых, да 20 боаринов дмитровскых, да 70 боаринов можайскых, да 60 боариновъ звенигородскых, да 15 боаринов углетцкых, да 20 боаринов галитцскых, а молодым людем счета нѣт; нъ токмо вѣдаем: изгыбло у нас дружины всеа полтретьа ста тысящъ и три тысящи, а осталося у нас дружины пятьдесят тысящъ».

Тимофей Волуевич убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: «Брат мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно грядущий! Воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил». Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: «Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражею». Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: «Видите, братья, зачинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

И отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав оружие свое над погаными татарами, со всех сторон бредут на трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы, — все христианские песни. Каждый воин идет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здравых радуется. Говорил же: «Братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобает вам так служить, а мне — по достоинству восхвалить вас. Если же сбережет меня Господь и буду на своем престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, чтобы не попали зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей». Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, счетчик был гораздый: «Нет у нас, государь, сорока бояр московских, да двенадцати князей белозерских, да тринадцати бояр — посадников новгородских, да пятидесяти бояр Новгорода Нижнего, да сорока бояр серпуховских, да двадцати бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да сорока бояр муромских, да тридцати трех бояр ростовских, да двадцати бояр дмитровских, да семидесяти бояр можайских, да шестидесяти бояр звенигородских, да пятнадцати бояр угличских, да двадцати бояр галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

Рече же князь великий: «Слава тебѣ, вышний Творецъ, царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас, грѣшных, не предалъ еси нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыядцем. А вам, братьа, князи и боаре, и въеводы, и молодые люди, русскые сынове, сужено мѣсто лежати межу Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ. Положыли есте головы своа за землю Русскую, за вѣру христианьскую. Простите мя, братие, и благословите в сем вѣцѣ и в будущем!» И прослезися на длъгъ час и рече князем и въеводам своим: «Поѣдем, братье, въ свою землю Залѣсскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вътчинах и дѣдинах: чести есмя себѣ доступили и славнаго имяни!»

Поганый же Мамай тогда побѣже с побоища и прибѣже къ граду Кафѣ и, потаивъ свое имя, прибѣже въ свою землю и не мога трьпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена, и поругана. И пакы гнѣвашеся, яряся зѣло, и еще зло мысля на Русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном итти на Русскую землю. И сице ему мыслящу, внезапу прииде к нему вѣсть, яко царь имянем Тактамышъ съ встока, нолны из Синие орды, идеть на него. Мамай же, яже бѣ уготовилъ рать ити было ему на Русскую землю, и онъ с тою ратью пошол противу царя Тактамыша. И стрѣтошася на Калках, и бысть им бой великъ. И царь Тактамышь, побѣдивъ царя Мамаа, и прогна его, мамаевы же князи и рядци, и ясовулы, и алпауты биша челом царю Тактамышу. И приатъ их и взя Орду, и сѣде на царствѣ. Мамай же прибѣже пакы в Кафу единъ; потаивъ свое имя, пребываше ту, и познанъ бысть нѣкоим купцем и ту убиенъ бысть фрязы и испровръже злѣ жывот свой. Сиа же оставим здѣ.

Слышавъ же Олгордъ Литовскый, яко князь великий Дмитрей Иванович побѣдил Мамаа, възвратися въсвоаси с студом многым. Олегъ же Резанскый, слышав, яко хощет князь великий послати на него рать, убоася и побѣже из своеа отчины и съ княгинею и з боары; и резанци добиша челом великому князю, и князь великий посади на Резани свои намѣстники.

И сказал князь великий: «Слава тебе, высший Творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал в руки врагов наших, поганых сыроядцев. А вам, братья, князья, и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место между Доном и Непрядвой, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!» И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем, братья, в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: чести мы себе добыли и славного имени!»

Поганый же Мамай тогда побежал с побоища, и достиг города Кафы, и, утаив свое имя, вернулся в свою землю, не в силах вытерпеть, видя себя побежденным, посрамленным и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь, и еще зло замышлял на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая ехидна. И, собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды, идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И царь Тохтамыш, победив царя Мамая, прогнал его, Мамаевы же князья, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом, и тут убит он был фрягами; и так зло потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, что князь великий Дмитрий Иванович победил Мамая, возвратился восвояси со стыдом великим. Олег же Рязанский, узнав, что хочет князь великий послать на него войско, испугался и убежал из своей вотчины с княгинею и с боярами; рязанцы же били челом великому князю, и князь великий посадил в Рязани своих наместников.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

О ПРИХОДЕ ТОХТАМЫША-ЦАРЯ, И О ПЛЕНЕНИИ, И О ВЗЯТИИ МОСКВЫ

Было некое предвестие на протяжении многих ночей — являлось знамение на небе на востоке перед раннею зарею: звезда некая, как бы хвостатая и как бы подобная копью, иногда в вечерней заре, иногда же в утренней; и так много раз бывало. Это знамение предвещало злое пришествие Тохтамыша на Русскую землю и горестное нашествие поганых татар на христиан, как и случилось то по гневу Божию за умножение грехов наших. Было это в третий год царствования Тохтамыша, когда царствовал он в Орде и в Сарае. И в тот год царь Тохтамыш послал слуг своих в город, называемый Булгар, расположенный на Волге, и повелел торговцев русских и купцов христианских грабить, а суда с товаром отбирать и доставлять к нему на перевоз. А сам подвигся в гневе, собрал много воинов и направился к Волге со всеми силами своими, со всеми своими князьями, с безбожными воинами, с татарскими полками, переправился на эту сторону Волги и пошел изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь. Вел же войско стремительно и тайно, с такой коварной хитростью — не давал вестям обгонять себя, чтоб не услышали на Руси о походе его.

Проведав об этом, князь Дмитрий Константинович Суздальский послал к царю Тохтамышу двоих сыновей своих — Василия и Семена. Они же, придя, не застали его, так быстро он двигался на христиан, и догоняли его несколько дней, и вышли на его путь в месте, называемом Сернач, и пошли за ним следом поспешно, и настигли его вблизи границ Рязанской земли. А князь Олег Рязанский встретил царя Тохтамыша, когда он еще не вступил в землю Рязанскую, и бил ему челом, и стал ему помощником в одолении Руси, и пособником на пакость христианам. И еще немало слов говорил о том, как пленить землю Русскую, как без труда взять каменный град Москву, как победить и захватить ему князя Дмитрия. Еще к тому же обвел царя вокруг своей отчины, Рязанской земли, не нам добра желая, но своему княжению помогая.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

О ПРИХОДЕ ТОХТАМЫША-ЦАРЯ, И О ПЛЕНЕНИИ, И О ВЗЯТИИ МОСКВЫ

Было некое предвестие на протяжении многих ночей — являлось знамение на небе на востоке перед раннею зарею: звезда некая, как бы хвостатая и как бы подобная копью, иногда в вечерней заре, иногда же в утренней; и так много раз бывало. Это знамение предвещало злое пришествие Тохтамыша на Русскую землю и горестное нашествие поганых татар на христиан, как и случилось то по гневу Божию за умножение грехов наших. Было это в третий год царствования Тохтамыша, когда царствовал он в Орде и в Сарае. И в тот год царь Тохтамыш послал слуг своих в город, называемый Булгар, расположенный на Волге, и повелел торговцев русских и купцов христианских грабить, а суда с товаром отбирать и доставлять к нему на перевоз. А сам подвигся в гневе, собрал много воинов и направился к Волге со всеми силами своими, со всеми своими князьями, с безбожными воинами, с татарскими полками, переправился на эту сторону Волги и пошел изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русь. Вел же войско стремительно и тайно, с такой коварной хитростью — не давал вестям обгонять себя, чтоб не услышали на Руси о походе его.

Проведав об этом, князь Дмитрий Константинович Суздальский послал к царю Тохтамышу двоих сыновей своих — Василия и Семена. Они же, придя, не застали его, так быстро он двигался на христиан, и догоняли его несколько дней, и вышли на его путь в месте, называемом Сернач, и пошли за ним следом поспешно, и настигли его вблизи границ Рязанской земли. А князь Олег Рязанский встретил царя Тохтамыша, когда он еще не вступил в землю Рязанскую, и бил ему челом, и стал ему помощником в одолении Руси, и пособником на пакость христианам. И еще немало слов говорил о том, как пленить землю Русскую, как без труда взять каменный град Москву, как победить и захватить ему князя Дмитрия. Еще к тому же обвел царя вокруг своей отчины, Рязанской земли, не нам добра желая, но своему княжению помогая.

А в то время поздѣ нѣкако си, едва прииде вѣсть князю великому, възвѣщающу татарскую рать, аще бо и не хотяше Тахтамышь, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости руские поимани быша и пограблени, и удержани, дабы не было вѣсти Руси. Но обаче суть нѣции доброхоты на предѣлех ордынских на то устроени, поборници суще земли Рустѣи.

Слышав же князь великый таковую вѣсть, оже идеть на него самь царь въ множествѣ силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти плъки своя, и выеха из града Москвы, хотя ити противу татаръ. И ту начашя думу думати князь же Дмитрий с прочими князьми рускими, и с воеводами, и с думци, и с велможи, с бояры старѣйшими, и всячьскы гадавше. И обрѣтеся въ князех розность, и не хотѣху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату, не помянушя Давидова пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ»,* и другому присно помнимому, рекшу: «Друг *другу* посабляа и брат брату помагаа, яко град твердъ»,* бывшу же промежи ими не единачеству, но неимовѣрству. И то познав, и разумѣвъ, и *разсмотрѣвъ*, благовѣрный бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убояся стати в лице противу самого царя. И не ста на бой противу его, и не подъя рукы на царя, но поеха в град свой в Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и, паки реку, вборзѣ на Кострому.* А Киприанъ митрополит приеха на Москву.*

А на Москвѣ бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло. Бяху людие смущени, яко овца, не имуще пастуха, гражанстии народи възмятошася и въсколибашася якои пьани. Овии сѣдѣти хотяху, затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляше. И бывши промежи ими распри велицѣ: овии с рухлядью въ град вмѣщахуся, а друзии из града бѣжаху, ограблени суще. И створиша вѣче, позвониша въ вся колоколы. И всташя вѣчемь народи мятежници, недобрии человѣцы, людие крамолници: хотящих изити из града не токмо не пущаху вонъ из града, но и грабяху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни бояръ лучших не усрамишася, ни усрамишася сѣдинъ старець многолѣтных. Но на вся огрозишася, ставше на всѣх вратех градскихъ, сверху камениемь шибаху, а долѣ на земли с рогатинами, и с сулицами, и съ обнаженымъ оружиемь стояху, и не дадуще вылѣсти из града, и едва умолени быша поздѣ нѣкогда выпустиша их из града, и то ограбивше.

Граду же единаче в мятежи смущающуся, аки морю мутящуся в бури велицѣ, и ниоткуду же утѣшениа обрѣтающе, но паче болших и пущих золъ ожидаху. Сим же тако бывающимъ, и потом приеха к нимь въ град нѣкоторый князь литовьскый, именемь Остѣй, внукъ Олгердов.* И тъй окрѣпивъ народы, и мятеж градный укротивъ, и затворися с ними в градѣ въ осадѣ съ множествомъ народа, с тѣми, елико осталося гражан, и елико бѣжанъ збѣжалося с волостей, и елико от инѣх градов и от странъ. Приключишася в

Некоторое время спустя каким-то образом дошла весть до князя великого о татарской рати, хотя и не желал Тохтамыш, чтобы кто-либо принес весть на Русь о его приходе, и того ради все купцы русские схвачены были, и ограблены, и задержаны, чтобы не дошли вести до Руси. Однако есть некие доброжелатели, для того и находящиеся в пределах ордынских, чтобы помогать земле Русской.

Когда князь великий услышал весть о том, что идет на него сам царь во множестве сил своих, то начал собирать воинов, и составлять полки свои, и выехал из города Москвы, чтобы пойти против татар. И тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие, то так, то иначе прикидывая. И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату, не вспомнили слов пророка Давида: «Как хорошо и достойно, если живут братья в согласии», — и другого, постоянно вспоминаемого, который говорил: «Друг, пособляющий другу, и брат, помогающий брату, подобны крепости твердой», — так как было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье и побоялся встать против самого царя. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда — мимо Ростова, а затем уже, скажу, поспешно к Костроме. А Киприан-митрополит приехал в Москву.

А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и, лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив.

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще бóльших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель. Оказались здесь

то время бояре, сурожане,* суконники* и прочии купци, архимандрити и игумени, протопопы, прозвитеры, дьяконы, черньци, и всякъ възрастъ — мужескъ пол и женескъ, и съ младенци.

Князь же Олегъ обведъ царя около своей земли и указа ему вся броды, сущаа на рѣцѣ на Оцѣ. Царь же перешед рѣку Оку и преже всѣх взя град Серпохов и огнемь пожже. И оттуду поиде к Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнися, волости и села жгуще и воююще, а народ христианский сѣкуще и всяческы убивающе, а иныи люди в полон емлюще. И прииде ратью к граду Москвѣ. А сила татарскаа прииде мѣсяца августа 23 в понедельник. И приехавши не вси плъци к граду, начаша *кличюще* въпрашивати, въпиюще и глаголюще: «Есть ли зде князь Дмитрий?» Они же из града с заборолъ* отвѣщавше, рекошя: «Нѣтъ». Татарове же, отступивше недалече, и поехаша около града, обзирающе и разсматряюще приступы и рвы, и врата, и забралы, и стрѣлници. И пакы стояху, зряще на град.

А тогда в градѣ внутрьуду добрии людие моляхуся Богу день и нощь, предстоаще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покааниемь, и с причастиемь, и слезами. Нѣции же недобрии человѣци начаша обходити по двором, износяще ис погребов меды господьскиа и съсуды сребреныа, и стькляници драгыа, и упивахуся даже и до пиана, и к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрашаемся нахожениа поганых татаръ, селикъ твердъ град имущи, еже суть стѣны камены и врата желѣзна. Не терпят бо ти долго стояти под градом нашимъ, сугубь страх имуще, изнутрь града — бойци, а извнѣ — князей наших съвокупляемых устремлениа боятся». И пакы възлазяще на град, пиани суще шатахуся, ругающеся татаромъ, образомъ бестуднымъ досажающе, и нѣкаа словеса износяще, исплънь укоризны, *и хулы*, и кидаху на ня, мняху бо толико то и есть силы татарские. Татарове же прямо к нимь на градъ голыма сабли машуще, образом аки тинаху, накивающе издалече.

И в той день к вечеру ти полци от града отступиша, и на утриа самь царь приступи съ всею силою и съ всѣми полки своими под град. Гражане же з града узрѣвше силу велику и убояшася зѣло. Татарове же такъ и поидоша к граду. Гражане же пустишя на ня по стрѣлѣ, и они паче стрѣляше, и идяху стрѣлы их на град аки дождева тучя умножена зѣло, не дадуще ни прозрѣти. И мнози на градѣ стояще и на забралех от стрѣлъ падаху, одоляху бо татарскыа стрѣлы паче, нежели гражанскыа, бяху бо у них стрѣлци горазди вельми. Ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще изучени суще, инии на конѣ борзо гоняще на обѣ руцѣ, и пакы и напред и назадъ скорополучно без прогрѣхы стрѣляху. А друзии от них, створше лѣствици и присланяюще я, лазяху на стѣны. Гражане же воду в котлех варяще кипятню и льяху на ня, и тако възбраняхуть им. Отшедшим же симь, и пакы приступльшимъ. И тако по три дня бьяхуся промеж собою пренемагающеся. Егда бо татарове приступаху к граду, близ приступающе к стѣнамъ градскимь, тогда гражане, стрегущи града,

в то время бояре, сурожане, суконщики и прочии купцы, архимандриты и игумены, протопопы, священники, дьяконы, чернецы и люди всех возрастов — мужчины, и женщины, и дети.

Князь же Олег обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке. Царь же перешел реку Оку и прежде всего взял город Серпухов и сжег его. И оттуда поспешно устремился к Москве, духа ратного наполнившись, волости и села сжигая и разоряя, а народ христианский посекая и убивая, а иных людей в плен беря. И пришел с войском к городу Москве. Силы же татарские пришли месяца августа в двадцать третий день, в понедельник. И, подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выспрашивать, говоря: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из города с заборол отвечали: «Нет». Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборола, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились Богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, и извне — соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, видом бесстыдным оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало устрашились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ведь одолевали татарские стрелы горожан, ибо были у них стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад метко и без промаха стреляли. А некоторые из них, сделав лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипяток на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда

супротивишася имъ вѣзбраняюще: ови стрѣлами стрѣляху *съ* заборол, овии же камениемь шибаху на ня, друзии же тюфяки* пущаху н них, а инии самострѣлы,* напрязающе, пругаху и порокы.* Есть же нѣции, егда и самыа ты пушки пущаху. В них же бѣ единъ нѣкто гражанинъ москвитин, суконникь, именемь Адамь, иже бѣ над враты Фроловскими* примѣтив и назнаменав единого татарина нарочита и славна, иже бѣ сынь нѣкоего князя ордынского, напрягъ стрѣлу самострѣлную, юже испусти напрасно, еюже и унзе и в сердце гнѣвливое, въскорѣ и смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва всѣмъ татаромъ, яко и самому царю стужити о семь. Сим же тако бывающим, царь стояв у града 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и лживымь миромъ, и вызва его вонъ из града, и уби его пред враты града, а ратемь своимъ всѣмь повелѣ оступити град съ вси стороны.

Какова же бысть облесть Остѣю и всѣмь гражаномъ, сущимъ въ осадѣ? И понеже царю стоявшу 3 дня, а на 4 и наутриа, в полобѣда, по повелѣнию цареву приехаша татарове нарочитии, болшии князи ордынские и рядци его, с ними же два князя суждалскые, Василей да Семенъ, сынове князя Дмитриа Суждальского. И пришедше под град, приближившеся близ стѣнъ градскых по опасу, и начашя глаголати к народу, сущему в градѣ: «Царь вас, своих люди, хощет жаловати, понеже неповинни есте, и нѣсте достойни смерти, не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, оплъчися. Вы же достойни бысте милованиа. Иного же ничто же не требуеть от вас, развѣе токмо *изыдете* противу его въ стрѣтение ему с честью и з дары, купно и с своимъ княземь, хощет бо видѣти градъ сѣй и в онь внити, и в немь побывать, а вамъ дарует миръ и любовь свою, а вы ему врата градные отворите». Такоже и князи Нижняго Новаграда* глаголаху: «Имѣте вѣры намъ, мы есмы ваши князи христианскые, вамъ на томъ правду даемъ». Народи же гражанстии вѣруяшя словесемъ их, си помыслиша и прелстишася, ослѣпи бо их злоба татарскаа и омрачи я прелесть бесерменскаа; ни познашя, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имѣте».* И отвориша врата градная, и выйдошя съ своимъ княземь и с дары многими к царю, такоже и архимандритове, игумени и попове съ кресты, и по них бояре и лучшии мужи, и потом народъ и черные люди.

И в томъ часѣ начашя татарове сѣчи их по ряду напрасно. Преже всѣх их убиенъ бысть князь Остѣй пред градом, и потом начаша сѣчи попов и игуменов, аще и в ризах съ кресты, и черных люди. И ту бяше видѣти святыа иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныа без чести небрегомы, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же поидоша пакы в град сѣкуще, а иные по лѣствицамь на град взидоша, никому же възбраняющу съ забрал, не сущу забралнику на стѣнах, и не сущу избавляющу, ниже спасающу. И бысть внутрь града сѣчя велика, а внѣуду такоже. Толико же сѣчаху, дондеже руцѣ их и плеща их измолкошя, и сила их изнеможе, сабли их не имут — остриа

горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник, по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и пустил неожиданно стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И, подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, враждуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами, вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти, и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, а за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не

их притупишася. Людие *крстьяньстии*, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо, скоро рищуще толпами, въпиюще и глаголюще, и в перси своя бьюще. Нѣгде избавлениа обрѣсти, и нѣгде смерти избыти, и нѣсть где остриа меча укрытися! Оскудѣ князь и воевода, и все воинство их потребися, и оружиа их до конца исчезоша! Ови в церквах съборных каменных затворишася, но и тамо не избыша, безбожнии бо силою разбиша двери церковныа и сих мечи изсѣкошя. Вездѣ же крикъ и вопль великь страшенъ бываше, яко не слышати друг друга въпиюща, множеством народа кричаща. Они же, христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, сѣчаху, и церкви съборныа разграбиша, и олтаря святыа мѣста попраша, и кресты честныа и иконы чюдные одрашя, украшеныя златомъ и сребромъ и женчюгом и бисеромъ, и камениемь драгымъ; и пелены, златомъ шитыя и женчюгомъ саженыа, оборвашя, и съ святых икон кузнь съдравше, а святыя иконы попрашя, и съсуды церковныа служебныа священныа, златокованыя и сребряныя, многоцѣнныа, поимашя, и ризы поповскыа многоцѣнныа расхитиша. Книг же много множество снесено съ всего града и из селъ в соборных церквах до стропа наметано, спроважено съхранениа ради — то все без вѣсти сътвориша. Что же изърцѣмь о казнѣ великаго князя, яко и тоя многоскровеное скровище скоро истощися, и велехранное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть.

Придемъ в сказание и прочих и многыхъ бояръ старѣйшихъ: их же казны долговременствомъ сбираемы и благоденьствомъ наплъняемы, и хранилища их исплънь богатства и имѣниа многоцѣннаго и неизчетнаго — то все взяша и понесоша. И пакы другыа сущии в градѣ купци, яже суть богатии людие, храмины ихъ наполнены всякого добра, и клѣти их нанесены всякого товара разноличнаго — то все взяша и расхитиша. Многы монастыри и многы церкви разрушиша, въ святыхъ церквах убийство сдѣяша, и въ священных олтарех кровопролитие створиша окааннии, и святаа мѣста погании осквернища. Якоже пророкъ глаголаше: «Боже, приидошя языци в достоание твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилще, положиша трупиа рабъ твоих — брашно птицам небеснымь, плоти преподобных твоих — звѣремь земнымъ, пролиашя кровь их, яко воду, окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбаяи»,* и девиця их не осѣтованы быша, и вдовица их не *оплакани* бышя, и священницы их оружиемь падошя. Была бо тогда сѣчя зла зѣло, и много безчисленое множество ту паде трупиа руси, от татаръ избиеных, многых мертвых лежаху телеса, мужи и жены не покровены. И ту убиен бысть Семенъ, архимандрит спасьскый,* и другый архимандрит Иаков, и инии мнози игумени, попове, дьякони, крилошане, четци, пѣвци, черньци и простци, от юнаго и до старца, мужска полу и женска, — ти вси посѣчени бышя, а друзии огнемь изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а инии множайшии

обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князья, и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли. Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом саженные, срывали, и со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные, священные, златокованые и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, — те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, — то многосокровенное сокровище в момент исчезло и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было.

Скажем и о прочих многих боярах старейших: их казны, долгие годы собираемые и всякими благами наполняемые, и хранилища их, полные богатств и имущества многоценного и неисчислимого, — то все захватили и растащили. И что было у других бывших в городе купцов, богатых людей, палаты которых наполнены всякого добра, а в кладовых хранились всякие товары различные, — то все взяли и расхитили. Многие монастыри и многие церкви разрушили, в святых церквах убийства совершали, и в священных алтарях кровопролитие творили окаянные, и святые места поганые осквернили. Как говорит пророк: «Боже, пришли враги во владения твои и осквернили церковь святую твою, стал Иерусалим подобен овощному хранилищу, оставили трупы рабов твоих в пищу птицам небесным, плоть преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, словно воду, окрест Москвы не было кому погребать», и о девицах никто не сетовал, и вдовы оплаканы не были, и священники пали от оружия. Была тогда сеча жестока, и бесчисленное множество тут пало трупов русских, татарами избиенных, многих мертвых тела лежали обнаженные — мужчин и женщин. И тут убит был Семен, архимандрит спасский, и другой архимандрит Иаков, и иные многие игумены, попы, дьяконы, клирошане, чтецы церковные и певцы, чернецы и миряне, от юного и до старца, мужского пола и женского — все те посечены были, а другие в огне сгорели, а иные в воде потонули, множество же других

от них в полон поведени быша и в работу поганскую, и въ страну татарскую пленени бышя.

И бяше видѣти тогда в градѣ плач и рыдание, и вопль многъ, слезы неисчетенныа, крикъ неутолимый, стонание многое, оханье *сѣтованное*, печаль горкаа, скорбь неутишимая, бѣда нестерпимаа, нужа ужаснаа, горесть смертнаа, страх, трепет, ужасъ, дряхлование, изчезновение, попрание, безчестие, поругание, посмѣание врагов, укоръ, студ, срамота, поношение, уничижение.

Си вся приключишася на христианскомь родѣ от поганых за грѣхы нашя. И тако вскорѣ злии взяша градъ Москву месяца августа въ 26 на память святого мученика Андреана и Натальи въ 7 час дни в четверг по обѣдѣ. Товаръ же и всяческаа имѣниа пограбишя, и град огнемь зажгоша — град убо огню предашя, а людии — мечю. И бысть оттолѣ огнь, а отселѣ мечь: овии, огня бѣжаща, мечем умроша, а друзии — меча бѣжаще, въ огни сгорѣша. И бысть имъ четверообразнаа пагуба: прьвое — от меча, второе — от огня, третие — в водѣ потопоша, четвертое — въ пленение поведени быша.

И бяше дотолѣ, преже видѣти, была Москва град великъ, град чюденъ, градъ многочеловѣченъ, в нем же множество людий, в нем же множество господьства, в нем же множество всякого узорочья. И пакы въ единомъ часѣ измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣченъ, и пожженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыа церкви стояще акы разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши.

Плачется церкви о чядех церковных, паче же о избьеных, яко матере о чадѣх плачющися. О, чада церковнаа, о, страстотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претрьпѣсте — от огня и мечя, от поганых насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты, ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, еюже многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургиа, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвницѣ, престала молитва заутреняя и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умлъкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то намъ створиша! Где благочиние и благостоание церковное? Где четци и пѣвци? Где клиросници церковнии? Где суть священници, служащии Богу день и нощь? Вси лежать и почиша, вси уснуша, вси посѣчени быша и избьени быша, усѣчениемь меча умрошя. Нѣсть позвонениа в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славословиа, ни хвалословиа, не бысть по церквамъ стихословиа, и благодарениа. Въистину суета человѣчьскаа, и бысть всуе мятежь человѣчьский. Сице же бысть конець московскому плѣнению.

Не токмо же едина Москва взята бысть, но и прочии гради и страны плѣнени быша. Князь же великый съ княгинею и съ дѣтми пребысть на

в полон поведено было, в рабство поганское и в страну татарскую полонены были.

И тогда можно было видеть в городе плач, и рыдание, и вопль великий, слезы неисчислимые, крик неутолимый, стоны многие, оханье сетованное, печаль горькую, скорбь неутешную, беду нестерпимую, бедствие ужасное, горе смертельное, страх, трепет, ужас, печалование, гибель, попрание, бесчестие, поругание, надругательство врагов, укор, стыд, срам, поношение, уничижение.

Все эти беды от поганых выпали роду христианскому за грехи наши. И так вскоре те злые взяли город Москву месяца августа в двадцать шестой день, на память святых мучеников Андриана и Натальи, в семь часов дня, в четверг после обеда. Добро же и всякое имущество пограбили, и город подожгли — огню предали, а людей — мечу. И был оттуда огонь, а отсюда — меч: одни, от огня спасаясь, под мечами умерли, а другие — меча избежав, в огне сгорели. И была им погибель четырех родов. Первая — от меча, вторая — от огня, третья — в воде потоплены, четвертая — в плен поведены.

И до той поры, прежде, была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие.

Плачет церковь о чадах церковных, а всего более об убитых, как мать, о детях плачущая. О чада церковные, о страстотерпцы избиенные, приявшие насильственную смерть, перенесшие двойную гибель — от огня и меча, от насилия поганых! Церкви стояли, утратившие великолепие и красоту! Где прежняя красота церковная? — ибо прекратилась служба, которой многих благ у Господа просим, прервалась святая литургия, не стало приношения святой просфиры на святом престоле, прекратились молитвы заутренние и вечерние, прервался глас псалмов, по всему городу умолкли песнопения! Увы мне! Страшно слышать, страшнее же тогда было видеть! Грехи наши то нам сотворили! Где благочиние и благостояние церковное? Где чтецы и певцы? Где клирошане церковные? Где священники, служащие Богу и день, и ночь? Все лежат и почили, все уснули, все посечены были и перебиты, под ударами мечей умерли. Нет звона в колокола, и нет зовущего ударами в била, ни спешащего на зов; не слышно в церкви голосов поющих, не слышно славословия, ни слов хвалы, нет в церквах стихословия и благодарения. Воистину суета человеческая, и всуе суетность людская. Таков был конец московскому взятию.

Не только же одна Москва взята была, но и прочие города и земли пленены были. Князь же великий с княгинею и с детьми находился в Костроме,

Костромѣ, а брат его Володимеръ* на Волоцѣ, а мати Володимерова* и княгини в Торжъку,* а Герасимъ владыка коломенскый в Новѣградѣ. И кто нас, братие, о семь не устрашится, видя таковое смущение Руской земли! Якоже Господь глагола пророкомъ: «Аще хощете послушаете *мене* — благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашь на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимже гоними, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста — тма».*

Елма же царь распустил силу татарскую по земли Руской воевати княжение великое, овии, шедше к Володимерю, многы люди посѣкошя и в полон ведошя, а инии плъци ходишя къ Звенигороду и къ Юрьеву, а инии к Волоку и к Можайску, а друзии — к Дмитрову,* а иную рать посла̀лъ на град Переяславль. И они его взяша и огнемь пожгоша, и переяславци выбѣгоша из града, а град покинув и на озерѣ избыша в судех. Татари же многы грады поимаша, и волости повоевашя, и села пожгошя, и манастыри пограбишя, и христианъ посѣкошя, а иных в полон сведошя, и много зла Руси створишя.

Князь же Володимеръ Андреевич стояше оплъчився близъ Волока, събравь силу около себе. И нѣции от татаръ не вѣдуще его, ни знающе наехаша на нь. Он же о Бозѣ укрѣпився и удари на нихъ, и тако милостию Божиею овых уби, а иных живых поима, а инии побѣгоша, и прибѣжашя к царю, и повѣдашя ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начатъ помалу поступати от града. Идущу же ему от Москвы, и ступи ратью к *Коломнѣ*, и ти, шед, взяша град Коломну и отидошя. Царь же перевезся за рѣку за Оку и взя землю Рязанскую, и огнем пожже, и люди посѣче, а инии разбѣгошася, и множество безчисленое поведе в Орду полона. Князь же Олегъ Рязанскый то видѣвь и побѣже. Царь же къ Ордѣ идуще от Рязани, отпусти посла своего, шюрина Шихмата, къ князю Дмитрию Суждальскому вкупѣ съ его сыномъ, съ княземь Семеном, а другаго сына его, князя Василья, поят с собою въ Орду.

Отшедшим же татаром, и потом не по мнозѣх днех благовѣрный князь Дмитрий и Володимеръ, коиждо с своими бояры старѣйшими, въехаста в свою отчину, в град Москву. И видѣша град взят, и плѣненъ, и огнемь пожженъ, и святыа церкви разорены, а людий побитых трупиа мертвыхъ без числа лежаще. И о семь сжалиси зѣло, яко и расплакатися има съ слезами. Кто бо не плачется таковыа погибели градныа! Кто не жалуеть толика народа людий! Кто не послужит о селицѣ множествѣ христианъ! Кто не сътуеть сицеваго плѣнениа и скрушениа!

И повелѣша телеса мертвых хоронить, и даваста от 40 мрътвець по полтинѣ, а от 80 по рублю. И съчтоша того всего дано бысть от погребаниа мертвых 300 рублев. А опрочь того, елико здѣлаша татари напасти же и убытка Руси и княжению великому! Елико сотвориша протора своимь ратнымъ нахо-

а брат его Владимир в Волоке, а мать Владимирова и княгиня его в Торжке, а Герасим, владыка коломенский, в Новгороде. И кто из нас, братья, не устрашится, видя такое смятение Русской земли! Как Господь говорил пророкам: «Если захотите послушать меня — вкусите благ земных, и переложу страх ваш на врагов ваших. Если не послушаете меня, то побежите никем не гонимы, пошлю на вас страх и ужас, побежите вы от пяти — сто, а от ста — десять тысяч».

После того как царь разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекли и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие — к Дмитрову, а иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли, и огнем пожгли, а переяславцы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекли, иных же в полон увели, и много зла Руси принесли.

Князь же Владимир Андреевич стоял с полками близ Волока, собрав силы около себя. И некие из татар, не ведая о нем и не зная, наехали на него. Он же, помыслив о Боге, укрепился и напал на них, и так Божьей милостью одних убил, а иных живыми схватил, а иные побежали, и прибежали к царю, и поведали ему о случившемся. Он же того испугался и после этого начал понемногу отходить от города. И когда он шел от Москвы, то подступил с ратью к Коломне, и татары приступом взяли город Коломну и отошли. Царь же переправился через реку Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство. Царь же, идя в Орду от Рязани, отпустил посла своего, шурина Шихмата, к князю Дмитрию Суздальскому вместе с его сыном, с князем Семеном, а другого сына его, князя Василия, взял с собой в Орду.

После того как татары ушли, через несколько дней, благоверный князь Дмитрий и Владимир, каждый со своими боярами старейшими, въехали в свою отчину, в город Москву. И увидели, что город взят, и пленен, и огнем пожжен, и святые церкви разорены, а люди побиты, трупы мертвых без числа лежат. И о том возгоревали немало и расплакались они горькими слезами. Кто не оплачет такую погибель города! Кто не поскорбит о стольких людях! Кто не потужит о таком множестве христиан! Кто не посетует о таком пленении и разрушении!

И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей. А кроме того, сколько принесли татары несчастий и убытка Руси и княжению великому! Сколько сотворили убытков

жениемь, колико град плениша, колико злата и сребра и всякого товара взяшя и всякого узорочьа, колико волостей и селъ повоевашя, колико огнемь пожгоша, колико мечемь посѣкошя, колико в полон поведоша! И аще бы мощно было то вси убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысящ рублев не имет число!

Не по мнозѣх же днех князь Дмитрей посла свою рать на князя Олга Рязанского. Олег же въ мнозѣ дружинѣ едва утече, а землю его Рязанскую до останка взяша и пусту створиша — пуще ему бысть и татарскые рати.

Тогда же бысть сущу Киприану митрополиту на Тфери, и тамо избывшу ему ратнаго нахожениа, и приеха на Москву октября 7.

Тое же осени приеха посол на Москву къ князю Дмитрию от Тахтамыша, именемь Карач, яже о миру. Князь же повелѣ христианам ставити дворы и съзидати грады.

своим ратным нашествием, сколько городов пленили, сколько золота, и серебра, и всякого товара взяли, и всякого добра, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, сколько мечом посекли, сколько в полон повели! И если бы можно было те все тяготы, и несчастья, и убытки сосчитать, то не смею сказать, но думаю, то и тысяча тысяч рублей не равна их числу!

По прошествии же нескольких дней князь Дмитрий послал свою рать на князя Олега Рязанского. Олег же с небольшой дружиной едва спасся бегством, а землю его Рязанскую всю захватили и разорили — страшнее ему было, чем татарская рать.

Киприан же митрополит был тогда в Твери, там и переждал он вражеское нашествие, и приехал в Москву седьмого октября.

Той же осенью приехал посол в Москву от Тохтамыша, именем Карач, к князю Дмитрию с предложением о мире. Князь же велел христианам ставить дворы и отстраивать города.

СЛОВО О ЖИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

СЛОВО О ЖИТЬИ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРИА ИВАНОВИЧА, ЦАРЯ РУСКАГО

Сий убо князь Дмитрий родися от благородну и честну родителю — сынь князя Ивана Ивановича и матере великые княгини Александры. Внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской земли,* корене святого и Богом насаженаго саду, отрасль благоплодна и цвѣт прекрасный царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую,* сродник же бысть новою чюдотворцю Бориса и Глѣба.* Въспитан же бысть въ благочестьи и въ славѣ, съ всяцѣмь наказаниемь духовнымъ, и от самѣх пеленъ Бога възлюби. Отцю же его, великому князу Ивану, оставльшу житие свѣта сего и приимшему небесное селение, сий же оста млад сый, яко лет 9, с любимым си братомъ Иваном.* Потом же и тому преставльшуся, таже и мати его преставися Александра, и пребысть единъ въ области великого княжениа.

И приимшю ему скипетръ дръжавы земля Рускыа, настолование земнаго царства, отчину свою — великое княжение, по данѣй ему благодати от Бога, чести же и славы, еще же млад сый възрастомъ, но духовных прилежаше дѣлесех, пустошных бесѣд не творяше, и срамных глаголъ не *любляше*, а злонравных человѣкъ отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше. И божественых Писаний всегда съ умилениемь послушаше, о церквах Божиих велми печашеся. А стражбу земли Руской мужествомъ дръжаше, злобою отрочя обрѣташеся, а умомъ всегда съвръшенъ бываше. Ратным же всегда въ бранех страшен бываше, и многы врагы, въстающая на нь, побѣди. И славный град Москву стѣнами чюдно огради.* И въ семь мирѣ славен бысть — «яко кедръ в Ливанѣ умножися и яко финиксъ в древеси процвѣте».*

Сему же бывшу лѣт 16, и приведоша ему на брак княгиню Овдотью от земля Суждалскыя,* дщерь великого князя Дмитрия Костянтиновича и матере великые княгини Анны. И възрадовася вся земля о съвокуплении брака ею. И

СЛОВО О ЖИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

СЛОВО О ЖИТИИ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА, ЦАРЯ РУССКОГО

Князь сей Дмитрий родился от именитых и высокочтимых родителей: был он сыном князя Ивана Ивановича, а мать его — великая княгиня Александра. Внук же он православного князя Ивана Даниловича, собирателя Русской земли, корня святого и Богом насажденного сада, благоплодная ветвь и цветок прекрасный царя Владимира, нового Константина, крестившего землю Русскую, и сородич он новых чудотворцев Бориса и Глеба. Воспитан же был он в благочестии и в славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога. Когда же отец его, великий князь Иван, покинул сей мир и удостоился небесной обители, он остался девятилетним ребенком с любимым своим братом Иваном. Потом же и тот умер, также и мать его Александра преставилась, и остался он на великом княжении.

И когда воспринял он скипетр державы земли Русской, престол земного царства, отчину свою — великое княжение, по дарованной ему от Бога благодати, почести и славу, еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквах Божьих усердно заботился. И на страже земли Русской мужественно стоял, беззлобием отроку уподобляясь, а умом — зрелому мужу. Неприятелю же всегда был страшен он в бранях и многих врагов, на него поднимавшихся, победил. И славный град Москву стенами он на диво всем оградил. И в этом мире прославился — словно кедр в Ливане вознесся и словно финиковая пальма расцвел.

Когда же исполнилось ему шестнадцать лет, привели ему в невесты княгиню Авдотью из земли Суздальской, дочь великого князя Дмитрия Константиновича и великой княгини Анны. И обрадовалась вся земля свершению

по брацѣ цѣломудрено живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголиваа ластовица, съ умилением смотряху своего спасениа, въ чистѣи съвѣсти, крѣпостию разума предръжа земное царство и к небесному присягаа, и плотиугодиа не творяху.

Аки кормьчий крѣпок противу вѣтром влъны минуя, направляемь Вышняго промышлениемь, и яко пророкь на стражи Божиа смотрениа, тако сматряше своего царствиа. И умножися слава имени его, яко и святого князя Володимера, и въскипѣ земля Рускаа в лѣта княжениа его, яко преже обѣтована Израилю. И страхомь господьства своего огради всю землю; от всток и до запад хвално бысть имя его, от моря и до моря, и от рѣкъ до конець вселеныа превознесеся честь его. Царие земстии, слышаще его, удивишася, и многыа страны ужасошася.

Врази же его взавидѣша ему, живущии окрестъ его, и навадиша на нь нечьстивому Мамаю, так глаголюще: «Дмитрий, великый князь, себе именует Руской земли царя, и паче честнѣйша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию». Он же наваженъ лукавыми съвѣтникы, иже христианскы вѣру дръжаху, а поганых дѣла творяху, и рече Мамай князем и рядцамъ своим: «Преиму землю Рускую, и церкви христианскыя разорю, и вѣру их на свою преложу, и велю покланятися своему Махмету. Идеже церкви были, ту ропаты* поставлю и баскаки* посажаю по всѣм градомъ рускымь, а князи рускыа избию». Аки и преже Агагъ, царь васанескь, похвалися на кивот завѣта Господня, иже в Силомѣ: сице похвалився, самъ погыбе.*

И посла преже себе Мамай воеводу поганаго Бегича с великою силою и съ многыми князьми. Се же слышав князь Дмитрий и поиде въ срѣтение ему съ многою силою Рускыа земля. И сѣступися с погаными в Рязанской земли на рѣцѣ Вожи, и поможе Богъ и святаа Богородица Дмитрию, а поганыа агаряны посрамлены быша: овы изсѣчени бышя, а иныа побѣгоша; и възвратися Дмитрий с великою побѣдою. И тако ти заступаше Рускую землю, отчину свою.

И бестудный Мамай срама исплънися,* в похвалы мѣсто безчестие прииде ему. И поиде самъ на Рускую землю, похвалився на Дмитриа, исплъни сердце свое злаго безакониа. Слышавше же князь Дмитрий, и въздохнув из глубины сердца к Богу и к пречистѣй его Матери, и рече: «О, пресвятая госпоже Богородице-дево, заступнице и помощнице миру, моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достинъ буду славу и живот свой положити за имя Сына твоего и за твое, иноя бо помощница не имамы развѣе тебе, Госпоже. Да не порадуються враждующии мнѣ бес правды, ни ркут погании: „Где есть богъ их,* на негоже уповаша?" — да постыдятся вси являющеи злаа рабомъ твоим. Яко азъ рабъ твой есмь и сынь рабы твоея, испроси ми, Госпоже, силу и помощъ от святого жилища твоего и Бога моего на злаго моего супостата и нечьстиваго

их брака. И после брака жили они целомудренно, словно златогрудый голубь и сладкоголосая ласточка, с благочестием пеклись о спасении своем, с чистой душой и ясным умом держа земное царство и готовя себя к небесному, и плоти своей не угождали.

Как кормчий крепкий, идя навстречу ветру, обходит волны, направляемый промыслом Всевышнего, и как пророк стоит на страже Божественного устроения, так и он правил своим царством. И умножилась слава имени его, как некогда слава святого князя Владимира, и расцвела земля Русская в годы княжения его, как прежде земля Израиля обетованная. И могуществом власти своей оградил он всю землю; от востока и до запада прославлено было имя его, от моря и до моря, и от рек до конца вселенной разнеслась слава его. Цари земные, слыша о нем, дивились, и многие страны трепетали.

Враги же, живущие вокруг земли его, позавидовали ему и наклеветали на него нечестивому Мамаю, так сказав: «Дмитрий, великий князь, называет себя царем Русской земли и считает, что превзошел тебя славой, и противостоит твоему царству». Мамай же, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых, сказал князьям и вельможам своим: «Захвачу землю Русскую, и церкви христианские разорю, и веру их на свою переменю, и повелю поклоняться своему Магомету. А где церкви были, тут ропаты поставлю и баскаков посажу по всем городам русским, а князей русских перебью». Как прежде Агаг, царь васанский, похваляясь, выступил против кивота завета Господня, бывшего в Силоме: похвалившись так, сам и погиб.

И послал Мамай сначала воеводу поганого Бегича с большим войском и со многими князьями. Услышав о том, князь Дмитрий пошел ему навстречу с великими силами земли Русской. И сошлись с погаными в Рязанской земле на реке Воже, и помог Бог и святая Богородица Дмитрию, а поганые агаряне были посрамлены: одни перебиты были, а другие обратились в бегство; и возвратился Дмитрий с великой победой. И так вот защищал он Русскую землю, отчину свою.

И бесстыдный Мамай покрыл себя позором, вместо хвалы бесчестие приобрел. И двинулся он сам, бахвалясь, на Русскую землю, и на Дмитрия, обуреваемый злобными и беззаконными мыслями. Услышав же об этом, князь Дмитрий, преисполнившись скорби, обратился к Богу и к пречистой его Матери и сказал: «О пресвятая госпожа Богородица-дева, заступница миру и помощница, моли Сына своего за меня, грешного, да удостоюсь славу и жизнь свою положить во имя Сына твоего и твое, ибо не имеем другой помощницы, кроме тебя, Госпожа. Да не порадуются неправедные враги мои, да не скажут поганые: „Где же бог их, на которого они уповают?", да будут посрамлены все творящие зло рабам твоим. Так как я раб твой и сын рабы твоей, испроси мне, Госпожа, силу и помощь от святой обители твоей и от Бога моего против моего супостата

врага. Постави ми, Госпоже, стлъпъ крѣпости от лица вражиа, и възвеличи имя христианское над погаными агаряны».

И призва велможя своя и вси князи Рускыа земля, сущаа под властию его, и рече к ним: «Лѣпо есть намь, братие, положити главы своя за правовѣрную вѣру христианскую, да не преяти будут гради наши погаными, ни запустѣют святыа Божиа церкви, и не разсѣани будемь по лицу всеа земля, ни поведени будут в полонъ жены и чада нашя, да не томими будемь погаными по вся дни, аще за нас умолит Сына своего и Бога нашего пречистаа Богородица». И отвѣщашя ему князи рускые и велможя его: «Господине руский царю! Ркли есмя, тобѣ служа, живот свой положити, а нынѣ тебе дѣля кровь свою прольемь, и своею кровию второе крещение приимемь».

И *въсприимъ* Авраамлю доблесть,* помолився Богу и помощника имуще святителя Петра,* новаго чюдотворца и заступника Рускыа земля, и поиде противу поганаго, аки древний Ярославь, на злочестиваго Мамаа, втораго Святоплъка.* И срѣте его в татарскомь полѣ, на рѣцѣ Дону. И сступишяся плъци, аки тучи силнии, и блеснушася оружиа, аки молниа в день дождя. Ратнии же сѣчахуся за рукы емлюще, по удольем же кровь течаше, и Донъ рѣка потече с кровию смѣсившеся, *и главы татарьскы* акы камение валяшеся, и трупиа поганыхъ акы дубрава посѣчена. Мнози же достовѣрнии видяху аггелы Божиа, помогающа христианомъ. И поможе Богъ князю Дмитрию, и сродници его, святаа мученика Борис и Глѣбь; и окааный Мамай от лица его побѣже. Треклятый же Святоплъкъ в пропасть побѣже, а нечьстивый Мамай без вѣсти погыбе. И възвратися князь Дмитрий с великою побѣдою, якоже преже Моиси, Амалика побѣдив.* И бысть тишина в Руской земли. И тако врази его посрамишася. Иныя же страны, слышаще побѣды даныа ему на врагы от Бога, и вси под руцѣ его поклонишася; росколници же и мятежници царства его вси погыбошя.

Обычай же имяше князь: яко Давидъ богоотець Сауловы дѣти миловаше,* а сий неповинныя любляше, повинныа же пращааше. По великому же Иову* — яко отець есть миру, око слѣпым, нога хромымъ, стлъпъ и стражь, и мѣрило извѣстно, къ съвѣту правя подвластныа, от вышняго промысла правление приимь... роду человечьскому, всяко смятение мирское исправляше — высокопаривый орелъ, огнь, попаляа нечестие, баня, мыющая скверну, гумно чистотѣ, вѣтръ плевелу, одръ трудившимся по Бозѣ, труба спящимъ, воевода мирный, вѣнець побѣды, плавающимь пристанище, корабль богатству, оружие на врагы, стѣна нерушима, меч ярости, зломыслящимь сѣть, степень неразрушимъ, зерцало житию, с Богомъ все творя и по Бозѣ побарая, высокый умъ, смѣреный смыслъ, вѣтром тишина, пучина разуму. Князя рускыа въ области своей крѣпляше, велможам своим тих и увѣтлив в нарядѣ бываше, никогоже оскръбляше, но всѣх равно любляше, младых словесы наказааше, и всѣмь доволъ подавааше, и к требующимъ руцѣ простираше.

и нечестивого врага. Воздвигни мне, Госпожа, крепость силы перед лицом врага и вознеси имя христианское перед погаными агарянами».

И призвал он вельмож своих и всех князей Русской земли, бывших под властью его, и сказал им: «Должно нам, братия, сложить головы свои за правую веру христианскую, да не будут захвачены города наши погаными и не запустеют святые Божии церкви, и не будем рассеяны мы по всей земле, да не будут уведены в полон жены и дети наши, да не будем притесняемы погаными во все времена, если за нас умолит Сына своего и Бога нашего пречистая Богородица». И отвечали ему князья русские и вельможи его: «Господин наш русский царь! Обещали мы, служа тебе, жизнь свою отдать, и ныне ради тебя кровь свою прольем, и своею кровью второе крещение примем».

И восприняв Авраамову доблесть, помолившись Богу и призвав на помощь святителя Петра, нового чудотворца и заступника Русской земли, пошел князь, подобно древнему Ярославу, на поганого, на злочестивого Мамая, второго Святополка. И встретил его в татарском поле на реке Дон. И сошлись полки, как сильные тучи, и заблистало оружие, как молния в дождливый день. Ратники же бились врукопашную, по долинам кровь текла, и вода Дона-реки с кровью смешалась. А головы татарские, словно камни, падали, и трупы поганых лежали подобно посеченной дубраве. Многие же благоверные видели ангелов Божиих, помогавших христианам. И помог Бог князю Дмитрию, и родичи его, святые мученики Борис и Глеб; и побежал окаянный Мамай перед лицом его. Треклятый Святополк на гибель побежал, а нечестивый Мамай безвестно погиб. И возвратился князь Дмитрий с великой победой, как прежде Моисей, Амалика победив. И наступила тишина в Русской земле. И так враги его были посрамлены. Другие же страны, услышав о победах над врагами, дарованных ему Богом, все признали силу его; раскольники же и мятежники царства его все погибли.

Обычай был у князя: как Давид-богоотец Сауловых детей помиловал, так он безвинных любил, а виновных прощал. Подобно великому Иову, словно отец был людям, око слепым, нога хромым, опора и защита, образец всем. К свету направляя подданных, от вышнего промысла власть получив... над родом человеческим, он всякое заблуждение в людях исправлял — высоко парящий орел, огонь, выжигающий нечестие, баня, смывающая скверну, гумно чистое, ветер плевелу, постель трудившимся во имя Бога, труба, пробуждающая спящих, мирный воевода, венец победы, плавающим пристанище, корабль богатству, оружие на врагов, стена нерушимая, меч ярости, злоумышляющим — сеть, ступень неразрушимая, зеркало житию, с Богом все творящий и за него борющийся, высокий умом, смиренный в помыслах, ветрам тишина, глубина разуму. Князей русских в земле своей сплачивал, в приказаниях вельможам своим спокоен и приветлив бывал, никого не оскорблял, и всех одаривал, нуждающимся же руку помощи подавал.

Еще же дрьзну несрамно рещи о житии сего нашего царя Дмитриа, да се слышаще, царие и князи, научитеся тако творити.

От юны бо версты Бога възлюби и духовных прилежа дѣлех, аще и книгамь не ученъ бѣаше добрѣ, но духовныа книгы въ сердци своемь имяше. И се едино повѣмь от житиа сего: тѣло свое чисто съхрани до женитвы, церковь себе съблюде святому Духу нескверньну. Очима зряше часто к земли, от неяже взятъ бысть, душю же и умъ простираше к небеси, идѣже лѣпо есть ему пребывати. И по брацѣ съвокупленииа тоже тѣло чисто съблюде, грѣху не причастно. Божественаго апостола Павла сбыстся о немь глаголющее, еже рече: «Вы есте церкви Бога живаго, якоже рече: „Вселюся в ня и похожу"».* Царьскый убо санъ дрьжаше, а аггелскы живяше, постомъ и молитвою по вся нощи стояше, сна же токмо мало приимаше; и пакы по малѣ часѣ на молитву встаяше, и подобу благу все творяше. В бернѣм телеси бесплотных житие съвръшаше. Землю Рускую управляше, на престолѣ сѣдяше, яко пещеру в сердци дрьжаше, царскую багряницю и вѣнець ношаше, а в чернечьскыа ризы по вся дни облещися желаше. По вся часы честь и славу от всего мира прииимаше, а крестъ Христовь на раму ношаше, божествныа дни поста въ чистотѣ храняше, а по вся неделя от святых таинъ приимаше. Преочистованну душу пред Богомъ хотяше поставити; поистинѣ явися земный аггелъ, небесный человѣкъ.

И поживе лѣт с своею княгинею Оводотьею лѣт 22 в цѣломудрии, и прижит сыны и дщери, и въспита в благочьстии. А княжение великое дрьжаше, очину свою, лет 29 и шесть мѣсяць, и многы труды показа и побѣды, яко никтоже инъ, а всѣх лѣт житья его 38 и пять мѣсяць. И посем разболѣся и прискорьбен бысть велми. Потом же легчае бысть ему, и възрадовася великаа княгини радостию великою и сынове его, и велможи царства его. И пакы впаде в болшую болезнь, и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутрьнимь его, уже приближися к смерти душа его.

В то же время родися ему сынь Костянтинъ. И призва к собѣ княгиню свою, и ины сыны своя, и бояре своя, и рече: «Послушайте мене вси. Се бо аз отхожу к Господу моему. Ты же, драгаа моя княгини, буди чядом своим отець и мати, наказающи их и укрѣпляющи, все творяще по заповѣдемь Господнимь: послушливым и покорливымь быти, Бога боятися и родителя своя чьстити, и страх ихъ дрьжати в сердци своемь вся дни живота своего». И рече сыномъ своимъ: «Вы же, сынове мои, плод чрева моего, Бога боитеся, помните писаное: „Чьсти отца и матере, да благо ти будет".* Мирь и любовь межи собою имѣйте. Аз бо предаю вас Богови и матери вашей, и под страхомь ея будите всегда. Обяжите собѣ заповѣдь мою на шию свою, и вложите словеса моя в сердце ваше. Аще ли не послушаете родитель своихъ, помянѣте писаное: „Клятва отчяа домъ чядом раздрушит, и матерне

И еще дерзну и не постыжусь поведать о житии нашего царя Дмитрия, да, услышав это, цари и князья научатся так же поступать.

С юных лет Бога он возлюбил и усердствовал в духовных делах, хотя и не изощрен был в книжной премудрости, но духовные книги в сердце своем держал. И еще одно поведаю о жизни его: тело свое в чистоте сберег до женитьбы, церковь свою сохранил святому Духу неоскверненной. Очи всегда опускал к земле, из которой и взят был, душу же и ум обращал к небу, где и подобает ему пребывать. И после бракосочетания так же тело в чистоте соблюдал, к греху непричастным. Сбылись на нем слова божественного апостола Павла, который сказал: «Вы — храм Бога живого, говорившего: „Вселюсь в них и в них пребуду"». Царским саном облеченный, жил он по-ангельски, постился и все ночи простаивал на молитве, сну лишь ненадолго предаваясь; вскоре снова вставал на молитву и в такой благости всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных. Землею Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облечься желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а крест Христов на плечах носил, божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресение святых таинств приобщался. С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать; поистине земной явился ангел и небесный человек.

И прожил он со своей княгиней Авдотьей двадцать два года в целомудрии, и имел с ней сыновей и дочерей, и воспитал их в благочестии. А княжение великое держал, отчину свою, двадцать девять лет и шесть месяцев, и многие славные деяния свершил, и победы одержал как никто другой, а всех лет жизни его было тридцать восемь и пять месяцев. А потом разболелся он и мучился сильно. Но после полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня радостью великою, и сыновья его, и вельможи царства его. И снова впал он в еще больший недуг, и стоны охватили сердце его, так что разрывалось нутро его, и уже приблизилась к смерти душа его.

В то же время родился у него сын Константин. И призвал князь к себе княгиню свою, и других сыновей своих, и бояр своих, и сказал: «Послушайте меня все. Вот и отхожу я к Господу моему. Ты же, дорогая моя княгиня, будь детям своим за отца и мать, укрепляя дух их и наставляя все делать по заповедям Господним: послушными и покорными быть, Бога бояться и родителей своих почитать, и страх пред ними хранить в сердце своем во все дни жизни своей». И сказал сыновьям своим: «Вы же, сыны мои, плод мой, Бога бойтесь, помните сказанное в Писании: „Чти отца и мать, и благо тебе будет". Мир и любовь между собой храните. Я же вручаю вас Богу и матери вашей, и в страхе перед нею пребудьте всегда. Повяжите заветы мои на шею себе и вложите слова мои в сердце ваше. Если же не послушаете родителей своих, то вспомните потом написанное: „Проклятие отца дом детей его разрушит, а вздохи матери

въздыхание до конца искоренить".* Аще ли послушаете — длъголѣтни будете на земли и в благыхъ пребудет душя вашя, и умножится слава дому вашего, врази ваши падут под ногами вашими, и иноплеменници побѣгнут от лиця вашего, и облегчится тягота земли вашей, и умножатся нивы вашя обильемь. Бояре своя любите, честь имь достойную въздающе противу служению их, без воля их ничто же творите. Привѣтливи будете къ всѣм. Но все творите с повелѣниемь родителя своего».

И рече бояромь своим: «Сберѣтеся ко мнѣ, да скажу вамъ, еже створях в житьи своемь. Старцы — яко отцы, средовѣчь — яко братья, младии — яко чада. Вѣдаете обычай мой и нрав: пред вами ся и родихъ и при вас възрастох, с вами и царствовах, и землю Рускую дръжах 27 лѣт, а от рожениа ми 40 лѣт. И мужъствовах с вами на многы страны, и противным страшен бых в бранех, и поганыа низложих Божиею помощию, врагы покорих, княжение укрѣпих, миръ и тишину на земли сътворих. Отчину свою с вами съблюдох, еже ми предалъ Богъ и родители моя, к вамь честь и любовь имѣх, под вами грады дръжах и великыа волости. И чяда вашя любих, никому же зла не створих, ни силно что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни безчинствовах, но всѣх любих и въ чести дръжахъ, и веселихся с вами, с вами же и скръбѣх. Вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей. Нынѣ же помяните словеса своя, яже рекосте къ мнѣ въ время свое: „Длъжни есмы тобѣ служа и дѣтемъ твоим главы своя положити". Укрѣпите истиною, послужите княгини моей и чядом моимъ от всего сердця своего, въ время радости повеселитеся с ними, и въ время скръби не оставите их: да скръбь ваша на радость преложится. Богъ же мира да будет с вами».

И призвавъ сына своего прьвие болшаго, князя Василья,* на старѣйший путь,* предасть в руцѣ его великое княжение, яже есть столъ отца его, и дѣда, и прадѣда, съ всѣми пошлинами, и далъ есть ему отчину свою — Рускую землю. И раздавал же есть комуждо своимь сыномъ: и грады своя въ отчину имъ предасть по части, и жребий княжениа их, на чемь им княжити и жити, и по жребью раздѣли имъ землю. Второму сыну своему, князю Юрью,* далъ есть Звенигород съ всѣми волостьми и съ всѣми пошлинами, такоже и Галич, яже нѣколи бывало княжение Галицкое,* съ всѣми вълостьми и съ всѣми пошлинами. Третиему же сыну своему, князю Андрею,* далъ есть град Можаескъ, да другый городок — Бѣлоозеро, съ всѣми волостьми и съ всѣми пошлинами; се же княжение нѣколи бывало Белоозерское. Четвертому же сыну своему, князю Петру,* далъ есть город Дмитровъ съ всѣми волостьми и съ всѣми пошлинами.

И тако утвръдив златопечатною грамотою, и лобызав княгиню и дѣти своя, и бояре своя конечнымь лобзаниемь, и благослови их, и пригнувъ руцѣ к персемъ, и тако предасть святую свою и непорочную душу в руцѣ истиннаго Бога майа въ 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5-й недели по Пасцѣ

до конца искоренят". Если же послушаете — будете долго жить на земле, и в благоденствии пребудет душа ваша, и умножится слава дома вашего, враги ваши падут под ногами вашими, и иноплеменники побегут пред лицом вашим, избавится от невзгод земля ваша, и будут нивы ваши изобильны. Бояр своих любите, честь им воздавайте по достоинству и по службе их, без согласия их ничего не делайте. Приветливы будьте ко всем и во всем поступайте по воле родителя своего».

И сказал боярам своим: «Подойдите ко мне, да поведаю вам, что совершил я в жизни своей. Старцы — что отцы мне были, средних лет мужи — словно братья, молодые же — как дети. Знаете привычки мои и нрав: при вас я родился, на глазах у вас вырос, с вами и царствовал и землю Русскую держал двадцать семь лет, а от рождения мне сорок лет. И воевал с вами против многих стран, и супротивным страшен был в бранях, и поганых попрал Божьей помощью, врагов покорил, княжество укрепил, мир и тишину на земле водворил. Отчину свою, которую передал мне Бог и родители мои, с вами сберег, чтил вас и любил, под вашим правлением свои города держал и великие волости. И детей ваших любил, никому зла не причинял, ничего силой не отнимал, не досаждал, не укорял, не разорял, не бесчинствовал, но всех любил и в чести держал, и веселился с вами, с вами же и горе переносил. Вы же назывались у меня не боярами, но князьями земли моей. Ныне же вспомните о словах своих, сказанных мне в свое время: „Должны мы, тебе служа и детям твоим, за вас головы свои сложить". Скрепите их правдою, послужите княгине моей и детям моим от всего сердца своего, в часы радости повеселитесь с ними, а в горе не оставьте их: пусть сменится скорбь ваша радостью. Да будет мир между вами».

И, призвав сначала сына своего старшего, князя Василия, на старейший путь, передал в руки его великое княжение — стол отца его, и деда, и прадеда, со всеми пошлинами, и передал ему отчину свою — Русскую землю. И раздавал каждому из своих сыновей: передал им часть своих городов в отчину, и каждому долю в княжении их, где кому из них княжить и жить, и каждому из них дал по праву его землю. Второму сыну своему, князю Юрию, дал Звенигород со всеми волостями и со всеми пошлинами. Третьему же сыну своему, князю Андрею, дал город Можайск, да другой городок — Белоозеро, со всеми волостями и со всеми пошлинами; это княжение было когда-то Белозерским. Четвертому же сыну своему, князю Петру, дал город Дмитров со всеми волостями и со всеми пошлинами.

И так утвердил он все это златопечатной грамотой, и, поцеловав княгиню, и детей своих, и бояр своих прощальным целованием, благословил их, и, сложив руки на груди, предал святую свою и непорочную душу в руки истинного Бога девятнадцатого мая, в день памяти святого мученика Патрикия,

в среду, въ 2 час нощи. Тѣло же его честное на земли остася, а святая его душя въ небесныа кровы вселися.

Егда же преставися благовѣрный и христолюбивый, благородный князь Дмитрий Иванович всея Руси, и просвѣтися лице его, яко аггелу. Видѣв же его княгини мрътва на постели лежаша, въсплакася горкымъ гласом, огньныа слезы от очию испущающи, утробою распаляющи, в перси своя руками бьюще. Яко труба, рать повѣдающи, яко ластовица, рано шепчущи, и арганъ сладковѣщающий, глаголаше: «Како умре, животе мой драгый, мене едину вдовою оставив! Почто азъ преже того не умрох? Како заиде свѣт от очию моею! Где отходиши, съкровище живота моего, почто не проглаголеши ко мнѣ, утроба моя, к женѣ своей? Цвѣте прекрасный, что рано увядаеши? Винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцю моему и сладости души моей! Чему, господине мой милый, не възриши на мя, чему не промолвиши ко мнѣ, чему не обратишися ко мнѣ на одрѣ своемъ? Ужели мя еси забыл? Что ради не възриши на мене и на дѣти свои, чему имъ отвѣта не даси? Кому ли мя приказываеши? Солнце мое, — рано заходиши, мѣсяць мой свѣтлый, — скоро погибаеши, звѣздо всточная, почто к западу грядеши? Царю мой милый, како приму тя и како тя обойму или како ти послужу? Где, господине, чьсть и слава твоя, где господьство твое? Господинъ всей земли Руской былъ еси — нынѣ же мертвъ лежиши, никим же владѣеши! Многы страны примирилъ еси и многы побѣды показал еси, нынѣ же смертию побѣженъ еси. И измѣнися слава твоя, и зракъ лица твоего превратися въ истлѣние. Животе мой, како намилуюся тебе, како повеселюся с тобою! За многоцѣнныа багряница* — худыа сиа и бѣдныа ризы приемлеши, не моего наряда одѣание на себе въздѣваеши, и за царский вѣнець худымь симь платомъ главу покрываеши, за полату красную гробъ си приемлеши! Свѣте мой свѣтлый, чему помрачился еси? Горо великаа, како погыбаеши! Аще Богъ услышит молитву твою, помолися о мнѣ, о своей княгини: вкупѣ жих с тобою, вкупѣ нынѣ и умру с тобою, уность не отиде от нас, а старость не постиже нас. Кому прикажеши мене и дѣти своя? Не много, господине, нарадовахся с тобою: за радость и веселие печаль и слезы приидошя ми, за утѣху — сѣтование и скорбь яви ми ся. Почто родихся и, родився, преже тебе како не умрох, да бых не видѣла смерти твоеа, а своеа погыбели! Не слышиши ли, княже, бѣдных моих словесъ, не *смилят ли ся* моя горкыа слезы? Крѣпко еси, господине мой драгый, уснулъ, не могу разбудити тебе! С которыа войны еси пришел, истомился еси велми? Звѣри земнии на ложе свое идут, а птиця небесныа к гнѣздомь своимъ летят, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши!* Кому уподоблюся и како ся нареку? Вдова ли ся нареку? Не знаю азъ сего. Жена ли ся *нареку*? Остала есмь царя. Старыа вдовы потѣшите мене, а младыя вдовы со мною поплачите: вдовиа бо бѣда горчае всѣх люди. Како ся въсплачю или како възъглаголю: „Великый мой Боже, царь царемь, заступникь ми буди!

на пятой неделе после Пасхи в среду, в два часа ночи. Тело его честное осталось на земле, душа же его святая в небесную обитель вселилась.

Когда же преставился благоверный и христолюбивый, благородный князь всея Руси Дмитрий Иванович, озарилось лицо его ангельским светом. Княгиня же, увидев его мертвым на постели лежащего, зарыдала во весь голос, горячие слезы из глаз испуская, нутром распаляясь, била себя руками в грудь. Словно труба, на бой созывающая, как ласточка, на заре щебечущая, словно свирель сладкоголосая, причитала: «Как же ты умер, жизнь моя бесценная, меня одинокой вдовой оставив! Почему я раньше не умерла? Померк свет в очах моих! Куда ушел ты, сокровище жизни моей, почему не промолвишь ко мне, сердце мое, к жене своей? Цветок прекрасный, что так рано увядаешь? Сад многоплодный, уже не даруешь плода сердцу моему и радости душе моей! Почему, господин мой милый, не взглянешь на меня, почему ничего не промолвишь мне, не обернешься ко мне на одре своем? Неужели забыл меня? Почему не посмотришь на меня и на детей своих, почему им не ответишь? На кого ты меня оставляешь? Солнце мое, — рано заходишь, месяц мой светлый, — скоро меркнешь, звезда восточная, почему к западу отходишь? Царь мой милый, как встречу тебя и как обниму тебя или как послужу тебе? Где, господин, честь и слава твоя, где господство твое? Господином всей земли Русской был — ныне же мертв лежишь, никем не владеешь! Многие страны усмирил и многие победы показал, ныне же смертью побежден. И померкла слава твоя, и на лицо твое легла печать смерти. Жизнь моя, как приласкаюсь к тебе, как повеселюсь с тобой! Вместо драгоценной багряницы облачаешься в простые и бедные ризы, не мною расшитую одежду на себя надеваешь, вместо царского венца простым платом голову покрываешь, вместо палаты красной гроб себе приемлешь. Свет мой светлый, почему ты померк? Гора высокая, как ты рушишься! Если Бог услышит молитву твою, помолись обо мне, о своей княгине: вместе с тобою жила, вместе с тобою и умру ныне, юность не оставила нас, и старость еще не настигла. На кого оставляешь меня и детей своих? Не много, господин, нарадовалась я с тобою: вместо радости и веселья печаль и слезы пришли ко мне, вместо утехи — сетование и скорбь мне явились. Зачем родилась и, родившись, прежде тебя почему не умерла, — не видела бы тогда смерти твоей, а своей погибели! Неужели не слышишь, князь, печальных моих слов, неужели не трогают тебя мои горькие слезы? Крепко, господин мой дорогой, уснул, не могу разбудить тебя! С какой битвы пришел ты, истомившись так? Звери земные в норы свои идут, а птицы небесные к гнездам своим летят, ты же, господин, от своего дома без радости отходишь! Кому уподоблюсь и как себя нареку? Вдовой ли себя назову? Не знаю сама. Женой ли себя назову? Лишилась я царя! Старые вдовы, утешьте меня, а молодые вдовы, со мною поплачьте: вдовье горе тяжелее всех у людей. Как восплачу или как

Пречистаа госпоже Богородице, не остави мене, въ время печали моеа не забуди мене!"».

И принесше его в церковь святого архаггела Михаила, идѣже есть гробъ отца его, и дѣда, и прадѣда, и пѣвше над нимъ обычное надгробное пѣние, положиша его в гробъ месяца майя въ 20 день, на память святого мученика Фалелиа. И плакашя над ним князи и бояре, велможи и епископи, архимандриты и игумены, попове и диаконе, чрънориизци и всь народ от мала и до велика, и нѣсть такова, кто бы не плакалъ, и пѣниа не слышати въ мнозѣ плачи. Бѣ же ту гость — митрополит тряпезонскый, Феогностъ гречин,* и владыка смоленскый Данило, и Сава, епископь *сарайскый*, и Сергий игумен, преподобный старець, и инии мнози; разидошася, многа плача наполнившеся.

Пятый же сынь его, Иван, преставися, а шестый сынь его, Костянтинъ, яже есть менший, мезиный, тогда бо четверодневну сущу ему по отцѣ оставшуся, седьмый же сынь его старѣиший — Данило.*

О страшное чюдо, братие, дива исплънено, о трепетно видѣние! Ужасъ одръжаше *вся*! Слыши, небо, внуши земле! Како въспишу ти и како възглаголю о преставлении твоемь: от горести душя языкъ стязается, уста загражаются, гортань премлъкает, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣвает, крѣпость изнемогается. Аще ли премолчу, нудит мя языкь яснѣе рещи.

Егда же успе вѣчным сномь великый царь Дмитрий Рускыа земля, аеръ възмутися, и земля трясашеся, и человѣци смятошяся. Что нареку день той — день скръби и тугы, день тмы и мрака, день бѣды и печали, день въпля и слез, день сѣтованиа и жалости, день поношениа и страсти, день захлипания и кричаниа, недоумѣю рещи — яко день погибели! Но токмо слышах мног народ глаголющъ: «О, горе нам, братие! Князь князем успе, господинъ владствующим умре! Солнце помрачается, луна облаком закрывается, звѣзда, сиающия всему миру, к западу грядет!».

Да си, глаголю, понуди мя Слово писати житие сего. Никтоже почюдится, еже помыслъ даяше сложению рѣчи утвержениа, помощника бо представляю к похвалѣ Бога святому, якоже и глаголется, Богъ Авраамов и Исааков и Иаковль, преизлишныа любве, и добродѣтели царя, ничтоже прилагая онѣх древних еллинскых философ повѣстей, но по житию достовѣрныа похвалы. Аки в зерцалѣ имый смѣсна разуму божествнаа Писания. Которых убо в мирѣ, тако свѣтлое и славное, чьсти достойное житие просиа и имя възрасте над человѣки! Красень бѣ взоромь и чистъ душею, съвръшенъ разумом. *Иному* убо ино сказание бывает на чьсть, похвалы прилаганиа дружня любы понужает. Великому же сему благочестиа дръжателю — от жития свѣтлости украшение, и от прародитель святолѣпие.

По великому Дионисию:* говоръ водѣ вѣтромъ бывает, и мокрота земли солнцемь погыбаеть. Умъ — владѣтель чювьствиемъ человѣчьскымъ, спряжениемь чювства умъ в сердци сад вкореняет, сердце же плод умный языкомь

воскричу:„Великий мой Боже, царь царей, будь мне заступником! Пречистая госпожа Богородица, не оставь меня, в дни печали моей не забудь меня!"».

И принесли его в церковь святого архангела Михаила, где стоит гроб отца его, и деда, и прадеда, и, отпев его по обычаю, положили его в гроб месяца мая в двадцатый день, на память святого мученика Фалалея. И плакали над ним князья и бояре, вельможи и епископы, архимандриты и игумены, попы и дьяконы, черноризцы и весь народ от мала и до велика, и не было никого, кто бы не плакал, и было не слышно пения в громком плаче. Был тут гость — митрополит трапезундский, грек Феогност, и владыка смоленский Данило, и Савва, епископ сарайский, и Сергий-игумен, преподобный старец, и многие другие; разошлись все, горько плача.

Пятый же сын его, Иван, умер, а шестой сын его, Константин, самый маленький, еще младенец, ибо остался он тогда после отца четырехдневным, седьмой же сын его старший — Данило.

О страшное чудо, братия, удивления исполнено, о видение, приводящее в трепет. Ужас объял всех! Услышь, небо, и поведай земле! Как напишу о тебе и как возглашу о преставлении твоем: от горя душевного язык немеет, уста затворяются, голос пропадает, разум мутнеет, взор меркнет, сила слабеет. Если ж умолкну, заставляет меня язык яснее прежнего говорить.

Когда же уснул вечным сном великий царь земли Русской — Дмитрий, воздух взмутился, и земля тряслась, и люди пришли в смятение. Как назову тот день — день скорби и уныния, день тьмы и мрака, день беды и печали, день вопля и слез, день сетования и горести, день поношения и страдания, день рыдания и возгласов отчаяния, не решаюсь сказать — день погибели! Только и слышал я, как множество людей говорило: «О, горе нам, братья! Князь князей почил, господин властителей умер! Солнце затмевается, луна облаком закрывается, звезда, сияющая на весь мир, к западу грядет».

Скажу, что слово Божье понудило меня писать житие его. И пусть никто не дивится, что дан мне разум, чтобы составить и построить эту речь, ибо Бога имею помощником в похвале святому — Бога Авраама, и Исаака, и Иакова. Бога истинной любви, царя добродетели; ничего не прибавляю от сочинений древних языческих философов, но согласно жизни его слагаю ему правдивые похвалы. Словно в зеркале вижу его, подобного мудрости божественного Писания. Чья еще в мире так же просияла светлая, и славная, и чести достойная жизнь, и чье имя так возвысилось в людях! Прекрасен обликом и чист душою, совершенен умом! О ином ведь слагают сказания для славы, к сложению похвал побуждает дружеская любовь. Великому же этому поборнику благочестия — светлая жизнь его украшение, и предков достоинство.

По словам великого Дионисия: говор воды ветром вызывается и влага земли солнцем иссушается. Ум — властитель чувствам человеческим, в соединении с чувством ум в сердце сад взращивает, сердце же плод ума речью миру

миру подаваеть. Такоже князь Дмитрий знаменит в родѣх бысть; нѣсть убо лѣпо инѣмь родителемь таково чядо родити, ниже убо достойно таковому пречюдному чаду от инѣх родитель родитися, аще не бы смотрениемь всѣх сьдѣтеля Бога. Кое ли приложение славѣ его сдѣлаю, ибо немѣримо есть яко ни море в него текущихъ рѣкъ, есть бо и бес того полно. И нѣсть бо человѣкомъ в начатцѣ похваление бывает, инѣм же в средовѣчие, другым же в старость. Сий же убо всь с похвалою добродѣтели вся лѣта жития своего сверши, един же благочестенъ родися, многымъ прародителемъ славу прорасти. Бчелы ничим же хужшу ему быти* разумѣю, медоточныа глаголы испущаа, цвѣтовных словес сотъ съплѣтаа, да клѣтца сладости сердцю испльнить; предсѣданиемь словес учитель препираше, и философ уста смотрениемь загражаше. Никый же сбесѣдникь ему подобень бываше: Божию мудрость в сердци дрьжаше, и сбесѣдникь ему втаинѣ бываше, крутыми словесы рѣчи отметаше, в малѣ глаголаше, а много разумѣваше; царскымь путемь хожаше.

Аки вода раздѣляеться от единого искипѣниа надвое — и пакы сходится, якоже вси человѣци земнии на высоту зряще, недостижно, помышляют сѣдящего на ней, тако и мысль предтѣкает ми глаголати о семь велицѣм цари. Зависть бо есть печаль о искреняго добрѣ, ревность же подобие благымъ теплотамъ любви, *обаче* благоизволение и славу имуща. Еже и мудрый рече, яко любовнику душя в тѣлѣ любимаго. Се и азъ не срамляюся глаголати, яко обѣма едина душя бѣ двѣ *телѣ* носяще и едино обѣма добродѣтелное житие, к будущей славѣ взирающе очима на высоту. Тако и сий подружие имяше, и в цѣломудрии живяста. Якоже и желѣзо огнемь разгарается и водою калиться остроты ради, тако и сиа огнемь Божиа духа распалахуся и слезами покааниа очищахуся. Кто ли убо так сѣдъ разумомъ преже старости? Зане и Соломон старость сказаеть цѣломудрие, а не бѣлость власом глаголя. Сего же ревение к Богу тако бывает, аки огнь дыхая скважнею, очима сматряющих на нь сердце устрашает. Душа же его аки нѣкако бремя, а реку: *бременен* кормникъ полнъ добраго наима, яко мощно человѣчьскому существу не бѣ где вмѣстити. Врач убо не бывает никтоже, аще не сущьству преж недуга навыкнет, ни иконописець, аще не много смѣсит вапы. Мнози убо цари и князи имя дрьжаху, а не дѣла. Самоилъ в пророцѣх прозряй предняа, но и *Саулъ* отврьженый.* Ровоамь, сынъ Соломонь, въ царих, но Ировоам, рабъ и отступникъ, царь же.* Сий же убо Богомь дарованную приимъ власть и с Богомъ все творя велие царство створи и настолие земли Руской яви. Бывает же другомъ стѣна и твердь, противным же мечь и огнь, посѣкаа нечьстивыа и пожегая яко хворость, — удобь сгарающу вещь, на зло събравшуюся. И Еремеино же и Давыдово речение оному рекшу: «Не се ли словеса моа яко огнь,* — глаголеть Господь, — и яко оскордъ, разсѣкаа камень?» Давыдово же: «Обыдоша мя, яко пчелы сотъ и разгорѣся, яко огнь в тернии».*

возвещает. Так же князь Дмитрий знаменит в роду своем; не удостоились другие родители такое же чадо родить, не достойно и такому дивному чаду от других родителей родиться, но совершилось это по воле всех создателя — Бога. Что могу прибавить к славе его, ибо неизмерима она, словно море, которое полно и без текущих в него рек. И не бывает, чтобы людям в начале жизни хвала была, но некоторым — в среднем возрасте, другим — в старости. Сей же в хвале добродетели все годы жизни своей прожил, сразу благочестивым родился и к славе предков свою славу присоединил. Думаю, что он ничем не уступал пчеле, медоточивые слова изрекая, из словесных цветов соты составляя, чтобы все ячейки сердца сладостью наполнить; разумом слов учителей убеждал и уста философов прозорливостью заграждал. Никто из собеседников не мог уподобиться ему: Божию мудрость в сердце хранил и тайным собеседником Богу бывал, грубых слов в речи избегал, мало говорил, но много смыслил; поступал как подобает царям.

Как вода при кипении разделяется надвое, а затем снова сливается воедино, как все люди земли, взирая в недостижимую высоту, мыслят о восседающем в ней, так и разум торопит меня сказать об этом великом царе. Зависть — это печаль о благе ближнего, рвение же — подобно благому теплу любви, но полно благоизволения и славы. Еще и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Так же и Дмитрий имел жену, и жили они в целомудрии. Как и железо в огне раскаляется и водой закаляется, чтобы было острым, так и они огнем божественного духа распалялись и слезами покаяния очищались. Кто так сед разумом еще не в старости? Ибо и Соломон старостью именует целомудрие, а не седину волос называет. Рвение его к Богу было подобно огню, вырывающемуся из скважины, устрашающему сердце смотрящих на него. Душа же его подобна некоему бремени, и скажу: он словно кормчий благами груженного корабля насколько возможно человеческому существу вместить. Никто не может стать врачом, если прежде не познает причины недуга, ни иконописцем, прежде чем многократно не смешает краски. Многие были царями и князьями лишь по имени, а не по делам. Самуил-пророк предвидел будущее, а Саул был отвержен. Ровоам, сын Соломонов, был царем, а Иеровоам — раб и отступник — тоже царь. Этот же Богом дарованную принял власть, и, с Богом все свершая, великое царство создал и величие престола земли Русской явил. Был он друзьям стеной и опорой, врагам же — мечом и огнем, иссекая нечестивых и сжигая их словно хворост, — легко сгорающий, на уничтожение собранный. Слова Иеремии и Давида к нему применю: «Разве слова мои не подобны огню, — говорил Господь, — или молоту, раскалывающему камень?» и Давида: «Окружили меня, словно пчелы соты, и разгорелись, словно огонь в терновнике».

И яко Павлу Варнава на проповѣдь подвизашеся,* и аз убо, худоумный, на похваление предобляго господина ми слово изнести въсхотѣ. Инъ добродѣтели вид и въздержание, еже святый любляше. Въ сладости ядяше и краснѣйши Соломона одѣние ношаше, — еже цвѣтець и птиць притчю имяше, понеже видѣние мимоиде под луну сущимъ всѣмъ, в торжествѣ же есть видѣниа житие се: иже на мори, но токмо иже и под облакомъ — то же и у житиа. В день же тръжества — непомнение злыхъ. Но глава в торжествѣ — память Божиа. *Память же Божиа* надвое раздѣляется: аще разумно — на хвалу, се ли съгрѣшается от правосудства — на хулу. Богъ бо не обьят есть страстию. Не токмо же страстию, но и хвалою. Человѣчьскыа же вещи обоимъ яты суть — хвалящимь ю и хулящимъ. Того ради подобает, разумѣвъ добрѣ, хвалити и, или, не разумѣв, молчати.

Мнози бо философи быша в миру, на двѣ главѣ бышя философомь — Платонъ и Пифагоръ. Овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ умлъче, понеже*

Преподобство твое испроси у нашего художства слова. И мы припадаем къ святому Духу, благодати просяще — слово во отверъзение устъ наших, иже не вредит душя, но обаче веселит. Аще ли дасть святый Духъ глаголати, якоже хощемъ, то дѣйство — не мое управление, но твоя молитва.

Вѣмы бо ясно: наше житие суетно есть — ли мысли, ли слово, ли дѣйство, — не токмо лѣвая, но и мнимая права, развее разсудомъ правымъ правое. «Богъ бо любы есть», — якоже научихомся божественных писаний; отколе познавается: праваа — любы.

Аще будеть, досаду от възлюбленнаго ны, любящему ны, да претръпите: аще любимъ любящаа ны, по Господьскому слову, — мытари и грѣшници то же творят, заимное дѣйство дѣюще. Мы же не заимною любовию любимъ тебе, но истинною. Но житие мое строптиво есть, не дасть ми бесѣдовати с тобою, якоже хощется.

Уподобихся сѣмени тому евангелскому, иже паде в тернии и подавися, и не могло плода сътворити, но токмо — колико слышал еси.

О Господѣ здравствуй.*

Богъ двойства не имѣет, душамъ имѣеть тройство ни едино, телесем приобщается, не текуща четверства, чювствиа внѣ пятства устремлениа сугубаго, не постражает шестьство, имѣет честьство лучшу седмьство.

Быша 3 дщери у пиавици* свѣта сего: тщеславие, сребролюбие, неправаго богатства, пианство несытное, исплънь блуда. Кто ли убо паче оного дѣвьства почте или бесплотие устави? Чьи суть дѣвьствнии храми, написаны заповѣди, им же научився, уды учиняше и будущее двъствовати препираше, утрьюду доброты обращаа от видимых к невидимымъ, внѣшнее же умучаа и

И как о Павле Варнава проповедать постарался, так и я, худоумный, в похвалу предоблестному господину моему слово произнести захотел. Один вид добродетели и воздержания любил святой. Он сладко ел и красивей Соломона одежды носил, — помня притчу о цветах и птицах, потому что видимость всего сущего под луной преходяща, в торжестве же видимости состоит эта жизнь: что на море, что под облаком, — то же и в жизни. В день же торжества не вспоминают зла. Главное в торжестве — вспомнить Бога. Память же о Боге на два вида разделяется: при разуме — это хвала, при погрешности в правом суждении — хула. Но Бог не объемлем враждою. Не только враждою, но и хвалою. Человеческие же дела объемлемы и тем, и другим — и хвалящим их, и хулящим. Потому подобает, хорошо поняв, хвалить его или, не поняв, молчать.

Много ведь философов было в мире, но две вершины были среди философов — Платон и Пифагор. Один благими словами возвещал, другой же почитал за лучшее молчать, потому что

> Преподобство твое попросило у нашего художества слово. И мы припадаем к святому Духу, благодати прося — слова во отверзение уст наших, которое не вредит душе, но скорее веселит. Если даст святой Дух говорить, как мы хотим, это дело — не моего умения, но твоей молитвы.
>
> Знаем ведь ясно: наша жизнь суетна — и мысли, и слова, и дела, — не только левые, но и мнимые правые, за исключением по правильному рассуждению правого. «Бог ведь любовь есть», как мы усвоили из божественных Писаний, из чего следует, что правое — любовь.
>
> Если случится, досаду от возлюбленного нами, любящему нас, претерпите: если любим любящих нас, по Господнему слову, то ведь мытари и грешники то же творят, заимообразно действуя. Мы же не корыстной любовью любим тебя, но истинной. Но жизнь моя строптива, не дает мне беседовать с тобою, как хочется.
>
> Уподобился я семени тому евангельскому, которое пало в терние и было заглушено, и не смогло плода принести, но лишь — сколько ты слышал, столько.
>
> С Господом будь здоров.

Бог двойственности не имеет, душевной тройственности ни одной, телам приобщается, не бегущей четверки, вне устремления двойной пятерицы чувств, не страдает от шестерицы, имеет честь лучшую седмерицы.

Были три дочери у пиявицы света сего: тщеславие, сребролюбие, влекущее к неправедному богатству, и ненасытное пьянство, чреватое блудом. Но кто же больше, чем он, девственность почтил или бесплодие утвердил? Чьи они — хоромы девственности, написанные заповеди, каковым научившись, он сдерживал члены и девственными быть заставлял, к внутренней красоте

силу пламене оттръжа, тайное же Богу являя? Чистых душъ точию невѣстникъ, и бодрѣе душъ съ собою водит, яже съ свѣтлами свѣщами и съ многою пищею масла срящут.

Пустынному и малженскому житию прящемся межи собою и расходящемася, и не единому же одолѣвающу. Законному же и супружному житию чьсть приемшю, иже преже приближению браку чистоту съхранившимь, по великому Василью, съ Авраамомъ вводимы в небесныа чертогы, а не якоже человѣци мертвии, преже смерти скончашася.

Солнцю же доброта и величьство хвалится, и течение, и борзость, и сила имѣти, мощь велику, яко от конца до конца освѣщати равно, никакоже охужати теплоты удалениемь. Сему же доброта и нравъ добръ, велик же величства ради, дрьз же по добродѣтели дѣаниа, дондеже взыде в покой; силен же обтѣкает, яко солнце, лучя испущаа и вся съгрѣя, елико найдеть — тако и тъй. Не *сумняся* рещи о немь, яко въ всю землю изыде слава его, и в конца вселеныа — величство его. Кому уподоблю великаго сего князя, рускаго царя? Приидѣте любимици, церковнии друзи, к похвалению словесе — по достоанию похвалити держателя земли! Аггела ли тя нареку? Но в плоти суща аггелскы пожилъ еси. Человѣка ли? Но выше человѣчьскаго сущъства дѣло свершилъ еси. Прьвозданнаго ли тя нареку?* Но той, приимъ заповѣдь сдѣтеля, преступи, ты же обѣты своа по святомъ крещении чисто съхрани. Сифа ли тя нареку?* Но того премудрости ради людие богомъ нарицаху, ты же чисто съблюде, и Богови рабь обрѣташеся, и Божий престолъ дръжа, господинъ земли Руской явися. Еноху ли тя уподоблю?* Но тъй преселен бысть на землю невѣдому, твою же душу аггели на небеса съ славою възнесошя. Ноя ли тя именую? Тъй спасен бысть в ковчезѣ от потопа, ты же съблюде сердце свое от помысла грѣховнаго, аки в чертозѣ, в чистѣмь телеси. Евера ли тя нареку, не *премѣсившася* безумных язык столпотворению?* Ты же стлъпъ нечестиа разруши в Руской земли и не примѣси себе к безумнымь странамъ на христианскую погыбель. Авраму ли тя уподоблю?* Но тому убо вѣрою уподобися, а житиемь превзыде паче оного. Исаака ли тя въсхвалю, отцемь на жертву приготовлена Богу?* Но ты самь душу свою чисту и непорочну жрътву Господеви своему принесе. Израиля ли тя възглаголю?* Но той с Богомъ въ исторзѣ боряшеся и духовную лѣствицу провидяше, ты же по Бозѣ съ иноплеменникы боряшеся, с нечестивыми агаряны и с поганою литвою, за святыа церкви, христианскую утвръжаа вѣру, акы ону духовную лѣствицу. Иосифа ли тя явлю цѣломудренаго и святого плода, обладавшаго Египтом?* Ты же в цѣломудрии умъ дръжаше и властель всей земли явися. Моисея ли тя именую? Но той князь бысть единому еврейску языку, ты же многы языкы въ своемь княжении имяше, честию благодарениа въ многы страны имя твое провосиа.

обращаясь, от видимого к невидимому, внешнее же угнетая и силу пламени отторгая, тайное же Богу являя? Ведь он только чистых душ жених и бодрствующие души уводит с собою, что с горящими свечами и с большим запасом масла его встречают.

Пустынная и брачная жизнь спорят друг с другом и расходятся, но ни одна из них не одолевает. И кто воспринял честь законной супружеской жизни, а прежде вступления в брак чистоту сохранил, те, по Василию Великому, с Авраамом вводятся в небесные чертоги, — не то, что люди мертвые, прежде смерти скончавшиеся.

Солнце за красоту и величие хвалят, и за движение его, и быстроту, и силу, и мощь, которой оно обладает, так как освещает всю землю из конца в конец одинаково, никого не лишая теплоты. Дмитрий же доблестен был и добр нравом, велик в своем величии, решителен в добродетельных деяниях, пока не почил в покое; в силе своей все обходит вокруг, словно солнце, лучи испуская и всех согревая, кого лучи его достигнут, — таков и он. Без колебаний скажу о нем, что по всей земле пронеслась слава его и в концы вселенной — величие его. Кому уподоблю этого великого князя, русского царя? Придите, любимцы, священнослужители, для слов похвалы — по достоянию похвалить властителя земли! Ангелом ли тебя нареку? Но во плоти ты ангельски прожил. Человеком ли? Но ты выше человеческой природы деяния свершил. Первозданным ли тебя нареку? Но тот, приняв заповедь от создателя, преступил ее, ты же обеты, принятые в святом крещении, в чистоте сохранил. Сифом ли тебя нареку? Но того из-за мудрости его люди богом называли, ты же чистоту сохранил, и был рабом Божьим, и, Божьим престолом обладая, господином земли Русской явился. Еноху ли тебя уподоблю? Но тот переселен был на землю неведомую, твою же душу ангелы на небеса со славой вознесли. Ноем ли тебя назову? Но тот был спасен в ковчеге от потопа, а ты сберег сердце свое от помысла греховного, словно в чертоге, в чистом теле. Евером ли тебя нареку, не приобщившимся столпотворению безумных людей? Ты же столп нечестия разрушил в Русской земле и не примкнул к неразумным народам на пагубу христианам. Аврааму ли тебя уподоблю? Но ты, уподобившись ему верою, в жизни своей намного превзошел его. Прославлю ли тебя, как Исаака, отцом обреченного в жертву Богу? Но ты сам душу свою чистую и непорочную в жертву Господу своему принес. Израилем ли тебя назову? Но тот с Богом в исступлении боролся и духовную лестницу увидел, а ты за Бога сражался с иноплеменниками, с нечестивыми агарянами и с поганой литвою, за святые церкви, христианскую укрепляя веру, как ту духовную лестницу. С Иосифом ли тебя сравню, целомудренным и святым отпрыском, обладавшим Египтом, — ты ведь целомудренным был в мыслях и властителем всей земли явился. Моисеем ли тебя назову? Но тот князем был над одним еврейским народом, ты же многие народы в княжестве своем имел, честью благодарения имя твое во многих странах воссияло.

Похваляет убо земля Римскаа* Петра и Павла, Асийскаа — Иоанна Богослова, Индейскаа же — Фому апостола, Иерусалимскаа — Иакова, брата Господня, Андреа Пръвозваннаго — все Поморие,* царя Констянтина — Гречьская земля, Володимера — Киевскаа съ окрестными грады, тебе же, великый княже Дмитрие, — вся Русскаа земля.

Аз же, недостойный, не възмогох твоему православному господьству по достоанию похвалы приложити за грубость моего неразумиа. Умоли убо, святе, непрестанно о родѣ своемь и за вся люди, сущаа въ области царьства твоего, ту бо предстоиши, идѣже духовных отець паствины и вѣчное насыщение. Кое убо сих насыщение оноя радости. Красота раю — паствины суть, лице Божие видѣти; ту пѣснь поюще аггелстии лици, ту съдружение велие с вышними силами, ту сладкаа честь от туждаго сего усилиа изъшедших, ту премудрий пророкъ полци, ту судия апостолскаго числа, ту безчисленых мученикъ воинства, ту исповѣдници свою мзду усердно приемлют, ту вѣрнии мужи крѣпостию смысла похотѣние суетно сего свѣта умягчиша, ту святыя жены благымь нравомъ мужьскый полъ побѣдишя, ту отроци, иже зде чистоту съхранше, съ аггелы ликоствоваху, ту старцы, их же старость маломощны створи, но сила добраго дѣланиа не погуби. Да с тѣми убо святы жители лѣпо намь есть тѣх радости насладитися, благодатию и человѣколюбиемь единочадаго Сына твоего. С ним же благостенъ еси, съ пресвятымь и благымь и животворящим ти Духомь, нынѣ и присно и въ векы вѣкомъ. Аминь.

Восхваляет земля Римская Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Индийская же земля — Фому-апостола, Иерусалимская — Иакова, брата Господня, Андрея Первозванного — все Поморие, царя Константина — Греческая земля, Владимира — Киевская с окрестными городами, тебя же, великий князь Дмитрий, — вся Русская земля.

Я же, недостойный, не смог твоему правоверному господству по достоинствам сложить похвалу из-за скудости моего разума. Молись же, святой, непрестанно о роде своем и за всех людей, живущих в царстве твоем, ибо там предстоишь, где пажити святых отцов и вечное насыщение. Каково же насыщение более этой радости? Красота раю — пажити, где лицо Божие видится; там песнь поют ангельские хоры, там единение великое с вышними силами, там светлые почести от тяжкого труда освободившимся, там сонм премудрых пророков, там суд апостольский, там бесчисленных мучеников воинства, там исповедники награду свою со рвением приемлют, там благоверные мужи крепостью разума суетные желания сего света подавили, там святые жены добрым нравом своим над мужским полом возобладали, там отроки, которые здесь чистоту сохранили, с ангелами ликуют, там старцы, которых старость сделала слабыми, но сила добрых дел не погубила. И благо есть нам с теми святожителями их радостями насладиться, благодатью и человеколюбием единородного Сына твоего. С ним же ты во благости, с пресвятым и благим и животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПОСЛАНИЕ МУДРОГО ФЕОФАНА МОНАХУ ПРОХОРУ

ПОСЛАНИЕ МУДРОГО МУЖА К ПРЕПОДОБНОМУ МУЖУ, — ЕГО ИМЯ — ФЕОФАН, А ТОТ, КОМУ ПОСЛАЛ, ИМЕНУЕТСЯ ПРОХОРОС

Поскольку видимость всего сущего под луной преходяща, в торжестве видимости и состоит жизнь: и что на море, но не только, но и что свойственно облакам, то же — и в жизни. В день же торжества не вспоминают зла, но главное в торжестве — вспомнить Бога. Память же о Боге на два вида разделяется: при разуме это — похвала, при погрешности в правом суждении — хула. Бога ведь не достигает вражда; не только вражда, но и хвала. Человеческие же дела доступны и тому и другому. Потому хвалящих или хулящих ждет или спасение, или погибель. Бог ведь необъятен. Потому подобает, хорошо уразумев, хвалить или, не уразумев, молчать.

Два ведь пути есть у разума: либо говорить, либо быть правым, молча. Много философов было в мире, но две вершины были среди философов — Платон и Пифагор. Один благополучно повествовал, другой же благословесно замолчал.

Поскольку преподобство твое попросило у нашей худости слово, то мы припадаем к Святому Духу, благодати прося — «слова во отверзение уст» наших, которое не вредит душе, но скорее веселит. Если даст Святой Дух говорить, как мы хотим, это дело не моего старания, но твоей молитвы.

Знаем ведь ясно: эта наша жизнь суетна — и мысли, и слова, и дела, — не только левые, но и мнимые правые, за исключением по правильному рассуждению правого. «Бог есть любовь», как мы усвоили из божественных Писаний. А кто пребывает в любви, в Боге пребывает, и Бог в нем. Откуда познается, что правое — любовь.

Если досада бывает от возлюбленного любящему, он должен терпеть: «Если любим любящих, — по Господнему слову, — то же и мытари и грешники творят», заимообразно действуя. Мы же не заемной любовью любим тебя, но истинной. Но жизнь моя строптивая не дает мне беседовать с тобой, как хочется.

Уподобился я семени тому евангельскому, которое пало среди терния и было подавлено, и не смогло плода принести, только — сколько ты слышал.

И так — о Господе здравствуй.

ПОСЛАНИЕ МУДРОГО ФЕОФАНА МОНАХУ ПРОХОРУ

ПОСЛАНЬЕ МУЖА МУДРА К ПРЕПОДОБНУ МУЖЮ, — ИМЕНЕМ ФЕОФАНЪ, А ЕМУЖЕ ПОСЛА ИМЯНУЕТСЯ ПРОХОРОС

Понеже видѣнья мимоиде подъ луну сущим всѣм, и въ торжество видѣнья есть житье, и иже на мори, не токмо, но еще иже к оболоком, — то же и у житья. Въ день же въ торжству — непоминанья злых. Но и глава въ торжьствѣ — память Божья. Память же Божья надвое раздѣляется: аще разумно — на похвалу, се ли согрѣшается от правосудства, — на хулу. Богъ бо не ятъ есть страстью; не токмо страстью, но хвалою. Человѣчскыи бо вещи яты суть обоим. Сего ради хвалящим или хулящим или спасенье, или пагуба самѣмъ будет. Богъ бо не обьятъ есть. Того ради подобает, разумѣвъ добрѣ, хвалити, или, не разумѣвъ, молчати.

Два бо пути есть разума: ли глаголати, или молчати правѣ.* Мнози философи быша в миру, но двѣ главѣ быша философом — Платонъ и Пифагоръ. Овъ бо благоулучно повѣствовал, овъ же благословесно умолча.

Понеже преподобьство твое испроси у нашего худовъства слова, и мы припадаем къ Святому Духу, благодати прося — «слова во отверзенье устъ»* наших, иже не вредит душю, но обаче веселит. Аще ли дасть Святый Духъ глаголати, якоже хощем, то дѣйство — не мое управленье, но твоя молитва.

Вѣмы бо ясно: се житье наше суетно есть — или мысли, или слово, или дѣйство, — не токмо лѣва, но и мнимая права, развѣ расудом правым правая. «Богъ любы есть»,* — якоже научихомся от божественых Писаний. А иже пребывает въ любви, въ Бозѣ прѣбывает, и Богъ в нем.* Отколѣ знается: правая — любы.

Аще досада бывает от възлюбленаго любящему, да терпит: «Аще любим любящая, — по Господьскому слову, — то и мытари и грѣшници творят»,* земно дѣйство дѣющи. Мы же не заемною любовью любим тебе, но истинною. Но житье стропотливое мое не дасть бесѣдовати с тобою, якоже хочется.

Уподобихся сѣмяни тому еуаггельскому, иже паде при межю тернья и подавися,* и не моглъ плода створити, токмо толко, колико слышал еси.

И сице о Господѣ здравьствуй.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР АКСАКЕ

МЕСЯЦА АВГУСТА 26,
НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ АНДРѢЯНА И НАТАЛЬИ
ПОВѢСТЬ ПОЛЕЗНА ОТ ДРЕВНЯГО ПИСАНИЯ СЛОЖЕНА,
ЯВЛЯЮЩИ ПРЕСЛАВНАГО БЫВШАГО ЧЮДЕСИ
О ИКОНѢ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦА,
ЕЖЕ НАРИЦАЕТСЯ ВЛАДИМЕРЬСКАЯ,
КАКО ПРИДЕ ОТ ВЛАДИМЕРЯ ВЪ БОГОЛЮБИВЫЙ ГРАД МОСКВУ,
ИЗБАВИ НАСЪ И ГРАД НАШЬ ОТ БЕЗБОЖНАГО И ЗЛОВѢРНАГО
ЦЕСАРЯ ТИМЕРЬ АКСАКА

Господи, благослови, отче!

Въ лѣто 6903, во дни княжения благовѣрнаго и христолюбиваго великого князя Василья Дмитреевича,* самодержьца Руской земли, внука великого князя Ивана Ивановича, правнука великого князя самодержьца Иоанна Даниловича,* при благолюбивемъ архиепископѣ Куприянѣ,* митрополитѣ киевьскомъ всея Руси, въ 15 лѣто царство Тахтамышева,* а 7 лѣто княжения великого князя Василья Дмитреевича, а индикта въ 3, а въ 13 лѣто по татарщинѣ,* по московьскомъ взятьи бысть замятня велика в Ордѣ.

Прииде нѣкоторый цесарь Темирь Аксакъ* со восточные страны, отъ Синее Орды, от Саморхиискыя земли,* велику брань створи, много мятежь воздвиже въ Ордѣ и на Руси своимъ приходомъ.

О семъ убо Темире Аксацѣ поведаша, яко исперва не цесарь бѣ родомъ: ни сынъ цесаревъ, ни плѣмяни цесарьска, ни княжьска, ни боярьска, но тако испроста единъ сы от худыхъ людей от заицькихъ татаръ,* от Самархийския земля, от Синее Орды, еже бѣ за Желѣзными Враты.* Ременьство же козниць бѣ желѣзны, обычаем же и дѣломъ — немилостивъ и хишникъ, и ябедникъ, и грабежникъ. Иже бѣ преже холопъ у нѣкоего осподаря, егоже за злонравие *отвержеся* осподарь его и, бывъ, отсла его от себе; он же, не имѣя чимъ кормитися, пребываше татьбою кормяся.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР АКСАКЕ

МЕСЯЦА АВГУСТА ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО, НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ АНДРЕАНА И НАТАЛЬИ ПОВЕСТЬ ПОЛЕЗНАЯ, ИЗ ДРЕВНИХ СКАЗАНИЙ СЛОЖЕННАЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕСЛАВНОЕ ЧУДО, БЫВШЕЕ С ИКОНОЙ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ВЛАДИМИРСКОЙ, КАК ПРИШЛА ОНА ИЗ ВЛАДИМИРА В БОГОЛЮБИВЫЙ ГРАД МОСКВУ, ИЗБАВИЛА НАС И ГОРОД НАШ ОТ БЕЗБОЖНОГО И ЗЛОВЕРНОГО ЦАРЯ ТЕМИР АКСАКА

Господи, благослови, отче!

В 6903 (1395) году, во время княжения благоверного и христолюбивого великого князя Василия Дмитриевича, самодержца Русской земли, внука великого князя Ивана Ивановича, правнука великого князя, самодержца Ивана Даниловича, при благолюбивом архиепископе Киприане, митрополите киевском и всея Руси, на пятнадцатом году царения Тохтамыша и на седьмом году княжения великого князя Василия Дмитриевича, и в индикте третьем, и на тринадцатый год после татарщины, по взятии Москвы, поднялась великая смута в Орде.

Пришел некий царь Темир Аксак из восточной страны, из Синей Орды, из Самаркандской земли, большую войну затеял, много мятежей он поднял в Орде и на Руси своим приходом.

Об этом же Темир Аксаке рассказывали, что по происхождению не царского был он рода: ни сын царский, ни племени царского, ни княжеского, ни боярского, всего лишь низший из самых захудалых людей из числа заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, что за Железными Воротами. По ремеслу он кузнец был черный, по нраву же и повадке — безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель. Когда раньше работал у одного хозяина, тот, видя его злонравие, от него отказался и, избив, изгнал от себя; он же, не имея пропитания, разбоем кормился.

Единаче бо ему тогда младу сущу, во убожьствѣ *крадый* ядяше, иже у нѣкого да украде овцю, они же абие очитиша его. Он же мняшеся убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть и ятъ бысть, и удержанъ крѣпко, и биша его нещадно по всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву смертную, яко да убиють и; и перебиша ногу и бедру его на полы, и абие повергоша его яко мертва, недвижющася и не дышюше; мняху убо, уже умре, и оставиша его псомъ на снѣдение. Едва уздравися от таковая смертоносныя язвы, въста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою *перебитую*, таковою нужею храмаше; того ради прозванъ бысть Темирь Аксакъ,* Темирь бо зовется желѣзо, Аксакъ — хромець; тако толмачить половетьскымъ языкомъ, яко таковою виною прозванъ бысть Темирь Аксакъ, еже протолкуется Желѣзны Хромець, яко от вещи и дѣлъ звание приимъ, по дѣйству имя себѣ стяжа.

Таже потомъ, по исцѣленьи от ранъ, по великих тѣхъ побоехъ, не лишился лихого своего обычая перваго, не смирися, ни укротися, но паче на болшее совращеся: горѣе давнаго и пущи прежняго бысть лютъ разбойникъ. Потомъ же къ нему приложишася уноши немилостивии, мужие сурови, вси злии человѣци, подобници ему, таковии же разбойници и хищници — и умножишася зѣло. И егда их бысть числомъ яко сто, и нарекоша его надъ собою старийшину разбойникомъ; и егда бысть ихъ числомъ яко и до тысящи, тогда *уже* княземъ его зваху; и егда ихъ болѣ умножишася, паче числомъ, много земли поплени, многи грады и цесарства поималъ, тогда же царя его у себя именоваху.

Сий же Темирь Аксакъ нача многи рати творити и многи брани въздвиже, многи побѣды учини, многимъ полкомъ спротивнымъ одолѣ, многи грады раскопа, многи люди погуби, много страны и земли повоева, многи области и языки поплени, многи княжения и цесарьства покори подъ себе; цесаря турьска Крещ*ия* полонилъ* и цесарство за ся взялъ. А се имена тѣмъ землямъ и тѣмъ цесарствомъ,* еже бѣ попленилъ Темирь Аксакъ: Чагадай, Хорусании, Голустаини, Китай, Синяя Орда, Ширасъ, Испагань, Ориначь, Гиненъ-Сизъ, Шибренъ, Шамахии, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизий, Тевризий, Горзустаний, Обезний, Багдат, Тимиръ Кабы, рекши Желѣзная врата, и Асурию, и Вавилоньское цесарство, идѣже былъ Навходонасоръ,* иже пленилъ Иерусалимъ и три отрока — Ананью, Азарья, Мисаила и Данила пророка, и Савастию-градъ,* идѣже было мучение святыхъ мученикъ 40, иже в Севастии, и Арменѣю, идѣже былъ святый Григорий, епоскопъ великия Арменѣя,* Дамаскъ великий,* и Сарай великий* — сия имена тѣмъ землямъ и тѣмъ градомъ, и тѣмъ цесарствомъ, над ними же цесарствова Тимирь Аксакъ; со всѣхъ тѣхъ земль дани и оброки дають ему, во всемъ ему повинующися. Онъ же на многи брани хожааше, ани съ нимъ воюеще пленяше многи земля, они же во всемъ повинующеся ему и хожаше с нимъ, всюдѣ волю его творящи; цесаря Крещ*ия* турьскаго въ клѣтцѣ желѣзнѣ вожаше с собою, того ради, да аще бы видѣли многи земли таковую силу и славу безбожнаго врага и гонителя.

Однажды, когда он был еще молод и с голоду крадя кормился, украл он у кого-то овцу, но люди тотчас выследили его. Он же пытался убежать, но быстро многими был окружен, схвачен и связан крепко, и всего его избили нещадно, и решили убить его дó смерти; и перебили ногу ему в бедре пополам, и тут же бросили его как мертвого, недвижимым и бездыханным; ибо решили, что умер, и оставили псам на съедение. Лишь только зажила у него эта смертельная рана, поднялся, оковал себе железом ногу свою перебитую, — по этой причине и хромал; потому и прозван был Темир Аксаком, ибо Темир означает железо, а Аксак — хромец; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец, ибо, от вещи и дел имя получив, делами своими прозвище себе добыл.

Так и потом, исцелившись от ран, после страшного того избиения, не изменил прежнего злобного нрава, не смирился, не укротился, но только больше испортился: сильнее прошлого и пуще прежнего стал он лютым разбойником. А потом к нему пристали молодцы лихие, мужи свирепые, всякие злые люди, похожие на него, такие же разбойники и грабители — и стало их очень много. И когда стало их числом до ста, назвали его своим атаманом; а когда стало их числом до тысячи, тогда уже князем его звали; а когда они сильно умножились, больше числом стали, многие земли попленили, многие города и царства захватили, тогда и царем своим его нарекли.

И этот Темир Аксак начал многие войны затевать и частые битвы, многих побед добился, многих неприятелей одолел, много городов разрушил, многих людей загубил, многие страны и земли покорил, многие государства и народы пленил, многие княжества и царства покорил себе; царя турецкого Крещия пленил, а его царства захватил. А вот и названия тем землям и царствам, которые покорил Темир Аксак: Чагатай, Хоросан, Голустан, Китай, Синяя Орда, Шираз, Исфаган, Орначь, Гилянь-Сиз, Шербан, Шемаху, Сивас, Арзрум, Тифлис, Тавриз, Гурзустан, Обезы, Багдад, Темир-Кабы, иначе сказать Железные Ворота, и Ассирию, и Вавилонское царство, где был Навуходоносор, который пленил Иерусалим и трех отроков — Ананию, Азария, Мисаила и Даниила-пророка, и город Севастию, где было замучено сорок святых мучеников, и Армению, где был святой Григорий, епископ великой Армении, и Дамаск великий, и Сарай великий — вот названия тех земель, и тех городов, и тех государств, над которыми царствовал Темир Аксак; со всех тех земель дани и оброки дают ему, во всем ему повинуясь. Он ведь на частые битвы ходил, и они с ним повсюду, волю его творя, многие страны завоевали; царя Крещия турецкого в клетке железной возил с собою, того ради, чтобы видели все страны таковую его славу и силу, — безбожного врага и гонителя.

Прииде ратью на цесаря Тактамыша, и бысть имъ бой *на мѣстѣ*, нарицаемѣ Ораиньскомъ,* на кочевищи цесаря Тактамыша; и прогна цесаря Тактамыша. Оттоле възгорѣся оканный, нача мыслити въ сердци своемъ тако и Рускую землю попленити, аки преже сего, за грѣхи попустившю Богу, поплени цесарь Батый Рускую землю, а гордый и свирѣпый Темирь Аксакъ то же помышляше, хощетъ взяти Рускую землю.

И собра все вое свое, проиде всю орду и всю землю Татарьскую, прииде близъ предѣлъ Резаньския земля, вся градъ Елечь, и князя елечьскаго изима, и многи люди помучи. И се слышавъ, князь Василей Дмитреевичь собра воя своя многи, поиде с Москвы и къ Коломнѣ, хотѣ ити противу ему въ стрѣтение; пришедъ ратию, ста на брезѣ у Оки рѣки. Тимирь Аксаку же стоящю на единомъ мѣстѣ 15 дни, помышля, оканный, хотѣ ити на всю Рускую землю, аки вторый Батый, разорити крьстьяньство.

Слышавше благовѣрный христолюбивый великий князь Василей Дмитреевичь, самодержьць Руския земли, помышьление оного баззаконнаго и свирѣпаго и гордаго мучителя и губителя Аксакъ Темиря цесаря, како помышляше на православну вѣру, боголюбивый же великий князь Василей Дмитреевичь, руци на небо воздѣющи, со слезами моляхуся, глаголюще: «Создателю и заступниче нашь, Господи, Господи, призри от святаго жилища твоего, виждь смири онаго варвара и сущих с нимъ, дерьзнувшихъ хулити святое великолѣпное имя твое и пречистыя всенепорочныя твоея Матери! Заступниче нашь Господь, да не речеть: „Гдѣ есть Богъ ихъ?" — ты бо еси Богъ нашь, иже гордымъ противляяся! Стани, Господи, в помощь рабомъ твоимъ, на смиреныя своя рабы призри! Не попусти, Господи, сему оканному врагу поносити нас, твоя бо держава неприкладна и цесарство твое нерушимо! Слыши словеса варвара сего, избави насъ и град нашь от аканнаго и безбожнаго цесаря Темирь Аксака».

Князь же великий Василей Дмитреевичь посла вѣсть къ отцю своему, боголюбивому архиепископу Купреяну, митрополиту киевьскому всея Руси, чтобы народу повелѣлъ прияти пост и молитву, съ усердьемь и слезами Бога призывати. Пресвященный же Купреянъ, митрополитъ киевьски всея Руси, слышавъ таковую рѣчь от господина своего великого князя Василья Дмитреевича, и призва к собѣ вся архимандриты и игумены и повелѣ пѣти по всему граду мольбены, и дѣти своя духовныя повелѣ имъ наказати, дабы постъ прияли и молитву съ усердиемъ, и покаяние от всея души своея. Сам же пресвященный Кипреянъ митрополитъ, такоже по вся дни призывая к собѣ благовѣрныя князи, благочестивыя княгини и вся властели и воеводы, по всякъ час наказая их, учаше; сам же Купреянъ митрополитъ по вся дни и часъ от церкви не отступая, принося молитвы къ Богу за князь и за люди.

Пришел Темир Аксак войной на царя Тохтамыша, и был между ними бой на месте, называемом Ораинским, на кочевье царя Тохтамыша; и изгнал он царя Тохтамыша. Оттого распалился окаянный, замыслил в сердце своем и на Русскую землю — полонить ее; как и прежде того, когда за грехи попустил это Бог, полонил царь Батый Русскую землю, — так и гордый и свирепый Темир Аксак то же замышлял, желая захватить Русскую землю.

И собрал он всех воинов своих, прошел всю Орду и всю землю Татарскую, подошел к пределам Рязанской земли, взял город Елец, и князя елецкого захватил, и многих людей замучил. Об этом прослышав, князь великий Василий Дмитриевич собрал воинов своих многочисленных и пошел из Москвы в Коломну, желая встретиться с ним; приступив с войском, встал на берегу у Оки-реки, Темир Аксак же стоял на одном месте пятнадцать дней, помышляя, окаянный, идти на всю Русскую землю, чтобы, подобно новому Батыю, разорить христиан.

Благоверный же и христолюбивый великий князь Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли, прослышал о замышлении на православную веру того безверного, свирепого и страшного мучителя и губителя Аксака Темира-царя; боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич, руки к небу вздымая, со слезами молился, говоря: «Создатель и заступник наш, Господи, Господи, посмотри из святого жилища твоего, взгляни — и смири того варвара и сущих с ним, дерзнувших хулить святое великое имя твое и пречистой всенепорочной твоей Матери! Заступник наш, Господи, пусть не скажет варвар: „Где же Бог их?" — ибо ты наш Бог, который гордым противится! Поднимись, Господи, на помощь рабам твоим, на смиренных рабов своих посмотри! Не допусти, Господи, этого проклятого врага поносить нас, ибо сила твоя ни с чем не сравнима и царство твое нерушимо! Вслушайся в речи варвара этого, избавь нас и град наш от проклятого и безбожного царя Темир Аксака».

И послал князь великий Василий Дмитриевич весть к отцу своему духовному, боголюбивому архиепископу Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, чтобы народу велел поститься и молиться, с усердием и со слезами к Богу взывать. Преосвященный же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ от господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, призвал к себе всех архимандритов и игуменов и повелел им петь по городу всюду молебны, а детям их духовным велел наказать, чтобы соблюдали пост, и молитву, и покаянье ото всей души. Сам же преосвященный Киприан-митрополит, также каждый день призывая к себе благоверных князей, благочестивых княгинь и всех властителей и воевод, постоянно наказывал им, поучая; сам же Киприан-митрополит во все дни и часы из церкви не выходил, вознося молитвы Богу за князя и за народ.

Такоже повелѣ князь намѣстникомъ своимъ и властельмъ,* и воеводамъ градскимъ укрепити осаду и собрати воя вся. Они же, слышавъ повелѣние господина своего, собраша люди и весь град, и укрепиша осаду.

Благовѣрный же великий князь Василей Дмитреевичь, помянувъ избавление царствующего града, како избави пречистая владычица наша Богородица цесарствущий градъ отъ нашествия зловѣрнаго царя Хоздроя,* помянувѣ послати по икону Пречистыя. Боголюбивый же Кипреянъ, митрополитъ киевьский всея Руси, слышавъ такую рѣчь от господина своего великого князя Василья Дмитреевича, посла въ старый и славный градъ Володимерь по икону владычица наша Богородица клирики же великия соборныя церкви святыя Богородица иже въ Володимери. Протопопъ свещася с крилошаны, Пречистую чюдную икону взяша и понесоша от града Владимеря на Москву, страха ради Тимирь Аксакова татарьска, егоже иногда в повестехъ слышахомъ далече суща под въстоки солнечными, нынѣ же близъ, яко при дверехъ, приближился — и готовится, поощряется на ны зѣло. И бысть тогда, мѣсяца августа въ 15 день, в самый праздникъ честнаго Успения пречистыя владычица нашея Богородица, приснодѣвица Марья, изыдоша на провожение чюдныя тоя иконы, юже проводиша честно, с вѣрою и любовию, съ страхомъ и желаниемъ, с плачемъ, далече шествующа, от великия вѣры многия слезы изливаше.

Егда же принесена бысть икона си близъ града Москвы, тогда весь град изиде противу иконы на срѣтение ю, и стрѣтоша ю честно Кипреянъ митрополитъ съ епискупы и архимандриты и съ игумены и дьяконы, со всѣмъ крилосомъ и причтомъ церковнымъ, с черноризьци и съ черницами, съ благовѣрными князи, съ благовѣрными княгинями, и съ бояры, и съ боярынями, мужи и жены, уноша, дѣвы, и старци со унотами, дѣти, младенци, сироты и вдовици, нищи и убозии, всякъ възраста мужеска полу и женьска, от мала и до велика, все много множество бесчисленое народа и люди, со кресты и съ иконами, съ евангелии съ свѣщами, и съ кандилы, со псалмы и пѣсньми и пѣньи духовными, паче же рещи — вси со слезами, малии и велици, иже не обрести человѣка не плачющася, но вси съ молитвою и с плачемъ, вси воздыхании немолчными и рыданиемъ и благодарениемъ руци воздѣющи на высоту, вси моляхуся къ святѣй Богородици, вопиющи и глаголющи: «О всесвятая владычица Богородице! Избави насъ и град нашь Москву от нахожения поганаго Темирь Аксакъ царя, и всякъ град крестьяньский и страну нашю защити, и князя и люди от всякого зла заступи, град нашь Москву от нахожения ратных иноплеменных, избави плѣнныя наша от поганых, от огня и меча, и напрасныя смерти, и от нынѣшня одержащия скорби, и от печали, нашедшей нынѣ на насъ, от настоящаго гнѣва и бѣды, и нужа, от предлежащихъ сихъ *искушений* избави, Богородице, своими богоприятными молитвами къ Сыну своему и Богу нашему,

Также повелел князь наместникам своим, и властителям, и городским воеводам усилить укрепления и собрать всех воинов. Они же, услышав повеление господина своего, собрали знатных людей и весь город и укрепили оборону.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, вспомнив об избавлении царствующего града, когда сохранила пречистая владычица наша Богородица стольный город от нашествия язычника царя Хозроя, надумал послать за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы. Боголюбивый же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, послал в старый и славный город Владимир за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы служителей большой соборной церкви святой Богородицы, что во Владимире. Протопоп посоветовался со служителями, Пречистую чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву, из опасения перед Темир Аксаком татарским, который, как слышали мы, бывало, в сказаньях, был где-то там, далеко, где солнце восходит, а ныне уж тут, при дверях, приблизился — и готовится, изостряется на нас сильно. И был тогда месяца августа пятнадцатый день, самый праздник славного Успения владычицы нашей Богородицы, присной девы Марии, вышли на проводы чудесной иконы, которую проводили с честью, с верою и любовью, с ужасом и томлением, с плачем, далеко за город, и в великой вере многие слезы проливали.

Когда же донесли икону эту почти до Москвы, тогда весь город вышел навстречу, и встретил ее с почетом Киприан-митрополит с епископами и архимандритами, с игуменом и дьяконами, со всеми служителями и причтом церковным, с монахами и монахинями, с благоверными князьями, с благоверными княгинями, и с боярами, и с боярынями, мужчины и женщины, юноши, девы и старцы с подростками, дети, младенцы, сироты и вдовы, нищие и убогие, всякого возраста мужи и жены, от мала и до велика, все многое множество народа бесчисленного, и люди с крестами и с иконами, с евангелиями и со свечами, и с лампадами, с псалмами и с песнями и пеньем духовным, а лучше сказать — все в слезах, от мала и до велика, и не сыскать человека не плачущего, но все с молитвой и плачем, все со вздохами неумолчными и рыданьем, в благодарности руки воздевая к небу, все молились святой Богородице, восклицая и говоря: «О всесвятая владычица Богородица! Избавь нас и город наш Москву от нашествия поганого Темир Аксака-царя, и все города христианские и страну нашу защити, и князя и людей от всякого зла оборони, и город наш Москву от нашествия варварских воинов, избавь нас от пленения врагами, от огня и меча, и внезапной смерти, и от теперь охватившей нас скорби, и от печали, нашедшей на нас ныне, от сегодняшнего гнева, и бед, и забот, от предстоящих нам всем искушений избавь, Богородица, своими спасительными молитвами к Сыну своему и Богу нашему,

своимъ пришествиемь еже къ намъ, к нищимъ и убогимъ, и скорбящимъ, печалующимся; умилосердися, госпоже, на скорбящия рабы твоя, на тя надѣющеся не погибнемъ, но избудемъ тобою от врагъ нашихъ; не предай же нас, заступнице наша и надежа наша, в руцѣ врагомъ татаромъ, но избави нас от врагъ наших, противных совѣтъ разори и козни ихъ разруши; во время скорби нашея нынѣшняя, нашедшей на ны, буди теплая заступнице и предстателници; до от нынѣшней бѣды тобой избавльшися, благодарно вопиемъ: „Радуйся, заступница наша непостыдная!"»

Тако Божиею благодатию неизреченныя милости, молитвами святыя Богородица, град нашь Москва цѣлъ и сохраненъ бысть, а Темирь Аксакъ царь возратися въспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чюдо! О превеликое удивление! О многое милосердие к роду крестьяньскому! Въ который день принесена бысть икона пречистыя Богородица из Володимеря на Москву, и в той день Тимирь Аксакъ царь убояся и устрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь страхъ и трепетъ, вниде страх въ сердце его и ужасъ в душю его, вниде трепетъ в кости его, и скоро отвержеся и охаби воевати Руские земли, и въсхитишася быстрие путнаго шествия, и скорѣе *грядяху* к ордѣ, а к Руси тылъ опоказующи, и *обратися* съ сродници своими въсвояси; *возвратишася* безо успѣха, възмятошася и въсколебашеся, аки нѣкими гоними быша. Не мы бо их гонихомъ, но Богъ прогони изъ невидимою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступници наша въ бѣдахъ, и молитвою угодника его, боголюбиваго пресвященнаго Петра,* митрополита киевьскаго всея Руси, крѣпкаго заступника граду нашему Москвѣ и молебника граду нашему Москвѣ находящия на ны *бѣды*; посла на нихъ страхъ и трепетъ, да окаменѣются.

Якоже древле при Езикѣиле цари и при Исаии пророцѣ Сенахиримъ, царь асурийский,* прииде на Ерусалимъ ратью, зѣло похваляяся в гордости велицѣ и на Бога вседержителя хулныя глаголы възмущая; царь же Езикѣиль тогда боляще, но аще боленъ бѣ, помолится къ Богу со слезами, *купно* съ пророкомъ Исаиемъ и со всѣми людми — услыша Богъ молитву ихъ, паче же Давыда ради угодника своего, посла Богъ ангела своего, мню великого архангела Михаила, абие в ту нощь ангелъ Господень уби от полка асурийска 100 и 80 и 5 *тысяч*; наутреи же въсташа, обрѣтоша мертва трупия лежаща; царь же асурийский Сенахиримъ убояся зѣло и устрашися, со останочными своими вои скоро отбѣжа въ Ниневгию град,* и тамо от своихъ детей убьенъ бысть и умре. Якоже тогда при *Сенахиримѣ* было, тако и нынѣ при Темирь Аксацѣ, единъ тот же Богъ тогда и нынѣ, едина благодать Божия дѣиствуеть тогда и нынѣ. Милостивъ бо есть Богъ и силенъ, елико хощетъ — и можетъ, еще нынѣ милостивъ на насъ, яко избавил ны Господь изъ рукы врагъ нашихъ татаръ, избавилъ ны еси от сѣча и от меча, и от кровопролития: мышцею силы своея разгналъ еси враги наша, *сыны* Агарины, рукою крѣпкою и мышцею высокою

который своим пришествием уже нас спасал, нищих и убогих, скорбящих и печальных; умилосердись, госпожа, о скорбящих рабах твоих, на тебя надеясь, мы не погибнем, но избудем тобою наших врагов; не отдавай нас, заступница наша и наша надежда, в руки врагам-татарам, но избавь нас от врагов наших, враждебных советы расстрой и козни их разрушь; в годину скорби нашей ныне, нашедшей на нас, будь верной заступницей и помощницей, чтобы от нынешней беды избавленные тобою благодарно мы воскричали: „Радуйся, заступница наша теплая!"»

Так по Божьей благодати неизреченной милости, молитвами святой Богородицы, город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак-царь возвратился назад, ушел в свою землю. Что за преславное чудо! Что за великое диво! Какое милосердие к народу христианскому! В тот самый день, как принесли икону пречистой Богородицы из Владимира в Москву, — в тот же день Темир Аксак-царь испугался, и устрашился, и ужаснулся, и в смятение впал, и нашел на него страх и трепет, вторгся страх в его сердце и ужас в душу его, вошел трепет в кости его, и тотчас он отказался и убоялся воевать Русскую землю, и охватило его желание побыстрее отправиться в обратный путь, и скорей устремился в Орду, Руси тылы показав, и повернул с соплеменниками своими восвояси; возвратилися без успеха, впали в смятение и заколебались, как будто кто-то их гнал. Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их незримою силой своей и пречистой своей Матери, скорой заступницы нашей в бедах, и молитвой угодника его, боголюбивого преосвященного Петра, митрополита киевского и всея Руси, твердого заступника нашего города Москвы и молебника города нашего Москвы от находящих на нас бед; наслал на них страх и трепет, чтобы застыли на месте.

Так же в древности при Иезекии-царе и при Исайе-пророке Сеннахирим, царь ассирийский, пришел на Иерусалим войною, весьма похваляясь в гордыне своей и на Бога Вседержителя богохульные слова вознося; царь же Иезекия тогда болел, но хоть и болен был, помолился Богу слезно вместе с пророком Исайей и со всеми людьми; услышал Бог молитву их и, ради угодного ему Давида, послал Бог ангела своего, думаю я — великого архангела Михаила, — и тотчас в ту ночь ангел Господен убил из войска ассирийского сто и восемьдесят и пять тысяч; когда поднялись наутро, увидели мертвые трупы лежащие. А царь ассирийский Сеннахирим испугался ужасно и устрашился, с остатками войска быстро бежал в Ниневию-город, где вскоре своими детьми был убит и так умер. Ведь как тогда при Сеннахириме было, так и теперь при Темир Аксаке, один ведь Бог и тогда и теперь, одна благодать Божия истекает тогда и ныне. Ибо милостив Бог и силен, может все, что хочет, и милостив к нам, ибо избавил нас от рук враждебных татар, избавил нас от битвы, и от меча, и от кровопролития: мощной десницей своей разогнал врагов наших, сынов Агари, рукою твердою, рукою крепкою устрашил ты сынов Измаиловых; не наши воеводы

устрашилъ еси сыны Измаиловы; не наши воеводы прогнаша Темирь Аксака, не наши воиньства пострашили его, но силою невидимою нападе на нь страх и трепетъ, страхомъ Божьимъ устрашился гнѣвомъ Божимъ гонимъ бѣ, подщався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земли Рустѣй отнюду же не прикоснуся, ни оскорби, ни остужи, ни вреди ея, не поиде безъ врата. Мы же въстахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде исчезе; мы ожихомъ и прости быхомъ, помощь наша *от Господа*, сотворшаго небо и землю.

Слышав же благовѣрный великий князь Василей Дмитреевичь отшествие оканнаго и зловѣрнаго царя Темирь Аксака, возратися въспять въ свою вотчину, в град Москву, и срѣтоша его боголюбивый Кипреянъ, митрополитъ киевьски всея Руси, со кресты и с иконами, со архидьяконы и съ архимандриты, игумены и с попы и дьяконы, весь народъ крестьяньски с радостию велию. Благовѣрный же великий князь Василей Дмитреевичь и святитель, и вси народи со слезами руки на небо воздѣющи и благодарение вопияху, глаголюще: «Десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная твоя, Господи, рука сокруши враги, и множествомъ славы твоея стерлъ еси супостаты наша» — убо безумный Темирь Аксакъ со множествомъ бесчисленыхъ вой пришедъ, съ срамомъ отиде.

Благовѣрный же великий князь Василей Дмитреевичь въшедъ въ храмъ пречистыя владычица наша Богородица, видѣвъ чюдотворную икону пречистыя владычица наша Богородица Владимерьскую; пад любезно пред лицемъ образа иконы, пролья *слезы* сердечныя от очию своею и глаголаше: «Благодарю тя, госпоже пречистая пренепорочная владычица наша Богородица, крестьяньская державная помощница, еже о нас заступленье и крѣпость показа; избавила еси, госпоже, нас и град нашь отъ зловѣрнаго цесаря Темирь Аксака». Благовѣрный же великий князь Василей Дмитреевичь и боголюбивый архиепискупъ Кипреянъ, митрополитъ киевьски всея Руси повелѣ въскорѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ срѣтоша чюдную икону пречистыя Богородици, поставити церковь во имя пречистыя Богородици честнаго ея Срѣтения на воспоминание таковаго великаго благодарения Божия, да не забудутъ людье дѣлъ Божиихъ. Сию же церковь свѣща самъ митрополитъ, устроиша монастырь, и повелѣ ту быти игумены и братии. И оттолѣ уставиша праздникъ праздновати мѣсяца августа въ 26 день, на память святыхъ мученикъ Андрѣяна и Наталии. Сия же чюдная икона Святыя Богородица написана бысть отъ руки святаго апостола и евангелиста Луки. Мы же, грѣшнии раби Христови, слышавше сие удивление Господа нашего Исуса Христа и пречистыя его матери Богородици, понудихъ сия писанию предати въ славу имени Господа нашего Исуса Христа и пречистыя его матери, владычици нашея Богородици, заступници роду крестьяньскому. Тоя молитвами, Христе Боже нашъ, помилуй насъ нынѣ и присно и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

прогнали Темир Аксака, не наши войска устрашили его, но силой незримой напал на него страх и трепет, страхом Божьим он устрашился, гневом Божьим изгнан был, и без добычи ушел прочь из Русской земли, отступив туда, откуда пришел, земли Русской едва коснувшись, — не надругался, не обездолил, не повредил ей ничем, но ушел без оглядки. Мы поднялись и стали открыто, он же, принизясь, исчез; мы ожили и исцелели, ибо помощь нам дал Господь, сотворивший небо и землю.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, услышав об уходе проклятого и зловерного царя Темир Аксака, возвратился снова во владения свои, в город Москву, и встретил его боголюбивый Киприан, митрополит киевский и всея Руси, с крестами и с иконами, с архидьяконами и с архимандритами, с игуменами, с попами и с дьяконами, и весь народ христианский с радостью великою. Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, и святитель, и все люди со слезами руки к небу вздымали и благодарность возносили, говоря: «Десница твоя, о Господи, прославилась твердостью, десная твоя, Господи, рука сокрушила врагов, и величием славы твоей стер ты противников наших», — ибо безумный Темир Аксак, со множеством бесчисленных войск придя, с позором ушел.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, войдя в храм пречистой владычицы нашей Богородицы, увидел чудотворную икону пречистой владычицы нашей Богородицы Владимирской; упав с умилением пред ликом святой иконы, пролил слезы сердечные из очей своих и говорил: «Благодарю тебя, госпожа пречистая, пренепорочная владычица наша Богородица, христианам державная помощница, что нам защиту и твердость показала; избавила ты, госпожа, нас и город наш от зловерного царя Темир Аксака». Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич и боголюбивый архиепископ Киприан, митрополит киевский и всея Руси, повелели вскоре на том месте, где встречали чудотворную икону пречистой Богородицы, поставить церковь во имя пречистой Богородицы, славной встречи ее на память о той незабвенной милости Божьей, чтобы не забыли люди дел Божьих. Эту же церковь освятил сам митрополит, поставили монастырь, и повелено тут было жить игумену и братии. И с тех пор постановили праздник праздновать месяца августа в двадцать шестой день, в день поминовения святых мучеников Андреана и Наталии. Эта же чудесная икона святой Богородицы написана была рукою святого апостола и евангелиста Луки. Мы же, грешные слуги Христовы, слышав об этом чуде Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери Богородицы, решили все это записать во славу имени Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери, владычицы нашей Богородицы, заступницы народа христианского. Ее молитвами, Христе Боже наш, помилуй нас ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ ЕДИГЕЯ

Въ лѣто 6917* 〈...〉 О Едегии, князи Ордынскомъ, иже воевалъ Московскую землю. Тое же зимы* нѣкоторый князь ординскый, именем Едигѣй, повелѣнием Булата царя* прииде ратъю на Рускую землю, а с ним 4 царевичи да мнози князи татарстии. А се имена их:* Бучакъ царевич, Тегриберди царевичь, Алтамырь царевичь, Булатъ царевич, князь великий Едигей, князь Махметь, Исупу, Сулюменеву сыну, князь Тегиня, Шиховъ сынъ, князь Сарай, Урусаховъ сынъ, князь Обрягимъ, Темирязевъ сынъ, князь Якъши-бий, Едигѣевъ сынъ, князь Сеитяли-бий, князь Бурнакъ, князь Ериклеберди.

Се же слышавъ, князь великий Василей Дмитриевич* печаленъ бысть прилучивъшаяся ради скорби в Руси, грѣх ради наших, занеже изначала безаконии измаилтяне лукавенъ миръ счиниша с рузскими князми нашими, наипаче же всѣх к великому князю Василью Дмитриевичю, лестно мирующе с нимъ, никогда же бо истинну глаголють къ христианом. Аще бо когда не мнози обрѣтаются, то лестно и злоковарно честьми окладають князей наших и дары украшають, и тѣм злохитрьство свое потаают, и миръ глубокъ обѣщавают имѣти съ князми нашими, и таковым пронырьством ближняа от любве разлучают, и усобную рать межи нас съставляють. И въ той разности нашей сами в тайнѣ покрадають нас, самояднии волци христианскым людем обрѣтаются научением отца их Сатаны.

Яко же и нынѣ въ дни наша случися. Боголюбивому и православному самодръжцу великому князю Василью Дмитриевичю, столь русскиа хоругви дръжащу, и христиане благоденьствовахуть в дръжавѣ его, и земля Русскиа миром украшаема в сихъ доброх исполнився благоцветяше. Лукавии же измаилтяне не можаху завистию зрѣти толика посѣщениа человеколюбца Бога на христоименитых людехъ. Завистию поджигаеми бывахуть, не тръпяхуть зрѣти

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ ЕДИГЕЯ

В год 6917 (1408/1409) 〈...〉 О Едигее, князе Ордынском, который разорял Московскую землю. Той же зимой некий князь ордынский именем Едигей по повелению царя Булата пришел с войском на Русскую землю, а с ним четыре царевича и много татарских князей. Вот имена их: Бучак царевич, Тегриберди царевич, Алтамырь царевич, Булат царевич, князь великий Едигей, князь Махмет, Юсуп, Сюлименов сын, князь Тегиня, Шихов сын, князь Сарай, Урусахов сын, князь Ибрагим, Темирязев сын, князь Якши-бей, Едигеев сын, князь Сеит-Али-бей, князь Бурнак, князь Ерыкли-Бердей.

Услышав об этом, великий князь Василий Дмитриевич опечален был горем, грехов ради наших постигшим Русь: ведь вначале беззаконные измаилтяне заключили с нашими русскими князьями ложный мирный договор и прежде всего с великим князем Василием Дмитриевичем, притворно мирясь с ним, ибо никогда не говорят христианам истины. Если их немного, то князей наших обманом и со злым умыслом почестями окружают, и дарами наделяют, и тем злой умысел свой скрывают, и с князьями нашими прочный мир заключить обещают, и пронырством таким ближних от согласия отлучают, и междоусобную вражду меж нами разжигают. И в этой розни нашей сами тайно обманывают нас, становятся для православного люда кровожадными волками, подстрекательством отца их Сатаны.

Так и ныне, в дни наши, случилось. Когда боголюбивый и православный самодержец великий князь Василий Дмитриевич владел русским престолом, тогда и христиане благоденствовали в державе его, и земля Русская, миром украшаемая и добротами этими преисполненная, процветала. Коварные же измаилтяне не могли без зависти видеть проявления к христианам стольких милостей человеколюбца Бога. Поджигаемые завистью, не в состоянии терпе-

исполнениа земля Русскиа и благовременьства христианьска, многажды покушашеся приити разорити таковыа красоты величества и славу отторгнути христоименитых людей; того ради съ князми нашими лукавенъ миръ съставиша. Ограждениемъ же пречистыя Богоматере недоволни бывахуть приити на ны. Егда же възбраннаа Воевода наша избавляша нас, тогда многых злых обычаи грѣховных оставляти обещаваемся и пакы забытнѣ от правды заблужаем, връху власть прегрѣшений наших обрѣтаемся. Того ради господу Богу наказующу нас и посѣщающу жезлом безакониа наша, по пророку. Безаконии бо агаряне волчески всегда подкрадают нас, злохитрено мирують с нами. Да нѣколи князи наши, надѣющися цѣлыя любви от них, бестражии будуть, да они, губително время обрѣтше, мѣсто злаго желаниа получать. К Васильеви же к великому князю паче всих князей злоковарную любовь показаша.

Въ время нѣкто в них, Едигей именем, князь сый измаилтескъ, преболии всѣх князей ордынских, иже все царство единъ держаше и по своей воли царя поставляше, его же хотяше, сий же лукавый Едигей много любовь злохитреную стяжа к Васильеви, и честью высокою обложи его, и дары многыми почиташе и, над всѣми еще сими и сына его собѣ именоваше любимаго, и нѣкая многа обѣщавая ему, и бывающая от Василиа послы с честию отпущаше, и миръ глубокъ злохитро поставляше к Васильеви.

Въ дни же тыи Васильеви, великому князю, ключися нѣкий гнѣвъ имѣти съ тестем своим Витовтом, великим князем, нѣких ради земскых вещей, яко же обычай бѣ землям, ибо тогда Витовту владѣющу всею землею Киевскою и Литовскою.* Великий же князь Василий бывшая обиды от Витовта вся повѣда Едигѣеви, любве ради. То же слышавъ, враждолюбителю сый, Едигѣй, паче же кровожелательный звѣрю, обрадовася сердцемъ, болми на гнѣвъ поостри ихъ: посылаше Васильеви силу многу на помощь, обѣщаваа ему: «Да и прочии увѣдять любовь нашу с тобою и кротци ти будуть, яко мнѣ царствомъ помогающу тобѣ, и того ради убоятся тя». Такоже и к Витовту кратка и лестна нѣкая посылаше словеса, втаи держати повелѣ, друга его собѣ именоваше. И тако съплетаа, вражду положи межи има, сѣтно помышляа, да они, рать счинивше, воя си погубять. Аще ли не ключится брань межи има, да поне збираючися, и воюючися, и разно расходячеся, всяко трудни будуть.

И тацѣми свадами ратолюбець окаанный Едигѣй время себѣ злаго начинаниа готовляше сии. Яко же и уловилъ, окаанный, да яко же расколѣ бывшей межи князема, и начашася воевать Русь и Литва. И быша по три лѣта воюючися.* И на Плаву приходиша противу собѣ, тогда же и татарове придоша къ Плавѣ в помощь Руси. Старци же сего не похвалиша, глаголюще: «Добра ли се будеть дума юных наших бояръ, иже приведоша половець на помощь?* Не сихъ ради преже Киеву и Чернигову бѣды прилучишася, иже имѣюще брань

ливо смотреть на изобилие Русской земли и христианское благоденствие, много раз покушались они прийти уничтожить величие этой красоты и обесславить христиан; ради этого и ложный мир с нашими князьями заключали. Лишь благодаря заступничеству пречистой Богоматери не могли пойти на нас. Когда же Заступница-Воевода наша избавляет нас, тогда мы обещаем отказаться от многих дурных греховных обычаев, а потом, забывшись, вновь от правды отходим, оказываемся под властью наших прегрешений. За это и наказывает нас господь Бог, жезлом посекая наши беззакония, — по словам пророка. Неверные же агаряне всегда по-волчьи подстерегают нас, коварно мирясь с нами. Когда же наши князья, ожидая от них прочного мира, забывают о предосторожности, тогда они, улучив пагубное время, осуществляют злой замысел. А великому князю Василию более, чем другим князьям, показали коварство своего миролюбия.

В свое время некто из них, Едигей именем, князь измаилтянский, самый великий из всех князей ордынских, который всем царством один правил и по своей воле сажал на царство, кого хотел, — этот лукавый Едигей со злым умыслом стяжал у Василия большую любовь и высокую честь ему воздавал, многими дарами его почитал, и — более того — именовал его своим любимым сыном, и много всего обещал ему, а прибывавших от Василия послов отпускал с честью, хитроумно изображая перед Василием крепкий мир.

В эту же пору случилось так, что великий князь Василий рассорился с тестем своим великим князем Витовтом из-за каких-то дел о земле, что обычно бывало меж княжествами, ибо тогда Витовт владел всей Киевской и Литовской землей. Великий же князь Василий обо всех обидах от Витовта поведал полюбовно Едигею. Услышав о том, враждолюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, еще больше разжигая меж ними гнев: послал он Василию большое войско в помощь, обещая ему: «Пусть и другие узнают о нашем с тобою согласии и будут с тобою кроткими, ибо я, с моим царством, помогаю тебе, и из-за этого убоятся тебя». Также послал он с некими краткими и лживыми советами и к Витовту, повелевая держать их втайне, и называл его своим другом. И так, запутывая их, посеял меж ними вражду, расставляя сети, помышлял, что они, начав битву, погубят свои войска. Если же между ними и не будет битвы, даже и тогда, сходясь друг с другом, воюя и расходясь врозь, все же истощат силы.

И путем такой свары враждолюб окаянный Едигей подготавливал себе подходящее время для злого умысла. Так и достиг своего, окаянный, — вспыхнула рознь меж князьями и начала воевать Русь и Литва. И воевали три года. А когда сошлись друг с другом на Плаве, тогда и татары подошли к Плаве на помощь Руси. Старцы же этого не похвалили, говоря: «К добру ли решение наших юных бояр, что привело половцев на помощь? Не потому ли и прежде случались беды с Киевом и Черниговом, которые, враждуя между собою,

межи собою, подимающе половци на помощь, наважаху братъ на брата, да и первое наимуюче ихъ, сребро издааше из земля своея. А половци, исмотривше руский наряд, по сем самим сдолѣша. Да не будуть ли си на пакость земли нашей на прочая дни, егда измаильте, усмотривша нашея земля, на ны придуть? Яко же не бысть ся!»

Князи же, истомивше воя, перемирие взяша, а гнѣву межи има не легчае бывшу, — а томлениа многа подъяша обои. Не бяшеть бо в то время на Москвѣ бояръ старых, но юнии свѣщавахуть о всемъ: тѣмъ и многа в нихъ не в чинъ строениа бывахуть. Едигѣй же, радуяся погубѣ и крови человѣчьстѣй, до конца сваживая, посылаше к Васильеви помощь мала, нѣкыа краеземныя татары, — именем токмо словущу помощь! Вѣдый бо, яко ближика си суть, не зѣло хотять къ брани, но того ради посылаше, да не въскорѣ устраають мира, к сему же да еще видять татарове наряд руский. Татарове же познаша, яко Русь не желателни суть на кровопролитье, но суть миролюбци, ожидающе правды, та вся послаша къ Едигѣеви. Едигѣй же слышавъ, готовляшеся на Русь.

А в то время прислася великий князь Светригайло Олгердовичь* на Москву к великому князю Василью Дмитреевичю, хотя с ним съ *е*динаго на Витовта. Свѣтригаилъ же ляхъ бѣ вѣрою, но устроенъ къ брани муж храбръ, добль сый на ополчение. Того ради и призваша его на Москву и вдаша ему гради мнози, мало не половину великаго княжениа Московскаго. Даша ему и многославный Володимерь, еже есть столъ земля Русскыа и град пречистые Богоматери, в ней князи велиции рустии первосѣдание и столъ земля Русскыя приемлють; иже «великий князь всеа»... наименовается, ту бо первую честь приемлеть. В нем же — и чюднаа великая православная съборная церкви Пречистыа Богоматери, еже есть похвала и слава по всей вселеннѣй живущим христианом, источникъ и корень нашего благочестиа; Золотоверха же именуема: пять бо верховъ златых имѣя есть. В ней же — чюдотворная икона Пречистыа,* иже рѣкы цѣлебъ точащи, поганыя устрашая. И таковаго града не помиловавше москвичи, вдаша въ одержание ляховъ!

Сего же старци не похвалиша, глаголюще: «Можеть ли се добро быти, его же въ дни наша нѣсть бывало, ни от древних слышано, иже толико градовъ дати пришелцю-князю в землю нашу, наипаче же и стол Русскыя земля, многославный Володимерь, мати градом?!»

Свѣтригаилъ же, лях гордый, никоея же пути сътвори таковѣй велечюднѣй церкви Пречистыа Богоматери. Тѣм же и бѣды многы постигоша нас: храбри, паче женъ, явишася и страшливѣе дѣтищь обрѣтошася: отъя бо ся крѣпкаго крѣпость, — по пророку, — и стрѣлы младенець язвы быша им,* и лысты мужественыя на бѣгъ токмо силу показаша.

вставали брат на брата, призывая половцев на помощь, а, нанимая их, платили потом серебром своей земли. А половцы, высмотрев устроение русского войска, после этого их же самих побеждали. Не будет ли и сейчас во вред земле нашей на будущие времена, что измаилтяне, высмотрев все на нашей земле, потом придут на нас? Не сбылось бы это!»

Князья же, истомив войска, заключили перемирие, но гнев их, несмотря на то что оба испытали много страданий, не утих. Не было в то время на Москве старых бояр, и молодые обо всем совещались, потому многое у них было не по установленному чину. Едигей же, радуясь гибели людей и кровопролитию, побуждал их к окончательной ссоре и послал на помощь к Василию небольшое войско из неких пограничных татар. Только по названию, что помощь! Зная, что оба, являясь родственниками, не очень-то хотят войны, он посылал татар для того, чтобы задержать заключение мира, да еще для того, чтобы татары высмотрели воинское устроение русских. Татары приметили, что русские не склонны к кровопролитию, но, будучи миролюбцами, ожидают справедливого договора, и обо всем этом сообщили Едигею. Едигей же, узнав, стал готовиться к походу на Русь.

А в это время великий князь Свидригайло Ольгердович прислал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу послов, желая быть с ним воедино против Витовта. Свидригайло был верою лях, но на войне муж храбрый, доблестный в битве. За это и призвали его на Москву и дали ему многие города, едва ли не половину великого княжества Московского. Дали ему и прославленный Владимир, столицу Русской земли и град пречистой Богоматери, в котором великие русские князья принимают первопоставление и престол земли Русской; тот, кто именуется «великим князем», тут и принимает первые почести. В нем же — и чудная великая православная соборная церковь Пречистой Богоматери, честь и слава христиан, живущих во всей вселенной, источник и корень нашего благочестия; именуется она Златоверхой, ибо имеет пять золотых куполов. В ней же — чудотворная икона Пречистой, которая реки исцеления источает, устрашая поганых. И такого города не помиловали москвичи, отдали во владение ляхам!

Этого старцы не одобрили, сказав: «Может ли быть хорошим то, чего в наши дни не бывало и в древности не слыхано, — чтоб столько городов отдать князю, пришельцу в нашу землю, а главное — столицу Русской земли, мать городов, прославленный Владимир?!»

Свидригайло же, гордый лях, никогда и не побывал в столь почитаемой церкви Пречистой Богоматери. Потому-то и постигли нас многие беды: храбрые стали хуже жен и боязливее детей; пропала у сильного сила, по пророку: «И стрелы младенцев разили их, а ноги мужей показали силу только в бегстве».

Сице же третьему лѣту исходящу нестроениа Руси съ Литвою, приидоша обои, Русь и Литва, къ Угрѣ. Постоаша немного дний и умиришася, взяша миръ, яко же исперва, великий князь Василей съ тестем своим с великим княземъ Витовтом, и разидошася кождо въ свояси. Татарове же недалече кочеваша, да како же узрѣша, яко вои разидошася, трудни сущи, вся та повѣдаша Едигѣеви. Зломысленый же Едигѣй, иже иногда завыйся отцомъ Васильеви, яд же аспиденъ подъ устнами его скрывая, ношаше, ненавидя любляше, на любимаго, еже именоваше сына собѣ Василья, время похыщь: вмѣсто добра съ губительствомъ неусыпно грядяше воемъ русскымъ, только ни разшедшемся, трудным сущем.

Разумѣти же убо нам лѣпо есть на семь и памятовати, хотящим по сих любовь имѣти съ иноплеменники.

Едигѣй же, началною лестью еще крадый, посылаеть преди к Васильеви, река сице: «Вѣдый буде, Василие, — се идет царь на Витовта да мстить, колико есть сътворилъ земли твоей. Ты же въздажь честь цареви, аще не сам, да сынъ твой посли к цареви, или брата, аще ли то единаго отъ велможь посли, ничто же бояся». Тако бо кровожелателный Едигей окрадая, да ни мала воя съберуть противу ему, и в тот чинъ сам неусыпно приближашеся. Послу же Едигѣеву на Москву пришедшу, таковая изрекшу, князь же и вси людие в недоумѣнии бывше, не бяшеть бо правыя вѣсти, или будеть или не будеть. Тѣм же ни воя збирахуть и отпустиша къ Едигѣеви единаго от велмож, Юрья именем, давше ему дружину: да аще будеть рать, въскорѣ да отсылаеть. Едигѣй же ятъ Юрья и скорѣе идяше.

На Москвѣ же ждущи вѣсти от Юрья. Се инъ нѣкто, въскорѣ пригнав, повѣда рать уже близ сущу града. Василей же не успѣ ни мало дружины събрати град осади; в нем же остави дядю своего князя Володимера* и брата — князя Андрѣя* и воеводы, а сам съ княгинею и з дѣтми отъѣха къ Костромѣ.* И смятеся град ужасным смятением. И людие начаша зѣло бѣжати, небрегуще ни о имѣнии, ни о ином ни о чем же. И начаша злая бывати въ человѣцѣхь, и хишници грабяче явишася.

Повелѣша же и посады града жещи. Жалостно же бѣ зрѣти, иже многолѣтными времены чудныа церкви съзидани бяхуть и высокыми стоянми величества града украшаху, въ единъ час въ пламы въсходяща, также величество и красота граду и чюдныя храмы огнем скончавающеся.

Въ той часъ видѣти година бѣ страшна: человѣкомъ мятущимся и въпиющим, и великы пламы гремяща, на въздух въсхожаху, и град обстоим полкы безаконных иноплеменникъ. Дни же пятку сущу тогда, юже к вечеру склонящуся, начаша полкы поганых являтися, ставляхуся на поли града. Не смѣяху бо близ града стати пристроя ради граднаго и стрѣляниа с града, но ста в селѣ на Коломенках. И видѣ вся люди ужасошася: ни единаго же противу ему стоаща, и распусти воя. И быша погании тяжцѣ пленяюще

Когда на исходе был третий год раздора Руси с Литвой, те и другие, русичи и литва, подошли к Угре. Несколько дней постояли, и примирились великий князь Василий с тестем своим великим князем Витовтом, заключили такой же, как и первоначально, мир и разошлись каждый восвояси. Татары же, которые кочевали неподалеку, как увидели, что войска разошлись обессилившие, обо всем этом сообщили Едигею. Коварный же Едигей, который некогда называл себя отцом Василия, а сам, тайно скрывая, носил в устах своих змеиный яд, любил ненавидя, — выбрал для любимого Василия, которого именовал своим сыном, самую пору: не с добром — со смертью спешил на русское, только что распущенное, утомленное войско.

Следует это хорошо уразуметь и запомнить тем, кто впредь захочет заключить мир с иноплеменниками.

Едигей же, под личиной старой дружбы, посылает к Василию впереди себя с такими речами: «Да будет тебе известно, Василий, — это царь идет на Витовта мстить за то, что тот учинил твоей земле. Ты же воздай царю честь, и если не сам, то сына своего пошли к царю, или брата, или кого-нибудь из вельмож, ничего не боясь». Так жаждущий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался. Когда же посол Едигея пришел на Москву и изрек это, князь и все люди были в недоумении, искренние ли это вести или обман. Поэтому и не собирали воинов, а отпустили к Едигею одного из вельмож, именем Юрия, дав ему дружину: при встрече с неприятелем пусть тут же отошлет ее назад. Но Едигей захватил Юрия и пошел еще быстрее.

А на Москве от Юрия ждали вестей. Но вскоре кто-то, прискакав, поведал, что враг уже вблизи города. Не успел Василий собрать и небольшой дружины, как город был осажден; он оставил в нем своего дядю, князя Владимира, брата — князя Андрея, и воевод, а сам с княгинею и с детьми уехал в Кострому. И город пришел в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всем на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи.

Велено было сжечь городские посады. Горестно было смотреть, как чудные церкви, созидаемые веками и своим возвышенным положением придававшие красоту и величие городу, в одно мгновение исчезали в пламени, как величие и красоту Москвы — чудные храмы — поглощает огонь.

Это было страшное время, — люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружили полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ града из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда все это увидели люди, пришли в ужас: не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были

христианъ: овии сѣчахут, овии въ плѣн ведяхут. И тако множество людей безчислено изгибоша: за умножение бо грѣх наших смирил ны Господь Богъ пред врагы нашими. Да еще явится гдѣ единъ татаринъ, то мнози наши не смѣяхуть противитися ему; аще ли два или три, то мнози руси жены и дѣты мечюще, на бѣгъ обращахуся.

Тако бо, наказая нас, Господь низложи гордыню нашу. Сде съвръшися въ человѣцѣх, еже преже бывшее знамение истекшая крови на Коломнѣ от иконы. Много же плѣниша распущени Едигѣем измаильте: град великий Переяславль пожгоша, и Ростов, таже и Новъгород Нижний тяжцѣ плѣниша и пожгоша весь, и Городець, и волости многи поимаша. И множество людей изгибоша, а инии от зимы изомроша: бяшеть бо тогда зима тяжка зѣло, и студень преизлише велика, и изгибель бысть христианом.

Тогда же храбрии наши ляхове, иже величавѣ дръжаше град пречистыа Богоматере, мужественыа их лысты токмо на бѣгъ силу показаша, быша еще на них же люди грабяче и губяче; нигдѣ нимало же съ иноплеменники побѣдившеся: сломи бо ся оружиа их, и щитъ гордых огнем съжжеся,* — по пророку.

Едигѣеви же, агарянину, объстоаще славный град Москву уже 20 дней,* величанием възношашеся и ту зимовати мысляше. И по многы дни гордяшеся окаанный, округняа мѣста около Москвы вся поплѣни и пуста сътвори. Токмо един град Богомъ храняше, молитвами Пречистыа его матери и животворивыа иконы ради ея, и Петра архиепископа ради. Сущии въ градѣ людие въ бѣдѣ велицѣ скорбью унывающе зѣло, смотряще, яко никто же помогаа им и человѣчьско спасение обрѣтеся имъ, и помятующе Давыда, еже пиша рече: «Добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя; добро есть надѣатися на Бога, нежели надѣятися на человѣка».

И въсплакашася вси людие пред Богомъ, глаголюще и припадающе зѣло: «Не предажь звѣрем душа рабъ твоих, Владыко! Аще и съгрѣшихом ти, но за имя твое святое еще пощади нас, Господи!» Тако же и къ животворивѣй иконѣ Пречистыа Богоматери взирающе съ слезами, болѣзно вънпиахуть: «О Заступнице наша неотступимая, еще не предай же нас в руцѣ врагом нашим!» Благый же убо Человѣколюбець, иже не до конца прогнѣваайся, видѣ печаль людий своих и покааниа слезы, въскорѣ утѣшаетъ их, помянувъ милость стаду своему: величаваго и гордаго Едигея агарянина въскорѣ устраши, наложи на измаилтянина страх высокыя и страшныа рукы своея. Иже на много время гордяшеся быти въ православнѣй землѣ и зимовати обѣщася, се въ единъ час възмояся агарянинъ, нача мястися, ни единаго дни не може премедлити и глаголюще къ дружинѣ: «Или царство инъ въсхитить,* или Василей окопится на ны», — мятяшеся мысль агарянину. Скоро посылает къ граду, мира прося сам: якоже въсхотѣша гражане, тако смирися с ними окаанный Едигѣй и отъиде.*

распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами: одних посекали, а других уводили в плен. Так погибло бесчисленное множество людей: за умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед врагами нашими. Если где-либо появится хотя бы один татарин, то множество наших не смеет ему противиться, а если их двое или трое, то многие русские, бросая жен и детей, обращаются в бегство.

Так, казня нас, Господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь. Многое завоевали разосланные Едигеем измаилтяне: город Переяславль Великий сожгли и Ростов, а также разгромили и сожгли весь Нижний Новгород и Городец и взяли многие волости. И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая.

Тогда-то храбрые наши ляхи, которые горделиво владели градом пречистой Богоматери, и показали, что их мужественные ноги сильны только в беге, мало того — среди них были еще и грабители, и губители душ, а с иноплеменниками они ни разу и не сразились: «Сломилось оружие их, и щит гордых сожжен огнем», — по словам пророка.

Когда прошло двадцать дней с тех пор как агарянин Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покорил и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним Богом по молитвам Пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра. Жители, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: «Лучше уповать на Господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на Бога, чем надеяться на человека».

И взмолились все люди к Богу, низко кланяясь и говоря: «Не предай зверям души рабов твоих, Владыка! Если мы и согрешили перед тобой, то во имя твое святое пощади нас, Господи!» И, взирая со слезами на животворящую икону Пречистой Богоматери, горько восклицали так: «О постоянная Заступница наша, не предай же нас и теперь в руки врагов наших!» И милосердный Человеколюбец, еще не совсем разгневавшийся, увидев печаль людей своих и слезы их покаяния, утешает их вскоре, памятуя о милости к стаду своему: величавого и гордого агарянина Едигея устрашил, навел на измаилтянина трепет перед своей всевышней и карающей десницей. И агарянин, который похвалялся пробыть в православной земле долгое время и обещал зазимовать, вдруг, забеспокоившись, внезапно снялся с места и, не желая медлить ни единого дня, сказал дружине: «Или царство наше захватит другой, или Василий соберется на нас», — такая мысль смутила агарянина. Быстро посылает он к городу, сам прося мира: и как захотели горожане, так и замирился с ними окаянный Едигей и отошел.

Видѣте же Человѣколюбца и разумѣйте высокую и страшную силу! Аще и дасть врагом нашим время приити на ны, ранами смиряя неправды наша, милости же своея не отведе до конца: аще и озоба нас вепрь от луга,* и инокь дивий пояде нас, но корень благочестиа не исторже.

Тферскаго настолованиа дому Святого Спаса взяша волость Клиньскую и множество людей посѣкоша, а иных въ плѣнъ поведоша.*

На то же лѣто дороговь бысть велика всякому житу. Множество христианъ изомроша от глада, а житопродавци обогатѣша.

И сиа вся написаная, аще и не лѣпо кому зрѣться, иже толико от случившихся в нашей землѣ неговѣинѣ нам изъглаголавшем, мы бо ни досажающи, ни завидяще чести вашей и таковая вчинихом, яко бо обрѣтаем Началнаго лѣтословца киевскаго,* иже вся временнобогатства земская не обинуяся показуеть. Но и первии наши властодръжци безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочим по них образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Монамасѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишущаго,* почет почиеши. Мы же сим учащеся, таковая вся приключьшаяся въ дни наша не преминухом, властодержець наших дозрящих сих, таковым вещем да внимають: юнии старцевъ да почитають и сами едини без искуснѣйших старцевъ всякого земскаго правлениа да *не* самочиннують, ибо — «красота граду есть старчество». Рече бо Писание: «Въпроси отца твоего, възвѣстить ти, и старца твоя, — рекут ти».* Къ сим же еще — и пророка да блюдуть, когда Иерусалиму рекша старца и съвѣтника ради.

Взирайте на Человеколюбца и разумейте высшее и устрашающее его могущество! Хотя и бывает пора, когда он попустительствует врагам нашим, карами смиряя грехи наши, но милости своей совсем нас не лишает: если и пожрет нас вепрь лесной или иной кто дикий уничтожит нас, но корень благочестия — не вырвать.

В Тверском княжестве взяли Клинскую волость, что приписана к церкви Святого Спаса, и убили множество людей, а других увели в плен.

В этот же год была большая дороговизна на всякую пищу. Многие христиане умерли от голода, а продавцы хлеба обогатились.

И хотя все это написанное кому-то покажется неугодным из-за того, что мы так много высказали против неблагочестия, случившегося на нашей земле, но мы, не оскорбляясь и не ожидая вашего почитания, поступаем так же, как Начальная киевская летопись, которая, ничего не тая, описывает все бренное земное. Да и наши первые властители, не гневясь, повелевали описывать все происходящее, доброе и худое, что и другим после них образцом будет; таким был при Владимире Мономахе великий Сильвестр Выдубицкий, писавший без прикрас и скончавшийся в почете. И мы этому учимся — не проходить мимо всего того, что случилось в наши дни, чтобы властители наши, узнав об этом, внимали бы таким делам: пусть молодые почитают старцев и одни, без опытнейших старцев, ни в каком земском правлении не самочинствуют, ибо — «красота града есть старчество». Как гласит Писание: «Спроси у отца своего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе». К тому же еще пусть блюдут и пророка, как в Иерусалиме называли старца за то, что он был советником.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО, ИГУМЕНА СЕРГИА ЧЮДОТВОРЦА. СПИСАНО БЫСТЬ ОТ ПРѢМУДРѢЙШАГО ЕПИФАНИА

Слава Богу о всемь и всячьскых ради, о нихже всегда прославляется великое и трисвятое имя, еже и присно прославляемо есть! Слава Богу вышнему, иже въ Троици славимому, еже есть упование наше, свѣт и живот нашь, въ негоже вѣруем, вън же крестихомся, о немже живемь, и движемся, и есмы!* Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна! Вѣсть бо Господь славити славящая его и благословяти благословящая его, еже и присно прославляет своя угодникы, славящая его *житиемъ* чистым, и богоугодным, и добродѣтелным.

Благодарим Бога за премногу его благость, бывшую на нас, якоже рече апостолъ: «Благодать Богу о неизреченнѣм его дарѣ!»* Паче же нынѣ длъжны есмы благодарити Бога о всем, еже дарова намъ такова старца свята, глаголю же господина преподобнаго Сергиа, в земли нашей Русстѣй, и въ странѣ нашей полунощнѣй, въ дни наша, въ послѣдняя времена и лѣта. Гробъ его у нас и пред нами есть, к нему же вѣрою повсегда притекающе, велико утѣшение душам нашимъ приемлем и от сего зѣло пользуемся; да поистинѣ велико то есть намь от Бога дарование даровася.

Дивлю же ся о семъ, како толико лѣтъ минуло, а житие его не писано. О семъ съжалихся зѣло, како убо таковый святый старець, пречюдный и предобрый, отнеле же преставися 26 лѣтъ преиде, никтоже не дрързняше писати о немь, ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни меншие: болшие убо яко не изволяху, а меншии яко не смѣаху. По лѣте убо единѣм или по двою по преставлении старцѣвѣ азъ, окаанный и вседрързый, дрързнух на сие. Въздохнув къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхь подробну мало нѣчто писати от житиа старьцева, и к себѣ вътайнѣ глаголя: «Азъ не хватаю ни пред кым же,

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО, ИГУМЕНА СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА. НАПИСАНО ПРЕМУДРЕЙШИМ ЕПИФАНИЕМ

Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется великое и трисвятое имя, которое и вечно прославляемо! Слава Богу вышнему, в Троице славимому, который упование, свет и жизнь наша, в которого мы веруем, ради которого мы крестились, им мы живем, и движемся, и существуем! Слава показавшему нам жизнь мужа святого и старца духовного! Ведь Господь знает, как прославлять славящих его и благословлять благословляющих его, и он всегда прославляет своих угодников, славящих его жизнью чистой, и богоугодной, и добродетельной.

Благодарим Бога за великую его благость, сошедшую на нас, как сказал апостол: «Благодарность Богу за неизреченный его дар!» Ныне же мы должны особенно благодарить Бога за то, что даровал он нам такого старца святого, — говорю о господине преподобном Сергии, — в земле нашей Русской, в стране нашей полунощной, в дни наши, в последние времена и годы. Гроб его находится у нас и перед нами, и, приходя к нему с верой всегда, великое утешение душам нашим мы получаем и большую пользу; воистину великий это нам от Бога дар дарован.

Удивляюсь я тому, сколько лет минуло, а житие Сергия не написано. И охватила меня великая печаль, что с тех пор, как умер святой старец, чудесный и предобрый, уже двадцать шесть лет прошло, и никто не дерзнул написать о нем, — ни далекие ему люди, ни близкие, ни великие люди, ни простые: известные не хотели писать, а простые не смели. Через один или два года после смерти старца я, окаянный и дерзкий, дерзнул сделать это. Вздохнув пред Богом и имя старца призвав в молитве, начал я подробно кое-что записывать о жизни старца, себе втайне говоря: «Я не возношусь ни перед кем,

но себѣ пишу, а запаса ради, и памяти ради, и ползы ради». Имѣях же у себѣ за 20 лѣтъ приготованы таковаго списаниа свитки, в нихже бѣаху написаны нѣкыя главизны еже о житии старцевѣ памяти ради: ова убо въ свитцѣхъ, ова же в тетратѣх, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди.

И сице ожидающу ми в таковаа времена и лѣта, и жадающу ми того, дабы кто паче мене и разумнее мене описалъ, яко да и азъ шед поклонюся ему, да и мене поучит, и вразумитъ. Но распытавъ, и услышавъ и увѣдавъ извѣстно, яко никтоже нигдѣ же речеся не писаше о немь, и се убо егда въспомяну или услышу, помышляю и размышляю: како тихое, и чюдное, и добродѣтелное житие его пребысть бес писаниа по многа времена? Пребых убо нѣколико лѣт, акы бездѣленъ в размышлении, недоумѣниемь погружаяся, и печалию оскръбляяся, и умом удивляяся, и желанием побѣждаася. И наиде ми желание несыто еже како и коим образом начяти писати, акы от многа мало, еже о житии преподобнаго старца.

И обрѣтох нѣкыя старца премыдры въ отвѣтех, разсудны и разумны, и въпросих я о нем, яко да препокоят мое желание, и рѣх има, аще достоит писатися. Они же отвѣщавше, рекоша: «Якоже бо нелѣпо и не подобает житиа нечистивых пытати, сице не подобает житиа святых муж оставляти, и не писати, и млъчанию предати, и в забытие положити. Аще бо мужа свята житие списано будет, то от того плъза велика есть и утѣшение вкупѣ списателем, сказателем, послушателем; аще ли же старца свята житие не писано будет, а самовидци и памятухи его аще будут преставилися, то кая потреба толикую и таковую плъзу в забытии положити и, акы глубинѣ, млъчанию предати? Аще не писано будет житие его, то по чему вѣдати не знавшим и не вѣдавшимь его, каковъ былъ, или откуду бѣ, како родися, и како възрасте, и како постирижеся, и како въздръжася, и како поживе, и каковъ имѣ конець житию? Аще ли будет писано, и сие нѣкто слышавъ, поревнуеть вьслѣд житиа его ходити и от сего приимет ползу. Пишет же Великий Василие:* „Буди ревнитель право живущимъ и сих житие и дѣание пиши на сердци своемь". Виждь, яко велит житиа святых писати не токмо на харатиах, но и на своем сердци плъзы ради, и не скрывати и ни таити: тайна бо царева лѣпо есть таити, а дѣла Божиа проповѣдати добро есть и полезно».

И оттолѣ нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцовъ, прилежно свѣдущих, въистинну извѣстно о житии его, якоже святое глаголет Писание: «Въпроси отца твоего, и възвѣстит тебѣ, и старца твоя, рекут тебѣ».* Елико слышах и разумѣх — отци мои повѣдаша ми, елика от старець слышах, й елика своима очима видѣх, и елика от самого устъ слышах, и елика увѣдах от иже въслѣд его ходившаго время немало и възлиавшаго воду на руцѣ его, и елика другаа нѣкаа слышахом и от его брата старѣйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепископу Ростовьскому;* ова же от инѣхь старцевъ

но для себя пишу, про запас, и на память, и для пользы». Были у меня за двадцать лет приготовлены с записями свитки, в которых написаны были некоторые главы о жизни старца для памяти: кое-что в свитках, кое-что в тетрадях, хотя и не по порядку, начало в конце, а конец в начале.

Так я ждал в то время и в те годы, желая, чтобы кто-нибудь значительнее меня и разумнее меня написал, а я бы пошел поклониться ему, чтобы и меня он поучил и вразумил. Но, расспросив, я услышал и узнал точно, что никто нигде так и не собрался писать о нем; и когда я вспомню или услышу об этом, то думаю и размышляю: почему такая тихая, и чудесная, и добродетельная жизнь его оставалась не описанной столь долгое время? Пребывал я несколько лет как бы в безделье и в размышлении, погружаясь в недоумение, в печали скорбя, умом удивляясь, желанием обуреваем. И объяло меня страстное желание хотя бы как-то начать писать, пусть немногое из многого, о жизни преподобного старца.

И нашел я неких старцев, премудрых в ответах, рассудительных и разумных, и расспросил я о Сергии, чтобы они успокоили мое желание, и спросил у них, следует ли мне писать. Они же в ответ сказали: «Насколько плохо и насколько не подобает о жизни нечестивых спрашивать, настолько не подобает жизнь святых мужей забывать, и не описывать, и молчанию предавать, и в забвении оставлять. Если мужа святого житие написано будет, то от этого будет польза большая вместе с утешением писателям, рассказчикам, слушателям; если же старца святого житие не написано будет, а знавшие и помнившие его умрут, то зачем такую полезную вещь оставлять в забвении и, как пучине, молчанию предать? Если не будет написано житие его, то как узнать не знавшим и не ведавшим его, каков он был, или откуда происходил, как родился, и как вырос, и как постригся, и как воздержанно существовал, и как он жил, и каков был конец жизни его? Если же будет написано житие, то, услышав о нем, кто-нибудь последует примеру жизни Сергия и от этого пользу получит. Ведь пишет Великий Василий: „Будь подражателем праведно живущим и их жизнь и деяния запечатлей в сердце своем". Видишь, как повелевает он жития святых писать — не только на пергамене, но и в сердце своем пользы ради, а не скрывать и не таить: ведь тайну цареву следует хранить, а дела Божьи проповедовать — дело доброе и полезное».

И поэтому пришлось мне допытываться и расспрашивать древних старцев, хорошо сведущих, поистине знающих жизнь его, как говорит святое Писание: «Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе». Все, что я услышал и узнал, — отцы сказали мне, кое-что от старцев слышал, и кое-что своими глазами видел, и кое-что из уст самого Сергия слышал, и кое-что узнал от человека, прислуживавшего ему немалое время и лившего воду на руки его, и кое-что еще слышал от брата его старшего Стефана, который был родным отцом Федора, архиепископа ростовского; иные же вещи

древних, достовѣрных бывших самовидцев рожеству его, и въспитанию, и къниговычению, възрасту его и юности даже и до пострижениа его; друзии же старци самовидци суще и свидѣтели неложнии и постризанию его, и начатку пустынножителству его, и поставлению его еже на игуменьство; и по ряду прочим прочии възвѣстители же и сказатели бываху.

Ино къ множеству трудов старьчих и къ великым исправлениемь его възирая, акы безгласенъ и бездѣленъ в недоумѣнии от ужасти бывая, не обрѣтаа словес потребных, подобных дѣянию его. Како могу азъ, бѣдный, в нынѣшнее время *Серьгиево* все по ряду житие исписати и многаа исправлениа его и неизчетныя труды его сказати? Откуду ли начну, яже по достоиньству дѣяниа того и подвигы послушателем слышаны вся сътворити? Или что подобает пръвие въспомянути? Или которая довлѣет бесѣда к похвалениемь его? Откуду ли приобрящу хитрость да възможна будет к таковому сказанию? Како убо таковую, и толикую, и не удобь исповѣдимую повѣмь повѣсть, не вѣдѣ, елма же чрез есть нашу силу творимое? Якоже не мощно есть малѣй лодии велико и тяшько бремя налагаемо понести, сице и превъсходит нашу немощь и ум подлежащая бесѣда.

Аще бо и побѣжаеть нашу худость, но обаче молимся всемилостивому и всесилному Богу и пречистѣй его Матери, яко да уразумит и помилует мене грубаго и неразумнаго, яко да подасть ми слово въ отврьзение устъ моих,* не моего ради, глаголюще, недостоиньства, но молитвъ ради святых старець. И самого того призываю Сергиа на помощь и съосѣняющую его благодать духовную, яко да поспѣшникъ ми будет и слову способникъ, еще же и его стадо богозванное, благо събрание, съборъ честных старець. К ним же смирениемь припадаю, и самѣх тѣх подножию касаюся, и на моление призываю и принуждаю. Зѣло бо тѣх молитвъ повсегда требую, паче же нынѣ, внегда сиа начинающу ми начинание и ко ейже устремихся сказаниа повѣсти. И да никтоже ми зазиратель на сие дрьзающу будет: ни бо аз самь възможнѣ имам, или доволенъ к таковому начинанию, аще не любовь и молитва преподобнаго того старца привлачит и томит мой помыслъ и принужает глаголати же и писати.

Достоит же яснѣе рещи, яко аще бы ми мощно было по моему недостоиньству, то подобаше ми отинудь съ страхом удобь молчяти и на устѣх своих пръстъ положити, свѣдущу свою немощь, а не износити от устъ глаголъ, еже не по подобию, ниже продрьзати на сицевое начинание, еже чрез свое достояние. Но обаче печяль приат мя, и жалость поят мя: толика и такова велика старца свята, пресловуща и многословуща житие его всюду обносимо, и по далним странамь, и по градом, мужа явленна и именита всѣм того исповѣдающим — и за толико лѣт житие оставлено и не описано бяше. Непщевах сиа молчанию предати, яко въ глубинѣ забвениа погрузити. Аще бо не писано будет старцево житие, но оставлено купно без въспоминаниа, то *се* убо никако же

я узнал от других старцев древних, достоверных очевидцев рождения его, и воспитания, и обучения грамоте, возмужания его, и юности до самого пострижения его; а другие старцы были очевидцами и свидетелями правдивыми и пострижения его, и начала пустынножительства его, и поставления его на игуменство; а о других событиях у меня были другие повествователи и рассказчики.

Но на множество трудов старца и великих дел его взирая, я был как бы безгласен и безделен, находясь в недоумении от ужаса, не находя слов нужных, достойных деяний его. Как могу я, бедный, в нынешнее время все житие Сергия по порядку написать, и о многих делах его и бессчетных трудах его рассказать? Откуда начну, чтобы по достоинству обо всех деяниях его и подвигах рассказать слушателям? Или что подобает прежде всего вспомнить? Или какие слова нужны для похвалы ему? Где найду мудрость, нужную для этого рассказа? Как такую, трудно передаваемую повесть расскажу, не знаю, — не будет ли это свыше моих сил? Как не может маленькая лодка удержать большой и тяжкий груз, так не может вынести наше бессилие и ум этого рассказа.

Хотя и свыше наших сил этот рассказ, но мы все же молимся всемилостивому и всесильному Богу и пречистой его Матери, чтобы он вразумил и помиловал меня, грубого и неразумного, чтобы он дал мне дар слова, который раскроет уста мои, — не ради меня, недостойного, но ради молитв святых старцев. И самого этого Сергия я призываю на помощь, и осеняющую его духовную благодать, чтобы он был мне помощником и поддержкой в рассказе, а также его стадо, призванное Богом, благое общество, собрание честных старцев. К ним я со смирением припадаю, и касаюсь их ног, и на молитву их призываю и побуждаю. Ведь очень в их молитвах я всегда нуждаюсь, особенно же сейчас, когда я начинаю это начинание и стремлюсь повесть эту рассказать. И пусть никто не осуждает меня, дерзающего на это: я сам не имел бы возможности и сил начать писать, но любовь и молитва преподобного старца влечет и томит мои помыслы и принуждает рассказывать и писать.

Следует яснее сказать, что хотя бы я, недостойный, и мог писать, но мне все же следовало бы со страхом молчать и на уста свои перст наложить, зная свою немощь, а не произносить устами слова, какие не подобает, и не следовало бы дерзать на дело, которое выше сил моих. Но все же печаль отягощает меня, и жалость охватила меня: жизнь такого великого старца святого, знаменитого и прославленного, всюду известна — и в дальних странах, и в городах об этом муже, известном и славном, все рассказывают — и за столько лет житие его не было составлено и написано. Я думал это молчанию предать, как будто в пучину забвения погрузить. Если не будет написано житие старца и оставлено без воспоминания, то не повредит это святому тому старцу,

повредит святого того старца, еже не получити ему от нас въспоминаниа же и писаниа: ихже бо имена на небесѣх Богъ написа,* симъ никаа же потреба от человекь требовати писаниа же и въспоминаниа. Но мы сами от сего не плъзуемся, оставляюще толикую и таковую плъзу. И того ради сиа вся събравше, начинаем писати, яко да и прочии *мниси*, яже не суть видали старца, да и тѣ прочтут и поревнують старцевѣ добродѣтели и его житию вѣрують; «блажени бо, — рече, — не видѣвше вѣроваша».* Пакы же другойци другаа печаль приемлет мя и обдержит мя: аще бо азъ не пишу, а инъ никтоже не пишет, боюся осужениа притчи оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ и облѣнившагося.* Онъ бо добрый старець, чюдный страстотръпець, без лѣности повсегда подвигомь добрым подвизаашеся и николи же обленися; мы же не токмо сами не подвизаемся, но и того готовых чюжих трудовъ, еже в житии его, лѣнимся възвѣстити писаниемь, послушателемь слышаниа сиа сътворити.

Нынѣ же, аще Богъ подасть, хотѣлъ убо бых писати от самого рожества его, и младеньство, и дѣтьство, и въ юности, и во иночьствѣ, и въ игуменьствѣ, и до самаго преставлениа, да не забвена будут толикаа исправлениа его, да не забыто будет житие его чистое, и тихое, и богоугодное. Но боюся усумняся прикоснутися повѣсти, не смѣю и недоумѣю, како бы сътворити пръвѣе начатокъ подписанию, яко выше силы моея дѣло бысть, яко немощенъ есмь, и грубъ, и неразумиченъ.

Но обаче надѣюся на милосердаго Бога и на угодника его, преподобнаго старца, молитву, и от Бога прошу милости, и благодати, и дара слову, и разума, и памяти. И аще Богъ подасть ми, и вразумит мя, и наставит мя, своего си раба неключимаго, не отчаю бо ся милости его благыя и благодати его сладкыя. Творит бо елико хощет и может, могый даровати слѣпымъ прозрѣние, хромымъ хожение, глухым слышание, нѣмымъ проглаголание. Сице может и мое омрачение просвѣтити, и мое неразумие вразумити, и моему недоумѣнию умѣние подати да убо о имени Господа нашего Исуса Христа, рекшаго: «Без мене не можете творити ничто же; ищите и обрящете, просите и приимете».* Сего Господа Бога, Спаса помощника на помощь призываю: тъй бо есть Богъ нашь великодатель, и благых податель, и богатых даровъ дародавець, премудрости наставникъ, и смыслу давець, несмысленым сказатель, учай человека разуму, даа умѣние неумѣющимь, дая молитву молящемуся, даяй просящему мудрость и разумъ, даяй всяко даание благо, даай даръ на плъзу просящимь, даай незлобивымь коварьство и отроку уну чювьство и смыслъ,* иже сказание словесъ его просвѣщает и разумь дает младенцем.

До зде убо окончавше предисловие, и тако Бога помянувше и на помощь призвавше его: добро бо есть о Бозѣ начати, и о Бозѣ кончати, и къ Божиим рабомъ бесѣдовати, о Божии угодницѣ повѣсть чинити. Начнѣмъ же уже основу слова, имемся по бесѣду, еже положити начало повѣсти; и тако прочее житие старцево о Бозѣ начинаемь писати сице.

если не останется у нас воспоминаний и писаний о нем: ведь тем, имена которых на небесах Богом написаны, нет надобности в писаниях и воспоминаниях людских. Но мы сами тогда пользы не получим, пренебрегши таким полезным делом. И поэтому, все собрав, начинаем писать, чтобы и остальные монахи, которые не видели старца, прочли этот рассказ и последовали добродетели старца и поверили в его жизнь; ведь сказано: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Более других одна печаль сокрушает меня и обуревает меня: если я не напишу и никто другой не напишет жития, то боюсь быть осужденным согласно притче о рабе ленивом, скрывшем талант и обленившемся. Ведь добродетельный старец Сергий, чудесный страстотерпец, без лени всегда в подвигах добрых пребывал и никогда не ленился; мы же не только не стремимся к подвигам, но даже об известных чужих трудах, которыми славна жизнь Сергия, ленимся сообщить в повести, рассказать об этом слушателям.

Теперь же, если Бог поможет, хочу уже приступить к рассказу, начиная от рождения Сергия, и поведать о его младенчестве, и детстве, и юности, и об иноческой жизни его, и об игуменстве, и до самой кончины его, чтобы не забыты были великие деяния его, чтобы не забыта была жизнь его, чистая, и тихая, и богоугодная. Но сомневаюсь, боюсь приступить к написанию повести, не смею и недоумеваю, как начать писать, ведь свыше сил моих дело это, ведь я немощен, и груб, и неразумен.

Но, однако, надеюсь на милосердного Бога и на молитву угодника его, преподобного старца, и у Бога прошу милости, и благодати, и дара слова, и разума, и памяти. И если Бог даст мне это, и вразумит меня, и научит меня, своего раба недостойного, то не отчаиваюсь я получить милость его благую и благодать его сладостную. Ведь он может творить все, что хочет, может даровать слепым прозрение, хромым исцеление, глухим слух, немым речь. Так и мое помрачение ума он может просветить, и мое неразумие поправить, и мое неумение умением сделать во имя Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «Без меня вы не можете ничего сделать; ищите и найдете, просите и получите». Господа Бога, Спаса и помощника на помощь призываю: он есть Бог наш, великодатель, подающий благо, дарователь богатых даров, наставник в премудрости и дающий разум, неученых учитель, учащий людей разуму, дающий умение неумеющим, дающий молитву молящемуся, дающий просящему мудрость и разум, дающий всякое дарование благое, дающий дар на пользу просящим, дающий незлобивым хитрость и отроку юному чувство и ум, произнесение же слов его просвещает и разум дает младенцам.

Здесь кончаю предисловие, Бога вспомнив и на помощь призвав его: хорошо с Богом начать дело, и с Богом кончить его, и с Божьими рабами беседовать, и о Божьем угоднике повесть писать. Начнем уже самое главное, возьмемся за повествование, чтобы приступить к началу рассказа; и вот уже о жизни старца с Божьей помощью начинаем писать так.

НАЧАЛО ЖИТИЮ СЕРГИЕВУ

Благослови, Отче! Съй преподобный отець нашь Сергие родися от родителя доброродну и благовѣрну: от отца, нарицаемаго Кирила, и от матере именем Мариа, иже бѣста Божии угодници, правдиви пред Богомь и пред человекы, и всячьскыми добродѣтелми исплънени же и украшени, якоже Богъ любит. Не попусти бо Богъ, иже таковому дѣтищу въсиати хотящу, да родится от родителю неправедну. Но прежде проуготова Богъ и устроилъ таковаа праведна родителя его и потом от нею своего си произведе угодника. О прехвалная връсто! О предобраа супруга, иже таковому дѣтищу родителя быста! Прежде же подобаше почтити и похвалити родителей его, да от сего яко нѣкое приложение похвалы и почьсти ему будет. Понеже лѣпо бяше ему от Бога дароватися многым людем на успѣх, на спасение же и на пльзу, и того ради не бѣ лѣпо такому дѣтищу от неправедных родитися родителей, ниже иным, сирѣчь неправеднымъ родителем таковаго не бѣ лѣпо родити дѣтища. Но токмо тѣмъ единѣмь от Бога даровася, еже и прилучися: паче и снидеся добро къ добру и лучьшее къ лучьшему.

И бысть же и чюдо нѣкое прежде рождениа его: прилучися нѣчто сицево, егоже не достоит млъчанию предати. Еще бо ему въ утробѣ матерьнѣ носиму, въ единъ от дний дневи сущу недели мати его вниде въ церковь по обычаю, въ время, егда святую поют литургию. И стояще с прочими женами въ притворѣ, и внегда хотяху начати чести святое Евангелие, людем млъчащим, тогда абие внезаапу младенець начят въпити въ утробѣ матернѣ, якоже и многым от таковаго проглашениа ужаснутися о преславнѣмь чюдеси, бывающемь о младенци семъ. Пакы же, егда преже начинаниа еже пѣти херувимскую пѣснь, рекше: «Иже херувимь», тогда внезаапу младенець гласомь начя велми верещати въ утробѣ вторицею паче прьваго, яко и въ всю церковь изыде глас его, яко и самой матери его ужасшися стояти, и сущим женамь стоящим ту, и недомыслящимся в себѣ, глаголющим: «Что убо будет о младенци семъ?» Вънегда же иерѣй възгласи: «Вънмѣмь, святаа святым!», тогда пакы младенець третицею велми възопи.

Мати же его мало не паде на землю от многа страха, и трепетомъ великым одръжима сущи, и ужасшися, начя в себѣ плакати. Прочая же вѣрныя оны жены приступльши к ней, начаша въпрашати ю, глаголюще: «Имаши ли в пазусѣ младенца пеленами повита, егоже глас младенческый слышахомь, въ всей церкви верещающе?» Она же в недоумѣнии от многа плачя не можаше к ним ни провѣщати, но вмалѣ отвѣща им: «Пытайте, — рече, — инде, аз бо не имамъ». Они же въпрашаша, пытающе промежю собою, и поискавше, и не обрѣтоша. Пакы обратишася к ней, глаголюще: «Мы въ всей церкви поискавше и не обрѣтохом младенца. Да кый тъй есть младенець, иже гласом проверещавый?» Мати же его, не могущи утаити бываемаго и испытаемаго, отвѣща к

НАЧАЛО ЖИТИЯ СЕРГИЯ

Благослови, Отче! Преподобный отец наш Сергий родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такой младенец, который должен был воссиять, родился от неправедных родителей. Но сначала создал Бог и предуготовил таких праведных родителей его и потом от них произвел своего угодника. О достохвальная чета! О добрейшие супруги, бывшие такому младенцу родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это неким добавлением будет к похвалам и почестям ему. Ведь нужно было, чтобы дарован был Сергий Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителей, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика — преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым!» — младенец снова, в третий раз, громко закричал.

Мать же его чуть на землю не упала от сильного страха и, ужаснувшись, в великом трепете, начала тихо плакать. Остальные же благоверные женщины подошли к ней, стали спрашивать ее, говоря: «Что это — не ребенок ли у тебя за пазухой в пеленках, а мы его детский крик слышали, раздававшийся по всей церкви?» Она же в растерянности из-за обильных слез не могла ничего им сказать, но только ответила: «Ищите, — сказала она, — в другом месте, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, и поискали, и не нашли. Снова они обратились к ней, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать же его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им:

нимь: «Азъ младенца в пазусѣ не имам, якоже мните вы, имѣю же въ утробѣ, еще до времени не рожена. Сий провъзгласилъ есть». Жены же рѣша к ней: «До како дасться глас преже рожениа младенцу, въ утробѣ сущу?» Она же рече: «Аз о семь и сама удивляюся и вся есмь въ страсѣ, трепещу, не вѣдущи бываемаго».

Жены же, въздохнувше и бьюще в перси своя, възвращахуся кааждо на свое мѣсто, токмо к себѣ глаголющи: «Что убо будет отроча се? И яже о немь воля Господня да будет». Мужие же въ церкви сиа вся слышавши и видѣвши, стояху безмолвиемь ужасни, донде же иерѣй святую съвръши литургию, и съвлечеся ризъ своихъ, и распусти люди. И разидошася кийждо въсвояси; и бысть страх на всѣх слышащих сиа.

Мариа же, мати его, от дне того, отнеле же бысть знамение таковое и проявление, оттолѣ убо пребываше до времене рожениа его и младенца въ утробѣ носящи яко нѣкое съкровище многоцѣнное, и яко драгый камень, и яко чюдный бисеръ, и яко съсуд избранъ. И егда в себѣ сего носяше и симъ непразднѣ сущи ей, тогда сама съблюдашесе от всякыя сквръны и от всякыя нечистоты, постомъ ограждаяся, и всякыя пища тлъстыя ошаявся, и от мяс, и от млека, и рыбъ не ядяше, хлѣбомъ точию, и зелиемь, и водою питашеся. И от пианьства отинудь въздръжашеся, но вмѣсто питиа всякого воду едину точию, и то по оскуду, испиваше. Началѣ же втайнѣ наединѣ съ въздыханиемь и съ слъзами моляшеся къ Богу, глаголя: «Господи! Спаси мя, съблюди мя, убогую си рабу свою, и сего младенца носимаго въ утробѣ моей спаси и съхрани! Ты бо еси храняй младенца Господь, и воля твоа да будет, Господи! И буди имя твое благословено въ вѣкы вѣком. Аминь».

И сице творя, пребываше даже и до самого рождениа его; велми же прилежаше паче всего посту и молитвѣ, яко и самое то зачатие и рожество полно бѣ поста и молитвы. Бяше бо и та добродѣтелна сущи и зѣло боящися Бога, яко и преже рождениа его увѣдавъши и разумѣвъши яже о нем таковое знамение, и проявление, и удивление. И съвѣщаша с мужемь своим, глаголя яко: «Аще будет ражаемое мужьскъ полъ, обѣщаевѣся принести его въ церковь и дати его благодетелю всѣх Богу»; якоже и бысть. Оле вѣры добрыа! О теплоты благы! Яко и преже рожества его обѣщастася привести его и вдати благых подателю Богу, якоже древле Анна пророчица, мати Самоиля пророка.*

Егда же исплънишася дние родити ей, и роди младенца своего. И зѣло непечално рожество приимши, родители же его призваста к себѣ ужикы своя, и другы, и сусѣди, и възвеселишася, славяще и благодаряще Бога, давшаго има таковый дѣтищь. По рожении же его, внегда и пеленами повито бысть отрочя, нужа всяко бяше еже и к сосцу принести. Да внегда аще случяшеся матери его пищу нѣкую вкусити еже от мяс, и тою насыщенѣ быти и полнѣ утробѣ ея, тогда никакоже младенець съсцу касашеся. И сие случашеся не единою бывати, но овогда день, овогда два младенцу не напитатися. Иже отинудь о семъ ужасъ

«Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он и кричал». Женщины же сказали ей: «Как может быть дарован голос до рождения младенцу, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я тому и сама удивляюсь, вся объята страхом, трепещу, не понимая случившегося».

И женщины, вздыхая и бия себя в грудь, возвращались каждая на свое место, так говоря про себя: «Что же это будет за ребенок? Да будет с ним воля Господня». Мужчины же в церкви, все это слышавшие и видевшие, в ужасе стояли молча, пока иерей совершил святую литургию, снял ризы свои и отпустил людей. И разошлись все восвояси; и страшно было всем, слышавшим это.

Мария же, мать его, с того дня, когда было это знамение и происшествие, с тех пор пребывала благополучно до родов и носила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный. И когда в себе ребенка носила и была им беременна, тогда она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, постом ограждала себя, и всякой пищи скоромной избегала, и мяса, и молока, и рыбы не ела, лишь хлебом, и овощами, и водой питалась. От пьянства совершенно воздерживалась, а вместо различных напитков одну только воду, и ту понемногу, пила. Часто же втайне наедине вздыхая, со слезами молилась Богу, так говоря: «Господи! Спаси меня, соблюди меня, убогую рабу твою, и младенца этого, которого ношу я в утробе моей, спаси и сохрани! Ты, Господи, охраняющий младенца, — да будет воля твоя, Господи! И да будет имя твое благословенно во веки веков! Аминь!»

И делая так, жила она до самого рождения ребенка; усердно постилась и молилась, так что само зачатие и рождение ребенка произошли в посте и молитве. Была она добродетельна и весьма богобоязненна, так как уже до рождения ребенка поняла и уразумела такое знамение и явление, достойное удивления. И советовалась она с мужем своим, говоря так: «Если родится у нас мальчик, дадим обет принести его в церковь и отдать его благодетелю всех Богу»; что и сбылось. О вера славная! О любовь благая! Еще до рождения ребенка обещали родители привести его и отдать дарователю благ Богу, как в древности сделала Анна-пророчица, мать Самуила-пророка.

Когда настал срок родов, родила она своего младенца. И, весьма радостно рождение его встретив, родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей, и предались веселью, славя и благодаря Бога, давшего им такое дитя. После рождения его, когда в пеленки был завернут младенец, нужно было к груди его приносить. Но когда случалось, что его мать ела некую мясную пищу, которой она насыщала и наполняла свою плоть, тогда младенец никак не хотел грудь брать. И это случалось не один раз, но иногда день, иногда два дня ребенок не ел. Поэтому страх вместе со скорбью овладевал

вкупѣ и скрьбь обдрьжаше рожшую и сродникы ея. И едва разумѣша, яко не хощет младенець еже от мяс питаемѣ питателнице его быти тѣмь млеком напаятися, но точию от поста и не раздрѣшатися. И уже оттолѣ пища матерня вьздрьжание и постъ бяше, и оттолѣ младенець повсегда по обычаю питаемъ бываше.

И испльнишася дние обѣщанию матери его: яко бысть по днех шестих седмиць, еже есть четверодесятный день по рожествѣ его, родители же его принесоста младенець въ церковь Божию, въздающе, яко же и приаста, якоже обѣщастася въздати его Богу, давъшему его; купно же иерѣеви повелѣвающа, яко да крещениемъ божественым сьврьшити и. Иерей же, огласивъ его, и много молитвовавъ над нимь, и с радостию духовною и съ тщаниемь крести его въ имя Отца, и Сына, и Святого Духа — Варфоломѣя въ святомъ крещении нарекъ того имя. Възвед же его абие от купѣлныя воды крещениа благодать приимши богатно святого Духа, и провидѣвъ духомь божественым, и проразумѣ, съсуду избранну быти младенцу.

Отець же его и мати разумь имуща Святого писаниа не худѣ, и та повѣдаста иерѣови, како, носим сый въ утробѣ матерни, въ церкви трикраты провъзгласи: «Что убо будет сие, мы не вѣмы». Иерѣй же, именем Михаилъ, разсудень сый книгам, повѣдаше има от Божественаго писаниа, от обою закона, Ветхаго и Новаго, сказа, глаголя: «Давиду въ Псалтыри рекшу, яко: „Несъдѣланное мое видѣста очи твои",* и самь Господь святыми своими усты учеником си рече: „Вы же яко искони съ мною есте".* Тамо, въ Ветхом законѣ, Иеремѣя пророкъ въ чревѣ матерни освятися,* здѣ же, в Новѣм, Павелъ апостолъ вьпиаше: „Богъ, отецъ Господа нашего Исуса Христа, възвавый мя изъ чрева матере моея, явити сына своего въ мнѣ, да *благовѣствую* въ странах"».* И ина множайшаа от святыхь повѣда *има* Писаниа. О младенци же рече к родителемь: «Не скрьбите о сем, но паче радуйтеся и веселитеся, яко будет съсуд избранъ Богу, обитель и служитель Святыя Троица»; еже и бысть. И тако благословивъ отроча и родителя его, отпусти а в дом ею.

Потом же по времени, малым минувъшим днем, о младенци пакы чюдодѣйствовашеся другое нѣкое знамение, странно нѣчто и незнаемо: в среду бо и в пяток не приимаше* ни от съсцу, ни от млека кравья, но отинудь ошаятися ему и не ссати, и не ядущу пребывати ему в весь день. Кромѣ же среды и пятка въ прочая дни по обычаю питашеся; аще ли будяше въ среду и в пятокъ, то алченъ младенець пребываше. Се же не единою, ни дважды, но и многажды прилучашеся, еже есть по вся среды и пяткы бываше. От сего нѣкым мняшеся, яко болно бѣ дѣтище; о сем же убо мати его скрьбяще сѣтоваше. И съ другими женами, съ прочими кормителницами, расматряюще бѣаше, мняше, яко от нѣкиа болѣзни младенцу приключашеся сие бывати. Но обаче обзираху повсюду младенца, яко нѣсть болно, и яко не обрѣташеся в нем явленыя или не

родившей младенца и родственниками ее. И с трудом они поняли, что не хочет младенец пить молоко, когда мясом питается кормящая его, но согласен пить, только если она не будет разрешаться от поста. И с той поры мать воздерживалась и постилась, и с тех пор младенец стал всегда, как должно, кормиться.

И пришел день исполнения обета его матери: после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божью, отдавая то, что получили от Бога, поскольку они обещали отдать ребенка Богу, даровавшему его; к тому же иерей повелевал, чтобы ребенок получил крещение божественное. Иерей же, приготовив ребенка к таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — именем Варфоломей в святом крещении назвав его. Он вынул ребенка, принявшего обильно благодать Святого Духа, из купели, и почувствовал иерей, осененный духом Божьим, понял, что сосудом избранным будет этот младенец.

Отец его и мать хорошо знали Святое писание, и рассказали они иерею, как их сын, еще находившийся в утробе матери, в церкви три раза прокричал: «Не знаем мы, что означает это». Иерей же, по имени Михаил, разбирающийся в книгах, поведал им из Божественного писания, из обоих законов, Ветхого и Нового, и сказал так: «Давид в Псалтыри сказал, что: „Зародыш мой видели очи твои"; и сам Господь святыми своими устами ученикам своим сказал: „Потому что вы с самого начала со мною". Там, в Ветхом завете, Иеремия-пророк в чреве матери освятился; а здесь, в Новом завете, Павел-апостол восклицает: „Бог, отец Господа нашего Иисуса Христа, воззвавший меня из чрева матери, чтобы открыть сына своего во мне, чтобы я благовествовал его в странах"». И много других вещей поведал иерей родителям из Святого писания. О младенце же сказал родителям: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы»; что и сбылось. И вот, благословив дитя и родителей его, он отпустил их домой.

Потом, через некоторое время, по прошествии немногих дней, другое некое знамение чудодейственное было младенцу, нечто странное и невиданное: в среду и в пятницу он не брал грудь и не пил молока коровьего, но воздерживался, и не сосал груди, и так без еды оставался в течение всего дня. А кроме среды и пятницы, в прочие дни как обычно питался; по средам же и пятницам оставался голодным младенец. Так было не один раз, не дважды, но много раз повторялось это, то есть каждую среду и пятницу. Поэтому некоторые думали, что ребенок болен; и об этом мать его с прискорбием сетовала. С другими женщинами, с иными кормящими матерями, она думала об этом, считая, что от какой-нибудь болезни происходило это с младенцем. Но, однако, осматривая младенца со всех сторон, они видели, что он не болен и что на нем нет явных

явленныя знамение болѣзни: ни плакаше, ни стъняше, ни дряхловаше. Но и лице, и сердце, и очи весели, и всячьскыи младенцу радостну сущу, яко и ручицами играше. Тогда вси видящи, и познаша, и разумѣша, яко не болѣзни ради в пятокъ и въ среду младенець млека не приимаше, но проявление нѣкое прознаменашеся, яко благодать Божиа бѣ на нем. Еже проявляше будущаго въздержаниа образ, яко нѣкогда въ грядущаа времена и лѣта въ постном житии просиати ему; еже и бысть.

Другойци же мати его привожаше к нему жену нѣкую доилицу имущу млеко, дабы его напитала. Младенець же не рачи приати никако же от чюждиа матери питатися, но точию от своея си родителница. И сие видѣвше, прихождаху к нему и другыя жены, таци же и доилици, тѣм подобно тако же творити, якоже и пръвие. И тако пребысть своею токмо питаем материю дондеже и отдоенъ бысть. Се же сматряют нѣции, яко и се знамение бысть, яко дабы добра корене добраа лѣторасль нескврънным млекомь въспитанъ бывъ.

Нам же мнится сице быти: яко сий младенець измлада бысть Господеви рачитель, иже въ самой утробѣ и от утробы матерня къ богоразумию прилѣпися, иже от самѣх пеленъ Господа познальъ и въправду уразумѣлъ, иже въ пеленах сый в самой колыбѣли пощению навыкаше; иже от матери млекомъ питаем сый вкупѣ с плотным млеком въздержанию учашеся; иже по естеству младенець сый, но выше естества постъ начинаше; иже въ младенцѣ чистотный бысть въскрълмленикъ; иже благочестием паче, нежели млеком въспитанъ бысть; иже преже рожениа его избранъ Богомь и пронареченъ, егда, въ утробѣ матернѣ носим, трикраты въ церкви провъзгласи, иже слышащаа удивляет.

Дивити же ся паче сему подобает, како младенець въ утробѣ не провереща кромѣ церкви, без народа, или индѣ, втайнѣ, наединѣ, но токмо при народѣ, яко да мнози будут слышателие и свѣдетели сему истинству. И пакы, како не памалу провъзгласи, но въ всю церковь, яко да въ всю землю изыдет слово о нем; и егда сущей родителнице его или на пиру, или в нощи спяще, но въ церкви, паче же и на молитвѣ — да молитвъникъ крѣпокъ будет къ Богу. И како не провереща нѣ в коей хлѣвинѣ или не в чистѣ мѣсте нѣкоем и ненарочитѣ, но паче въ церкви, стояще на мѣстѣ чистѣ, святѣ, идѣже подобает святыню Господню съвръшити — яко да обрящется съвръшеная святыня Господня въ страсѣ Божии.

Пакы ему достоит чюдитися, что ради не провъзгласи единицею или дважды, но паче третицею, яко да явится ученикъ Святыя Троица, понеже убо тричисленое число паче инѣх прочих числъ болши есть зѣло чтомо. Вездѣ бо троечисленое число всему добру начало и вина взвѣщению, якоже се глаголю: трижды Господь Самоила пророка възва,* трею камению пращею Давидъ Голиада порази;* трижды повелѣ възливати воду Илиа на полѣна,* рекъ:

или скрытых признаков болезни: он не плакал, не стонал, не был печален. Но и лицом, и сердцем, и глазами младенец был весел, и всячески радовался, и ручками играл. Тогда все увидели, и поняли, и уразумели, что не из-за болезни по пятницам и средам младенец молока не пил, но это проявилось некое знамение того, что благодать Божья была на нем. Это был образ будущего воздержания, того, что когда-нибудь, в грядущие времена и годы, младенец прославится постнической жизнью; что и сбылось.

В другой раз мать его привела к нему некую женщину-кормилицу, у которой было молоко, чтобы она его накормила. Младенец же никак не хотел от чужой матери питаться, но только от своей родительницы. И когда это увидели, приходили к нему и другие женщины, такие же кормилицы, и с ними было то же самое, что и с первой. Так он питался только молоком своей матери, пока не был выкормлен. Некоторые думают, что и это было знамение, означающее, что от благого корня благая ветвь неоскверненным молоком должна быть вскормлена.

Нам же думается так: этот ребенок с детства был почитатель Господа, еще в самой утробе материнской и после рождения он к набожности был склонен, и от самых пеленок Господа познал, и поистине уразумел; будучи еще в пеленках и в колыбели, к посту привыкал; и, материнским молоком питаясь, вместе с вкушением этого молока воздержанию учился; и, будучи возрастом младенец, не как младенец поститься начинал; и младенцем воспитан был в чистоте; и до своего рождения он избран был Богом, и было предсказано его будущее, когда, находясь в утробе матери, трижды он в церкви прокричал, что удивляет всех, кто слышит об этом.

Но более подобает удивляться тому, что не прокричал младенец в утробе вне церкви, без народа, или в другом месте, втайне, наедине, — но именно при народе, чтобы много было слушателей и свидетелей этому истинному событию. И удивительно также, что не тихо он прокричал, но на всю церковь, чтобы по всей земле прошел слух о нем; удивительно, что не прокричал он, когда мать его или на пиру была, или ночью спала, но когда она была в церкви, во время молитвы — да будет родившийся усердно молиться Богу. Удивительно, что прокричал он не в каком-нибудь доме или каком-нибудь нечистом и неизвестном месте, но, напротив, в церкви, стоящей на месте чистом, святом, где и подобает литургию Господню совершить, — это означает, что ребенок будет в страхе Божьем совершенным святым у Господа.

Также следует удивляться, что он прокричал не один раз или дважды, но и в третий раз, чтобы ясно было, что он ученик Святой Троицы, так как число три больше всех иных чисел почитается. Везде ведь число три является началом блага и поводом для троекратного возвещения, и я вот что скажу: трижды Господь к Самуилу-пророку воззвал; тремя камнями из пращи Давид Голиафа поразил; трижды повелел лить воду Илья на поленья, сказав: «Сде-

«Утройте», — утроиша; трижды тожде Илиа дуну на отрочища и въскреси его; три дни и три нощи Иона пророкъ в китѣ тридневнова,* трие отроци в Вавилонѣ пещь огньную угасиша;* тричисленое же слышание Исаию-пророку серафомовидцу,* егда на небеси слышашеся ему пѣние аггельское, трисвятое, вьпиющих: «Святъ, святъ, святъ господь Саваофъ!» Трею же лѣт въведена бысть въ церковь Святаа Святых пречистая дева Мариа;* тридесяти же лѣтъ Христос крестися от Иоанна въ Иерданѣ; три же ученикы Христос постави на Фаворѣ и преобразися пред ними;* тридневно же Христос изъ мертвых въскресе; трикраты же Христос по въскресении рече: «Петре, любиши ли мя?»* Что же извѣщаю по три числа, а что ради не помяну болшаго и страшнаго, еже есть тричисленое Божество: треми святынями, треми образы, треми собьствы, въ три лица едино Божество пресвятыа Троица, и Отца, и Сына, и Святого Духа; триупостаснаго Божества, едина сила, едина власть, едино господьство? Лѣпо же бяше и сему младенцу трижды провъзгласити, въ утробѣ матернѣ сущу, преже рожениа, прознаменуя от сего, яко будет нѣкогда троичный ученикь, еже и бысть, и многы приведет в разумь и въ увѣдѣние Божие, уча словесныя овца вѣровати въ Святую Троицу единосущную, въ едино Божество.

Воле, не указание ли се будет явѣ, яже о том послѣди будущаа дивна и странна! Воле, не знамение ли се есть истовое, до покажется, яже о нем да збудеться дѣлесы чюдесными напослѣдокь! Подобает бо видѣвшим и слышавшим первая и вѣровати послѣдним. Яко и преже рожениа его Богъ прознаменалъ есть его: не просто бо, ни бездобь таковое знамение и удивление бывшее преднее, но предпутие есть послѣди будущим. Се же понудихомся рещи, елма же чюдна мужа чюдно и житие повѣдается.

Лѣпо же здѣ помянути и древних святых, иже въ Ветхом и Новѣм законѣ въсиавших; и многых бо святых зачятие и рожество откровениемь божественым нѣкако откровено бысть. Мы бо не от себе износимь слово, но от святых взимающи писаний словеса и къ предлежащей повѣсти повѣсть приуподобляюще въспоминаниемь сице: и понеже Иеремѣю пророка Богъ въ чревѣ матерни освяти,* и прежде рожениа его провѣдый яко провидець Богъ, яко быти ему приателищу Святого Духа, наплъняет сего абие благодати от юностна възраста. Исаия же пророкъ рече: «Глаголеть Господь, възвавый мя изъ утробы, и ис чрева матере моея избравъ, пронарече мя».* Святый же великый Иоан пророкъ Предтечя еще сый въ утробѣ матерни позна Господа, носимаго въ ложеснѣх пречистыя приснодевы Мариа; и възыграся младенець радощами въ чревѣ матери своея *Елисавети*, и тоя устнами пророчьствова. И възопи тогда, глаголя: «Откуду се мнѣ, да прииде мати Господа моего къ мнѣ?»* Святый же славный пророкъ Илиа Фезвитянинъ, егда роди его мати его, тогда родители его видѣша видѣние, яко мужие благокрасни и бѣлообразни нарица-

лайте это трижды», — и три раза так сделали; трижды также Илья дунул на отрока и воскресил его; три дня и три ночи Иона-пророк внутри кита находился; три отрока в Вавилоне печь огненную погасили; трижды было повторено Исайе-пророку, видевшему серафимов своими глазами, когда он на небе слышал пение ангелов, восклицающих трижды святое имя: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф!» В возрасте трех лет введена была в церковь, в Святая Святых, пречистая дева Мария; в тридцать же лет Христос был крещен Иоанном в Иордане; трех учеников Христос поставил на Фаворе и преобразился перед ними; через три дня Христос из мертвых воскрес; трижды Христос после воскресения спросил: «Петр, любишь ли ты меня?» Что же я говорю о числе три и не вспомню о более величественном и страшном, о триедином Божестве: в трех святынях, трех образах, трех ипостасях, в трех лицах едино Божество Пресвятой Троицы, и Отец, и Сын, и Святой Дух; почему не вспомню триипостасное Божество, у которого единая сила, единая власть, единое господство? Следовало и этому младенцу трижды прокричать, находясь в утробе матери, до рождения, указывая этим, что будет ребенок некогда учеником Троицы, что и сбылось и многих приведет к разумению и познанию Бога, уча словесных овец веровать в Святую Троицу единосущную, в единое Божество.

Не указание ли это явное, что с ребенком в будущем произойдут удивительные и необычные вещи! Не знамение ли это верное, чтобы ясно было, что младенцем этим свершатся дела чудесные впоследствии! Подобает видевшим и слышавшим первые знамения верить последующим событиям. Так, еще до рождения святого Бог отметил его: ведь было не простое, не пустое это, достойное удивления, первое знамение, но началом было пути будущего. Об этом мы постарались сообщить, потому что об удивительной жизни удивительного человека рассказывается.

Следует здесь вспомнить и древних святых, которые в Ветхом и Новом законе воссияли; ведь многих святых зачатие и рождение откровением божественным как-то было отмечено. Ведь мы не от себя говорим это, но из святых писаний берем слова и с нашим рассказом мысленно сравниваем другой рассказ: ведь и Иеремию-пророка Бог во чреве матери освятил, и до рождения его предвидя все предвидящий Бог, что будет Иеремия вместилищем Святого Духа, наполнил его благодатью с юных лет, Исайя же пророк сказал: «Говорит Господь, призвавший меня из утробы, и, из чрева матери избрав меня, он назвал мое имя». Святой же великий пророк Иоанн Предтеча еще в утробе матери познал Господа, носимого во чреве пречистой приснодевы Марии; и взыграл младенец радостно во чреве матери своей Елизаветы, и ее устами пророчествовал. И воскликнула она тогда, говоря: «Откуда это мне, что пришла мать Господа моего ко мне?» Что же касается святого и славного пророка Ильи Фезвитянина, то, когда родила его мать, видели родители его видение, — как мужи прекрасные и со светлыми лицами называли имя ребенка, и в огненные

хут имя е́му, и огнеными пеленами повиваху его, и пламы огненый дааху ему ясти. Отець же его, шед въ Иерусалим, възвѣсти сиа архиереом. Они же рѣшя ему: «Не бойся, человече! Будет бо дѣтище сего житие свѣт и слово суд, и тъй судит Израилю оружием и огнем»; еже и бысть.

Святый Николае чюдотворець,* егда родися и начяшя омывати его, вънезаапу въста младенець на ногу свою и стояше простъ в ночвах* полтора часа. Святый же преподобный отецъ нашь Ефрѣмь Сиринъ, егда бѣ родися младенець, родителие его видѣние видѣста: виноград на языцѣ его насажденъ, и възрасте, и исполни всю землю, и прихожаху птица небесныя и ядяху от плода его. Виноград же проявляше хотящий разум податися ему. Преподобъный Алимпий стлъпникь, преже рожества его мати его видѣ сонъ таковый, яко ношаше на руку своею агнець красенъ, имущь на рогу своею свѣща. И от того разумѣ, яко хощет родитися отроча и будет добронравно; якоже и бысть. Иже въ святых отець нашь преподобный Симеонъ стлъпникъ, иже на Дивнѣй горѣ чюдотворець, зачят бѣ от обѣщаниа Предтечи, Крестителю матери его възвѣстившу. И рожся, въегда доену ему быти, небрежаше леваго съсца. Богу проявившу о сем, яко десный путь заповѣди Господня възлюбити ему. Святый Феодоръ Сикиотъ чюдотворець, егда бѣ въ утробѣ матернѣ младенець, мати его видѣние видѣ: звѣзда съ небесъ сшед, паде на утробу ея. Се же звѣзда проявляше всяку добродѣтель отрочяти. Пишет в житии Великаго Евфимиа, яко преже рожениа его, въ едину бо от нощей, молящимася родителема его в нощи единѣма, нѣкое Божие явление явися има, глаголя: «Тѣшитася и утѣшитася! Се бо дарова вама Богъ отрока тѣшениа тяклоименита,* яко въ родствѣ его тѣшение дарова Богъ своим церквам». И пакы в житии Феодора Едесскаго писано есть, яко родители его Симеонъ и Мариа молитвою просиста себѣ дѣтища сына. Въ единъ от дний, въ прьвую суботу Великаго поста, въ церкви молящимася има, сладко нѣкое видѣние предста има, особь комуждо их явься: мняста бо ся видѣти великого мученика Феодора Тирона купно с Павлом апостолом стояща и глаголюща: «Въистину даръ Божий* будет ражаемый отрокъ, еже есть Феодоръ»; еже и бысть. Пишет же в житии святого отца нашего Петра митрополита,* новаго чюдотворца иже в Руси, яко прилучися нѣчто сицево знамение. И прежде рожениа его, еще сущу ему въ утробѣ матернѣ, въ едину от нощей, свитающи дневи недели, видѣ видѣние таково мати его: мняше бо ся ей агньца держати на руку своею; посрѣди же рогу его древо благолиствено израстъше, и многыми цвѣты же и плоды обложено, и посрѣди вѣтвий его многы свѣтяща свѣща. И възбудившися, недоумѣашеся, что се, или что събытие и конець таковому видѣнию. Обаче аще она и не домысляшеся, но конець сбытию послѣди съ удивлениемь яви, еликыми дарми угодника своего Богъ обогати.

И что подобаетъ инаа прочаа глаголати и длъготою слова послушателем слухи лѣнивы творити? Сытость бо и длъгота *слова* ратникъ есть слуху, якоже

пелены заворачивали его, и пламя огня давали ему есть. Отец же его, отправившись в Иерусалим, сообщил об этом архиереям. А они сказали ему: «Не бойся, человек! Ибо жизнь ребенка будет как свет и слово как суд, и он будет судить Израиль оружием и огнем»; что и сбылось.

А святой Никола-чудотворец, когда начали омывать его после рождения, внезапно встал на ноги свои и стоял так в ночвах полтора часа. А о святом преподобном отце нашем Ефреме Сирине рассказывается, что, когда родился младенец, родители его видение видели: виноградник на языке у него был посажен, и вырос, и наполнил всю землю, и приходили птицы небесные, и клевали плоды виноградные; виноградник означал разум, который будет дан святому. А о преподобном Алимпии-столпнике известно, что перед рождением ребенка мать его видела такой сон, — как будто она носила на руках красивого ягненка, у которого на рогах были свечи. И тогда она поняла, что у нее должен родиться мальчик, и будет он добродетельным; что и сбылось. И святой отец наш преподобный Симеон-столпник, на Дивной горе чудотворец, был зачат, как обещал Предтеча, — ведь Креститель матери его возвестил об этом. И когда ребенок родился и его кормили грудью, он не брал левый сосок. Бог показал этим, что правый путь следования заповеди Господа возлюбит младенец. Когда святой Федор Сикеот-чудотворец был еще в утробе матери, мать его видение видела: звезда с небес сошла и упала ей на чрево. Эта звезда указывала на всякие добродетели младенца. Написано в житии Великого Евфимия, что до рождения его, в одну из ночей, когда родители его молились ночью в одиночестве, некое божественное видение явилось им, говоря: «Радуйтесь и утешьтесь! Ведь даровал вам Бог ребенка, радости одноименного, и рождением его радость даровал Бог своим церквам». И еще в житии Федора Едесского написано, что родители его, Симеон и Мария, в молитве просили себе сына. Однажды, в первую субботу Великого поста, когда они молились в церкви, прекрасное некое видение было им, каждому из них в отдельности: казалось им, что они видят великого мученика Федора Тирона, стоявшего вместе с апостолом Павлом и говорившего: «Воистину дар Божий будет ребенок, который родится, по имени Федор»; что и сбылось. Написано в житии святого отца нашего Петра митрополита, нового чудотворца на Руси, что было такое знамение. До рождения его, когда он еще был в утробе матери, однажды ночью, на рассвете в воскресный день, видела такое видение его мать: казалось ей, что держит она ягненка на руках своих; а между рогов его растет дерево с прекрасными листьями, и многими цветами и плодами покрыто оно, и посреди ветвей его многие горят свечи. Пробудившись, недоумевала его мать, что это, на что указывает и что означает это видение. Хотя видения своего она и не поняла, но последующие события, удивления достойные, показали, какими дарами угодника своего Бог наградил.

Зачем еще говорить и длинными речами слушателей слух утомлять? Ведь излишество и пространность в рассказе — враг слуха, как изобильная

и преумноженая пища телесем. И никто же да не зазрит ми грубости моей, яко о семъ продлъжившу ми слово: и еже от прочих святых от житиа их въспоминая, и приводя свидѣтелства на извѣщение, и приуподобляя, къ подлежащей повѣсти чюднаго сего мужа чюдны и вещи сказаются. Чюдно *бо* слышащеся еже въ утробѣ зачало провъзглашениа его. Чюдно же въ младенцѣх въ пеленах въспитание его — не худо бо знамение сие мняшеся быти. Тако бо подобаше съ чюдесемь родитися таковому отроку, яко да от сего познаютъ прочии человеци, яко такова чюдна мужа чюдно и зачатие, и рожество, и въспитание. Таковою благодатью Господь удиви его, паче прочих младенцевъ новоражающихся, и тацѣми знаменми проявляше о немь премудрое Божие промышление.

Хощу же сказати времена и лета, въ ня же преподобный родися: в лѣта благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника, самодръжца гречьскаго, иже въ Цариградѣ царьствовавшаго, при архиепископѣ Коньстянтина града Калистѣ, патриарсѣ вселеньском; в земле же Русстѣй въ княжение великое тферьское при великомъ князи Димитрии Михайловиче, при архиепископѣ пресвященнѣмь Петре, митрополитѣ всея Руси, егда рать Ахмулова.*

Младенець же прежереченный, о немже слово изначала приходит, бѣ убо по крещении преиде нѣколико врѣмя месяцей, егда и отдоенъ бысть законом естества, и от съсцу отъемлеться, и от пеленъ разрѣшается, и от колыбѣли свобожается. И тако абие отрочя растяше прочее время, по обычаю телеснаго възраста, преуспевая душею, и тѣлом, и духомь, исплъняяся разума и страха Божиа, и милость Божиа бѣ на немь; дондеже достиже до седмаго лѣта възрастом, въ егда родители его вдаша его грамотѣ учити.

Прежереченный рабъ Божий Кирилъ имѣяше три сыны: прьваго Стефана, втораго сего Варфоломѣя, третиаго же Петра; их же въспита съ всякым наказаниемь въ благочестии и чистотѣ. Стефану же и Петру спѣшно изучившу грамоту, сему же отроку не скоро выкнуща писанию, но медлено нѣкако и не прилѣжно. Учитель же его съ многым прилежаниемь учаше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше, не точенъ бысть дружинѣ своей, учящимся с нимь. О семъ убо много браним биваше от родителю своею, болѣ же от учителя томим, а от дружины укараем. Отрокъ же втайнѣ чясто съ сльзами моляшеся Богу, глаголя: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя и вьразуми мя».

ЯКО ОТ БОГА ДАСТЬСЯ ЕМУ КНИЖНЫЙ РАЗУМЪ, А НЕ ОТ ЧЕЛОВЕКЪ

Посему бо не мала печяль бяше родителема его; не малу же тщету вмѣняше себѣ учитель его. Вьси же и печаляхуся, не вѣдуще яже о нем вышняго

пища — враг тела. Пусть никто не осуждает меня за грубость, за то, что я удлинил рассказ: когда вспоминаются случаи из житий других святых, и в подтверждение приводятся свидетельства, и делаются сравнения, тогда разъясняются в нашей повести удивительного мужа удивительные дела. Удивительно ведь слышать, что в утробе матери он начал кричать. Удивительно также в пеленках поведение этого младенца — это, думается, доброе знамение было. Так и следовало с чудесным знамением родиться такому ребенку, чтобы поняли другие люди, что у такого удивительного человека удивительно и зачатие, и рождение, и воспитание. Такую благодать Господь даровал ему, больше, чем другим младенцам новорожденным, и такими знамениями проявилось премудрое Божье промышление о нем.

Хочу также сказать о времени и годе, когда преподобный родился: в годы правления благочестивого, славного и державного царя Андроника, самодержца греческого, который царствовал в Царьграде, при архиепископе Константинополя Каллисте, патриархе вселенском; родился он в земле Русской, в годы княжения великого князя тверского Дмитрия Михайловича, при архиепископе преосвященном Петре, митрополите всея Руси, когда приходило войско Ахмыла.

Младенец же, о котором идет речь, о котором начинается рассказ, после крещения через несколько месяцев был вскормлен по закону природы, и от груди матери его отняли, и развернули из пеленок, и из колыбели вынули. Рос ребенок в следующие годы, как и полагается в этом возрасте, мужала его душа, и тело, и дух, наполнялся он разумом и страхом Божьим, и милость Божья была с ним; так он жил до семи лет, когда родители его отдали учиться грамоте.

У раба Божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Петр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и чистоте. Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня».

О ТОМ, КАК ОТ БОГА БЫЛО ДАНО ЕМУ УРАЗУМЕТЬ ГРАМОТУ, А НЕ ОТ ЛЮДЕЙ

Поэтому сильно печалились родители его; а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания

строениа Божиа промысла, яже хощет Богъ сътворити на отрочяти семь, яко не оставит Господь преподобнаго своего. Се же бяше по смотрению Божию быти сему, яко да от Бога книжное учение будет ему, а не от человекь; еже и бысть. Скажем же и сие, яко от Божиа откровениа умѣти ему грамоту.

Въ единъ убо от дний отець его посла его на взыскание клюсят. Се же *все* бысть всемудраго Бога судьбами, якоже Прьвыа Царьскиа Книгы извѣщают о Саулѣ,* иже посланъ бяше отцомь своим Киссом на взыскание осляти; он же шед обрѣте святого пророка Самоила, от негоже помазанъ бысть на царство, и выше дѣла подѣлие приобрѣте. Сице и блаженный отрокъ выше дѣла подѣлие обрѣте; послан бо бысть отцомь своим Кирилом на взыскание скота, обрѣте етера черноризца, старца свята, странна и незнаема, саномъ прозвитера, святолѣпна и аггеловидна, на полѣ под дубом стояща и молитву прилѣжно съ сльзами творяща. Отрок же, видѣвъ, преже сътвори смирено метание ему, таче приближися и ста близ его, ожидая конца молитвѣ.

И яко преста старець и възрѣвъ на отрока, и прозрѣ внутренима очима, яко хощет быти съсуд избранъ Святому Духу. И пригласивъ, призва и к себѣ, и благослови его, и о Христѣ цѣлование дасть ему, и въпроси его, глаголя: «Да что ищеши, или что хощеши, чадо?» Отрокъ же рече: «Възлюби душа моя въжелѣти паче всего умѣти грамоту сию, еже и вданъ бых учитися, и нынѣ зѣло прискоръбна есть душа моя, понеже учюся грамотѣ и не умѣю. Ты же, отче святый, помолися за мя къ Богу, яко да бых умѣлъ грамоту».

Старець же, въздѣвь руцѣ купно же и очи на небо и въздохнувъ къ Богу, и сътвори молитву прилѣжну и по молитвѣ рече: «Аминь». И иземь от чпага своего акы нѣкое съкровище, и оттуду треми пръсты подастъ ему нѣчто образом акы анафору,* видѣнием акы малъ кусъ бѣла хлѣба пшенична, еже от святыя просфиры, рекь ему: «Зини усты своими, чадо, и развръзи а. Приими сие и снѣжь, се тебѣ дается знамение благодати Божиа и разума Святого писаниа. Аще бо и мало видится даемое, но велика сладость вкушениа его». Отрок же отвръзъ уста своя и снѣсть си; и бысть сладость въ устѣх его, акы мед сладяй. И рече: «Не се ли есть реченное: „Коль сладка грътани моему словеса твоя! Паче меда устом моимь";* и душа моа възлюби а зѣло». И рече ему старець: «Вѣруеши ли, и болша сих узриши. И о грамотѣ, чадо, не скръби: вѣдый буди извѣстно, яко от сего дне дарует ти Господь грамотѣ умѣти зѣло добрѣ, паче братиа твоея и паче свръстник твоих». И *поучивъ* его о плъзѣ души.

Отрок же сътвори поклонение старцу и акы земля плодовитая и доброплоднаа, сѣмена приемши въ сердци и, стояше, радуяся душею и сердцемь, яко сподобися такова свята старца обрѣсти. Старець же тщашеся отъити в путь свой; отрок же пометашеся на земли лицем пред ногама старчима и съ слъзами моляше старца, дабы обиталъ в дому родителей его, глаголя: «Родители мои зѣло любят таковыя, якоже ты, отче». Старець же удивлься вѣрѣ его, потщався вниде въ домъ родителей его.

Божьего промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с этим отроком, что не оставит Господь преподобного своего. Так по усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил, а не от людей; что и сбылось. Скажем же и о том, как, благодаря Божьему откровению, научился он грамоте.

Однажды отец послал его искать лошадей. Так все было по предначертанию всемудрого Бога, как Первая Книга Царств говорит о Сауле, который послан был отцом своим Кисом искать осла; Саул пошел и увидел святого пророка Самуила, которым был помазан на царство, и важнее обычных дел дело нашел. Так и блаженный отрок важнее дел обычных дело нашел; когда он послан был отцом своим Кириллом искать скот, он увидел некоего черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со слезами молящегося. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, когда тот кончит молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что будет отрок сосудом избранным Святого Духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от меда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: „Как сладки гортани моей слова твои! Лучше меда устам моим"; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

Отрок же поклонился старцу, и, как земля плодовитая и плодоносная, семена принявшая в сердце свое, стоял он, радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой; отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, узрѣвше его, и изыдоша въ срѣтение ему и поклонистася ему. Старець же благослови а; они же готовяху трапезу поставити пред нимь. Старець же не преже брашна вкуси, но преже въниде въ храм молитвеный, еже есть в чясовницу, поим с собою освященнаго въ утробѣ отрока. И начят Часы пѣти,* повелѣ же сему отроку псалом глаголати. Отрок же рече: «Азъ не умѣю того, отче». Старець же рече: «Рѣх ти, яко от сего дне дарует ти Господь умѣти грамоту. Ты же глаголи слово Божие без *сомнѣниа*». Тогда бысть сице во удивление: отрок приим благословение от старца, начят стихословити зѣло добрѣ стройнѣ; и от того часа гораздъ бысть зѣло грамотѣ. И сбысться пророчьство премудраго пророка Иеремѣя, глаголюща: «Тако глаголеть Господь: „Се дах словеса моя въ уста твоя"».* Родители же его и братия его се видѣвше и слышавше, удивишася скорому его разуму и мудрости и прославиша Бога, давшаго ему такову благодать.

И изведше съ старцем, поставиша пред ним брашно. Старець же вкуси брашна, благослови родители его и хотяше отити. Родители же его моляхуся старцу, въпрашающе его и глаголюще: «Отче господине! Пожди еще, да въпрашаем тя, да разрѣшиши и утѣшиши нищету нашу и печаль нашу. Сие смиреное отроча наше, егоже благословяеши и хвалословиши, о немже многа блага предглаголеши. Но мы о нем въ удивлении есмы, и печаль о нем зѣло жасит ны, понеже вещь о немь сътворися страшна, странна и незнаема — сицево: ему сущу въ утробѣ матернѣ, за нѣколико врѣмя рождениа его, трижды провереща въ утробѣ матернѣ, въ церкви сущи *ей*, при народѣ, въ врѣмя, егда святую поют литоргию. Индѣ же нигдѣ же сицева вещь ниже слышашеся, ниже видѣшеся; и мы о сем страшимся, недомыслящеся, что си будет конець сему, или что напреди сбытися имать».

Старець же святый проразумѣ и позна духом будущее и рече има: «О блаженая връсто! О предобраа супруга, иже таковому дѣтищу родители быста! Въскую устрашистеся страхом, идѣже не бѣ страха. Но паче радуйтеся и веселитеся, яко сподобистася таковый дѣтищь родити, егоже Богъ избра и прежде рожениа его, егоже Богъ прознамена еще суща въ утробѣ матернѣ. И уже конечную бесѣду реку и потом препокою слово: се вам буди знамение моих словес сбытие, яко по моем ошествии узрите отрока добрѣ умѣюща всю грамоту и вся прочаа разумѣвающа святыа книгы. И второе же знамение вам и извѣщение, — яко отроча се будет велик пред Богом и человекы, житиа ради добродѣтелнаго». И сиа рек, старець отиде, назнаменавъ темнѣ глаголъ к ним, яко: «Сынъ ваю имать быти обитель Святыа Троица и многы приведет вслѣд себѣ на разум божественых заповѣдей». И сиа рек, изиде от них. Они же провожахут его пред врата домовнаа; он же от них вънезаапу невидим бысть.

Они же, недоумѣвающеся, помышляаху, яко аггелъ посланъ бысть даровати отроку умѣние грамотѣ. Отець же его и мати, вземше от старца благосло-

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец; они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошел в молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока. И начал он Часы петь, а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: „Вот я дал слова мои в уста твои"». Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Когда они со старцем вышли из часовни, те поставили перед ним пищу. Старец отведал пищи, благословил родителей и хотел уйти. Родители же умоляли старца, спрашивая его и говоря: «Отче, господин! Подожди еще, чтобы мы могли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил скудоумие наше и печаль нашу. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь, которому предсказываешь ты многие блага. Но он удивляет нас, и печаль о нем весьма огорчает нас, потому что случилось с ним нечто страшное, удивительное и непонятное — вот что: когда он был в утробе матери, незадолго до рождения его, когда мать была в церкви, трижды прокричал он в утробе, при народе, в то время, когда святую пели литургию. Нигде в другом месте такое не слыхано, не видано; и мы этого боимся, не понимая, чем кончится это или что случится в будущем?»

Старец же святой, уразумев и поняв духом будущее, сказал им: «О блаженная чета! О прекрасные супруги, ставшие родителями такого ребенка! Зачем вы устрашились страхом там, где нет страха. Напротив, радуйтесь и веселитесь, что смогли такого ребенка родить, которого Бог избрал до рождения его, которого Бог отметил еще в утробе материнской. Вот последнее слово я скажу и потом умолкну: будет вам знамением истинности моих слов то, что после моего ухода вы увидите — отрок хорошо знает всю грамоту и все святые книги понимает. А вот второе мое знамение вам и предсказание — будет отрок славен перед Богом и людьми из-за своей добродетельной жизни». И, сказав это, старец ушел, промолвив им такие непонятные слова: «Сын ваш будет обителью Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божьих заповедей». Так сказав, старец ушел от них. Родители же провожали его до ворот; он же внезапно стал невидимым.

Они же, недоумевая, решили, что это ангел послан был даровать отроку знание грамоты. Отец и мать, приняв от старца благословение и слова его

вение и словеса его положиша на сердци своем, възвратистася в дом свой. По ошествии же старца оного обрѣтеся отрок *внезаапу* всю грамоту оттуду добрѣ умѣа, прѣмѣнися странным образом: и куюждо разгнет книгу, ту абие добрѣ чтый, да разумѣет. Добрый си отрок достоинъ бысть даровъ духовных, иже от самѣх пеленъ Бога позна, и Бога възлюби, и Богом спасенъ бысть. Пребываше въ всемь повинуяся родителема своима: тщаше бо ся повелѣниа ею съврьшити и ни въ чем же преслушатися ею, якоже и Святое глаголеть писание: «Чти отца своего и матерь, да будеши длъголѣтенъ на земли».*

ОТ УНЫЯ ВРЪСТЫ

Еще же иное дѣло скажем сего блаженнаго отрока, еже въ младѣ телесе старъ смыслъ показа. По лѣтех же нѣколицѣх жесток постъ показа и от всего въздрьжание имѣаше, въ среду же и в пяток ничтоже не ѣдяше, въ прочаа же дни хлѣбом питашеся и водою; в нощи же многажды без сна пребываше на молитвѣ. И тако вселися в онь благодать Святого Духа.

Мати же его матерними си глаголы увѣщеваше его, глаголющи: «Чядо! Не съкруши си плоти от многаго въздрьжаниа, да не въ язю въпаднеши, паче же младу ти еще сущу, плоти растущи и цвѣтущи. Никтоже бо тако млад сый, въ ту врьсту твою, таковому жестоку посту касается; никтоже от братиа твоея и от свръстник твоих сицево стяжа въздрьжание, якоже ты. Суть бо нѣции, иже и до седмижды днем ядят, иже от утра зѣло рано начинающе и долго нощи окончевающи, пьюще бесчисмени. Ты же, овогда единою днем яси, овогда же ни единою, но чрес день. Престани, чадо, от таковыя продлъженыя *алъчбы*, нѣси доспѣлъ в сие прясло, не бѣ бо ти еще время. Все бо добро, но въ свое время». Предобрый же отрок отвѣщеваше ей, купно же и моляше ю, глаголя: «Не дѣй мене, мати моя, да не по нужи преслушаюся тебѣ, но остави мя тако пребывати. Не вы ли глаголаста ми, яко „егда былъ есть в пеленах и в колыбѣли, тогда, — рече, — въ всякую среду и в пяток млека не ядущу ти". Да то слыша аз, како могу елика сила не въспрянути къ Богу, да мя избавит от грѣх моих?»

К сим же отвѣща мати его, глаголющи: «И двою на десяте не имаши лѣт, грѣхы поминаеши. Киа же имаши грѣхы? Не видим бо на тебѣ знамений грѣховных, но видѣхом на тебѣ знамение благодати и благочестиа, яко благую чясть избралъ еси, яже не отимется от тебе». Отрокъ же рече: «Престани, мати моя, что глаголеши? Се бо ты сиа глаголеши яко мати сущаа, яко чадолюбица, яко мати о чадѣх веселящися, естественою любовию одрьжима. Но слыши Святое глаголеть писание: „Никтоже да не похвалится въ человецѣх, никтоже чисть пред Богом,* аще и единъ день живота его будет, *и* никтоже есть без грѣха, токмо единъ Богъ без грѣха". Нѣси ли божественаго слышала Давида, мню, яко о нашей худости глаголюща: „Се бо въ безаконии зачат есмь, и въ гресѣх роди мя мати моя"».*

сохранив в сердцах своих, возвратились в дом свой. После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг, изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо ее читает и понимает ее. Достоин был даров духовных добрый сей отрок, который от самых пеленок Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был. Он жил, во всем повинуясь своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чем не ослушаться их, как и Святое писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле».

О ЮНЫХ ГОДАХ

И еще об одном деянии этого блаженного отрока скажем, как он, молодой, проявил разум, достойный старца. Через несколько лет он стал поститься строгим постом и от всего воздерживался, в среду и в пятницу ничего не ел, а в прочие дни хлебом питался и водой; по ночам часто бодрствовал и молился. Так вселилась в него благодать Святого Духа.

Мать же его своими материнскими словами увещевала, говоря: «Чадо! Не погуби свою плоть излишним воздержанием, как бы тебе не заболеть, — ведь ты еще мал, тело твое растет и расцветает. Ведь никто такой молодой, в таком юном возрасте, как ты, столь жестокого поста не соблюдает; никто из братьев твоих и сверстников твоих так строго не воздерживается от еды, как ты. Ведь есть и такие, которые и все семь дней в неделю едят, с утра пораньше начинают и поздно ночью кончают есть, пьют без меры. Ты же иногда один раз днем поешь, иногда ни одного раза, но через день питаешься. Прекрати, чадо, такое длительное воздержание, ты не достиг еще зрелости, не настало еще для этого время. Все ведь хорошо, но в свое время». Прекрасный отрок отвечал ей, одновременно умоляя ее и говоря так: «Не уговаривай меня, мать моя, чтобы не пришлось мне невольно ослушаться тебя, разреши мне делать так, как я делаю. Не вы ли говорили мне, что „когда был ты в пеленках и в колыбели, — тогда, — говорили вы, — каждую среду и пятницу ты молока не ел". И это слыша, как я могу в меру своих сил не стремиться к Богу, чтобы он избавил меня от грехов моих?»

На это ответила ему мать, говоря так: «И двенадцати лет нет еще тебе, а о грехах говоришь. Какие же у тебя грехи? Мы не видим знамений грехов твоих, но видели знамение благодати и благочестия твоего, благую участь избрал ты, и не будет отнята она у тебя». Отрок же отвечал: «Перестань, мать моя, что ты говоришь? Это ты говоришь как мать, любящая свое чадо, как мать, радующаяся за своих детей, движимая естественной любовью. Но послушай, что говорит Святое писание: „Никто да не похвалится из людей; никто не чист перед Богом, если и один день жить будет; никого нет без греха, только один Бог без греха". Не слышала ли ты, что божественный Давид, я думаю, о нашем убожестве говорил: „Вот я в беззаконии зачат, и в грехах родила меня мать моя"».

И тъ рекъ, пакы по прьвое дрьжашеся доброе устроение, Богу помогающу ему на благое произволение. Сий предобрый и вседоблий отрок нѣ по колицѣх врѣменех пребываше в дому родителей своих, възрастая и преуспѣваа въ страхъ Божий: къ дѣтемь играющим не исхожаше и к ним не приставаше; иже в пустошь текущим и всуе тружающимся не вънимаше; иже суть скверънословци и смѣхотворци, с тѣми отнудь не водворяшеся. Но развѣ токмо упражняашеся на словословие Божие и в томъ наслажашеся, къ церкви Божии прилѣжно пристояше, на заутренюю, и на литургию, и на вечерню всегда исхождааше и святыя книгы часто почитающе.

И въ всемь всегда труждааше тѣло свое, и иссушая плоть свою, и чистоту душевную и телесную без скверъны съблюдаше, и часто на мѣсте тайнѣ наединѣ съ слъзами моляшеся къ Богу, глаголя: «Господи! Аще тако есть, якоже повѣдаста ми родителие мои, яко и преже рожениа моего твоа благодать и твое избрание и знамение бысть на мнѣ, убозѣмь, воля твоя да будет, Господи! Буди, Господи, милость твоя на мнѣ! Но дай же ми, Господи! Измлада всѣмь сердцемь и всею душею моею яко от утробы матере моея къ тебѣ привръженъ есмь, из ложеснъ, от съсцу матере моея — Богъ мой еси ты. Яко егда сущу ми въ утробѣ матерни, тогда благодать твоя посѣтила мя есть, и нынѣ не остави мене, Господи, яко отець мой и мати моя оставляют мя. Ты же, Господи, приими мя, и присвой мя к себѣ, и причти мя къ избранному ти стаду: яко тебѣ оставленъ есмь нищий. И из младенчства избави мя, Господи, от всякиа нечистоты и от всякиа скверъны плотскыя и душевныя. И творити святыню въ страсѣ твоем сподоби мя, Господи. Сердце мое да възвысится к тебѣ, Господи, и вся сладкая мира сего да не усладят мене, и вся красная житейская да не прикоснутся мнѣ. Но да прилпѣ душа моя въслѣд тебѣ, мене же да приимет десница твоя. И ничтоже да не усладить ми мирьских красот на слабость, и не буди ми нимало же порадоватися радостию мира сего. Нъ исплъни мя, Господи, радости духовныя, радости неизреченныя, сладости божественыя, и духъ твой благый наставит мя на землю праву». Старци же и прочии людие, видѣвши таковое пребывание уноши, дивляхуся, глаголющи: «Что убо будет уноша съй, иже селику дару добродѣтели сподобилъ его Богъ от дѣтства?»

До здѣ же убо списашася сиа вся, елика съдѣяшася, идѣже бѣ прежде жилъ Кирилъ нѣ в коей веси области оноя, иже бѣ въ предѣлѣх Ростовьскаго княжениа, не зѣло близ града Ростова. Хощет же слово сказати аки нѣкое преселение: пресели бо ся Кирилъ от Ростова в Радонѣжь. Како же или что ради преселися, аще бо и много имам глаголати, но обаче нужа ми бысть о семъ писати.

Сказав так, он больше прежнего придерживался своего правильного пути, и Бог помогал ему в его благом намерении. Этот прекрасный и замечательный отрок еще некоторое время жил в доме родителей своих, мужая и укрепляясь в страхе Божьем: к детям играющим он не ходил и с ними не играл; бездельникам и суетным людям не внимал; со сквернословами и насмешниками он совсем не общался. Он только лишь упражнялся в славословии Бога и тем наслаждался, в церкви Божьей он прилежно стоял, на заутреню, и на литургию, и на вечерню всегда ходил и часто читал святые книги.

И всячески всегда он изнурял тело свое, и иссушал плоть свою, и чистоту душевную и телесную без осквернения соблюдал, и часто он в тайном месте один со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Если все так, как сказали мне родители мои, что до рождения моего твоя благодать, и твое избрание, и знамение осенили меня, убогого, да будет воля твоя, Господи! Да будет, Господи, милость твоя на мне! Дай мне милость твою, Господи! С детства всем сердцем и всей душой моей от утробы матери к тебе я привержен, от рождения, от груди матери моей — ты Бог мой. Когда я был в утробе матери, благодать твоя посетила меня, и сейчас не оставляй меня, Господи, как отец мой и мать моя оставляют меня. Ты же, Господи, прими меня, и приблизь меня к себе, и причисли меня к избранному твоему стаду: ведь на тебя оставлен я, нищий. С детства избавь меня, Господи, от всякого зла и от всякого осквернения телесного и душевного. И совершать святые дела в страхе твоем помоги мне, Господи. Пусть сердце мое возвысится к тебе, Господи, и все прелести этого мира пусть не услаждают меня, всякая красота житейская пусть не волнует меня. Но пусть прирастет душа моя к тебе, и пусть примет меня десница твоя. Пускай я не ослабну, услажденный мирскими красотами, пусть я не буду нисколько радоваться радостью мира сего. Но преисполни меня, Господи, радости духовной, радости несказанной, счастья божественного, а дух твой благой пусть наставит меня на путь истинный». Старцы и прочие люди, видя такую жизнь юноши, удивлялись, говоря: «Кем будет юноша этот, которого уже с детства одарил Бог столь великой добродетелью?»

До этого места было рассказано обо всем, что случилось, когда жил Кирилл в деревне в той области, которая находится в пределах Ростовского княжества, не очень близко от города Ростова. Следует теперь рассказать и о случившемся переселении: ведь переселился Кирилл из Ростова в Радонеж. О том, как и почему он переселился, я мог бы многое рассказать, но мне, однако, нужно об этом написать.

О *ПРЕСЕЛЕНИИ* РОДИТЕЛЕЙ СВЯТОГО

Сей убо прежереченный рабъ Божий Кирилъ преже имѣаше житие велико в Ростовьстѣй области, бол升ринъ сый, единъ от славных и нарочитых болярь, богатством многым изъобилуя, но напослѣд на старость обнища и оскудѣ. Како же и что ради обнища, да скажем и се: яко частыми хожеными еже съ княземъ въ Орду, частыми ратми татарскыми еже на Русь, чястыми послы татарскыми, чястыми тяжкыми данми и выходы еже въ Орду, частыми глады хлѣбьными. Надо всѣми же сими паче бысть егда великаа рать татарьскаа, глаголемая Федорчюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилование, сирѣчь княжение великое досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталося княжение ростовьское к Москвѣ.* Увы, *увы*, тогда граду Ростову, паче же и князем ихь, яко отъяся от них власть, и княжение, и имѣние, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москвѣ.

Егда изиде по великого князя *велѣнию* и посланъ бысть от Москвы на Ростов акы нѣкый воевода единъ от велмож, именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Мина. И егда внидоста въ град Ростов, тогда възложиста велику нужю на град да и на вся живущаа в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовець москвичем имѣниа своа съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем съ укоризною въземающе и тщима руками отхождааху. Иже послѣдняго бѣденьства образ, яко не токмо имѣниа обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претрьпѣша. И что подобает много глаголати? Толико дрьзновение над Ростовомь сьдѣяша, яко и самого того епарха градскаго, старѣйшаго болярина ростовскаго, именем Аверкый, стремглавы обѣсиша, и възложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана. И бысть страх великъ на всѣх слышащих и видящих сиа, не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣх предѣлехъ его.

И таковыя ради нужа рабъ Божий Кирилъ воздвижесе из веси оноя предреченныя Ростовскыя; и събрася съ всѣм домом своим и съ всѣм родом своим въздвижеся, и преселися от Ростова въ Радонѣжь. И пришед, преселися близ церкви, нареченныа въ имя святого Рожества Христова, еже и донынѣ стоит церковь та. И ту живяше с родом своим. Не единъ же сий, но с ним и инии мнози преселишася от Ростова въ Радонѣжь. И быша преселници на земле чюжде, от них же есть Георгий, сынъ протопопов, с родом си, Иоаннъ и Феодорь, Тормосовъ род, Дюдень, зять его, с родом си,* Онисим, дядя его, иже последи бысть диаконъ. Онисима же глаголют с Протасиемь тысяцкым* пришедша *въ* тую же весь, глаголемую Радонѣжь, юже даде князь великы сынови своему мѣзиному князю Андрѣю.* А намѣстника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обѣщася такоже велику дати. Ее

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ СВЯТОГО

Этот ранее названный раб Божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, одним из славных и известных бояр, владел большим богатством, но к концу жизни в старости обнищал и впал в бедность. Скажем и о том, как и почему он обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за частых набегов татарских на Русь, из-за частых посольств татарских, из-за многих даней тяжких и сборов ордынских, из-за частого недостатка в хлебе. Но хуже всех этих бед было в то время великое нашествие татар, во главе с Федорчуком Туралыком, и после него год продолжалось насилие, потому что княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское также отошло к Москве. Увы, увы, плохо тогда было городу Ростову, а особенно князьям ростовским, так как отнята была у них власть, и княжество, и имущество, и честь, и слава, и все прочее отошло к Москве.

Тогда по повелению великого князя был послан и выехал из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож, по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним Мина. И когда они вошли в город Ростов, то принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телу своему с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишились, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его.

Из-за этого несчастья раб Божий Кирилл выехал из той деревни ростовской, о которой уже говорилось; собрался он со всем домом своим, и со всеми родными своими поехал, и переселился из Ростова в Радонеж. И, пришедши туда, поселился около церкви, названной в честь святого Рождества Христова, — и поныне стоит церковь эта. И здесь он жил с родными своими. Не только он один, но с ним и другие многие люди переселились из Ростова в Радонеж. И были они переселенцами на земле чужой, а в числе их Георгий, сын протопопа, со своими родными, Иван и Федор, род Тормоса, Дюдень, зять его, со своими родными, Анисим, дядя его, который впоследствии стал дьяконом. Говорят, что Анисим с Протасием-тысяцким пришли в ту деревню, называемую Радонеж, которую дал князь великий сыну своему младшему князю Андрею. А наместником он поставил в ней Терентия Ртища, и многие льготы

же ради лготы събрашася мнози, якоже и ростовскыя ради нужа и злобы разбѣгошася мнози.

Отрок же предобрый, предобраго родителя сынъ, о немже бесѣда въспоминаеться, иже присно въспоминаемый подвижник, иже от родителей добродных и благовѣрных произыде, добра бо корене добра и отрасль прорасте, добру кореню прьвообразуемую печать всячьскыи изъобразуя. Из младых бо ногтей яко же сад благородный показася и яко плод благоплодный процвѣте, бысть отроча добролѣпно и благопотребно. По времени же възраста к лучшимъ паче преуспѣвающу ему, ему же житийскыя красоты ни въ что же вмѣнивщу и всяко суетство мирьское яко исмѣтие поправъшу, якоже рещи и то самое естество презрѣти, и преобидѣти, и преодолѣти, еже и Давидова в себѣ словеса начастѣ пошептавъшу: «Каа плъза въ крови моей, вънегда снити ми въ истлѣние?»* Нощию же и денью не престааше молящи Бога, еже подвижным начатком ходатай есть спасениа. Прочяя же добродѣтели его како имам повѣдати: тихость, кротость, слова млъчание, смирение, безгнѣвие, простота безъ пестроты? Любовь равну имѣя къ всѣм человеком, никогда же къ ярости себе, ни на претыкание, ни на обиду, ни на слабость, ни на смѣх; но аще и усклабитися хотящу ему, — нужа бо и сему быти приключается, — но и то с цѣломудрием зѣло и съ въздръжанием. Повсегда же сѣтуя хождааше, акы дряхловати съобразуяся; болѣ же паче плачющи бяше, начастѣ слъзы от очию по ланитама точящи, плачевное и печальное жительство сим знаменающи. И Псалтырь въ устѣх никогда же оскудѣваше, въздръжанием присно красующися, дручению телесному выну радовашеся, худость ризную съ усрьдиемь приемлющи. Пива же и меду никогда же вкушающи, ни къ устом приносящи или обнюхающи. Постническое же житие от сего произволяющи, таковаа же вся не доволна еже къ естеству вмѣняющи.

Сынове же Кириловы, Стефанъ и Петръ, оженистася; третий же сынъ, блаженный уноша Варфоломѣй, не въсхотѣ женитися, но и зело желаше въ иночьское житие. О сем многажды моляшеся отцу своему, глаголя: «Нынѣ отпусти мя, владыко, по *глаголу* твоему, и по благословению твоему да иду въ иночьское житие». Родителие же его рекоста ему: «Чядо! Пожди мало и потръпи о наю: се бо въ старости, и въ скудости, и въ болести есмы нынѣ, и нѣсть кому послужити нама. Се бо братиа твоя Стефанъ и Петръ оженистася и пекутся, како угодити женама; ты же не оженивыйся печешися, како угодити Богови — паче же благую чясть избралъ есть, и яже не отимется от тебе. Токмо послужи нама мало, да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда и свою мысль сътвориши. Егда нас гробу предаси и землею погребеши, тогда и свое хотѣние исплъниши».

Пречюдный же уноша с радостию обѣщася послужити има до живота ею и от того дни тщашеся по вся дни всячьскыи угодити родителема своима,

людям даровал, и также он обещал уменьшить многие налоги. И благодаря этим льготам там собралось много людей, так как из ростовских земель из-за нужды и несчастья разбежались многие.

Отрок же преславный, преславного отца сын, о котором мы речь ведем, подвижник, о котором всегда помнят, родившийся от родителей благородных и благоверных, вырос как от доброго корня добрая ветвь, воплотив в себе всяческие достоинства доброго корня этого. Ведь с молодых лет он был подобен саду благородному и вырос как богатый плод, был отроком красивым и благонравным. Хотя по мере роста он становился все лучше, но красóты жизни он ни во что не ставил и всякую суету мирскую, как пыль, попирал ногами, так что, можно сказать, самую природу свою хотел презреть, и унизить, и преодолеть, часто нашептывая про себя слова Давида: «Какая польза в крови моей, когда я сойду в могилу?» Ночью же и днем он не переставал молить Бога, который начинающим подвижникам помогает спастись. Как я смогу перечислить прочие добродетели его: спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без ухищрений? Он любил одинаково всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха; но когда хотелось ему улыбнуться (ведь и ему это было нужно), он и это делал с великим целомудрием и воздержанием. Он всегда сокрушаясь ходил, как будто в печали; еще же более плакал, часто слезу из очей по щекам испуская, на плачевную и печальную жизнь этим указывая. И слова Псалтыри всегда на устах его были, он воздержанием всегда был украшен, тяготам телесным всегда радовался, бедную одежду прилежно носил. Пива же и меда он никогда не вкушал, никогда к устам их не подносил и даже запаха их не вдыхал. К постнической жизни стремясь, он все это не нужным для человеческой природы считал.

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а весьма стремился к иноческой жизни. Об этом он многократно просил отца, говоря: «Теперь дай мне, владыка, свое согласие, чтобы с благословением твоим я начал иноческую жизнь». Но родители его ответили ему: «Чадо! Подожди немного и потерпи для нас: мы стары, бедны, больны сейчас, и некому ухаживать за нами. Вот ведь братья твои Стефан и Петр женились и думают, как угодить женам; ты же, неженатый, думаешь, как угодить Богу, — более прекрасную стезю избрал ты, которая не отнимется у тебя. Только поухаживай за нами немного, и когда нас, родителей твоих, проводишь до гроба, тогда сможешь и свой замысел осуществить. Когда нас в гроб положишь и землею засыпешь, тогда и свое желание исполнишь».

Чудесный же юноша с радостью обещал ухаживать за ними до конца их жизни и с того дня старался каждый день всячески угодить родителям своим,

яко да наслѣдит от них молитву и благословение. И тако пребысть нѣколико время, служаа и угаждая родителема своима всею душею и чистою съвѣстию, дондеже постригостася въ мнишеский чинъ, отидоша кыйждо ею въ своя времена в монастыря своя. И мало поживша лѣт в черньчествѣ, преставистася от житиа сего, отидоста къ Богу, а сына своего, блаженнаго уношу Варфоломѣя, по вся дни многыми благословении благословяху и до послѣдняго издыханиа. Блаженый же уноша проводивъ до гроба родителя своя, и пѣвъ над ними надгробныя пѣсни, и скутавъ телеса ею, и цѣловавъ, съ многою честию и предавъ гробу, и покрывъ землею съ слъзами аки нѣкое съкровище многоцѣнное. И съ слъзами почте и отца и матерь умрътша понахидами же и святыми литургиами, украси память родителю своею и молитвами, и милостынями къ убогым, и нищекръмиемь. И пребысть до 40 дней сице творя память родителема своима.

И отиде в дом свой, радуяся душею же и сердцемь, яко нѣкое съкровище многоцѣнное приобрѣте, полно богатства духовнаго. Сам же преподобный юноша зѣло желаше мнишескаго житиа. Въшед в дом по преставлении родителю своею и нача упражнятися от житейскых печалей мира сего. Дом же и яже суть въ дому потребныа вещи ни въ что же въмѣнивъ си, поминаше же въ сердци Писание, глаголющее, яко «многа въздыханиа и уныниа житие мира сего плъно есть». Пророкъ рече: «Изыдѣте от среды их, и отлучитеся, и нечистѣм мирѣ не прикасайтеся».* И другый пророкь рече: «Отступите от земля и взыдете на небо». И Давидъ рече: «Прилпѣ душа моа въслѣд тебе; мене же приать десница твоя»;* и пакы: «Се удалихся, бѣгая, и въдворихся в пустыню, чаах Бога спасающаго мя».* И Господь въ Евангелии рече: «Иже кто хошаго, оставляетъ ему отчее наслѣдие и спроста вся, яже суть в мирѣ сем, не может быти мой ученикь».* Сими утврьдивъ си душю и тѣло, и призва Петра, по плоти брата своего меншаго, оставляетъ ему отчее наслѣдие и спроста вся, яже суть в дому его житейскым на потребу. Сам же не взя себѣ ничтоже, по божественому апостолу, рекшему: «Уметы вся вмѣних си, да Христа приобрящу».*

Стефану же, по роду брату его старѣйшему, не много лѣтъ поживщу съ женою, и жена его умре, родивши два сына: Климента да и Иоанна, иже тот Иоаннъ послѣди бысть Феодоръ Симоновский.* Стефанъ же не по мнозѣ оставль миръ и бысть мних в монастыри святыя Богородица у Покрова иже на Хотьковѣ.* К нему же пришед блаженный уноша Варфоломѣй, моляше Стефана, дабы шелъ с нимь на взыскание мѣста пустыннаго. Стефанъ же, принужденъ быв словесы блаженнаго, и исшедша.

Обходиста по лесом многа мѣста и послѣди приидоста на едино мѣсто пустыни, въ чащах лѣса, имуща и воду. Обышедша же мѣсто то и възлюбиста е, паче же Богу наставляющу их. И сътвориша молитву, начаста своима рукама лѣсъ сѣщи, и на раму своею беръвна изнесоша на мѣсто. Прежде же себѣ

чтобы они молились за него и дали ему благословение. Так жил он некоторое время, прислуживая и угождая родителям своим всей душой и от чистого сердца, пока родители его не постриглись в монахи и каждый из них в различное время не удалился в свой монастырь. Немного лет прожив в монахах, ушли они из жизни этой, отошли к Богу, а сына своего, блаженного юношу Варфоломея, каждый день они много раз благословляли до последнего вздоха. Блаженный же юноша проводил до гроба родителей своих, и пел над ними надгробные песнопения, и завернул тела их, и поцеловал их, и с большими почестями положил их в гроб, и засыпал землей со слезами как некое бесценное сокровище. И со слезами он почтил умерших отца и мать панихидами и святыми литургиями, отметил память родителей своих и молитвами, и раздачей милостыни убогим, и кормлением нищих. Так до сорокового дня он отмечал память родителей своих.

И вернулся Варфоломей в дом свой, радуясь душой и сердцем, как будто некое сокровище бесценное приобрел, полное богатства духовного. Сам же преподобный юноша очень хотел начать монашескую жизнь. Он возвратился в дом после смерти родителей своих и начал расставаться с житейскими заботами этого мира. На дом и на все вещи, необходимые в доме, он смотрел с презрением, вспоминая в сердце своем Писание, гласящее, что «многих вздохов и печалей жизнь этого мира полна». Пророк сказал: «Покиньте их, и отлучитесь от них, и нечистого в мире не касайтесь». И другой пророк сказал: «Покиньте землю и взойдете на небо». И Давид сказал: «Прилепилась душа моя к тебе; меня поддерживает десница твоя»; и еще он сказал: «Вот я удалился, убегая, и оставался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня». И Господь в Евангелии сказал: «Кто хочет следовать за мной, если он не отречется от всего, что есть в мире этом, тот не может быть моим учеником». Так укрепив себе душу и тело, он призывает Петра, своего родного младшего брата, и оставляет ему отцовское наследство и попросту все, что было в доме его потребного для житейских дел. Сам он не взял себе ничего, следуя словам Божьего апостола, сказавшего: «Я за сор все почитаю, чтобы приобрести Христа».

Стефан же, родной брат его старший, немного лет пожил с женой, и жена его умерла, родив двух сыновей: Климента и Ивана, а этот Иван впоследствии стал Федором Симоновским. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова святой Богородицы в Хотькове. Блаженный юноша Варфоломей, пришедши к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинуясь словам блаженного юноши, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала

сътвориста одрину и хизину и покрыста ю, потом же кѣлию едину създаста, и обложиста церквицу малу, и срубиста ю. И егда бысть съвръшено кончана церковь внѣуду изготована, якоже бысть лѣпо уже время священи ю, тогда блаженный уноша рече къ Стефану: «Понеже брат ми еси старѣйший по роду и по плоти, паче же и по духу, и лѣпо ми есть имѣти тебе въ отца мѣсто. И нынѣ нѣсть ми кого въпросити о всем развие тебе. Паче же о семъ молю тя и въпрашаю тя: се уже церковь поставлена и съвръшена всѣмь, и время есть свящати ю; скажи ми, в которое имя будет праздникъ церкви сиа, и въ имя котораго святого свящати ю?»

Отвѣщав же Стефанъ, рече ему: «Что мя въпрашаеши и въскую мя искушаеши и истязаеши? И сам веси мене не хужде, понеже отець и мати, наша родителие, коль краты возвѣстиша тебѣ пред нами глаголющи: „Блюди, блюди, чадо! И не наше еси чадо, но Божие дание, елма же Богъ избра тебе, еще суща въ утробѣ матернѣ носима, и прознамена о тебѣ и преже рожениа твоего, егда трикраты провъзгласилъ еси въ всю церковь въ время, егда поют святую литургию. Якоже и всѣм людемь, стоящим ту и слышащим, въ удивлении быти и ужасънымь почюдитися, глаголюще: что убо будет младенець сьй?" Но священници же и старци, святии мужие, ясно о тебѣ проразсудиша и протолковаша, глаголюще: „Понеже о младеньци сем троичное число изъобразися, и сим прознаменуя, яко будет нѣкогда ученикь Святыя Троица. И не токмо же самь единъ вѣровати начнет благочестно, но и ины многы приведет и научит вѣровати въ Святую Троицу". Да лѣпо есть тебѣ свящати церковь сию паче всѣх въ имя Святыя Троица. Не наше же се замышение, но Божие изволение, и прознаменание, и избрание, Богу тако изволшу. Буди имя Господне благословено в вѣкы!»* И сиа изглаголавшу Стефану, блаженный же уноша въздохнувъ от сердца и рече: «Въистину изглагола, господине мой. Се и мнѣ любо есть, и аз того же хотѣх и смышлях. И желает душа моя еже съвръшити *и* свящати церковь въ имя Святыя Троица. Но смирениа ради въпрашах тя; и се Господь Богъ не остави мене, и желание сердца моего дал ми, и хотѣниа моего не лишил мя».

И то рекша, и взяша и благословение, и священие от святителя. И приѣхаша из града от митрополита Феогнаста* священници, и привезоша с собою священие, и антимисъ,* и мощи святых мученикь, и прочая, яже на потребу на освящение церкви. И тогда священа бысть церкви въ имя Святыа Троица *отъ* преосвященнаго архиепископа Феогноста, митрополита киевскаго и всея Руси, при великом князи Симеонѣ Ивановиче,* мню убо, еже рещи въ начяло княжениа его. Въправду убо церковь си наречена бысть въ имя Святыа Троица: понеже поставлена бысть благодатию Бога Отца, и милостию Сына Божиа, и поспѣшениемь Святого Духа.

Стефанъ же съвръшивъ церковь и свящавъ ю, и немного поживе в пустыни с братом си, и видя труд пустынный, житие скръбно, житие жестко,

они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда блаженный юноша сказал Стефану: «Поскольку ты брат мой старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя как отца. Сейчас не с кем мне советоваться обо всем, кроме тебя. В особенности я умоляю тебя ответить и спрашиваю тебя: вот уже церковь поставлена и окончательно отделана, и время пришло освящать ее; скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее?»

В ответ Стефан сказал ему: «Зачем ты спрашиваешь, и для чего ты меня испытываешь и терзаешь? Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: „Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но Божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели святую литургию. Так что все люди, стоявшие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: кем будет младенец этот?" Но священники и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: „Поскольку в чуде с младенцем число три проявилось, это означает, что будет ребенок учеником Святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в Святую Троицу". Поэтому следует тебе освящать церковь эту лучше всего во имя Святой Троицы. Не наше это измышление, но Божья воля, и предначертание, и выбор, Бог так пожелал. Да будет имя Господа благословенно навеки!» Когда это сказал Стефан, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил: «Правильно ты сказал, господин мой. Это и мне нравится, и я того же хотел и думал об этом. И желает душа моя создать и освятить церковь во имя Святой Троицы. Из-за смирения я спрашивал тебя; и вот Господь Бог не оставил меня, и желание сердца моего исполнил, и замысла моего не лишил меня».

Решив так, взяли они благословение и освящение у епископа. И приехали из города от митрополита Феогноста священники, и привезли с собой освящение, и антиминс, и мощи святых мучеников, и все, что нужно для освящения церкви. И тогда освящена была церковь во имя Святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом киевским и всея Руси, при великом князе Семене Ивановиче; думаю, что это произошло в начале княжения его. Правильно церковь эта названа была именем Святой Троицы: ведь поставлена она была благодатью Бога Отца, и милостью Сына Божьего, и с помощью Святого Духа.

Стефан же, построив церковь и освятив ее, недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни, жизнь печальная, жизнь

отвсюду теснота, отвсюду недостаткы, ни имущим ниоткуду ни ястиа, ни питиа, ни прочих, яже на потребу. Не бѣ бо ни прохода, ни приноса ниоткуду же; не бѣ бо окрестъ пустыня тоя близъ тогда ни селъ, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуду же, и не бѣ мимоходящаго, ни посѣщающаго, но округъ мѣста того съ всѣ страны все лѣсъ, все пустыня. Он же видя сиа и стужив си, оставляет пустыню, купно и брата своего приснаго, преподобнаго пустынолюбца и пустыножителя, и оттуду изиде на Москву.

И пришед въ град вселися в монастырь святого Богоявлениа,* и обрѣте себѣ келию, и живяше в ней, зѣло подвизаяся на добродѣтель: бяше бо и тот любяше жити трудолюбно, живый в келии своей житие жестоко, постом и молитвою, и от всего въздръжаяся, и пива не пиаше, и ризы не щапливы ношааше. Бяше же в та времена в том монастыри Алексий митрополит живяше,* еще не поставленъ в митрополиты, но чрънеческое житие честно проходя пребываше. С ним же Стефанъ духовъным житиемь оба купно живяста но и въ церкви на клиросѣ оба, по ряду стояще, пояху; такоже и Геронтий нѣкто, нарочитъ и славенъ старець, въ том же монастыри живяше. Увѣдавъ же князь великый Симеонъ яже о Стефанѣ и добрѣм житии его, и повелѣ Феогносту митрополиту поставити его въ прозвитеры, въ священничьскый санъ, таче потомъ игуменьство ему приказати въ том монастыри, и приа его въ отечьство себѣ въ духовничьство; такоже и Василий тысущникь, и Феодоръ, братъ его* и прочии боляре старѣйши купно вси по ряду.

Вседоблий же блаженный юноша вѣрный, иже бѣ присны брат и единоматеренъ тому Стефану, аще бо и от *единого* отца родистася, аще и едино чрево изнесе ею, но не едино произволение ею. Не брата ли приснаа оба быста себѣ? Не единомыслиемъ ли съгласистася *и* сѣдоста на мѣстѣ том? Не оба ли равно купно съвѣщастася сѣсти в пустыници той? Како абие распрагостася друг от друга? Овъ сице произволи, другий же инако; овъ убо въ градстѣмь монастырѣ подвизатися проразсуди, овъ же и пустыню яко град сътвори.

Не зазрите же ми грубости моей, понеже и до здѣ писахъ и продлъжих слово о младенствѣ его, и о дѣтьствѣ его, и прочее о всем бѣлецком житии его: и елико бо аще в миру пребываше, но душею и желаниемь къ Богу распалашеся. Показати же хощу почитающим и послушающим житиа его, каковъ бывъ из млада и изъ дѣтства вѣрою и чистымь житиемь, и всѣми добрыми дѣлы украшен — сице дѣание и хожение его еже в миру. Доброму сему и преудобреному отроку аще и в мирьстѣм устроении живущу ему тогда, но обаче Богъ свыше призираше на него, посѣщаа его своею благодатию, съблюдаа его и огражаа святыми аггелы своими, и въ всякомь мѣсте съхраняя его и *во* всяком пути его, амо же колиждо хождааше. Богъ бо есть сердцевидець, единъ свѣдый сердечьная, единъ свѣдый тайная, прозря будущаа яже о нем, яко имѣаше

суровая, во всем нужда, во всем лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ни чего другого, нужного для жизни. Ведь не было к тому месту ни дорог, ни подношений ниоткуда; ведь не было тогда вокруг пустыни этой поблизости ни сел, ни домов, ни людей, живущих в них; ниоткуда не было к тому месту тропы человеческой, и не было ни прохожих, ни посетителей, но вокруг места этого со всех сторон был только лес, только глушь. Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пустынь, а также брата своего родного, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушел оттуда в Москву.

Придя в город, он поселился в монастыре святого Богоявления, и нашел себе келью, и жил в ней, весьма преуспевая в добродетели: ведь и он любил жить в трудах, жил он в келье своей жизнью суровой, постился и молился, и от всего воздерживался, и пива не пил, и скромные носил одежды. В то время в этом монастыре жил митрополит Алексей, который еще не был поставлен в митрополиты, но иноческую жизнь с честью вел. Они со Стефаном в монашеской жизни вместе жили и в церкви на клиросе оба, рядом стоя, пели; также некто Геронтий, известный и славный старец, в том же монастыре жил. Когда узнал князь великий Семен о Стефане и славной жизни его, он повелел митрополиту Феогносту поставить его в пресвитеры, облечь его в священнический сан, а потом велел игуменство ему поручить в том монастыре, и взял его себе духовным отцом; так сделали и Василий-тысяцкий, и Федор, брат его, и остальные бояре старшие сделали так один за другим.

Но вернемся к славному, блаженному, верному юноше, который был родным и единоутробным братом этого Стефана. Хотя они и родились от одного отца и хотя одно чрево произвело их на свет, но не одинаковые устремления они имели. Разве не были они братьями родными? Разве не сообща они захотели и стали жить на месте том? Разве не вместе они решили обосноваться в малой той пустыни? Как же расстались они друг с другом? Один так пожелал жить, другой же иначе: один в городском монастыре подвизаться решил, другой же пустынь сделал подобную граду.

Не презирайте грубости моей за то, что я до сих пор писал и растягивал рассказ о младенчестве его, и о детстве его, и вообще обо всей мирской жизни его: потому что хотя он в миру жил, но душу и желания свои к Богу обращал. Я показать хочу читающим и слушающим житие его, каков был он с младых лет и с самого детства своего верой и чистой жизнью, и как был он всеми добрыми делами украшен — таковы были дела его и жизнь в миру. Хотя этот прекрасный и достойный отрок мирскую жизнь вел тогда, но все же Бог свыше заботился о нем, удостаивая его своей благодатью, защищая и обороняя его святыми ангелами своими, во всяком месте сохраняя его и во всяком путешествии, куда бы тот ни пошел. Ведь Бог, знающий сердца, один ведающий сердечные тайны, один, провидящий сокрытое, предвидел будущее его, знал, что есть в сердце его много

въ сердци многы добродѣтели и любви рачение, провѣдый, яко будет в нем съсуд избранъ по его благому доброизволению, яко будет игуменъ множайший братии и отець многым монастырем. Но тогда убо велми хотяше облещися въ образ чернечьскый: зѣло желаше иночьскаго житиа и постнаго и млъчаннаго пребываниа.

О ПОСТРИЖЕНИИ ЕГО, ЕЖЕ ЕСТЬ НАЧАЛО ЧЕРНЕЧЕСТВУ СВЯТАГО

Сам же преподобный отець нашь тогда еще не бѣ приалъ аггельскаго образа, донеле же извыче вся монастырьскаа дѣла: и чрънеческыи устрои, и прочаа ключимаа, яже на потребу мнихом. И повсягда, по вся времена, с великымь прилежаниемь, и съ желаниемь, и съ сльзами моляшеся Богу, дабы сподобитися аггельскому тому образу и причьстися въ иночьскый ликъ. И призвавъ к себѣ въ прежереченную пустынку нѣкоего старца духовна, чином священничьскым украшена, прозвитерьскою благодатию почтена, саном игумена суща, именем Митрофана. Емуже повѣлѣвает купно же и молит съ смиренометаниемь, и к нему радостнѣ прекланяет главу свою, въ иночьская хотя от него облещися. И присно глаголя ему: «Отче! Сътвори любовь, постриже мя въ мнишескый чинъ, зѣло бо хощу его от юности моея от многа времени, но нужа родительскаа одръжаше мя. Нынѣ же от всѣх сихь свободився, и сице жадаю, ацѣм же образом желает елень на источникы водныя; сице желает душа моя иночьскаго и пустыннаго жительства».

Игумен же незамедлено вниде въ церковь и постриже и въ аггельскый образ, месяца октовриа въ 7 день, на память святых мученикъ Сергиа и Вакха. И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха имена, не съ имени,* но вън же день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя. Бѣ же святый тогда възрастом 23 лѣта, егда приять иночьскый образ. Церковь же, юже поминаю, юже сам тъй Сергий създа и нарече ю въ имя Святыя Троица, в тъй церкви прежереченный онъ игуменъ с пострижением купно тогда сверши и божественую литургию. Блаженый же Сергий, новъпостриженый чрънець, яко съвръшенъ бысть, тогда съпричастникъ комканий святых таинъ, пречистому тѣлу и крови Господа нашего Исуса Христа, яко да достоинъ, сподобися таковыя святыня. И тако по святом причащении или в самом том причащении вниде в онь и вселися благодать и даръ Святого Духа. Откуду же се бысть вѣдомо? Прилучиша бо ся нѣции ту в то врѣмя, яко въистину яко неложнии свѣдетелии, яко егда Сергий причащься святых таинъ, тогда абие внезаапу исплънися вся церкви она благоуханиа: не токмо въ церкви, но и окрестъ церкви обоняша воню благовонну. Вси видѣвше и очютивше ю прославиша Бога, иже сице прославляющаго своа угодникы.

добродетелей и стремления к любви, предвидел, что будет отрок сосудом избранным по благой воле его, что станет он игуменом многочисленной братии и основателем многих монастырей. Но в то время Варфоломей более всего хотел принять пострижение монашеское: сильно стремился он к иноческой жизни и пребыванию в посте и молчании.

О ПОСТРИЖЕНИИ ВАРФОЛОМЕЯ, КОТОРОЕ СТАЛО НАЧАЛОМ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО

Преподобный отец наш не принял ангельского образа до тех пор, пока не изучил все монастырские дела: и монашеские порядки, и все прочее, что требуется монахам. И всегда, в любое время, с большим прилежанием, и с желанием, и со слезами он молился Богу, дабы удостоиться принять ангельский образ и приобщиться к иноческой жизни. И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. Варфоломей просит и умоляет его, смиренно кланяясь, перед ним радостно преклоняет голову свою, желая, чтобы Митрофан в иноки его постриг. И повторял ему святой: «Отче! Сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин, ведь я с юности моей давно очень хочу этого, но воля родителей удерживала меня. Сейчас же, от всего освободившись, я так жажду этого, как олень стремится к источнику водному; так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни».

Игумен немедля вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий: ведь так в то время давали случайные имена, не считаясь с мирским именем; но какого святого память отмечалась в тот день, когда постригали, такое имя и давали постригающемуся. Было святому, когда он стал иноком, двадцать три года. А в церкви, о которой я говорил, самим Сергием созданной и названной в честь Святой Троицы, в этой церкви игумен тот вместе с чином пострига отслужил и божественную литургию. Блаженный же Сергий, только что постриженный инок, когда совершен был постриг, причастился святых тайн, вкусил пречистое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, как достойный сподобился такой святыни. Так вот, после святого причащения или во время самого причащения снизошла на него и вселилась благодать и дар Святого Духа. Откуда же это известно? Были некие люди здесь в то время, поистине правдивые свидетели того, что когда Сергий причастился святых тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием: не только в церкви, но и вокруг церкви чувствовался запах благовонный. И все видевшие и ощутившие этот запах прославили Бога, так прославляющего своих угодников.

Се бысть первый чрънецъ въ той церкви и в той пустыни постриженъ. Прьвый начинанием, послѣдний мудрованием; прьвый чисменем, а послѣдний же труды. А реку и прьвый, и послѣдний: мнози бо в той церкви постригошася, но ни един же доспѣ достигнути въ прясло его; мнози такоже начаша, но не вси абие сице окончаша; мнози потом въ том мѣстѣ и при нем, и по нем иночьствоваша, поистинѣ вси добри суть, но не вси сравняются в мѣру его. Се бысть того мѣста акы пръвый инокь, началообразный трудоположникъ, всѣмь прочимъ мнихом образ бывая, живущим ту. Егда бо постризашеся, не токмо постризает власы главы своея, но въкупѣ съ отъятием нечювьственых власов и плотскаа сьотрѣзует желаниа; а еже егда ризъ мирьскых съвлачашеся, въкупѣ отлагаше я. Се есть тъй, иже ветхаго человека съвлачашеся и отлагааше, а в новаго облечеся. И препоясаше крѣпко чресла своя, уготоваяся въ подвигы духовныя мужескы внити, оставль миръ и отречеся его и всѣх, яже суть в мирѣ, имѣниа же и всѣх прочих житийскых вещей. И единою просто рещи и вся узы мирьскаго житиа растързав, — акы нѣкы орелъ, легкыма крилома опрятався, акы къ воздуху на высоту възлетѣвъ, — тако и съй преподобный оставль миръ и яже суть в мирѣ, отбѣже всѣх прочих житейскых вещей, оставль род свой и вся ближникы и ужикы, дом же и отечество, по древнему патриарху Аврааму.*

Пребысть же блаженный въ церкьви седмь дний, ничтоже вкушая, развѣ точию просфиру, оную же от рукы игумена взят; от всего упражняяся, развѣ точию посту и молитвѣ прилежаше. Давидьскую пѣснь всегда присно въ устѣх имѣяше, псаломскаа словеса, имиже самь тѣшашеся, имиже хваляше Бога. Молча пояше и благодаряше Бога, глаголя: «Господи! Възлюбих красоту дому твоего и мѣсто вселениа славы твоея;* дому твоему подобает святыни Господни въ длъготу дний.* Коль възлюблена села твоа, Господи силъ! Желает и скончевается душа моя въ дворы Господня; сердце мое и плоть моя възрадовастѣся о Бозѣ живѣ. Ибо птица обрѣте себѣ храмину, и грълица гнѣздо себѣ, идѣже положи птънца своа. Блажении живущии въ дому твоем; въ вѣкы вѣком въсхвалят тя. Яко лучше есть день единъ въ дворѣх твоихь паче тысущь; изволих привмѣтатися въ дому Бога моего паче, нежели жити ми въ селе грѣшничих».*

Егда же отпущаше игумена оного, иже постригшаго и, съ мнозѣмъ смиреномудрием Сергий рече ему: «Се убо, отче, отходиши ты днесь еже от здѣ, а мене смиренаго, якоже и произволих, единого оставляеши. Но азъ убо от многа времени и всею мыслью моею и желанием вжелах сего, еже жити ми единому в пустыни, без всякого человека. Издавна бо сего просих у Бога моляся, повсегда слыша и поминая пророка, въпиюща и глаголюща: „Се удалихся, бѣгаа, и въдворихся въ пустыни, чаях Бога, спасающаго мя от малодушиа и от буря. И сего ради услыша мя Богъ и внят глас молитвы моея. Благословенъ Богъ, иже не оставит молитвы моея и милости своея от мене".*

Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Первый в начинании, но высший мудростью; первый числом, но высший трудами. Я скажу, что он был и первый, и высший: ведь многие в той церкви постриглись, но ни один из них не смог достичь его совершенства; многие так начинали, но не все так окончили свое дело; многие потом в том месте — и при жизни Сергия, и после него — были иноками, поистине все они славными были, но не все могут сравниться с ним. Это был в том месте первый инок, он положил начало подвигам; всем другим монахам, живущим здесь, он примером был. Ведь когда он постригался, он не только постригал волосы на голове своей, но вместе с бесчувственными волосами он плотские отсекал желания; а когда одежды мирские сбрасывал, он с ними отвергал от себя эти желания. Это был тот, кто с себя прежнего человека совлекал и удалял, а в нового превращался. И, крепко подпоясавшись, приготовился он подвиги духовные мужественно начать, оставив мир и отрекшись от него и от всего, что в миру, от имущества и всех остальных житейских благ. И, попросту говоря, все узы мирские он разорвал, — как некий орел, легкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает — так и этот преподобный оставил мир и все мирское, бежал от всех житейских благ, оставив род свой и всех близких и родственников, дом и отечество, подобно древнему патриарху Аврааму.

Находился блаженный в церкви семь дней, ничего не ел он, только лишь просфору, взятую из рук игумена; от всего отстранившись, только лишь в посте и молитве пребывал. Песня Давида постоянно была на устах у него, слова псалмов, ими он себя утешал, ими же и Бога хвалил. Пел он про себя и так благодарил Бога: «Господи! Я возлюбил красоту дома твоего и место вселения славы твоей; в доме твоем пребудет святость Господня долгие дни. Как вожделенны села твои, Господи сил! Истомилась душа моя по дворам Господним; сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом. И птица находит себе жилье, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих. Блаженны живущие в доме твоем; во веки веков будут они восхвалять тебя. День один во дворах твоих лучше тысячи дней; лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели в жилище грешников».

Когда же провожал Сергий игумена, который постриг его, со многим смирением сказал он ему: «Вот, отче, уходишь ты теперь отсюда, а меня, смиренного, как я и хотел, одного оставляешь. Долгое время я всеми помыслами моими и желаниями стремился к тому, чтобы жить мне одному в пустыни, без единого человека. Издавна я этого просил у Бога в молитвах, всегда слыша и вспоминая пророка, восклицающего и говорящего: „Я удалился, убежав, и остался в пустыни, надеясь на Бога, спасающего меня от малодушия и от бури. И поэтому услышал меня Бог и внял гласу моления моего. Благословен Бог, который не отверг молитвы моей и не отвратил милости своей от меня". И

И нынѣ о сем благодарю Бога сподобившаго мя по моему желанию, еже единому в пустыни съжительствовати и единьствовати и безмлъствовати. Ты же, отче, обаче нынѣ отходя еже отсуду, благослови мя убо смиреннаго и помолися о моем уединении, купно же и поучи мене, како жити ми единому в пустыни, како молитися Богу, како без вреда пребыти, како противитися врагу и грьдым его мыслем. Аз бо есмь новоукый, и новопостриженый и новоначалный инок, яко длъженъ есмь съвъспрашатися с тобою».

Игумен же, акы въ ужасѣ, удивляяся отвѣща: «Или мя, рече, въпрашаеши, егоже ты не невѣси нас не хуже, о честная главо! Обыклъ бо еси нам присно сим образ смирениа показовати. Обаче нынѣ и азъ реку, якоже лѣпо ми есть словесы молитвеными отвѣщати ти, сице глаголя: Господь Богъ, иже преже избравый тя, сице да ущедрит тя, да вразумит тя, да научит тя и радости духовныя да исплънит тя». И мало нѣчто от духовных побесѣдова с ним, и уже отити хотяше. Преподобный же Сергий поклонися ему до земля, рекь: «Отче! Помолися о мнѣ къ Богу, да ми поможет тръпѣти плътскыя брани, и бѣсовскыя находы, и звѣринаа устрѣмлениа, и пустынныя труды». Игуменъ же отвѣщав, рече: «Глаголеть Павелъ апостолъ: „Благословенъ Господь, иже не дастъ нас чрес силу искушеным быти!"* И пакы рече: „Все могу укрѣпляющему мя Богу"».* И абие отходя, предает его Богу и оставляет его въ пустыни единого безмлъствовати и единьствовати.

Сергий же, отпущаа игумена, еще пакы прошаше от него благословениа и молитвы. Игумен же преподобному Сергию рече: «Се азъ отхожю отсюду, а тебе оставляю Богу, иже не дасть преподобному своему видѣти истлѣниа, иже не дасть жезла грѣшных на жребий праведных, иже не даст нас в ловитву зубом ихь. Яко Господь любит праведника* и не оставит преподобных своих, но в вѣкы съхранит а; Господь съхранит въхождение твое и исхождение твое отнынѣ и до вѣка, аминь». И то рече игуменъ, сотворивъ молитву и благословивъ его, отиде от него *и иде*, отнуду же и прииде.

Длъжно же есть и се увѣдѣти почитающим: колицѣх лѣтъ пострижеся преподобный. Болѣ двадесятий лѣт видимою връстою, болѣ же ста лѣтъ разумным остроумием: аще бо и млад сый възрастом телесным, но старъ сый смысломь духовным и съвръшенъ божественою благодатию. По ошествии же игуменовѣ преподобный Сергий в пустыни упражняшеся, единъ живы, без всякого человека. И кто может сказати труды его, или кто доволенъ изглаголати подвигы его, како претръпѣ, единъ живый в пустыни? Нѣсть како мощно нам сказати, с коликым трудом духовным и съ многым попечениемь начинаше начало еже жити наединѣ, елика доволна времена и лѣта в лѣсѣ оном пустыннѣмъ мужески пребываше. Твердѣйшаа убо и святѣйшая она душа несумѣнно претръпѣ без приближениа всякого лица человечя, исправляя храняше уставъ правила иночьскаго непорочно, непотъкновенно убо и незазорно.

сейчас я благодарю Бога, сделавшего все по моему желанию, за то, что он дал мне одному в пустыни жить в одиночестве и безмолвии. Ты же, отче, ныне уходя отсюда, благослови меня, смиренного, и помолись о моем уединении, а также и научи меня, как жить мне одному в пустыни, как молиться Богу, как без напасти прожить, как противиться нашему врагу и гордым его помыслам. Ведь я, новопосвященный, только что постригся и стал иноком, поэтому я должен обо всем расспросить тебя».

Игумен, охваченный ужасом, ответил, удивляясь: «И ты меня, — сказал он, — спрашиваешь о том, что ты много лучше нас знаешь, о достойный человек! Ведь привык ты всегда таким образом пример смирения показывать. Но все же ныне и я отвечу, как подобает мне словами молитвы отвечать тебе, так: Господь Бог, еще раньше избравший тебя, пусть щедро одарит тебя, вразумит тебя, научит тебя и радости духовной да исполнит тебя». И, немного о духовном побеседовав с Сергием, он хотел уже уйти. Но преподобный Сергий, поклонясь ему до земли, сказал: «Отче! Помолись за меня Богу, чтобы помог он мне терпеть плотские искушения, и бесовские нашествия, и зверей нападения, и труд в пустыни». Игумен же в ответ сказал: «Говорит Павел-апостол: „Благословен Господь, который не даст нам сверх сил искушений". И еще сказал: „Все могу, если укрепит меня Бог"». И снова, уходя, игумен поручает его Богу и оставляет в пустыни одного безмолвствовать и жить в одиночестве.

Сергий же, провожая игумена, еще раз просил у него благословения и молитвы. Игумен же преподобному Сергию сказал: «Вот я ухожу отсюда, а тебя оставляю Богу, который не допустит гибели преподобного своего, который не даст грешным поднять жезл на жизнь праведных, который не отдаст нас в зубы грешников. Ведь Господь любит праведника и не оставит преподобных своих, но навеки сохранит их; Господь сохранит тебя в начале твоей жизни и в конце ее отныне и навеки, аминь». Сказал это игумен и, помолившись и благословив Сергия, ушел от него; и пошел туда, откуда и пришел.

Следует также вот что знать читающим житие: в каком возрасте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершен по Божьей благодати. После ухода игумена преподобный Сергий в пустыни подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыни? Невозможно нам рассказать, с каким трудом духовным и с многими заботами он начинал начало жизни в уединении, сколь продолжительное время и сколько лет он в этом лесу пустынном мужественно оставался. Стойкая и святая его душа мужественно выносила все вдали от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно, не спотыкаясь и оставаясь чистой.

Кый убо умъ или который языкъ желаниа, и началныя прьвыя теплоты, и любви того яже къ Богу, о тайных *добродѣтелехъ* его исправлениа, како доумѣет, или может повѣдати, или писанию явлено предати еже того уединение, и дрьзновение, и стенание, и всегдашнее моление, еже присно къ Богу приношаше, сльзы тъплыя, плаканиа душевъная, въздыханиа сердечная, бдѣниа повсенощная, пѣниа трезвенная, молитвы непрестанныя, стояниа несѣдалная, чтениа прилѣжная, колѣнопоклонениа частаа, алканиа, жаданиа, на земли леганиа, нищета духовнаа, всего скудота, всего недостаткы: что помяни — того нѣсть. К сим же и всѣм и бѣсовьскыя рати, видимыя и невидимыя брани, борбы, сплетениа, дѣмоньскаа страхованиа, диавольскаа мечтаниа, пустынная страшилища, неначаемых бѣд ожидание, звѣриная натечениа и тѣх сверѣпаа устремлениа. И еще надо всѣми сими и по сих еже нестрашливу быти ему душею и небоязниву сердцемь, ниже ужасатися умом к таковым вражиам кознемь, и лютым прилогом же, и начинанием: мнози бо тогда звѣрие часто нахожаху на нь, не тъкмо въ нощи, но и въ дни; бяху же звѣрие — стада влъковъ, выюще и ревуще, иногда же и медвѣди. Преподобный же Сергий, аще и въмалѣ устрашашеся, яко человекь, но обаче молитву прилѣжно къ Богу простираше, и тою паче вьоружашеся, и тако милостию Божиею пребысть от них невреженъ: звѣрие убо отхожаху от него, а пакости ему ни единыа не сотворше. Егда бо начинаше испрьва състроитися мѣсто то, тогда преподобный Сергий многа озлоблениа и скрьби претрьпѣ от бѣсовъ же, и от звѣрий, и гад. Но ничтоже от них не прикоснуся ни вреди его: благодать бо Божиа съблюдаше его. И никто же да не дивится о сем, свѣдый поистинѣ, яко Богу живущу въ человецѣ, и Духу Святому в нем почивающу, и вся ему покаряются, якоже древле Адаму прьвозданному преже преступлениа заповѣди Господня; единаче же егда ему живущу единому в пустыни.

О ПРОГНАНИИ БѢСОВ МОЛИТВАМИ СВЯТАГО

Въ единъ убо от дний преподобный Сергий в нощи вниде въ церковь, хотя пѣти заутренюу. И вънегда наченшу ему пѣние, вънезаапу стѣна церковнаа разъступися, и се диаволъ очивѣсть вниде съ множеством вой бѣсовьскых, акы не въходяй двермии, яко тать и разбойникь. Яви же ся ему сице: бяху въ одежах и въ шапках литовьскых отстровръхых: и устрѣмишася на блаженнаго, хотяща разорити церковь и мѣсто изъ основаниа. А на блаженнаго зубы скрегчюще, хотяще убити его, и глаголюще ему: «Избѣжи, изиди отсюду и к тому не живи здѣ, на мѣсте сем: не мы бо наидохом на тя, но паче ты нашелъ еси на нас. Аще ли не избѣжеши отсюду, то растрьгнем тя, и умреши в руках нашихь, и к тому не живъ будеши». Обычай бо есть диаволу и его грьдости: егда начнет на кого похвалятися или грозитися,

Какой ум или какой язык сможет представить себе или передать желания святого, и его изначальное первое рвение, и любовь его к Богу, тайные добродетели его подвига, — и как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к Богу обращал: кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь — того не было. Ко всему же этому прибавлялась борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения, борьба, столкновения, устрашения демонов, дьявольские наваждения, страшилища пустыни, неизвестных бед ожидание, нападения зверей и их свирепые поползновения. Но, несмотря на все это и при всем том, бесстрашен был Сергий душой и смел сердцем, и ум его не ужасался перед такими вражескими кознями, и лютыми нападениями, и устремлениями: многие тогда звери часто приходили к нему, не только ночью, но и днем; а были эти звери — стаи волков, которые выли и ревели, а иногда и медведи. Преподобный Сергий, хотя немного и боялся, как всякий человек, но, однако, молитву прилежно к Богу обращал и ею укреплялся; и таким образом, по милости Божьей, остался не тронут ими: звери отходили от него, а зла ему никакого не причиняли. Ведь когда только начинало устраиваться место то, тогда преподобный Сергий много огорчений и зла претерпел от бесов, и от зверей, и гадов. Но никто из них не прикоснулся к нему и не обидел его: потому что благодать Божья охраняла его. И пусть никто не удивляется этому, зная воистину, что если Бог живет в человеке и если Дух Святой осеняет его, то все ему покоряются, как в древности Адаму первозданному до нарушения им заповеди Господней; также и Сергию все покорялись, когда он жил один в пустыни.

ОБ ИЗГНАНИИ БЕСОВ МОЛИТВАМИ СВЯТОГО

Однажды преподобный Сергий ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством воинов бесовских появился, — вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерхих; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сравнять то место с землей. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но, скорее, ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя; и ты умрешь в руках наших, и не быть тебе живым». Привычка есть у дьявола в его гордости: когда начнет он перед кем-нибудь похваляться или угрожать, тогда

тогда хощет и землю потребити, и море иссушити, а не имѣя власти ни над свиниами.

Преподобный же Сергий, въоружився молитвою еже къ Богу, и нача глаголати: «Боже! Кто уподобится тебѣ? Не премлъчи, ни укроти, Боже! Яко се врази твои възшумѣша».* И пакы рече: «Да въскреснет Богъ, и разыдутся врази его, и да бѣжат от лица его вси ненавидящеи его. Яко исчезает дым, тако да исчезнут; яко тает вѣскъ от лица огню, тако да погыбнут грѣшници от лица Божиа, а праведници възвеселятся».* И тако Сергий именем Святыя Троица, имѣа помощницу и заступницу святую Богородицу, и въ оружиа мѣсто имѣа честный крестъ Христовъ, и порази диавола, акы Давидъ Голиада. И абие дияволъ с бѣсы своими невидими быша, и вси исчезоша, и безвѣсти быша. Преподобный же велико благодарение принесе къ Богу, избавльшему его от таковыя бѣсовьскиа крамолы.

Не по мнозех же днехь, егда блаженный въ хиже своей всенощную свою единъ беспрестани творяше молитву, внезаапу бысть шумъ, и клопот, и мятеж многъ, и смущение, и страх, не въ снѣ, но на явѣ. И се бѣси мнози пакы наидоша на блаженнаго стадом бесчинно, въпиюще и с прещениемь глаголюще: «Отиди, отиди от мѣста сего! Что ища пришелъ еси в пустыню сию? Что хощеши обрѣсти на мѣсте сем? Что требуеши, въ лѣсѣ съм сѣдя? Жити ли здѣ начинаеши? Въскую здѣ въдворяешися? Не надѣйся здѣ жити: не к тому бо можеши ни часа закоснѣти. Се бо есть, якоже и сам зриши, мѣсто пусто, мѣсто безгодно и не проходно, съ всѣ страны до людей далече, и никтоже от человекь не присѣщает здѣ. Не боиши ли ся, егда когда от глада умреши здѣ, или душегубци разбойници обрѣтше, разбьют тя; се бо и звѣрие мнози плотоядци обрѣтаются в пустыни сей, и влъци тяжции выюще, стадом происходять сюду. Но и бѣси многи пакостят злѣ, и страшилища многа и вся грозная проявляются здѣ, имже нѣсть числа; елма же пусто есть отдавна мѣсто сь, купно же и непотребно. И каа потреба есть тебѣ, аще здѣ звѣрие нашедше снѣдят тебѣ, или какою иною безгодною, безлѣпотную, напрасною умреши смертию? Но без всякого пожданиа ставъ, пробежи скорѣе еже от здѣ, никако же размышляя, ни сумняся, ни озираяся въспять, сѣмо и овамо — да не тебе еже от здѣ скорѣе проженемь или умрътвим».

Преподобный же крѣпку вѣру, любовь, надежю Богу стяжавъ, и прилѣжну съ слъзами молитву на врагы творяше, еже избавитися ему от таковаго бѣсовьскаго пронырьства. Благый же человеколюбець Богъ, скорый на помощь, готов на милость, не остави раба своего надлъзѣ ратоватися и намнозѣ напаствоватися; но елико, мню, скорѣе часа посла милость свою, яко да врази убо, бѣсове, отсюду посрамятся, и от сего познают и Божию помощь, и свою немощь. Преподобный же, твръдый душею, иже видимо и невидимо присно съ бѣсы борыйся, побѣдитель бѣсовомъ да явится, абие же въскорѣ божественая

он хочет и землю уничтожить, и море высушить, а сам не имеет власти даже над свиньями.

Преподобный же Сергий, вооружась молитвой к Богу, так начал говорить: «Боже! Кто уподобится тебе? Не молчи, не оставайся безучастным, Боже! Ибо вот враги твои разбушевались». И еще сказал: «Да воскреснет Бог, и исчезнут враги его, и да бегут от лица его все ненавидящие его. Как рассеивается дым, так и они пусть исчезнут; как тает воск от огня, так да погибнут грешники от лица Божьего, а праведники да возвеселятся». Так Сергий именем Святой Троицы, имея помощницей и заступницей святую Богородицу, а вместо оружия — честной крест Христов, поразил дьявола, как Давид Голиафа. И тотчас дьявол с бесами своими невидимы стали, и все исчезли, и без вести пропали. Преподобный же великую благодарность воздал Богу, избавившему его от такой бесовской напасти.

Через несколько дней, когда блаженный в хижине своей всенощную свою молитву в одиночестве непрерывно творил, внезапно раздался шум, и грохот, и волнение великое, и смятение, и страх, — не во сне, но наяву. И вот бесы многие вновь напали на блаженного, стадом бесчинствующим, вопя и с угрозами говоря: «Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришел в пустынь эту? Что хочешь найти на этом месте? Чего ты добиваешься, в лесу этом сидя? Или жить здесь собираешься? Зачем ты здесь обосновываешься? Не надейся, что сможешь здесь жить: и часа ты никак не сможешь здесь оставаться. Ведь тут, как ты и сам видишь, место пустынное, место неудобное и труднодоступное, отсюда во все стороны до людей далеко, и никто из людей не приходит сюда. Не боишься ли, что ты можешь от голода умереть здесь или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя; ведь и звери многие кровожадные живут в пустыни этой, и волки свирепые воют, стаями приходят сюда. Также и бесы многие пакостят злобно, и страшилищ много всяких грозных появляется здесь, которым нет числа; поэтому пусто издавна место это, к тому же и неудобно. Что хорошего, если звери нападут и растерзают тебя здесь или если ты какой-нибудь другой безвременной, ужасной, напрасною смертью умрешь? Но без всякого промедления встань и беги скорее отсюда, нисколько не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь, не озираясь по сторонам, — не то мы тебя отсюда быстро прогоним или убьем».

Преподобный же, имея крепкую веру, любовь, надежду на Бога, прилежную со слезами молитву против врагов творил, чтобы избавиться ему от таких бесовских происков. Благой же человеколюбец Бог, быстрый в помощи, готовый к милости, не допустил, чтобы раб его продолжительные сражения и многие напасти терпел; но, думаю, менее, чем через час, послал Бог милость свою, чтобы враги, бесы, этим были посрамлены и чтобы познали они и Божью помощь святому, и свою немощь. Чтобы преподобный, твердый душой, видимо и невидимо с бесами борющийся, победителем бесов стал, для этого вскоре некая божест-

тогда нѣкаа внезаапу того осѣни сила, и лукавыа духы наскорѣ разгна крѣпко, и до конца без вести сътвори а, и преподобнаго утѣши, и божественаго нѣкоего исплъни веселиа, и услади сердце его сладостию духовною. Он же абие упознавъ скорую помощь, и милость, и благодать Божию уразумѣвъ, благодарныя хвалы Богу възсылаше, глаголя: «Благодарю тя, Господи, и яко не оставилъ мя есть, но скоро услышав помиловал мя еси. Сътвори съ мною знамение въ благо, да видят ненавидящеи мя, постыдятся, яко ты, Господи, поможеши ми и утѣшил мя еси.* Десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная рука твоя, Господи, съкруши врагы наша, бѣсы, и дръжавою крѣпости твоея до конца тѣх погуби».

Се же да смышляется и разсуждает всякъ, кто умь имѣяй, яко дѣло се быти лукаваго диавола и началозлобнаго, и зломудреца, и злоначинателя. Хотяше бо диаволъ прогнати преподобнаго Сергиа от мѣста того, завидя спасению нашему, купно же и бояся, да некако пустое то мѣсто въздвигнет Божиею благодатию, и монастырь възградити възмогъ своимь терпѣниемь, и еже от себе тщанием же и прилѣжанием яко нѣкую весь наплънит, или яко нѣкую населит селитву, и яко нѣкый възградить градець, обитель священную и вселение мнихомъ съдѣлает въ славословие и непрестанное пение Богу. Якоже и бысть благодатию Христовою, и еже и видим днесь: не токмо бо сий великый монастырь, яко лавра иже в Радонеже състави,* но и прочая другыя монастыря различныя постави и в них мних множество съвъкупи по отечьскому же обычаю и прѣданию.

По временех же доволных диаволъ побѣдився съ блаженным в различных провидѣниих, *всуе* тружався купно съ бѣсы своими: аще и многаа различная мечтаниа наведе, но обаче ни въ ужастъ может въврещи твръдаго оного душею и храбраго подвижника. Паче же потом по различных мечтаниих и гръзных привидѣниих преподобный Сергий храбрѣй въоружашеся и оплъчашеся на бѣсы, дрързая взираше, уповаа на Божию помощь; и тако, Божиею благодатию съхраняем, без вреда пребысть. Овогда убо дѣмонскаа కознодѣйства и страхованиа, иногда же звѣринаа устрѣмлениа, мнози бо звѣрие, якоже речеся, въ тъй пустыни тогда обрѣтахуся. Овы стадом выюще, ревуще прохождааху, а друзии же немнозѣ, но или два или трие, или единъ по единому мимо течяху; овии же отдалече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его.

И от них же единъ звѣрь, рекомый аркуда,* еже сказается медвѣдь, иже повсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣвъ преподобный, яко не злобы ради приходить к нему звѣрь, но паче да възмет от брашна мало нѣчто в пищу себѣ, и изношаше ему от хижа своея малъ укрух хлѣба и полагаше ему или на пень, или на колоду, яко да пришед по обычаю звѣрь, и яко готову себѣ обрѣт пищу; и възем усты своими и отхожаше. Аще ли когда не доставшу хлѣбу, и пришел по обычаю звѣрь не обрѣт обычнаго своего урочнаго укруха,

венная сила внезапно его осенила, и лукавых духов разогнала она быстро, и окончательно сделала их безвестными, и преподобного утешила, и божественным неким наполнила его весельем, и усладила сердце его сладостью духовной. Сергий же, тотчас осознав быструю помощь Бога, и милость, и благодать Божью уразумев, благодарность и похвалы к Богу воссылал, говоря: «Благодарю тебя, Господи, так как ты не оставил меня, но быстро услышал и помиловал меня. Сотворил на мне знамение благое, чтобы увидели ненавидящие меня, как ты, Господи, помогаешь мне и сейчас утешил меня, и устыдились. Десница твоя, Господи, прославится твердостью, десница твоя, Господи, сокрушила врагов наших, бесов, и властная твердость твоя окончательно их погубила».

Пусть поймет и осознает всякий, кто наделен разумом, что это было дело лукавого дьявола, злобного и зломудренного, и источника зла. Ведь хотел дьявол прогнать преподобного Сергия с места того, завидуя спасению нашему, а также опасаясь, что святой на пустом месте обоснуется с Божьей благодатью, и, благодаря своему терпению, монастырь воздвигнет, и своим тщанием и прилежанием некую деревню создаст здесь, или некое населит селение, и некий воздвигнет городок, обитель священную и пристанище для монахов создаст для славословия и непрестанного воспевания Бога. Что и сбылось по благодати Христовой, и это мы видим сегодня: ведь не только этот великий монастырь, Троицкую лавру в Радонеже, он создал, но и многие другие монастыри различные он основал и в них множество монахов собрал по отеческому обычаю и преданию.

Прошло время, и дьявол был побежден блаженным во всех своих проявлениях, — напрасно он трудился вместе с бесами своими: хотя многими и различными видениями Сергия смущал, но, однако, не смог в ужас повергнуть этого твердого душой и храброго подвижника. Еще более после различных наваждений и грозных видений преподобный Сергий храбро вооружался и ополчался на бесов, смело встречал их, уповая на Божью помощь; и так, оберегаемый Божьей благодатью, он невредим остался. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, — ведь много зверей, как было сказано, в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Был среди них один зверь, называемый аркуда, то есть медведь, и он всегда имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного

тогда длъго время не отхожаше. Но стояше, възираа сѣмо и овамо, ожидаа, акы нѣкый злый длъжник, хотя въсприати длъгъ свой. Аще ли прилучашеся единому обрѣстися укруху, то нужа бысть преподобному и то предѣлити на двѣ части, да едину убо себѣ оставитъ, а другую звѣреви оному предложить: не имѣаше бо тогда в пустыни Сергий у себя различных брашенъ, развѣ точию хлѣбъ единъ и воду от источника сущаго ту, и тоже по оскуду. Многажды же и хлѣбу дневному не обрѣстися; и егда сему бываему, тогда оба абие пребываста алчюща, сам же и звѣрь. Иногда же блаженный себѣ не угажаше и сам алчен бываше: аще и единъ кусъ хлѣба обрѣташе у него, и то пред звѣрем онѣмь помѣташе. И изволи, сам не вкушаа въ тъй день, алкати паче, нежели звѣря оного оскръбити и не ядша отпустити. Не единою же, ни дважды звѣрь онъ приходити обыче, но по многа времена на кыйждо день, акы множае году сие творяше.

Блаженный же вся приключившаяся *искусы* с радостию тръпяше, въ всѣх благодаряше Бога, а не стужаше си, ни унываше въ скръбѣх. Елма же стяжаше разум и великую вѣру къ Богу, еюже възможе вся стрѣлы неприазнены раждежены угасити, еюже възможе низложити всяко възвышение высящееся на разум Божий, и яже от дѣмонъ прилогъ прилучающихся да не убоится. Писано бо есть: «Праведный яко левъ уповаа ходит»,* и на все дръзает вѣры ради, не яко искушаа Бога, но паче надѣяся на нь: «Надѣющейся на Господа, яко гора Сионъ,* не подвижется в вѣкы».* Надѣя же ся въистину яко на Господа твръда, якоже и сый блаженный, яко нѣкый храборъ воинъ и яко крѣпкый оружникь, въоруженъ и облъченъ въ силу духа, да не якоже убо всегдашнее имать попечение къ Богу, по толику же и Богъ о нем речет: «С ним есмь въ скръби; изму и и прославлю и. Длъготу дний исплъню его и явлю ему спасение мое».* Слабый же убо и лѣнивый в дѣлех своих таковаго упованиа не может имѣти; но иже съ Богомь непрестанно пребываа въ всѣх исправлениих своихъ, и приближаяся ему доброт ради дѣлъ своих, и протязаа блюдение своего сердца благости его, нескудно и неуклонно, якоже Давидъ пророкь рече: «Исчезоста очи мои уповающу ми на Бога моего».*

Таковое упование имѣя преподобный Сергий, и с таковым дрързновениемь дрързну внити в пустыню сию, единь единьствовати и безмлъствовати, иже и божественыя сладости безмолвиа въкусив, и тоя отступити и оставити не хотяше. И звѣриных устремлений, и бѣсовьскых мечтаний не бояшеся, якоже есть писано: «Не убоишися от страха нощнаго, от стрѣлы, летящаа въ дне, от вещи, въ тмѣ преходящаа, от сряща и бѣса полуденьнаго и полунощнаго».* Противу же пустынному страхованию молитвою въоружашеся, якоже в Лѣствицѣ речеся:* «Въ нихже, — рече, — мѣстех устрашаешися, не лѣнися без молитвы проходити, но молитвою въоружися, и руцѣ распростеръ, Исусовым именемь бий ратникы. Аще бо на молитву въскорѣ въскочивъ, помолится с нами тогда пришедый благый нашь аггелъ хранитель».

для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать: не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить. Не один раз и не дважды зверь этот приходить привык, но несколько раз каждый день, и более года это продолжалось.

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях. Ибо он приобрел разум и великую веру в Бога, который мог все стрелы вражеские огненные погасить, с которой он мог победить все, что желает быть выше разума Божьего, и с которой демонских нападений он мог не бояться. Ведь написано: «Праведник, как лев, смел», и на все дерзает ради веры, не искушая Бога, но надеясь на него: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется вовек». Надеющийся воистину на Господа твердого, как и тот блаженный, будет как некий храбрый воин, вооруженный и облеченный силой духа, так что не только он всегда будет думать о Боге, но также и Бог о нем скажет: «С ним я в скорби; избавлю его и прославлю его. Долготою дней насыщу его и явлю ему спасение мое». Слабый и ленивый в делах своих такой надежды не может иметь; но лишь тот, кто с Богом непрестанно пребывает во всех занятиях своих, и приближается к Богу благодаря своим добрым делам, и щедро, и неуклонно доверяет сохранение своего сердца благодати его, как Давид-пророк сказал: «Истомились глаза мои от ожидания Бога моего».

Такое упование имел преподобный Сергий, и с этим дерзновением дерзнул он пойти в пустынь эту, один уединиться и безмолвствовать; и, божественной сладости безмолвия вкусив, он уже не хотел от нее отступиться и оставить ее. И звериных нападений, и бесовских наваждений он не боялся, как написано: «Не убоишься страха ночного, стрелы, летящей во дне, язвы, ходящей во мраке, встречи с бесом полуденной и полночной». Против страхов пустыни Сергий молитвой вооружался, как в Лествице сказано: «В тех местах, — сказано, — где ты боишься, не ленись с молитвой проходить, но молитвой вооружись, и, простерши руки, именем Иисуса бей врагов. Молитву быстро услышав, помолится с нами тогда явившийся благой наш ангел-хранитель».

И тако преподобный възвръзе на Господа печаль свою, и възложи на Бога упование свое, и Вышняго положи въ прибѣжище свое, пребысть от страха без страха, и бес пакости, и без вреда. Богъ бо благый человеколюбець, иже скорое и твердое утѣшение даруя рабом своим, иже всегда щадя и съхраняя угодника своего, якоже Святое глаголет писание: «Яко аггелом своим заповѣсть съхранити *тя*».* Сице и здѣ посла Богъ милость свою и благодать свою въ помощь ему, еже съхранити его от всякаго обистояниа, видимаго же и невидимаго. Преподобный же видя, яко покрывает его Богъ своею благодатию, и денью, и нощию прославляше Бога и благодарныя хвалы възсылаше Богу, не оставляющему же зла грѣшных на жребий праведных, иже не даст нас чрес силу искушеном быти. Начастѣ же святую прочиташе книгу, яко да оттуду всяку приплодит добродѣтель, съкровенными мысльми подвизаа умь свой на вжелѣние вѣчных благъ съкровищь. И еже пакы дивнѣе, якоже никтоже того жестокое добродѣтелное житиа тайное увѣдаше, точию то единъ Богъ, и тайнаа зря, и тайных испытатель, и неявленная пред очима имѣя, тѣм еже безмлъвнаго и безмятежнаго житиа желаниа лишаем бываеть. Но оно убо възлюблено быти мняшеся ему, еже наединѣ единому Богу частыя, и прилѣжныя, и тайныя приносити молитвы, и Богу единому събесѣдовати, и Превышнему вездѣсущему вжелѣнми присвоитися, и к тому единому приближатися, и еже от него благодатию просвѣщатися. И сицевыми тому упражняющуся мысльми, яко да благоприатенъ будет еже о сих подвигъ его и без зазора; и сего ради на кыйждо денъ теплѣ обнощеваше, частыя къ Богу молитвы въсылая повсегда. Богъ же молениа его николиже не презрѣ, яко благосердие имѣя множество щедрот, не навыче бо презирати молениа боящихся его и творящих волю его. По временѣх же нѣколицѣх, сирѣчь пребывшу ему в пустыни единому единьствовавшу, или двѣ лѣте, или болѣ, или менши, не вѣдѣ — Богъ вѣсть.

И по сих видя Богъ великую вѣру его и многое тръпѣние его, умилосердися нань, хотя облегчити труды его пустынныя: вложи въ сердце нѣкоторым от братиа мнихом богобоязнивым, и начаху приходити къ нему. Се же бысть строениемь и промышлением всесилнаго и милосердаго Господа Бога, яко хощет не единому Сергию жити въ пустыни съй, но множайший братии, яко же рече Павелъ апостолъ: «Не ища своеа плъзы единого, но многых, да ся спасут».* Или рещи, яко хощет Богъ въздвигнути мѣсто то, и пустыню ту претворити, и ту монастырь устроити, и множайшим братиамь събратися. Богу тако изволшу, начаша посѣщати его мниси, испръва единъ по единому, потом же овогда два, овогда же три. И моляху преподобнаго, припадающе и глаголюще: «Отче, приими нас, хощем с тобою на мѣсте сем жити и душа своя спасти».

И преподобный же не токмо не приимаше их, но и възбраняше имь, глаголя: «Яко не можете жити на мѣсте сем и не можете тръпѣти труда пустыннаго: алканиа, жаданиа, скръби, тѣсноты, и скудости, и недостатков».

И преподобный возложил на Господа печаль свою, и возложил на Бога упование свое, и Всевышнего сделал убежищем своим, и пребывал он от страха без страха, и без пакости, и без вреда. Ведь Бог — благой человеколюбец, который всегда щадит и сохраняет угодника своего, как говорит Святое писание: «Ибо ангелам своим заповедует охранять тебя». Так и здесь, послал Бог милость свою и благодать свою на помощь Сергию, чтобы сохранить его от всяких досаждений, видимых и невидимых. Преподобный же, видя, что охраняет его Бог своей благодатью, и днем и ночью прославлял Бога и благодарные хвалы воссылал к Богу, не позволяющему грешным принести зло жизни праведных, который не дает нам сверх силы искушений. Он часто священную читал книгу, чтобы оттуда всякую почерпнуть добродетель, сокровенными мыслями укрепляя разум свой для достижения бесценных вечных благ. И еще удивительнее то, что никто его суровую добродетельную жизнь не знал, один только Бог, который все тайное зрит, и все тайное узнает, и скрытое перед очами видит, то, что безмолвной и безмятежной жизни святой лишен будет. Но ведь то прекрасным казалось святому, чтобы единому Богу частые, и прилежные, и тайные возносить молитвы, и с Богом одним беседовать, и к Превышнему вездесущему помыслы обращать, и к нему одному приближаться и от него благодатью просвещаться. И, таким предаваясь мыслям, он хотел, чтобы угоден был Богу подвиг его и безупречен; и для этого ежедневно в бдении проводил он ночи, частые к Богу молитвы усердно вознося все время. Бог же по милосердию своему и безграничной щедрости своей мольбы его не отверг, — не привык он отвергать мольбы боящихся его и послушных воле его. Шло время, а Сергий оставался в пустыни один в уединении, — или два года, или больше, или меньше, сколько — он не знал; Бог знает.

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыни: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. Это было устроено промыслом всесильного и милосердного Господа Бога, который хотел, чтобы не один Сергий жил в пустыни этой, но многочисленная братия, как сказал Павел-апостол: «Не ищу пользы лишь для себя, но для многих, чтобы спаслись». Или можно сказать, что захотел Бог прославить место это, и пустынь эту преобразить, и здесь монастырь устроить, и множество братьев собрать. Поскольку Бог так пожелал, начали посещать святого монахи, сперва по одному, потом иногда по два, а иногда по три. И молили они преподобного, преклоняясь перед ним и говоря: «Отче, прими нас, мы хотим с тобой на месте этом жить и души свои спасти».

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Не можете вы жить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыни: голод, жажду, скорбь, неудобства, и бедность, и нужду». Они же

Они же рѣша: «Хощем трьпѣти труды мѣста сего, да аще Богъ подасть, то и можем». Преподобный же пакы въпроси а, глаголя: «Можете ли трьпѣти труды мѣста сего: глад, и жажду, и всякыя недостаткы?» Они же рѣша: «Ей, честный отче, хощем и можем Богу помагающу намъ, и молитвам твоим споспѣшьствующим намь. Токмо о сем молимъ твое преподобьство: не отлучи нас от лица твоего и от мѣста сего любезнаго не отжени нас».

Преподобный же Сергие, вѣдѣвъ вѣру ихъ и усердие, и удивлься им и рече имь: «Азъ не изждену вас, понеже Спасъ нашь глаголаше, яко: „Грядущаго къ мнѣ не ижьждену вънъ";* и пакы рече: „Идѣже суть два или трие съвъкуплени въ имя мое, ту аз есмь посредѣ их".* И Давидъ рече: „Се коль добро и коль красно еже жити братии вкупѣ".* Аз бо, братие, хотѣлъ есмь единъ жити въ пустыни сей и тако скончатися на мѣсте сем. Аще ли сице изволшу Богу, и аще угодно ему будет, еже быти на мѣсте семь монастырю и множайши братии, да будеть воля Господня! Аз же вас с радостию приемлю, токмо потщитеся създати себѣ комуждо свою келию. Но буди вы свѣдома: аще въ пустыню сию жити приидосте, аще съ мною на мѣсте сем пребывати хощете, аще работати Богу пришли есте, приготовайтеся трьпѣти скръби, бѣды, печали, всяку тугу, и нужю, и недостаткы, и нестяжание, и неспание. И аще работати Богу изволисте и приидосте, отселѣ уготовайте сердца ваша не на пищу, ни на питие, ни на покой, не на беспечалие, но на трьпѣние, еже трьпѣти всяко искушение, и всяку тугу и печаль. И приготовайтеся на труды, и на пощениа, и на подвигы духовныя, и на многы скръби: „Многыми бо скръбьми подобает нам внити въ царство небесное".* „Узокъ путь и прискрьбенъ есть, въводяй в жизнь вѣчную, и мало их есть, иже обрѣтают его";* „Нужно бо есть царство небесное, и нужници въсхищают е";* „Мнози суть звани, мало же избранных".* Мало бо есть спасающихся, тѣм и мало есть избранное стадо Христово, о немже въ Евангелии рече Господь: „Не бойся, малое мое стадо! О немже изволилъ есть Отець мой дати вамъ царство небесное"».* Сиа блаженному Сергию изглаголавшу к ним, они же с радостию и съ усрьдиемъ обѣщашася, глаголюще: «Вся повелѣная тобою творимь и ни въ чем же не преслушаемся тебе».

И създаша себѣ кыйждо свою келию и живяху о Бозѣ, смотряюще житиа преподобнаго Сергиа и тому по силѣ равнообразующеся. Преподобный же Сергие, живый съ братиами, многы труды претрьпѣваше, и великы подвигы и поты постничьскаго житиа творяше. Жестоко же постное житие живяше; бяху же добродѣтели его сице: алкание, жадание, бдѣние, сухоядение, на земле легание, чистота телесная и душевнаа, устнама млъчание, плотскаго хотѣниа извѣстное умрьщвение, труди телеснии, смирение нелицемѣрное, молитва непрестающиа, разсужение доброразсудное, любовь совръшенаа, худость ризьная, память смертнаа, кротость с тихостию, страх Божий непрестанный. «Зачало бо премудрости страх Господень»;* якоже зачало цвѣт ягодам и всякому овощу, сице зачало есть всякой добродѣтели страх Божий. Онъ же

отвечали: «Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем». Преподобный же еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?» Они же ответили: «Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Преподобный же Сергий, убедившись в вере их и усердии, удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: „Приходящего ко мне не изгоню вон"; и еще сказал: „Где двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них". И Давид сказал: „Как хорошо и как приятно жить братьям вместе". Ведь я, братья, хотел один жить в пустыни этой и скончаться здесь. Но если так пожелал Бог и если угодно ему, чтобы был на месте этом монастырь и многочисленная братия, да будет воля Господня! Я же вас с радостью принимаю, только пусть каждый сам построит для себя келью. Но да будет вам известно: если в пустынь эту вы жить пришли, если со мной на месте этом жить хотите, если служить Богу вы пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякие несчастья, и нужду, и лишения, и бедность, и недосыпание. Если вы служить Богу желаете и для этого пришли, приготовьте сердца ваши не для пищи, не для питья, не для покоя, не для беспечности, но для терпения, чтобы претерпеть всякое искушение, и всякую скорбь, и печаль. И приготовьтесь к тяготам, и к постам, и к подвигам духовным, и ко многим скорбям: „Многими ведь скорбями надлежит нам войти в царствие небесное"; „Узок путь и скорбен, ведущий в жизнь вечную, и немногие находят его"; „Силой берется царство небесное, и употребляющие усилие восхищают его"; „Много званых, а мало избранных". Ибо мало спасающихся, поэтому мало избранное стадо Христово, о котором в Евангелии сказал Господь: „Не бойся, малое мое стадо! Ибо благоволил Отец мой дать вам царство небесное"». Когда блаженный Сергий так сказал им, они с радостью и с усердием обещали: «Все, что повелел ты, сделаем, и ни в чем не ослушаемся тебя».

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. Ведь «начало мудрости — страх Господень»; как цветы — начало ягод и всяких овощей, так и начало всякой добродетели — страх Божий. Он страх Божий в себе укрепил, и им

страх Божий въ себѣ въдружив, и тѣмь ограждься, и закону Господню поучаяся день и нощь, яко древо плодовито, насаждено при исходищих водных, иже въ свое время дастъ плод свой.

И понеже младу ему сущу и крѣпку плотию, — бяше бо силенъ быв тѣлом, могый за два человека, — диаволъ же похотными стрѣлами хотя уязвити его. Преподобный же, очютивъ брань вражию, удръжа си тѣло и поработи е, обуздавъ постомъ; и тако благодатию Божиею избавленъ бысть. Научи бо ся на бѣсовьскиа брани въоружатися: якоже бѣсове грѣховъною стрѣлою устрѣлити хотяху, противу тѣх преподобный чистотными стрѣлами стрѣляше, стрѣляющих на мрацѣ правыя сердцемь.

Сице живый съ братиами, аще и не поставленъ бысть въ прозвитеры, но велми с ними пристояше церкви Божии. И по вся дни пояше съ братиами во церкви и полунощницу, и заутренюю, и чясове, и третий, и шестый, и девятый, и вечерю, и нефимонъ,* по реченному: «Седмижды днемь хвалих тя о судьбах правды твоея».* Промежю сих частыя молебны, на то бо упразнишася, еже безъпрестани молити Бога, и въ церкви, и в келиахъ, по Павлу глаголющу: «Не престающе молитеся Богу».* А на обѣдню призываше нѣкоего чюжаго, попа суща саном или игумена старца, и того приимаше и повѣлеваше ему творити святую литургию: самь Сергий испрьва не хотяше поставлениа презвитерьска или игуменьства приати многаго ради и конечнаго смирениа. Имѣяше бо в себѣ кротость многу и велико истинное смирение, о всем всегда подражаа своего владыку Господа нашего Исуса Христа, подавъшаго ся на подражание хотящим подражати его и послѣдовати ему, рекшему: «Приидѣте къ мнѣ, вси тружающиеся и обремении, азъ покою вы. Възмѣте иго мое на ся, и научитеся от мене: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемь».* И таковаго ради смирениа Сергий не хотяше поставлениа поповьства или игуменьства взяти: глаголаше бо присно, яко зачало и корень есть санолюбиа еже хотѣти игуменьства.

Събравшим же ся мнихом не зѣло множайшим, но яко чисменем до двою на десяте: от них же бѣ единъ старець Василий, рекомый *Сухий*, иже бѣ въ пръвых от страны пришедый от врьхъ Дубны; ин же от них, именем Иаковъ, рекомый Якута — сий бѣ в чину образом яко посолникъ, егоже колиждо отсылаху на службу, яко зѣло на нужную потребу, без неюже не мощно обрѣстися; *другому* же Онисим имя, иже бѣ диаконъ, диаконовъ отець Иелисеа глаголемаго. Келиам же зиждемым и тыном огражденым, не зѣло пространнѣйшимь, но и вратаря сущихь ту у врат пристави, от нихже сам Сергий трие или четыре келии сам своима рукама създа. Но и прочаа вся монастырьскаа дѣлеса, яже братиамь на потребу, служаше: ово дрова на раму своею от лѣса ношаше, и якоже по келиам раздробляя и растесаа, разношаше, на полѣна разсѣкаа. Но что въспоминаю яже о дровех? Дивъно бо поистинѣ бѣ тогда у них бываемом видѣти: не сущу от них далече лѣсу, якоже нынѣ нами зримо, но идеже келиам зиждемым стояти

огражден был, и закону Господнему поучался денно и нощно, подобно дереву плодовитому, посаженному у источников водных, которое в свое время даст плоды свои.

Из-за того, что Сергий был молод и крепок телом (ведь сила у него была в теле, как у двух человек), дьявол стрелами похоти хотел уязвить его. Преподобный же, почувствовав нападение вражеское, подчинил себе тело и поработил его, обуздав постом; и так благодатью Божьей был он избавлен от искушений. Научился он против бесовских нападений обороняться: как только бесы стрелами греха поразить его хотели, преподобный стрелы чистоты пускал в них, стреляющих во мраке в праведных сердцем.

Так и жил он с братьями, и хотя не был поставлен в священники, но очень с ними пекся о церкви Божьей. И каждый день пел он с братьями в церкви и полунощную, и заутреню, и Часы, и третий, и шестой, и девятый, и вечерню, и мефимон, как сказано: «Седмикратно в день прославляю тебя за суды правды твоей». В промежутках они устраивали частые молебны, — ведь для того и ушли из мира, чтобы беспрестанно молиться Богу и в церкви, и в кельях, как сказал Павел: «Непристанно молитесь Богу». А обедню служить Сергий призывал кого-нибудь другого, в сане священника или старца игумена, встречал их и просил служить святую литургию: сам Сергий сначала не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять из-за великого и беспредельного смирения. Ведь был он полон кротости большой и великого истинного смирения, во всем всегда подражая своему владыке, Господу нашему Иисусу Христу, давшему пример для подражания желающим подражать ему и следовать ему и сказавшему: «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем». Из-за этого смирения Сергий не хотел быть поставленным в священники или игуменство принять: говорил он всегда, что желание быть игуменом — начало и корень честолюбия.

Собралось монахов не очень много, не больше двенадцати человек: среди них был некий старец Василий, по прозванию Сухой, который в числе первых пришел с верховьев Дубны; другой же монах, по имени Иаков, по прозванию Якута — был он за посыльного, его всегда посылали по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись; еще один был по имени Анисим, который был дьяконом, отец дьякона по имени Елисей. Когда кельи были построены и тыном ограждены, не очень большим, поставили и привратника у ворот, сам же Сергий три или четыре кельи сам своими руками построил. И в прочих всех монастырских делах, нужных братии, он участвовал: иногда дрова на плечах своих из леса носил и, разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям. Но зачем я вспоминаю о дровах? Ведь удивительно поистине было видеть то, что у них было тогда: был от них недалеко лес, — не так, как теперь, но где кельи строящиеся были поставлены,

поставленым, ту же над ними и древеса яко осѣняющи обрѣтахуся, шумяще стояху. Окресть же церкви часто колоды и пение повсюду обрѣташеся, уду же и различнаа съахуся сѣмена, яко на устроение *оградным*ъ зелиемь. Но *возвратимся* пакы на предреченную бесѣду, яже о подвизѣ преподобнаго Сергиа, како без лѣности братиам яко купленый рабъ служаше: и дрова на всѣх, якоже речеся, сѣчаше; и тлъкущи жито, въ жрѣновѣх меляше, и хлѣбы печаше, и вариво варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты крааше и шияше; и от источника, сущаго ту, воду въ двою водоносу почерпаа на своемь си рамѣ на гору възношаше и комуждо у келий поставляше.

В нощи же на молитвѣ без сна пребываше; хлѣбом и водою точию питашеся, и того по оскуду приимаше; и николиже ни часа празденъ пребываше. И сице удручи си тѣло многымь въздръжанием и великыми труды. В нем же и плотская двизаниа бес пошествиа сътворяше, и пакы болшаа подвигы на подвигы прилагаше, и печашеся о пребывании мѣста того, яко дабы токмо благоприатенъ былъ труд его. И елико же что дѣаше, псалом въ устѣх его всегда бѣаше, еже рече: «Предзрѣх Господа предо мною выну, яко одесную мене есть; да ся не подвижу».* Сице же ему пребывающу въ молитвах и въ трудѣхъ, плоть истни си и иссуши, желаа быти горняго града гражанинъ и вышняго Иерусалима жителинъ.

По лѣте же единѣмь прежереченный игуменъ, иже постриже блаженнаго Сергиа, разболѣся, и нѣколико время поболѣвъ, от сего житиа преставися и къ Господу отиде. Преподобный же Сергий печаловашеся зѣло, и моляшеся Богу, и молитву прилѣжну о сем всылаше, яко дабы Богъ далъ игумена, мѣсту тому наставника, отца же и правителя, могуща правити корабль душевъный всемирныя жизни къ пристанищу спасениа от влънъ потоплениа, от злых духовъ. И сице ему молящуся къ Богу и просящу игумена и истиннаго строителя мѣсту тому, Богъ услыша молитву угодника своего и моление его приатъ, да не Давида лжуща покажет, рекшаго: «Волю боящихся его сътворит, и молитву их услышит, и спасеть их».* Хощет дати самого просителя просившаго игумена, праваго правителя; да поелику же Сергий просилъ, по толику же и приа, и обрѣте, и приобрѣте въ правду праваго правителя, могущаго управити мѣсто то. Не себе же самого точию просилъ, но иного нѣкоего, его же Богъ дасть; Богъ же, яко провидець, провѣдый будущаа и хотя въздвигнути и устроити мѣсто то и прославити, иного лучша того не обрѣте, но точию того самого просившаго дарует, вѣдый, яко может таковое управление управити въ славу имени его святого.

Како же и кыим образом случися быти начало Сергиева игуменьства? Въложи Богъ въ сердце братиам его, како бы въздвигнути его на началное начальство. Вниде же нѣкое размышление въ братию его; и сшедшеся преже сами промежи собою, и съвѣтъ сътвориша ти; тако вѣрою утвръдившеся, вси вкупѣ приидоша къ преподобному Сергию, глаголюще: «Отче! Не можем жити

здесь же над ними и деревья были, осеняя их, шумели над ними. Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень. Но вернемся снова к оставленному рассказу о подвиге преподобного Сергия, как он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех, как было сказано, колол, и толок зерно, и жерновами молол, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил.

Ночью же Сергий в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался, да и этого мало употреблял; и ни часа праздным не оставался. И так истощил он свое тело суровым воздержанием и великими трудами. Когда в нем плотские волнения бес возбуждал, он великий подвиг за подвигом совершал, заботился о процветании места того, чтобы только угоден был Богу труд его. И что бы он ни делал, псалом на устах его всегда был, в котором говорится: «Всегда видел я Господа перед собою, ибо он одесную меня; не поколеблюсь». Так пребывал он в молитвах и в трудах, плоть измучил свою и иссушил, желая быть небесного города гражданином и вышнего Иерусалима жителем.

Прошел один год, и игумен, о котором шла речь и который постриг блаженного Сергия, разболелся, и, некоторое время поболев, умер, и к Господу отошел. Преподобный же Сергий печалился очень, и молился Богу, и молитву прилежную к Богу воссылал о том, чтобы Бог дал игумена, наставника обители этой, отца и правителя, который сможет направить корабль духовный всемирной жизни к пристанищу спасения и избавит его от волн гибельных, от злых духов. Так он молился Богу, прося игумена и настоящего устроителя месту тому, и Бог услышал молитву угодника своего, и молению его внял, чтобы слова Давида ложными не оказались: «Желание боящихся его он исполняет, и молитву их слышит, и спасет их». Бог пожелал дать в игумены самого просившего просителя, праведного правителя; и кого просил Сергий, того и получил, и обрел, и приобрел поистине праведного правителя, который смог управлять обителью этой. Он не себя самого просил, но другого кого-нибудь, кого Бог даст; Бог же, который все предвидит, провидя будущее и желая создать и устроить обитель эту и прославить ее, никого лучше Сергия не нашел, но именно самого просившего дарует братии, зная, что может Сергий с этим управлением управиться во славу имени его святого.

Как же и каким образом началось игуменство Сергия? Вложил Бог в сердце братьям желание сделать так, чтобы Сергий начальствовал как начальник их. Осенила некая мысль братию; и сошлись монахи сначала сами по себе, и совет собрали они; так утвердившись в своем намерении, они все вместе пришли к преподобному Сергию, говоря: «Отче! Мы не можем жить без игумена!

без игумена! Нынѣ же приидохом к тебѣ явити мысли наша и хотѣниа: зѣло желаем того, дабы быль намъ ты игуменъ и наставникь душам и тѣлом нашим, да быхом ходили к тебѣ с покааниемь исповѣдающе грѣхы своя; да быхом от тебе прощение, и благословение, и молитву по вся дни приимали и видѣли тебѣ по вся дни съвръшающа святую литургию; да быхом колиждо от честную руку твоею причащалися пречистых таин. Ей, честный отче, сего желаем от тебе, тъкмо не отрицайся».

Преподобный же Сергий въздохнувъ из глубины душа и рече им: «Азъ и помышлениа не имѣхь еже хотѣти игуменьства, но тако желает душа моя и скончатися в черньцех на мѣсте семь. Вы же не принужайте мя, но оставите мя Богу, и тъй, якоже въсхощет, и сътворит о мнѣ». Они же рѣша: «Мы, отче, желаем того, дабы нам быль ты игуменъ, ты же отрицаешися. Мы же речем ти: или сам буди игуменъ, или шед спроси нам игумена у святителя. Аще ли не тако, то таковы ради нужа разидемся вси от мѣста сего». Преподобный же Сергий пакы постонав от сердца, рече имъ: «Нынѣ убо разидемся кийджо въ свою келию, и вси помолимся Богу прилѣжно о сем, да явит и открыеть нам, что подобает творити». Они же разидошася кождо въ свою келию.

По днех же нѣколицѣх пакы приидоша братиа къ преподобному Сергию, глаголюще: «Понеже мы, отче, снидохомся на мѣсто сие, слышавъше еже от тебе начаткы добраго подвизаниа твоего и церковнаго основаниа, яже своима рукама съвръшилъ есть. Имущи благодать Святыя Троица, к той прибегохомъ, на ню же надежю и упование наше все възложихом твоим руковожениемь, отселѣ ты нам буди и отець и игуменъ. И будеши предстоа престолу Святыя Троица, серафимскую трисвятую пѣснь въсылая къ Богу, и безкровную съвръшая службу, и своима рукама да подаси нам пречистаго тѣла и божествены крове Господа нашего Исуса Христа, и препокоивъ старость нашу, гробу предаси ны». Сергию же отцу на мнозѣ отрицающуся и не хотящу, моля их, утѣшаа глаголаше: «Простите мя, отци мои и господие мои! Кто есмь азъ, смѣяй таковаа дръзнути, ихже съ страхомь и ужастию аггелы не могут достигнути? Како же недостойный азъ дръзъ явлюся, ниже успѣ въ таковую вѣру? Азъ начатка мнишьскаго устава и житиа никакоже достигнух; како смѣя сиа святыня приступити или коснутися? А бых моглъ своих грѣховъ плакатися, и вашею молитвою оного блага достигнути, краа желаннаго, егоже вжелѣх от юности моея». И сиа, и множайшаа сих к ним извѣщавъ, отиде в келию свою.

Блазии же они старци по днехъ пакы пришедша, начаша бесѣдовати к нему, глаголюще предреченныа глаголы, и множае тѣх, и рѣша: «Мы, отче духовный, пря никоеяже имамы с тобою: Богу наставльшу нас, к тебѣ снидохомся на мѣсто се, и твоему житию и благонравию подобитися въжелахом, и будущих благъ наслажениа сподобитися надѣяхомся. Аще же ты не хощеши пещися нашими душами и пастух словесным овцам не хощеши нам быти, мы уходим от

Ныне мы пришли к тебе открыть мысли наши и желания: мы очень хотим, чтобы ты был нашим игуменом и наставником душ и тел наших, чтобы мы приходили к тебе с покаянием исповедоваться в грехах своих; хотим от тебя прощение, и благословение, и молитву каждый день получать и видеть, как ты ежедневно совершаешь святую литургию; хотим всегда из честных рук твоих причащаться пречистых тайн. Да, честный отче, этого мы желаем от тебя, только не отказывайся».

Преподобный же Сергий вздохнул из глубины души и сказал им: «У меня и помысла не было стать игуменом, но только желает душа моя скончаться в иноках на месте этом. Не принуждайте меня, но оставьте меня Богу, и он, что захочет, то и сделает со мной». Они же ответили: «Мы, отче, желаем, чтобы был ты нашим игуменом, а ты отказываешься. Мы же говорим тебе: или сам будь игуменом, или иди и попроси нам игумена у епископа. Если же ты не сделаешь так, то из-за такого несчастья мы разойдемся все с места этого». Преподобный же Сергий, стеная сердцем, снова сказал им: «Сейчас разойдемся каждый в свою келью, и все помолимся Богу прилежно о том, чтобы он явил и открыл нам, что следует делать». Они же разошлись каждый в свою келью.

По прошествии нескольких дней опять пришла братия к преподобному Сергию, говоря: «Мы, отче, пришли на место это, потому что слышали о тебе, что ты начал славное подвижничество и церковь основал, которую своими руками построил. Имея благодать Святой Троицы, мы к ней обращаемся, на нее мы всю надежду и упование возложили под твоим началом, и теперь стань нам отцом и игуменом. И будешь предстоять у престола Святой Троицы, серафимскую трисвятую песнь воссылать к Богу, бескровную совершая службу, и своими руками подашь нам пречистое тело и божественную кровь Господа нашего Иисуса Христа, и, устроив старость нашу, гробу предашь нас». Отец Сергий долго отказывался и не хотел этого, умолял их и говорил, успокаивая: «Простите меня, отцы мои и господа мои! Кто я такой, чтобы посметь дерзнуть на то, чего со страхом и ужасом ангелы не могут достигнуть? Как же я, недостойный, на сию дерзость решусь, не достигнув такой веры? Я и начала монашеского устава и жизни не смог еще постигнуть; как посмею я к этой святыне приступить или прикоснуться к ней? Мне бы о своих грехах плакать и с вашей молитвой этого блага достигнуть, страны желанной, к которой стремился я с юности моей». И такие слова, и многие другие он им сказал и удалился в келью свою.

Блаженные же эти старцы через несколько дней снова пришли и стали беседовать с Сергием, повторяя те же доводы и другие приводя, и сказали они: «У нас, отче духовный, распри никакой с тобой нет: поскольку Бог наставил нас, мы к тебе пришли сюда, и твоей жизни и благонравию уподобиться захотели, и наслаждения будущими благами сподобиться надеялись. Если же ты не хочешь заботиться о наших душах и пастухом у нас, овец словесных, быть не хочешь, мы

мѣста сего и от храма Святыя Троица и от обѣта нашего неволею отпадаем. И заблудимъ, акы овцы не имущи пастуха, в горы прѣзорьства и распутиа; злым мыслемь предавшеся, съкрушени будемь мысленым звѣрем, сирѣчь диаволом. Ты жь отвѣт въздаси пред необиновенным судиею вседръжителем Богом». Се же глаголаша ему братиа, прещениемь претяще и грозами грозяще: много бо преже, по многы дни молиша его, нудяще ово смирением, ово же тихостию и ласканием, иногда же прещениемь и жестокыми словесы претяху, жалующеся. Он же, крѣпкый душею, тврьдый вѣрою, смиреный умом, ни ласканию повинуся, ни прещениа бояшеся, но выше прѣщениа муж обрѣтеся.

Егда же много нудиша его братиа на игуменьство, онъ же смиреномудръ сый, не хотя того приати, ниже еже издѣтьства съвъзрастъшее ему богоподражанное смирение оставити. Таковое тѣх моление оттрясе, грѣшна суща себѣ глаголя и недостойна, прирек и се: «Яко мои глаголи не съгласуют вашим словесем, понеже вы убо излише принужаете мя на игуменьство, азъ же излише отрицаюся. Елма же азъ убо сам хощу учениа требовати паче и учитися, нежели иных поучати: азъ убо самъ желаю от инѣх обладаем быти паче, нежели иными обладати и началствовати. Бою же ся суда Божиа; еда како будет се Богу тако любо, якоже вы повѣлѣваете ми, воля Господня да будет!» Обаче побѣжен бывъ от своего милованнаго братолюбиа и от своего усрьдиа и тщивьства, едва повинуся тѣх молению. И посули быти прошению их и повинуся воле их быти, паче же рещи, волѣ Божии быти. И тако по сих всѣх преподобный Сергий въстенавъ из глубины сердца, и всю мысль, упование възложивъ къ вседръжителю Богу, рече къ ним въ смирении душа: «Отци и братиа! Азъ супротивъ вам ничтоже глаголю, воли Господни предавшися: тот бо вѣсть сердца и утробы. Идем въ град къ епископу».

Митрополиту же Алексию всея Руси тогда бывшу ему въ Цариградѣ, въ градѣ же Переяславли повелѣ быти въ свое мѣсто епископу Афонасию Велыньскому.* К нему же прииде преподобный отець нашь Сергий, поим с собою два старца, и вшед сътвори поклонение прѣд епископом. Епископъ же Афанасий, видѣвъ и, благослови его и въпроси имени его. Он же Сергий именемь себе повѣда. Афанасий же слышавъ, радъ бысть, о Христѣ цѣлование даст ему: преже бо бяше слышалъ яже о нем, начаткы добраго подвизаниа его, и церкви възгражениа, и монастырь основаниа, и вся благоугодныя дѣтели, яже къ братии любы съ прилежанием, и многыя добрыя дѣтели. И побесѣдова с ним духовно; и егда скончаста бесѣду, абие сътвори поклонение пред епископом.

Блаженый жь отець нашь Сергий начят молити святителя, прося игумена, дабы далъ наставника душам ихь. Преподобный же Афанасий, исполнь сый Святого Духа, рече: «Възлюбленне! Богъ Святым Духом, усты Давидовы рече: „Изведу избраннаго от людий моих",* и пакы: „Ибо рука моя поможет ему, и мышца моя укрѣпит и".* Апостолъ же Павелъ рече: „Никтоже приемлет ни чти, ни сану, тъкмо възванный от Бога".* Тебе же, сыну и брате, Богъ

уходим с места этого и от храма Святой Троицы и обет наш невольно нарушаем. И будем блуждать, как овцы без пастуха, в горах гордости и распутства; дурным мыслям предаваясь, мы побеждены будем мысленным зверем, то есть дьяволом. Ты же ответ дашь беспристрастному судье Вседержителю Богу». Так говорила ему братия, страхом устрашая и угрозами угрожая: ведь много раз прежде, много дней умоляли они Сергия, понуждая его или смирением, или же спокойными и ласковыми словами, иногда же угрозами и строгими словами они угрожали в горести. Он же, крепкий душою, твердый в вере, смиренный умом, и на ласковые слова не отзывался, и угрозам не внимал, но был мужем выше угроз.

Долго принуждала его братия стать игуменом, он же, смиренный разумом, не хотел игуменства принять и не хотел с детства присущее ему и к Богу приближающее его смирение оставить. Отверг он эти мольбы братии, грешным себя считая и недостойным, и добавил вот что: «Мои слова не согласны с вашими словами, потому что вы чересчур упорно принуждаете меня стать игуменом, а я чересчур упорно отказываюсь. Ведь я сам в поучении нуждаюсь и более хочу учиться, чем других поучать: я больше стремлюсь сам у других в подчинении быть, чем над другими властвовать и начальствовать. Боюсь я суда Божьего; если же будет Богу угодно то, что вы повелеваете мне, да буде воля Господня!» Ибо одержало в нем верх его сердечное братолюбие и его усердие и старательность — и он наконец внял их мольбам. И пообещал он исполнить просьбу их, и повиновался воле их, — вернее сказать, воле Божьей. И после этого всего преподобный Сергий восстонал из глубины сердца, и все мысли, упование возложив на Вседержителя Бога, сказал им со смирением душевным: «Отцы и братья! Я наперекор вам ничего говорить не буду, воле Господней предавшись: ведь Бог знает сердца и помыслы. Пойдем в город к епископу».

Митрополит же всея Руси Алексей тогда был в Царьграде, оставив в городе Переяславле вместо себя епископа Афанасия Волынского. К нему и пришел преподобный отец наш Сергий, взяв с собой двух старцев, и, войдя, поклонился епископу. Епископ же Афанасий, увидев его, благословил его и спросил имя его; Сергий же имя свое назвал. Афанасий, узнав, кто он, обрадовался и по-христиански поцеловал его: ибо раньше он слышал о Сергии, о начале славного подвижничества его, о построении церкви и об основании монастыря, обо всех богоугодных деяниях Сергия, любви его и заботе о братии, и о многих добрых делах его. И он побеседовал с Сергием о духовных делах; когда же закончилась беседа, Сергий снова поклонился епископу.

Блаженный отец наш Сергий начал умолять святителя дать игумена — наставника душам монахов. Преподобный же Афанасий, исполненный Святого Духа, сказал: «Возлюбленный! Бог через Святого Духа устами Давида сказал: „Выведу избранного из народа моего"; и еще: „Ибо рука моя поможет ему, и мышца моя укрепит его". Апостол же Павел сказал: „Никто не приемлет ни чести, ни сана, но только призываемый Богом". Тебя, сын и брат, Бог призвал

възвавый от утробы матере твоея, яже и от многых слышах о тебѣ, да будеши отселе ты отець и игуменъ братии, Богом събранѣй въ обители Святыя Троица». Преподобному же Сергию отрицающуся и недостоиньство излагающу, исплънь же сый благодати Святого Духа, Афанасий рече к нему: «*Возлюбленне!* Вся стяжалъ еси, а послушаниа не имаши». Отець же нашь Сергий поклонься и рече: «Яко Господеви годѣ, тако и буди; благословенъ Господь в вѣкы!» И всъм рекшим: «Аминь».

Абие же святый епископъ Афанасий повелѣ клириком вънити въ святый олтарь; сам же поем блаженнаго Сергиа, потщався въниде въ святую церковь. Облечеся въ священныя ризы, и поим блаженнаго Сергиа, повелѣ изглаголати ему изложение образ святыя вѣры, еже есть: «Вѣрую въ единого Бога».* И по скончании того, Сергию главу поклоньшу, святитель же знамена и крѣстаобразно, и сътворь молитву сановную, и постави его иподдиаконом, таже и диаконом,* и съвръши божественую литургию, и вкупѣ причястишася божественаго тѣла и крове Господа нашего Исуса Христа. Наутриа же съвръши его иерѣйскым саном и пакы повелѣ ему сътворити святую литургию и своима ему рукама принести безкровъную жрътву. Преподобный же отець Сергий вся повелѣнаа ему съ страхомь и радостию духовною съвръши.

Епископь же Афанасий особь поимь его, и правила апостольская, и отечьскаа учения, яже суть на строение и исправлению душевному, и бесѣдова к нему: «Како длъжно ти есть, възлюбленне, по апостолу, „немощи немощных носити, а не себѣ угажати. Но на съграждение кождо ближнему да угаждает".* И пакы к Тимофею посылает, глаголя: „Сиа предаждь вѣрным человеком, иже достижни будут и иных научити".* Еще же: „Друг другу тяжести носите, и тако скончаете законъ Христовъ".* Сиа исправивь, и сам спасешися, и сущаа с тобою». И сиа рекъ духовными даръми учредивъ его, и о Христѣ цѣлование дасть ему, и отпусти его въистину игумена, и пастуха, и стража, и врача духовнѣй братии.

Сице не кромѣ нрава боголюбива бысть се, ниже кромѣ Божиа промысла се съключися; яко не о себѣ игуменьство взя, но от Бога поручено бысть ему начальство. Не бо наскакывалъ на се, ниже превъсхыщалъ пред нѣкым, ни посуловь сулилъ от сего, ни мзды давалъ, якоже творят нѣции санолюбци суще, друг пред другомь скачюще, верътящеся и прехватающе, не разумѣюще Писаниа, глаголющаго: «Ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу, от негоже всяко даание благо, всякь даръ съвръшен свыше есть, сходя от Бога, отца свѣтом».* Яко да здѣ Божиа плъка въеводъство вручено будет ему, идѣже убо толико множество инокь, акы въиньства духовныя храбры, общему всѣх Владыцѣ привести хотяще. И понеже чистоты ради житиа его достоинъ бысть таковыа благодати, достоинъ бысть предстательству, пастырь паствѣ; стаду словесных овець и священному монастырю началникь явися, Богъ бо произведе угодника своего на игуменьство.

от утробы матери твоей, и я от многих слышал о тебе; да будешь ты отныне отцом и игуменом братии, Богом собранной в обители Святой Троицы». Когда же преподобный Сергий отказывался и о своем недостоинстве говорил, Афанасий, исполнившись благодати Святого Духа, отвечал ему: «Возлюбленный! Всем обладаешь ты, а послушания нет у тебя». Отец наш Сергий поклонился и ответил: «Как Господу угодно, так пусть и будет; благословен Господь навеки!» И все сказали: «Аминь!»

Тогда святой епископ Афанасий повелел священникам войти в святой алтарь; сам же он взял блаженного Сергия и вошел с ним в святую церковь. И оделся он в священные одежды, взял блаженного Сергия и повелел ему произнести изложение символа святой веры, то есть: «Верую во единого Бога». После этого Сергий голову преклонил, а святитель его перекрестил, и сотворил молитву для посвящения в сан, и поставил его иподьяконом, а затем дьяконом, и совершил божественную литургию, и вместе они причастились божественного тела и крови Господа нашего Иисуса Христа. Наутро же он посвятил Сергия в священнический сан и вновь повелел ему совершить святую литургию и своими руками принести бескровную жертву. Преподобный же отец Сергий все повеления со страхом и радостью духовной выполнил.

Епископ же Афанасий в сторону отвел его и о правилах апостольских, и об учении отцов церкви, о том, что нужно для усовершенствования и исправления души, беседовал с ним: «Следует тебе, возлюбленный, как говорит апостол, „немощи немощных сносить, а не себе угождать. Во благо ближнему каждый угождать должен". И в послании к Тимофею Павел говорит: „Это передай верным людям, которые были бы способны других научить". И еще: „Друг друга бремя носите и таким образом исполните закон Христов". Выполнив это, и сам ты спасешься, и те, кто с тобой». Так сказав, епископ духовными дарами наградил его, и по-христиански поцеловал его, и отпустил его, воистину игумена, и пастуха, и сторожа, врача духовной братии.

Благодаря боголюбивому нраву Сергия случилось это, из-за Божьего промысла это произошло; ибо не по своей воле Сергий игуменство получил, но от Бога поручено было ему начальство. Он не стремился к этому, не вырывал сана у кого-нибудь, посулов не сулил за это, платы не давал, как делают некоторые честолюбцы, друг перед другом скачущие, вертящиеся и вырывающие все друг у друга, не понимая Писания, говорящего: «Не от желающего, не от подвизающегося, но от милующего Бога, от которого всякое даяние доброе, всякий дар совершенный свыше нисходит от Бога, отца светов». Так воеводство Божьего полка вручено будет Сергию здесь, где такое множество иноков, как воинство духовное храбрецов, всеобщему Владыке привести он хотел. Из-за чистоты жизни Сергий удостоен был такой благодати, удостоен был стать настоятелем, пастырем пастве; стаду словесных овец и священному монастырю начальником он стал, ибо Бог произвел угодника своего в игумены.

О НАЧАЛѢ ИГУМЕНЬСТВА СВЯТОГО

Пришед же преподобный отець нашь игуменъ Сергий въ свой ему манастырь, въ обитель Святыя Троица. Братиа же усрѣтше его и поклоньшася ему до земля пред нимъ, радостию исплънишася. Он же, вшед въ церковь, паде лицем на земли и съ сльзами молитву творяше к невидимому Царю, възираше на икону Святыя Троица, на помощь призываше святую Богородицу, служителя же престолу его небесныя силы Предтечю и мудрыя апостолы, съ сими же началныя святителя — Василиа Великаго, Богослова Григориа и Златаустаго Иоанна* и вся святыя. Их же молитвами просит от десница Вседръжителя, дабы далъ несумѣнно смѣние у престола славы стати Живоначалныя Троица и къснутися рукама агньца Божиа, за миръ заколенаго Христа, сына Божиа.

И начят блаженый сице къ братии глаголати Господемь реченаа: «„Подвизайтеся, братиа, внити узкыми враты";* „нужно бо есть царство небесное, и нужници въсхыщают е".* Павелъ же к галатом глаголет: „Плод духовный есть любы, радость, миръ, тръпѣние, благовѣрие, кротость, въздержание".* Давидъ рече: „Приидѣте, чада, послушайте мене: страху Господню научю вы"».* И благослови братию, рекь к нимъ: «Молите, братие, о мнѣ: грубости бо и неразумиа исполненъ есмь. Талантъ приахь* вышняго Царя, о немже и слово отдати ми есть о паствѣ пещися словесных овець. *Боязни* страшают мя, слово, Господемъ реченое: „Иже аще съблазнить единого от малых сихь, полезно быти ему дабы жрънов ослий обязанъ о выи его и ввръженъ в море".* Колми паче иже многы душа погрузит въ своем неразумии! Или възмогу дрьзновенно глаголати: се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, Господи! И услышу ли сий божественый глас гръним и нижним пастыря, великаго Господа, благосръднѣ вѣщающа: „Благий рабе, вѣрне! Вьниди въ радость господа своего?"»*

И сиа рекъ, помышляше въ умѣ житиа великых свѣтилъ, иже въ плоти живущеи на земли аггельскы пожиша, реку Антониа Великаго, и Великаго Евфимиа, Саву Освященнаго, Пахомия аггеловиднаго, Феодосиа общежителя* и прочих. Сих житию и нравом удивляяся блаженный, како, плотяни суще, бесплотныя врагы побѣдишя, аггелом съжители быша, диаволу страшнии. Им же цари и человеци удивльшеся к ним прийстаху, болящеи различными недугы исцѣлѣваху, и въ бѣдах теплии избавители, и от смерти скории заступници, на путех и на мори нетруднии шественици, недостатствующим обилнии предстатели, нищим кръмители, въдовам и сиротам неистощаемое съкровище, по божественому апостолу: «Акы ничтоже имуще, все съдръжаще».* Сих житиа на сердци *имѣа*, блаженный моляшеся къ Святѣй Троици, дабы невъзвратно шествовати по стопам сихь преподобных отець.

О НАЧАЛЕ ИГУМЕНСТВА СВЯТОГО

И пришел преподобный отец наш игумен Сергий в свой монастырь, в обитель Святой Троицы. Братия же встретила его и поклонилась ему до земли, радостью исполнившись. Он же, войдя в церковь и пав ниц на землю, со слезами молился невидимому Царю, взирая на икону Святой Троицы, на помощь призывал святую Богородицу, служителя престола небесных сил Предтечу и мудрых апостолов, — с ними и первых святителей — Василия Великого, Богослова Григория и Златоуста Иоанна, и всех святых. Молиться их просил Сергий, чтобы десница Вседержителя дала ему твердую решимость встать у престола славы Живоначальной Троицы и коснуться руками агнца Божьего, за мир закланного Христа, сына Божьего.

И начал блаженный учить братию, так передавая сказанное Господом: «„Старайтесь, братья, войти в узкие ворота"; „силой берется царство небесное, и употребляющие усилие восхищают его". Павел же галатам говорит: „Плод духа есть любовь, радость, мир, терпение, благоверие, кротость, воздержание". А Давид так сказал: „Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас"». И, благословив братию, сказал Сергий им: «Молитесь, братья, обо мне: ведь грубости и неразумия я исполнен. Я талант принял от небесного Царя, и за это ответ должен держать, ведь пекусь о стаде словесных овец. Боязнь внушают мне слова, Господом сказанные: „Если кто соблазнит одного из малых сих, лучше было бы ему, если бы мельничий жернов повесили на шею ему и бросили в море". Насколько хуже будет тому, кто многие души утопит из-за своего неразумия! Смогу ли я смело сказать: вот я и дети, которых ты мне дал, Господи! Услышу ли я этот божественный голос высших и низших пастыря, великого Господа, по доброте сердца говорящего: „Добрый раб, верный! Войди в радость господина твоего?"».

Так он сказал, воскрешая в уме жития великих светил, которые, во плоти живя на земле, ангельской жизнью прожили, то есть Антония Великого и Великого Евфимия, Саввы Освященного, ангелоподобного Пахомия, Феодосия, создателя монашеского общежития, и прочих. Их жизни и нравам дивился блаженный, — как они, будучи из плоти, бесплотных врагов победили, ангелам подобны были, дьявола устрашили. К ним цари и люди, удивляясь, приходили, больные различными недугами от них исцелялись, были они и от бед верные избавители, и от смерти быстрые заступники, на дорогах и в море они путь делали легким, нуждающимся обильно подавали, нищим кормильцами были, для вдов и сирот были неистощимым сокровищем, — как сказал божественный апостол: «Ничего не имели, но всем обладали». Их жития в сердце имея, блаженный молился Святой Троице, чтобы смог неуклонно идти по стопам этих преподобных отцов.

Божественую на всякь день служаше литургию, утреняя же и вечерняа молитвы не трудно славословяше и о смирении всего мира, и о благостоянии святых церквий, и о православных царих, и князех, и о всѣх православныхь християнех. Глагола къ братиам: «Подвигъ немалъ длъжно ны есть подвизатися на невидимаго врага: *сей* бо акы левъ рыкаа ходить, ища когождо хотя поглотити».* Мала же нѣкаа словесы глаголаше, наказая братию, множайшаа же паче дѣлесы сам образ бываше братии.

Кто достигнет поистинѣ исповѣдати добродѣтелнаго житиа его, благодати цвѣтущи въ души его? Болми въоружашеся на съпротивныя силы, силою възмогаем Святыя Троица. Многажды же диаволъ хотя устрашити его, овогда же звѣрми, овогда же змиями претваряшеся. И очивѣсть или в келии, или егда в лѣсѣ блаженный дровца збираше на потребу монастырьскую вънезаапу врагъ многообразною злою покушашеся поне мысль ему съвратити от молитвы *и от* добродѣтелных трудов его. Богоносный же отець нашь Сергий вся неприязненая его мечтаниа и козни акы дым разганяя и акы паучину претрѣзаше, силою крестною въоружаем, евангельское слово на сердци полагая, Господемь реченная: «Се дахь вам власть наступати на змиа и на скорпиа и на всю силу вражию».*

В начало же игуменства его бѣяше братиа числом два на десяте мних кромѣ самого игумена, третияго на десяте. Сь же число — двое на десятное обрѣтшееся мних, сице живяху тогда и по два лѣта, и по три, ниже болѣ сего умножашеся, ниже менши сего умаляхуся. И аще ли когда единъ от них или умрѣт, или изыдет от обители, то пакы другый на его мѣсто брат прибудет, да не число истощимо обрящется. Но единаче въ единомь числѣ двои на десятнем бяху пребывающе, яко нѣкоторомъ от сего глаголати: «Что убо будет се? Или повсегда двѣма на десяте мнихом быти в мѣстѣ сем, по числу 12 апостолъ, якоже есть писано: „Призва Господь ученикы своа, и избра от них 12, яже и апостолы нарече";* или по числу двою на десяте колѣнъ Израилевь;* или будет по числу 12 источник вод,* или по числу избранных камений драгых 12, бывших на ризах архиерейскых по чину Аароню?»* И сице имь пребывающем, дондеже прииде къ ним Симонъ, архимандритъ смоленский,* и тъй разрушит число двое на десятное; и оттолѣ братиа множахуся от того дни болѣ, и уже числяхуся множайшим числом паче, нежели двое на десятным.

Елма же о рѣченѣм Симонѣ въмалѣ помянухом, и не лѣнюся пакы повѣдати о нем пространнѣе, его же память не утаися, и бесѣда яже о нем явѣ его творит, и добродѣтели его мало пошедше напреди явьствуются.

Сий убо дивный мужь Симонъ бяше архимандрит старѣйший, славный, нарочитый, паче же рещи добродѣтелный, живый въ градѣ Смоленскѣ. И оттуду слышавъ яже о житии преподобнаго отца нашего Сергиа и ражжегся душею и сердцемь: оставляет архимандритию, оставляеть честь и славу, оставля-

Ежедневно он служил божественную литургию, утренние и вечерние молитвы легко произносил — и за смирение всего мира, и за долговечность святых церквей, и за православных царей, и князей, и за всех православных христиан. Говорил он братии: «Подвиг великий должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом: ведь он как лев рыкающий ходит, стремясь каждого растерзать». Наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами.

Кто может правдиво поведать о добродетельной жизни его, о благодати, цветшей в душе его? Все больше вооружался он на враждебные силы, а ему силы давала Святая Троица. Часто дьявол хотел устрашить Сергия, — иногда в зверей, а иногда в змей преображаясь. И в собственном облике — либо в келье, либо в лесу, когда блаженный дрова собирал для нужд монастырских, — внезапно враг разными злыми способами старался мысли Сергия отвратить от молитвы и от добродетельных трудов его. Богоносный же отец наш Сергий все враждебные его наваждения и козни разгонял, как дым, и, как паутину, разрывал, силой креста вооружаясь, евангельское слово в сердце сохранял, сказанное Господом: «Я дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всю силу вражию».

В начале игуменства его было братии двенадцать человек монахов, не считая самого игумена, тринадцатого. В числе двенадцати человек собрались монахи, и так они жили и два года, и три, ни больше их не становилось, ни меньше. Если один из них или умирал, или уходил из обители, то другой брат на его место приходил, так, чтобы число их не уменьшалось. Но только лишь в числе двенадцати они жили, так что некоторые об этом говорили: «Что же будет? Или всегда двенадцать монахов будет на месте этом, по числу двенадцати апостолов, как написано: „Призвал Господь учеников своих, и избрал из них двенадцать, и апостолами назвал их"; или по числу двенадцати племен израильских; или по числу двенадцати источников воды; или по числу избранных камней драгоценных двенадцати, бывших на ризах архиерейских по чину Аарона?» И так монахи жили, пока не пришел к ним Симон, архимандрит смоленский, и он разрушил число двенадцать; и с тех пор, с того дня, братия умножалась все более, и уже они исчислялись бóльшим числом, чем двенадцать.

Поскольку уже об этом Симоне мы мимоходом вспомнили, не поленюсь еще рассказать о нем подробнее, так как память о нем не исчезла, и рассказ о нем сделает его известным, и добродетели его будут сейчас мною раскрыты.

Этот удивительный муж Симон был архимандритом старейшим, славным, известным, в особенности же отличался он добродетелью, и жил он в городе Смоленске. Там услышал Симон о жизни преподобного отца нашего Сергия, и воспламенился он душой и сердцем: он оставляет славный город

ет славъный град Смоленскъ, вкупѣ же с ним оставляет отечьство и другы, ужикы, ближникы, и вся знаемыя и сръдоболя; и въсприемлет смирениа образ, и произволяет странничьствовати. И оттуду въздвижеся, от таковыя от далняа страны земля, от Смоленска, в Московьскаа предѣлы, еже есть в Радонеж. Прииде в монастырь къ преподобному отцу нашему игумену Сергию, и съ мнозѣмь смирением моляше его, дабы его приалъ жити у него под крѣпкою рукою его въ повиновении и в послушании. Еще же и имѣние принесе съ собою и предасть то игумену на строение монастырю. Преподобный же Сергий приат его с радостию. Симон же по много лѣтъ поживе в покорении и въ послушании, паче же въ странничьствѣ и въ смирении, и въсѣми добродѣтелми исполъненъ, и въ старости добрѣ преставися къ Богу. Игумен же Сергий проводи его до гроба и съ братиами погребе его чьстно. И тако бысть вѣчнаа ему память.

О ИВАНѢ, СЫНѢ СТЕФАНОВѢ

Стефанъ же, присный брат Сергиевъ, прииде от града от Москвы, ведый съ собою сына своего именем Ивана меншаго. И вършед въ церковь, имь за руку десную сына своего, предасть его игумену Сергию, веля его пострищи въ иночьскый образ. Игумен же Сергий постриже его и нарече имя ему въ мнишеском чину Феодоръ. Старци же видѣвше, удивишася вѣрѣ Стефановѣ, яко тако не пощадѣ сына своего, отрочати суща, но из младеньства предасть его Богу, якоже древле Аврам не пощадѣ сына своего Исаака.* Феодоръ же от млад ноготь въспитанъ бысть в постничьствѣ, и въ всем благочестии, и въ чистотѣ, якоже научися от своего дяди, всѣми доброизволении мнишескыми исплъненъ и украшенъ, дондеже постиже възрастом в мѣру мужа съвръшена. Нѣции же рѣша яко десяти лѣт постриженъ бысть, и инии же двою на десяте лѣтъ; прочаа же его дѣяниа индѣ напишутся, яко убо иного времени подобно требующа слово. Нам же *на предлежащее* възвратитися, да не прекращение нынѣшней повѣсти внесемь.

Мнози же убо от различных градов и от стран пришедше к нему и живяху съ ним, ихже имена въ книгах животных. И тако помалу монастырь распространяшеся, братиам умножающимся, келиам зиждемым. Преподобный же Сергий, видя братию умножающуся, умножаше и тъй труды къ трудом, образ бывая стаду своему, якоже рече апостолъ Петръ: «Пасете стадо, сущее въ вас, не нужею, но волею, не яко обладающе братиею, но *образъ* бывающе стаду».* И пакы писано есть въ книгах отечьских, рекше въ Патерицѣ:* «Съшедшеся святии отци, пророчьствоваху о послѣднем роду и рѣша, яко послѣдний род будет слабъ». Сергиа сего Богъ укрѣпи себѣ в послѣднем роду, яко единъ от древних святых отець. Богъ устрои его трудодѣлника, инокь множеству наставника, множайшей братии игумена и вожа.

Смоленск, а вместе с ним оставляет родину и друзей, родных, близких, и всех знакомых, и доброжелателей; и становится он смиренным, и решает странствовать. И оттуда двинулся он, из такого далекого конца земли, из Смоленска, в московские пределы, то есть в Радонеж. Пришел Симон в монастырь к преподобному отцу нашему игумену Сергию и с большим смирением умолял Сергия, чтобы тот ему разрешил жить под твердым руководством его в повиновении и в послушании. Еще же Симон имущество свое принес с собой и передал его игумену на устроение монастыря. Преподобный Сергий принял Симона с радостью. Симон же много лет прожил с покорностью и послушанием, а также в страннистве и в смирении, и был он всеми добродетелями исполнен, и в старости праведно отошел к Богу. Игумен Сергий проводил его до гроба и с братьями похоронил его, как подобает. И так осталась вечная о нем память.

О ИВАНЕ, СЫНЕ СТЕФАНА

Стефан же, родной брат Сергия, пришел из города Москвы и привел с собой своего младшего сына по имени Иван. Стефан вошел в церковь, взял за правую руку сына своего и препоручил его игумену Сергию, повелев постричь сына в иноки. Игумен же Сергий постриг его и дал имя ему в монашестве Федор. Старцы, увидев это, подивились вере Стефана, сына своего не пощадившего, еще отрока, но с детских лет отдавшего его Богу, — как в древности Авраам не пощадил сына своего Исаака. Федор же с детских лет воспитан был в посте, и во всяком благочестии, и в чистоте, как научил его дядя, и был он всеми добродетелями монашескими исполнен и украшен, пока не достиг возраста зрелого мужчины. Некоторые говорили, что в десять лет он был пострижен, а другие, что в двенадцать; о других же его деяниях потом будет написано, потому что в другое время об этом следует сказать. Мы же к прежнему рассказу возвратимся, чтобы не прервалось наше повествование.

Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним, чьи имена в книгах жизни. Так понемногу монастырь увеличивался, братия умножалась, кельи строились. Преподобный Сергий, видя, что братия умножается, и сам труды свои все более умножал, подавая пример стаду своему, как сказал апостол Петр: «Пасите стадо, какое у вас, надзирая за ним не по принуждению, но охотно, не господствуя над братией, но пример подавая стаду». И еще написано в книгах святых отцов, то есть в Патерике: «Сошлись святые отцы, и пророчествовали о последнем поколении, и сказали, что последнее поколение будет слабым». Сергия Бог укрепил для себя в последнем поколении, как одного из древних святых отцов. Бог сделал его тружеником, наставником множеству иноков, многочисленной братии игуменом и главой.

И пакы откуду кто начаался сего, еже бо мѣсто то было прежде лѣсъ, чаща, пустыни, идѣже живяху зайци, лисици, волци, иногда же и медвѣди посѣщаху, другойци же и бѣси обрѣтахуся, туда же нынѣ церковь поставлена бысть, и монастырь великъ възграженъ бысть, и инокъ множество съвокупися, и славословие и въ церкви, и в келиах, и молитва непрестающиа къ Богу? Всему же тому начало и вина — преподобный отець нашь Сергий. Но увѣдайте, яко удиви Господь преподобнаго своего.* А отнеле же поставленъ бысть въ игуменьство по вся дни святая литургиа бываше, просфиры же сам печаше: преже бо пшеницу толчаше и меляше, и муку сѣяше, и тѣсто мѣсяше и квасяше. Ти тако испекши просфиры, служаше Богу от своих праведных трудовъ, иному не дааше никому, аще и зѣло хотяху мнози от братиа пещи просфиры. Но преподобный тщащеся быти учитель и дѣлатель: и кутию самъ варяше, и свѣчи скаше, и каноны творяше.*

Преподобный же отець нашь игуменъ Сергий аще и приалъ *игуменьство* старѣйшиньства, но обаче не измѣни правила своего чьрньчьскаго, на памяти имѣя рекшаго: «Иже кто въ вас хощет быти старѣйши, да буди всѣх менши и всѣмь слуга».* На то учение Спасово възираше, смиряше себе, и менши всѣх творяшеся, и собою образ всѣмь творя, и на дѣло преже въсѣх исходя, и на церковъное пѣние преже всѣх обрѣташеся, и никакоже на стѣну въскланяяся; и оттолѣ уцвѣтяше мѣсто то, и множахуся братиа.

Обычай же в начало игуменьства своего сицевъ имѣяше: еже всякому приходящему к нему и хотящему быти мниху, желающему острищися, не отрѣваше убо никогоже, ни стара, ни уна, ни богата, ни убога; но всѣх приимаше съ усрьдием и с радостию. Но не ту абие постризаше его, но преже повелѣваше ему облещися въ *свиту* длъгу еже от сукна черна и в ней преходити съ братиами время доволно, дондеже изъвыкняше весь устрой монастырьскый. Таче по сих облачашет и въ мнишескую одежю, акы въ всѣх службах искушена; и остригъ облачит и в мантию и клобукъ. И егда будяше съвръшенъ чрънець, житиемь чистымь и искусенъ сый, и таковаго сподобляет приати святую схиму.

Елма же убо по еже в началѣ игуменства его, внегда преподобъному Сергию просиати в мѣсте своем, въ монастырѣ зовомѣм «иже в Радонѣже», вънегда имени его обносиму быти всюду, по странам же и градом, — вѣсть бо добродѣтель явлена сътворити стяжавъшаго ю не менши, паче нежели свѣща носящаго ю, — тогда мнози от христолюбець любве ради Божиа издалеча приходяху к нему; и житиа суету оставляюще, и под благый ярем Господень своа выа подлагаху. Понеже повсегда тому ученици прилагахуся: призываху бо еже оного благодатей источници добродѣтелныа душа, яко еленя словесныа, желающе воды духовныя.

Имѣаше же обычай блаженный сице испръва: еже по павечерницѣ* поздо или долго вечера, акы сущу глубоко нощию, паче же въ темныа и длъгыа

И еще — кто бы мог подумать, что на месте, где был прежде лес, чаща, пустыни, где жили зайцы, лисицы, волки, а иногда и медведи заходили, порою же и бесы бывали, — на этом месте ныне церковь поставлена будет, и монастырь великий воздвигнется, и иноков множество соберется, и слышно будет славословие и в церкви, и в кельях, и молитва постоянная Богу? Всего же этого зачинатель и основатель — преподобный отец наш Сергий. Но узнайте, как прославил Господь преподобного своего. С тех пор, как поставлен был Сергий игуменом, каждый день святая литургия была, просфоры же он сам пек: сначала пшеницу толок и молол, муку просеивал, тесто месил и квасил. Так, испекши просфоры, служил он Богу от своих праведных трудов, а другому не разрешал никому, хотя очень хотели многие из братии печь просфоры. Но преподобный старался быть учителем и исполнителем: и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил.

Преподобный отец наш игумен Сергий, хотя и принял игуменство, чтобы стать старшим, но не изменял правила свои монашеские, помня того, кто сказал: «Кто из вас хочет быть первым, да будет из всех последним и слугой всем». Это поучение Спаса зная, он смирял себя, и ниже всех ставил себя, и собой пример всем подавал, и на работу раньше всех шел, и на церковном пении раньше всех был, и на службе никогда к стене не прислонялся; и с тех пор процветало место то, и умножалась братия.

Обычай Сергий в начале игуменства своего такой имел: из всех, кто приходил к нему и хотел стать монахом, желая постричься, Сергий не прогонял никого, ни старого, ни юного, ни богатого, ни бедного; но всех он принимал с усердием и с радостью. Но он не сразу постригал желающего, но сначала повелевал ему надеть одежду длинную из сукна черного и в ней находиться вместе с братьями продолжительное время, пока не узнает тот все правила монастырские. Тогда Сергий облачал его в монашескую одежду, как человека, во всех делах искушенного; и, постригши его, облачал в мантию и клобук. А если окажется тот хорошим чернецом и в жизни чистой преуспеет, такому Сергий разрешал принять святую схиму.

Когда же началось игуменство его, когда преподобный Сергий прославился в месте этом, в монастыре, названном — «который в Радонеже», когда имя его стало известно всюду, в разных местах и городах (ведь может добродетель озарить того, кто обладает ею, не меньше, чем свеча несущего ее), тогда многие, любящие Христа, ради любви к Богу издалека стали приходить к нему; оставляли они жизни суету и под благой ярем Господа свои шеи подставляли. Ведь всегда к Сергию ученики приходили: обращались они к источнику благодатей — к его добродетельной душе, подобно оленям словесным, жаждущим воды духовной.

Такой был обычай у блаженного сначала: после павечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же в темные и

нощи, сътворивъ молитву в келии своей, и по молитвѣ исхожаше ис келиа своея, еже обьходити ему вся келиа мниховы. Имѣя попечение о братии своей, не токмо телесы ихь промышляше, но и о душах ихь печашеся, увѣдати хотя коегождо житие их или желание къ Богу. И аще кого услышаше или молитву творяща, или поклоны кладуща, или рукодѣлие свое съ безмолвиемь и съ молитвою творяща, или святыя книгы почитающа, или о грѣсѣх своих плачющася и сѣтующа, о сих убо радовашеся, и Бога благодаряше, и за них Бога моляше, дабы до конца съвръшили доброе свое предложение. «Претръпѣвый бо, — рече, — до конца — той спасется».*

Егда же ли кого слышаше бесѣдующа, два или трие съшедшеся вкупѣ, или смѣхы тъкуща, о сем убо негодоваше, и зѣло не тръпя таковыя вещи, рукою своею ударяше въ двери, или въ оконцѣ потолкавъ, отхожаше. Сим образом назнаменавъ тѣм свое к нимь прихожение и посѣщение, и несвѣдомым накиновениемь празныа бесѣды их разоряше. Таче наутриа в настоящий день призываше к себѣ; и не ту абие скоро запрещаше имь, и не съ яростию обличаше я и наказаше а, но яко издалеча с тихостию и кротостию, аки притчами наводя, глаголаше им, хотя увѣдати тщание и усръдие их еже къ Богу. И аще будяше брат покорливъ, и смиренъ, и теплъ на вѣру и на любовь Божию, то въскорѣ, упознавъ свою вину, съ смирением пад поклоняшеся ему, прощениа приати прося от него. Аще ли пакы будяше брат непокорливъ, омрачением бѣсовьскым сердце покровено имѣя, стояше мня, яко не о нем глаголеть, сам чистъ ся творя, дондеже преподобный съ длъготръпѣниемь обличаше его, по реченному: «Покажет мя праведникъ милостию своею, обличит мя».* А непокорливаго брата епитемиею облагаше, акы не познавша на себѣ своея вины еже непщевати вины о гресѣх; и сице того, еже къ исправлению утвръдивъ, отпустяше. И тако всѣх учаше еже прилѣжно молити къ Богу, и не бесѣдовати ни с кым же по павечернѣй молитвѣ, и не преходити комуждо от своея келиа без великиа нужныя потребныя вещи по чюжим келиам, но во своей келии комуждо в тайнѣ молити Бога наединѣ и свое рукодѣлие, якоже рука его может, дѣлати по силѣ, по вся дни псалмы Давидовы присно въ устѣх своих повсегда имуще.

О ИЗОБИЛОВАНИИ ПОТРЕБНЫХЬ

Понеже убо испръва, егда начинашеся строити мѣсто то, тогда многы недостаткы биваху; лишение всѣх потребных послѣдняго ради нестяжаниа и конечняа дѣля пустоты, еже не имѣти им ниоткудуже всякого утѣшениа, но и прочиа всякыа нужныа потребы, откуда бо имѣти хотяху кое любо потребование. Елма же пусто бяше мѣсто то, и не бѣ тогда окрестъ мѣста того ни селъ близъ, ни дворовъ. По многа же времена и пути пространнаго не бяше къ мѣсту тому, но нѣкоею узкою и прискръбною тѣсною стъзею, акы беспутием, нужа-

долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергий заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. «Претерпевший, — сказано, — до конца — спасется».

Если же Сергий слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется — негодовал он об этом, и не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал. Затем утром на следующий день призывал он к себе провинившихся; но и здесь не сразу запрещал им беседы, и с яростью не обличал их, и не наказывал их, но издалека, тихо и кротко, как будто притчи рассказывая, говорил с ними, желая узнать их прилежание и усердие к Богу. И если был брат покорным, и смиренным, и горячим в вере и в любви к Богу, то вскоре, поняв свою вину, со смирением он падал и склонялся перед Сергием, умоляя простить его. Если же был брат непокорным, с сердцем, окутанным бесовским мраком, и стоял, думая, что не о нем говорит святой, чистым себя почитая, пока преподобный терпеливо обличал его, как сказано: «Пусть накажет меня праведник милостью своею, пусть обличит меня», — то на такого непокорного брата игумен епитимию накладывал, потому что тот не понял своей вины и не осознал своих грехов; и так провинившегося, на путь исправления наставив, он отпускал. Таким образом Сергий всех учил прилежно молиться Богу, и не беседовать ни с кем после павечерия, и не ходить из своей кельи по чужим кельям без большой необходимости в чем-либо нужном, но в своей келье каждому втайне молиться Богу наедине и заниматься по возможности своей работой, которую руки его могут делать, во все дни псалмы Давида всегда на устах своих имея.

ОБ ИЗОБИЛИИ ВСЕГО НУЖНОГО

Сначала, когда начинала устраиваться обитель эта, тогда многого не хватало; лишены были монахи всего необходимого из-за совершенной бедности и безлюдности того места, так что ждать им неоткуда было какого-нибудь утешения, а также всяких нужных вещей, и неоткуда было им получить что-либо нужное. Ведь пустынным было место то, и не было тогда вокруг места того ни сел поблизости, ни домов. Долгое время и дороги хорошей не было к месту этому, но по одной узкой, и плохой, и неудобной дороге, как по

хуся приходити к ним. Великий же и широкый путь вселюдскый отдалече, не приближаася мѣста того, ведяшеся; окрестъ же манастыря того все пусто, съ вся страны лѣсове, всюду пустыня: пустыни бо в рѣсноту нарицашеся. И сице жившим имь дондеже исплънишася дние лѣт, яко, мню, множае пяти на десяти.

Паки же по днех, непщую яко въ днех княжениа князя великого Ивана, сына Иваня, брата же Симионя,* тогда начаша приходити християне, и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и възлюбиша жити ту. И множество людий всхотѣвше, начаша съ обаполы мѣста того *садитися*, и начаша сѣщи лѣсы оны, яко никомуже възбраняющу им. И сътвориша себѣ различныя многыя починьци, преждереченную исказиша пустыню и не пощадѣша, и сътвориша пустыню яко поля чиста многа, якоже и нынѣ нами зрима суть. И съставиша села и дворы многы, и насѣяша села, и сътвориша плод житенъ, и умножишася зѣло, и начаша посѣщати и учящати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличнаа потребованиа, имъже нѣсть числа. Но мы до здѣ сию рѣчь оставльше, а на предреченную бесѣду обратимся, еже от начатка слова начах повѣдовати: о всяцей худости и о недостатцѣх нужных потребъ, без нихже не мощно обрѣстися.

Егда испръва начинашеся създаватися мѣсто то, егда немножайшим братиям живущим в нем, егда немнози бяху приходящеи и приносящеи, тогда начастѣ скудости бываху потребных, яко многажды на утриа и хлѣбу не обрѣстися. Да кто может и сказати недостаткы, бывшаа преподобному отцу нашему Сергию? Испръва, егда начинашеся строитися мѣсто то, овогда убо не достало хлѣба, и мукы, и пшеници, и всякого жита; иногда же не достало масла, и соли, и всякого ястиа брашеннаго; овогда же не достало вина, имже обѣдня служити, и фимиану, имже кадити; иногда же не достало въску, имже свещи скати, и пояху в нощи заутренюю, не имущи свѣщь, но токмо лучиною березовою или съсновою свѣтяху себѣ, и тѣм нужахуся канонархати или по книгам чести, и сице съвръшаху нощная службы своя. Преподобный же Сергий всяку нужю ону, и тѣсноту, и всяку скудость, и недостаткы тръпяше съ благодарениемь, ожидая от Бога богатыя милости.

И случися въ иное время сицево искушение, понеже съ искушением бывает и милость Божиа: нѣкогда не достало бысть хлѣба и соли у игумена, но и въ всем манастыри бысть оскудѣние всѣхъ брашенъ. Бяше же заповѣдь преподобнаго игумена къ всѣм братиам сицева: аще когда сълючится таковое искушение, или хлѣба не достанет, или будет оскудѣние всякого брашна, то не исходити того ради из монастыря, въ весь нѣкую или в село и не просити у мирянъ потребных телесных, но сѣдѣти тръпеливе в монастырѣ, и просити, и ожидати милости от Бога. Да яко же братиам веляше и заповѣдаше, сице паче и сам сиа же творяше и тръпяше, и пребысть три дний или четыре не ядущи ничтоже.

бездорожию, вынуждены были приходить к монастырю. Большая и широкая дорога проезжая была далеко, на большом расстоянии от места того проходила; вокруг же монастыря того было безлюдно, со всех сторон леса, всюду пустынь: пустынью справедливо называлось это место. Так жили монахи, пока не прошло много лет, — я думаю, больше пятнадцати.

Через некоторое время — думаю, что во время княжения князя великого Ивана, сына Ивана, брата же Симеонова, — начали приходить сюда христиане, проходя через леса те, и понравилось им здесь жить. И многие люди захотели остаться там, начали по обе стороны места этого селиться, и начали рубить леса те, — ведь никто не запрещал им. И сделали они себе многие выселки, прежнюю изменив пустынь, и, не пощадив ее, преобразили пустынь в широкое чистое поле, которое и теперь мы видим. И построили они села, и дома многие, и засеяли поля, и собрали урожай, и умножилось весьма их число, и начали они приходить и часто посещать монастырь, принося разнообразные и различные нужные вещи, которым не было числа. Но мы теперь эти размышления оставим, а к прежнему повествованию вернемся, — к тому, о чем в начале главы я начал говорить: о всяческой бедности и недостатке в нужных вещах, без которых нельзя обойтись.

Когда сначала устраивалось место это, когда немного братьев жило здесь, когда немного было людей, приходящих и приносящих все нужное, — тогда часто недостаток ощущался в необходимых вещах, так что много раз с утра и хлеба не хватало. Да и кто может перечислить все лишения, которые испытывал преподобный отец наш Сергий? В первое время, когда начиналось устроение места этого, порой не было хлеба, и муки, и пшеницы, и всякой пищи; иногда же не было масла, и соли, и всяких съестных припасов; порой не было вина, чтобы обедню служить, и фимиама, чтобы кадить; иногда не было воска, чтобы свечи делать, и пели монахи ночью заутреню, не имея свеч, но только лучиной березовой или сосновой светили себе, и так вынуждены были каноны петь или по книгам читать, и так совершали ночные службы свои. Преподобный же Сергий всякую нужду, и затруднение, и всякую скудость, и лишения терпел с благодарностью, ожидая от Бога большой милости.

Случилось однажды такое испытание, — потому что с испытанием свершается и милость Божья: как-то не было хлеба и соли у игумена, и во всем монастыре истощилась всякая еда. А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. Как братьям он повелевал и заповедовал, так и сам поступал, и терпел, и оставался три или четыре дня без всякой еды.

Минувъшим же трем днемь, а четвертому наставающу и свитающу, взем сикиру прииде къ единому от старець, живущему въ монастыри его, емуже имя Данилъ, и рече ему: «Слышах, старче, яко хощеши сѣни създати пред келиею си. И азъ того ради приидох, да руцѣ мои не празнуета, и съзиждю я тебѣ». Отвѣща Данилъ и рече ему: «Ей, зѣло хощу и имам издавна таковая приготованиа, но ожидаю древодѣли от села. Тебѣ чинити боюся, егда како велику мзду възмеши от мене». Рече же ему Сергий: «Аз не зѣло велика възданиа требую от тебе, но имаши ли гнилыя хлѣбы, зѣло бо хотѣниемь въсхотѣ ми ся ясти таковыя хлѣбы. Иного же болѣ сего ничтоже не требую, ни прошу от тебе мздовъздаания: у мене николиже обрѣтаются таковии хлѣби. А не глаголи, старче, еже ожидати тебе иного древодѣли мимо мене; и кто есть тебѣ инъ сице древодѣль, якоже азъ?» Старець же Данилъ изнесе ему решето хлѣбовъ гнилых, скрилевь, глаголя: «Аще сицевыя въсхотѣся тебѣ вещи той, и се съ тщаниемь въздаю ти; болѣ же сего не имам». Отвѣща Сергий: «Досыти ми есть и се, и довлѣет ми сие преизлише. Но обаче снабди а до девятаго часа, азъ бо преже даже руцѣ мои не поработасте и преже труда мъзды не приемлю».

И то рек, препояса чресла своа крѣпко и нача дѣлати и тесати от утра до вечера. И дьскы вся истеса, тако же и столбы *издолъбе* и поставль, Богу помагающу ему, сѣни съгради до вечера и съвръши а. Поздѣ же сущи, яко въ вечернюю годину, Данилъ старець пакы изнесе ему решето хлѣбовъ уреченных, цѣна мъзды его, еже руцѣ его поработаста. Сергий же приимь сиа, и предложи а пред собою, и сътворь молитву благословениа, и нача ясти с водою токмо, и не бѣ варива, ни соли, ни влагы; и обое съвокупя и обѣд, и вечерю ядяше. И нѣкоторым от братиа видяшеся от устъ его яко дымъ малъ исходящь, егда таковыа ядяше хлѣбы. И тогда друг другу преклоншеся, глаголааху: «Воле, братие, колико есть трьпѣние мужа сего и въздръжание его! Яко пребысть четыре дни ничтоже не ядый и на четвертый сущу поздѣ гнилым хлѣбом алкоту свою утѣшаше и уставляше; и то же не даром хлѣб гнилый, но драгою цѣною прекупивъ, ядяше».

Нѣкоторый же от мних поропта* единъ брат тогда на Сергиа: не ядоша бо и по два дни. И оскрьбишася, не имуще что вкусити, и приидоша к нему, и пред ним поимы и поносы творяху, глаголюще: «Плѣсневии хлѣби! Еще ли нам въ миръ не исъходити просити хлѣба? Се убо на тя смотрихом, якоже учил ны еси; и се тебе слушающе нынѣ уже изчезаем от глада. Того ради утро рано изыдем от мѣста сего камо къждо потребных ради. Да не пакы възвратимся сѣмо, уже не могуще к тому трьпѣти бываемых недостатковъ и скудости здѣ». Не вси же пороптаху, но нѣкоторый брат единъ от них.

Егоже ради и всю братию съзва; видѣ бо я ослабѣвша и оскрьбившихся, преподобный Сергий малодушие их своим длъготрьпѣниемь, и кроткым обычаем, и тихостию исправити хотя. Учаше а от святых Писаний, от Ветхаго и Новаго завѣта, глаголя: «Въскую прискрьбни есте, братие? Въскую смущаете-

Когда прошло три дня и четвертый уже наступал и светало, Сергий взял топор, и пришел к одному из старцев, живущему в монастыре его, по имени Данило, и сказал ему: «Слышал я, старче, что хочешь ты сени соорудить перед кельей своей. И я для этого пришел, чтобы руки мои не были праздными, построю сени тебе». В ответ Данило сказал ему: «Да, я очень хочу и давно собираюсь это сделать, но жду плотников из села. С тобой договариваться боюсь, как бы ты большую плату не взял с меня». Сказал ему Сергий: «Я не очень большую плату прошу у тебя, но нет ли у тебя гнилого хлеба, потому что очень хочется мне поесть такого хлеба. Ничего же другого сверх этого я не прошу, не нужно мне никакой платы: у меня нет и такого хлеба. Не говори, старче, что ты будешь ждать другого плотника вместо меня; кто у тебя будет лучшим плотником, чем я?» Старец же Данило вынес ему решето гнилого хлеба, наломанного, и сказал: «Если вот такого захотелось тебе, то вот, я охотно отдаю тебе; а больше этого у меня нет». Отвечал Сергий: «Довольно мне и этого, и это больше, чем нужно мне. Но только прибереги хлеб до девяти часов, потому что я прежде, чем руки мои не потрудились, и до работы, платы не беру».

И сказав это, опоясал чресла свои крепко и начал работать и тесать с утра до вечера. И доски все обтесал, также и столбы обработал и поставил, с Божьей помощью сени построил к вечеру и поставил их. Уже поздно, в вечернее время, Данило-старец снова вынес ему решето хлебов тех, плату за дело рук его. Сергий же взял хлеб, и положил его перед собой, и попросил в молитве благословения, и начал есть хлеб с водой, а другого не было ничего — ни вареного, ни соли, ни питья; было это ему и обедом, и ужином. Некоторые из братии видели, что из уст Сергия как будто дымок исходил, когда он такой ел хлеб. Тогда, друг к другу наклонившись, говорили они: «Вот, братья, каково терпение мужа этого и воздержание Сергия! Ведь он четыре дня ничего не ел и на четвертый только поздно гнилым хлебом голод свой утоляет и усмиряет; и хлеб гнилой не даром, но, дорогой ценой получив, ест».

Один же из братьев возроптал тогда на Сергия: ведь не ели они больше двух дней. И возмутились иноки, оставшись без еды, и пришли они к Сергию, и стали они его ругать и поносить, говоря: «Заплесневел хлеб у нас! Доколе нам к мирянам не ходить просить хлеба? Вот мы на тебя смотрели, как ты учил нас; послушались мы тебя и теперь вот умираем от голода. Поэтому утром рано уйдем с этого места куда нужно за едой, и больше мы не возвратимся сюда, не в силах будучи терпеть здесь лишений и скудости». Не все, однако, роптали, но некий брат, один из них.

Из-за него Сергий всю братию созвал: видя, что они ослабели и опечалены, преподобный Сергий малодушие их своим терпением, и кротким нравом, и мягкостью исправить хотел. Он поучал их словами Святого писания, из Ветхого и Нового завета, говоря так: «Зачем скорбите, братья? Зачем

ся? Уповайте на Бога; писано бо есть: „Възрите на пръвыя роды и видите: кто упова на Бога — постыдѣся когда? Или кто вѣрова Господеви — и посрамленъ бысть? Или кто пребывъ въ страсѣ его — оставленъ бысть? Или кто призвавый его — и не *услышанъ* и презрѣнъ бысть от него?"* Глаголет бо Господь: „Не аз ли есмь податель пищам, и житныя плоды износя, житница наплънаа, и коръмитель всему миру, и питатель вселенныя, даай пищу всякой плъти, даай пищу им въ благо врѣмя, отврьзаа руку свою, насыщая всяко животно благоволениа?"* И въ Евангелии Господь рече: „Ищете и просите преже царствиа Божиа и правды его, и сиа вся приложатся вам. Възрите на птица небесныа, яко ни сѣют, ни жнут, ни збирают в житница, но Отецъ небесный кръмит я: не паче ли вас, маловѣрии? Тръпѣти убо, тръпѣниа бо потреба есть: въ тръпѣнии вашемь стяжите душа ваша; претръпѣвый бо до конца и спасется".* И вы нынѣ глада ради оскръбистеся, еже на мало врѣмя на искушение вам съключающеся. Но аще претръпите с вѣрою и съ благодарениемь, то на плъзу вам будет искушение то и на болший прибытокъ обрящется: понеже благодать Божиа всъмь бывает не без искушениа, якоже в Лѣствицѣ речеся: „Без искуса злато не съвръшается; по скорби же радости начаемся, послѣдует бо скръбным радостнаа: вечеръ бо, — рече, — въдворится плачь, а заутра радость".* И вы убо нынѣ оскудѣние хлѣба имате, и недостатокъ всякого брашна днесь имате, и заутра умножение брашенъ всѣх потребных и всякого обилиа ястья и питиа насладитеся. Тако бо вѣрую, яко не оставит Богъ мѣста сего и живущих в нем».

И еще сему глаголющу, и се нѣции внезаапу потлъкаша въ врата. Вратарь же скоро приникнувъ скважнею, и видѣ, яко принесено бысть множество брашенъ потребных; и от радости и врат не отврьзе, бѣ бо приалченъ. И обратися съ тщаниемь скоро рища, притече къ преподобному Сергию, глаголя: «Отче! Благослови и принесшаа хлѣбы! Яко молитвами твоими обрѣтеся множьство брашенъ потребных, и се предстоят при вратѣх». Преподобный же повелѣ глаголя: «Скоро отврьзите врата, яко да внидуть внутрь». И сему бывшу, видѣша привезеное въ монастырь брашно на колеснице и въ вретищи. И прославиша Бога, давшаго имь таковую пищу и вечерю странну, готову сущу на земли, яко да накормит я и душа алчющаа насытит, препитати а въ день глада.

Преподобный же Сергий повелѣ мнихом си призвати на ядь привезших ядь, прирекь им сице: «Вы сами алчни суще, насытите сытых до сытости, накормите кръмящих вас, напитайте питающихь вы, и учредите, и почтите: достойни бо суть учрежениа и почитаниа». И сам не преже вкуси принесенаго ему готоваго брашна, аще и зѣло алченъ сый, но преже повелѣ бити в било, и вниде съ братиами въ церковь пѣть молебенъ, и велико благодарение и благохваление всылаше къ Богу, не оставляющему надлъзѣ рабъ своих, тръпящих его ради. И изшед изъ церкви, сѣде съ братиами на трапезѣ, пред ними

смущаетесь? Уповайте на Бога; ведь написано: „Посмотрите на древние роды и увидите: кто уповал на Бога — был постыжен когда-либо? Или кто верил в Господа — и посрамлен был? Или кто пребывал в страхе его — и оставлен был? Или кто призывал его — и не был услышан и презрен был им?"* Ведь говорит Господь: „Не я ли есть податель пищи, и урожаи хлеба приносящий, и житницы наполняющий, и кормитель всего мира, и питатель вселенной, дающий пищу всякой плоти, дающий пищу в свое время, раскрывающий руку свою, насыщая все жившее по благоволению?" И в Евангелии Господь сказал: „Ищите и просите прежде всего царствования Божьего и правды его, и это все приложится вам. Посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но Отец небесный кормит их: лучше ли они вас, маловерные? Терпите поэтому, ведь терпение нужно вам: терпением вашим спасайте души ваши; претерпевший же до конца спасется". А вы ныне из-за голода скорбите, который на короткое время для испытания с вами приключился. Но если вы будете терпеть с верой и с благодарностью, то пользу вам принесет испытание это и большую выгоду: ибо благодать Божья всем дается не без испытания, как в Лествице сказано: „Без искуса золота не бывает; после скорби мы на радость надеемся, потому что следует за скорбью радость: ведь вечером, — сказано, — водворится плач, а наутро радость". И у вас сейчас недостает хлеба, и не хватает всякой пищи сегодня, а завтра множеством еды всякой нужной и обильем всякой пищи и питья вы насладитесь: я верю, что не оставит Бог места этого и живущих здесь».

И когда еще Сергий это говорил, кто-то вдруг постучал в ворота. Привратник, быстро посмотрев в глазок, увидел, что принесли много пищи необходимой; он от радости — ведь и он был голоден — и ворот не открыл, и, повернувшись, стремительно побежал и явился к преподобному Сергию, говоря: «Отче! Благослови принесших хлеб! Благодаря молитвам твоим получили мы много еды необходимой, и все это находится у ворот». Преподобный же велел: «Быстрее откройте ворота, чтобы люди вошли внутрь». Когда открыли ворота, увидели привезенную в монастырь пищу на телеге и в корзинах. И прославили братья Бога, пославшего им эту пищу и ужин удивительный, приготовленный на земле, чтобы накормить их и души алчущие насытить, чтобы напитать их в день голода.

Преподобный Сергий повелел монахам позвать к столу тех, кто привез еду, и сказал монахам так: «Вы сами голодны, но насытьте сытых досыта, накормите кормящих вас, напитайте питающих вас, и угостите их, и почтите: ведь достойны они угощения и почитания». Сам он не сразу взял принесенную ему готовую еду, хотя и очень голоден был, но сначала повелел бить в било, и вошел с братьями в церковь петь молебен, и великую благодарность и хвалы воссылал к Богу, не оставляющему надолго рабов своих, страдающих ради него. Выйдя из церкви, Сергий сел с братьями за трапезу, а перед ними положены

же и предложени быша хлѣбы оны, новопринесеныя и новопеченыя. Преподобный же въставъ сътвори молитву, и благослови, и преломль, и раздѣливь, вдасть чрънцем своимь; и ядоша вси, и насытишася, и прославиша Бога, тако напитавшаго а. Бяху же хлѣби оны тепли суще и мягци, яко обычай есть новопеченым быти. Сладость же вкушениа их странна нѣкако и незнаема являшеся, и яко медвеною нѣкоею сладостию исплънены, уподоблены и преудобрены, и яко с маслом сѣмяннымь устроени суще и преухыщрени, и яко нѣкотораа в них зелиа растворенна благоухана, сладость постную, яко мнѣти, и от сего имѣти являюще. И якоже древле израильтяном нѣкогда в пустыни манна от Бога посылаема бяше,* о нихже рече Давидъ пророкь: «И одожди им манну ясти и хлѣбь небесный дасть имь. Хлѣбь аггельскый яде человекь, брашно посла им до обилиа, и ядоша, и насытишася зѣло».* И яко не дѣланнаа в рѣсноту пища познавашеся засылаема.

И се показа Богъ преподобному Сергию плод тръпѣниа и въздръжаниа его, еже претръпѣ по четыре дни. Пострада алчя и жажда, поелику съ гладом боряся, тръпяше Бога ради, якоже рече пророкь Давидъ: «Тръпѣние убогых не погыбнет до конца; труды плод своих снѣси; блаженъ еси, добро тебѣ будет».* За хлѣбы оны гнилыя таковое сладкое Богъ засылаше ему брашно: вымѣсто гнилых не гнилыя, но новопеченыя, сладкыа, благоуханныа, въ тлѣнных мѣсто нетлѣнныя, земных благъ наслажение. И то же точию еще в настоящем вѣцѣ, а в будущем вѣцѣ въ земных мѣсто небесная, въ временных мѣсто вѣчных благъ наслажение, якоже рече апостолъ: «Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыде, яже уготова Богъ любящим его и хранящимъ заповѣди его».* Не точию Сергию единому, но и всякому, иже от всея душа възлюбившему Бога, и творящему волю его, и хранящимь заповѣди его въздание много.

Ядущим же имь, рече преподобный: «Где есть онъсица брат, иже преже ропща, рече, плѣсневии хлѣби? Да видить нынѣ и да разумѣет въистину, яко не суть плѣсневи, но и зѣло сладци и мягци. А не ли помяну пророка, глаголюща: „Зане пепелъ яко хлѣбъ ядях и питие мое с плачемъ растворях"».* Потом же взысканию бывшу, чии суть хлѣбы, и гдѣ есть принесеныя, и кто есть пославый. И създирахуся промежи собою, истязающеся и съвъпрашающеся мниси. Никтоже удобь можаше *извѣстно* уразумѣти бываемаго, дондеже преподобный въпроси а, глаголя: «Не рѣх ли вам: призовите а ясти и припровадившаа нам хлѣбы оны, то гдѣ суть нынѣ? Како не обрѣтошася въ началѣ ядуща с нами?» Они же рѣша: «Мы убо по словеси твоему звахом я и о хлѣбех въпросихом я, глаголюще: „Чии суть хлѣби, яже сѣмо послашася с вами?" Послании же рѣша: „Онъсица христолюбець богат зѣло, живый въ далних странах, посла на имя Сергиево съ иже с ним живущими братиами"». Пакы же мниси, по повелѣнию Сергиеву, на обѣд позваша а. Они же не рачиша, но тщахуся инамо шествие сътворити; и тако изидоша от очию их. Се же бысть дивно, яко тогда мниси не увѣдаша, ни разу-

были свежеиспеченные хлеба эти, только что принесенные. Преподобный встал и совершил молитву, и благословил, и преломил, и разделил хлеб, и дал чернецам своим, и ели все, и насытились, прославили Бога, так накормившего их. Были же хлеба теплыми и мягкими, как обычно бывает свежеиспеченный хлеб. Вкус же их удивительным каким-то и непонятным казался, словно медовой некой сладостью были наполнены, насыщены и пропитаны, как будто с маслом постным они были испечены и приготовлены, будто какие-то в них пряности были положены ароматные, и вкус постный, как кажется, и от этого они имели. Так же и в древности некогда в пустыне Бог манну послал израильтянам, о которых сказал Давид-пророк: «Дождем послал им манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, пищу послал Бог им в изобилии, и они ели, и насытились весьма». И нерукотворной поистине казалась ниспосланная пища.

Так показал Бог преподобному Сергию плоды терпения и воздержания его, которые претерпел он в течение четырех дней. Страдая от голода и жажды, с голодом борясь, терпел он Бога ради, как сказал пророк Давид: «Терпение бедных не погибнет до конца; плоды трудов твоих ешь; блажен ты, и добро тебе будет». За хлеба эти гнилые Бог такую вкусную послал ему пищу: вместо гнилых хлебов не гнилые, но свежеиспеченные, вкусные, ароматные, вместо истлевающих нетленные, земными благами наслаждение. Это только еще в настоящей жизни, а в будущей жизни Бог пошлет вместо земных благ небесные, вместо временных благ наслаждение вечными, как сказал апостол: «Того глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило то, что приготовил Бог любящим его и хранящим заповеди его». Не только Сергию одному, но и всякому, кто от всей души возлюбил Бога, и выполняет волю его, хранит заповеди его, будет воздаяние великое.

Когда ела братия, сказал преподобный: «Где тот брат, который раньше роптал и сказал, что хлеб заплесневел? Пусть он увидит теперь и поймет хорошо, что не заплесневелые у нас хлеба, но весьма вкусные и мягкие. Как не вспомнить пророка, говорящего: „Я пепел как хлеб ел и питие мое слезами растворял"». Потом начали расспрашивать, чей это хлеб, и где принесшие его, и кто послал их. И смотрели монахи друг на друга, допытываясь и расспрашивая один другого. Никто не мог до конца понять случившегося, пока преподобный не спросил их: «Не говорил ли я вам: позовите есть привезших хлеба эти, где же они теперь? Почему они с самого начала не ели с нами?» Монахи же ответили: «Мы, как ты сказал, звали их и о хлебах спросили их, говоря: „Чей это хлеб, который сюда послан с вами?" Посланные же сказали: „Один христианин, очень богатый, живущий в дальних странах, послал хлеб на имя Сергия и живущих с ним братьев"». И снова монахи, по велению Сергия, посланных позвали на обед. Те же не захотели, но пожелали обратно идти; и вот исчезли из глаз монахов. Это было удивительно, что тогда монахи не поняли,

мѣша, кто есть привезый хлѣбы оны, кто ли есть пославый я. Токмо прешедше къ игумену, дивляхуся, глаголюще: «Отче! Како пшеничнии хлѣбы с маслом и съ зелиемь утворени суть, тепли, а не от близ привезени ... суще?» На другий же день такожде множество потребных привезено бысть въ монастырь, и ястиа, и питиа. Пакы же на третий день, от иноя страны, по тому же образу привезено бысть, якоже преди сказахом.

Игумен же Сергий сия видѣвъ и слышав, съ всѣми братиами прослави Бога, глаголя: «Видите ли, братие, како ти промышленикъ всѣх Богъ не оставить мѣста сего, ниже оставляет рабъ своих съиночьствующих, живущихъ на мѣсте сем, работающих ему день и нощь и тръпящихь с вѣрою и съ благодарением?» Поминаше же братиам старець оно слово, еже от Павла апостола реченное: «Имуще пищу и одежду, сими доволни будем»;* «а ничимже пещися неполезными, но паче уповати и възирати къ Богу, могущему кръмити нас, и одѣвати, и въсемь промышляти нами, и от него ожидати потребных добрых и полезных душам и тѣлом нашимь. И молим Бога, да тъй промышляет нами, наипаче надѣемся на нь присно; иже бо древле израильтескиа люди, таковыа жестокыа и непокоривыа, толикиа тысуща въ пустыни, таже и послѣди не мало множество препитавый до сытости: „Одожди имь манну ясти и хлѣбъ небесный дасть имь. Хлѣбъ аггельскый яде человекь, просиша, и приидоша крастели, и одожди на ня, яко прах, плоти и, яко пѣсок морьскый, и птица прънатыа; и ядоша и насытишася зѣло".* Самъ нынѣ тъй нами будет промышляай: ниже бо силою немощнѣйши нынѣ, ниже о еже промышляти лѣнивѣйши бысть, но якоже преже древле, тако и нынѣ нам всегда мощенъ есть пищу подаати».

Оттолѣ же убо мниси навыкоша прочее не стужати си въ скорби и въ тѣснотѣ, елижды аще когда случится каа тѣснота, или скудость, или недостаткы потребных. Но все тръпяху съ усръдиемь и съ вѣрою, надѣющеся на Господа Бога, залогъ имуще преподобнаго отца нашего Сергиа.

О ХУДОСТИ ПОРТЪ СЕРГИЕВЫХЬ И О НѢКОЕМЪ ПОСЕЛЯНИНѢ

Глаголаху нѣции от здѣшних старець о преподобном Сергии, яко риза нова никогдаже взыде на тѣло его, ниже от суконъ нѣмецкых красовидных, цвѣтотворных, или от синеты, или от багрянородных, или от бурявы, или от прочих многообразных различных шаровидных цвѣтовъ, или бѣлообразно, или гладостно и мягко: «Мягкая бо, — рече, — носящеи в домѣх царевых суть».* Но токмо от сукна проста, иже от сермягы, от влас и от влъны овчаа спрядено и исткано, и то же просто, и не цвѣтно, и не свѣтло, и не щапливо, но токмо видну шрьстьку, иже от сукна ризу ношаше, ветошну же, и многошвену, и

не уразумели, кто привез хлеб этот и кто послал их. Братья только пришли к игумену, в удивлении говоря: «Отче! Как пшеничный хлеб, с маслом и с пряностями испеченный, остался теплым, — ведь он издалека привезен?» На другой день также много пищи привезено было в монастырь, и еды, и питья. Вновь на третий день, с другой стороны, таким же образом, как мы только что рассказали, привезена была пища.

Игумен Сергий, видя и слыша это, со всеми братьями прославил Бога, говоря: «Видите ли, братья, что заботящийся обо всех Бог не оставит места этого, и никогда не оставляет рабов своих, вместе иночествующих, живущих на месте этом, работающих для него денно и нощно и терпящих все с верой и с благодарностию?» Напоминал братьям старец слова, Павлом-апостолом сказанные: «Имея пищу и одежду, тем довольны будем»; «а ни о чем бесполезном, — говорил Сергий, — не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, который может кормить нас, и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим. Помолимся Богу, чтобы он заботился о нас, и будем надеяться на него всегда; ведь он в древности израильтян, столь жестоких и непокорных, накормил такое множество тысяч в пустыне, и впоследствии также не раз насыщал многих: „Одождил на них манну в пищу и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек, они просили, и налетели перепелы, и Бог одождил на них, как пыль, мясо, и, как песок морской, птиц пернатых; они ели и насытились весьма". Сам Бог теперь о нас будет заботиться, — сказал Сергий, — ведь он не стал силой слабее теперь, и заботы его не преуменьшились, но как прежде в древности, так и теперь нам всегда сможет пищу подавать».

С тех пор уже монахи привыкли больше не роптать в печали и в лишениях, если когда-нибудь случались лишения, или скудость, или недостаток в необходимых вещах. Но все терпели с усердием и с верой, надеясь на Господа Бога, залогом имея преподобного отца нашего Сергия.

О БЕДНОСТИ ОДЕЖДЫ СЕРГИЯ И О НЕКОЕМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Рассказывали некоторые из монастырских старцев о преподобном Сергии, что одежда новая никогда не прикрывала тело его, ни сукно немецкое нарядное, разукрашенное, — ни синего цвета, ни багряного, или коричневого, ни других многих различных ярких цветов, ни белая или пышная и мягкая одежда:«Мягкие одежды носящие, — сказано, — находятся в домах царских». Но только из сукна простого, то есть из сермяги, одежду, из шерсти и из руна овечьего спряденного связанную, и ту простую, и не окрашенную, и не выбеленную, и не разукрашенную, но только из грубой шерсти, то есть из сукна он

неомовену, и уруднену, и многа пота исплънену, иногда же другойци яко и заплаты имущу.

Есть же егда и сице случашеся: единою бо обрѣтеся у них сукъно едино злотворно, и неустройно, и некошно, яко и пелесовато, егоже и вся братиа негодующе и гнушахуся его и отвращахуся. Но ово убо единъ брат вземь сие, и мало подръжавъ и, пакы възвращаше и покыдаше; такожде и другый, и третий, даже и до седмаго. Преподобный же не отвратися, нъ съ тщаниемь вземь сие, благословивъ, и крааше, и шиаше, и сътвори рясу, в нюже не възгнушася облещися. И не рачи съвлещи ея и пометнути ю, но паче изволи съ благодарениемъ на тѣлѣ своем износити ю, дондеже по лѣтѣ единѣмь, обетшавъ, издрася и распадеся. Да от сея вещи разумѣти, колико и каково рачителство имѣаше смиреномудриа ради, еже проходити в нищетнѣ образѣ.

Бяху бо порты на нем обычныя зѣло худостны, еже по вся дни ношаше, яко аще бы нѣкто не видавый его и отинудь не знаа его, таче аще узрит его негдѣ въ таковѣй суща одежди, то не мнит его самого того игумена Сергиа быти. Но мнит его, яко единого от чернець, яко нища, и убога, и странна, и яко работника, всяку работающа работу. И единою просто рещи: толикы бѣ худостны порты ношаше, яко хуже и пуще всѣхь чрънцевъ своих, яко нѣкоимь от сего омекнутися, не знающим его, и облазнитися; еже и бысть, еже и многи подъяша и пострадаша, от нихже вам единого споселянина явлена сътворити покушуся.

Внегда зѣло слуху житиа преподобьнаго сего распространяющуся, тогда мнози от человекь, иже от различных и странъ посѣщающе его прихожаху, желающе поне токмо видѣти его, и елици видѣвшии его възвращахуся въсвояси и другъ другу повѣдающе яже о нем, дивляхуся. Сиа слышавъ единъ от них нѣкто человекь, христианинъ, поселянинъ, чином орачь, земледѣлець, живый на селѣ своем, орый плугом своим и от своего труда питаася, пребываше от далече сущих мѣстъ, иже от многа желаниа и слышаниа въсхотѣ видѣти его. Въ единъ убо от дней упразднився, и прииде в монастырь его, иже преже николиже видавъ его. В то же время прилучися преподобному на лыскарѣ тружающуся, въ оградѣ копати землю на устроение нѣкоего оградняго ради зелиа. Прилѣжне же пришедшему земледѣлцу оному еже видѣти его, ищущу и глаголющу: «Кто есть Сергий, и гдѣ есть чюдный и славный онъ мужь, о немже аз слышу таковаа? И како хощет ми показанъ быти?» И коегождо отъ братий опытуя, въпрашаше и моляше, да ему укажут искомаго. Они же повѣдаша ему: «Въ оградѣ есть, и единъ уединяася, копает землю. Да мало потръпи, дондеже изыдет». Он же от многа желаниа не дождавъ, но приникь скважнею, видѣ блаженнаго в худостнѣ портище, зѣло раздранѣ и многошвенѣ, и въ потѣ лица тружающася. Отинудь не мняше того быти желаемаго, егоже ищет, и никакоже не вѣрова того быти, о немже слыша. Пакы прилежаше братиам, стужаа и глаголя: «Да что ради не укажете ми его, к немуже издалеча

одежду носил, ветхую, не раз перешитую, и неотстиранную, и грязную, и многим потом пропитанную, а иногда даже и с заплатами.

Иногда же и так получалось: однажды нашлось у братьев сукно некое негодное — и плохое, и некрасивое, так что оно даже полиняло, — и вся братия с презрением гнушалась им и отворачивалась. И если какой-нибудь брат это сукно брал, то, немного подержав его, назад возвращал и бросал; так делал и другой, и третий, вплоть до седьмого. Преподобный же не отвернулся, но аккуратно взял сукно, благословил, и начал кроить, и шить, и сделал рясу, которую не погнушался надеть. И не захотел снять ее и выбросить ее, но, напротив, начал с благодарностью на теле своем носить ее, пока через один год она, обветшав, не разорвалась и не распалась. Отсюда можно понять, сколь усерден был Сергий в своем смирении, если ходил в облачении нищего.

Ведь на нем обычно была весьма плохая одежда, которую он каждый день носил, так что если бы кто-нибудь не видел его, и совершенно не знал его, и посмотрел на него где-нибудь, одетого в такую одежду, то не подумал бы, что это сам игумен Сергий, но решил бы, что это один из иноков, нищий, и убогий, и пришелец, работник, на всякой работающий работе. И если попросту сказать: настолько бедную одежду он носил, что она была беднее и хуже, чем у любого из иноков его, так что некоторые, не знающие его, из-за этого могли смутиться и впасть в заблуждение; так и случалось, что многие впадали в обман и ошибались, и я вам об одном крестьянине подробно рассказать постараюсь.

Когда слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его приходили, желая лишь увидеть его, и те, кто видел его, возвращались восвояси и, друг другу рассказывая о Сергии, удивлялись. Услышав об этом, некий человек, христианин, поселянин, пахарь, земледелец, живший в селе своем, пашущий землю плугом своим и своим трудом питающийся, живший в отдаленных краях, слыша много о Сергии, желанием возгорелся увидеть его. Однажды, освободившись от работы, пришел он в монастырь Сергия; а до этого он никогда не видел святого. В то время получилось так, что преподобный мотыгой работал, в огороде копал землю для насаждения какой-то огородной зелени. Когда пришел усердный земледелец этот, чтобы увидеть Сергия, начал он искать святого и спрашивал: «Кто здесь Сергий, и где чудесный и славный этот муж, о котором я слышал столько? И как мне увидеть его?» И у каждого из братьев он допытывался, спрашивал и умолял, чтобы ему показали того, кого он ищет. Братья же сообщили ему: «В огороде он, один уединившись, копает землю. Немного потерпи, пока он не придет». Тот в большом нетерпении не дождался, но, приникнув к щели, увидел блаженного в бедной одежде, весьма рваной и залатанной, в поте лица трудящегося. Он никак не мог подумать, что это тот, кого он хотел увидеть, которого он ищет, и никак не верил, что это тот, о котором он слышал. Снова земледелец приставал к братьям, досаждая им и говоря: «Почему вы не укажете мне того,

поклонитися приидох и дѣло велико имам къ нему?» Они же рѣша: «Се показахом ти его, егоже и видѣлъ еси скважнею. Аще ли не вѣруеши, то узриши его пакы». Онъ же единаче не имяше вѣры, но при дверех пребываше, акы нѣоткуду ждый его.

Егда же преподобный изыде от дѣла дѣланиа своего и от ограда монастыри обрѣтеся, тогда мниси скоро указаша ему, глаголюще: «Се тотъ есть, егоже вжелѣлъ еси видѣти». Онъ же замледѣлець отврати лице свое от блаженнаго, начат смѣятися и гнушатися его, глаголя: «Аз пророка видѣти приидох, вы же ми сироту указасте. Издалеча пришествовах ползоватися начаахъся, и в ползы мѣсто тъщету си приах. Аще и въ честенъ монастырь приидох, но ни ту плъзы обрѣтохъ: вы убо поглумистеся мною, мните мя яко изъумѣвшася. Азъ свята мужа Сергиа, якоже слышах, тако и надѣахся видѣти его въ мнозѣ чти, и славѣ, и въ величьствѣ. Нынѣ же сего, иже вами указаннаго ми, ничтоже вижю на нем, чти же, и величьства, и славы, ни портъ красных, ни многоцѣнных, ни отрокъ, предстоящихь или чьсть въздающих ему; но все худостно, все нищетно, все сиротинско. И мню, яко не тотъ есть». Се же глаголаше къ мнихом поселянинъ онъ, глаголемый земледѣлець, и въ правду рещи поселянинъ, акы невѣжа сый и не смотряй внутрьнима очима, но внѣшнима, не вѣдый книжнаго писаниа, якоже премудрый Сирах рече:* «Человекь смотрит в лице, а Богъ зрит в сердце». Сий же внѣшняа обзираша, а *не* вънутреняя, и телеснааго устроениа худость ризную блаженнаго видѣвь, и страду земную работающу, и добродѣтель старьчю и нищету укаряше, никакоже вѣрова того быти, о немже слыша. Въ помыслѣ же его бяше нѣкое невѣрьство, помышляше бо в себѣ глаголя: «Не мощно таковому мужу, честну и славну, въ нищетѣ и худости быти, егоже въ мнозѣ величьствѣ, въ чти же и въ славѣ слухом преже услышах».

Братиа же игумену рѣша: «Не смѣем рещи и боимся тебе, честный отче, а гостя твоего отслали быхом отсюду акы бездѣлна и бесчьстна, понеже невѣжда бѣ и поселянинъ: ни тебѣ поклонится, ни чти достойныа въздасть, а нас укоряет и не слушает: акы лжуща мнить нас. Хощеши ли убо да ижьженем его?» Божий же человекь Сергий, възрѣвь на братию, видѣвь их смутившихся, и рече: «Никакоже, братие, не сътворите сего, не бо к вамь, но на мое имя пришелъ есть. И что труды дѣете ему? Дѣло бо добро съдѣла о мнѣ, и азъ вины не обрѣтаю в нем. Аще ли вы обрѣтаете в нем вину, слышите Павла апостола глаголюща: „Аще человекь въпадает въ нѣкоторое прегрѣшение, вы, духовни, съврьшайте таковаго духом кроткым";* и подобает таковыа смирением и тихостию исправляти». И то рекь, не дождавь от него прежде поклонениа, но сам прежде предваривь, приступль на целование земледѣлче, съ тщаниемь же и спѣшаше. И с великым смирениемь поклонся ему до земля, и съ многою любовию о Христѣ цѣлование дасть ему, и благословивь, велми похваляше поселянина, яко сице о нем разсудиша. От сеа убо вещи разумѣти есть, коль

к которому я издалека поклониться пришел? — и дело важное у меня есть к нему». Они же сказали: «Мы показали тебе его, и ты его видел в щель. Если же не веришь нам, то убедишься в этом, увидев его снова». Он же упрямо не хотел верить, но около дверей стоял, неизвестно откуда ожидая Сергия.

Когда же преподобный, сделав дело свое, из-за ограды в монастыре появился, монахи быстро указали на него земледельцу, говоря: «Вот тот, кого ты желал увидеть». Но этот земледелец отвернул лицо свое от блаженного, и начал смеяться, и гнушался им, говоря: «Я пророка увидеть пришел, вы же мне сироту показали. Издалека я шел, надеясь получить пользу, а вместо пользы ничего не получил. Хотя я и в честный монастырь пришел, но никакой здесь пользы не получил; вы глумитесь надо мной, думаете, что я обезумел. Я святого мужа Сергия, как я слышал о нем, надеялся увидеть в большой чести, и славе, и величии. Ныне же из всего этого в человеке, указанном вами, ничего не вижу, — ни чести, ни величия, ни славы, ни одежды красивой и дорогой, ни отроков, служащих ему, ни спешащих слуг, ни множества рабов, прислуживающих или честь воздающих ему; но все на нем бедное, все нищенское, все сиротское. И думаю я — не он это». Так говорил монахам поселянин этот, земледелец, — и поистине он поселянин, потому что невежда и не смотрит внутренними глазами, но внешними, не знает книжной мудрости, как премудрый Сирах сказал: «Человек смотрит на лицо, а Бог зрит в сердце». Этот земледелец внешние вещи видел, а не внутренние, и, на теле блаженного бедную одежду увидев, убедившись, что тот трудами земледельческими занимается, он добродетель старца и нищету хулил, никак не веря, что это тот, о ком он слышал. В мыслях его было какое-то недоверие, и он думал про себя так: «Не может такой муж, честный и славный, в нищете и бедности жить, а я о его многом величии, чести и славе рассказы прежде слышал».

Братия же игумену сказала: «Не смеем и боимся сказать тебе, честный отче, а гостя твоего мы бы отослали отсюда как человека негодного и бесчестного, потому что он невежда и поселянин: он тебе не поклонился, ни чести достойной не воздал, а нас укоряет и не слушает, считая, что мы лжем. Хочешь, мы выгоним его?» Божий человек Сергий, посмотрев на братию, увидел их смущение и сказал: «Ни в коем случае, братья, не делайте этого, ведь он не к вам, но ко мне пришел. Зачем вы обижаете его? Ведь он доброе дело сделал мне, и я вины не нахожу за ним. Если вы находите за ним вину, услышьте Павла-апостола, говорящего: „Если человек впадает в некое прегрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости"; и подобает таких людей смирением и кротостью исправлять». И, сказав это, не дождавшись от крестьянина поклона, Сергий сам опередил его, подошел и поцеловал земледельца старательно и поспешно. И с великим смирением Сергий поклонился ему до земли, и с большой любовью по-христиански поцеловал его, и, благословив, весьма похвалил крестьянина, который так о нем подумал. Этот случай

велико смирение внутрьуду имѣаше в себѣ Сергий, иже таковаго поселянина невѣжду суща, иже негодующа и гнушающася его, излише паче възлюби его: якоже бо грѣдии честем и хвалам радуются, тако и смиреномудрии о своем бесчестии и осужении радуются. И не токмо же се едино, но имь его за руку преподобный и посади одесную себѣ, ястиа же и питиа насладитися нудяше и, честию же и любовию учрежение сътвори ему. Он же печална быти себе глаголаше: «Сергиа ради, егоже ради и потрудихся до здѣ приити и того видѣти, не получихъ желаниа моего». Преподобный же Сергий рече ему: «Не печалуй! Здѣ есть милость Божиа сицева, да никтоже печаленъ исходить от здѣ. И о немже печалуеши и еже ищеши, в сий час даст Богъ того, егоже желаеши».

И еще ему глаголющу, и се князь етеръ грядяше и в монастырь съ многою грѣдостию и славою, и плъку велику быти округъ его, боляром же и слугам, и отроком его. Предидущии же побивачи и подвойские княжи* поселянина оного яша его за плеща его рукама своима и далече нѣгдѣ отринуша его от лица княжа и Сергиева. И еще отдалече сущи князь поклонися Сергию до земля. И Сергий благослови его; и цѣловавшася, сѣдоста два токмо, а всѣм предстоящим. Поселянинъ же онъ рискаше, обиходя. И егоже преже небрежаше и гнушашеся, и того пакы нудяшеся, уду же бы прикоснутися поглядати не обрѣташе; амо же хотяше приникнути, не можаше. И въпроси единого от предстоящих ту, глаголя: «Да кый той есть калугерь сѣдяше одесную князя, повѣждь ми?» Он же възрѣвъ на нь и рече ему: «Убо пришлець ли еси сѣмо? Нѣси ли слышалъ преподобнаго отца Сергиа? Глаголяй съ княземь той есть». Онъ же слышав, зазираше в себѣ вкупѣ и трепеща.

Егда же князь из монастыря изыде, тогда онъ поселянинъ поимъ съ собою нѣкиа от братиа и сиа молитвеникы сподвигну, с ними же и пред ними кланяшеся до земля игумену, глаголя: «Отче! Елико нечьствовах и елико съгрѣших, прости мя и помози моему невѣрьствию. Нынѣ познах поистинѣ о тебѣ, отче; якоже слышахом, тако и видѣхом». Преподобный же Сергий простивъ его и благословивъ, и побесѣдова с ним душепитателными, утѣшителными словесы, и отпусти его в дом свой. И оттолѣ человекь тъй велику вѣру имѣя къ Святѣй Троици и къ преподобьному Сергию до своего живота. И по лѣтѣх нѣколицѣх прииде от села в монастырь къ преподобному, и пострижеся въ мнишескый чинъ, и пребысть нѣколико лѣтъ в покаании, и въ исповѣдании, и въ исправлении, преставися къ Богу.

О ИЗВЕДЕНИИ ИСТОЧНИКА

Хощу же вашей любви бесѣду простерети о преславных чюдесѣхь, яже творит Богъ угодником своим. Якоже прѣдвъспомянухом сего великаго пастыря и доброразсудную главу, еже въ пустыню пришествие, яко единому тому

дает понять, сколь великое смирение внутри себя имел Сергий, ибо такого поселянина, невежду, который негодовал и гнушался им, святой сверх меры полюбил: потому что насколько гордые почестям и похвалам радуются, настолько радуются смиренные своему бесчестию и осуждению. И не только поцеловал его, но взял его за руку преподобный и посадил справа от себя, едой и питьем насладиться предлагая ему, с честью и любовью обходился с ним. Крестьянин же печаль свою объяснил: «Сергия ради я постарался сюда прийти и его увидеть, но не исполнилось желание мое». Преподобный же Сергий сказал ему: «Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чем ты печалишься, что ищешь и чего желаешь, — тотчас даст тебе Бог».

И в то время, пока еще Сергий говорил, вдруг князь некий подошел к монастырю в великой гордости и славе, и полк великий окружал его, бояре, и слуги, и отроки его. Идущие впереди телохранители князя и подвойские крестьянина этого взяли за плечи руками своими и далеко куда-то отбросили его от лица князя и Сергия. И еще издалека князь поклонился Сергию до земли. И Сергий благословил его; и поцеловались они, и сели вдвоем только, а все стояли. Крестьянин же тот бегал вокруг. И кем он прежде пренебрегал и гнушался, к тому теперь стремился, — где бы только посмотреть на него, — и не находил места, и как бы ему ни хотелось приблизиться, он не мог этого сделать. И спросил он одного из стоящих там: «Кто этот монах, который сидит справа от князя, скажи мне?» Тот посмотрел на крестьянина и сказал ему: «Разве ты не здешний? Не слышал ли ты о преподобном отце Сергии? Говорящий с князем он и есть». Услышав это, крестьянин ощутил стыд и трепет.

Когда же князь из монастыря ушел, тогда этот крестьянин взял с собой некоторых из братии и за себя их молить попросил, и сам с ними и перед ними кланялся до земли игумену, говоря: «Отче! За все мои нечестия и прегрешения прости меня и помоги в моем неверии, теперь я узнал истину о тебе, отче; что слышал, то и увидел». Преподобный же Сергий простил его, и благословил, и побеседовал с ним душеполезными утешительными словами, и отпустил его домой. С тех пор человек этот великую веру имел в Святую Троицу и в преподобного Сергия до своей смерти. И через несколько лет он пришел из села в монастырь к преподобному, и постригся в монахи, и, прожив несколько лет в покаянии, и исповедаясь, и исправляясь, отошел он к Богу.

О ИЗВЕДЕНИИ ИСТОЧНИКА

Хочу вам, возлюбленным, рассказ продолжить о славных чудесах, которые творил Бог через угодника своего. Как мы раньше говорили про этого великого пастыря и мудрого человека, когда он в пустынь пришел и один хотел

хотящу на том мѣсте безмлъствовати, водѣ не сущий близ обители. Братству же множившуся, имѣаху нужу велию отдалече воду приносяще. И сеа ради вины нѣции поропташа на святого: «Въскую, — глаголюще, — не разсужаа, сѣлъ еси на сем мѣсте обитель здати, водѣ не близ сущи?» И сиа многожды с досадами глаголааху; к ним же святый отвѣщаваше: «Аз убо единъ на сем мѣсте хотѣх безмлъствовати, Богъ же въсхотѣ толику обитель въздвигнути, прославлятися святому его имени. Дрързайте убо въ молитвѣ своей и не пренемагайте! Аще бо непокоривым людемъ еврейским от камене воду источилъ есть,* вас же, работающих ему день и нощь, прѣзрѣте ли имать?» И тако отпусти их въ своя имъ келиа.

Сам же изыде из монастыря, нѣкоего брата поим с собою, и сниде в дебрь яже под манастыремь, яже не бѣ ту неколиже текущаа вода, якоже и древнии человеци ясно извѣстиша. Обрѣт же святый въ едином рову мало воды от наводнениа дождевнаго, и преклонь колѣнѣ, начат молитися, глаголя:

Молитва: «Боже, Отче Господа нашего Исуса Христа, сътворивый небо и землю и вся видимаа и невидимаа, създавый человека от небытиа, и не хотяй смерти грѣшником, но живымь быти! Тѣмь молимся мы, и грѣшнии, и недостойнии раби твои: услыши нас в сей час и яви славу свою. Якоже в пустыни чюдодѣйствоваше Моисеом крѣпкаа ти десница, от камене твоимь повелѣниемь воду источи, такоже и зде яви силу твою. Ты бо еси небу и земли творець; даруй нам воду на мѣсте сем! И да разумѣют вси, яко послушаеши боящихся тебе и имени твоему славу въздающих, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомь, аминь».

И се рекшу святому и мѣсто назнаменавшу, вънезаапу источникь велий явися, иже и донынѣ всѣми видим есть,* от негоже почерпают на всяку потребу монастырьскую, благодаряще Бога и сего угодника Сергиа. Многа же исцѣлѣниа бывають от воды тоа приходящим съ вѣрою, и различными недугы одрържими исцѣлѣние приемлют. И не токмо же, иже на самую ту воду приходят, и исцѣлениа сподобляются, но и от далних странъ присылающе, почрърпают воду ону, и въ своа относят, и болныхь своих напаяюще или кропяще исцѣление приемлют. Не бо единъ или два, но много и неисчетенно бываетъ даже и до днесь. И оттолѣ источникъ прозвася Сергиевым именованием до десяти или 15 лѣт. Разсудная же она глава, яко не любя славы, о сем негодоваше, глаголя: «Яко да никогдаже слышу от вас моимъ именем источникъ онъ зовущь. Не бо азъ дах воду сию, но Господь дарова нам недостойным».

О ВЪСКРЕШЕНИИ ОТРОКА МОЛИТВАМИ СВЯТОГО

Бѣ же нѣкий христолюбець, живый въ предѣлех монастыря оного, имѣя вѣру велию къ святому Сергию. Сынъ же человека оного, мало суще отроча, едино чадо ему, болѣзнию одръжимо. Отець отрока, вѣдый мужа добродѣтель,

на том месте безмолвствовать, тогда воды не было вблизи от обители. После того как братия умножилась, неудобно весьма было издалека воду приносить. И по этой причине некоторые возроптали на святого: «Зачем, — говорили они, — ты, не подумав, решил на этом месте, где воды нет поблизости, обитель создать?» Так многократно они с упреками говорили; а святой им отвечал: «Ведь я один на этом месте хотел безмолвствовать, Бог же захотел такую обитель воздвигнуть, чтобы прославлялось святое его имя. Так просите в молитве своей и не отчаивайтесь! Ведь если Бог непокорным людям еврейским из камня воду источил, то вас, работающих для него днем и ночью, разве оставит он?» И отпустил он монахов в их кельи.

Сам же он вышел из монастыря, одного брата взяв с собой, и зашел в глушь леса около монастыря, — а не было здесь нигде проточной воды, как старые люди определенно сказали. Нашел святой в одной канаве немного воды, оставшейся после дождя, и преклонив колени, начал молиться, говоря так:

Молитва: «Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и вся видимая и невидимая, создавший человека из небытия, не желающий смерти грешников, но жизни! Молимся тебе, и грешные, и недостойные рабы твои: услышь нас в этот час и яви славу свою. Как в пустыне чудодействовала крепкая твоя десница через Моисея, который из камня по твоему повелению воду источил, так и здесь яви силу твою. Ведь ты неба и земли творец; даруй нам воду на месте сем! И пусть узнают все, что ты слушаешь боящихся тебя и имени твоему славу воздающих, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

И когда это сказал святой и место указал, внезапно источник большой появился, который и до сих пор все видят, и из которого черпают для всяких нужд монастырских, благодаря Бога и его угодника Сергия. Многие исцеления происходят от воды той для приходящих с верой, и различными недугами страдающие исцеление получают. И не только те, кто к самой этой воде приходят, исцеляются, но и те, кто из дальних мест присылают людей, которые черпают воду эту и к себе уносят, и больных своих поят или кропят, — и те исцеление получают. Таких не один или два, но бесчисленное множество есть даже и доныне. И с тех пор источник называли именем Сергия лет десять или пятнадцать. Разумный же тот человек, поскольку он не любил славы, из-за этого негодовал, говоря: «Чтобы я никогда не слышал, как вы моим именем источник этот называете. Ведь не я дал воду эту, но Господь даровал нам, недостойным».

О ВОСКРЕШЕНИИ ОТРОКА МОЛИТВАМИ СВЯТОГО

Некий благочестивый человек, живущий в окрестностях монастыря того, имел веру великую в святого Сергия. Сын же человека этого, малолетний отрок, единственный ребенок его, от болезни страдал. Отец отрока, зная Сергия

и несе и в монастырь къ святому, глаголаше бо: «Аще токмо жива принесу къ человеку Божию, всяко исцѣлѣетъ». Принесъ же его в монастырь, моляше святого въ еже помолитися.

Еще же человеку оному на молбу простирающуся, отроча же, от зелныя болѣзни одръжимо, изнемогъши и издъше. Видѣв же человекь онъ смерть сына своего, всю надежю отложивъ, абие на плачь обратися: «*Увы*! — глаголя, — О человече Божий! Аз вѣрою и слезами въ безмѣрной печали к тебѣ притекох, надѣяся утѣшениа приати, нынѣ же вмѣсто утѣшениа множайшую печаль себѣ наведох. Унее ми бы, яко да в моемъ дому отроча мое умерло бы! Увы мнѣ! Что сътворю? Что сего лютѣйшии или грьшее!» Шед же человекь приготовати раку, в нейже положити умрьшаго сына, мертвеца же остави в келии святого. Святый же умилися о человецѣ оном, преклонь колѣне, начатъ молитися о умрьшем. И вънезаапу отроча оживе, и душа его възвратися, и начат подвизатися.

Прииде же отець отрочати, нося погребалнаа; видѣв же его, святый рече къ нему: «Въскую, человече, подвижешися, не добрѣ расмотряа: отроча твое не умре, но живо есть». Онъ же не емляше вѣры: вѣдяше бо извѣстно, яко умре. И пришед обрѣте его жива, по словеси святаго; и припад к ногама человека Божиа, благодарение ему въздавааше. Святый же к нему глаголаше: «Прелстился еси, о человече, и не вѣси, что глаголеши: отрочя бо твое, носящу ти его сѣмо, на пути студению изнемогши, тебѣ мнится, яко умре. Нынѣ же в теплѣ келии съгрѣявся, мнит ти ся, яко оживе. Преже бо обьщаго воскресениа не мощно есть ожити никомуже». Человекъ же крѣпляшеся, глаголя: «Яко твоими молитвами оживе». Святый же запрѣти ему, рекь: «Аще пронесеши сие, всяко отщетишися и отрока конечнѣ лишишися». Он же обѣщася никомуже извѣстити; и приемъ отроча здраво, отиде в дом свой. Млъчати убо не можаше, проповѣдати же не смѣаше; но тако бѣ в себѣ дивяся, хвалу въздаа Богу, творящему дивная и преславънаа, «яже видѣста, — рече, — очи наши». Увѣдѣно же бысть чюдо сие от иже ученика святаго.

О БѢСНУЮЩИМСЯ ВЕЛЬМОЖИ

Инъ же бѣ вельмужа вдале от лавры преподобнаго отца нашего на рѣцѣ, Волзѣ глаголемѣй. Бѣ же тъй прѣдреченный вельмужа бѣсом мучим *лютѣ*, непрестанно въ дни и въ нощи, яко и желѣзныя ему узы съкрушати. И ничимже могущеи его удръжати, яко 10 или множае мужей крѣпкых: овѣх бо рукама биаше, иных же зубы хапаа. И тако от них отбѣгъ в пустаа мѣста, тамо пребываше, лютѣ мучим от бѣса, дондеже пакы обрѣтаху его и, связавше, ведяху и въ свой ему домь.

Сръдоболие же его слышавше яже о святемь, елика творит Богъ чюдеса его ради, и съвѣщавшася, ведоша и в монастырь къ человеку Божию. Бывшим же на пути многы труды подъяша водящеи его; той же, бѣснуяся, велиимъ гласом

добродетель, понес сына в монастырь к святому, размышляя так: «Если только живым донесу его к человеку Божьему, он обязательно выздоровеет». Принес он сына в монастырь, умоляя святого помолиться.

Но пока человек этот просьбу излагал, отрок, жестокой болезнью страдавший, ослабел и испустил дух. Когда увидел человек этот, что умер сын его, он всякую надежду утратил и заплакал: «Увы! — говорил он. — О человек Божий! Я с верой и слезами в безмерной печали к тебе пришел, надеясь утешение получить, а теперь вместо утешения вверг себя в большую печаль. Лучше бы мне было, чтобы в моем доме отрок мой умер! Увы мне! Что делать? Что этого страшнее или хуже?» Пошел человек приготовить гроб, чтобы положить умершего сына, а тело ребенка оставил в келье. Святой же сжалился над человеком этим, преклонил колени и начал молиться за умершего. И внезапно отрок ожил, и душа к нему возвратилась, и начал он двигаться.

Пришел отец отрока, неся все, что нужно для погребения; увидев его, святой сказал ему: «Зачем ты, человек, трудишься, неверно помыслив: отрок твой не умер, но жив». Тот же не мог поверить: ведь был убежден он, что сын его умер. И пришел он, и нашел сына живым, как сказал святой; и припал он к ногам человека Божьего, благодарность ему принося. Святой же ему сказал: «Ошибся ты, о человек, и не знаешь, что говоришь: потому что отрок твой, когда нес ты его сюда, по пути от холода ослабел, и тебе показалось, что он умер. Теперь же он в теплой келье согрелся, а ты думаешь, что он ожил. Ведь не может ожить никто до общего воскресения». Но человек упорствовал, говоря: «Он твоими молитвами ожил». Святой же запретил ему так говорить, сказав: «Если разгласишь это, сам себе навредишь и отрока окончательно лишишься». Тот обещал никому не говорить; и, взяв отрока здорового, ушел в дом свой. Молчать он не мог, а разглашать не смел; но только про себя удивлялся, хвалу воздавая Богу, совершающему удивительные и славные вещи, «которые видели, — как сказано, — глаза наши». Известно же стало чудо это от ученика святого.

О БЕСНОВАТОМ ВЕЛЬМОЖЕ

Жил далеко от лавры преподобного отца нашего один вельможа на реке, называющейся Волга. Этот самый вельможа от беса мучился жестоко, непрестанно, днем и ночью, так что он даже железные путы разрывал. И ничем не могли его удержать, даже десять или более мужчин крепких; потому что одних он руками бил, других же зубами кусал. Так, от них убегая в пустынные места, он там жил, жестоко мучаясь от беса, пока снова не находили его и, связав, не вели его в дом.

Жалеющие его люди услышали про святого, о том, что творит Бог чудеса ради него, и, поразмыслив, повели безумного в монастырь к человеку Божьему. В пути со многими трудностями столкнулись те, кто вел его; он, беснуясь, гром-

въпиаше: «Оле, нужда сия! Камо мя силою водите, мнѣ же не хотящу ни слышати, колми же видѣти Сергиа отнудь? Възвратите мя пакы в домь мой!» Они же, аще тому и не хотящу, нуждею влечаху его. И егда приидоша близъ монастыря, бѣснуяся, от юзъ разрѣшися и на всѣх устрьмляяся, глаголя: «Не хощу тамо, не хощу! Възвращуся пакы, отнюду же изыдох!» Глас же таковъ испущаше, яко мнѣти распаднутися ему, тѣмь и въ монастыри воплю и кричанию слышатися. Възвѣстиша же святому; блаженный же повелѣ въ било ударити, и братии же съшедшимся, начят пѣти молебенъ о болящем. И оттолѣ бѣснуяйся начат помалу кротѣти. Приведену же ему бывшу въ монастырь, преподобъный изыде изъ церкве, нося крестъ в руцѣ. Егда же знаменаше его, мучимый рыкнув велиим гласом, абие отскочи от мѣста того. Бѣ же близъ мѣста того вода от наводнениа събравшися; еяже видѣвъ, болный въвръжеся в ню, глаголя: «Оле нужда пламени сего страшнаго!» И оттолѣ исцѣлѣ благодатию Христовою и молитвами святого, и разумь его пакы възвратися, начат же глаголати смыслено. Въспросиша же его, о нихже въпиаше, он же повѣствуя, глаголаше: «Яко егда приведосте мя къ преподобному и егда хотяше мя знаменати крестом, тогда видѣх пламень велий, оттуду исходящь, иже всего мя окружи. Тогда въвръгохся в воду: мнѣх бо, яко згорѣти имам от пламени оного».

И тако пребысть в монастырѣ нѣколико дни кроток и смысленъ, благодатию Христовою отиде здравъ в дом свой, радуяся, и славя Бога, и хвалу въздая, яко его ради молитвъ приат исцѣление. Отсюду бо великь бяше общий строитель от вышняа благодати всѣм предлагашеся. Уже бо множьство много стицахуся от различных странъ и град, паче же и весь постничьский ликь, своя жителства оставляюще, и к нему прихождааху, судивше полезнѣйше еже съжительствовати с ним и от него наставитися къ добродѣтели. И не токмо ликь постничьский или велможе, но и до простых, иже на селѣ живущих: вси убо имѣяху его яко единого от пророкъ.

Нѣкогда же святому въ обычнѣмь своем правилѣ бдящу и о братии молящуся, яко да Господь поспѣшит имь въ опхожениих дневных и преспѣаниих. И тако ему молящуся, вечеру сущу глубоку, слыша глас, глаголющь: «Сергие!» Онъ же удивися о необычьном в нощи званию, и сътворивъ молитву, открый келиа оконце, хотя *увѣдѣти* глас бывший. И абие зрит видѣние чюдно: свѣт бо велий явися с небесе, яко всей нощнѣй тмѣ отгнаннѣй быти; и толицѣмь свѣтом нощь она просвѣщена бѣ, яко дневный свѣт превъсходити свѣтлостию. Възгласи же второе, глаголя: «Сергие! Молишися о своих чадѣхь, и Господь моление твое приятъ. Смотри же опасно и виждь множьство инокь въ имя святыа и живоначалныя Троица съшедшихся въ твою паству, тобою наставляеми». Святый же възрѣвъ, и видит множьство птиц зѣло красных, прилѣтѣвших не токмо в монастырь, но и округъ монастыря. И глас убо слышашеся, глаголющь: «Имже образомь видѣлъ еси птица сиа, тако умножится стадо ученикь твоих и по тебѣ не оскудѣют, аще въсхотят стопам твоим послѣдовати».

ким голосом кричал: «О, какое несчастье! Куда вы меня силой ведете, хотя я не хочу даже слышать, а тем более видеть Сергия нисколько? Верните меня снова в дом мой!» Но они, хотя тот и не хотел, силой тащили его. И когда приблизились к монастырю, он, беснуясь, путы разорвал и на всех набросился, говоря: «Не хочу туда, не хочу! Я возвращусь назад, откуда пришел!» Такой он рев издавал, как будто сейчас лопнет, так что и в монастыре вопль и крик был слышен. Сообщили об этом святому; блаженный же повелел в било ударить, и когда братия собралась, он начал петь молебен за больного. И тогда беснующийся начал понемногу успокаиваться. Когда привели его в монастырь, преподобный вышел из церкви, неся крест в руке. Когда же он перекрестил его, безумный зарычал громким голосом и отскочил от места того. А около места того была вода, после дождя собравшаяся; увидев ее, больной бросился в нее, воскликнув: «Какое мучение от пламени этого страшного!» И с тех пор он вылечился по благодати Христа и молитвами святого, и разум к нему вновь возвратился, и начал он говорить осмысленно. Когда же спросили его, почему он кричал, он рассказал так: «Потому что, когда привели меня к преподобному и хотел он меня осенить крестом, тогда я увидел пламя огромное, из креста исходящее, которое всего меня окружило. Тогда я бросился в воду: ведь я думал, что сгорю от пламени этого».

Так он оставался в монастыре несколько дней, кроткий и разумный, и, по благодати Христа, ушел здоровым в дом свой, радуясь и славя Бога, и хвалу воздавая святому, потому что, благодаря его молитвам, он получил исцеление. После этого по Божьей благодати великим стал Сергий общим помощником для всех. И уже многое множество людей стекалось из различных мест и городов, особенно же монахи, свои обители оставляя, к нему приходили, считая, что лучше жить с ним и от него учиться добродетели. И не только монахи или вельможи, но даже простые люди, которые в селах живут: ведь все считали его одним из пророков.

Однажды святой согласно своему правилу бодрствовал и за братию молился, чтобы Господь помог им в трудностях жизни и подвигах. Когда он так молился, уже поздним вечером, услышал он голос, говорящий: «Сергий!» Он удивился необычному для ночи звуку и, сотворив молитву, открыл в келье окошко, желая узнать, чей это голос. И вот узрел он видение чудесное: появился на небе свет яркий, который всю ночную тьму разогнал; и ночь эта озарена была светом, дневной свет превосходившим в яркости. Услышал он вторично голос, говорящий: «Сергий! Ты молишься за своих детей, и Господь моление твое принял. Смотри же внимательно и увидишь множество иноков, во имя святой и живоначальной Троицы собравшихся в твое стадо, которое ты наставляешь». Святой взглянул и увидел множество птиц очень красивых, прилетевших не только в монастырь, но и в окрестности монастыря. И голос был слышен, говорящий: «Как много ты видел птиц этих, так умножится стадо учеников твоих и после тебя не истощится, если они захотят по твоим стопам идти».

Святый же дивляшеся оному неизреченному видѣнию. Съобѣщника же и свѣдетеля устроити хотя сему видѣнию, възгласивъ, призывает предреченнаго Симона, яко близ суща. Симон же удивися старца званию и скоро притече. Но убо всего видѣниа не сподобися, но часть нѣкую свѣта оного узрѣ и зѣло удивися. Исповѣда же ему святый вся по ряду, яже видѣ и яже слыша; и бяху убо вкупѣ радующеся, душею трепещуще от неизреченнаго видѣниа.

О СЪСТАВЛЕНИИ ОБЩАГО ЖИТИА*

По сих же въ единъ от дний приидоша грекы от Коньстянтиня града, от патриарха послани къ святому. Поклонишася ему, глаголюще: «Вселеньскый патриархъ Коньстянтиня града киръ Филофей* благословляет тя». Такоже от патриарха и поминки вдаша ему: крестъ, и парамантъ, и схиму,* по сем и писаниа посланаа вдаша ему. Святый же рече к ним: «Блюдите, еда къ иному послани будете: кто бо есмь аз грѣшный, недостойный таковых даровъ сподобитися от святѣйшаго патриарха?» Они же рѣша: «Мы, отче, никакоже съблазнихомся о тебѣ, святый Сергие. К тебѣ послани есмы». Старець же поклонися до земля. Таже представль пред ними трапезу, и добрѣ учредивъ их, и повелѣ упокоити въ обители. Сам же поиде къ митрополиту Алексѣю, нося принесеное послание отъ патриарха, и вдасть ему, и пришедших повѣда. Митрополиту же послание повелѣвшу прочести; бѣ же написание имуще:

Послание: «Милостию Божиею архиепископъ Коньстянтиня града, вселеньскый патриархъ киръ Филофѣй о Святѣмь Дусѣ сыну и съслужебнику нашего смирениа Сергию. Благодать и миръ и наше благословение да будет с вами! Слышахом еже по Бозѣ житие твое добродѣтелно, зѣло похвалихомь и прославихомь Бога. Но едина главизна еще недостаточьствует — яко не общежитие стяжасте: понеже веси, преподобне, и самый богоотець пророкъ Давидъ, иже вся *обсязавый* разумомъ, ничтоже ино тако възможе похвалити, точию: „Се нынѣ что добро или что красно, но еже *жити* братии вкупѣ".* Потому же и азъ съвѣт благъ даю вамь, яко да съставите общее житие. И милость Божиа и наше благословение да есть с вами».

Старець же въпрашает митрополита, глаголя: «Ты, святый владыко, како повелѣваеши?» Митрополит же отвѣщавъ старцу, рече: «Понеже, преподобне, колика блага сподобился еси, Богу прославляющу славящих его, и до коих странъ достиже имя жительства твоего, и тако ти и великому и вселеньскому патриарху съвѣщевающу на велику ползу зѣло. Мы же множае съвѣтуем ти и зѣло благодарим».

И от того времени убо съставляется въ обители святого общежитие. И устраяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: ового келаря,* и прочих в поварни и въ еже хлѣбы пещи, ового еже немощным служити съ всякым прилежаниемъ; въ церкви же: прьвѣе еклисиарха; еже потом параек-

Святой же дивился такому несказанному видению. Очевидца и свидетеля желая иметь этого видения, Сергий крикнул и позвал известного уже Симона, который близко находился. Симон удивился, что старец зовет его, и скоро пришел. Но все видение не удостоился лицезреть, а только часть света того увидел и весьма удивился. Рассказал ему святой все по порядку, что он видел и что слышал; и вместе они радовались, душой трепеща от неизреченного видения.

О СОЗДАНИИ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

Потом однажды пришли греки из Константинополя, патриархом посланные к святому. Они поклонились ему, говоря: «Вселенский патриарх константинопольский, владыка Филофей, благословляет тебя». Также от патриарха подарки они передали ему: крест, и параманд, и схиму; затем и послание отдали ему. Святой же сказал им: «Подумайте, не к другому ли вы посланы: кто я такой, грешный, недостойный такие дары получить от святейшего патриарха?» Они же сказали: «Мы, отче, ничуть не ошиблись относительно тебя, святой Сергий. К тебе мы посланы». Старец поклонился им до земли. Затем поставил перед ними трапезу, и, хорошо угостив их, он повелел разместить их на отдых в обители. Сам же пошел к митрополиту Алексею, относя послание, полученное от патриарха, и отдал его митрополиту, и сообщил о принесших его. Митрополит же послание повелел прочитать; а написано было следующее:

Послание: «Милостью Божьей архиепископ Константинополя, вселенский патриарх владыка Филофей в Святом Духе сыну и сподвижнику нашего смирения Сергию. Благодать и мир и наше благословение пусть будет с вами! Слышав о твоей в Боге жизни добродетельной, мы весьма восхвалили и прославили Бога. Но одной вещи еще недостает — общежительство у вас не устроено: потому что все, о преподобный, и сам прародитель Бога пророк Давид, который все охватил разумом, ничто другое так не хвалят, только вот что: „Что может быть лучше и прекрасней, чем жить братьям вместе". Поэтому и я совет даю вам, чтобы вы устроили общежительство. И милость Божья и наше благословение пусть будет с вами».

Старец же спрашивает митрополита: «Ты, святой владыка, что повелеваешь?» Митрополит же в ответ сразу сказал: «Поскольку, преподобный, ты таких благ сподобился, так как Бог прославляет славящих его, поскольку дальних мест достигла слава жизни твоей, — поэтому тебе великий и вселенский патриарх дает совет для великой пользы. Мы также настоятельно советуем так сделать и весьма славим тебя».

С этого времени устанавливается в обители святого общежительство. И распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием; в церкви же ставит: во-первых,

лисиарси,* пономонархи же и прочаа. Вся убо сиа чуднаа она глава добре устрои. Повелѣ же твердо блюсти по заповѣди святыхь отець, ничтоже особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся обща имѣти; и прочаа чины вся в лѣпоту чюднѣ украси благоразсудный отець. Дѣла бо сказаниа се есть, а не житиа повѣсть въ множество простреѣти изрядно. Но сие до здѣ да съкратим, на предреченнаа же да възвратимся.

И яко же вся сиа чюдный отець добрѣ устави, число ученикь множашеся. И елико бѣ их множае, толико скровище благых подавааше потребнаа; и елика въ обители приносимаа умножаахуся, толма паче страннолюбнаа възрастааху. И никтоже бо от неимущих, въ обитель приходя, тъщама рукама отхождааше. Николиже блаженный оставляше благотворениа, и служащим въ обители заповѣда нищих и странных доволно упокоевати и подавати требующим, глаголя: «Аще сию мою заповѣдь съхраните без роптаниа, мзду от Господа приимете; и по отхождении моем от житиа сего обитель моя сия зѣло распространится, и въ многы лѣта неразрушима постоит благодатию Христовою». И тако бѣ рука его простерта къ требующим, яко *река* многоводна и тиха струями. И аще кому приключашеся в зимнаа времена она мразу зѣлному належащу, или пакы снѣгу зѣлным вѣтром дыхающу, иже не могуще и внѣ келиа изыти, елико врѣмя пребывающим ту таковыя ради нужа, вся потребнаа от обители приимаху. Страннии же и нищии, и от нихь в болѣзни сущии, на многы дни препочиваху в доволномь упокоении и пищи, еаже кто требоваахy, неоскудно по заповѣди святаго старца; и донынѣ симь тако бывающимь. *Понеже* пути от многъ странъ належащу, и того ради княземь, и воеводам, и воинству бесчисленому — вси приимаху подобающую доволную честную потребу, яко от источникь неисчерпаемых, и в путь грядуще, потребную пищу и питие доволно приимаху. И сиа служащеи въ обители святого с радостию всѣм *подающе* изъобилно. И тако познавающе явленнѣ идѣже потребнаа пребывает въ храмѣх, брашьна и питиа, индѣже хлѣбы и варениа, сиа вся премножахуся благодатию Христовою и чюднаго его угодника святого Сергиа. Мы же на предлежащее възвратимся, настоящее же да глаголеться.

О НАЧАЛѢ МОНАСТЫРЯ ИЖЕ НА КЕРЖАЧѢ

Не по мнозѣ же времени пакы въстает млъва. Ненавидяй добра врагъ, не могый тръпѣти яже от преподобнаго блистающю зарю, зряй себе уничиждаема от преподобнаго, и в помыслъ вложи яко не хотѣти Сергиева старѣйшиньства. Въ единъ же убо от дний, дневи сущу суботѣ, и вечерню пояху; игуменъ же Сергие бѣ въ олтари, облеченъ въ священничьскую одежду. Стефанъ же, брат его, на лѣвом стоаше клиросѣ, и въпроси канонарха:* «Кто ти дасть книгу сию?» Кононархъ же отвѣща: «Игуменъ дасть ми ю». И рече:

екклесиарха, а потом параекклесиархов, пономарей и других. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся.

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных; и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбие увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительности и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: «Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется, и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа». Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег сильным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время он ни оставался здесь из-за такого ненастья, — все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные — все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного его угодника святого Сергия. Мы же к прежнему вернемся и расскажем вот о чем.

ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЯ НА РЕКЕ КИРЖАЧ

В скором времени вновь началось смятение. Ненавидящий добро враг, который не мог терпеть от преподобного сияющую зарю, видя, что его унижает преподобный, в помыслы вложил братьям противиться наставничеству Сергия. В один из дней, — а день был субботний, — вечерню пели; игумен же Сергий был в алтаре, облаченный в священническую одежду. Стефан же, брат его, на левом стоял клиросе и спросил канонарха: «Кто тебе дал книгу эту?» Канонарх же ответил: «Игумен дал мне ее». И сказал Стефан: «Кто игумен в месте этом:

«Кто есть игуменъ на мѣсте семь: не аз ли прѣжде сѣдох на мѣстѣ сем?» И ина нѣкаа изрекъ, ихже не лѣпо бѣ. И то слышавъ святый въ олтари сый, не рече ничтоже. И егда изыдоша из церкви, святый не въниде в келию, но абие изшед из монастыря, никомуже вѣдущу, и устремися единъ путемь, ведущим на Кинелу. И тако приспѣ нощь, и тому на пустыни спящу; заутра же въставъ, иде в путь свой, и прииде в монастырь иже на Махрище.* И проси у Стефана, сущу тому того монастыря нѣкоего брата, могущи сказати ему мѣста пустыннаа. Иже и многа мѣста объшедше, послѣди же приидоста и обрѣтоша мѣсто красно зѣло, имуще и рѣку близ, именем Кержачь, идѣже нынѣ монастырь стоит честное Благовѣщение пречистыа владычица наша Богородица.*

Сергие же, якоже преже рѣхомъ, изшед от монастыря и не обрѣтенъ бысть. Тогда ужасошася зѣло и распустивше повсюду братию искати его, овѣх по пустынямъ, овѣх же въ град: не бо тръпяще таковаго пастыря разлучитися. Един же от братий шед къ Стефану иже на Махрище, хотя увѣдѣти яже о нем. И слышавъ, яко в далнюю пустыню отиде, хотя монастырь строити, и зѣло възрадовася. И от радости хотѣ ити къ святому; но абие пакы *возвращается* в монастырь, яко да и братию утѣшит от скръби, еже за святого. Братиа же яко слышавше о святѣмь, зѣло възрадовашася, и начаша приходити къ нему овогда два, овогда три, овогда же и множае.

Предреченный же отець нашь Сергие преже постави келиа, в них покой приимати от великаго труда. Таже посилает два ученика своа всесвятѣйшему митрополиту Алексию о основании церковнѣмь, прося благословениа. И тако получив благословение, и абие начат дѣлати церковь, прежде молитву рече сице: «Господи Боже силъ, иже древле Израиля многыми увѣривый великыми чюдесы и законодавца своего Моисеа многыми и различными извѣстивъ знаменьми,* иже Гедеону руном образ побѣды показавый!* Сам нынѣ, Владыко-вседѣтелю, услыши мене, грѣшнаго раба своего, молящагося тебѣ! Приими убо молитву мою и благослови мѣсто се, егоже благоизволи създатися въ славу твою, в похвалу же и честь пречистыя ти Матере, честнаго ея Благовѣщениа, да и в томь всегда славится имя твое, Отца, и Сына, и Святого Духа». И кончавъ молитву, и тако дѣло преспѣваше благодатию Христовою. И бяху убо множьство человекь, поспѣшьствующи на дѣло, иноци же и бѣлци, ови келиа зиждущеи, инии же ина потребнаа монастырю. Овогда же и князи, и боляре прихождааху к нему, сребро доволно подааху на строение монастыря. И тако благодатию Божиею въскорѣ церковь поставлена бысть, и множьство братий.

Нѣции же от монастыря Святыа Троица, не тръпяще надлъзѣ духовнаго си учителя разлучение и любовию велиею разгорѣвшеся, идоша въ град къ митрополиту и рѣша: «Владыко святый! Вѣдает святое ти владычьство духовнаго ны пастыря разлучение. Нынѣ же живем, яко овца, не имущи пастыря: священноиноци же, и старци, и святое Богомь събранное братство, не тръпяще

не я ли раньше пришел на место это?» И другие некоторые слова неподобающие произнес. Услышал это святой в алтаре, но не сказал ничего. А когда вышли из церкви, святой не пошел в келью, но сразу же покинул монастырь, так что никто не знал об этом, и отправился один по дороге, ведущей в Кинелу. Так наступила ночь, и он в пустыни спал; утром же, встав, он пошел дорогой своей и пришел в монастырь на Махрище. И попросил у Стефана, который был в том монастыре, какого-нибудь брата, который смог бы показать ему место пустынное. Многие места обойдя, наконец нашли они место, красивое весьма, — и река была поблизости, называющаяся Киржач, где теперь монастырь стоит честного Благовещения пречистой владычицы нашей Богородицы.

Когда Сергий, как мы раньше сказали, ушел из монастыря, хватились и не нашли его. Тогда все весьма встревожились и отправили повсюду братию искать его, — одних в пустыни, других же в город: ведь не могли они с таким пастырем разлучиться. Один же из братьев пришел к Стефану на Махрище, желая узнать о Сергии. И услышал он, что Сергий в далекую пустынь ушел, желая монастырь построить, и весьма обрадовался. И, хотя в радости хотелось ему идти к святому, но он все же назад возвратился в монастырь, чтобы братию утешить в скорби о святом. Когда же братия услышала о святом, она весьма обрадовалась, и начали приходить к Сергию — иногда по два человека, иногда по три, а иногда и больше.

Сам же отец наш Сергий сначала поставил келью, чтобы в покое пребывать после великого труда. Затем он посылает двух учеников своих к всесвятейшему митрополиту Алексею, прося благословения на основание церкви. Получив благословение, он начал строить церковь, сначала молитву произнеся такую: «Господи Боже сил, в древности Израиль обративший к вере многими великими чудесами и законодателю Моисею многие давший знамения, Гедеону с помощью руна победу предсказавший! Ныне, Владыка-вседержитель, услышь меня, грешного раба своего, молящегося тебе! Прими молитву мою и благослови место это, которое по твоему изволению создалось для славы твоей, в похвалу и честь пречистой твоей Матери, честного ее Благовещения, чтобы и здесь всегда славилось имя твое, Отца, и Сына, и Святого Духа». Он закончил молитву, и работа успешно пошла благодатью Христовой. И было много людей, помогающих в этом деле, иноков и мирских, — одни кельи строили, другие же службы монастырские. Иногда же и князья, и бояре приходили к нему, серебра много давали для построения монастыря. Так по благодати Божьей быстро церковь поставлена была, и множество братьев собралось.

Некоторые из монастыря Святой Троицы, не вынося с духовным учителем разлуки и любовью великой возгоревшись, пошли в город к митрополиту и сказали: «Святой владыка! Знаешь ты, святой владыка, о нашей разлуке с духовным пастырем. Сейчас мы живем, как овцы, не имеющие пастыря; священноиноки, и старцы, и святое Богом собранное братство, не вынося разлуки с отцом, уходят из

отчааго разлучениа, отходять от монастыря; и мы убо не тръпим надлъзѣ не насыщатися святого его зрѣниа. Тѣмже аще волиши, Богом данный нам строителю, вели ему пакы възвратитися въ свой ему монастырь, яко да не до конца болѣзнуеми за нь».

Слышав же сиа митрополит от пришедших братий, и не косно, но абие въскорѣ посилает два архимандрита, Герасима и Павла, нѣчто предлагая ему от божественаго Писаниа: тъй бо яко отець учааше и яко сына наказааше. Пришедше же архимандрити тии, и сътворше обычное цѣлование, и рѣша: «Отець твой, Алексие митрополит, благословляет тя. Зѣло, — рече, — възвеселихся, слышавъ твое житие еже въ далнѣй пустынѣ, яко и тамо от многых прославится имя Божие. Но убо довлѣет тобою сътвореннаа церковь и Богом събранное братство, да егоже веси въ добродѣтели искусна от своих ученикъ, того постави вмѣсто себе строителя святому монастырю. Сам же пакы възвратися в монастырь Святыа Троица, яко да не надлъзѣ братиа, скръбяще о разлучении святого ти преподобиа, от монастыря разлучатся. А иже досаду тебѣ творящихь изведу вънь из монастыря, яко да не будет ту никогоже, пакость творящаго ти; но токмо не преслушай нас. Милость же Божиа и наше благословение всегда да есть с тобою». Сиа слышавъ, святый отвѣща имъ: «Сице рците господину моему митрополиту: вся от твоих устъ, яко от Христовых устъ, приму с радостию и ни в чем же преслушаю тя».

Пришедше же архимандрити, възвѣстиша митрополиту реченнаа от святого Сергиа. Тъй же слышавъ, зѣло възвеселися съвръшенному его послушанию; и въскорѣ посылает священникы, и абие освещают церковь въ имя Благовѣщениа пречистыа владычица наша Богородица, иже и донынѣ стоит благодатию Христовою. Избра же Сергий единого от ученикь своих именем Романа и сего посилаеть к митрополиту. И тако благословивъ его на свящьньство и строителя новоначалному монастырю, и оттуду пакы възвращается святый в монастырь Святыа Троица.

Велми бо желааше святый Сергие, яко до будет Исакие молчалникь игуменъ у святого Благовѣщениа. Тъй же никакоже хотяаше, но, якоже рѣхом, любя безмлъвие и млъчание, но зѣло моляше святого, яко да конечнее благословит его млъчати и ничтоже отинудь не глаголати. Святый же по прошению его рече ему: «Чадо Исаакие! Аще млъчанию желаеши, заутра, егда съвръшим божествену службу, ты же прииди на севѣрнаа врата, и тако благословлю тя млъчати». Тъй же, по словеси святого, яко видѣ съвръшившуюся божественую службу, приходит къ севѣрным вратом. Святый же старець, прекрестивь его рукою, рече: «Господь да исплънит желание твое!» И абие егда благословяше его, и видит яко нѣкый великь пламень изшедшь от руку его, иже всего того предреченнаго Исаакиа окруживши. И от того дни пребысть молчя без страсти молитвами святого Сергиа; аще бо нѣкогда хотяаше и с тихостию каково рещи, но възбраним бываше святого молитвами. И тако пребысть млъча вся дни

монастыря; и мы не можем больше не видеть святого его лица. Поэтому если ты соизволишь, Богом данный нам наставник, прикажи Сергию назад вернуться в его монастырь, чтобы не до конца изнемогли мы без него».

Услышал это митрополит от пришедших братьев и немедля посылает двух архимандритов, Герасима и Павла, некоторые поучения посылая Сергию из божественного Писания: ведь митрополит его как отец учил и как сына наставлял. Пришли архимандриты те и, поцеловав Сергия, как принято, сказали: «Отец твой, Алексей-митрополит, благословляет тебя. „Весьма, — сказал он, — обрадовался я, услышав про твою жизнь в дальней пустыни, что и там многими прославляется имя Божье. Но подобают тебе тобой построенная церковь и Богом собранное братство, поэтому, кого ты считаешь в добродетели преуспевшим из своих учеников, — того поставь вместо себя настоятелем святого монастыря. Сам же назад возвратись в монастырь Святой Троицы, чтобы больше братия, скорбя о разлуке со святым твоим преподобием, из монастыря не уходила. А тех, кто досаждает тебе, я изгоню из монастыря, чтобы не было там никого, кто бы обиды тебе наносил; но только не ослушайся нас. Милость же Божья и наше благословение всегда пусть будет с тобой"». Услышав это, святой ответил им: «Так скажите господину моему митрополиту: все, что исходит из твоих уст, как из уст Христа, я приму с радостью и ни в чем не ослушаюсь тебя».

Пришли архимандриты и сообщили митрополиту сказанное святым Сергием. Услышав это, митрополит весьма обрадовался совершенному его послушанию; и быстро посылает священников, и они освящают церковь в честь Благовещения пречистой владычицы нашей Богородицы, — а церковь та и до сего дня стоит по благодати Христа. Избрал Сергий одного из учеников своих, по имени Роман, и посылает его к митрополиту. И вот, благословив его на священничество и игуменство в новооснованном монастыре, оттуда назад возвращается святой в монастырь Святой Троицы.

Весьма желал святой Сергий, чтобы был Исаакий-молчальник игуменом в монастыре святого Благовещения. Тот же никак не хотел, но, как мы сказали, полюбив безмолвие и молчание, упорно умолял святого, чтобы тот наконец благословил его молчать и ничего совсем не говорить. Святой в ответ на просьбу его сказал ему: «Чадо Исаакий! Если молчать желаешь, наутро, когда закончим божественную службу, ты приходи к северным дверям, и я благословлю тебя молчать». Исаакий, следуя словам святого, когда увидел, что закончилась божественная служба, пришел к северным дверям. Святой же старец, перекрестив его рукой, сказал: «Господь пусть исполнит желание твое!» И когда он благословлял Исаакия, то увидел, как некое огромное пламя вышло из руки Сергия и всего Исаакия окружило. И с того дня пребывал тот в молчании бесстрастном благодаря молитвам святого Сергия: если порой и хотел тихо что-нибудь сказать, то запрещали ему это святого молитвы. Так пребывал он в

живота своего, по реченому: «Аз же бых, яко глух, не слыша, и яко нѣмь, не отвръзаа устъ своих».* И тако подвизався великим въздръжанием, тѣло свое удручаа ово постом, ово бдѣнием, ово же млъчанием, конечнее же послушаниемь до послѣдняго своего издыханиа. И тако в том предасть душю свою Господеви,* егоже и въжделѣ от юности своея.

Слышано же бысть в монастыри святого приход, изыдоша братиа въ срѣтение его, егоже и видѣвше мняху, яко второе солнце *возсиавши*. И бѣ от всѣх устъ слышати: «Слава тебѣ, Боже, всѣх промыслителю!» И бяше чюдно зрѣние и умилениа достойно: ови убо бяху руцѣ отцу лобызающе, ини же нозѣ, овии же ризъ касающеся цѣловааху, инии же предтекуще толико от желаниа хотяще зрѣти на нь. Вси убо купно радовахуся и славяху Бога о възвращении своего отца. Что убо отець? Духовнѣ и тъй радовашеся, чада своя зряй събранна.

О ЕПИСКОПѢ СТЕФАНѢ*

Елма же нужда еще другыхь устроений чюдесъ и дара прозорливаго въспомянути, и въ чюдесное повѣдание слово обратим. Настоящее же да глаголется еже о епископѣ Стефанѣ, еже бысть муж добродѣтеленъ, иже житиемь благоговѣинъ, иже из дѣтьства сердечною чистотою свѣтлѣашеся. Се убо многы в добродѣтелех възсиавый Стефанъ, да глаголется, имѣя любовь о Христѣ духом премногу къ блаженному отцу нашему святому Сергию. Нѣкогда же случися ему шествие пути от своея епископиа, Перми глаголемыа, къ господьствующему граду Москвѣ. Путь же онъ, имъже идяше епископъ, отстоит от монастыря святого Сергиа яко поприщь 10* или вяще. И помышляющу ему, скоро в путь грядущу, тогда не быти у святого въ обители, но егда възвратится въ своя, тогда приити въ обитель къ преподобному.

Бывшу же чюдному епископу Стефану противу обители святого, и ставъ сътвори «Достойно есть»* и обычную молитву, и поклонися святому Сергию на ону страну, идѣже житие имѣаше, рекь сице: «Миръ тебѣ, духовный брате!» Случися же тогда блаженному на трапезе съ братиами ясти. Разумѣв же и тъй в тъй час духом, еже сътвори епископъ Стефанъ, и тако на трапезе святый въставъ, мало же постоявъ, и молитву сътворь, и поклонився, рекь: «Радуйся и ты, пастуше Христова стада, и миръ Божий да пребываеть с тобою!» Братиа же удивишяся о необычном въстании святаго прежде уставленаго времене; разумѣша же нѣции от них, яко не туне въста святый, но нѣчто видѣние вамѣниша. По скончании же трапезы начаша ученици его вапрашати его о бывшомь. Он же вся исповѣдаше имь, глаголя: «Яко в сей час епископу Стефану грядущу путем къ граду Москвѣ, и противу монастыря нашего поклонися святѣй Троици и нас смиреных благослови». Назнамена же и мѣсто, в немже сиа быша. Нѣции же от ученикь его гнаша в нареченное мѣсто, хотяще

молчании до конца дней своих, как сказано: «Я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих». Так совершал он подвиги великого воздержания, тело свое удручая или постом, или бдением, или же молчанием, и, наконец, послушанием до последнего своего вздоха. Так он отдал душу свою Господу, к чему и стремился с юности своей.

Когда услышали в монастыре о возвращении святого, вышла братия навстречу ему, и когда увидели они его, то показалось им, что второе солнце воссияло. И из всех уст слышно было: «Слава тебе, Боже, обо всех заботящийся!» И было чудесным зрелище и умиления достойным: потому что одни руки отца лобызали, иные же ноги, а другие к одеждам прикасались и целовали их, а иные впереди шли только из-за желания увидеть его. Все вместе радовались и славили Бога за возвращение их отца. Что же отец? Духом и он радовался, детей своих увидев вместе.

О ЕПИСКОПЕ СТЕФАНЕ

Поскольку нужно еще о других свершившихся чудесах и о даре пророческом святого вспомнить, к чудесному повествованию обратимся. Сейчас же расскажем о епископе Стефане, который был мужем добродетельным, который был в жизни благочестив, который с детства чистотой сердца светился. Этот во многих добродетелях воссиявший Стефан, скажем мы, любил по-христиански духом весьма блаженного отца нашего святого Сергия. Однажды пришлось ему путь совершать из своей епархии, называемой Пермской, к царствующему городу Москве. Дорога же та, по которой шел епископ, находится от монастыря святого Сергия на расстоянии десяти поприщ или больше. И решил он, торопясь в дороге, тогда не заходить к святому в обитель, но когда возвращаться назад будет, тогда побывать в обители у преподобного.

Когда же находился чудесный епископ Стефан напротив обители святого, он остановился, и произнес «Достойно есть» и положенную молитву, и, поклонившись святому Сергию в ту сторону, где тот жил, сказал так: «Мир тебе, духовный брат!» Блаженный же тогда за трапезой с братьями сидел. Уразумел и он в тот час духом, что сделал епископ Стефан, и, от трапезы святой встав, немного постоял, и молитву совершил, и, поклонившись, сказал: «Радуйся и ты, пастух Христова стада, и мир Божий пусть будет с тобой!» Братия же удивилась, что неожиданно встал святой до положенного времени; поняли некоторые из них, что не зря встал святой, но каким-то видением объяснили это. По окончании трапезы начали ученики его спрашивать о случившемся. Он же все открыл им, говоря: «Встал я, когда епископ Стефан шел по дороге к городу Москве и напротив монастыря нашего поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил». Он указал и место, где это случилось. Некоторые из учеников его поспешили к названному месту, желая точно узнать; догнав

извѣстно увѣдати; достигше же ихже съ епископомь, въпрашаху, аще истинна есть. И извѣстно увѣдаша истинну бывшую, реченную святым; и тако дивящеся о прозорливѣм дару, егоже сподобися святый. И хвалу въздаша Богу, яже творит святымъ своим угодникомь.

НАЧАЛО АНДРОНИКОВА МАНАСТЫРЯ

Потреба же есть и се сказати о съставлении монастырей от ученикъ блаженаго, въ предводящее слово скажет; прежде начнѣм о ученицѣ его, преподобнѣмь Андроникѣ именем. Сий бо бяше града и отечьства святого Сергиа; и убо юнъ сый възрастом, прииде къ блаженному отцу в монастырь, иночьскаго житиа сподобляется от него. И многа лѣта пребывъ у него въ съвръшеномъ послушании, всякыми добродѣтелными украшенъ сый. Тѣмъ и святый зѣло любляше его ради добраго его произволениа и цвѣтущих в немь добродѣтелий; и моляше Бога о нем отець, еже съвръшити ему доброе течение. И по многых лѣтех сьй убо чюдный мужь Андроникъ, желаниемь побѣжаемь еже обитель сътворити и общежитие в ней съставити, и сиа помышляа въ умѣ своемь, и на Бога възлагааше, глаголя: «Аще будет угодно Богу се, может и на дѣло произвести».

И сиа убо тако помышляющу ему, прииде же нѣкогда къ преподобному Сергию Алексие митрополит въ обитель посѣщениа ради: имяше бо всегда любовь къ святому премногу и съузъ духовны, о всем съвѣтъ творяше с ним. И тако бесѣдующема има к себѣ, и прииде до сего митрополит, рече къ святому: «Възлюбленне! Едино хощу просити у тебе благодѣтельство, яко да дарует ми духовнаа ти любовь». Старець же къ архиерѣю отвѣща: «Святый владыко! В руку твою вси есмы, и ничтоже възбранено святыни ти». Архиепископъ же рече: «Хощу бо, аще ми Богъ поможет, начати и устроити монастырь. Случи бо ся нѣкогда, пловущим намь от Коньстянтиня града къ Рускым странам,* къ своей митрополии, вѣтру же велию бывшу в мори, яко и кораблю съкрушатися от зѣлнаго влънениа. И всѣмь смертию яростнѣ претящи, и вси иже в корабли начаша молити Бога. С ними же и аз в нужди зѣлнѣ тако же начях всесилнаго молити Бога, яко да избавит ны належащаа скръби; и обѣт свой дах Богу: вънже день доправит Господь въ пристанище котораго святого, въ то имя създати церковь. И от того часа преста море от влънениа своего и в тишину велию преложися, и достигохомь въ пристанище месяца августа 16. И хощу исплънити обѣт свой: церковь поставити въ имя Нерукотворенаго Образа Господа нашего Исуса Христа, и устроити хощу монастырь, и съставити благодатию Христовою обьщежитие. И прошю от твоеа любве, да даси ми възлюбленнаго ти ученика и мнѣ желаема Андроника».

Святый же прошениа святителя не преслуша, вдасть ему Андроника. Митрополит же вдавъ милостыню доволну в монастырь, и отиде, поим Андронника съ собою. И обрѣте мѣсто благоугодно къ строению монастырьскому на

тех, кто шел с епископом, они спросили, правду ли сказал Сергий. И они точно узнали, что поистине было так, как сказал святой; они же удивлялись пророческому дару, которым был наделен святой, и хвалу воздали Богу за чудеса, которые он совершает через святого своего угодника.

НАЧАЛО АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ

Необходимо рассказать и о создании монастырей учениками блаженного, и в дальнейшем об этом будет сказано; сначала же начнем повесть об ученике его, по имени преподобный Андроник. Он происходил из города и мест святого Сергия; и, еще юным будучи, он пришел к блаженному отцу в монастырь и в иноки был пострижен Сергием. И многие годы он оставался в полном послушании, всякими добродетелями будучи украшен. Поэтому и святой очень любил его из-за доброго его нрава и цветущих в нем добродетелей; и молил Бога за него отец, чтобы была славной его жизнь. И через много лет этот чудесный муж Андроник желание возымел обитель создать, и общежительство в ней устроить, и об этом размышлял про себя, и на Бога надеялся, говоря: «Если будет угодно Богу, он сможет и в жизнь это воплотить».

В то время, как он однажды размышлял об этом, пришел к преподобному Сергию Алексей-митрополит в обитель навестить его: ведь он всегда был исполнен любви великой к святому и был с ним в близости духовной, обо всем советовался с ним. Так беседовали они между собой, и наконец митрополит сказал святому: «Возлюбленный! Одно хочу просить у тебя благодеяние, чтобы оказала мне его духовная твоя любовь». Старец же архиерею ответил: «Святой владыка! В руках твоих все мы, и ничто не запрещено святыне твоей». Архиепископ же сказал: «Хочу я, если мне Бог поможет, основать и устроить монастырь. Однажды, когда плыли мы из Константинополя в Русские земли, в свою митрополию, ветер сильный бушевал в море, так что корабль был в опасности от большого волнения. И всем смерть страшная грозила, и все на корабле начали молиться Богу. С ними и я в бедствии великом также начал молиться всесильному Богу, чтобы он избавил нас от грозящей беды; и обет свой дал Богу: в день какого святого поможет Господь достигнуть пристани, в честь того святого создать церковь. И в тот же час прекратилось в море волнение, и спокойствие великое наступило, и мы достигли пристани месяца августа в шестнадцатый день. Я хочу исполнить обет свой: церковь поставить в честь Нерукотворного Образа Господа нашего Иисуса Христа, и устроить хочу монастырь, и создать по благодати Христа общежительство. И я прошу у твоей милости, чтобы ты дал мне возлюбленного твоего ученика и мне угодного Андроника».

Святой же просьбой святителя не пренебрег и отдал ему Андроника. Сделав большой вклад в монастырь, митрополит ушел, взяв Андроника с собой. И он нашел место подходящее для построения монастыря на реке Яузе. Сначала

рецѣ Яузѣ. Первѣе създана бысть церкви в лѣпоту во имя великаго Господа Спаса нашего Исуса Христа честнаго его Образа Нерукотворенаго. И ту чюднѣ украси и честную икону образа Христова, юже сам принесе от Констянтиня града, чюдну и златом украшену въ церкви постави, еже и донынѣ стоит благодатию Христовою. Вручив же старѣйшинство предреченному Андронику,* и вся елика на потребу монастырьскаго строениа дарова ему; и тако общежитие съставляется. По малѣ же времени прииде святый Сергие видѣти строение ученика своего на оно мѣсто, и видѣвъ, похвали и благослови, глаголя: «Господи, призри с небесе, и виждь, и посѣти мѣсто сие, егоже благослови — изволи създатися въ славу святого ти имени». И поучивъ о плъзѣ, и пакы възвратися въ свою лавру.

И тако повсюду исхождаше слава велиа о чюдномь Андроникѣ строении, яко многым къ нему сътицатися. Он же вся добрѣ управляа, и елико стадо множашеся, толико подвигом болшим онъ приимашеся, въздръжанию зѣлному прилежа, и всенощному бдѣнию, посту же и молитвѣ. И кто исповѣсть, елика онъ добрый муж собою исправи? Коегождо бо яко отець наказуя и обще съглашение творя; запрещаше же и моля, въставляа на невидимыа врагы и тяготы всѣх нося: бяше бо образомь кротокъ, такова бо учителя кротка благоразумный ученикь. Братству же умножающуся премногу, и бысть монастырь великъ, славенъ благодатию Божиею и строением добродѣтелна мужа Андроника. И тако благоугоднѣ поживе лѣта доволна и въручениое Богомь стадо ему добрѣ успасъ, разумѣвъ еже къ Господу свое исхождение, и вручаеть паству своему ученику, Савѣ именем,* въ добродѣтелехь зѣло сиающу. И наказавъ о плъзѣ, къ Господу отиде, егоже от младенства възлюби, месяца июля въ 13.

Такоже и сей преподобный отець нашь великый в добродѣтелехъ Сава съдръжаше преданую ему паству въ благочестии, и чистотѣ, и въ святости мнозѣ. И от великодръжавных князей, и въ вся страны всѣми почитаем бысть ради великих его добродѣтелий и чюднаго и изряднаго его житиа. И наипаче умножися стадо его добродѣтелных мужей, великых, честных, от нихже мнози произведени бывша въ честнаа мѣста на игуменьства, ови же и на епископьства. И тако многолѣтнѣ и богоугоднѣ благочьстнѣ поживъ, к Господу отходит, еже по смерти и чюдеса показавъ. От сих едино явлено скажемь: нѣкый бо от ученикь его, егоже мнози свѣдят в наша лѣта, священноинокъ именем Ефрѣмь, от бѣса блуднаго страстию борим бѣ.* И вѣрою влекомь, притече къ гробу преподобнаго Савы, и призывает отца, да поможет ему злѣ страждущу; и скоро тьй час получи исцѣлѣниа.

По времени же въ оной обители бывшу игумену Александру,* ученику предпомянутаго игумена Савы, мужу добродѣтелну, мудру, изрядну зѣло, и такоже и другому старцу его, именем Андрѣю, иконописцу *преизрядну*,* всѣх превъсходящу въ мудрости зѣлнѣ, и сѣдины чьстны имѣя, и прочии мнози. Сима

создана была церковь на диво в честь Образа Нерукотворного великого Господа Спаса нашего Иисуса Христа. Церковь ту он чудесно украсил и честную икону образа Христова, которую он сам принес из Константинополя, чудесную и золотом украшенную, в церкви поставил, и до сих пор стоит икона по благодати Христа. Поручив наставничество тому Андронику, он все, что нужно для устройства монастыря, даровал ему; и так образовалось общежительство. Вскоре пришел святой Сергий на то место посмотреть сделанное учеником его, и увидев, похвалил его и благословил, говоря: «Господи, взгляни с неба, и посмотри, и посети это место, которое по твоему соизволению создалось для славы святого твоего имени, и благослови его». И, дав полезные наставления, он назад возвратился в свою лавру.

Так повсюду распространилась слава великая о чудесном Андроника монастыре, так что многие к нему стекались. Он же всем хорошо управлял, и насколько стадо умножалось, настолько в больших подвигах он упражнялся, в воздержании великом усердствовал, и во всенощном бдении, в посте и молитве. И кто расскажет, какие подвиги этот славный муж совершил? Каждого он как отец наставлял и общее согласие поддерживал; он заповедовал и умолял, вооружал на невидимых врагов и тяготы всех носил: ведь он был образцом кротости; такого кроткого учителя благоразумный ученик. Братство же умножалось все больше, и стал монастырь великим и славным из-за благодати Божьей и стараний добродетельного мужа Андроника. Так он благочестиво прожил долгие годы, хорошо охраняя порученное ему Богом стадо; предчувствуя же к Господу свой уход, он вручает стадо своему ученику, по имени Савва, в добродетели весьма прославившемуся. И, дав полезные наставления, он к Господу, которого с младенчества возлюбил, отошел месяца июля в тринадцатый день.

И этот преподобный отец наш великий в добродетелях Савва также руководил переданным ему стадом в благочестии, и чистоте, и в святости большой. И великими князьями, и во всех местах он всеми почитаем был из-за великих его добродетелей и чудесной и славной его жизни. И еще больше умножилось стадо его добродетельных мужей, великих, честных, из которых многие произведены были в честных местах в игумены, а другие в епископы. Так много лет богоугодно и благочестиво пожив, он к Господу отошел, а после смерти чудеса творил. Из них об одном расскажем: некий из учеников его, которого многие знают ныне, священноинок по имени Ефрем, бесом блудным, плотской страстью, одолеваем был. Верой побуждаемый, он пришел к гробу преподобного Саввы, и он призывает отца, чтобы тот помог ему в жестоких страданиях: и быстро в тот час получил исцеление.

Позднее в той обители был игуменом Александр, ученик упомянутого выше игумена Саввы, муж добродетельный, мудрый, славный весьма; был там и другой старец, по имени Андрей, иконописец необыкновенный, всех превосходящий мудростью великой, в старости честной уже, и другие многие. Они

добре строящима обитель, благодатию Христовою и Богу помагающу. Създаста въ обители своей церковь камену зѣло красну и подписанием чюдным своима рукама украсиша в память отець своих, еже и донынѣ всѣми узрится, въ славу Христу Богу. И сиа тако симь чюдным приснопоминаемым мужем устроившим, и богоугодно поживше, къ Господу отидоша, къ обители отець своих, и съ ними да сподобит ихь обещником быти памяти их и небеснаго царьствиа. Сиа же до здѣ.

НАЧАЛО СИМОНОВЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Преже убо бесѣдовахом вамъ еже о Стефанѣ, по плоти брату святого, иже приведе сына своего Феодора лѣтом суща 12 и въдасть его в руцѣ святому Сергию; он же и сподоби его иночьскому образу. И тако пребывающу ему у святого въ свершеном послушании, житие добродѣтелно проходя, тѣло свое изнуряа зѣлным въздръжаниемь, яко и дивитися множѣмь о нем. Чюдно же бѣ и о сем: яко никогдаже свой помыслъ от преподобнаго утаити ему, аще в нощи, аще въ дни. Бывшу же ему въ чину съвръшену и священьству сподобльшуся, прихожаше ему помыслъ еже бы изобрести мѣсто и съставити монастырь общежитие. И пришед исповѣда преподобному помыслъ свой, и се не единою, но и многажды. Святый же, яко видѣ належащь на сие помыслъ его, помышляше нѣчто Божие быти.

И по времени же мнозѣ благоразумный пастырь благословляет Феодора и отпущает; и елици въсхотѣша с ним братиа идоша, да идѣже възлюбит. Обрът мѣсто зѣло красно на строение монастырю близъ рекы Москвы, именемъ Симоново. Сиа слышавъ, святый прииде видѣти мѣста, и видѣ угодну быти мѣсту къ сътроению оному, повѣлѣвает ему. Феодор же благословение от архиерѣа получивъ и създавъ церковь на том мѣсте въ имя пречистыа владычица наша Богородица честнаго ея Рожества. И тако съставляет монастырь* вся по чину стройнѣ и зѣло изърядно; и общежитие учини, якоже подобает по преданию святых отець, въ славу Божию монастырь чюденъ. И множество *братии* от различных странъ събирахуся, понеже слава премнога въ вся страны о Феодоре простирашеся, яко мнози приходяще велику ползу приемлюще от него наставляеми.

И бѣ видѣти Феодора изрядна въ добродѣтелех сиающа, и въ телѣсном възрастѣ и благолѣпии мнозѣ, и въ премудрости и разумѣ много разсудителна. И тако многых его ради добродѣтели от всѣх почитаем бѣ, и день от дни и превъсхожаше слава о нем, яко нѣкогда и старцу святому Сергию болѣзновати о чести и славѣ много о нем; и молитвы непрестанно къ Богу всылаше, въ еже съвръшити ему течение без претъкновениа. Мнози же ученици Феодоровѣ въ добродѣтелѣх зѣло провосиаша изряднѣ, яко произведеным быти въ честныя игуменства, но и на епископьства въ великодръжавныя грады. Въ нѣкое же

хорошо управляли обителью, поддерживаемые благодатью Христовой и Божьей помощью. Создали они в обители своей церковь каменную, весьма красивую и росписями чудесными своими руками украсили ее на память об отцах своих, а церковь и сегодня все видят, во славу Христа Бога. Так все те чудесные незабвенные мужи устроили и, богоугодно прожив, к Господу отошли, в обитель отцов своих, и пусть удостоит их Бог соучастниками быть славы отцов и небесного царства. Вот и все об этом.

НАЧАЛО СИМОНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Раньше мы рассказывали вам о Стефане, родном брате святого, который привел сына своего Федора в возрасте двенадцати лет и отдал его в руки святому Сергию; а тот постриг его в иноки. Так оставался Федор у святого в полном послушании, жизнь добродетельную вел, тело свое изнурял великим воздержанием, так что удивлялись многие этому. Удивительно было и вот что: никогда он свои помыслы от преподобного не утаивал — ни ночью, ни днем. Когда же он достиг совершенства и священничества удостоился, появилось у него желание найти место и основать монастырь общежительный. И пришел он, и признался преподобному в мыслях своих; и так было не один раз, но многократно. Святой же, видя упорное таковое желание его, подумал, что это от Бога.

И по прошествии многого времени благоразумный пастырь благословляет Федора и отпускает; и кто из братии захотел, пошел с ним, куда он решит. Он же нашел место очень красивое для построения монастыря, по имени Симоново, около реки Москвы. Услышав об этом, святой пришел посмотреть место это, и, увидев, что подходит место для создания монастыря, он повелел Федору строить. Федор же благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте в память честного Рождества пречистой владычицы нашей Богородицы. Так он устраивает монастырь, все в нем, как полагается, и весьма основательно; и общежительство организовал, как подобает по преданию святых отцов, — для славы Божьей монастырь чудесный создал. И множество братьев из различных мест собралось, потому что слава великая во всех местах о Федоре распространялась, так что многие приходили и великую пользу получали от его наставлений.

И видели Федора светло в добродетелях сияющим, в зрелости и благолепии многом, весьма премудрого и умом рассудительного. Так из-за многих его добродетелей он всеми почитаем был, и день ото дня росла слава о нем, так что порой старец святой Сергий весьма беспокоился о чести и славе его; и молитвы непрестанные к Богу обращал, чтобы не случилось какого-либо Федору преткновения. Многие же ученики Федора в добродетелях прославились великих, так что произведены были в честные игумены, а также в епископы в больших городах. Однажды пришлось этому чудесному мужу Федору в Царь-

время прилучися сему чюдному мужю Феодору въ Царѣградѣ быти; и тамо от патриарха киръ Нила вселеньскаго велми почтенъ бысть и въ архимандритѣх въ всѣх русскых старѣйшиньству сподобляеться, въ еже Симановьскый честнѣйши монастырь в Руси Феодоровъ строится въ патреарше имя.* И въ время строениа на другомъ мѣсте основана бысть церковь камена архимандритом Феодоромъ, чюдна зѣло, въ имя пречистыя Богородица честнаго ея Успениа. И тако сему бывающу, на томъ мѣстѣ благодатию Христовою устроенъ бысть монастырь* славенъ, въ еже и донынѣ от всѣхь зрится и почитается. Мы же на предлежащее възвратимся, о немже намъ слово.

По времени же Феодоръ, архимандритъ честный, възведенъ бысть на архиерейство града Ростова,* и тако пребысть лѣта доволна чьстнѣ зѣло, яко же свѣтилнику на свѣщницѣ сиающу. И тако упас добрѣ врученную ему паству, къ Господу отиде в лѣто 6903 месяца ноября в 28. Сиа же до здѣ съкратим о Симоновьской обители; подобающее же да приложится здѣ.

О ВИДѢНИИ АГГЕЛА, СЛУЖАЩЕ СЪ БЛАЖЕНЫМ СЕРГИЕМ

Иногда же еще пребывающу Феодору освященному въ обители у блаженнаго Сергиа, служащу святому Сергию божественую литургию съ предреченным Стефаном, братом своимь по плоти, и сему Феодору, сроднику его с ним. Предреченному же Исакию молчалнику стоящу въ церкви, якоже прежде помянухом, мужю добродѣтелну ему сущу зѣло, и сего ради откровено бысть ему: зрит въ олтари четвертаго служаща с ними мужа чюдна зѣло, емуже видѣние странно и несказанно, въ свѣтлости велицей, и образомь сиающа, и ризами блистающася. И бывшу прьвому въходу, и тъй аггелообразный и чюдный муж изыде вьслѣд святого, емуже сиающе, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь; ризы же его необычны, чюдны, блистающеся, в них же мечтание златостройно зрится. И се въпрашаеть Исаакие близ стояща отца Макариа: «Что зрѣние се чюдное, отче? Кто есть зримый и чюдный съй муж?» Макарие же сподобленъ бысть сего зрѣниа, муж в велицѣй свѣтлости дѣлании, рече: «Не вѣдѣ, чадо, ужасно бо видѣние и не исповѣдимо зрю, но мню его, чадо, съ князем пришедша»; бѣ бо тогда Владимеръ в монастыри.* Приступльша же въпросиша нѣкоего, иже съ князем, аще есть священник с ним пришедый; и рекоша: «Ни». И о сем истинно увѣдѣша, аггела Божиа быти служаща с ними.

И нынѣ нѣсть потреба глаголати; и якоже по скончании святыа литургиа получивше подобно врѣмя, наединѣ приступивше къ святому Сергию они ученици его, иже бывше достойнѣ чюднаго зрѣниа, въпрашают его о сем. Онъ утаити хотя, глаголя: «Что видѣсте чюдно, *чада*? Служившу божественую литургию Стефану, брату моему, и сыну его Феодору, и мнѣ недостойному с

граде быть; и там вселенским патриархом, владыкой Нилом, он очень почтен был и среди архимандритов всех русских высшей чести удостоен, потому что на Руси Симоновский досточтимый монастырь Федора переходит в подчинение патриарха. И во время устройства монастыря на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Федором, прекрасная весьма, в память честного Успения пречистой Богородицы. Так все это сделано было, и на том месте по благодати Христа устроен был монастырь славный, который и сегодня все видят и почитают. Мы же к прежнему возвратимся, о чем речь идет.

Позднее же Федор, архимандрит честный, возведен был в архиереи города Ростова, и так прожил он долгие годы весьма славно, как свеча на подсвечнике горящая. Так он достойно пас порученное ему стадо и к Господу отошел в год 6903 (1395), месяца ноября в двадцать восьмой день. Мы же теперь прекратим этот рассказ о Симоновской обители и к следующим событиям обратимся теперь.

О ВИДЕНИИ АНГЕЛА, СЛУЖАЩЕГО С БЛАЖЕННЫМ СЕРГИЕМ

Однажды, когда еще жил Федор священный в обители у блаженного Сергия, служил святой Сергий божественную литургию с выше упоминавшимся Стефаном, братом своим родным, и с этим Федором, родственником своим. Известный же Исаакий-молчальник стоял в церкви; и поскольку он был, как мы раньше сказали, муж добродетельный весьма, откровение было ему: видит он в алтаре четвертого служащего с ними мужа, чудесного весьма, а облик его — удивительный и несказанный, светлости великой, — и внешностью он сиял, и одеждами блистал. И во время первого выхода этот ангелоподобный и чудесный муж вышел вслед за святым, и сияло, как солнце, лицо его, так что Исаакий не мог на него смотреть; одежды же его необычны — чудесные, блистательные, а на них узор златоструйный видится. И вот спрашивает Исаакий поблизости стоящего отца Макария: «Что за видение это чудесное, отче? Кто этот явившийся чудесный муж?» Макарий же, удостоенный этого видения — мужа великой светлости, — сказал: «Не знаю, чадо, ужасное видение и несказанное я вижу, но думаю, чадо, что он с князем пришел»; ведь тогда был Владимир в монастыре. Они подошли и спросили одного из людей князя, с ними ли пришел священник; и ответил тот: «Нет». И точно узнали они, что ангел Божий служил в алтаре.

Но тогда нельзя было говорить; а по окончании святой литургии, улучив подходящий момент, наедине подошли к святому Сергию те ученики его, которые были удостоены чудесного видения, и спросили его о том, кто это. Сергий утаить хотел, говоря: «Что вы увидели чудесного, чада? Служил божественную литургию Стефан, брат мой, и сын его Федор, и я, недостойный, с

ними, иному же никому служащему священнику с нами». Ученици крѣпляахуся, моляще святого, да извѣститъ имъ, глаголя: «О чада любимаа! Аще Господь Богъ вам откры, аз ли могу се утаити? Егоже видѣсте, аггелъ Господенъ есть; и не токмо нынѣ днесь, но и всегда посѣщением Божиимь служащу ми недостойному с ним. Вы же, еже видѣсте, никому же повѣдайте, дондеже есмь в жизни сей». И тако удивишася зѣло.

Сиа же сказаниа пред ним послѣдують, о съставлении монастырей от ученикь святого, емуже на Дубенкѣ; сему же монастырю начало сказанию сие.

О ПОБѢДѢ ЕЖЕ НА МАМАА И О МОНАСТЫРѢ, ИЖЕ НА ДУБЕНКѢ

Бысть убо Богу попущающу за грѣхы наша, слышано бысть, яко ординьскый князь Мамай въздвиже силу велику, всю орду безбожных татаръ, идет на Рускую землю; и бяху вси людие въ страсѣ велицѣ утѣсняеми. Князь же великодръжавный, иже тогда скыпетры Русскых странъ обдержа, достохвалный и побѣдоносный, великий Дмитрей да глаголется.* Сей убо прииде къ святому Сергию, якоже велию вѣру имѣа къ старцу, въпросити его, аще повелитъ ему противу безбожных изыти: вѣдяше бо мужа добродѣтелна суща и даръ пророчьства имуща. Святый же, яко услыша сиа от великого князя, благословивъ его, молитвою въоружив, и рече: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Поиди противу безбожныхь, и Богу помагающу ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечьство с великыми похвалами възъвратишися». Великый же князь рече: «Аще ми Богъ поможет, отче, поставлю монастырь въ имя пречистые Богоматере». И сиа рекъ, въсприемь благословение, отиде, поиде скоро.

И тако събравъ вся воя своа, приспѣ противу безбожных татаръ: и увидѣвъ силу их зѣло множество, сташа *сомнящеся*, страхомь мнози от них обиати быша, помышляюще, что сътворити. И се внезаапу въ той час приспѣ борзоходець с посланием от святого, глаголюще: «Без всякого съмнѣния, господине, съ дрьзновениемь поиди противу свирѣпьства их, никакоже ужасатися, всяко поможет ти Богъ». И абие князь великый Дмитрие и все воиньство его, от сего велику дрьзость въсприимше, изыдоша противу поганых, сие слово рекь: «Боже великый, сътворивый небо и землю! Помощникь ми буди на противъникы святому ти имени». И тако сразившеся, многа телеса падааху, и Богу помогшу великому побѣдоносному Дмитрею, и побѣждени быша погании татарове и конѣчнѣй пагубѣ предани быша: видѣвше бо окааннии на себѣ богопустный гнѣвъ и Божие негодование, вси на бѣжание устремишася. Крестоносная же хоруговь доволно гнавъ въслѣд спротивных, множьство бесчислено убиваше: овии же язвени отбѣгоша, иных же живых руками яша. И бяше чюдно зрѣние и дивна побѣда; иже преже блистающася оружиа, тогда же вся

ними, а больше никакой священник не служил с нами». Ученики же упорствовали, умоляя святого, чтобы он сказал им, и тогда он открылся: «О чада любимые! Если Господь Бог вам открыл, смогу ли я это утаить? Тот, кого вы видели, — ангел Господень; и не только сегодня, но и всегда по воле Божьей служу с ним я, недостойный. Но то, что вы видели, никому не рассказывайте, пока я не уйду из жизни этой». Ученики же удивлены были весьма.

Эти рассказы о создании монастырей учениками святого должны следовать за рассказом об основании монастыря, который был на Дубенке; а о начале этого монастыря рассказ вот какой.

О ПОБЕДЕ НАД МАМАЕМ И О МОНАСТЫРЕ НА ДУБЕНКЕ

Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь Пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря, и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело выступай против свирепости их, нисколько не устрашаясь, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь на противников святого твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни ранеными убежали, других же живыми в плен захватили. И было чудесное зрелище и удивительная победа; те, кто прежде блистали оружием, тогда все были

окровавлена кровьми иноплеменных, и вси образы побѣды ношааху. И зде збысться пророчьское слово: «Единъ гоняше тысящу, а два тму».*

Святый же тогда по предреченному, яко прозорливый имѣя даръ, вѣдяше, яко близ вся бываемаа. Зряше издалече, бяше растоаниа мѣстом и многы дни хождениемь, на молитвѣ съ братиею Богу предстоа о бывшей побѣдѣ на поганыхь. Малу же часу мимошедшу, яко до конца побѣжени быша безбожнии, вся предсказоваше братиам бывшаа святый: побѣду и храборство великого князя Дмитриа Ивановича, преславно побѣду показавша на поганых, и от них избиеных сих по имени сказа и приношение о них всемилостивому Богу принесе.

Достохвалный же и побѣдоносный великый князь Дмитрие, славну побѣду на съпротивныа варвары възем, възвращается свѣтло в радости мнозѣ въ свое отечьство. И незамедлено прииде къ старцу святому Сергию, благодать въздаа ему о добром съвѣщании, и всесилнаго Бога славляше, и о молитвах благодаряше старца и братию, в веселии сердца бывшаа вся исповѣдаше, како възвеличи Господь милость свою на нем; и милостыню многу в монастырь дасть. И тако въспоминает желателно *великодрьжавный старцу, о немже обѣщася, хощеть скоро на дѣло извести, пречистей Богоматери монастырь во имя ея устроити, гдѣ обрѣтается мѣсто угодно къ строению. Старецъ же* Сергие шед, поискавъ, обрѣте мѣсто угодно на рецѣ, зовомой Дубенкѣ;* и възлюблениемь великого князя на том мѣстѣ святый Сергие церковь постави въ имя пречистыя Богоматере, Успение владычица нашеа Богородица. В малѣ времени помаганиемь потребным великодрържавнаго бысть монастырь чюденъ, всѣм исплъненъ. Вручи же святый игуменъство от ученикъ своих, Савѣ именем,* мужу зѣло добродѣтелну; състави *общежитие в лѣпоту зело, якоже подобаетъ въ славу Божию. И множеству братству собравшуся, потребнаа* доволна милостию *Пречистыа* и донынѣ имуще. Сиа же до здѣ.

О ГОЛУТВИНЬСКОМЬ МОНАСТЫРѢ

Въ ино же время великодръжавный, о немже намь слово, князь великый Дмитрие умоли святого старца Сергиа, да на Коломнѣ, въ отечьствѣ его, на мѣстѣ, именем Голутвинѣ,* шед благословитъ мѣсто поставити монастырь въ имя святого Богоявлениа, и сам мѣсто благословит и церковь въздвигнет. Преподобный же яко имѣа всегда обычай пѣшь хожаше; и послуша великого князя вѣры его ради и любве, иде на Коломъну, благословляет мѣсто, егоже великодръжавный възлюби, церковь же въздвиже въ имя святого Богоявлениа. Умоленъ же бывъ от него, да дастъ от ученикъ своих единаго на строение монастыря, и вдастъ ему от ученикъ своих единого, Григориа священноинока, мужа благоговѣйна, въ многих *добродѣтелехъ* исплънена. И тако

окровавлены кровью иноплеменников, и все трофеи победные носили. И тут сбылось пророческое слово: «Один преследовал тысячу, а двое тьму».

Святой же, как было сказано, пророческим обладая даром, знал обо всем, словно находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, все предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых по имени назвал Сергий, и службу за них всемилостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу над враждебными варварами одержав, возвращается весело в радости большой в свое отечество. И незамедлительно он пришел к старцу святому Сергию, благодарность принеся ему за добрый совет, и всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца о случившемся все рассказывал, — как показал Господь милость свою к нему; и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает о своем желании великий князь старцу и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить, — в честь Пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергий пошел и, поискав, нашел место подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергий церковь поставил Успения владычицы нашей Богородицы, в честь Пречистой Богоматери. В скором времени, благодаря помощи необходимой великого князя, возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему, по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежительство на удивление хорошо, как подобает для славы Божьей. И многочисленное братство собралось, а необходимое они достаточно по милости пречистой Богородицы и до сих пор имеют. Об этом все.

О ГОЛУТВИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

В другой раз великодержавный князь великий Дмитрий, о котором идет речь, просил святого старца Сергия, чтобы он пошел и благословил место для построения монастыря в честь святого Богоявления в Коломне, в вотчине его, на месте, называемом Голутвино, и чтобы он сам место это благословил и церковь поставил. Преподобный же имел обыкновение всегда пешком ходить; и послушался он великого князя из-за веры его и любви, пошел в Коломну, благословляет место, которое великий князь облюбовал, и церковь поставил в честь святого Богоявления. Просил его князь, чтобы дал Сергий из учеников своих одного для устройства монастыря, и дал ему святой из учеников своих одного, Григория-священноинока, мужа благочестивого, многими добродетелями исполненного. И вскоре многочис-

въскорѣ множество братьство събравшеся, и съставлено бысть общежитие Божиею благодатию, монастырь честенъ зѣло от всѣх и великому князю възлюбленъ, и донынѣ исплъненъ всякого блага. И по времени церковь създана бысть камена, еже есть и донынѣ. О сем же тако бывшу.

О МОНАСТЫРѢ О ВЫСОКОМЪ

Ниже сие подобаеть умлъчати о Высокомъ монастырѣ, еже предводящее слово скажеть. Въ ино время предреченному великоименитому князю Владимеру* умолившу святого Сергиа, да сим же образом приидет въ отечьство его, град Серпоховь, и благословит мѣсто на рѣцѣ *Наре*, и въздвигнет церковь въ имя Зачятиа пречистыа Богородица.* Еже и послуша преподобный; вси бо великодръжавнии к нему велию вѣру от всеа душа стяжавше, понеже велику плъзу и утѣшение духовно от него приемлюще. И исплъняет жалаемому желание его святый: пришед *нареченное* мѣсто благословляет и церковъ *воздвиже*. И тако же молит боголюбивый князь, да дастъ ему единаго от ученикъ своих, именем Афонасиа. Святый же, аще и нужно ему бысть дарование, но любовию преклонися на прошение: бѣ бо Афонасие в добродѣтелех мужь чюденъ, и въ божественых писании зѣло разумень, и доброписаниа много рукы его и донынѣ свидѣтельствують, и сего ради любим зѣло старцу. И сего оставляет святый строити монастырь* и общежитие съставити; еже и бысть. Молитвами святого устроенъ монастырь чюденъ и зѣло красенъ, зовомый на Высоком. И събрашася множьство братства в паству полезну благочестна мужа и добродѣтелми украшена, сего изряднаго Афонасиа; тъй же монастырь благодатию Божиею и донынѣ стоит, зрим есть всѣми. Сиа же до здѣ не въ много повѣдание прострем множества ради. И что много хощем писати о насажении плод духовных святого? Не невѣдомо есть всѣмь, колико сам Божий человекъ, разсудный великый пастырь, монастырей състави, и сынове его, и сынове сыновъ его, якоже свѣтила, зрятся отвсюду и сияють въ вся страны свѣтлым и чюдным житиемь всѣм на плъзу. Но мы сиа преминувше, на предлежащее възыдем, въ грядущее жития святого поидемь. Настоящее да глаголется.

О ХОТЯЩИМЪ СВЯТОГО ПОДВИНУТИ НА МИТРОПОЛИЮ

Блаженный же митрополитъ Алексие въ время старости видѣвъ себѣ изнемогающа и къ концу приближающася, призывает святого Сергия. И сему пришедшу, и бесѣдующима има, и повелѣ митрополитъ изнести крестъ съ парамандом, златом же и камениемъ многоцѣнным украшенъ, и даруетъ святому. Он же смирениемь поклонься, глаголя: «Прости мя, владыко, яко от юности не бых златоносець, въ старости же наипаче хощу в нищетѣ пребывати».

ленное братство собралось, и устроено было общежительство по Божьей благодати, монастырь, почитаемый весьма всеми и великим князем любимый, и до сих пор он наполнен всяких благ. А позднее церковь построена была каменная, которая стоит и до сих пор. Так вот это все было.

О МОНАСТЫРЕ ВЫСОКОМ

Не следует также умолчать о Высоком монастыре, о чем дальше и речь пойдет. Однажды упомянутый уже знаменитый князь Владимир попросил святого Сергия, чтобы он таким же образом пришел в вотчину его, город Серпухов, и благословил место на реке Наре, и воздвиг церковь в честь Зачатия Пречистой Богородицы. Послушался преподобный; ведь все князья в него великую веру всей душой имели, потому что великую пользу и утешение духовное от него получали. И исполняет желание желающего святой: пришел он и названное место благословил и церковь воздвиг. Также просит боголюбивый князь, чтобы дал ему Сергий одного из учеников его, по имени Афанасий. Святой же из-за любви исполнил просьбу, хотя и дорог ему был ученик; ведь был Афанасий в добродетелях муж чудесный, и в божественных писаниях очень сведущий, и книги многие, написанные его рукой, до сих пор известны, и поэтому любил его очень старец. Его и оставляет святой строить монастырь и общежительство создавать; что и свершилось. Благодаря молитвам святого устроен был монастырь чудесный и весьма красивый, называемый «что на Высоком». И собралась многочисленная братия в стадо доброе мужа благочестивого и добродетелями украшенного, этого славного Афанасия; этот монастырь по благодати Божьей и до сих пор стоит, у всех на виду. Об этом закончим, чтобы не распространяться больше. И зачем много писать о насаждении святым плодов духовных? Хорошо известно всем, сколько сам Божий человек, разумный великий пастырь, монастырей построил, и духовные сыновья его, и сыновья сыновей его, как светильники, видны везде и сияют во всех местах светлой и чудесной жизнью всем на пользу. Но мы об этом закончим рассказ, к дальнейшему перейдем, на последующих событиях в жизни святого остановимся. Вот о чем нужно рассказать.

О ТОМ, КАК ХОТЕЛИ СВЯТОГО ВОЗВЕСТИ НА МИТРОПОЛИЮ

Блаженный митрополит Алексей, состарившись и видя, что он слабеет и к концу приближается, призывает святого Сергия. Когда Сергий пришел и начали беседовать они, повелел митрополит вынести крест с парамандом, золотом и камнями драгоценными украшенный, и подарил это святому. Тот же со смирением поклонился, говоря: «Прости меня, владыка, но я с юности не носил золота, в старости же особенно хочу в нищете жить». Архиерей же ему

Архиерей же к нему рече: «Вѣмь, възлюбленне, яко сиа исправилъ еси. Но сътвори послушание: приими от нас данное ти благословение». И тако възложивъ своима рукама на святого яко нѣкое обручение. И по сих хотящихся ему глаголати, рече к святому: «Вѣдый буди, преподобне, на что призвах тя и что хощу яже о тебѣ сътворити?» Святый же отвѣща: «И како могу, господи, вѣдати?» Онъ же рече к нему: «Се аз съдръжах, Богу вручивъщю ми, рускую митрополию, елико Богу хотящу. Нынѣ же вижду себе къ концу приближающася, токмо не вѣм дне скончаниа моего: желаю же при животѣ моем обрѣсти мужа, могуща по мнѣ пасти стадо Христово. Но *отъ* всѣх недоумѣвся, тебе единаго избрах яко достойна суща исправити слово истинны: вѣмъ бо извѣстно, яко от великодръжавных господий и до послѣднихъ вси тебе требують. И прежде убо епископьства саномъ почтенъ будеши, по моем же отхожении мой престолъ въсприимеши».

Святый же, яко слыша сиа, зѣло оскръбися, яко велику тщету вмѣни себѣ сие быти, и къ архиерею отвѣща: «Прости мя, владыко, яко выше моея мѣры еже глаголеши; и сиа въ мнѣ не обрящеши никогдаже. Кто есмь азъ, грѣшный и худѣйши паче всѣхъ человекъ?» Архиерей же многа изрекъ старцу словеса от божественых писаний, сими хотя его къ своей воли привести. Смирению же дѣлатель никако же преклонися, но рече: «Владыко святый! Аще не хощеши отгнати мою нищету и от слышаниа святыня твоеа, прочее не приложи о сем глаголати къ моей худости и ни иному никомуже попусти, понеже никто сиа въ мнѣ можетъ обрѣсти». И якоже видѣ архиерей святого на сие непреклонна, и ничьтоже приложи ему о сем глаголати, убоявся, да никако стужив си, отиде внутреннюю пустыню, и такова свѣтилника лишится. И утѣшивъ его словесы духовными, отпусти его въ свой ему монастырь.

Не по мнозѣ же времени Алексий митрополитъ от житиа отходит, в лѣто 6885. И пакы начинають господие великодръжавнии князи молити святого еже въсприати архиерейства санъ. Но той, якоже твердый адамантъ, никакоже на се уклонися. Възыде же на престолъ архиерейскый нѣкто архимандрит, Михаилъ именем,* и дръзнувъ облещися въ одежду святительскую и възложи на ся бѣлый клобукъ. Начат же и на святого въоружатися, мнѣвъ, яко присѣцает дръзновение его преподобный, хотя архиерейскый престолъ въсприати. Слышавъ же блаженный, хвалящася Михаила на нь, рече къ ученикам своим, яко Михаилъ, хваляйся на святую обитель сию, не имать получити желаемаго, понеже грьдостию побѣженъ бысть, ни Царьскаго града не имать видѣти. Еже и бысть по пророчьству святого: повнегда бо пловяше къ Царьскому граду, в телесный недугъ впаде и скончася.* Вси бо имѣаху святого Сергиа яко единаго от пророкъ.

сказал: «Знаю, возлюбленный, что жил ты так. Но будь послушным: прими то, что мы даем тебе с благословением». Так он возложил дары своими руками на святого как некий залог. Снова начал он говорить и сказал святому: «Знаешь ли ты, преподобный, зачем я призвал тебя и что хочу в отношении тебя сделать?» Святой же ответил: «Как я могу, господин, знать?» Тот же сказал ему: «Вот я управлял, когда Бог поручил мне, русской митрополией, как Богу угодно было. Теперь же вижу, что мой конец приближается, только не знаю дня кончины моей; хочу я при жизни моей найти мужа, который сможет после меня пасти стадо Христово. Но во всех сомневаясь, лишь тебя я выбрал как достойного выполнить завет истинный: ведь знаю хорошо, что от великих князей и до последнего человека все требуют на это место тебя. И ты сначала сана епископа удостоен будешь, а после моей смерти мой престол унаследуешь».

Святой, когда услышал это, сильно опечалился, ибо весьма суетным делом считал для себя это, и архиерею ответил: «Прости меня, владыка, но выше моих сил ты требуешь; и на это никогда я не соглашусь. Кто я такой, грешный и худший из всех людей?» Архиерей же многие слова привел старцу из божественных писаний, желая ими заставить Сергия последовать его воле. Смиренный же человек никак не соглашался, но сказал: «Владыка святой! Если не хочешь, чтобы ушел я, нищий, и не слышал святыню твою, больше не продолжай об этом говорить со мной, бедным, и другому никому не разрешай, потому что никто меня не сможет переубедить». Когда увидел архиерей, что святой в этом непреклонен, не стал он ничего больше ему об этом говорить, побоявшись, как бы святой не испугался и не ушел в далекую пустынь, и тогда он такого светильника лишится. И, успокоив его словами духовными, митрополит отпустил его в родной монастырь.

Через немногое время, в год 6885 (1378), уходит из жизни митрополит Алексей. И снова начинают господа великодержавные князья умолять святого принять архиерейский сан. Но его, как твердый алмаз, никак нельзя было к этому склонить. Взошел тогда на престол архиерейский некий архимандрит по имени Михаил, осмелившись надеть одежду святителя и возложить на себя белый клобук. Начал он против святого ополчаться, думая, что будет противиться дерзости его преподобный, желая сам архиерейский престол занять. Услышал блаженный, что ополчается Михаил на него, и сказал ученикам своим, что Михаил, ополчающийся на святую обитель эту, не сможет получить желанного, потому что гордостью побежден, и Царьграда не сможет увидеть. Так и случилось, как пророчил святой: когда Михаил плыл к Царьграду, он недугом был поражен и скончался. И все считали святого Сергия одним из пророков.

О ПОСѢЩЕНИИ БОГОМАТЕРЕ КЪ СВЯТОМУ

Нѣкогда убо блаженному отцу молящуся въ обычнѣмь своем правилѣ пред образом Матере Господа нашего Исуса Христа, и чясто взирая на икону, глаголаше: «Пречистая Мати Христа моего, ходатайце и заступъница, крѣпкаа помощнице роду человечьскому! Буди нам недостойным ходатайце, присно молящися къ Сыну своему и Богу нашему, яко да призрит на святое мѣсто сие, еже възложенно есть в похвалу и честь святому имени въ вѣкы. Тебе бо, Мати сладкаго ми Христа, ходатайцу предлагает и молитвеницу, яко много дрързновение к нему стяжавше раби твои, яко всѣм спасеному упокоению и пристанищу». И тако ему молящуся и поющу благодарный канонъ Пречистѣй, еже есть акафисто, съвръшившу же ему правило и сѣдшу мало почити, рече ученику своему, емуже имя Михей: «Чадо! Трезвися и бодрърствуй, понеже посѣщение чюдно хощеть нам быти и ужасно в сий часъ». И се ему глаголющу, и абие глас слышашеся: «Се Пречистаа грядет!» Святый же слышавъ, скоро изыде ис келиа въ прустъ, еже есть сѣни. И се свѣт велий осѣни святого зѣло, паче солнца сиающа; и абие зритъ Пречистую съ двема апостолома, Петром же и Иоанном, в неизреченнѣй свѣтлости облистающася. И яко видѣ святый, паде ниць, не могый трърпѣти нестрърпимую ону зарю.

Пречистаа же своима рукама прикоснуся святого, глаголя: «Не ужасайся, избранниче мой! Приидох бо посѣтити тебе. Се услышана бысть молитва твоя о ученицѣхъ своих, о нихже молишися, и о обители твоей, да не скорбиши прочее: ибо отнынѣ всѣмъ изообительствуеть, и не токмо донде же въ житие си, но и по твоем еже къ Господу отхождении неотступна буду от обители твоеа, потребнаа подавающи нескудно, и снабдящи, и покрывающи». И сиа рекши, невидима бысть. Святый же въ иступлении ума страхомь и трепетом велиимъ одръжимъ бываше. И помалѣ в себѣ пришед, обрѣте ученика своего лежаща от страха, яко мертва, и въздвиже его. Онъ же начят пометати себѣ на нозѣ старцу, глаголя: «Извѣсти ми, отче, Господа ради, что бысть чюдное се видѣние? Понеже духъ мой вмалѣ не разлучися от плотьскаго ми съюза ради блистающагося видѣниа». Святый же бѣ радуяся душею, яко и образу его цвѣтущу от радости оноя, и ничтоже можаше отвѣщати, токмо се: «Потрърпи, чядо, понеже и въ мнѣ духъ мой трепещет от чюднаго видѣниа».

Стояща же дивящеся в себѣ; помалѣ же рече ученику своему: «Чядо, призови ми Исаака и Симона». И пришедшим имъ, исповѣда вся по ряду, како видѣ Пречистую съ апостолы и что изрече святому чюднаа обѣщаниа. Сиа же яко слышаша, радости неизреченныя исплънишася; и тако вси вкупѣ отпѣвше молебенъ Богоматере и прославиша Бога. Пребысть же святый всю нощь без сна, внимаа умом о неизъреченномъ видѣнии.

О ПОСЕЩЕНИИ БОГОМАТЕРЬЮ СВЯТОГО

Однажды блаженный отец молился по своему обычаю перед образом Матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто обращая взор к иконе, говорил: «Пречистая Матерь Христа моего, покровительница и заступница, верная помощница рода человеческого! Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли Сына своего и Бога нашего, чтобы не оставил святого места этого, которое создано для похвалы и чести святого имени вовеки. На твою, Мать любимого мною Христа, защиту и молитвы мы надеемся, ибо великую смелость имеют рабы твои перед Богом, который для всех — упокоение и пристанище спасения». Так он молился и пел благодарственный канон Пречистой Богоматери, то есть акафист, а когда он завершил канон и сел немного отдохнуть, сказал ученику своему по имени Михей: «Чадо! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное будет нам в сей час». И пока он это говорил, вдруг глас раздался: «Се Пречистая грядет!» Святой, услышав, быстро вышел из кельи в пруст, то есть в сени. И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого; и видит он Пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в несказанной светлости блистающую. И когда увидел ее святой, он упал ниц, не в силах вынести нестерпимый этот свет.

Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей, — и не скорби больше; ибо отныне всего будет здесь в изобилии, и не только при жизни твоей, но и после твоего к Господу ухода не покину я обители твоей, все нужное подавая в изобилии, и снабжая всем, и защищая». Сказав это, стала она невидима. Святой же в смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда он понемногу в себя пришел, увидел Сергий ученика своего лежащим от страха, словно мертвого, и поднял его. Тот же бросился к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от радости той, но ничего не мог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне дух мой трепещет от чудесного видения».

Они стояли и дивились про себя; наконец святой сказал ученику своему: «Чадо, призови ко мне Исаака и Симона». Когда они пришли, рассказал Сергий все по порядку, как он видел пречистую Богородицу с апостолами и какие она дала святому чудесные обещания. Когда ученики услышали это, охватила их радость несказанная; все вместе отпели молебен Богоматери и прославили Бога. Оставался святой всю ночь без сна, думая о несказанном видении.

О ПРИШЕДШЕМ ЕПИСКОПѢ ВИДѢТИ СВЯТОГО

Времени же нѣкоему минувшу, прииде нѣкый епископъ от Коньстянтиня града въ господьствующий град Москву. И слыша многая же о святѣм: слуху бо велику о нем пространившуся повсюду, даже и до самого Цариграда. Той же епископъ невѣрием одръжимъ о святѣмъ, и глаголаше: «Како можеть в сих странах таковъ свѣтилникъ явитися, паче же въ послѣдняа сиа времена?» И помысли поити въ обитель и видѣти блаженнаго. Бывшу ему близ обители, начат страхом смущатися; и въшедшу ему въ обитель и яко узрѣ святого, нападе на нь слѣпота. Преподобный же емъ его за руку, и введе в кѣлию свою. Тъй же епископъ начят съ слезами молити святого, исповѣда ему и неволею свое невѣрие, вкупѣ же и прозрѣниа прося, окаанна себѣ глаголя, праваго пути погрѣшивша. Незлобивый же смирениа дѣлатель прикоснуся ослѣпленым его зѣницамъ, и отпадоша яко чешуа от очию его, абие прозрѣ.

Преподобный же рече къ епископу: «Ваше наказание, о премудрый учителю, како подобаетъ творити — не высокомудрити, ни възноситися над смиреными. К нам же ненаученым и невѣждамъ что принесе на пльзу, тъкмо искусити неразумие наше прииде. Понеже праведный Судиа вся зритъ». Епископъ же, еже прежде невѣрием одръжим, правовѣрною вѣрою и велиим гласомь всѣм проповѣдаше святого истинна Божиа человека быти, глаголаше бо: «Яко сподоби мя Богъ видѣти днесь небеснаго человека и земнаго аггела». И тако отиде в путь свой, въсприим полезнаа от преподобнаго и учрежение подобающее, и славяше Бога и его угодника святого Сергиа.

О ИСЦѢЛѢВШЕМ МУЖИ МОЛИТВАМИ СВЯТОГО СЕРГИА

Человекъ нѣкый, живый въ окрестных мѣстех близ обители святого, случися ему болѣзнь тяжка зѣло, яко въ 20-тих днех трудно боляше, ниже пищи, ниже сну причаститися. Братиа же его по плоти скръбию о нем одръжими, на длъзѣ времени тако стражущу. Прииде же благый помыслъ въ сердце ихъ: «Колика, — глаголюще, — Богъ творит чюдеса угодникомъ своим святым Сергием: еда како и о насъ умилосердится». И тако съвѣщавшеся, несоша болящаго къ святому, и положивше пред ногама его, и моляху еже молитися о нем. Святый же вземъ священную воду и молитву сътвори, покропи болящаго; и абие в той час разумѣ болный, яко облегчися болѣзнь его. И по малѣ часѣ в сонъ сведенъ бысть многъ, въ еже в болѣзни безсоние исполнити; и тако здравъ бысть, пищи от того чяса причащаася. И радуяся, отиде в дом свой, многа благодарениа въздаваа Богу, творящему дивнаа и преславнаа чюдеса своим угодником.

О ЕПИСКОПЕ, ПРИШЕДШЕМ УВИДЕТЬ СВЯТОГО

Некоторое время спустя пришел некий епископ из Константинополя в великокняжеский город Москву. Многие вещи слышал он о святом, ибо слух великий о нем распространился повсюду, вплоть до самого Царьграда. Был этот епископ неверием одержим относительно святого и говорил: «Как может в этой земле такой светильник появиться, особенно же в последние эти времена?» И решил он пойти в обитель и увидеть блаженного. Когда епископ приблизился к обители, начал он страх ощущать; а когда он вошел в обитель и увидел святого, поразила его слепота. Преподобный же взял его за руку и ввел в келью свою. Тот епископ начал со слезами молить старца, рассказал ему поневоле о своем неверии, а также прозрения просил, окаянным и с правого пути уклонившимся себя называя. Незлобивый же смиренный человек прикоснулся к ослепшим его зеницам, и как будто чешуя отпала от глаз его, и он прозрел.

Сказал преподобный епископу: «Вам, премудрым учителям, подобает учить нас, — не мудрствовать, не возноситься над смиренными. Нам же, неученым и невеждам, какую ты принес пользу, только чтобы узнать о неразумии нашем ты пришел. А праведный Судья все видит». Епископ же, который был раньше неверием одержим, с правой верой и громким голосом во всеуслышание признался, что святой — истинный Божий человек, и сказал так: «Сподобил меня Бог увидеть сегодня небесного человека и земного ангела». И отправился он в путь свой, получив полезные и подобающие наставления от преподобного, и славил он Бога и его угодника святого Сергия.

ОБ ИСЦЕЛЕНИИ МУЖА МОЛИТВАМИ СВЯТОГО СЕРГИЯ

Человека некоего, живущего в близлежащих от обители святого местах, поразила болезнь тяжкая весьма, так что он двадцать дней мучительно болел, пребывая без сна и пищи. Братья же его родные жалели его, видя, что он долгое время так страдает. Осенила благая мысль сердца их: «Сколько, — говорили они, — Бог творит чудес через угодника своего святого Сергия; может быть, он и над нами смилостивится». И так, посовещавшись, они понесли больного к святому и, положив его у ног Сергия, умоляли святого помолиться за него. Святой же взял освященную воду и, молитву сотворив, окропил больного; и в тот же час почувствовал больной, что проходит болезнь его. И вскоре погрузился в продолжительный сон, бессонницу от болезни возмещая; и с тех пор он выздоровел и пищу с этого времени начал принимать. И, радуясь, вернулся в дом свой, великую благодарность воздавая Богу, творящему удивительные и славные чудеса через своего угодника.

О ПРОВИДѢНИИ ЕЖЕ ПОСЛАННЫХ БРАШЕНЪ ПРИЧАСТИВШУСЯ

И се да не забвенно будетъ. Нѣкогда бо предпомянутый благовѣрный князь Владимеръ,* якоже имѣа велию вѣру и любовь къ преподобному, бѣ бо обитель святого въ отечьствѣ его, — и чясто прихожаше посѣщениа ради; иногда же яже на потребу посылаше ему. По сему убо образу посылает нѣкоего от служащих ему къ преподобному с различными брашны и питии в потѣшении старцу съ братиами. Грядущим же посланым къ обители святого, и по дѣйству сатанину прелщенъ бысть человекъ онъ: веземь от брашенъ посланых и яст и; тако же и от питиа, пить. И тако пришед къ преподобному, възвѣщаетъ посланнаа ему благовѣрнаго князя любве. Прозорьливый же в чюдесѣх великый онъ мужь позна прегрѣшениа оного человека и не хотяше приати, но случьшаася поношааше, глаголя: «Почто, брате, врага послуша и прелстися вкушением брашенъ? Ихже ти не достоитъ прежде благословениа ясти, от нихже ялъ еси». Тогда онъ, обличенъ бывъ от святого, съгрѣшение свое позна, и нехотя исповѣда, пад на нозѣ святого, плакати начять, прощениа прося о сдѣанных. Святый же, наказавъ его к тому таковаа не дрьзати, и тако прощению сподобивъ. И отпустив его, приемъ посланнаа; и молитву над брашьны и питии сътворивъ, и христолюбцу князю молитву и благословение повѣдати повелѣ. Сиа же до здѣ, пред ними же и сиа послѣдуют.

О ЛИХОИМЦѢ

Нѣкый человекъ живяше близ обители святого, имѣя нравъ лихоимъства, якоже есть и донынѣ обычай силным убогыхъ обидѣти. Сей насильство сиротѣ сътвори от съсѣдствующих ему сицево: отъять вепрь, питомый на пищу себѣ, и цѣну не вдастъ ему, тако и заклати повелѣ его. Обидѣный же притече и припаде къ святому, скрьбя и плачя, моля его, помощи прося. Милостива же она душа, имѣа утѣшение въ скрьбѣх, заступаа нищих, помогаа убогимъ, призывает оного насильствующаго и, потязавъ, запрѣти ему, глаголя: «Чядо! Аще вѣруеши, есть Богъ, судия праведным и грѣшным, отець же сирым и вдовицам, готовъ на отмщение, и страшно есть впасти в руцѣ его? И како не трепещем, грабим, насильствуемь, и тмами злая творим, и не доволни есмы дарованными от его благодати, на чюжаа желаемь непрестанно и презираемъ длъготрьпѣние его? И не пред очима ли нашима зрим, таковаа творящеи обнищевают, и домы ихъ опустѣють, и мнози силнии беспамятни будуть, и въ оном вѣцѣ сих мучение бесконечное ждеть?» И много наказавъ его, повели цѣну сиротѣ вдати, глаголя: «Прочее не насилуй сиротам». Он же съ страхомъ обѣщася исправитися нравом на благое житие и обидимому отдати цѣну; и тако прииде в дом свой.

ОПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОПРОБОВАВШЕГО ПОСЛАННУЮ ЕДУ

И это пусть не будет предано забвению. В те времена преждеупомянутый благоверный князь Владимир, который полон был великой веры и любви к преподобному (ведь обитель святого находилась в вотчине его), часто навещал Сергия; иногда же необходимое ему посылал. Однажды посылает таким образом одного из слуг своих к преподобному с различной пищей и напитками на утеху старцу и братьям. Пока шел посланный к обители святого, прельщен был сатаной человек этот; взял пищу посланную и попробовал ее; так же и напитков отведал. И вот пришел он к преподобному и передает посланное ему по любви благоверным князем. Но прозорливый в чудесах великий тот муж понял прегрешение этого человека и не захотел принять даров, и, в случившемся упрекая слугу, проговорил: «Зачем ты, брат, врага послушался, прельстился и попробовал пищи? То, что тебе не следует до благословения есть, то ты попробовал». Тот же, обличенный святым, в грехе своем признался и, упав в ноги святого, плакать начал и прощения просил за совершенное. Святой же, приказав ему больше так не делать, простил его. И отпустил слугу, приняв посланное; и молитву над пищей и напитками совершив, он христолюбивому князю молитву свою и благословение передать приказал. Об этом все, а перед этим случилось следующее.

О ЛИХОИМЦЕ

Некий человек жил около обители святого, а был он корыстолюбив, — ведь и до сих пор имеют обыкновение богатые бедных обижать. Этот человек насилие сотворил над своим соседом-сиротой такое: отнял у него борова, откармливаемого для себя, а платы не дал ему, и заколоть велел борова. Обиженный же пришел и упал к ногам святого, скорбя и плача, и, умоляя его, о помощи просил. Милосердный же этот человек, утешающий скорбящих, защищающий нищих, помогающий бедным, призывает того насильника и, укоряя, наставляет его так: «Чадо! Веришь ли ты, что есть Бог, судья праведных и грешных, отец сирот и вдов, готовый к отмщению, и страшно попасть в руки его? Как мы не трепещем, но грабим, насильничаем, и бесчисленное зло совершаем, и, не довольны дарованной Богом благодатью, чужого хотим непрестанно и презираем терпение Божье? Не перед глазами ли нашими случаи, когда делающие все это становятся нищими и дома их пустеют; и многие богатые забыты будут, а в будущей жизни их мучение бесконечное ждет». Долго наставлял его Сергий и повелел деньги сироте отдать, говоря: «Больше не обижай сирот». Тот же в страхе обещал исправиться, начать добропорядочную жизнь и обиженному отдать деньги; так он вернулся в дом свой.

И помалу раслабися помыслъ его о наказании святого старца, въ еже не вдати цѣны сиротѣ. И тако ему помышляющу, и вниде по обычаю въ клѣть свою, и зрит вепря оного растесана телеса, червьми всего кипяща, бѣ бо тогда зимно время. И тако страх велий нападе на нь, и трепеташе зѣло о преслушании святого старца, како явитися лицу его, иже ничтоже может его утаитися. И в той час вдастъ цѣну, емуже не въсхотѣ. Телеса же оного вепря извръжени быша псом и птицам на снѣдь, ни тѣм же прикоснувшимся на обличение лихоимъцем, да накажутся не обѣдѣти. Он же не можаше срама ради явитися пред лицем святого; а егоже прежде излиха въжделѣ, сего неволею зрѣти гнушашеся.

О ВИДѢНИИ БОЖЕСТВЕНАГО ОГНЯ

По сих же нѣкогда служащу блаженому божественую литургию, бяше бо тогда ученикъ преподобнаго Симонъ еклисиархъ, егоже выше помянухомъ, въ мнозѣй добродѣтели съвръшенъ, егоже и сам святый старець свидѣтельствоваше имуща съвръшено житие. Сей убо Симонъ зрит чюдное видѣние: служащу бо, рече, святому, видит огнь, ходящъ по жрътовнику, осѣняюще *олтарь* и окресть святыя трапезы окружаа. И егда святый хотя причаститися, тогда божественый огнь свится якоже нѣкаа плащаница* и въниде въ святый потыръ;* и тако преподобный причястися. Симонъ же, сиа зря, ужаса и трепета исполнь бяше и в себѣ дивяся. Святый же исшед от жрътовника, разумѣ Симона видѣнию чюдному сподобльшася, призвавъ его, рече: «Чядо! почто устрашися духъ твой?» И рече: «Господи! Видѣхъ чюдное видѣние, благодать Святого Духа дѣйствующа с тобою». Святый же запрѣти ему, рекъ: «Да никомуже възвѣстиши, яже видѣ, дондеже Господь сътворит яже о мнѣ отхождение от житиа сего». И тако общу хвалу въздаша Господеви. О сих же до здѣ.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТОГО

Живъ же святый лѣта доволна в добром въздръжании, трудѣ, и неисповѣдима несказанна чюдеса от дѣлъ показа, и въ старость глубоку пришед, нимала от божественыхъ пѣний или служений оставляа. И елико състарѣешася възрастом, толико паче крѣпляашеся и растяше, усердиемъ и божественых подвиг мужественѣ и теплѣ касаашеся, никакоже старостию побѣжаем. Но нозѣ его стлъпие бяху день от дне, якоже степенем приближающеся к Богу. Разумѣ же и преже шестих месяцех свое преставление, призвавъ убо братию, и вручаетъ старѣйшинъство своему присному ученику, сущу в добродѣтели свершену и въ всемъ равно послѣдующу *своему учителю, тѣломъ убо младу*, умом же зѣло сѣдинами цвѣтуща, иже послѣди явлена его в чюдесѣх показавъ,

Но вскоре стал он забывать о наставлениях святого старца, и решил он не отдавать денег сироте. С такими помыслами вошел он, как обычно, в кладовую свою, — и видит, что туша борова того сгнила, червями вся кишит, а было тогда зимнее время. Тогда страх великий охватил его, и затрепетал он весьма из-за непослушания святому старцу, и не знал, как он предстанет перед лицом того, от которого ничего не может утаиться. И тотчас отдал деньги тому, с кем не хотел расплачиваться. Туша же того борова брошена была на съедение псам и птицам, но даже они не прикоснулись к ней для обличения лихоимцев, чтобы они перестали других обижать. Человек же тот не мог из-за стыда появиться перед лицом блаженного; и кого он раньше весьма хотел видеть, того поневоле избегал.

О ВИДЕНИИ БОЖЕСТВЕННОГО ОГНЯ

По прошествии некоторого времени служил как-то блаженный божественную литургию, а был тогда екклесиархом ученик преподобного Симон, о котором мы выше вспоминали, человек, многими добродетелями украшенный, о котором и сам святой старец говорил, что совершенна его жизнь. И видит этот Симон чудесное видение: когда служил, как рассказывал он, святой, виден был огонь, ходящий по жертвеннику, осеняющий алтарь и со всех сторон святую трапезу окружающий. А когда святой хотел причаститься, тогда божественный огонь свернулся как некая плащаница и вошел в святой потир; так преподобный причастился. Симон же, увидев это, ужасом и трепетом охвачен был и про себя дивился. Когда святой вышел из жертвенника, он понял, что Симон видения чудесного удостоен был, призвал его и сказал: «Чадо, почему устрашился дух твой?» А тот ответил: «Господин! Я видел чудесное видение, как благодать Святого Духа содействует тебе». Святой же запретил ему говорить об этом, сказав: «Никому не передавай о том, что ты видел, пока Господь не возьмет меня из жизни этой». Так они общую хвалу воздали Господу. Об этом все.

О КОНЧИНЕ СВЯТОГО

Жил святой долгие годы в совершенном воздержании, труде, и непередаваемые, несказанные чудесные дела совершил, и старости глубокой достиг, никогда от божественного пения или службы не уклоняясь. И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии божественных подвигов мужественно и с любовью упражняясь, и никак его старость не побеждала. Но ноги его костенели день ото дня, как будто по ступеням приближались к Богу. Предвидел он за шесть месяцев свою кончину и, призвав братию, вручил игуменство своему самому любимому ученику, в добродетелях совершенному и во всем без исключения следующему своему учителю, и хотя возрастом был он молод, — ум его был весьма сединами убелен; впоследствии он чудесами

предводящее слово скажеть,* Никону же именем.* Сему повелѣ пасти стадо христоименитое внимателнѣ же и правѣ, яко слово въздати хотяща не о себѣ, но о многыхъ. Сей убо великый подвижникъ вѣрою благочестивѣйши, неусыпаемое хранило, непресыхаемый источникъ, желанное имя, безмлъствовати начятъ.

И месяца септевриа в недугъ убо в телесный впаде, и видѣ убо конечнѣ свое к Богу отхожение естества отдати долгъ, духъ же к желанному Исусу предати, призывает священно исплънение и новоизбранное стадо. И бесѣду простеръ подобающую, и ползе поучивъ, непреткновенно въ православии пребывати рече, и единомыслие другъ къ другу хранити завѣща, имѣти же чистоту душевну и телесну и любовь нелицемѣрну, от злых же и скверных похотей отлучитися, пищу же и питие имѣти не мятежно, наипаче смирениемъ украшатися, страннолюбиа не забывати, съпротивословиа удалятися, и ничтоже вмѣняти житиа сего честь же и славу, но вмѣсто сих еже от Бога мъздовъзданиа ожидати, небесных вѣчных благъ наслажение. И прочее много наказавъ, рече: «Азъ, Богу зовущу мя, отхожду от васъ. Предаю же вас всемогущему Господу и того пречистѣй Богоматери, да будет вамь прибѣжище и стѣна от сѣтей вражиих и *лаяний их*». И в самый убо исход, вън же хотяше телеснаго съуза отрѣшитися, владычняго тѣла и крови причястися, ученикъ руками того немощныя уды подкрѣпляемы. Въздвиже на небо руцѣ, молитву сътворивъ, чистую свою и священную душу съ молитвою Господеви предаст, в лѣто 6900-е месяца септевриа 25; живъ же преподобный лѣтъ 70 и 8.*

Излия же ся тогда благоухание велие и неизреченно от телесе святого. Братии же всѣм събраном, плачем и рыданиемъ съкрушаахуся; и на одрѣ честное и трудолюбное тѣло положьше *честно*, псалмопѣнием и надгробными того провожаху. Ученикъ слез источници проливахуся, корьмчиа отщетившеся, и учителя отъяти бывше; и отчя разлучения не тръпяше, плакахуся, аще бы им мощно и съумрети им тогда с ним. Лице же святого свѣтляашеся, яко снѣг, а не яко обычай есть мертвымъ, но яко живу или аггелу Божию, показуя душевную его чистоту и еже от Бога мьздовъздааниа трудом его. Положиша же честное его тѣло въ обители, иже от него създаннѣй. Кая убо яже въ преставлении и по кончинѣ сего чюднаа бывша и бывают: разслабленых удовъ стягнутиа, и от лукавых духъ человеком свобожениа, слѣпых прозрѣниа, слукых исправлениа — токмо ракы его приближениемь. Аще и не хотяше святый, якоже в животѣ, и по смерти славы, но крѣпкая сила Божиа сего прослави. Емуже предидяху аггели въ преставлении къ небеси, двери предотвръзающи райскыя и въ желаемое блаженьство вводяще, в покой праведных, въ свѣте аггелъ; и яже присно желааше, зряй и всесвятыя Троици озарение приемля, якоже подобааше постнику, иноком украшение.

прославился, о которых следующая повесть расскажет, — по имени Никон. Сергий повелел ему пасти стадо Христово внимательно и праведно, ибо ответ ему придется держать не за себя, но за многих. И с тех пор Сергий, этот великий подвижник в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славный именем, безмолвствовать начал.

И в сентябре месяце недугом телесным был поражен, и видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же любимому Иисусу предать, он призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повел подобающую, и полезным вещам учил, неуклонно в православии оставаться веля, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя, страннолюбия не забывать, от противоречия уклоняться, и ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения. И другому многому Сергий поучал, говоря: «Поскольку Бог зовет меня, я ухожу от вас, а вас передаю всемогущему Господу и его пречистой Богоматери, чтобы она была для вас прибежищем и стеной от сетей вражеских и козней их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он тела и крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простер к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и священную душу с молитвой Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет.

Распространилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. А братия вся собралась и в плаче и рыдании сокрушалась; и, в гроб честное и трудолюбивое тело положив честно, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали слез ручьи, кормчего лишившись, с учителем разъединенные; с отцом разлуки не вынося, плакали они, и если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым, как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в обители, которая им была создана. Сколько после смерти и после кончины Сергия чудесных дел произошло и происходит: расслабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбатых выпрямление — только от приближения к его раке. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила. После кончины перед ним летели ангелы к небесам, двери открывая ему райские и в вожделенное блаженство вводя, в покой праведных, в свет ангельский; и увидел святой то, о чем мечтал, и всесвятой Троицы озарение получил, как подобает постнику, иноков украшению.

Сицеваа отчя течениа, сицева дарованиа, сицева чюдес приатиа, яже не токмо в животѣ, но и по смерти, иже не мощно есть писанию предати, елма убо тако яже о нем и доселѣ зрится.

Принеси ми убо иже древле просиавших сравним сему, иже от добродѣтелей житиа и мудрости, и видим, аще въистинну ничимже от тѣхъ скуденъ бѣ иже прежде закона онѣмъ божественым мужем: по великому Моисеу и иже по нем Исусу,* събороводець бысть и пастырь людем многым, и яко въистину незлобие Иаковле стяжа и Авраамово страннолюбие,* законоположитель новый, и наслѣдникъ небеснаго царствиа, и истинный правитель пасомым от него. Не пустыню ли исполни благопопечений многых? Аще и разсудителенъ бяше Великый Сава,* общему житию правитель, сей же не стяжа ли по оному доброе разсуждение, многы монастыря общежитие проходящих въздвиже? Не имяше ли и сей чюдесъ дарованиа, якоже прежде того прославлении, и вельми Богъ сего прослави и сътвори именита по всей земли? Мы убо не похваляем того, яко похвалы требующа, но яко онъ о нас молиться, въ всемь бо страстоположителя Христа подражавъ. Не въ много же простерем слово. Кто бо възможет по достоянию святого ублажити?

СЛОВО ПОХВАЛНО ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СЕРГИЮ СЪТВОРЕНО БЫСТЬ УЧЕНИКОМ ЕГО, СВЯЩЕННОИНОКОМЪ ЕПИФАНИЕМЬ

Благослови, отче!

Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла Божиа проповѣдати преславно есть; еже бо не хранити царевы тайны — погубно есть и блазнено, а еже млъчати дѣла Божиа преславнаа — бѣду души наносити. Тѣмже и азъ боюся млъчати дѣла Божиа, въспоминаа муку раба оного, приимшаго господень талантъ, и в земли съкрывшаго, и прикупа имь не сътворивъша. Никтоже бо достоинъ есть, *неочищену* имѣя мысль вънутрьняго человека; таковъ сый страстный азъ, пленицами многыми грѣховъ моих стягнути, таковымь преславным вещемь нелѣпо бѣ мнѣ коснутися, но развѣ точию безакониа моа възвѣщевати и пещися о грѣсѣхь моих. Но понеже желание привлачит мя и недостоинъство млъчати запрѣщает ми, и грѣси мои яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ. И что сътворю? Дрързну ли недостойнѣ к начинанию? Что убо, реку ли или запрещаю в себѣ? Окаю ли свое окааньство? *Внимаю ли* въсходящим на сердце мое блаженьствомь о преподобнѣмь?

Но ты сам, отче, съдѣиствуй ми, да не яко недостойну ми помрачится ум мой, но сам, — яже и не пишущу ми в мысли моей, да взыдут от твоих похвалъ, — сиа пишущу ми, ты вразуми и настави. Множицею бо въспомянувъ и слезы о сем испустих моего ради недостоиньства, да не како не получю

Таково было житие отца, таковые дарования, таковые чудес его проявления, — причем не только при жизни, но и после смерти, — о которых нельзя написать; потому что чудеса его до сих пор все видят.

Покажи мне в древности прославившихся, сравним с ним тех, кто известен добродетельной жизнью и мудростью, и увидим, что поистине святой ничем не хуже был тех ветхозаветных божественных мужей: как великий Моисей и после него Иисус, он вождем был и пастырем людям многим, и поистине незлобивость Иакова имел и страннолюбие Авраама, законодатель новый, и наследник небесного царства, и истинный правитель стада своего. Не пустынь ли он наполнил заботами многими? Разумен был Великий Савва, общежительства создатель, но не обладал ли Сергий, как он, добрым разумом, так что многие монастыри общежительные создал? Не обладал ли и он чудотворным дарованием, как до него прославившиеся, так что весьма Бог его прославил и сделал знаменитым по всей земле? Мы восхваляем не того, кто в похвале нуждается, но того, кто за нас молится, кто во всем предавшему себя на мучения Христу подражал. Но не будем удлинять рассказ. Ведь кто сможет по достоинству святого прославить?

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СЕРГИЮ СОЗДАНО БЫЛО УЧЕНИКОМ ЕГО, СВЯЩЕННОИНОКОМ ЕПИФАНИЕМ

Благослови, отче!

Тайну царскую следует хранить, а дела Божьи проповедовать похвально; ибо не хранить царской тайны — пагубно и опасно, а молчать о делах Божьих славных — беду душе приносить. Поэтому и я боюсь молчать о делах Божьих, вспоминая мучения известного раба, получившего от господина талант, и в землю его зарывшего, и не пустившего его в оборот. Никто не достоин писать, у кого нечисты внутренние помыслы; таков и я, одержимый страстями, цепями многих грехов моих связанный, и к таким славным вещам не следовало бы мне прикасаться, но только лишь в беззаконии моем каяться и заботиться о грехах моих. Но желание обуревает меня и мне, недостойному, молчать не дает, и грехи мои тяготеют надо мной, как бремя тяжкое. И что мне делать? Осмелюсь ли, недостойный, начать? Что делать — говорить мне или запретить себе это? Буду ли оплакивать себя, окаянного? Буду ли внимать приходящим на сердце мое блаженным мыслям о преподобном?

Но ты сам, отче, помоги мне, чтобы у недостойного меня не помрачался ум мой, но сам ты (когда и не пишу я в мыслях своих, пусть восстанут они на похвалу тебе), пока я пишу это, вразуми и научи меня. Много раз в уме перебирал свои пороки и слезы из-за них источал, боялся, что не исполню своего

искомаго, о немже начат, аще не ты руку простреши. Нѣсмь бо доволенъ по достоянию хвалы тебѣ принести, но малая от великых провѣщати. Но обаче сподоби мя принести похвалы тебѣ, приносящаго млъбы о моей худости къ Христу Богу нашему. Аще бо и вси достойни, но аз недостоинъ есмь, влеком и жадая, да поне крупицам трапезы избранных причастникъ буду: могут бо и множество крупиць насытити алчющих душа, наипаче же духовных отець учениа и душеполезнаа словеса не токмо телеса, но и самую душу могут укрѣпити и окръмляти къ духовным подвигом: понеже свѣтла, и сладка, и просвѣщенна нам всечестных нашихь отець възсиа память, пресвѣтлою бо зарею и славою просвѣщающеся, и нас осиавают. Свѣтлаа убо въистину, и просвѣщеннаа, и всякоя почьсти от Бога и радости достойна, имъже вашихь боголюбивых душь, яко възлюбленных чяд отець, къ духовному веселию нынѣ съзвавши и, яко любителя отець, въ свѣтлѣй сей церкви радостно приемлющи и любовно веселящи прежде же плотскиа духовную вам предуготовляющи трапезы: исполнь сущи радости и веселиа духовнаго и исполнь сладости божественных словес, аггельскыа пища. Пищу убо аггельскую Писании духовна словеса нарицають, имже душа *наслажается*, внимающа умом, и яко пищею тѣло, тако и словом укрѣпляема бывает душа. Сладость бо словесную Давидъ вкусивъ, удивляяся, къ Богу глаголет: «Коль сладка грътани моему словеса твоя, паче меда устомь моим! Он заповѣдѣй твоих разумѣх, и сего ради възненавидѣх всякь путь неправды».* Такожде и древнии отцы наши и прочии вси, иже в постѣ провосиаша.

Сих же стопам послѣдуя и житию их ревнуя, всякь путь неправды възненавидѣ и истинну възлюби, егоже и прежде написаниемь слова вмѣнихом и от нас днесь нынѣ похваляемь есть Сергие, блаженый и преподобъный отець нашь. Сему убо въправду подобает дивитися, и достойно есть ублажити: зане и онъ, человекь подобострастенъ нам бывъ, но паче нас Бога възлюби, и вся краснаа мира сего, яко уметы, вънѣни и презрѣ, и усердно Христу послѣдова, и Богъ възлюби его; и яко угодити ему искрьно потщася, и удиви и прослави его; «славящаа мя бо, — рече, — аз прославлю, уничижающаа же мя без чести будуть».* И егоже Богъ прослави, кто может похвалу его скрыти? Лѣпо убо и нам того въ правду достойно ублажити и похвалити: похвала бо его яже *отъ* нас не оного что ползует, но нам паче спасение духовное сдѣвает. Сего ради в наше научение полезно узаконися, иже от Бога почьсти святых послѣднему роду писанием предавати, да не глубиною забвениа покрываются святого добродѣтели, но паче же разумно словесы сказающе, подобно сим открывати, яко не утаити ползу слышащим.

Вѣсть бо добродѣтель словом многых умилити, якоже жалом душу уязвити и къ Богу чистым житиемь подвигнути. Такожде и съй приведе къ Богу многых душа чистым своим и непорочным житием, преподобный игумен отець

желания, — того, что начал, — если ты мне руку помощи не подашь. Ведь не способен я по достоинству хвалы тебе воздать, но только немногое из великого рассказать могу. Но, однако, помоги мне восславить тебя, приносящего мольбы за меня, бедного, Христу, Богу нашему. Ведь если другие достойны, я не достоин, стремлюсь и желаю хотя бы крупицы от трапезы избранных получить: может ведь и множество крупиц насытить алчущую душу, особенно же духовных отцов учения и душеполезные слова могут не только тело, но и саму душу укрепить и насытить для духовных подвигов, потому что светлая, и сладостная, и просвещающая о наших честных отцах нам сияет память; ибо они, светлой зарей и славой просвещаясь, и нас озаряют. Светлая их память поистине и просвещающая, и всякой почести от Бога и радости достойная, которая ваши боголюбивые души, как возлюбленных сыновей отец, к духовному веселью теперь воззвав и, как любимого ⟨сына⟩ отец, в светлой этой церкви радостно приняв и с любовью веселя, до плотской духовную вам приготовляет трапезу: их память наполнена радости и веселья духовного и наполнена сладостных божественных слов, ангельской пищи. Ведь пищей ангельской в Писании духовные слова называются, которыми наслаждается душа и внимает ум; и как пищей тело, так словом укрепляется душа. Сладость слов вкусив, Давид, дивясь, Богу говорит: «Как сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим! Повелениями твоими я вразумлен, потому ненавижу всякий путь лжи». Так же и древние отцы наши и прочие все, кто в посте прославился.

По их стопам следуя и жизни их подражая, всякий путь лжи возненавидел и истину возлюбил тот, о котором мы в написанном раньше Слове вспоминали и которого мы сейчас здесь хвалим, — Сергий, блаженный и преподобный отец наш. Ему поистине подобает удивляться и его следует прославить: потому что он, хотя был человек, подобный нам, но больше нас Бога возлюбил, и все прелести мира этого, как прах, отверг и презрел, и усердно за Христом последовал, и Бог возлюбил его; так как он угодить Богу искренне старался, Бог возвеличил и прославил его; «славящих меня, — сказано, — я прославлю, а уничижающие меня без чести будут». Кого Бог прославил, кто может того величие скрыть? Следует и нам его поистине достойно прославить и похвалить: ведь похвала наша Сергию не ему пользу приносит, но для нас спасением будет духовным. Поэтому у нас и установился обычай полезный, чтобы почести от Бога святым для последующих поколений в писаниях передавать, чтобы в глубину забвения не погрузились святого добродетели, но, разумными словами о них рассказывая, следует о них сообщить, чтобы принесли они пользу слушателям.

Ведь о добродетели рассказ может многих умилить, словно жалом уязвить душу и к Богу чистой жизнью подвигнуть. Так и он привел к Богу многие души своей чистой и непорочной жизнью, преподобный игумен отец наш святой

нашь Сергие святый: старець чюдный, добродѣтелми всякыми украшенъ, тихый кроткый нравъ имѣя, и смиреный добронравый, привѣтливый и благоувѣтливый, утѣшителный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросръдый, смиреномудрый и цѣломудреный, благоговѣйный и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбный, и боголюбный; иже есть отцамь отець и учителем учитель, наказатель вождем, пастырем пастырь, игуменом наставник, мнихомь началникъ, монастырем строитель, постником похвала, млъчялником удобрение, иереом красота, священником благолѣпие, сущий въждь и неложный учитель, добрый пастырь, правый учитель, нелестный наставникъ, умный правитель, всеблагый наказатель, истинный кормник, богоподателный врачь, изящный предстатель, священный чиститель, началный общежитель, милостыням податель, трудолюбный подвижникь, молитвеникъ крѣпокь, и чистотѣ хранитель, цѣломудриа образ, столпъ терпѣниа: иже поживе на земли аггельскым житиемь и възсиа въ земли Рустѣй, акы звѣзда пресвѣтлаа; иже премногую его добродѣтель людем на плъзу бысть многым, многым на спасение, многым на успѣх душевный, многым на потребу, многым на устрои; иже бысть христолюбивым князем великым русскым учитель православию; велможам же, и тысущником, и прочим старѣйшим, и всему синглиту, и христолюбивому всему воиньству иже о благочестии твердый поборникь; архиепископамъ же, и епископом, и прочим святителемь, архимандритом благоразумный и душеполезный възгласникь и съвъспросникъ; честным же игуменом и прозвитером прибѣжище, иночьскому же чину акы лѣствица, възводящиа на высоту небесную; сиротамь акы отець милосердъ, вдовицамь яко заступникъ теплъ; печалным утѣшение, скръбящим и сѣтующим радостотворець, ратующимся и гнѣвающимся миротворець, нищим же и маломощнымь съкровище неоскудное, убогым, не имущим повседневныя пища великое утѣшение, болящим въ мнозѣх недузѣх посѣтитель, изнемогающим укрѣпление, малодушьным утвръжение, безвременным печалникь, обидимым помощникь, насильствующим и хищником крѣпокь обличитель, сущим въ плѣнении отпущение, в работах сущих свобожение; в темницах въ узах дръжимым избавление, длъжьным искупление, всѣмь просящим подаание, пианицам изтрезвѣние, гръделивымь цѣломудрие, чюжаа грабящимь въстягновение, лихоимцемь възбранникъ; грѣшником кающимся вѣрный поручитель и всѣмь притекающимь к нему, акы къ источнику благопотребну.

Бѣше же видѣти его хождениемь и подобиемь аггелолѣпными сѣдинами чьстна, постом украшена, въздержанием сиая и братолюбиемь цвѣтый, кротокъ взором, тих хождениемь, умиленъ видѣниемь, смиренъ сердцемь, высокъ житиемь добродѣтелным, почтенъ Божиею благодатию. Понеже Бога чтяше, и Богъ почте его, Божию честь многу положи на нем. Онъ Бога прослави, и Богъ на земли прослави его, якоже рече Господь въ святом Евангелии: «Тако да просвѣтится свѣт вашь пред человекы, яко да видят дѣла ваша блага и

Сергий: старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный, благочестивый и нищелюбивый, гостеприимный и миролюбивый, и боголюбивый; он был отцам отец и учителям учитель, предводитель вождям, пастырям пастырь, игуменам наставник, монахам начальник, монастырям строитель, постникам похвала, молчальникам поддержка, иереям красота, священникам благолепие, настоящий вождь и неложный учитель, добрый пастырь, праведный учитель, неподкупный наставник, умный правитель, всеблагой руководитель, истинный кормчий, заботливый врач, прекрасный заступник, священный очиститель, создатель общежительства, милостыню подающий, трудолюбивый подвижник, в молитвах крепкий, и чистоты хранитель, целомудрия образец, столп терпения; он прожил на земле ангельской жизнью и прославился в земле Русской, как звезда пресветлая; великая его добродетель многим людям на пользу была, для многих спасение, для многих успех душевный, для многих поддержка, для многих опора; он был для благоверных князей великих русских учителем православия; вельможам же, и тысяцким, и прочим начальникам, и всем придворным, и благоверному всему войску благочестия твердый поборник; архиепископам же, и епископам, и прочим святителям, архимандритам благоразумный и душеполезный предстатель и испытатель; честным же игуменам и пресвитерам прибежище, инокам как лестница, возводящая на высоту небесную; сиротам как отец милосердный, вдовицам как заступник горячий; печальным утешение, скорбящим и сетующим радость, воюющим и гневающимся умиротворение, нищим же и слабым сокровище неистощимое, бедным, не имеющим повседневной пищи, великое утешение, страдающим многими недугами успокоитель, изнемогающим укрепление, робким опора, злосчастным заступник, обиженным помощник, насильников и хищников твердый обличитель, находящимся в плену избавитель, в трудах изнемогающим освободитель; в темницах в оковах содержащимся избавление, должникам выкуп, просящим подаяние, пьяницам трезвость, горделивым целомудрие, чужое грабящим обуздание, лихоимцам запрещение; грешникам кающимся и всем приходящим к нему, как к источнику целительному — верный помощник.

Все видели, что его внешность честная была прекрасна ангельской сединой, постом он был украшен, воздержанием сиял и братолюбием цвел, кроткий взором, с неторопливой походкой, с умиленным лицом, смиренный сердцем, возвышен жизнью добродетельной, удостоен Божьей благодати. Он Бога почитал, и поэтому Бог почтил его, Божью честь великую даровал ему. Он Бога прославил, и Бог на земле прославил его, как сказал Господь в святом Евангелии: «Да светит свет ваш перед людьми так, чтобы они видели дела ваши

прославят Отца вашего, иже есть на небесѣхь».* И пакы рече: «Не укрыется град, връху горы стоа. Ни вжигают свѣтилника и поставляют его под спудом, но на свѣщницѣ»* и прочаа.

Сего же угодника своего, преподобнаго отца нашего и преблаженаго Сергиа, тако Богъ почте его и тако прослави его, яко да молитвами его мнози от болѣзней здравы бывааху и мнози от недугъ исцѣлѣние приаша, мнози от бѣсовь избавишася и многоразличных искушений очистишася. Толико бо Богъ прослави угодника своего не токмо в той странѣ, въ нейже живяше святый, но и въ иных градѣх, и в далних странах, и въ всѣх языцѣх от моря даже и до моря, не токмо въ Царьствующемь градѣ, но и въ Иерусалимѣ. Не токмо едини православнии почюдишася добродѣтелному житию преподобнаго, но и невѣрнии мнози удивишася благопребывателнѣй жизни его: бяше бо Бога възлюби всѣм сердцемь своим и ближняго своего, яко и сам ся. Равно бо любляше всѣх и всѣмь добро творяше, и вси ему благотворяху; и къ всѣм любовь имяше, и вси к нему любовь имѣаху и добрѣ его почитааху. И мнози к нему прихождааху, не токмо ближнии, но издалече и от далних градовъ и странъ, хотяще видѣти и слышати слово от него и велику плъзу и душевное спасение приемлюще от поучениа и дѣлъ его: учаше бо и творяше, якоже въ Дѣаниих святых апостолъ речеся: «Понеже начат Исус творити же и учити»;* иже убо словом учааше, то же сам дѣломь творяше.

И не токмо от поучениа его плъзевaахуся, но и многажды нѣкымь, зрящимь на нь точию, от зрѣниа его приимати ползу многым. Многых научи душеполезными словесы, и на покаание къ Богу обрати; и многых спасе, и въ иночьскый облекъ образ, паче аггельскый, и честныя мощи их своима рукама опрятавъ, погребению предасть. И многых душа къ Богу приведе, и мнози поучениемь его спасошася и донынѣ спасаются, не точию иноци, но и простии, поминающе душеполезнаа его словеса и учениа; упасе бо порученное ему от Бога стадо въ преподобии, правдѣ, образ въ всемь бывъ своимь учеником. Поживе на земли житие чисто, непорочно и благоугодно Господеви, еже наченъ от юности зѣло, то же и съвръши въ старости глубоцѣ, не измѣнивъ правила чернечьскаго въ вся лѣта житиа своего, никакоже разлѣнися, ни унывъ, не инако нача, и инако окончa: но елико убо жестоко и свято нача, толико же изрядно и чюдно скончa; и съ благоизволением убо нача, съ святынею же съвръшив въ страсѣ Божии. «Зачало бо прѣмудрости страх Господень»;* занеже вѣру, и упование, и любовь преизлише приобрѣте, тѣмже благочестивѣ нача, и благочестно поживе, и свято съвръши. Равно течение скончa, вѣру съблюде, и вѣнець праведный получи, и мзду вѣрну въсприат трудовь ради и исправлений своихь, имиже подвизася на земли, подвигъ мног съвръшивъ, и труд великъ подъятъ, тяготу вара дневнаго понесъ, и зной полудневный добльственѣ въсприатъ, и студень зимную велми пострада, и мразы лютыа неистрѣпимыа претрѣпѣ имени ради Божиа; и того ради нынѣ въсприатъ мзду съвершену и велию милость.

добрые и прославляли Отца вашего небесного». И также сказал: «Не укроется город, на верху горы стоящий. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике» и прочее.

Этого угодника своего, преподобного отца нашего и преблаженного Сергия, так Бог почтил и так прославил, что благодаря молитвам его многие от болезней выздоравливали и многие от недугов исцеление получали, многие от бесов избавились и от различных искушений очистились. Так Бог прославил угодника не только в том месте, где жил святой, но и в других городах, и в дальних краях, и у всех народов от моря до моря, не только в Царьграде, но и в Иерусалиме. Не только одни православные изумлялись добродетельной жизни преподобного, но и неверные многие удивлялись блаженной жизни его: ведь он Бога возлюбил всем сердцем своим, и ближнего своего — как самого себя. Ведь одинаково он любил всех и всем добро творил, и все его благодарили; и ко всем любовь имел, и все к нему любовь имели и искренне его почитали. И многие к нему приходили, не только из ближних мест, но издалека, и из дальних городов и краев, желая увидеть его и услышать поучение его, и великую пользу, и душевное спасение получали от поучения и дел его: он учил и творил, как в Деяниях святых апостолов сказано: «Потому что начал Иисус творить и учить»; чему словом учил, то сам делом творил.

И не только поучения его пользу приносили, но много раз, взглянув на него только, от лицезрения его получали пользу многие. Многих он научил душеполезными словами и на покаяние к Богу обратил, и многих спас, и в иноческий облек образ, даже в ангельский, и, честные мощи их своими руками одев, погребению предал. И многих души он к Богу привел, и многие благодаря поучениям его спаслись и доныне спасаются, — не только иноки, но и миряне, — вспоминая душеполезные его слова и поучения; он пас порученное ему Богом стадо в благочестии, правде, примером во всем будучи своим ученикам. Прожил он на земле жизнь чистую, непорочную и угодную Господу, начиная с юности ранней и до старости глубокой, не отступив от правил иноческих во все годы жизни своей; никогда не ленился, не унывал, что начинал, то и завершал: и насколько мужественно и свято он начал, настолько же твердо и чудесно закончил; радостно начал, а свято завершил жизнь в страхе Божьем. «Ведь начало премудрости страх Господа»; так как он верой, и надеждой, и любовью в изобилии обладал, он благочестиво начал, и благочестиво прожил, и свято закончил жизнь. Он неуклонно течение жизни закончил, веру сохранил, и венец праведный получил, и мзду заслуженную принял за труды и деяния свои, которые он совершил на земле, подвиг великий совершил, и трудности великие преодолел, — тяжесть жары дневной терпел и зной полуденный доблестно переносил, и от стужи зимней весьма страдал, и морозы лютые нестерпимые терпел во имя Божье; и за это теперь получил мзду заслуженную и великую милость.

Что же много глаголю, и глаголя не престаю, умножаю рѣчь, распростираа глаголы и продлъжаа слово, не могый по достоянию написати житиа добраго господина и святого старца, не могый по подобию нарещи или похвалити достойно? Обаче прочаа его добродѣтели инде скажем, и многаа его исправлениа индѣ повѣмь, и похвалу его изложим, аще Богъ вразумит и силу подастъ молитвами святого старца; нынѣ же нѣсть время за оскудѣние разума и за мѣлину ума моего.

Сиа же подробну писах не к тѣмь, иже извѣсто свѣдущим и добрѣ знающим благочестно житие его: ти бо не требуют сего възвѣщаниа. Но понудихся възвѣстити сиа и въспомянути новороженным младенцем и младоумным отрочатом, и дѣтскый смыслъ еще имущим, да и ти нѣкогда възрастут, и възмужают, и преуспѣют, и достигнут в мѣру връсты исплънениа мужества, и достигнут в разумь съвръшенъ, и друг друга въспросят о сем, и почетше разумѣют и инѣм възвѣстят, якоже в святом Писании речеся: «Въпроси, — рече, — отца твоего, и възвѣстит тебѣ, старца твоя, и рекут тебѣ. Елико видѣша, и слышаша, и разумѣша, отци наши повѣдаша намъ, да не утаится от чад ихъ в род ихь сказати сыновом своимь, да познает род инъ, сынове родящеися, да въстанут и повѣдят а сыновом своим, не забудут дѣлъ Божиих».* Елици бо их быша великому тому и святому старцу самовидци же и слугы, ученици и таибници, паче же послушници, иже своима очима видѣша его, уши их слышаша и, и руцѣ их осязаста и, ядоша же и пиша с ним, иже учениа его насытишася и добродѣтели его насладишася, то тии не требуют сего худаго нашего писмене. Доволни бо суще и иных научити, паче же и мене самого наказати, и извѣстити, и наставити на путь правый; а елици их еже быти нынѣ начинают, якоже преди речеся, иже не видѣша ниже разумѣша, и всѣм сущим, наипаче же новоначалным зѣло прилична и угодна суть, да не забвено будет житие святого тихое, и кроткое, и незлобливое; да не забвено будет житие его чистое, и непорочное, и безмятежное; да не забвено будет житие его добродѣтелное, и чюдное, и преизящное; да не забвены будуть многыя его добродѣтели и великаа исправлениа; да не забвены будуть благыа обычаа и добронравныя образы; да не будут бес памяти сладкаа его словеса и любезныа глаголы; да не останет бес памяти таковое удивление, иже на немъ удиви Богъ милости своя и дарова намь видѣти такова мужа свята и велика старца, иже бысть въ дни наша.

О възлюблении! Въсхотѣх умлъчяти многыа его добродѣтели, якоже преди рекох, но обаче внутрь желание нудит мя глаголати, а недостиньство мое запрещает ми млъчяти. Помыслъ болѣзный предваряет, веля ми глаголати, скудость же ума загражают ми уста, веляще ми умолъкнути. И понеже обдръжимь есмь и побѣждаемь обѣма нуждама, но обаче лучше ми есть глаголати, да прииму помалу нѣкую ослабу и почию от многъ помыслъ, смущающих мя, въсхотѣвъ нѣчто от житиа святого повѣдати, сирѣчь от многа

Зачем я пространно говорю и говорить не перестаю, умножаю речи, растягивая слова и продолжая рассказ, хотя не могу по достоинству описать жизнь доброго господина и святого старца, не могу, как подобает, назвать его или похвалить достойно? Но о прочих его добродетелях в другом месте скажем, и о многих его деяниях в другом месте сообщим, и похвалу ему изложим, если Бог вразумит меня и силу даст молитвами святого старца; теперь же не время из-за оскудения разума и из-за убожества ума моего.

Это я подробно писал не для тех, кому все доподлинно известно и кто хорошо знает жизнь его: они ведь не нуждаются в этом рассказе. Но хотел я вспомнить это и сообщить для новорожденных младенцев и молодых отроков, у которых еще детский ум, чтобы, когда они вырастут, и возмужают, и преуспеют, и достигнут зрелого возраста, и достигнут совершенства разума, и друг друга спросят о Сергии, — чтобы тогда они прочли это, и уразумели, и другим сообщили, как в Святом писании сказано: «Спроси, — сказано, — отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе. Что видели мы, и слышали, и узнали, отцы наши сообщили нам, чтобы не скрылось это от детей их, которые расскажут сыновьям своим, чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали сыновьям своим, чтобы они не забыли дел Божьих». Ведь те из них, которые были великому тому и святому старцу слугами и очевидцами дел его, учениками и сподвижниками, особенно же послушники, которые своими глазами видели его, и ушами своими слышали его, и руки их осязали его, которые и трапезу делили с ним, которые учением его насытились и добродетелью его насладились, — те не нуждаются в этом убогом нашем рассказе. Ведь они и сами могут других научить, а особенно меня самого исправить, и вразумить, и наставить на путь правый; но для тех, которые не видели и не знали Сергия, и для всех прочих, особенно же для начинающих монахов, эта повесть очень полезна и нужна. Чтобы не забыта была жизнь святого — тихая, и кроткая, и незлобивая; чтобы не забыта была жизнь его чистая, и непорочная, и безмятежная; чтобы не забыта была жизнь его добродетельная, и чудесная, и прекрасная; чтобы не забыты были многие его добродетели и великие деяния; чтобы не забыты были хорошие обычаи его и добрый пример; чтобы не оказались без воспоминания сладостные его речи и мудрые слова; чтобы не остались без воспоминания такие удивительные милости, которыми его прославил Бог, а нас сподобил увидеть такого мужа святого и великого старца, который жил в дни наши.

О возлюбленные! Хотел я молчанию предать многие его добродетели, как я сказал, но, однако, внутреннее желание заставляет меня говорить, а недостатки мои повелевают мне молчать. Мысль моя убогая идет впереди, повелевая мне говорить, скудость же ума заграждает мне уста, повелевая мне умолкнуть. Но хотя одержим я и побеждаем обоими желаниями, все же лучше мне говорить, чтобы получить понемногу некое облегчение и успокоение от многих помыслов,

мала. И взем, написах и положих здѣ в худѣм нашемь гранесословии на славу и честь святѣй и живоначалнѣй Троици и пречистѣй Богоматери и на похвалу преподобному отцу нашему Сергию худымь своим разумом и растлѣнным умом. Наипаче же усумнѣхся, дръзаю, надѣяся на молитву блаженаго, понеже житие его добродѣтелно есть и съвръшено, и от Бога прославленъ бысть. Аз же убояхся, яко немощенъ есмь, груб же и умовреденъ сый; но обаче подробну глаголя, невъзможно бо есть постигнути до конечнаго исповѣданиа, якоже бы кто моглъ исповѣдати доволно о преподобнѣм сем и отци, великом старци, иже бысть въ дни наша, и времена, и лѣта, въ странѣ и въ языцѣ нашем, поживе на земли аггельскым житиемь, стяжа тръпѣние кротко и въздръжание твръдо, въ девьствѣ, и чистотѣ, и цѣломудрии, съвръши святыню Божию и сподобленъ бысть божественыа благодати: понеже от юности очистися церкви быти Святого Духа и преуготова себе съсуд святъ избранъ, да вселится Богъ в онь, по апостолу, глаголющу: «Братие, вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ: „Вселюся в ня"».*

Сий убо преподобный отець нашь Сергие из дѣтьска възраста, и от уны връсты, и от младых ногоць предасться Богу, и от самых пеленъ Богу освятися, измлада церкви велми пристояше, и чясто в ня входя, поучаяся въ святых книгахь, навыкь божественая писаниа, и сладостно их послушаа, и в них поучаашеся, якоже пророкь Давидъ рече: «Поучится день и нощь и будет яко древо, саждено при исходящих вод, иже плод свой даст въ время свое».* Измлада бо възлюби мнишеский чинъ и въ нь облекся, измлада въ всякой добродѣтели прилѣжно постився и всяку добродѣтель иночьскаго житиа исправи, и свѣт благодатный възсиа въ сердци его, и просвѣтися помыслъ его благодатию духовною, *еюже* приспѣаше в житии добродѣтелном.

И въздръжание велие стяжа въ себѣ, смиреномудрие, цѣломудрие и къ всѣм любовь нелицемѣрну. Слава же и слышание пронесеся о нем повсюду, и вси слышащеи издалеча притекааху к нему, и великий успѣх, и многу плъзу, и спасение приимаху от него: даст бо ему Господь разум о всем, могый утѣшити печалныя. Сице же бѣ тщание его, да не прилпнет умь его ни кацѣх же вещех земных и житейскыхь печалехь; и ничтоже не стяжа себѣ притяжаниа на земли, ни имѣниа от тлѣннаго богатьства, ни злата или сребра, ни съкровищь, ни храмов свѣтлых и превысоких, ни домовъ, ни селъ красных, ни риз многоцѣнных. Но сице стяжа *себѣ* паче всѣх истинное *настяжание* и безимѣнство, и богатство — нищету духовную, смирение безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно къ всѣм человеком. И всѣх вкупѣ равно любляаше и равно чтяше, не избираа, ни судя, ни зря на лица человеком, и ни на кого же възносяся, ни осужаа, ни клевеща, ни гнѣвом, ни яростию, ни жестостию, ни лютостию, ниже злобы дръжа на кого; но *бяше* слово его въ благодати солию растворено съ сладостию и с любовию.*

смущающих меня, и решаюсь я кое-что о жизни святого рассказать, то есть из многого малое. Я взял, написал и запечатлел все здесь, в убогой нашей похвале на славу и честь святой и живоначальной Троице и пречистой Богоматери и на похвалу преподобному отцу нашему Сергию, убогим своим разумом и растленным умом. Хотя и сомневаюсь, но дерзаю писать, надеясь на молитву блаженного, потому что жизнь его была добродетельна и совершенна, и он Богом прославлен. Я же убоялся, потому что немощен я, грубым и злым будучи; но, даже подробно повествуя о Сергии, невозможно понять его до конца, даже если бы кто-нибудь смог изложить все исчерпывающе о преподобном этом отце, великом старце, который жил в дни наши, и времена, и годы, в стране нашей и среди народа нашего, прожил на земле ангельскую жизнь, закалился в терпении кротком и воздержании твердом, в девственности, и в чистоте, и целомудрии, достиг святыни Божьей и удостоен был божественной благодати: потому что с юности он очистился, чтобы церковью стать Святого Духа, и сделал себя сосудом святым избранным, чтобы вселился Бог в него, согласно апостолу, говорящему: «Братья, вы церковь Бога живого, как сказал Бог: „Вселюсь в них"».

Этот преподобный отец наш Сергий с детского возраста, и с юных лет, и с младых ногтей предался Богу, и с самых пелен Богу был посвящен, с молодых лет церковь весьма любил, и, часто в нее ходя, наставляясь по святым книгам, выучил божественные писания, и, радостно их слушая, по ним учился, как пророк Давид сказал: «Будет учиться день и ночь и будет как дерево, посаженное при потоках вод, которое плод свой приносит во время свое». Ибо с молодости он возлюбил монашескую одежду и в нее облекся, с молодости в различных добродетелях прилежно постился и все добродетели иноческой жизни постиг, и свет благодатный воссиял в сердце его, и просветилась мысль его благодатью духовной, благодаря которой он преуспевал в жизни добродетельной.

Воздержание великое он хранил, смирение, целомудрие и ко всем любовь нелицемерную. Слава его и слух о нем разнеслись повсюду, и все, слыша о нем, издалека приходили к нему, и великое благо, и многую пользу, и спасение получали от него: ведь дал ему Господь разум всяческий, который мог утешить опечаленных. Все усердие его было направлено на то, чтобы не обратился ум его ни к каким вещам земным и житейским печалям; и никаких он не стяжал себе стяжаний на земле — ни имения от тленного богатства, ни золота или серебра, ни сокровищ, ни храмов светлых и высоких, ни домов, ни сел прекрасных, ни одежды драгоценной. Но он стяжал вместо всего этого истинное нестяжание и бедность, а вместо богатства — нищету духовную, смирение великое и любовь нелицемерную равно ко всем людям. Он всех вместе равно любил и равно почитал, не выбирая, не судя, не взирая на лицо человека, ни над кем не возносясь, не осуждая, не клевеща, ни с гневом, ни с яростью, ни с жестокостью, ни со свирепостью; и зла он не имел против кого-либо; но слово его в благодати солью было растворено с приятностью и с любовью.

Кто бо, слыша добрый его сладкий отвѣтъ, не насладися когда от сладости словес его? Или кто, зряй на лице его, не веселяшеся? Или кто, видя свято его житие, и не покаася? Или кто, видя кротость его и незлобие, и не умилися? Или кто сребролюбець бысть, видя его нищету духовную, и не подивися? Или кто похыщникь и грьдостию превъзносяйся, видя его высокое смирение, и не почюдися? Или кто бысть блудникь, видя чистоту его, и не прѣменися от блуда? Или кто гнѣвливъ и напрасен, бесѣдуя с ним, на кротость не преложися? Нѣсмь бо азъ видѣлъ въ дни сиа, и въ нынѣшняа времена, и в наша лѣта сицева мужа свята, и съвръшена въ всяко дѣло благо, и украшена всякою добродѣтелию всячьскы. Якоже от прочихь святых иже кто възлюбленъ есть от Бога, яко сей преподобьный Сергие?

Сьй ми есть и прьвый и послѣдний въ нынѣшняа времена; сего Богъ проявилъ есть в послѣдняа времена на скончание вѣка и послѣднему роду нашему, сего Богъ прославилъ есть в Руской земли и на скончание седмыа тысяща;* сьй убо преподобный отець нашь провосиалъ есть въ странѣ Русстѣй, и яко свѣтило пресвѣтлое възсиа посреди тмы и мрака, и яко цвѣт прекрасный посреди трьниа и влъчець, и яко звѣзда незаходимаа, и яко луча, тайно сиающи блистающе, и яко кринъ въ юдолии мирьскых, и яко кадило благоуханно, яко яблоко добровонное, яко шипок благоуханный, яко злато посреди брьниа, яко сребро раждежено, и искушено, и очещенно седморицею, яко камень честный, и яко бисеръ многоцѣнный, и яко измарагдъ и самфиръ пресвѣтлый, и яко финиксъ процвѣте, и яко кипарис при водахь, яко кедръ иже в Ливанѣ, яко маслина плодовита, яко араматы благоуханиа, и яко миро* излианное, и яко сад благоцвѣтущь, и ако виноград плодоносенъ, и яко гроздъ многоплоденъ, и яко оград заключенъ, и ако врьтоград затворенъ, и яко сладкый запечатлѣнный источникъ, яко съсуд избранъ, яко алавастръ мира* многоцѣннаго, и ако град нерушим, и яко стѣна неподвижима, и яко забрала тврьда, и ако сынъ крѣпокъ и вѣренъ, и ако основание церковное, яко столпъ непоколѣбимь, яко вѣнець пресвѣтлый, яко корабль, исплъненъ богатства духовнаго, яко земный аггелъ, яко небесный человекь.

Успе же старець о Господѣ въ старости глубоцѣ, добрѣ поживъ, въ преподобии, въ правдѣ и цѣломудрии, въ смиреномудрии, въ всякой чистотѣ и святыни, исплънь дний духовных, преставися от житиа сего лѣт седмидесяти и осми. Чрънечествова же лѣт 55 съ всяким прилежаниемь и въздръжанием, не лѣностию тогда съдрьжимь, но *с* бодростию и съ мнозѣмь трезвѣниемь, и всѣх инокь предуспѣ в родѣ нашемь труды своими и трьпѣниемь, и многых превзыде добродѣтелми и исправлении своими. Что же наше житие или что наше пребывание противу святого подвигом и прочимь добродѣтелем? Ничтоже есть наше чернечьство, и наша молитва яко стѣнь есть. *И колико растоание имать востокъ* от запада, сице нам неудобь есть постигнути житиа блаженнаго и праведнаго мужа. Сице ти есть житие его и сицевы труды его, и исправлениа,

Кто, услышав добрый его сладостный ответ, не насладился когда-либо сладостью слов его? Или кто, взирая на лицо его, не веселился? Или кто, видя святую его жизнь, не покаялся? Или кто, видя кротость его и незлобивость, не умилился? Или какой хищник, в гордости возносящийся, видя его высокое смирение, не поразился? Или какой блудник, видя чистоту его, не прекратил жизнь блудную? Или какой гневливый и несдержанный человек, беседуя с ним, в кроткого не превратился? Ибо я не видел в дни наши, и в нынешние времена, и в наши годы такого мужа святого, и совершенного во всяком деле благом, и украшенного всякими добродетелями всесторонне. Ибо кого из прочих святых столь возлюбил Бог, как этого преподобного Сергия?

Он для меня первый и последний в нынешние времена; его Бог даровал в последние времена перед концом света нам, последним людям, его Бог прославил в Русской земле в конце седьмого тысячелетия; этот преподобный отец наш воссиял в стране Русской, и как светило светлое воссиял посреди тьмы и мрака, и как цветок прекрасный среди терниев и колючек, и как звезда незаходящая, как луч, тайно сияющий и блистающий, и как лилия в ущелье земном, и как кадило благоуханное, как яблоко благовонное, как шиповник благоуханный, как золото посреди пыли, как серебро раскаленное, и испытанное, и очищенное семь раз, как камень прекрасный, и как жемчуг драгоценный, и сапфир светлый, и как финиковая пальма он расцвел, и как кипарис у воды, как кедр в Ливане, как маслина плодовитая, как ароматы благоуханные, как миро излитое, и как сад пышный, как виноградник плодоносный, и как гроздь богатая, и как огород запертый, и как вертоград затворенный, и как сладостный скрытый источник, как сосуд избранный, как алавастр с миром ценным, и как город несокрушимый, и как стена неподвижная, и как крепость твердая, и как сын крепкий и верный, и как основание церкви, как столб неколебимый, как венец славный, как корабль, наполненный богатством духовным, как земной ангел, как небесный человек.

Скончался старец ради Господа в старости глубокой, славно прожив, в добродетели, в правде и целомудрии, в смирении, во всякой чистоте и святости, кончив дни духовные, ушел из жизни этой в семьдесят восемь лет со всяким прилежанием и воздержанием, леностью никогда не одолеваем, но с бодростью и в великой трезвости, и всех иноков превзошел во времена наши трудами своими и терпением, и многих превзошел добродетелями и деяниями своими. Что наша жизнь или что наше существование по сравнению с подвигами и другими добродетелями святого? Ничто по сравнению с ним наше иночество, и наша молитва только отблеск его молитвы. И насколько отстоит восток от запада, настолько нам трудно постигнуть жизнь блаженного и праведного мужа. Такова жизнь его и таковы труды его, и деяния, и подвиги, и тяготы, и многие

а подвизи, и потове, и мнози болѣзни, еже от многа мало нѣчто понудихомся, аще и не по чину положихом, ни по достоянию написахомь.

Егда же приспѣ врѣмя преставлениа его, заповѣда ученикомъ своим и не повелѣ имъ въ церкви положити ся, но внѣ церкви тако просто повелѣ погрести ся с прочими братиами. Братиа же, слышавше сиа от святого, зѣло скръбни быша и о семь въпросиша пресвятѣйшаго архиепископа. Тогда же бѣ въ преславнѣмь и пресловущем въ велицѣм градѣ Москвѣ, украшаай престолъ пресвятыа и преславныя владычица наша Богородица,* преосвященный Кипреянъ митрополит.* Поразсмотривъ и разсуди въ себѣ, како и гдѣ погребется блаженный, и благослови и повелѣ им положити его въ церкви на правѣй странѣ; еже и бысть. Положено же бысть тѣло преподобнаго въ церкви, юже сам създа, и възъдвиже, и устрои, и съвръши, и украси ю всякою подобною красотою, и нарече сиа быти въ имя святыа, и живоначалныа, и нераздѣлимыя, и единосущныа Троица; въ честнѣмь его монастыри, и пресловущей лаврѣ, и велицѣ оградѣ, и въ славнѣй обители, яже самъ съгради, и съвокупи, и устрои; идѣже братию събра, словесное стадо Христово и спасену паству упасе ю в незлобии сердца своего, и в разумѣ настави; идѣже и самъ одѣянъ бысть въ иночьскый образ, паче же аггельскый, и много тмами тем труды положи, и неизчетныя подвигы показа; идѣже непрестанныя молитвы сътвори; идѣже повседневныя и нощныя пѣниа и благодарениа славословяше и Бога въспѣваше; идѣже многолѣтное и многострадалное течение свое препроводи и укрѣпи, не исходя от мѣста своего въ иныя предѣлы, развѣ нужда нѣкыя.

Не взыска Царьствующаго града, ни Святыа горы* или Иерусалима, якоже аз, окаанный и лишеный разума. Увы, лютѣ мнѣ! Ползаа сѣмо и овамо, и преплаваа суду и овуду, и от мѣста на мѣсто преходя; но не хождааше тако преподобный, но в млъчании и добрѣ сѣдяше и себѣ внимаше: ни по многым мѣстомь, ни по далним странам хождааше, но во едином мѣсте живяше и Бога въспѣвааше. Не искаше бо суетных и стропотных вещий, иже не требѣ ему бысть, но паче всего взыска единаго истиннаго Бога, иже чим есть душа спасти, еже и бысть: «Ищете бо, — рече, — и обрящете, и тлъкущему отвръзается».* Кто бо нынѣ тако взыска Бога всѣмь сердцемь и от всеа душа възлюби, якоже съй преподобный отець нашь? Якоже пророкь рече: «Всѣмь сердцемь моим *взыска* тебе»;* и пакы: «Взысках Господа, и услыша мя».*

Въ время же преставлениа его събрася множество народа от град и от странъ многых, коиждо желаше съ многым тщанием приближитися и прикоснутися честнѣмь телеси его или что взяти от риз его на благословение себѣ. Поболѣвъ убо старець нѣколико время, и тако преставися къ Господу, къ вѣчным обителем, изсушивъ тѣло свое постом и молитвами, истончивъ плоть и *умертвивъ* уды сущаа на земли, страсти телесныя покоривъ духови, победивъ вреды душевныа, поправъ сласти житийскиа, отвръгъ земнаа попечениа, одолѣвъ страстным стремлениемь, презрѣвъ мирьскую красоту, злато, и сребро,

болезни, мы же из множества о малом только постарались рассказать, хотя и не по заслугам сообщили о нем, не по достоинству написали.

Когда пришло время кончины его, он наставление дал ученикам своим и не разрешил им в церкви положить себя, но вне церкви скромно повелел похоронить себя с прочими братьями. Братия же, услышав это от святого, весьма печальна была и об этом спросила пресвятейшего архиепископа. Тогда в славном и знаменитом в великом городе Москве, украшая престол пресвятой и славной владычицы нашей Богородицы, был митрополитом преосвященный Киприан. Подумав и рассудив про себя, как и где должен быть погребен блаженный, он благословил братьев и повелел им положить его в церкви с правой стороны; так и сделали. Положено было тело преподобного в церкви, которую он сам создал, и воздвиг, и устроил, и основал, и украсил ее всякими подобающими украшениями, и назвал в честь святой, и живоначальной, и неразделимой, и единосущной Троицы; в честном его монастыре, и в знаменитой лавре, в великой ограде, и в славной обители, которую он сам воздвиг, и создал, и устроил; где он братию собрал, словесное стадо Христа, и как спасенное стадо пас ее в доброте сердца своего, и разуму наставлял; где и сам он принял иноческий образ, даже ангельский, и многие неисчислимые тысячи трудов совершил, и бесчисленные подвиги творил; где он непрестанные молитвы возносил; где он в повседневном и ночном пении в благодарности славословил и воспевал Бога; где он многолетний и многострадальный путь жизни своей закончил и завершил, не уходя с места своего в другие земли, за исключением особой на то нужды.

Не стремился он к Царьграду, Святой горе или Иерусалиму, как я, окаянный и лишенный разума. Увы, тяжко мне! Я ползаю здесь и там, и плаваю туда и сюда, и с места на место перехожу; не скитался так преподобный, но в молчании похвальном оставался и к себе прислушивался: ни во многие места, ни в далекие края он не ходил, но на одном месте жил и Бога воспевал. Ибо он не искал суетных и трудных вещей, в которых нужды нет, но более всего стремился к единому истинному Богу, чтобы душу спасти, что и удалось ему: «Ищите, — сказано, — и найдете, и стучащему отворяется». Кто ныне так стремился к Богу всем сердцем и от всей души его любил, как этот преподобный отец наш? Как пророк сказал: «Всем сердцем моим искал тебя»; а также: «Я искал Господа, и он услышал меня».

Во время кончины Сергия собралось множество народа из городов и из мест многих, каждый желал весьма настойчиво приблизиться и прикоснуться к честному телу его или взять что-нибудь из одежды его в качестве благословения себе. Болел старец некоторое время и так ушел к Господу, к вечным обителям, иссушив тело свое постом и молитвами, изнурив плоть и умертвив части тела земного, страсти телесные покорив духу, победив зло душевное, поправ сладости жизни, отвергнув земные заботы, одолев страстные устремления, презрев мирскую красоту, золото, и серебро, и прочее имущество соблаз-

и прочаа имѣниа прелестнаа свѣта сего яко худаа въмѣнивъ и презрѣ. И легьцѣ преплувъ многомутное житейское море, и без вреда препроводи душевный корабль, исполнь богатства духовнаго, беспакостно доиде въ тихое пристанище, и достиже, и крилома духовныма въскрилися на высоту разумную, и вѣнцем бестрастиа украсися, преставися къ Господу и прииде от смерти в живот, от труда въ покой, от печали в радость, от подвига въ утѣшение, от скръби въ веселие, от суетнаго житиа въ вѣчную жизнь, от маловременнаго вѣка в вѣкы бесконечныа, от тля в нетлѣние, от силы в силу, и от славы въ славу. И вси пришедшеи ту и обрѣтшеися плакахуся его ради.

Князи, и боляре, и прочии велможи, и честнии игумени, попы же, и диакони, и инокъ множество, и прочии народи съ свѣщами и с кандилы проводиша честно священныа его и страстотръпческиа мощи, пѣвше над ним обычныя пѣниа, и благодаривше надгробныа пѣсни, и доволно молитвовавше, опрятавше и благочиннѣ положиша и въ гробѣ, якоже преже речеся. И на многъ часъ плакавше над ним доволно, едва разыдошася кождо въсвояси, многа плача печали наплънишася. Наипаче непрестанных сльз еже ему бѣша приснии ученици и любимии послушници, в паствѣ его живущеи, зѣло вси скръбни быша, хождааху, сѣтующе, въздыхающе и рыдающе, стеняще смѣрени, сльзни, дряхли, печални, умилени, поникли, не имуще утѣшениа, и другь друга срѣтающе и въпрашающе, и съ многыми сльзами умилено глаголааху: «Прости, отче, и благослови, възлюбленый о Христѣ брат! Се добрый и блаженный нашь старець от нас къ Господу отиде, и нас сирых оставивъ. Изыде тамо, идѣже есть мъзда велиа и въздаание дѣлом его. Изыде с миром къ Господу егоже измлада възлюби. Успе сном вѣчнымь и длъжным и почи о Господи в покой вѣчный, токмо нас сирых оставль. Тѣм нынѣ и мы по нем жадаемь и плачемся, яко остахом его и обнищахом зѣло, яко осирѣхом и умалихомся, яко смирихомся и уничижихомся, яко оскръбихомся и *убожихомся*, и изумлени быхом, яко стадо бес пастыря и корабль бес кръмника, яко виноград многоплодный без стража и болящий без врача; быхом смущени и отвръжени». Сиа таковаа и подобна сим, по нем скръбяще и плачюще, глаголаху.

Мнози же убо елици к нему вѣру и любовь имуще не токмо в животѣ, но и по смерти къ гробу его присно приходяще, и съ страхомь притекающе, и вѣрою приступающе, и любовию припадающе, и съ умилениемь приничюще, и руками обьемлюще святолѣпно и благоговѣйно, осязающе очима, и главами своими прикасающеся, и любезно цѣлующе раку мощей его, и устнами чистами лобызающе, и вѣрою теплою и горящемь желаниемь и многою любовию бесѣдующе к нему, акы живу, поистинѣ и по успении живому, и съ сльзами глаголюще къ нему:

Молитва: «О святче Божий, угодниче Спасовъ! О преподобниче и избранниче Христовъ! О священная главо, преблаженный авва Сергие великий!

нительное света этого как дурные вещи отверг и презрел. И легко переплыв мутное море жизни, он невредимым провел душевный корабль, наполненный богатством духовным, без ущерба дошел до тихой пристани, и достиг ее, и крыльями духовными вознесся на высоту разумную, и венцом бесстрастия украсился, отошел к Господу и перешел из смерти в жизнь, из труда в покой, из печали в радость, из подвига в утешение, из скорби в веселье, из суетной жизни в вечную жизнь, из быстротекущего мира в мир бесконечный, из тления в нетление, из силы в силу, из славы в славу. И все пришедшие в монастырь и находившиеся там плакали о нем.

Князья, и бояре, и другие вельможи, и честные игумены, попы, и дьяконы, и иноков множество, и прочие люди со свечами и кадилами проводили честно его священные и мученические мощи, пели над ним положенное пение, и благодарность воздали в надгробных песнях и, достаточно помолившись, обрядили и благочинно положили его в гроб, как выше было сказано. И многие часы плакали над ним беспрестанно и едва разошлись все восвояси, многими слезами и печалью полные. Особенно непрестанные слезы изливали его старые ученики и любимые послушники, которые в стаде его жили, весьма все были скорбны и ходили, сетуя, вздыхали и рыдали, стонали смиренные, со слезами, дряхлые, печальные, умиленные, поникшие, не имея утешения; и, друг друга встречая и вопрошая, они со многими слезами умиленно говорили: «Прости, отче, и благослови нас, возлюбленный во Христе брат! Вот добрый и блаженный наш старец от нас к Господу отошел, нас осиротевшими оставив. Ушел туда, где получит мзду великую и воздаяние за дела его; ушел с миром к Господу, которого с молодости возлюбил. Успокоился в сне вечном и заслуженном и почил о Господе в покое вечном, только нас осиротевшими оставил. Поэтому сейчас мы о нем жалеем и плачем, так как остались без него и обнищали очень, так как осиротели и уменьшились, так как смирились и в презрении остались, так как мы опечалены и обеднели, и в растерянности находимся, как стадо без пастыря и корабль без кормчего, как виноградник плодовитый без сторожа и больной без врача; мы смущены и отвержены». Такие слова и подобные этим, скорбя и плача о нем, они говорили.

Многие из тех, которые к нему веру и любовь имели не только при жизни, но и после смерти, к гробу его всегда приходили, и со страхом прибегали, и с верой приступали, и с любовью припадали, и с умилением приближались, и руками обнимали благочестиво и с благоговением, и взирали очами, и головой своей прикасались, и с любовью целовали раку с мощами его, и устами чистыми лобзали, и верой исполненные и страстным желанием с великой любовью беседовали с ним, как с живым, — воистину после смерти живым, — и со слезами говорили ему:

Молитва: «О святой Божий, угодник Спаса! О преподобный избранник Христа! О священный муж, преблаженный отец Сергий великий! Не забудь

Не забуди нас, нищих своих, до конца, но поминай нас всегда въ святыхь своих благоприатныхь молитвах къ Господу. Помяни стадо свое, яже сам паствилъ есть, и не забуди присѣщати чад своих. Моли за ны, отче священный, за дѣти своа духовныя, яко имѣа дрързновение къ небесному царю, и не премолчи, въпиа за ны къ Господу, не презри нас, вѣрою и любовию чтущих тя. Помяни нас, недостойных, у престола Вседрръжителева. Не престай моляся о нас къ Христу Богу, тебѣ бо дана бысть благодать за ны молитися. Не мним бо тя мертва суща, аще и тѣлом преставися от насъ, но не отступи от нас духом, пастуше нашь добрый. Се бо мощей твоихъ гробъ пред очима нашима видимы есть всегда, но святаа твоа душа невидимо съ аггельскыми воиньствы, съ бесплотными ликы, съ небесными силами у престола Вседрръжителева и в лѣпоту достойно веселится. Нам бо суще свѣдущим тя, яко живу ти и по смерти сущу».

Тако бо писано есть пророком, глаголющим: «Душа праведных в руцѣ Божии, и не прикоснется их мука; упование их исплънь бесмертиа, яко Богъ искуси а и обрѣте их достойны себѣ; яко злато искуси а и яко всесъждежениа приат а; яко благодать и милость въ избранных его, и посѣщение на преподобных его».* «Праведници бо, — рече, — в вѣкы живут, мъзда от Господа и строение их от Вышняго; сего ради приимут царствие красоты и вѣнець доброты от рукы Господня. Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение Господне над главою праведнаго; аще и преставится праведный, въ покои будеть; старость бо честна не многолѣтна, ни в числѣ лѣт изчтена есть; сѣдины же суть разум человеку, лѣта же старости — житие нескврънно. Угоденъ Богу бывъ и възлюбленъ бывъ, живый посреди грѣшник преставленъ бысть, да не злоба измѣнит разумъ его, и лесть да не помрачит его; скончався, въмалѣ исплъни лѣта многа: угодна бо бѣ Господеви душа его. Того ради Господь любит праведника, съхранит и, живит и, и ублажит его на земли, и не дасть в вѣкы смятениа праведнику, ниже дастъ видѣти истлѣниа преподобному своему. Яко высокь Господь на смеренныа призирает, и приемля кроткыа Господь, и близ есть всѣмь призывающим его истинною; волю боящихся его сътворит, и молитву их услышит, и спасетъ я; хранит Господь вся любящаа его; любитъ Господь праведных сердца, приати же ему все непорочнии в путь; хранит Господь вся кости их, и ни едина от них не съкрушится; похваляему убо праведнику, възвеселятся людие. Се тако благословится человекь, бояйся Господа, и иже живый в *помощи* Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго въдворится; насажденъ в дому Господни, въ дворѣх дому Бога нашего процвѣтет, и яко кѣдръ иже в Ливанѣ умножится. Си есть слава церковнаа, слава есть всѣм преподобным его. Радуйтеся, праведнии, о Господѣ, праведнымь подобает похвала!» «В память вѣчную, — рече, — будет праведникь, и род праведных благословится. Мнѣ же зѣло честни быша друзи твои, Боже, зѣло утврърдишася владычьствиа их».* Якоже рече Павел апостолъ: «Братие, радуйтеся о Господѣ», и пакы рече: «Радуйтеся».* И рече праведник: «Понеже убо смирихся,

нас, нищих твоих, окончательно, но вспоминай о нас всегда в святых твоих благих молитвах к Господу. Вспомни стадо свое, которое ты сам пас, и не забывай посещать детей своих. Молись за нас, отче священный, за детей своих духовных, поскольку ты имеешь дерзновение перед небесным царем, и не умолкай, взывая за нас к Господу, не оставь нас, с верой и любовью почитающих тебя. Вспомни нас, недостойных, у престола Вседержителя. Не переставай молиться за нас к Христу Богу, — ведь тебе дана благодать за нас молиться. Мы не считаем тебя мертвым, хотя тело твое скончалось для нас, но не отступай от нас духом, пастух наш добрый. Вот гроб с мощами твоими перед глазами нашими стоит всегда, но святая твоя душа невидимо с ангельским войском, с бесплотными ликами, с небесными силами у престола Вседержителя прекрасно и достойно радуется. Ибо мы знаем про тебя, что жив ты и после смерти».

Ведь так написано пророком, сказавшим: «Души праведных в руке Божьей, и не коснется их мучение; надежда их полна бессмертия, потому что Бог испытал их и нашел их достойными его; как золото испытал их и как жертву принял их; ибо благодать и милость с избранными его, и он посещает преподобных своих». «А праведники, — сказано, — во веки живут, мзда им от Господа и помощь им от Всевышнего; поэтому они получат царство красоты и венец доброты из рук Господа. Память о праведном с похвалами бывает, и благословение Господа над головой праведного; хотя и скончался праведный, в покое будет; ибо старость честная не в долговечности, не числом лет измеряется, — разум есть седина для людей, а возраст старости — жизнь непорочная. Угоден Богу был и возлюблен им был, жил среди грешников и преставился, чтобы злоба не изменила разума его, и лесть чтобы не помрачила его; он скончался, в короткое время прожив годы многие: ибо была угодна Господу душа его. Поэтому Господь любит праведника, сохранит его, сбережет ему жизнь, блажен будет он на земле, и не будет никогда в смятении праведник, и не даст Бог увидеть тление преподобному своему. Высок Господь и смиренных возвышает, и принимает кротких Господь, и близок Господь ко всем призывающим его в истине; желание боящихся его он исполняет, молитву их услышит, и спасет их; хранит Господь всех любящих его: любит Господь праведных сердцем, приятны ему все, идущие непорочным путем; хранит Господь все кости их, и ни одна из них не сокрушится; когда хвалят праведника, веселятся люди. Вот так благословится человек, боящийся Господа, и живущий с помощью Всевышнего под кровом Бога небесного водворится; посаженный в доме Господа, во дворах дома Бога нашего расцветет и, как кедр в Ливане, умножится. Вот слава церковная, слава всем преподобным Бога. Радуйтесь, праведные, о Господе, праведным подобает похвала!» «В памяти вечной, — сказано, — будет праведник, и род праведных благословится. Сколь славны для меня друзья твои, Боже, и как утвердилась власть их». Как сказал Павел-апостол: «Братья, радуйтесь о Господе», и снова сказал: «Радуйтесь». И сказал праведник: «Поскольку я смирил-

и спасе мя Господь. Сего ради обратися душе моа в покой твой, яко добро сътвори тебѣ Господь, яко изъят душю мою от смерти, очи мои от сльз, нозѣ мои от въсползновениа; угодих пред Господомь въ странѣ живущихь.* Се покой мой въ вѣкь вѣка, зде вселюся; изволих примѣтатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селех грѣшничих. Когда прииду и явлюся лицу Божию въ гласѣ радованиа и исповѣданиа шума празднующаго?* Тѣмже не умру, но живъ буду и исповѣмь дѣла Господня; показуя наказа мя Господь, смерти же не предаст мене. Отврьзите мнѣ врата правды, и вшед въ ня исповѣмся Господеви,* глаголя: «Господи, Боже силъ! Коль възлюбленна села твоа! Желает душа моа скончатися въ дворы *твоя*, яко лучши есть день единь въ дворѣх твоих паче тысящь; и яко тысяща лѣт пред очима твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо идеть; и яко желает елень на источникы водныа, тако вжада душа моа к тебѣ, Боже; яко всѣм есть веселящимся жилище у тебѣ и источникъ животу. Блажени живуще в дому твоем: в вѣкъ вѣка въсхвалят тя.* Блажени кротци, яко ти наслѣдят землю и обладают ею».*

Явѣ, яко праведници, и кротци, и смирени сердцемь, ти наслѣдят землю тиху и безмлъвну, веселящу всегда и наслажающа, не токмо телеса, но и самую душю неизреченнаго веселиа непрестанно исплъняюще, и на ней вселятся въ вѣкь вѣка.

Тако и съй преподобный отець нашь Сергие того ради вся краснаа мира сего презрѣ и сиа въжделѣ, и сиа прилѣжно взиска, землю кротку и безмолвну, землю тиху и безмятежну, землю красну и всякого исплънь утѣшениа, якоже сама истинна рече въ святомь Евангелии: «Толцай отврьзет себѣ, и ищай обрящете безцѣнный бисерь»,* рекше Господа нашего Исуса Христа, и царьство небесное от него въсприат, егоже буди всѣм нам получити благодатию Господа нашего Исуса Христа, емуже подобает всяка слава, честь, покланяние съ безначалным его Отцем и съ пресвятым, и благым, и животворящим его Духом нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣком. Аминь.

ся, спас меня Господь. Поэтому возвратилась душа моя в покой твой, ибо добро сотворил душе Господь, ибо он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез, ноги мои от преткновения; я угодил Господу в стране живых. Это покой мой навеки, здесь вселюсь; желаю быть у порога в доме Бога моего больше, чем жить в селах грешников. Когда приду и явлюсь перед лицом Божьим с голосом радости и славословия шума праздничного? Поэтому я не умру, но жить буду и возвещать дела Господни; строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня. Отворите мне ворота правды, и я войду в них и прославлю Господа, говоря: «Господи, Боже сил! Как возлюбленны жилища твои! Желает душа моя скончаться во дворах твоих, ибо день один во дворах твоих лучше тысяч; ибо тысяча лет пред очами твоими, Господи, как день вчерашний, когда он прошел; и как тянется олень к источнику воды, так тянется душа моя к тебе, Боже; ибо для всех веселящихся жилище у тебя и источник жизни. Блаженны живущие в доме твоем: они будут восхвалять тебя во веки веков. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю и будут обладать ею».

Ясно, что праведники, и кроткие, и смиренные сердцем наследуют землю тихую и безмолвную, веселящую всегда и наслаждающую, не только тела, но и саму душу несказанным весельем постоянно наполняющую, и на ней будут веселиться всегда.

Так и этот преподобный отец наш Сергий ради того все прелести мира здешнего презрел и к ней стремился, и ее прилежно искал, землю спокойную и безмолвную, землю тихую и безмятежную, землю прекрасную и всяким исполненную утешением, как сама истина сказала в святом Евангелии: «Стучите и откроете себе, ищите и найдете жемчуг бесценный», то есть Господа нашего Иисуса Христа, и царство небесное от него принял, и пусть все мы получим его по благодати Господа нашего Иисуса Христа, которому подобает всякая слава, честь, поклонение с безначальным его Отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим его Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ИГУМЕНАМ СЕРГИЮ И ФЕОДОРУ

Кирпианъ, милостию Божиею митрополитъ всея Руси,* — честному старцю игумену Сергию* и игумену Феодору* *и* аще кто инъ единомудренъ с вами.

Не утаилося от васъ и от всего рода християньскаго, елико створилося надо мною, еже не створилося есть ни над единымъ святителемъ, како Руская земля стала. Яз Божиимъ изволениемъ и избраниемъ великаго и святаго сбора и благословениемъ и ставлением вселеньскаго патриарха поставленъ есмь митрополиъ на всю Рускую землю, а вся вселенная вѣдаеть. И нынѣче поѣхал есмь был со всѣмъ чистосердиемъ и з доброхотѣниемъ къ князю великому. И он послы ваша разослалъ мене не пропустити и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы пред ними поставивъ, и елика зла надо мною дѣяти — еще же и смерти предати насъ немилостивно — тѣх научи и наказа же. Азъ же, его безъчестия и души его болши стрега, инымъ путемъ проидохъ, на свое чистосердие надѣяся и на свою любовь, еже имѣлъ есмь къ князю великому, и къ его княгини, и къ его дѣтемъ. Он же пристави надо мною мучителя, проклятаго Никифора. И которое зло остави, еже не сдѣя надъ мною! Хулы, и наругания, и насмѣхания, грабления, голодъ! Мене в ночи заточилъ нагаго и голодного. И от тоя ночи студени и нынѣча стражу. Слуги же моя — над многим и злымъ, что над ними издѣяли, отпуская их на клячах либивыхъ бе-сѣделъ во обротехъ лычных, — из города вывели ограбленыхъ и до сорочки, и до ножевъ, и до ногавиць, и сапоговъ и киверевъ не оставили на них!

Тако ли не обрѣтеся никтоже на Москвѣ добра похотѣти души князя великаго и всей отчинѣ его? «Вси ли уклонишася вкупѣ и ннепотребнѣ быша?»*

Створится князю великому, что клячи отданы, а того не вѣдаеть, что от 40 и штий коний ниединъ не осталъся цѣлъ — все заморили, похромили и перварили, ганяся на нихъ куды хотѣли, и нынѣче теряются.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ИГУМЕНАМ СЕРГИЮ И ФЕОДОРУ

Киприан, милостью Божией митрополит всея Руси, — честному старцу игумену Сергию, и игумену Феодору, и, если есть, другим единомышленникам вашим.

Не утаилось от вас и от всего рода христианского, как обошлись со мной, — как не обходились ни с одним святителем с тех пор, как Русская земля стала. Я, Божиим изволением и избранием великого и святого собора и поставлением вселенского патриарха, поставлен митрополитом на всю Русскую землю, о чем вся вселенная ведает. И ныне поехал было со всем чистосердечием и доброжелательством к князю великому. А он послов ваших разослал, чтобы меня не пропустить, и еще заставил заставы, отряды собрав и воевод перед ними поставив; и какое зло мне сделать, а сверх того и смерти предать нас без милости, — тех научил и приказал. Я же, о его бесчестии и душе больше тревожась, иным путем прошел, на свое чистосердечие надеясь и на свою любовь, какую питал к князю великому, и к его княгине, и к его детям. Он же приставил ко мне мучителя, проклятого Никифора. И осталось ли такое зло, какого тот не причинил мне! Хулы и надругательства, насмешки, грабеж, голод! Меня ночью заточил нагого и голодного. И после той ночи холодной и ныне страдаю. Слуг же моих — сверх многого и злого, что им причинили, отпуская их на клячах разбитых без седел, в одежде из лыка, — из города вывели ограбленных и до сорочки, и до штанов, и до подштанников; и сапог, и шапок не оставили на них!

Неужели не оказалось никого в Москве, кто бы добра пожелал душе князя великого и всей отчине его? «Все ли уклонились вместе и сделались непотребны?»

Князю великому может показаться, что клячи отданы, а того не ведает, что из сорока шести коней ни один не остался цел — всех заморили, похромили и попортили, гоняя на них куда хотели; и ныне они пропадают.

И аще миряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжания и богатъства, и того не хотять погубити, — яко и самъ Спасъ глаголеть: «Удобь есть вельблуду сквозѣ иглинѣи уши проити, неже богату въ царьство небесное внити»,* — вы же, иже мира отреклися есте и иже в мирѣ и живете единому Богу, како, толику злобу видивъ, умолчали есте? Аще хощете добра души князя великаго и всей отчинѣ его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари, не стыдяся! Аще быша васъ послушали, добро бы. Аще быша васъ убили, и вы — святи. Не вѣсте ли, яко грѣх людьский на князи, и княжьский грѣх на люди нападаеть? Не вѣсте ли Писание, глаголющее, яко аще плотьскых родитель клятва на чада чадомъ падаеть, колми паче духовных отець клятва? — И та сама основания подвиже и пагуби предаеть. Како же ли молчаниемъ преминуете, видяще мѣсто святое поругаемо, по Писанию, глаголющему: «Мерзость запустѣния, стояще на мѣстѣ святемъ»?*

Сице ли почли суть князь и бояре митрополии и гробы святыхъ митрополитов? Тако ли нѣсть кого прочитающаго Божественая правила? Не вѣсте ли, что пишеть?

Святых апостолъ правило 76 глаголеть сице, яко: «Не подобает святителю брату, или сыну, или иному сроднику, или другу даровати и на святительское достояние поставляти егоже хощеть. Наслѣдники бо своего епископьства творити неправедно есть и Божия даровати пристрастиемъ человѣчьскых. Не подобаеть бо Божию церковь под наслѣдники подъкладати. Аще же кто таково створить, разрушоно таковое поставление да будет. Самъ же створивый да отлученъ будеть».

Послушайте же толкование сего правила что глаголеть. Святительское достояние Святаго Духа благодать, даръ мнѣти подобает. Како убо дерьзнеть кто благодать духовную яко наслѣдие предати кому дарованиемъ? Сего ради непрощено есть епископомъ в себе мѣсто ихже хотять въ своих церквахъ поставляти и посажати. Котории бо яже стяжаша имѣния въ своего епископьства времени не имут власти оставляти имже хотят, но токмо яже от наслѣдия сродниковъ пребываша имъ, якоже 32 правило иже въ Карфагени сбора рече, то и како самую епископью ко инымъ предадять яко наслѣдникомъ своимъ пастырьскыя власти и строения нищихъ, имѣния оставляющих, и, пристрастия ради человѣчьскаго, или дружбы, или любве ради сродничьныя, яже Богови освящена суть подаровають имже хотять? Аще убо от нѣкоего таковое что створится, створеному бо разрушену быти правила повелѣвають, створивый же отлученъ да будеть. Епископъм бо от сборовъ поставлятися повелѣно бысть.

И 23 правило Антиохийскаго сбора тако глаголеть: «Не подобаеть епископу, аще и на конець жития своего, иного оставляти наслѣдника в себе мѣсто». Се же и израильтяномъ отречено бысть. На Моисиа бо яко вину

И если миряне боятся князя, потому что у них жены и дети, накопления и богатства, и того не хотят потерять, как и сам Спас говорит: «Легче верблюду сквозь игольное ушко пройти, нежели богатому в царство небесное войти», — вы же, от мира отрекшиеся, и от того, что в мире, и живущие только для Бога, как, таковое зло видев, промолчали? Если вы хотите добра душе князя великого и всей отчине его, почему промолчали? Растерзали бы одежды свои, говорили бы пред царями, не стыдясь! Если бы вас послушали, хорошо. Если бы вас убили, то вы святые. Не знаете ли, что грех людской на князей, а княжеский грех на людей переходит? Не разумеете ли Писания, говорящего, что если проклятье родителей по плоти распространяется на детей детей, насколько больше — проклятье духовных отцов? То ведь самые основания потрясает и пагубе предает. Как же вы молча проходите, видя место святое поругаемо, по Писанию, говорящему: «Мерзость запустения, стоящая на месте святом»?

Так ли почтили князь и бояре митрополию и гробы святых митрополитов? Неужели нет никого, читающего Божественные правила? Не знаете разве, что там написано?

Святых апостолов правило семьдесят шестое так говорит: «Не подобает, чтобы святитель брату, или сыну, или иному родственнику, или другу дарил святительское достояние и поставлял в святители кого хочет. Ибо делать наследниками своего епископства и Божее дарить, руководствуясь человеческими пристрастиями, неправедно. Не подобает ведь Божию церковь подводить под права наследования. Если же кто сделает так, да будет таковое поставление недействительно. Сам же сотворивший да будет отлучен».

Послушайте также, что говорит толкование этого правила. Святительское достояние подобает считать благодатью, даром Святого Духа. Возможно ли, чтобы кто-нибудь духовную благодать передал как наследство кому-нибудь в подарок? Поэтому непростительно, чтобы епископы поставляли и сажали на свое место в своих церквах, кого они хотят. Если даже имущество, накопленное во время своего епископства, они не имеют права оставлять кому хотят, только полученное ими в наследство от родственников, как говорит тридцать второе правило Карфагенского собора, — то как же могут они самую епископию передавать другим, как наследникам своей пастырской власти, и вклады в нищих, имущество жертвующих, посвященные Богу, дарить по пристрастию человеческому, дружбе или по родственной любви, кому сами хотят? Если что-либо из такого будет сделано, сделанное — повелевают правила — должно быть расстроено, сам же сделавший да будет отлучен. Ибо епископам повелено поставляться на соборах.

И двадцать третье правило Антиохийского собора так говорит: «Не подобает епископу, даже и в конце своей жизни, оставлять другого человека наследником своего места». То же и израильтянам запрещено было. На Моисея

въскладають, зане Арона и сынъ его на священничьство възведе. И аще бы Богъ не знамениемъ священьничьство их укрѣпилъ, изгнани быша были святительства.

И смотри же и святыхъ апостолъ правило 29-е что глаголеть: «Аще который епископъ мьзды ради сана святительскаго приобрящеть, или прозвитеръ, или диаконъ, да отлучится и самъ, и поставивый его, и да отсѣченъ будеть от святаго причастия оттинудъ, яко Симонъ вълхъвъ мною, Петромъ».*

Тожде глаголеть и 30-е правило тѣхъ же святыхъ апостолъ. Глаголеть сице: «Аще который епископъ мирьскых князий помощию святительство приобрящеть, да изверженъ и отлученъ будеть, и способници ему вси».

Назнаменати лѣпо есть: когда *двоицею* казненъ бываеть вкупѣ священникъ, или паче — по святемь Генадии патриархи Новаго Рима* — трижда вкупе?

Слышите и толкование тому же — въ 25-мь правилѣ речено бысть: «Не подобаеть двократы мъщати о единомъ». Сдѣ же и въ обою правилу сею сугубо наводить казни злобы ради преумножения и прегрѣшениихъ тяжести.

Ничтоже есть убо злѣйшее сего, еже божественое дарование куплением себѣ приобрѣтаеть, мьздою или силою княжьскою. Такоже и продаяй то яко раба вмѣняеть Святаго Духа даръ. Якоже въ сборномъ послании Тарасьеви, святѣйшаго патриарха Костянтинаграда,* к папѣ старѣйшаго Рима Андрѣянови* тако писано есть: «Отраднѣе будеть Макидонию и прочимъ духоборцемъ, неже симъ; они бо тварь и раба Божия и Отца Святаго Духа блядословяху, а сии раба себѣ створять Его; еже бо аще кто продаеть, и купляй его владыка хощеть быти купимому, цѣною бо сребреною притяжаваеть то».

Тако бо суть непрощена прегрѣшения такова! И того ради купующеи и продающеи мьздою или силою княжьскою святительство — и обои извержени и от церкви оттинудъ отлучени и изгнни бывают. Святаго же патриарха Генадия послание и проклятиемъ таковыа осужаеть, сице бо глаголеть: «Да будеть отреченъ таковый и всякого священьскаго достояния же и службы лишенъ и проклятию и анафемѣ преданъ будеть. И приемляй куплению благодать Святаго Духа, и продаваяй — аще клирикъ, аще простець — да будеть проклят».

Се слышите правила и заповѣди святых апостолъ и святых отець. Кто же христианни и святымъ именемъ Христовымъ именуяся, смѣеть дрьзнути инако глаголати? Зане пишеть въ Святѣмъ писании, яко: «Вся, яже чресъ церковнаго предания и учительства и въображениа святых и приснопамятных отець обнавляема и творима или по семъ сдѣятися хотяща, анафема да будеть». И по другихъ глаголех, яко: «Иже в небрежение полагающимъ священная и Божественная правила блаженых отець нашихъ, иже святую церковь утвержа-

ведь как на виновного указывают за то, что он Аарона и сыновей его возвел на священство. И если бы Бог не укрепил их священничество знамением, были бы они изгнаны со святительства.

Посмотри также и двадцать девятое правило святых апостолов, что говорит: «Если какой-либо епископ приобретает святительство за мзду, или пресвитер, или дьякон, — да отлучен будет и он сам, и поставивший его, и да отвержен будет от святого причастия совершенно, как Симон-волхв мною, Петром».

То же говорит и тридцатое правило тех же святых апостолов. Говорит оно так: «Если какой-нибудь епископ приобретает святительство при помощи мирских князей, да будет извержен и отлучен, а также — и все его пособники».

Следует заметить: когда сразу дважды бывает наказан священник, или даже — как святой Геннадий, патриарх Нового Рима, — трижды сразу?

Слушайте и толкование этому — в двадцать пятом правиле сказано: «Не подобает двукратно мстить за одну вину». Здесь и в обоих этих правилах устанавливаются тяжелые наказания по причине преумножения зол и тяжести прегрешений.

Нет большего зла, чем приобретать себе божественный дар, покупая, через мзду или княжеской силой. Также и продающий его обращается с даром Святого Духа как с рабом. Как написано в соборном послании Тарасия, святейшего патриарха Константинополя, к папе старейшего Рима Адриану: «Легче будет Македонию и прочим духоборцам, нежели этим людям, ибо те ложно называли Святого Духа творением и рабом Бога-Отца, а эти делают его своим рабом; ведь если кто-нибудь что-либо продает, то покупающий это намерен быть владельцем того, что покупает, ибо приобретает то за уплачиваемую серебром цену».

Вот как непростительны такие прегрешения! И потому покупающие и продающие святительство за мзду или приобретающие его силой княжеской — и те и другие бывают извержены, совершенно отлучены и изгнаны из церкви. Послание же патриарха Геннадия и проклятию таковых осуждает, ибо так говорит: «Да будет отвергнут таковой, лишен всякого священнического достоинства и права службы и предан проклятию и анафеме. И принимающий благодать Святого Духа путем покупки, и продающий — клирик ли, простой ли человек — да будет проклят».

Вот, вы слышите правила и заповеди святых апостолов и святых отцов. Кто же из христиан, именующихся святым именем Христовым, посмеет и дерзнет говорить иначе? Ведь написано в Святом писании: «Всему, что вводится вновь и творится или впоследствии будет сделано в нарушение церковного предания и учинения и установления святых и приснопамятных отцов, анафема да будет». И в другом месте: «Тем, кто в небрежении оставляет священные и Божественные правила блаженных отцов наших, что святую церковь утверждают и, все христи-

ють и, все христианьское жительство украшающе, къ божественому наставляють благоговѣньству, анафема да будеть».

Симъ сице имущимъ, как у васъ стоить на митрополицѣ мѣстѣ чернець в манатии святительской и въ клобуцѣ, и перемонатка*святительская на немъ, и посох в руках*? И гдѣ се бещиние и злое дѣло слышалося? Ни в которых книгах.

Аще братъ мой преставилъся,* азъ есмь святитель на его мѣсто. Моя есть митрополия. Не умѣти было ему наслѣдника оставляти при своей смерти. Коли слышалося преже поставления възлагати на кого святительскыя одежи, ихже нелзѣ иному никомуже носити, но токмо святителемъ единемъ! Како же ли смѣеть стояти на мѣстѣ святительскомъ? Не блюдеть ли ся казни Божиа? А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исполнено, еже створить: садится въ святомъ олтари на намѣстном мѣстѣ! Вѣруйте, братия, яко лучше бы ему не родитися. И аще долготерпить Богъ и не низъпосылаеть казнь, к вѣчной муцѣ готовить таковыхъ.

А что клеплють митрополита, брата нашего, что он благословилъ есть его на та вся дѣла, тъ есть лжа. Понеже пишеть 34-е правило святыхъ апостолъ и Антиохийскаго сбора правило 9-е, съгласующе сему, глаголет бо: «Кромѣ болшаго своего да не творять епископи ничтоже, развѣ своего предѣла кождо, ни же болший, не сущимъ инымъ, — за единьство». Или утаилося есть намъ, како учинилося есть на смерти митрополичи? Видѣ грамоту, — записалъ митрополитъ, умирая. А та грамота будеть с нами на Великомъ сборѣ.

А се буди вамъ свѣдомо. Полтретия лѣта мнѣ в святительствѣ; а как выехал есмь на Киевъ — двѣ лѣтѣ и 14 дний до сего дни,* иже есть июня мѣсяца 23 день. Не вышло из моих устъ слово на князя на великого на Димитрия ни до ставления, ни по поставлении, ни на его княгыню, ни на его бояре. Ни доканчивалъ есмь с кимъ иному добра хотѣти болѣ его — ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ. Нѣсть моеа вины прѣд нимъ. Паче же молилъ есмь Бога о немъ, о княгини, и о дѣтехъ его, и любилъ есмь от всего сердца, и добра хотѣл есмь ему и всей отчинѣ его. И аще кого услышалъ есмь гдѣ пригадывающа на его лихо, неневидѣлъ есмь его. А коли гдѣ пригажаломися сборова, ему болшее мѣсто велелъ есмь «многа лѣта» пѣти, а да потомъ инымъ.

Аще кого в полону отведена гдѣ изнашелъ есмь изъ его отчины, колка сила моя была, выимая от погани, отпускалъ есмь. Кашинцевъ нашолъ есмь в Литви, два года в погребѣ сѣдящих, и княгини дѣля великой вынялъ есмь их како мога, клячи под них подавъ есмь и отпустилъ ихъ есмь зятю ея, князю Кашиньскому.*

Которую вину нашелъ есть на мнѣ князь великий? Чимъ язъ ему виноватъ или отчинѣ его? Язъ к нему ѣхал есмь благословити его, и княгиню его, и дѣти его, и бояръ его, и всю отчину его, и жити ми с нимъ въ своей митрополии, како и моя братия съ отцемъ его и з дѣдомъ, съ князьми великими.

анское жительство украшая, к божественному наставляют благоговению, анафема да будет».

Коль скоро это так, как у вас стоит на митрополичьем месте чернец в мантии святительской и в клобуке, и параман святительский на нем, и посох в руках? Где о таком бесчинстве и злом деле слышано? Ни в каких книгах.

Если брат мой преставился, я — святитель на его место. Мне принадлежит митрополия. Не мог он наследника оставлять при своей смерти. Слыханное ли дело — прежде поставления возлагать на кого-либо святительские одежды, которые нельзя никому другому носить, но только одним святителям? Как он смеет стоять на месте святительском? Не боится ли казни Божией? А еще страшно, ужасно и всяческой грозой чревато то, что он вытворяет: садится в святом алтаре на престол наместника! Верьте, братья, что лучше бы ему не родиться. И если долго терпит Бог и не посылает казнь, — значит, к вечной муке готовит таковых.

А что клевещут на митрополита, брата нашего, — что он благословил его на все те дела, то это ложь. Ведь тридцать четвертое правило святых апостолов — а в согласии с ним и девятое правило Антиохийского собора — говорит: «В отсутствие большего над ними да не творят епископы ничего за пределами своих, определенных каждому, прав, и так же больший при отсутствии других, но — все вместе». Разве утаилось от нас, что произошло при смерти митрополита? Видел я грамоту, которую написал митрополит, умирая. И та грамота будет с нами на Великом соборе.

И это пусть будет вам известно. Два с половиной года я в святительстве; а с тех пор, как выехал в Киев, — два года и четырнадцать дней до сего дня, каковой есть июня месяца 23 день. Не вышло из уст моих ни слова против князя великого Димитрия — ни до поставления, ни по поставлении, — ни против его княгини, ни против его бояр. Не заключал я ни с кем договора, чтобы другому добра хотеть больше, чем ему, — ни делом, ни словом, ни помыслом. Нет моей вины перед ним. Наоборот, я молил Бога о нем, и о княгине, и о детях его, и любил от всего сердца, и добра хотел ему и всей отчине его. А если слышал, что кто-нибудь замышляет на него зло, ненавидел того. И когда мне приходилось служить соборно, ему первому велел «многая лета» петь, а уж потом другим.

Если кого из его отчины в плен отведенного где-нибудь я находил, насколько у меня было силы, освобождая от язычников, отпускал. Кашинцев нашел, в Литве два года в погребе сидящих, и княгини ради великой освободил их как мог, лошадей им дал и отпустил их к зятю ее, князю Кашинскому.

Какую вину нашел на мне князь великий? В чем я перед ним виноват или перед отчиной его? Я к нему ехал, чтобы благословить его, и княгиню его, и детей его, и бояр его, и всю отчину его, и жить с ним в своей митрополии, как и мои братья митрополиты с отцом его и с дедом, с князьями великими. А

А еще с дары честными хотѣлъ есмь дарити. Кладет на мене вины, что былъ есмь в Литвѣ первое.* И которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо? Не зазри же ми никтоже, — что иму говорити.

Аще былъ есмь в Литвѣ, много христианъ горькаго плениниа освободилъ есмь. Мнозѣ от невидящихъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ святымъ крещениемь пришли. Церкви святыа ставил есмь. Христианьство утвердилъ есмь. Мѣста церковная, запустошена давными лѣты, оправилъ есмь приложити к митрополии всея Руси. Новый Городок литовьскый давно отпал, и яз его оправилъ и десятину доспѣл к митрополии же и села. В Велыньской же земли такоже: колько лѣт стояла Володимерьская епископиа безъ владыки, запустошала; и язъ владыку поставилъ и мѣста исправилъ. Такоже отприснаа села софийская отпала къ князем и к бояромъ, и язъ тых доискываюся. И оправдаю, чтобы по моей смерти было кого Богъ оправдаеть.

Будѣ вамъ свѣдомо, что брату нашему Одеюрѣеви мивропродиву* не волно было сласти ни в Велыньскую землю, ни в Литовьскую* владыку которого, или звати, или дозрѣти которое дѣло церковное, или поучитити, или посварити на кого, или казнити виноватаго — или владыку, или архимандрита, или игумена — или князя поучити, или боярина. Святительскымъ недозиранiемъ которыйждо владыко, не блюдася, по своей воли ходилъ какъ хотѣлъ. А попове и черньци и вси христиане — какъ животина бес пастуха.

Нынѣ же, Божиею помощью, нашим потружаниемъ, оправилося церковное дѣло. И годилося князю великому нас с радостию прияти, занеже в томъ болша ему честь. Язъ потружаюся отпадшая мѣсто приложити к митрополии и хочю укрѣпити, чтобы до вѣка такъ стояло на честь и на величьство митрополии. Князь же великий гадает двоити митрополию. Которое величьство прибудеть ему от гадкы? Хто же ли се пригадываеть ему?

Которая есть моя вина перед княземъ перед великимъ? Надеяся на Бога: не найдеть въ мнѣ вины ниединыя. И аще ли бы вина моя дошла которая, ни годится князем казнити святителевъ: есть у мене патриархъ, болший надъ нами, есть Великий сборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя; и они бы съ исправою мене не казнили. А се нынѣ без вины мене обещестилъ, пограбилъ, заперѣвъ, держалъ голодна и нага, а черньци мои на другомъ мѣстѣ. Слугъ моихъ опрочь мене заточил у ночи. А слугъ моих нагихъ отслати велѣлъ с бещестными словесы. И хто можеть изрещи хулы, ихже на мя изрекли! Се ли въздасть мнѣ князь великий за любовь мою и доброхотѣние?

Слышите же, что глаголеть сборъ святый, иже Перво-вторый именуемый, събравшися въ храмѣ Божии Слова Премудрости, рекше въ Святѣй Софии. Глаголеть бо того сбора святаго правило 3-ее сице: «Аще кто от мирьскых, огосподився и преобидивъ убо божественых и царскыхъ повелѣний, преобидивъ же и страшных церковных обычаевъ и законоположений, дерзнеть

еще дарами честными хотел его одарить. Обвиняет меня в том, что я был сначала в Литве. И что плохое сделал я, быв там? Не попрекни же меня никто за то, что я буду говорить.

Хоть и был я в Литве, — много христиан от горького плена освободил. Многие из неведавших Бога познали благодаря нам истинного Бога и к православной вере через святое крещение пришли. Церкви святые я ставил. Христианство утвердил. Места церковные, запустелые с давних лет, выправил, чтобы приложить к митрополии всея Руси. Новый Городок литовский давно отпал, а я его выправил и десятину вернул митрополии и села. В Волынской земле так же: сколько лет стояла Владимирская епископия без владыки, пришла в запустение; а я владыку поставил и места выправил. Так же и принадлежащие Софии села отпали к князьям и боярам, а я их доискиваюсь. И добиваюсь правды, чтобы по смерти моей было тому, кого Бог изберет.

Да будет вам известно, что брат наш Алексей-митрополит не волен был послать ни в Волынскую землю, ни в Литовскую какого-либо владыку, или вызвать, или рассмотреть там какое-нибудь церковное дело, или поучить, или поругать кого-нибудь, или наказать виновного — или владыку, или архимандрита, или игумена, — или князя поучить, или боярина. По причине святительского недогляда всякий владыка, не боясь, по своей воле ходил, как хотел. А попы, и чернецы, и все христиане — как животина без пастуха.

Ныне же, Божией помощью, нашим старанием, выправилось церковное дело. И подобало князю великому нас с радостью принять, поскольку в том — большая для него честь. Я стараюсь отпавшие места приложить к митрополии и хочу закрепить, чтобы до века так стояло к чести и величеству митрополии. Князь же великий намерен делить митрополию надвое. Какое величество прибудет ему от такого намерения? И кто советует это ему?

В чем моя вина перед князем великим? Надеюсь на Бога: не найдет во мне вины ни единой. А если бы и обнаружил он какую-нибудь мою вину, — не годится князьям наказывать святителей. Есть у меня патриарх, больший над нами, есть Великий собор; пусть бы он туда послал весть о моих винах; и они, исследовав дело, меня не стали бы наказывать. А то теперь без вины меня обесчестил, ограбил, заперев, держал голодного и нагого, а чернецов моих — в другом месте. Отдельно от моих слуг заточил меня ночью. А слуг моих нагих отослать велел с бесчестными словами. И кто может выговорить хулы, что на меня изрекли! Так ли воздал мне князь великий за мою любовь и доброжелательство?

Послушайте же, что говорит святой собор, именуемый Перво-второй, собиравшийся в храме Премудрости Божьего Слова, то есть в Святой Софии. Третье правило того святого собора говорит так: «Если кто-нибудь из мирян, возомнив, что имеет на то власть, и пренебрегая божественными и царскими повелениями, пренебрегая также и долженствующими внушить страх

святителя кого бити, или запрѣти — или виною, или замысливъ вину. — таковый да будеть проклятъ».

Сицево азъ нынѣ пострадалъ есмь. Сдѣ святый сборъ проклинаеть, аще и вину каковую притворять святителю. Мнѣ же которую вину изнайдоша, запрѣвше мене въ единою клѣти за сторожьми? И ни же до церкви имѣлъ есмь выхода. Потомъ же, смеръкшуся другому дневи, пришедше, изведоша мене, не вѣдящу мнѣ, камо ведуть мене: на убиение ли, или на потопление? А еще бещестнѣйше: мене вѣдуще, и сторожеве, и проклятый Никифоръ воевода — одежами моих слугъ оболчени и на их конихъ и сѣдлѣх ѣхающе.

Слыши небо и земля и вси християне, что створиша над мною християне!

Что же ли створиша патриаршимъ посломъ, хуляще на патриарха, и на царя, и на сборъ Великий! Патриарха литвиномъ назвали, царя такоже, и всечестный сборъ вселеньский. И язъ, колика сила, хотѣлъ есмь, чтобы злоба утишилася. Тъ Богъ вѣдаеть, что любилъ есмь от чистаго сердца князя великаго Дмитрия и добра ми было хотѣти ему и до своего живота.

А понеже таковое бещестие възложили на мене и на мое святительство, — от благодати, даныя ми от Пресвятыя и Живоначалныя Троица, по правиломъ святыхъ отець и божественых апостолъ, елици причастни суть моему иманию, и запиранию, и бещестию, и хулению, елици на тотъ свѣтъ свѣщали, дв оудушь отдумени* и неблагословении от мене, Киприана, митрополита всея Руси, и прокляти, по правиломъ святыхъ отець!

И хто покусится сию грамоту сжещи или затаити, и тотъ таковъ.

Вы же, честнии старци и игумени, отпишите ми на-борзѣ, да угонит мене ваша грамота на-борзѣ, что мудрьствуете, понеже сдѣ се есмь не благословилъ.

А ко Царюгоруду ѣду оборонитися Богомъ и святымъ патриархомъ и Великимъ сборомъ. И тии на куны надѣются и на фрязы,* азъ же на Бога и на свою правду.

Писано же си грамота мною мѣсяца иуня въ 23 день в лѣто 6886, индикта перваго.

Мнѣ же ихъ бещестие болшу честь приложило по всей земли и въ Царигородѣ.

церковными обычаями и законоположениями, дерзнет святителя какого-либо бить или запирать — или по вине, или умыслив вину, — таковой да будет проклят».

Так ныне пострадал я. Тут святой собор проклинает, даже если и какую-нибудь вину приложат к святителю; мне же какую вину выискали, заперев меня в одной комнате под стражей? И даже в церковь не имел я возможности выйти. А потом, вечером другого дня, пришли, вывели меня, и я не знал, куда меня ведут — убивать или потопить? А вот еще большее бесчестие: меня ведя, и стража, и проклятый воевода Никифор были облачены в одежду моих слуг и ехали на их конях и седлах.

Слушайте, небо и земля, и все христиане, что сотворили надо мной христиане.

А как обошлись с патриаршими послами, хуля патриарха, и царя, и собор Великий! Патриарха литвином называли, и царя так же, и всечестной вселенский собор. А я, сколько было сил, хотел, чтобы злоба утихла. То Бог знает, что любил я от чистого сердца князя великого Дмитрия, и желал бы я ему только добра и до конца своей жизни.

Но раз меня и мое святительство подвергли такому бесчестию, — силою благодати, данной мне от Пресвятой и Живоначальной Троицы, по правилам святых отцов и божественных апостолов, те, кто причастен моему задержанию, заточению, бесчестию и поруганию, и те, кто на то совет давали, да будут отлучены и неблагословены мною, Киприаном, митрополитом всея Руси, и прокляты, по правилам святых отцов!

И кто покусится эту грамоту сжечь или утаить, и тот таков.

Вы же, честные старцы и игумены, напишите мне как можно скорее, чтобы догнала меня ваша грамота поскорее, что вы думаете, потому что здесь, вот, я вас не благословил.

А я в Царьград еду обороняться Богом, святым патриархом и Великим собором. И те на деньги надеются и на фрягов, я же на Бога и на свою правду.

Писана же эта грамота мною месяца июня в 23 день в лето 6886 (1378), индикта первого.

Мне же их бесчестье большую честь придало по всей земле и в Царьграде.

ТРИ ПОСЛАНИЯ И ДУХОВНАЯ ГРАМОТА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

ПОСЛАНИЕ ЧЮДОТВОРЦА КИРИЛА

Господину благовѣрному и боголюбивому великому князю Василию Дмитреевичу* — Кирило, чернечище многогрѣшный, съ всею братицею.

На твоей, господине, доволной еже к нам милостыне много челомъ бием и радуемся, господине, о тебѣ, что имѣеши сицеву вѣру ко Пречистой Богородицы и нашей нищете, и о велицем твоемъ смирении.

О сем же, господине, радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла безмѣрное твое смирение: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившагося. Ты, господине, — князь великий всея земля Руския, и, смиряяся, ко мнѣ посылаеши грѣшному и страстному и недостойному небеси и земля и того самого иноческаго жытия. И яз, господине, грѣшный истинно о семъ скорблю недостоиньства ради своего; радуем же ся, господине, благаго ради твоего произволения и смиреномудраго нрава, яко сим сподобишися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, от толикия неизреченныя славы и с высоты сшедшему нас ради грѣшных и смирившуся даже и до рабия образа. Сице, господине, и ты от толикия славы мира сего преклонися смирениемъ к нашей нищете; и от сего, господине, познаваемъ великую твою любовь к Богу и ко Пречистей Его Матери.

Елико бо приближаются святии к Богу любовию, толико видят себе грѣшна. Ты бо, господине, смирениемъ велико себѣ приобрѣтаешь спасение и ползу душевную. Тѣмъ, господине, аз грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша не единоя добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково, господине, моление посылаеши ко мнѣ, не могущему и о своих грѣсѣхъ Бога умолити. И какъ о тебѣ, господине, Бога умолю, самому ми сушу исполнену всякаго грѣха и дѣла зла?

ТРИ ПОСЛАНИЯ И ДУХОВНАЯ ГРАМОТА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

ПОСЛАНИЕ ЧУДОТВОРЦА КИРИЛЛА

Господину благоверному и боголюбивому великому князю Василию Дмитриевичу — Кирило, чернечище многогрешный, со всей братиицей.

За твою, господин, щедрую к нам милостыню многократно челом бьем и радуемся, господин, за тебя, что имеешь ты такую веру в Пречистую Богородицу и в нашу нищету, и твоему великому смирению.

Тому, господин, радуемся, но и скорбим, что выше слова и смысла безмерное твое смирение: посылаешь ко мне, грешному и нищему, от всякого дела доброго удалившемуся. Ты, господин, — князь великий всей Русской земли и, смиряясь, посылаешь ко мне, грешному, подвластному страстям и недостойному неба и земли и самой этой иноческой жизни. И я, господин, грешный, воистину об этом скорблю из-за своего недостоинства; радуемся же мы, господин, твоему благому желанию и смиренномудрому нраву, ибо этим уподобляешься ты, господин, преблагому нашему Владыке и Господу, от такой неизреченной славы с высоты сшедшему нас ради, грешных, и смирившемуся даже до восприятия рабского образа. Так, господин, и ты от столь великой славы мира сего преклонился смиренно к нашей нищете; и из этого, господин, мы познаем великую твою любовь к Богу и Пречистой Его Матери.

Насколько ведь приближаются святые любовью к Богу, настолько видят себя грешными. Ты ведь, господин, смирением великое себе приобретаешь спасение и пользу душевную. Оттого, господин, я, грешный, больше печалюсь душой, что меня, недостойного и покорившегося всякому греху, так вы ублажаете, не приобретшего ни одной добродетели, но всякой страсти повинного, и такое, господин, моление посылаешь ты ко мне, не способному и о своих грехах Бога умолить. И как же о тебе, господин, Бога я умолю, сам будучи исполнен всякого греха и злого дела?

Но, господине, писано, что не велит отрицатися и грѣшным молити Бога о велящих за ся, вѣры ради их. Тѣм же, господине, ради вѣры твоея великия не оставит тебѣ Богъ, но помилуетъ, и Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет ти по вся дни живота твоего и подастъ ти изцѣление души жъ и тѣлу, — что нас, нищих ея, господине, не забываеши, в пустом сем мѣсте събравшихся во обители ея, но часто призираеши доволными милостынями.

Мы же, господине, не можемъ о семъ тебѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упование наше, испросить на тя милость у Сына своего в сий вѣкъ и въ будущий. А яз грѣшный с своею братиицею, господине, елика сила, ради Бога молити о тебѣ, нашемъ господине, и о твоей княгине, и о твоих дѣтках, и о всѣх християнех, Богомъ порученных тебѣ.

Ты же, господине, самъ Бога ради внемли себѣ и всему княжению твоему, в немже тя постави Духъ Святый пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровию.* Якоже бо великия власти сподобился еси от Бога, толикимъ болшим воздаяниемъ долженъ еси. Воздай же убо Благодателю долгъ, святыа Его храня заповѣди, всякаго укланяясь пути, ведущаго в пагубу.

Якоже бо о караблехъ есть: егда убо наемникъ, еже есть гребец, соблазнится, мал вред творит плавающимъ съ нимъ; егда же кормчий, тогда всему кораблю творит пагубу. Такоже, господине, и о князех: аще кто от бояр согрѣшит, не творитъ всѣм людем пакости, но токмо себѣ единому; аще ли же сам князь согрѣшит, всѣм людем иже под ним сотворяет вред.

Ты же, господине, со многою твердостию храни себе в добрых дѣлех. Рече бо святый апостолъ: «Миръ имѣйте и святыню, без нея же никтоже узритъ Господа». Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣх, непреложенъ имѣй благочестия помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою к суетному шатанию: мал же убо и кратокъ сущий здѣ живот, и с плотию сопряжена смерть. И сия убо помышляй, — не впадеши в ров гордостный. Но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блажен будеши. «Блаженны бо, — рече, — боящиися Господа».*

Воспоминаимъ, господине, надежду будущаго вѣка и царство небесное, радость святых и веселие съ аггелы, надо всѣми же зрѣние пресладкаго лица Божиа: То бо воистинну доброта неизреченная, весь сладость и желание и любовь несытая всѣмъ любящим Его и творящим пречистую волю Его.

Да слышал есми, господине князь великий, что смущение велико межу тобою и сродники твои, княжми Суждалскими: ты, господине, свою правду сказываешъ, а они свою. А в том, господине, меж васъ христия-

Но, господин, написано, что не велит Бог и грешным отказываться молить Бога за просящих молиться о них, ради их веры. Потому, господин, ради веры твоей великой не оставит тебя Бог, но помилует, и Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет тебе во все дни жизни твоей и подаст тебе исцеление души и тела, — за то, что нас, нищих ее, господин, не забываешь, в пустынном этом месте собравшихся во обители ее, но часто жалуешь обильными милостынями.

Мы же, господин, не можем за это в ответ дать тебе ничего, но Пречистая госпожа Богородица, надежда и упование наше, выпросит для тебя милость у Сына своего в этом веке и в будущем. А я, грешный, со своей братиицей, господин, по мере сил рад молиться о тебе, нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, Богом порученных тебе.

Ты же, господин, сам Бога ради будь внимателен к себе и ко всему княжению твоему, в коем Святой Дух поставил тебя пасти людей Господних, которых приобрел Он честною Своею кровию. Ведь раз сподобился ты получить от Бога великую власть, то столь же большое воздаяние ты должен воздать Ему за это. Воздай же Благодателю долг, храня Его святые заповеди, уклоняясь от всякого пути, ведущего в пагубу.

Это как на кораблях: когда наемник, каковым является гребец, ошибается, малый вред причиняет он плавающим с ним; а когда — кормчий, тогда всему кораблю причиняет он пагубу. То же, господин, можно сказать и о князьях: если кто-то из бояр согрешает, то не причиняет всем людям пакости, но только себе одному; если же сам князь согрешает, то всем людям, ему подвластным, причиняет он вред.

Ты же, господин, со многой твердостью храни себя в добрых делах. Ибо сказал святой апостол: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа». Возненавидь, господин, всякую власть, влекущую тебя ко греху, непреложным имей благочестивый помысел и не величайся, господин, временной славой в суетном высокомерии: мала ведь и кратка здешняя жизнь, и с плотью сопряжена смерть. И ты думай об этом, и не упадешь в ров гордости. Но бойся, господин, Бога, истинного Царя, и блажен будешь. Ибо «блаженны, — сказано — боящиеся Господа».

Вспоминай, господин, надежду на будущий век и царство небесное, радость святых и веселие с ангелами; надо всем же этим — лицезрение пресладкого лица Божия: Он ведь воистину красота неизреченная, весь Он сладость и желание и любовь ненасытная ко всем любящим его и творящим пречистую волю Его.

Да слышал я, господин князь великий, что — несогласие великое между тобой и родственниками твоими, князьями Суздальскими: ты, господин, свою правду выставляешь, а они свою. И из-за этого, господин, от вас христианам

ном кровопролитие велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно: в чем будет их правда пред тобою, и ты, господине, смирением своимъ поступи на себе. А в чемъ будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за собя стой по правдѣ. А почнут ти, господине, бити челом, и ты бы, господине, Бога ради пожаловал их по их вѣре, занеже, господине, такъ слышалъ есмь, что доселе были у тебѣ в нужи, да отътого ся, господине, и возбранили. И ты господине, Бога ради покажи к ним свою любовь и жалование, чтобы не погибли в заблужении в Татарских странах, да тамо бы не скончалися.

Занеже, господине, ни царство, ни княжение, ни иная кая власть не может нас избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божия. А еже, господине, возлюбити ближняго яко себе и утѣшити душа скорбящая и озлобленыя много поможет на страшнемъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ апостолъ Павел, ученикъ Христовъ: «Аще имам вѣру горы преставляти, аще имамъ раздати все имѣние мое, любве же не имамъ, ничтоже полза ми есть».* Возлюбленный же пишет Иоан Богословъ: «Аще кто речет: „Бога люблю, а брата своего ненавижу", — ложь есть».* Тѣмже и ты, господине, возлюби Бога от всея душа своея, тако возлюби и братию свою и вся християне. И так, господине, вѣра твоя к Богу, милостыня твоя к нищим богоприятна будетъ.

А милость Божия и Пречистыя Богородицы на тебѣ, на моем господине, на великом князе Василье, да будет, и на твоей великой княгине, и на ваших дѣтках, и мое благословение и молитва и моей братии. Аминь.

ТОГОЖЕ ЧЮДОТВОРЦА КИРИЛА ПОСЛАНИЕ КО КНЯЗЮ ЮРЪЮ ДМИТРЕЕВИЧЮ*

Господину благовѣрному князю Георгию Дмитреевичю — Кирилище, чернечище грѣшный, со своею братицею. На твоей, господине, на частой еже къ намъ, нищымъ, милостыне много челомъ бием. Радуемся, господине, видя и слыша твое доброе произволение, — что от всея душа уповаеш на Бога и на Пречистую Его Матерь и от нас, воистину недостойных и грѣшных, посланное к тебѣ слово твориши приятно.

А что, господине, скорбишъ о своей княгине, что въ недузе лежит, ино господине, воистинну вѣмы, яко нѣчто смотрѣние Божие и человѣколюбие Его бысть на вас, — чтобы есте исправились к Нему. И вы, господине, посмотрите себѣ, покайтеся от всея душа своея, и отъ того бы престати. Занеже, господине, аще кто и милостыню творит, аще и молити Бога за себя велит, а сам не отстанетъ неподобных дѣл своих, ничтоже ползует себѣ, ниже Богъ благоволит от таковых приношения. И вы, господине, посмотрите себѣ, исправитеся къ Богу невозвратно. И аще, господине, сице обратитеся к Богу, и аз грѣшный поручаюсь, яко проститъ вамъ благодатию Своею вся

великое кровопролитие причиняется. Так ты, господин, посмотри на то поистине: в чем окажутся они правы перед тобой, и ты, господин, со смирением уступи им. А в чем окажется твоя правда перед ними, в том, господин, ты за себя стой по правде. А начнут тебе, господин, они бить челом, и ты бы, господин, Бога ради пожаловал их по их вере, потому что, господин, я так слышал, что до сих пор они были у тебя в принуждении, и оттого, господин, и возмутились. И ты, господин, Бога ради выкажи к ним свою любовь и милость, чтобы они не погибли, блуждая в Татарских странах, и там бы не скончались.

Потому что, господин, ни царская, ни княжеская, ни иная какая-либо власть не может избáвить нас от нелицемерного суда Божия. И если, господин, ты возлюбишь ближнего как себя и утешишь душу скорбящую и озлобленную, то это много поможет тебе на Страшном суде Христовом, поскольку пишет апостол Павел, ученик Христов: «Если имею веру, чтобы горы переставлять, если раздам все имение мое, любви же не имею, нет мне никакой пользы». Пишет и возлюбленный Иоанн Богослов: «Если кто говорит: „Я люблю Бога, а брата своего ненавижу", тот лжец». Потому и ты, господин, возлюби Бога от всей души своей, так же возлюби и братию свою и всех христиан. А тогда, господин, вера твоя в Бога и милостыня твоя нищим будет Богу приятна.

А милость Божия и Пречистой Богородицы на тебе, на моем господине, на великом князе Василии, да будет, и на твоей великой княгине, и на ваших детках, и мое благословение и молитва и моей братии. Аминь.

ТОГО ЖЕ ЧУДОТВОРЦА КИРИЛЛА ПОСЛАНИЕ КО КНЯЗЮ ЮРИЮ ДМИТРИЕВИЧУ

Господину благоверному князю Георгию Дмитриевичу — Кирилище, чернечище грешный, со своею братиицей. За твою, господин, частую к нам, нищим, милостыню много челом бьем. Радуемся, господин, видя и слыша, что ты стремишься к добру — от всей души уповаешь на Бога и на Пречистую Его Мать и нами, воистину недостойными и грешными, посланное к тебе слово принимаешь с приязнью.

А что, господин, скорбишь о своей княгине, что она в недуге лежит, так мы о том, господин, в точности знаем, что некий промысел Божий и человеколюбие Его проявилось на вас, — чтобы вы исправились в отношении к Нему. Так вы, господин, посмотрите на себя, покайтесь от всей души своей, и то прекратите. Потому что, господин, если кто и милостыню творит, и молить Бога за себя велит, а сам не отступает от неподобных дел своих, никакую пользу не приносит себе, и Бог не благоволит к приношениям таковых. И вы, господин, посмотрите на себя и исправьтесь в отношении к Богу безвозвратно. И если, господин, так обратитесь вы к Богу, то я, грешный, ручаюсь, что простит Он

согрѣшения ваша и избавитъ вас от всякия скорби и бѣды, а княгиню твою здраву сотворит.

Мы, господине, грѣшнии отъ всея душа своея ради Бога молити о ней, чтобы ея помиловал и облехчил от болѣзни тоя тяжкия. И аще ли, господине, тако пребудет в недузе том, то воистинну, господине, вѣждь, яко нѣчто добродѣтели ея хощетъ Богъ упокоити ю отъ маловременныя сея и болѣзненыя жизни ко оному нестареющемуся блаженству.

Ты же, господине, не скорби о сем, видя сию идущу в безконечный покой, в свѣтлость святых, в неизреченную славу Божию, и тамо зрѣти пресладкаго лица Его и со Христомъ быти и, обрѣтъ Его, радоватися во странѣ живущих, идѣже глас веселящихся. Но надеемся, господине, на милость Божию, яко не оскорбитъ Господь, но благодатию Своею помилуетъ и утѣши тя.

И Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет ти, что нас, господине, нищих ея, не забываешъ, в пустом семъ мѣсте собравшихся во обитель ея, но часто призираеши доволными милостынми своими. О всѣх же сих, господине, мы грѣшнии ничтоже можемъ воздати тебѣ, но Пречистая Богородица воздастъ ти множае в сий вѣкъ и в будущий. А язъ, господине, грѣшный со своею братицею ради Бога молити и Пречистую Матерь о твоемъ здравии и спасении, и твоей княгине, и о твоихъ дѣтках, и о всѣх християнех, порученных тебѣ.

А что еси, господине князь Юрье, писал ко мнѣ грѣшному, яко: «Издавна жадаю видѣтися с тобою», — ино, господине, Бога ради не мози того учинити, что ти к нам ѣхати, занеже, господине, вѣмъ, яко нѣчто моихъ ради грѣховъ то искушение приидет на мя, аще поѣдешь ко мнѣ. Занеже, господине, извѣстую ти: не мочно ти нас видѣти. Покиня, господине, и монастырь, да ступлю прочь, куды Богъ наставитъ. Понеже, господине, вы чаете мене здѣсе, что яз добръ и святъ, ано, господине, въистинну всѣх есми человѣкъ окаяннее и грѣшнее и всяго студа исполненъ.

И ты, господине князь Юрьи, не подиви на нас о семъ, понеже, господине, слышу, что божественное Писание самъ вконец разумѣеши и чтеши. Вѣдаешъ сам, каковъ намъ вред приходит от похвалы человѣчьския, наипаче же надстрастнымъ. Аще, господине, и кто воистинну святъ и чистъ сердцемъ, но и тѣмъ повреждение бываетъ от тоя тяготы. А намъ, господине, всякой страсти повинным, велика спона души от того.

Еще, господине, сам сего поразсуди: понеже твоея вотчины в сей стране нѣт, и толко ты, господине, поѣдешь семо, ино вси человѣцы начнут глаголати: «Кирила деля токмо поѣхалъ».

Былъ, господине, здѣсе брат твой, князь Ондрѣй;* ино, господине: — его отчина, и намъ пришла нужа: нелзе намъ ему, своему господину, челом не ударити. А ты, господине, Бога ради не учини того, что ти к нам ѣхати.

вам благодатью Своею все согрешения ваши и избавит вас от всякой скорби и беды, а княгиню твою сделает здоровой.

Мы, господин, грешные, от всей души своей рады Бога молить о ней, чтобы Он ее помиловал и дал ей облегчение в той тяжелой болезни. А если, господин, она так и пребудет в том недуге, то воистину, господин, знай, что ради некоей ее добродетели хочет Бог упокоить ее от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве.

Ты же, господин, не скорби об этом, видя, как она идет в бесконечный покой, в светлость святых, в неизреченную славу Божию, чтобы там зреть пресладкое лицо Его, со Христом быть и, обретя Его, радоваться в стране живущих, где глас веселящихся. Но надеемся, господин, на милость Божию, что не причинит скорби тебе Господь, но благодатию Своею помилует и утешит тебя.

И Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет тебе за то, что нас, господин, нищих ее, не забываешь, в пустынном этом месте собравшихся в обители ее, но часто жалуешь обильными милостынями своими. За все это, господин, мы, грешные, ничего не можем воздать тебе, но Пречистая Богородица воздаст тебе многократно в том веке и в будущем. И я, господин, грешный, со своей братиицей рад Бога молить и Пречистую Его Мать о твоем здоровье и спасении, о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, порученных тебе.

А что, господин князь Юрий, писал ты ко мне, грешному, что, дескать, «Издавна жажду я увидеться с тобой», — так ты, господин, Бога ради не смей того учинить, чтобы тебе к нам поехать, потому что, господин, знаю, что из-за моих грехов искушением то придет на меня, если ты поедешь ко мне. Так что, господин, ставлю тебя в известность: невозможно тебе нас увидеть. Покинув, господин, даже и монастырь, пойду я прочь, куда Бог направит. Потому что, господин, вы думаете обо мне здесь, что я добр и свят, а я, господин, воистину всех людей окаянней и грешней и всякого стыда исполнен.

И ты, господин князь Юрий, не удивляйся нам из-за этого, потому что, господин, слышу я, что божественное Писание ты совершенно разумеешь и читаешь. Знаешь сам, какой вред постигает нас из-за похвалы человеческой, особенно же подверженных страстям. Даже, господин, и тем, кто воистину свят и чист сердцем, даже тем повреждение бывает от этой тягости. А нам, господин, всякой страсти подверженным, от этого великая помеха душе.

Да ты, господин, сам об этом рассуди: раз твоей вотчины в этой земле нет, то только ты, господин, поедешь сюда, как все люди начнут говорить: «Ради Кирилла только поехал».

Был, господин, здесь брат твой, князь Андрей; так то, господин, его отчина, и мы оказались перед необходимостью: нельзя было нам ему, своему господину, челом не ударить. А ты, господин, Бога ради не учини того, чтобы тебе к нам ехать.

Аз, господине, аще и грѣшен есмь, а рад Бога молити и Пречистую Его Матерь со своею братиицею о тебѣ, о нашемъ господине, и о твоей княгине, и о твоих дѣтках, и о всѣх християнехъ, иже под властию твоею, якоже ти, господине, и преже сего писах. А Пречистая Богородица, Владычица наша, помилует тя, и покрыетъ тя ризою своею честною, и наставитъ тя въ разумъ истинный, и управит тя во царствии Сына своего за молитвъ *святых*. Аминь.

ПОСЛАНИЕ КИРИЛА ЧЮДОТВОРЦА КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ ДМИТРЕЕВИЧУ*

Господину благовѣрному князю Андрѣю Дмитреевичу — Кирил, чернечище грѣшный и непотребный, со своею братиицею.

Много челом бьем и Бога молим о вашем здравии, господей наших, поминая, господине, твою любовь, что имѣеши к Пречистой Богородицы, и к нашей нищете поминая, господине, твою великую любовь и доволную милостыню, нашего господина.

Да что ми еси писал о преславном чюдеси Пречистыя Богородицы, паче слова и смысла преславная чюдеса, — слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Крѣпкий! слава Тебѣ, Безсмертный, хвалимый в Троици всѣми небесными силами и родомъ человѣческимъ! Молитвами пречистыа Матери Своея, такову излия милость в последний сей род, услыша моление Матере Своея о роду християньском.

Слыши, господине князь Ондрѣй, Ветхое Писание: егда восхощет Богъ кою землю показнити за нечестие, посылает преже проповѣдники, дабы обратилися. И аще обратятся, отводит Господь от них Свой гнѣв, мимоводит скорбь, и прелагаетъ печаль на радость, и показуетъ на них Свою милость.

Господине князь Андрей! Намъ нынѣ, видѣвше Пречистыя госпожа Богородица преславная ея и великая чюдеса, и о томъ, господине, радоватися сердцем и душею устрашитися на всякъ часъ, что сподобил насъ Богъ Пречистою Своею Материю в последний сей родъ таковыми знаменми и чюдесы избавити християнский род от нашествия иноплеменных враг. И намъ, господине, нынѣ, видѣвши на насъ Божию милость и Пречистыя Богородицы помощь, поминати бы грѣхи своя и о том бы плакатися и просити у Бога милости и у Пречистые Его Матери помощи на благая дѣла. И аще видить нас милосердый Господь в сокрушении и сѣтовании ходяща, не презритъ насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ си человѣколюбием помилуетъ.

Благаго и преблагаго Бога благодарити должни есмы, Того бо есмы создание и раби, честною Его кровию искуплени есмы. И ты, господине князь Андрей, видя челоѣколюбие и милосердие Господа нашего Исуса Христа, что гнѣвъ Свой от нас отвелъ, а милость Свою явил народу християнскому,

Я, господин, хоть и грешен, а рад Бога молить и Пречистую Его Мать со своей братиицей о тебе, о нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, находящихся под твоей властью, как я тебе, господин, и прежде этого писал. А Пречистая Богородица, Владычица наша, помилует тебя, и покроет тебя ризой своей честной, и наставит тебя в разум истинный, и направит тебя в царствие Сына своего за молитвы святых. Аминь.

ПОСЛАНИЕ КИРИЛЛА ЧУДОТВОРЦА К КНЯЗЮ АНДРЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ

Господину благоверному князю Андрею Дмитриевичу — Кирилл, чернечище грешный и непотребный, со своей братиицей.

Много челом бьем и Бога молим о вашем здоровье, господ наших, поминая, господин, твою любовь, какую ты имеешь к Пречистой Богородице, и к нашей нищете поминая, господин, твою великую любовь и обильную милостыню нашего господина.

А что до преславного чуда пречистой Богородицы, о котором ты мне писал, — о превышающем слово и разум преславном чуде, так — слава Тебе, Боже! слава Тебе, Крепкий! слава Тебе, Бессмертный, восхваляемый в Троице всеми небесными силами и родом человеческим! Молитвами Пречистой Матери Своей такую излил Он милость в этот последний род, услышал моление Матери Своей о роде христианском.

Слушай, господин князь Андрей, что говорит Ветхое Писание: когда захочет Бог какую-нибудь землю казнить за нечестие, Он посылает сначала проповедников, чтобы жители той земли обратились. И если обратятся, отводит Господь от них Свой гнев, мимо проносит скорбь, обращает печаль в радость и проявляет на них Свою милость.

Господин князь Андрей! Ныне нам, видевшим преславные и великие чудеса Пречистой госпожи Богородицы, подобает, господин, радоваться этому сердцем, а душой устрашаться во всякий час, оттого что сподобил нас Бог Пречистой Своей Матерью в последний этот род: такими знамениями и чудесами избавил Он христианский род от нашествия иноплеменных врагов. И ныне нам, господин, видевшим Божию к нам милость и Пречистой Богородицы помощь, поминать бы свои грехи и плакать бы о них и просить у Бога милости и у Пречистой Его Матери помощи на благие дела. И если увидит нас милосердный Господь в сокрушении и сетовании ходящих, не отнесется к нам с презрением, как и к Ниневитянам, но, по обычному Своему человеколюбию, помилует.

Благого и преблагого Бога благодарить мы должны, ибо мы Его создание и рабы и искуплены Его честною кровию. И ты, господин князь Андрей, видя человеколюбие и милосердие Господа нашего Иисуса Христа, — что Он гнев Свой от нас отвел, а милость Свою явил народу христианскому, молитвами

молитвами Пречистыя госпожа Матере Своея, и ты, господине, смотри того: властель еси во отчине отъ Бога поставленъ, — люди, господине, свои смиряй отъ лихово обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право. Поклепом бы, господине, не было. И подметом бы, господине, не было же. Судьи бы посулов не имали, доволни бы были уроки своими, понеже сице глаголеть Господь: «Да не оправдиши нечестиваго мъзды ради,* ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради. Ни сотвориши неправду на суде,* яко судъ истиненъ есть; проклят всякъ неправо судя». Пророкъ рече: «Ярость Господня на них неизцѣлна до вѣка, и огнь поястъ нечестивыя» — мзды ради, иже неправдою взимают. Судяи праведно, без мзды, спасени будут и царство небесное наслѣдуют.

И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы в твоей отчинѣ не было, занеже, господине, толика погуба душам: християне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнут.

Также, господине, и мытов бы у тобя не было, понеже, господине, куны неправедныя. А гдѣ перевоз, тут, господине, пригоже дати труда ради.

Также, господине, и разбоя бы и татбы во твоей отчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты их вели наказывати своимъ наказанием, — чему будут достойни.

Также, господине, уймай под собою люди отъ скверных слов и от лаяния, понеже то все прогнѣвает Бога. И аще, господине, не подщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщетъ, понеже властель еси своимъ людемъ от Бога поставлен.

А християномъ, господине, не лѣнися управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ от Бога вмѣнится и молитвы и поста.

А отъ упивания бы есте уймалися, а милостынку бы есте по силѣ давали, занеже, господине, поститись не можете, а молитися ленитеся: ино в то мѣсто вам милостыня вашъ недостатокъ пополнит.

А великому Спасу и Пречистой Его Матери, госпожи Богородицы, заступницы христианской, чтобы есте, господине, велѣли молебны пѣти по церквам, а сами бы есте, господине, ко церкви ходити не ленилися.

А во церкви стойте со страхом и трепетом, помышляюще в себѣ аки на небеси стояще. Занеже, господине, церковь нарицается земное небо, в нейже совершается Христова таинства. Блюди, господине, и себе опасно. Во церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакова слова празна. И аще кого видиши от велмож своих или от простых людей, бесѣдующа во церкви, и ты, господине, возбраняй. Понеже, господине, то все прогневаѣтъ Бога. И ты, господине князь Андрѣй, о том о всемъ внимай себѣ, занеже глава еси и властель от Бога поставлен иже под тобою християномъ.

Пречистой госпожи, Матери Своей, — ты, господин, смотри вот на что: властителем в отчине ты от Бога поставлен, — людей, господин, своих смиряй дурные обычаи. Суды бы, господин, пусть судили праведно, как перед Богом справедливо. Клеветы, господин, пусть бы не было. И подметных, господин, писем тоже не было бы. Судьи бы взяток не брали, довольствовались бы своим жалованьем, потому что говорит Господь: «Да не оправдаешь нечестивого мзды ради, ни сильного, ни богатого не устыдись на суде, ни брата родства ради, ни друга любви ради, ни нищего нищеты ради. Не сотвори неправду на суде, ибо суд должен быть истинным; проклят всякий неправедно судящий». Пророк сказал: «Ярость Господня на них неисцелима до конца века, и огонь поест нечестивых» — из-за мзды, которую они неправедно взимают. Судящие праведно, без мзды, спасены будут и царство небесное наследуют.

И ты, господин, следи внимательно, чтобы корчмы в твоей отчине не было, потому что, господин, великая от нее пагуба душам: христиане, господин, пропиваются, и души гибнут.

Также, господин, и поборов бы у тебя не было, потому что, господин, брать куны несправедливо. А где перевоз, там, господин, следует давать за труд.

Также, господин, и разбоя и воровства в твоей отчине пусть бы не было. И если не уймутся преступники делать свое злое дело, то ты вели их наказывать своим наказанием, — чего будут достойны.

Также, господин, унимай подвластных тебе людей от скверных слов и от ругани, потому что все это гневит Бога. И если, господин, не постараешься ты все это исправить, то все это Он на тебе взыщет, потому что властителем над своими людьми ты от Бога поставлен.

А христианам, господин, не ленись управу давать сам: то, господин, от Бога вменится тебе выше и молитвы и поста.

А от упивания вы бы воздерживались, и милостыню посильную давали, потому что, господин, поститься вы не можете, а молиться ленитесь: так вместо этого вам милостыня ваш недостаток восполнит.

А великому Спасу и Пречистой Его Матери, госпоже Богородице, заступнице христианской, велели бы вы, господин, петь молебны по церквам, и сами бы, господин, в церковь ходить не ленились.

А в церкви стойте со страхом и трепетом, воображая себя на небе стоящими. Потому что, господин, церковь называется земным небом, в ней совершаются Христовы таинства. Следи, господин, и за собой с опаской. В церкви стоя, разговоров не веди и не говори, господин, никакого праздного слова. И если видишь кого-нибудь из своих вельмож или из простых людей беседующими в церкви, так ты, господин, возбраняй. Потому что, господин, это все прогневляет Бога. И ты, господин князь Андрей, во всем этом будь внимателен к себе, потому что ты есть глава и властитель, поставленный от Бога находящимся под тобой христианам.

А милость Божия и Пречистыя Богородицы на тобѣ, на моем господине, и на твоей княгине, и на ваших дѣтках, и мое благословение и молитва и братии моей аминь.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА

Во имя Святыя и Живоначальныя Троица.

Азъ, грѣшный Кирило игуменъ, смотрихъ, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя болѣзни, имиже ныне съдержимъ есмь, человѣколюбнѣ от Бога казнимъ ради моихъ грѣхъ, болѣзнемъ на мя умножившимся ныне, якоже иногда никогдаже, и ничтоже ми възвѣщающе развѣ смерть и судъ страшный Спасовъ будущаго вѣка. И во мнѣ смутися сердце мое исхода ради, и страхъ смертный нападе на мя. Боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумѣния.* Что сътворити, не съвѣмъ. Но възвергу печаль на Господа,* да той сътворить якоже хощеть, хощетъ бо всѣмъ человѣкомъ спастися.

Се язъ, Кирило игуменъ, черньчищо грѣшный, пишу сию грамоту при своемъ животѣ и въ своемъ смыслѣ.

Предаю манастырь, трудъ свой и своее братьи, Богу и Пречистѣй Богородици, Матери Божии, Царици небеснѣй, и господину князю великому, сыну своему, Андрѣю Дмитриевичю.*

И сына своего благословляю въ свое мѣсто, священноинока Инокентия.*

И ты, господине князь великый, Бога ради и Пречистыя деля Богородици, и своего ради спасения, и мене ради, своего нищего грѣшна человѣка, какову еси, господине, имѣлъ любовь доселѣ къ Пречистѣй Богородици и к нашей нищетѣ, при моем животѣ, тако бы еси, господине, и по моемъ животѣ имѣлъ любовь крѣпку къ Пречистѣй Богородици и сыну моему Инокентию, и къ моей братицы, которыи имуть по моему житьицу жити, а игумена слушати.

А что еси, господине, давалъ свое жалование, грамоты свои, дому Пречистѣй Богородицы и моей нищетѣ, — чтобы то, господине, твое жалование и грамотки неподвижны были: как и доселѣ, господине, при моем животѣ, так бы, господине, и по моемъ животѣ было. Занеже, господине князь великий, нам, твоим нищим, нѣчим боронитися противу обидящих нас, но токмо, господине, — Богомъ, и Пречистою Богородицею, и твоим, господине, жалованием, нашего господина и господаря.

А тобе, господина князя великаго, сына моего, Андрѣя Дмитриевича, елика исповѣдалъ еси Богу и Пречистѣй Богородици и мнѣ, своему отцю, яко человѣкъ, плоть нося, съгрѣшивъ, в томъ тебе въсем Богъ простить и благословитъ. Також и госпожю мою дщерь, княгиню велкую Ографѣну,* Богъ

А милость Божия и Пречистой Богородицы на тебе, на моем господине, и на твоей княгине, и на ваших детках, и мое благословение и молитва и братии моей аминь.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА

Во имя Святой и Живоначальной Троицы.

Я, грешный и смиренный игумен Кирилл, увидел, что постигла меня старость, ибо впал я в частые и различные болезни, которым и ныне подвержен, человеколюбиво Богом наказываемый за мои грехи, ибо болезни мои умножились ныне, как до сих пор никогда, ничего мне не предвещая, кроме смерти и страшного Спасова суда в будущем веке. И во мне смутилось сердце мое перед исходом, и страх смертный напал на меня. Боязнь и трепет перед Страшным судищем пришли ко мне, и покрыла меня тьма недоумения. Что сделать, не знаю, но возложу печаль на Господа, пусть Он сделает, как хочет, ибо Он хочет, чтобы все люди спаслись.

Это я, игумен Кирилл, чернечище грешный, пишу эту грамоту при своей жизни и в своем разуме.

Передаю монастырь, труд свой и своей братии, Богу и Пречистой Богородице, Матери Божией, Царице небесной, и господину князю великому, сыну своему, Андрею Дмитриевичу.

И сына своего благословляю на свое место, священноинока Иннокентия.

И ты, господин князь великий, Бога ради и Пречистой Богородицы и своего ради спасения и меня ради, твоего нищего грешного человека, какую, господин, имел до сих пор любовь к Пречистой Богородице и к нашей нищете, при моей жизни, такую же, господин, крепкую имел бы ты любовь и после моей смерти к Пречистой Богородице, к сыну моему Иннокентию и к моей братии, которые будут следовать моему образу жизни и игумена слушать.

А что, господин, давал ты свое жалование, грамоты свои, дому Пречистой Богородицы и моей нищете, — пусть то, господин, твое жалование и грамотки будут неизменны: как до сих пор, господин, при моей жизни, так бы, господин, и после моей смерти было. Потому что, господин князь великий, нам, твоим нищим, нечем защищаться от обижающих нас, кроме как, господин, Богом, Пречистой Богородицей и твоим, господин, пожалованием, нашего господина и государя.

А тебя, господина князя великого, сына моего Андрея Дмитриевича, сколько исповедал Богу и Пречистой Богородице и мне, своему отцу, как человек, носящий плоть, согрешения, во всем том тебя Бог простит и благословит. Так же и госпожу, мою дочь, княгиню великую Ографену, Бог простит

проститъ и благословитъ. Такоже господина и сына моего, князя Ивана, Богъ проститъ и благословитъ. Такоже и госпожю и дщерь мою, княжну Анастасию, Богъ проститъ и благословитъ.

А милость Божия и Пречистыи Богородици на тобѣ, на моем господинѣ, князе великом Андрѣи Дмитриевичѣ, да будет, и на твоей княгинѣ великой, госпожѣ нашей Огрофѣнѣ, и на вашем сыну, на нашем господинѣ, князѣ Иванѣ, и на всѣх ваших дѣткахъ и мое благословение, и молитва, и братьи моея.

Господине и господине, князь великый Андрѣй Дмитриевич! Много молю тя о сем и челом бью съ своею братицею по Бозѣ и по Пречистой Богородици тобѣ, своему господарю. Однова, господине игумен-отъ ти ся иметъ жаловати на которую братию, которые, господине, не имутъ его слушати, а по волѣ его не ходят, а мое житийце, грѣшна человѣка, имуть перечинивати, и язъ господина своего и господаря, тобѣ, съ слезами много молю о томъ, чтобы еси, господине, тому не попустилъ быти, а тѣхъ бы еси, господине, зчюнулъ крѣпко, кто по моему житьицю не ходитъ, а игумена не иметь слушати. И ты, господине, тѣхъ вели изъ монастыря выслати.

и благословит. Также господина и сына моего, князя Ивана, Бог простит и благословит. Также и госпожу и дочь мою, княжну Анастасию, Бог простит и благословит.

А милость Божия и Пречистой Богородицы на тебе, на моем господине, князе великом Андрее Дмитриевиче, да будет, и на твоей княгине великой, госпоже нашей Огрофене, и на вашем сыне, на нашем господине, князе Иване, и на всех ваших детках, и мое благословение и молитва, и братии моей.

Господин и господин, князь великий Андрей Дмитриевич! Много молю тебя об этом и бью челом со своей братиицей по Боге и по Пречистой Богородице тебе, своему государю. Буде, господин, пожалуется тебе игумен на каких-нибудь людей в братии, которые, господин, не станут его слушать, воле его не следуют и мой образ жизни, грешного человека, примутся переиначивать, — и я господина своего и государя, со слезами очень тебя прошу, чтобы ты, господин, не допустил этому быть, но чтобы ты, господин, наказывал крепко тех, кто моему образу жизни не последует, а игумена не станет слушать. И ты, господин, повели тех людей из монастыря высылать.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

ВЫПИСАНО ИЗ ПОСЛАНИЯ ИЕРОМОНАХА ЕПИФАНИЯ, ПИСАВШАГО К НѢКОЕМУ ДРУГУ СВОЕМУ КИРИЛЛУ

Юже нѣкогда видѣл еси церковь Софийскую цареградскую,* написану в моей книзѣ во Евангелии, еже гречески речется Тетроевангелие, нашим руским языком зовется Четвероблаговѣстие. Прилучи же ся таковому граду списати в нашей книзѣ сицевым образом. Понеже егда живях на Москвѣ, идѣ же бяше тамо муж он живый, преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ, Феофан, гречин, книги изограф* нарочитый и живописецъ изящный во иконописцѣх, иже многи различные множае четверодесяточисленных церквей каменных своею подписал рукою, яже по градом елико в Константинѣ градѣ и в Халкидонѣ,* и в Галафѣ* и в Кафѣ,* и в Велицѣм Новѣгороде и в Нижнемъ. Но на Москвѣ три церкви подписаны: Благовѣщения святыя Богородицы,* Михайло святый, одну же на Москвѣ.* В Михайле святом на стенѣ написа град,* во градцѣ шаровидно подробну написавый, у князя Владимира Андрѣевича* в каменѣ стенѣ саму Москву такоже написавый; терем у князя великого незнаемою подписью и странно-лѣпно подписаны; и в каменной церкви во святомъ Благовѣщении «Корень Иессеевъ»* и «Апоколипьсий» также исписавый. Сия же вся егда назнаменующу ему или пишущу, никогда же нигдѣ же на образцы видяще его когда взирающа, яко же нѣцыи наши творят иконописцы, иже недоумѣния наполнишася присно приницающе, очима мещуще, сѣмо и овамо, не толма образующе шарми, елико нудяхуся на образ часто взирающе; но мняшеся яко иному пишущу, рукама убо изообразуя писаше, ногама же бес покоя стояше, языком же бесѣдуя с приходящими глаголаше, а умом дальная и разумная обгадываше, чювственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си. Упредивленный муж и пресловущий великую к моей худости любовь имѣяше; тако и аз уничиженный к нему и неразсудный дерзновение множае стяжах, учащах на бесѣду к нему, любях бо присно с ним бесѣдовати.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

ВЫПИСАНО ИЗ ПОСЛАНИЯ ИЕРОМОНАХА ЕПИФАНИЯ, ПИСАВШЕГО К НЕКОЕМУ ДРУГУ СВОЕМУ КИРИЛЛУ

Ты видел некогда церковь Софийскую царьградскую, представленную в моей книге — Евангелии, именуемом по-гречески Тетроевангелием, на нашем же русском языке — Четвероблаговестием. Город же этот был написан в нашей книге вот каким образом. Когда я был в Москве, жил там и преславный мудрец, философ зело искусный, Феофан Грек, книги изограф опытный и среди иконописцев отменный живописец, который собственною рукой расписал более сорока различных церквей каменных в разных городах: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Кафе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. В Москве же им расписаны три церкви: Благовещения святой Богородицы, святого Михаила и еще одна. В церкви святого Михаила он изобразил на стене город, написав его подробно и красочно; у князя Владимира Андреевича он изобразил на каменной стене также самую Москву; терем у великого князя расписан им неведомою и необычайною росписью, а в каменной церкви святого Благовещения он также написал «Корень Иессеев» и «Апокалипсис». Когда он все это рисовал или писал, никто не видел, чтобы он когда-либо смотрел на образцы, как делают это некоторые наши иконописцы, которые от непонятливости постоянно в них всматриваются, переводя взгляд оттуда — сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образцы; казалось, что кто-то иной писал, руками писал, выполняя изображение, на ногах неустанно стоял, языком же беседуя с приходящими, а умом обдумывал далекое и мудрое, ибо премудрыми чувственными очами видел он умопостигаемую красоту. Сей дивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, возымев большую смелость, часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним говорить.

Аще бо кто или вмалѣ или на мнозѣ сотворит с ним бесѣду, то не мощно еже не почюдитися разуму и притчам его и хитростному строению. Аз видя себе от него любима и неоскорбляема и примѣсих к дерзости безстудство и понудих его рекий: «Прошу у твоего мудролюбия, да ми шарми накартаеши изоображение великия оноя церкви святыя Софии, иже во Царѣграде, юже великий Иустиниан царь воздвиже, ротуяся и уподобився премудрому Соломону; ея же качество и величество нѣцыи повѣдаша яко Московский Кремль внутреградия и округ коло ея и основание и еже обходиши округ ея; в ню же аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблужения не мощи ему вон излѣсти, аще и зѣло мудръ быть мнится, множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов и различных полат, и церквей, и лѣствицъ, и хранильницъ и гробницъ и многоименитых преград и предѣл, и окон, и путей, и дверей, влазов же и излазов, и столпов каменных вкупѣ. Написа ми нарицаемого Иустиниана, на конѣ седяща и в руцѣ своей десницы мѣдяно держаща яблоко,* ему же рѣкоша величество и мѣра, полтретя ведра воды вливаются, и сия вся предиреченная на листѣ книжнѣмъ напиши ми, да в главизнѣ книжной положу и в начало поставлю и донели же поминая твое рукописание и на таковый храм взирая, аки во Царѣграде стояще мним».

Он же, мудръ, мудрѣ и отвеща ми: «Не мощно есть, рече, того ни тебѣ улучити, ни мнѣ написати, но обаче докуки твоея ради мало нѣчто аки от части вписую ти, и то же не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изоображеннаго пишемаго нами и прочая большая имаши навыцати и разумѣти». То рек, дерзостнѣ взем кисть и листъ, и написа наскорѣ храмовидное изображение* по образу сущия церкви во Царѣграде и вдаде ми.

От того листа нужда бысть и прочиим иконописцем московскимъ, яко мнози бяху у когождо преписующе себѣ, друг пред другом ретующе и от друга приемлюще. Последи же всѣх изволися и мнѣ, аки изографу, написати четверообразнѣ: поставихом таковый храм в моей книзѣ в четырех мѣстех: 1-е) в началѣ книги в Матфеевѣ евангелии, идѣже столп Иустиниана идѣ же Матфѣя евангелиста образ бе; 2) же храм в началѣ Марка евангелиста; 3) же пред началом Луки евангелиста; 4) же внегда начатися Иоаннову благовѣстию; 4 храмы, 4 евангелиста написашася, иже нѣкогда видѣл есть, внегда бѣжах от лица Едегеева на Тверь, устрашихся, паче же всѣх, у тебе преупокоих претружение мое, и тебѣ возвестих печаль мою, и тебѣ явствовах все книжие мое, елицы от разсѣяния и от расточения осташася у мене. Ты же тогда таковый храм написанный видѣл и за 6 лѣт воспомянул ми в минувшую зиму сию своим благоутробием. О сих до здѣ. Аминь.

Сколько бы с ним кто ни беседовал — много ли, или мало, — не мог не подивиться его разуму, его притчам и его искусному изложению. Когда я увидел, что он меня любит и мною не пренебрегает, то я к дерзости присоединил бесстыдство и попросил его: «Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, святой Софии в Царьграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своем старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина ее подобны Московскому Кремлю, — таковы ее окружность и основание, когда обходишь вокруг. Если странник войдет в нее и пожелает ходить без проводника, то заблудится и не сможет выйти, сколь бы мудрым ни казался он, из-за множества столпов и околостолпий, спусков и подъемов, проходов и переходов, и различных палат и церквей, лестниц и хранилищ, гробниц, многоразличных преград и приделов, окон, проходов и дверей, входов и выходов, и столпов каменных. Упомянутого Юстиниана напиши мне сидящего на коне и держащего в правой своей руке медное яблоко, которое, как говорят, такой величины и размера, что в него можно влить два с половиной ведра воды. И это все вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твое творение и на такой храм взирая, мнил бы себя в Царьграде стоящим».

Он же, мудрец, мудро и ответил мне. «Невозможно, — молвил он, — ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твоему настоянию, я малую часть ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля, от множества малость; но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь». Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви, находящейся в Царьграде, и дал его мне.

От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, ибо многие перерисовали его себе, соревнуясь друг с другом и перенимая друг у друга. После всех решился и я, как изограф, написать его в четырех видах и поместил этот храм в своей книге в четырех местах: 1) в начале книги, в Евангелии от Матфея, — где столп Юстиниана и образ евангелиста Матфея; 2) храм в начале Евангелия от Марка; 3) перед началом Евангелия от Луки и 4) перед началом Евангелия от Иоанна; четыре храма и четырех евангелистов написал. Их-то ты и видел, когда я, устрашась более всех, бежал от Едигея в Тверь, у тебя нашел покой и тебе поведал мою печаль и показал все книги, которые остались у меня от бегства и разорения. Тогда ты и видел изображение храма этого и через шесть лет в прошлую зиму напомнил мне о нем по своей доброте. Об этом довольно. Аминь.

СКАЗАНИЕ О БИТВЕ НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ

СЛОВО О ЗНАМЕНИИ СВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА В ЛѢТО 6677-е

Сътворися знамение великое и преславное чюдо от иконы святыя Богородица в Новѣгородѣ.

Сице бо живущимъ новгородцемь: владѣяху областми по своей волѣ, яже имъ Богъ поручилъ, а князя держаху по своей волѣ. Бѣ же у нихъ тогда князь Романъ Мьстиславличь, внукъ Изяславль.*

В то же время двиняни* не хотяху дани давати Новугороду, но вдашася князю Андрѣю Сусьдаскому.* Новгородьци же послаша на Двину даньникомъ Даньслава Лазутинича,* а сь нимъ ис концовъ по сту мужь.* И то слышавъ, князь Аньдрѣй посла противу имъ своихъ мужѣй — тысщю и пятьсотъ рати. Онѣ же начаша переимати ихъ на Бѣлѣозерѣ, и начаша ся бити. И пособи Богъ мужемь новгородьцемь и убиша от полку Аньдрѣева осмисотъ мужь, а прочѣи избѣгоша. А новгородьцевъ паде пятьнадесятъ мужь.

И оттолѣ князь Андрѣй разгнѣвася на Новгородъ и нача рать копити. А самъ тогда разболѣся и посла сына своего Романа к Новугороду съ всею силою сузьдальскою. А с нимъ князь Мьстиславль съ смолняны, с торопчяны, с муромци, и с рязанци, и с переяславци, и с всими князьми всея земля Руская. И бысть всихъ князѣй 70 и 2.

Новгородци же слышаху ту силу великую грядущюю на ся, и печалны быша въ скорбѣ велици и сѣтовании мнозѣ; моляшеся милостивому Богу и пречистѣй его матери, святѣй госпожѣ Богородици. И поставиша острогъ около всего Новагорода, а самѣ сташа за острогомъ. И придоша к Новугороду сусьдальци съ всими князьми земля Руския, стояху же подъ городомъ три дни.

Въ вторую же нощь святому архиепископу Ивану* стоящю и молящюся святому образу Господа нашего Исуса Христа о спасении града сего, и бысть

СКАЗАНИЕ О БИТВЕ НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ

СЛОВО О ЗНАМЕНИИ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ГОД 6677 (1169)

Свершилось это знамение великое и преславное чудо от иконы святой Богородицы в Новгороде.

Так ведь жили новгородцы: землями, которые им Бог даровал, владели по своей воле, и князя у себя держали по своему выбору. Был же у них тогда князь Роман Мстиславич, внук Изяслава.

И вот в это время не захотели двиняне давать дань Новгороду, а перешли под власть князя Андрея Суздальского. Новгородцы же послали на Двину сборщиком дани Даньслава Лазутинича, а с ним от каждого конца по сто мужей. И, услышав об этом, князь Андрей послал против них своих мужей — рать в тысячу пятьсот человек. И перехватила эта рать новгородцев на Белоозере, и началась битва. И помог Бог мужам новгородским, и убили они из полка Андреева восемьсот воинов, а остальные разбежались. А у новгородцев пало пятнадцать мужей.

И из-за этого князь Андрей разгневался на Новгород и начал рать готовить. Сам же он тогда разболелся и послал сына своего Романа на Новгород со всем войском суздальским, а с ним пошли князь Мстислав со смолянами, а со своими князьями торопчане, муромцы, рязанцы, переяславцы, и со всеми князьями вся земля Русская. И было всех князей семьдесят два.

Когда новгородцы услыхали об этой силе великой, идущей на них, то охватила их печаль и скорбь великая и сетование многое; молились они милостивому Богу и пречистой его матери, святой госпоже Богородице. И соорудили они острог вокруг всего Новгорода, а сами укрылись за острогом. И пришли к Новгороду суздальцы со всеми князьями земли Русской, и стояли под городом три дня.

Во вторую же ночь осады, когда святой архиепископ Иоанн стоял на молитве пред образом Господа нашего Иисуса Христа, молясь о спасении города

въ ужасѣ и слыша глас, глаголющь сице: «Иди в церковь святаго Спаса на Ильину улицю* и возми икону святую Богородицю и вынеси на острогъ противу супостатъ». И святейший архиепископъ Иоан, то слышавъ, пребы безъ сна всю нощь, моляся святѣй Богородици, матери Божии.

Утру же бывшю, повелѣ быти сбору святому, исповѣда видѣние то предъ всими. Они же, тогда слышавше, прослвиша Бога. Архиепископъ же посла дьякона своего с крилосомъ принести икону на сборъ. И шедъ же дъяконъ въ церковъ святаго Спаса, и поклонися святѣй Богородици образъ, хотя ю взяти. И не подвижеся икона с мѣста своего. Дьякон же възвратися и повѣда архиепископу бывшее.

Блажений же архиепископъ Иванъ, слышавъ се от дъякона своего, въста въскоре от мѣста своего и поиде съ всимъ святымъ сборомъ, и с нимъ народи мнози. Внидоша въ церковъ Господа нашаго Спаса Исуса Христа, и, прешедъ пред икону госпожа нашея, прѣчистыя Богородица, и поклонивъ колѣнѣ, молитву творяще, сице глаголаше: «О премилостивая дѣво, госпоже Богородице, владычице, пресвятая девице прѣчистая! Ты еси упование наше и надежа наша, заступнице граду нашему, стѣна и покровъ и прибѣжище всимъ крестьяномъ. На тебе бо надѣемся мы, грѣшнии. Молися, госпоже, сыну своему, Богу нашему за град нашь, не прѣдай же насъ врагомъ нашимъ грехъ ради нашихъ, но услыши, госпоже, плачь людий своихъ приими молитву рабъ своихъ, избави, госпоже, град нашь от всякого зла и от супостатъ нашихъ».

Се же ему изрекшю, начаша пѣти канун* молебонъ, и по 6-й пѣсни начанаху кондакъ* сице пѣти «Заступнице крестьяномъ непостыдная». И в то же время подвижеся икона сама. Народи же, видевше, съ слезами зваху: «Господи, помилуй!» Архиепископъ же приимъ своима рукама и дасть двѣма дьяконома и повелѣ нести пред собою, а самъ поиде въследъ съ всимъ святымъ сборомъ, свѣршающе канунъ. Народи же угнѣтахуся, въследъ идуще. И несоша икону на острогъ, идѣже нынѣ манастырь святыя Богородица на Десатинѣ.*

А новгородци вси бяху за острогомъ, не можаху противу стати, но токмо плакахуся кождо себе свою погыбель видяще, понеже бо суздалци и улици раздѣлиша на свои городы.

Бывшю же часу 6-му, начаша приступати ко городу вси полци рускыя. И спустиша стрѣлы, яко дождь умноженъ. Тогда же икона Божиимъ промысломъ обратися лицемъ на град и видѣ архиепископъ слезы, текуща от иконы, и приять въ фелонъ* свой. И великое, страшное чюдо! Како се можеше быти от суха древа? Не суть бо слезы, но являеть знамение своея милости: симъ бо образомъ молится святая Богородица сыну своему и Богу нашему за град нашь — не дати в поругание супротивнымь.

этого, в ужасе услышал он голос, говоривший так: «Иди в церковь святого Спаса на Ильину улицу, и возьми икону святой Богородицы, и вынеси ее на острог, воздвигнутый против супостатов». И святейший архиепископ Иоанн, услышав это, пребывал без сна всю ночь, молясь святой Богородице, матери Божьей.

Когда же наступило утро, повелел Иоанн быть собору духовенства и поведал всем о том видении. Они же, услышавши об этом, прославили Бога. И послал архиепископ дьякона своего со всем клиром, чтобы принесли икону на собор. И пошел дьякон в церковь святого Спаса, и поклонился иконе святой Богородицы, хотя ее взять; и не стронулась икона с места своего. Тогда дьякон возвратился и поведал архиепископу о случившемся.

Блаженный же архиепископ Иоанн, слышав это от дьякона своего, поспешно встал с места своего и пошел со всем святым собором, и с ним множество народа. Вошел он в церковь Господа нашего, спасителя Иисуса Христа, и, подойдя к иконе госпожи нашей, пречистой Богородицы, и преклонив колени, начал молиться, так говоря: «О премилостивая дева, госпожа Богородица, владычица, пресвятая дева пречистая! Ты — упование наше, и надежда наша, и заступница града нашего, стена, и покров, и прибежище всем христианам. На тебя ведь надеемся мы, грешные. Молись, госпожа, сыну своему, Богу нашему, за город наш, не предай нас врагам нашим ради грехов наших, но услышь, госпожа, плач людей своих и прими молитву рабов своих, избавь, госпожа, город наш от всякого зла и от супостатов наших».

И когда сказал он это, начали петь канон молебный, а после шестой песни канона начали кондак петь «Заступница христиан безупречная». И в это время икона сама сдвинулась с места своего. Люди же, увидев это, со слезами воскликнули: «Господи, помилуй!» Архиепископ же взял ее своими руками и передал двум дьяконам, и повелел нести ее перед собой, а сам пошел вослед со всем святым собором, свершая канон. Люди же толпились, идуще вослед. И понесли икону на острог, туда, где ныне монастырь святой Богородицы на Десятине.

А все новгородцы были внутри острога, не осмеливаясь выступить против врагов; лишь скорбел каждый о судьбе своей, видя погибель свою, ибо ведь суздальцы и улицы поделили — каждая какому городу достанется.

И вот, когда наступил шестой час, начали наступать на город все русские полки. И полетели на город стрелы, словно дождь проливной. Тогда икона по божьему соизволению обратилась ликом к городу, и увидал архиепископ текущие слезы от иконы, и подставил он под них фелонь свою. О великое, внушающее трепет чудо! Как это может произойти от сухого дерева? Не слезы ведь это, но проявила она тем знак своей милости: так ведь молилась святая Богородица сыну своему и Богу нашему за город наш, чтоб не отдал он его в поругание неприятелю.

Тогда Господь Богъ нашь умилосердися на град нашь молитвами святыя Богородица: пусти гнѣвъ свой на вся полкы рускыя, и покры ихъ тма, яко же бысть при Моисѣи, егда бо проведе Богъ сквозѣ Чермьное море жиды, а фараона погрузи. Тако и на сихъ нападе трепетъ и ужасть, и ослѣпоша вси, и начаша ся бити межи собою. Се же новгородци видѣвше, изыдоша на поле, ови избѣша, а прочихъ живы изымаша.

Оттолѣ отъятся слава суздальская и честь, Новгородъ же избавленъ бысть молитвами святыя Богородица. Святый же архиепископъ Иванъ створи празникъ светелъ, начаша праздновати всимь Новымьгородомъ вси мужи новгородци, жены и дѣти Честному Знамению святыи Богородица.

Богу же нашему.

Тогда Господь Бог наш умилосердился над городом нашим по молитвам святой Богородицы: обрушил гнев свой на все полки русские, и покрыла их тьма, как было при Моисее, когда провел Бог израильтян сквозь Красное море, а фараона потопил. Так и на сих напал трепет и ужас, и ослепли все, и начали биться меж собой. Увидев это, новгородцы вышли в поле и одних перебили, а других захватили в плен.

Так минула слава суздальская и честь, Новгород же избавлен был от беды молитвами святой Богородицы. Святой же архиепископ Иоанн учредил праздник светлый, и начали праздновать всем Новгородом, — все новгородцы, мужчины, женщины и дети, — праздник Честного Знамения святой Богородицы.

Богу нашему слава.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

СЛОВО 2-Е. О ТОМ ЖЕ О ВЕЛИКОМЪ СВЯТИТЕЛИ ИОАННѢ,* АРХИЕПИСКОПѢ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА, КАКО БЫЛЪ ВЪ ЕДИНОЙ НОЩИ ИЗ НОВАГРАДА ВО ИЕРОСАЛИМѢ ГРАДѢ И ПАКЫ ВОЗВРАТИСЯ В ВЕЛИКИЙ НОВЪГРАД ТОЕ ЖЕ НОЩИ

Понеже нѣсть се достойно молчанию предати, еще Богъ сотвори святителемъ своимъ Иоанномъ. Многажды же бываетъ со искушениемъ над святыми попущениемъ Божиимъ, да болма прославятся и просвѣтятся, яко злато искушено. «Прославляюща мя, — рече, — прославлю».* Дивенъ бо есть Богъ во святых своих; Богъ прославляа святыя своя. И паки рече Христос: «Се дахъ вамъ власть над духы нечистыми».*

Въ единъ убо от дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя свершающу. Имѣяше же святый сосуд с водою стоящь, из негоже умывашеся.* И слыша въ сосудѣ ономъ нѣкотораго поропщюща в водѣ, и прииде скоро святый, и уразумѣ бѣсовьское мечтание. И сотворь молитву, и огради сосуд крестомъ, и запрети бѣсу. Хотяше бо пострашити святаго, но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не поколѣба, и самъ вселукавый сотреся.

И не на долгый час не могий терпѣти бѣсъ, нача вопити: «О, лютѣ нужди сея! Се бо огнемъ палимъ есмь, не могу терпѣти, скоро испусти мя, святче Божий!» Святый же рече: «Кто еси ты и како сѣмо прииде?» Диаволъ же рече: «Азъ есмь бѣсъ лукавый и приидохъ смутити тя. Мнях бо, яко человѣкъ устрашишися и от молитвы упразднишися, ты же мя злѣ заключивъ в сосудѣ семъ. Се бо яко огнемъ палимъ зило, горе мнѣ, окаянному! Како прелстихся, како внидох сѣмо, недоумѣвся! Нынѣ же пусти мя, рабе Божий, и отселе не имамь приити сѣмо!»

И надолзѣ вопиющу неприазненому, святый же рече: «Се за дерзость твою повелѣваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда въ Иерусалимъ-

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

СЛОВО ВТОРОЕ. О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛЕ ИОАННЕ, АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, КАК ОН ЗА ОДНУ НОЧЬ ПОПАЛ ИЗ НОВГОРОДА В ИЕРУСАЛИМ-ГРАД И СНОВА ВОЗВРАТИЛСЯ ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ В ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Нельзя забвению предать то, что случилось однажды по Божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко выпадает святым испытание попущением Божьим, чтобы еще больше прославлялись и просияли, как золото искусно выделанное. «Прославляющего меня, — сказал Господь, — и я прославлю». Дивен ведь Бог святыми своими; сам Бог святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услыхав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знамением и заключил в нем беса. Хотел бес постращать святого, но натолкнулся на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не в силах терпеть ни минуты, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Огонь палит меня, не могу вынести, поскорее освободи меня, праведник Божий!» Святой же вопросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол же ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Ведь надеялся я, что ты, как обычный человек, устрашишься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот, как огнем, палим я нестерпимо, горе мне, окаянному! Зачем польстился, зачем пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня теперь, раб Божий, а я больше никогда не приду сюда!»

И сказал святой беспрерывно вопившему бесу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отнеси меня на себе из Великого Новгорода в

град и постави мя у церкви, идѣже гробъ Господень, и изъ Еросалима-града сее же нощи в келии моей, в нюже деръзнулъ еси внити. И азъ тя испущу». Бѣсъ же всяческы обѣщася сотворити волю святаго, токмо рече: «Испусти мя, рабе Божий, се бо лютѣ стражду!»

Святый же, запретивъ бѣсу, испусти й, рекъ: «Да будеши яко конь уготовленъ, предстояй пред кѣльею моею, да имамъ на тя въсѣсти и совершити желание свое». Бѣсъ же изыде яко тма изъ сосуда, и ста яко конь пред кѣльею святаго, якоже требѣ святому. Святый же, изыде ис кѣлья, и въоружи себе крестомъ, и всѣде на нь, и обрѣтеся тоя нощи во Иерусалимѣ-градѣ близъ церкви святаго Въскресениа, идѣже гробъ Господень и часть животворящаго древа.*

Бѣсу же запрети, да не отъидеть от мѣста того. Бѣсъ же стоя, никакоже могий двигнутися с мѣста, дондеже святый прииде къ церкви святаго Воскресениа.

И ста пред дверми церковными и, преклонивъ колѣни, помолися, и отверзошася двери церковныа сами о себѣ, и свѣщи и паникадила* въ церкви и у гроба Господня възъжгошася. Святый же благодарственѣ моля Бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу Господню и облобыза й, тако же и животворящему древу, и всѣмъ святымъ образомъ и мѣстомь, иже суть въ церкви. Изыде изъ церкви, совершивъ желание свое, и пакы двери церковныа особь затворишася.

И обрѣте святый бѣса, стояща на томъ мѣсте, идѣже повелѣ ему, яко коня уготовлена. И всѣде на нь святый, и обрѣтеся тое же нощи в Великомъ Новѣградѣ, в келии своей.

И отходя бѣс ис кѣлии святаго, и рече: «Иоанне! Ты мя потруди во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иеросалимъ-град, и тое же нощи изъ Еросалима-града в Великий Новъград. Се бо запрѣщениемъ твоимъ, яко узами неразрѣшенно держимь бых и бѣднѣ сего претерпѣх. Ты же да не повѣси никомуже збывшаяся о мнѣ. Аще ли исповеси, аз же имамъ на тя искушение навести. Имаши бо яко блудникъ осуженъ быти, и много поруганъ быти, и на плотъ посажденъ на рецѣ, рекомомъ Волховѣ». Сиа же блядущу лукавому, святый же сътвори крестное знамение, и изчезе бѣсъ.

Нѣкогдаже святому, якоже имѣяше обычай, упражняющуся въ духовнѣй бесѣде съ честными игумены, и со искуснѣйшими иереи, и з богобоязнивыми мужи, и учение свое простирающу, и святых житиа сказающу, еже на ползю людемъ. Людем же послушающимъ в сладость святаго учениа: не лѣнивъ бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о иномъ нѣкоторомъ сказуа, еже збысться на нем. «Азъ, рече, вѣмъ такова человѣка, бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иеросалимѣ-градѣ, и поклонився гробу Господню и пакы возвратившася тое же нощи в Великий Новъград». Игуменомъ же, иереомъ и всѣмъ людемъ удивльшимся о семъ.

Иерусалим-град, к церкви, где гроб Господен, и в сию же ночь из Иерусалима-города — назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я выпущу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб Божий, люто я страдаю!»

Тогда святой, закляв беса, выпустил его, сказав: «Да будешь ты как конь оседланный, стоящий перед кельею моею, а я сяду на тебя и исполню желание свое». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельею Иоанна, как нужно было святому. Святой же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб Господен и часть животворящего креста Господня.

Беса же заклял святой, чтобы он не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда святой ходил в церковь святого Воскресения.

Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, сами собой открылись двери церковные, и свечи и паникадила в церкви и у гроба Господня зажглись. Святой же возблагодарил в молитве Бога, прослезился, и поклонился гробу Господню, и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту, и всем святым иконам, и местам церковным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились.

И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Заставил ты меня в одну ночь донести тебя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Ведь заклятием твоим, как цепями, был я крепко связан и с трудом это все претерпел. Ты же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклевещу. Будешь тогда как блудник осужден, и сильно надругаются над тобой, и на плот тебя посадят, и пустят по реке Волхову». И когда так пустословил лукавый, святой перекрестил его, и исчез бес.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людям. Люди же в сладость слушали поучения святого: не ленился он учить людей. И поведал от тогда, как будто о ком-то другом рассказывая, что с ним самим случилось. «Я, — говорил, — знаю такого человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалим-град, поклонился там гробу Господню и снова той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены же, иереи и все люди подивились этому.

И от того времене попущениемъ Божиимь нача бѣсъ искушение наводити на святаго. Народи убо града того многажды видяху, яко жену блудницю текущу ис келии святаго: бѣсъ бо преображашеся в жену. Народи же, не вѣдяху, яко бѣсъ есть мечтуа, но весма мняху жену блудницю и соблажняхуся о семъ. Иногда же и началници града того, приходяще в кѣлию святаго благословениа ради, видять мониста дѣвичья лежаща, и сандалиа женьская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумѣюще, что рещи. Вся же си бѣсъ мечтуа показаваше имъ, да востануть на святаго и возглаголютъ неправедная и изженуть.

Народи же они с началникы своими совѣтовавше, рекоша к себѣ: «Неправедно есть таковому святителю быти на апостольскомъ престолѣ, блуднику сущу: идемь и изъженемь й». О таковых бо людех Давидъ рече: «Нѣмы да будуть устны льстивыа, глаголющая на праведнаго безаконие гордынею и уничижениемъ»,* — понеже они мечтанию бѣсовъскому вѣры имше, имуще же яко и жидовъскую сонмицю.

На предлежащее же возвратимся.

И пришедше народи к келии святаго, бѣсъ же потече народом зрящим во образи отроковицы, яко ис келии святаго. Народи же восклицаша да изымають еа. И не можаху, гнавше доволно.

Святый же, слышавъ молву народа у келии своей, изыде к нимъ и рече: «*Что* есть, чада?» Они же изглаголаша ему вся, яже видѣша, святаго же глаголомъ не внимаху, и осудиша его яко блудника. И имше его нудма, поругашася ему и, недоумѣваху, что быша сотворили ему, и умыслиша тако: «Посадимъ его на плотъ на реку на Волхов — и да выпловеть из града нашего внизъ по рѣци».

И выведоша святаго и целомудренаго великаго святителя Божиа Иоанна на Великий мостъ,* еже есть на рѣцы на Волховѣ и, низвѣсивше святаго, на плотѣ посадиша. И збысться лукаваго диавола мечьтание. Диаволъ же нача сему радоватися, но Божиа благодать преможе и святаго вѣра къ Богу и молитвы.

И егда посаженъ бысть святитель Божий Иоанн на плотъ, на рецѣ на Волховѣ, и поплове плотъ вверхъ рѣки, никимже порѣваем, на немже святый сѣдяше, противу великие быстрины, еже есть у Великого мосту, къ святаго Георгиа монастырю.* Святый же моляшесе о них, глаголя: «Господи! Не постави имъ грѣха сего: не вѣдят бо, что творять!» Диаволъ де видѣвъ, посрамися и возрыда.

Народи же, видѣвше таково чюдо, растерзаху ризы своа и возвращахуся, рекуще: «Согрѣшихомъ, неправедное содѣяхомъ — овци сыи пастыря осудихом. Се бо видим, яко от бѣсовскаго мечтаниа сие сотворися нам!» И шедше скоро в великую Премудрость Божию,* и повелѣша священному собору, иереом и диаконом, со кресты поити вверхъ по брегу реки Волхова ко святаго

И вот с того времени попущением Божиим начал бес клевету возводить на святого. Жители того города неоднократно видели, будто блудница выходила из кельи святого: это бес преображался в женщину. Горожане же, не зная, что это бесовское наваждение, были уверены, что это на самом деле блудница, и впадали в сомнение. Случалось также, что начальствующие города этого, приходя в келью святого для благословения, видели там мониста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святого, неправедно осудили его и изгнали.

Посоветовавшись с начальствующими своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле: идем и изгоним его!» Ведь это о таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста льстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике», — потому что поверили они бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ.

Но возвратимся к нашему рассказу.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех людей побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди же закричали, чтобы схватили ее. Но хоть и долго гнались, не смогли поймать.

Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел к народу и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. И схватили его насильно, и надругались над ним, и, не зная, что еще сделать с ним, надумали так: «Посадим его на плот на реке Волхове — пусть выплывет из нашего города вниз по реке».

И вывели святого и целомудренного великого святителя Божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукавого дьявола. Дьявол же этому возрадовался, но Божья благодать, и вера святого в Бога, и молитвы пересилили.

Когда посадили Божьего святителя Иоанна на плот на реке Волхове, то поплыл плот, на котором сидел святой, вверх по реке, никем не подталкиваемый, против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, к монастырю святого Георгия. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, видев это, посрамился и возрыдал.

Люди же, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и пошли, говоря: «Согрешили мы, неправедно поступили — овцы осудили пастыря. Теперь-то мы видим, что бесовским наваждением все произошло!» И побежали в храм великой Премудрости Божией и велели священному собору — иереям и дьяконам — идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия и

Георгиа монастырю и молити святаго, дабы возвратился на престолъ свой. Священный же соборъ со тщанием взяша честный крестъ и икону святии Богородици, яко же лѣпо бѣ, и поидоша по брегу реки Волхова вослѣд святаго, моляще его, дабы ся возвратил на престолъ свой.

Тако же и народи они, иже прежде ковъ на святаго воздвигше, текуще по брегу реки Волхова къ святаго Георгиа монастырю, умилнѣ глас испущающе, глаголаху: «Возвратися, честный отче, великий святителю Иоанне, на престолъ свой, и не остави чад своих сирых, и не помяни, еже согрѣшихом к тебѣ!» И предвариша святаго и носящих иереовъ честныа кресты близ святаго Георгиа монастыря яко полпоприща* и сташа, прекланяюще главы своа до земля, моляще святаго и слезы проливающе, такоже глаголюще, якоже рѣхом: «Возвратися, честный отче, пастырю нашь, на престолъ свой! Грѣх бо нашъ пред нами есть всегда — пред тобою согрѣшихом и диавола лукаваго мечтанием прелстихомся. Тако сотворити дерзнухом, яко убо безотвѣтни прощениа просим, но обаче и благословениа твоего сподоби нас!» И ина многа глаголаху, моляще святаго.

Не скоро бо пловяше святый на плотѣ оном противу великиа быстрины, но яко нѣкоторою божественою силою носим благоговѣйно и честно, не бо предваряше носящих честныа кресты по брегу, но равно пловяше с носящими иереи и диаконы честныа кресты. И егда священный собор с честными кресты приидоша к мѣсту, идѣже народи они стояще бяху, и начаша вкупѣ болма молити святаго, дабы возвратился на престолъ свой.

Святый же, послуша молениа их, яко по воздуху носим, ко брегу приплове и, востав с плота, сниде на брег. Народи же, видѣвше радовахуся, яко умолиша святаго возвратитися, и плакахуся, еже согрѣшиша к святому, прощениа просяще.

Беззлобивая же она душа прощениа сподобляет ихъ. Мнози же от них на нозѣ падающе, слезами обливаху нози его; друзии же ризамъ знаменовахуся святаго. И, спроста рещи, друг друга утѣсняху, хотяху поне видѣти святаго. Святый же благословяще их. И тако поиде съ кресты чудоносивый архиерей Божий Иоаннъ въ святаго Георгия монастырь, и со священнымъ соборомъ, молебная съвершающе пѣниа. И множество народа вослѣдующимъ и глаголющимъ: «Господи, помилуй!»

Архимандриту же и инокомъ монастыря того не вѣдущимь, яко архиерей Божий Иоаннъ грядеть в монастырь. Въ то же время во святаго Георгия монастыри бѣ нѣкий человѣкъ яко уродъ ся творя, прозорлива же дара имѣа от Бога благодать. Сей скоро притече ко архимандриту монастыря того, толкый въ двери келиа его, и глаголя: «Изыди противу великаго святителя Божиа Иоанна, архиепископа Великого Новаграда, — се грядеть к намъ в монастырь». Архимандритъ же усумнѣся и посла видѣти. Послании же, шедше, увидѣша от народа, ту сущаго, вся бывшая яже о святемь и, скоро возвратившеся, возвѣстивше архимандриту. Архимандритъ же повелѣ в тяжкая звонити.

молить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники поспешно взяли честной крест и икону святой Богородицы, как подобает, и пошли по берегу реки Волхова вослед за святым, умоляя его, чтобы возвратился на престол свой.

Так же и те люди, которые прежде на святого клевету возводили, шли по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, с мольбой восклицали, говоря: «Возвратись, честный отче, великий святитель Иоанн, на престол свой, не оставь чад своих осиротевшими, не поминай наше согрешение перед тобой!» И, обогнав святого и крестный ход, остановились за полпоприща до монастыря святого Георгия, и, кланяясь до земли и проливая слезы, умоляли святого, повторяя: «Возвратись, честный отче, пастырь наш, на престол свой! Пусть грех наш падет на нас — прельстились козням лукавого дьявола и согрешили перед тобой. За дерзость свою прощения просим, не лиши нас благословения своего!» И многое другое говорили, умоляя святого.

Тихо плыл Иоанн на плоте своем против сильного течения, как будто некоей божественной силой несло его благоговейно и торжественно, чтобы не обогнать крестного хода, — наравне с несущими честные кресты иереями и дьяконами плыл он. И когда священный собор с честными крестами подошел к тому месту, где стоял народ, то все вместе стали еще горячее молить святого, чтобы возвратился он на престол свой.

Святой же, вняв их мольбе, словно по воздуху несомый, подплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на землю. Люди же, видевшие все это, радовались, что умолили святого возвратиться, и плакали о своем согрешении перед ним, прощения прося.

Он же, беззлобная душа, простил их всех. Многие из них в ноги падали ему, слезами обливая ноги его, другие же прикладывались к ризам святого. И, попросту сказать, теснились и толкали друг друга, чтобы хоть увидеть святого. Святой же благословлял их. И пошел чудотворец архиерей Божий Иоанн с крестным ходом в монастырь святого Георгия со священным собором, совершая молитвенные пения. И множество народа следовало за ними, восклицая: «Господи, помилуй!»

Архимандрит же и иноки того монастыря не знали, что архиерей Божий Иоанн грядет в их монастырь. А в те времена в монастыре святого Георгия жил некий человек, юродивый, получивший от Бога благодать прозорливости. Сей человек быстро пришел к архимандриту монастыря и, постучав в дверь его кельи, сказал: «Иди, встречай великого святителя Божьего Иоанна, архиепископа Великого Новгорода, — грядет он к нам в монастырь!» Архимандрит же не поверил и послал посмотреть. Посланные же, отправившись, узнали от людей, там бывших, о всем случившемся со святым и, быстро вернувшись, рассказали архимандриту. Архимандрит же повелел в большие колокола звонить.

И сшедшимся инокомъ великиа тоя лавры, и вземше честныя кресты, изидоша из монастыря противу святителя Божиа Иоанна. Святый же, видѣвъ, когождо благословяше их, и прииде въ монастырь, и вшед въ церковь святаго великомученика Христова Георгиа со архимандритомъ монастыря того, и со всѣмъ священнымъ соборомъ, и со иноческым чином, и со множествомъ народа. И молебнаа совершивъ, и тако с великою честию возвращается на престолъ свой в Великый Новъград.

Сиа же самъ о собѣ исповѣда священному собору и прочимъ людемь: како хотяше его бѣсъ пострашити, и како былъ въ Иеросалимѣ-градѣ во единой нощи из Великого Новаграда, и вся, яже сбысться ему, по ряду сказа, якоже предиречеся. И учаше их святый, глаголя: «Чада! Со испытаниемъ всяко дѣло творите, да не прелщени будете диаволом. Да некогда з добродѣтелию злобу приплетену обрящете и суду Божию повинни будете: страшно бо есть впасти в руцѣ Бога живаго!»

И о семъ мало да премолчимъ.

Князь же и началници града того, совѣтовавше со множествомъ народа, поставиша крестъ каменъ на томъ мѣсте на брегу, идѣже приплове святый, иже и донынѣ стоить во свидѣтельство преславному чюдеси сему святаго, и в наказание сонмицы Великого Новаграда, да пакы тако не дерзають скоро безъ испытаниа святителя осужати и изженути.

О святыхъ бо своих Христос рече: «Блажении изгнани правды ради, яко тѣхь есть царство небесное!»*. А иже святыя изганяють бес правды, кый отвѣтъ имуть?

И собрались иноки этой великой лавры, взяли честные кресты и пошли из монастыря навстречу святителю Божьему Иоанну. Святой же, увидев их, благословил каждого и, придя в монастырь, вошел в церковь святого Христова великомученика Георгия с архимандритом монастыря того, со всем священным собором и с иноками, и со всем множеством народа. И, совершив молебен, с великой честью вернулся на престол свой в Великий Новгород.

Все это о себе поведал он сам священному собору и другим людям: как его бес хотел устрашить, как он побывал за одну ночь в Иерусалиме-граде и вернулся назад в Новгород, и все, что случилось с ним, по порядку рассказал, как об этом выше повествовалось. И поучал их святой, говоря: «Дети мои! Каждое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виновны будете перед Божьим судом: ведь страшно впасть в руки Бога живого!»

Но об этом пока много говорить не будем.

Князь же и начальствующие города того, посоветовавшись со всем народом, поставили крест каменный на том месте на берегу, куда приплыл святой. Крест этот и ныне стоит во свидетельство преславного чуда этого святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча необдуманно осуждать и изгонять святителя.

Ведь сказал Христос о святых своих: «Блаженны изгнанные правды ради, потому что им принадлежит царство небесное!» А те, которые изгоняют святых несправедливо, что скажут в ответ?

ПОВЕСТЬ О БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ*

ИНА ПОВѢСТЬ ИОАННА* И ГРИГОРИЯ,* АРХИЕПИСКОПОВЪ НОВГОРОДЦКИХ ЧУДОТВОРЦОВЪ, О БЛАГОВѢЩЕНСКОМЪ МОНАСТЫРИ, ИЖЕ БЛИЗ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА ЗА 3 ПОПРИЩА. 6687

Той же чюдный мужъ Сергий* повѣдаше о Благовѣщенскомъ монастыри в Великомъ Новѣграде на Поле, *его*же создаша два брата по плоти, потом же оба быша архиепископы Великому Новуграду, именемъ Григорий и Иоаннъ.

Сии убо бѣста брата себѣ по плоти, благородну, и благочестиву, и богату родителю чада. Имѣеста же оба межу собою любовь, яко истинаая братия плотию и духомъ. И яко видеста родители своя преставльшася, имѣния же многа оставльша, имѣяста же вѣру *велию* ко пречистей Богоматери, владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, помыслиста же создати монастырь во имя пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения. И якоже поставиша церковь древяну, и монастырь сотвориша, и сградиша, и вся, яже на потребу, устроиша — и келии, и трапезу; таже, не по мнозе времени, совѣщастася поставити церковь каменну, и наяша хитрецевъ, зиждущих *церкви*.

И яко же начаша созидати и совершиша до раменъ, и не доставшу сребру на совершение. Они же начаша тужити, не вѣдуще, что сотворити. И от многия же печали и срама помолишася пречистей Богоматери, глаголяще:

Молитва: «Ты убо, владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже *к* сыну *твоему* и Богу нашему и к тебѣ. Яко же со всѣмъ усердиемъ и вѣрою на дѣло сие пречестнаго твоего храма подвигохомся, и на тя, Богомати, помощъ и надежду возложихомъ. Помози намъ на совершение храма твоего пречестнаго сего. Посли помощъ свою, владычице, и не посрами насъ рабъ твоих, яко

ПОВЕСТЬ О БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

ДРУГАЯ ПОВЕСТЬ ПРО ИОАННА И ГРИГОРИЯ, АРХИЕПИСКОПОВ НОВГОРОДСКИХ И ЧУДОТВОРЦЕВ, И О БЛАГОВЕЩЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ, КОТОРЫЙ СТОИТ ВБЛИЗИ ОТ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, В ТРЕХ ПОПРИЩАХ. 6687 (1179) ГОД

Тот же достославный муж Сергий рассказал о Благовещенском монастыре в Великом Новгороде на Поле, который поставили два родных брата, бывшие потом оба архиепископами Великого Новгорода, а имена их — Григорий и Иоанн.

Были они родными братьями, благородных, и благочестивых, и богатых родителей дети. Между ними царила любовь, как меж истинными братьями по плоти и духу. И когда они увидели, что по преставлении родителей осталось им большое наследство, то задумали они создать монастырь во имя Пречистой Богородицы, честного и славного ее Благовещения, ибо питали глубокую веру к Пречистой Богоматери, владычице нашей Богородице и приснодеве Марии. И поставили они церковь деревянную, и основали монастырь, и оградили его, и все что необходимо устроили — и келии, и трапезную; вскоре же после этого надумали построить церковь каменную и наняли они мастеров, строящих церкви.

И вот когда начали класть церковь и возвели ее до высоты плеч, то не хватило денег на завершение постройки. И начали братья тужить, не зная, что же им делать. И от охватившей их сильной печали и стыда стали они молиться Пречистой Богоматери, так говоря:

Молитва: «Ты ведь, владычица, знаешь о вере нашей и любви, которые мы питаем к сыну твоему и Богу нашему и к тебе. Когда мы со всем усердием и верою решились на дело это, — создание пречестного твоего храма, — то на твою помощь, Божия мать, надежду возложили. Помоги нам завершить этот храм твой пречестной. Пошли помощь свою, владычица, и не дай нам опозо-

начахомъ созидати и не можемъ совершити без твоея помощи — недоставшу сребра, яже к совершению».

Сѣтующима же има о сребрѣ, вкупе же и молящимася милостивому Спасу и пречистей Богородицы, и является имъ пречистая царица во снѣ и глаголя: «Что убо в толику печаль и сѣтование взястася о создании церкве моея, любимая мною раба Божия? Не презрѣ моления вашего, и вѣры, и любве. Вскоре убо послю вамъ, яже к совершению, яко и на иную потребу преизбудетъ, токмо подщитеся к дѣлу и не оскудѣета вѣрою». То же видѣние оба брата видѣста и слышаста, воставше от сна, радостна быста и надеждею укреплястася.

В той же день, по отпѣтии утреннемъ, изыдоста оба брата пред враты монастырьские, по обычаю напред всѣх. По Божию строению и его пречистые Богоматере видяще оба брата, не вмечтанно, но явленно, конь велми дивенъ предстоящъ пред враты монастырьскими, обузданъ позлащенною уздою, и седло на немъ исковано златомъ, яздящаго *же* на нем не бѣ. Стояще же кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа *она* к себѣ. Они же дивящеся велми, зряще красоту и величество коня оного. И абие, страхомъ и радостию обьята коня оного, приступиста к коню и видят два чомоданьца, — сирѣчь сумочки двѣ не малы, — по обѣ страны седла висяща, полна суща. И дивястася коня оного стоянию, и красотѣ, и кротости. И помыслиста — от Бога послану ему сущу. Тажде, смѣя и не смѣя, помянувше Пречистыя имя, взяста мешсца она оба с седла. Той же конь не обрѣтеся пред ними.

И начаша, радующася, разрѣшати мешца, и обрѣтоша во едином злато, и в другомъ сребро, полна суща оба.

Милостию же Божиею и пречистые Богоматере совершися та церковь и украсися та всякою лѣпотою: и иконами, и подписми, и книгами. Такожде и селъ доволно documentation куписта и предаста монастырю, прочее же даша игумену и братии.

Такоже и сама взяста на себе иноческий образ, и пожиста в томъ монастырѣ в постѣ и в молитвах, и в прочих добродѣтелех просияста и Богу угодиста. И Богъ прослави их добрых ради дѣл ихъ: и взята быста единъ по единому, по времени, на архиепископский престолъ* Великого Новаграда и Пскова. Добре пасше порученное стадо, и преставистася къ Богу и положена быста в соборней велицей церкви святѣй Софѣи.*

А у Благовѣщения в церкви положенъ бысть архиепископъ Феоктистъ:* бѣ же ис того монастыря взят на престолъ великия церкви святѣй Софѣи Премудрости Божии и пресловущий Великий Новъградъ.

риться, рабам твоим: начали мы строить и не можем докончить без твоей помощи — не хватило нам денег, чтобы завершить начатое».

И когда сетовали они о деньгах, а вместе с тем и молились милостивому Спасу и Пречистой Богородице, явилась им в сонном видении пречистая царица и сказала: «Зачем же вы в такую печаль и сетование впали из-за создания церкви моей, любимые мною рабы Божии? Не отвергну я моления вашего и вашей веры и любви. Скоро пошлю вам требуемое для завершения начатого, так что и на другие нужды с избытком останется, только устремитесь на дело и не ослабевайте в вере». И это видение оба брата видев и слышав, проснулись в радости и укрепились надеждой.

В тот же день, после утрени, вышли оба брата за монастырские ворота, как обычно, раньше всех. И вот, по Божьему и его Пречистой Богоматери устроению, увидели братья, — не в видении, а наяву, — коня необычайной красоты, который стоял перед монастырскими воротами; на нем была надета позолоченная узда, а седло на нем — окованное золотом, всадника же на коне не было. Стоял же конь кротко и неподвижно, словно ожидал этих мужей. Они же сильно удивились, видя красоту и величие коня этого. И тотчас, страхом и радостью охваченные при виде того коня, подошли они к коню и увидали два чемоданца, — две сумы немалые, — висевшие по обеим сторонам седла, наполненные доверху. И дивились они тому, как конь стоял, и его красоте и кротости. И подумали они — наверное, послан он от Бога. И вот, осмеливаясь и не осмеливаясь, помянув имя Пречистой, взяли они с седла обе сумы. И сразу же исчез конь.

И начали они, радуясь, развязывать сумы и нашли в одной — золото, а в другой — серебро, полные обе.

И, милостью Божьей и Пречистой Богоматери, была построена та церковь и украшена всяческой красотой: и иконами, и фресками, и книгами. А кроме того, несколько сел братья купили и передали их монастырю, а оставшееся богатство отдали игумену и братии.

Потом же и сами они приняли иночество, и жили в том монастыре в посте и в молитвах, и другими добродетелями сияли они, и Богу угодили. И Бог прославил их ради их добрых дел: по некотором времени один за другим были они возведены на архиепископский престол Великого Новгорода и Пскова. И, достойно пася порученное им стадо, преставились к Богу, и погребены были в соборной великой церкви святой Софии.

А в Благовещенской церкви погребен был архиепископ Феоктист: был и он из того же монастыря возведен на престол великой церкви святой Софии Премудрости Божьей в славном Великом Новгороде.

ХОЖДЕНИЕ НА ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

В лѣто 6945 поѣхал митрополит Сидоръ* с Москвы на Рожество святыа Богородици,* приѣхал въ Тверь на Воздвижение честнаго креста.* А с ним владыка Аврамий Суждальский.* И въстрѣтилъ его князь Борис Твѣрьский* с своими боляры с великою честию, а владыка Илиа* съ кресты, съ всѣми священникы, и весь народ града того. А был въ Твѣри 9 дней. А выѣхал в неделю и ночевал въ Савинѣ пустынѣ. А от Москвы до Твѣри 200 верст без 20. А от Твѣри до Торъжку 60 верстъ, а от Торжку до Волочка 70 верстъ. А от Волочка пошел рекою Мъстою в лодьѣ к Великому Новугороду, а кони берегом. А от Волочка рѣкою до Новагорода триста верст.

И срѣтоша его далече владыка новгородский Еуфимий* и посадники с великою честию. И ночевал въ Юрьевѣ монастыри. На утрѣ же въѣхал въ град месяца окьтября въ 7 день. И срѣтил его владыка съ кресты, с попы и диаконы, и весь народ, и тѣснотѣ велицѣ суши народом. И дошед врат града того, и на вратѣх церковь, и ту митрополит облечеся в ризы, а с ним владыка Аврамий облечежеся. И ту свящали воду, и кропили народ. И иде къ святой Софии,* и розволкся ту, и того дни пировал у архиепископа Еуфимиа, и давъ ему честь велию. Бысть же в Новѣгородѣ седмь дний.

А из Новагорода поиде ко Пскову. И пьсковичи срѣтоша его на рубижи и почтиша его велми. И приѣха въ Пьсков месяца декамвриа на память святаго отца Николы.* И за градом сретоша его съ кресты священици и народ многъ. И того дни служил обѣдню у святые Троици,* а с ним владыка Аврамий, и благословилъ народ; и даша ему 20 рублевъ. А от Новагорода до Пскова два

ХОЖДЕНИЕ НА ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

В 6945 (1437) году, в Рождество святой Богородицы, поехал митрополит Исидор из Москвы, приехал в Тверь в день Воздвижения честного креста. А с ним был владыка Авраамий Суздальский. И встретил его тверской князь Борис со своими боярами с большими почестями, также и владыка Илья с крестами, со всеми священниками, и все население того города. И пробыл он в Твери девять дней. А выехал в воскресенье и ночевал в Саввиной пустыни. А от Москвы до Твери сто восемьдесят верст. А от Твери до Торжка шестьдесят верст, а от Торжка до Волочка семьдесят верст. А от Волочка поехал в ладье по реке Мсте к Великому Новгороду, а кони шли берегом. А от Волочка до Новгорода по реке триста верст.

И встретили митрополита далеко до Новгорода новгородский владыка Евфимий и посадники с большими почестями. И митрополит ночевал в Юрьевом монастыре. Утром же, 7 октября, въехал в город, и там снова встретил его владыка с крестами, с попами и дьяконами, и весь народ, и от множества народа была большая теснота. И подойдя к городским воротам, — на воротах была церковь, — митрополит облачился в ризы, и вместе с ним облачился и владыка Авраамий. И здесь святили воду и кропили ею народ. И затем митрополит пошел к собору святой Софии и здесь снял облачение, и в тот же день пировал у архиепископа Евфимия, где ему оказали большие почести. Пробыл же в Новгороде семь дней.

Из Новгорода митрополит поехал во Псков. И псковичи встретили его на рубеже, и весьма почтили. И приехал в Псков в декабре в день святого Николы. И у города встретили его священники с крестами и множество народа. И в тот же день служил он обедню в соборе святой Троицы, и с ним владыка Авраамий, и благословил народ; и псковичи подарили ему двадцать рублей. А

90 верстъ. И ту быша пирове мнози и дары велици. А отпуская его, даша ему 100 рублевъ. И поѣха изо Пскова в Нѣмци,* месяца генваря, на память святаго апостола Тимофеа.* А был въ Псковѣ 7 недель.

Первый град немецкий Коспиръ бискупа Юрьевьскаго.* И ту его срѣтил бискупъ юрьевский с великою честию по своему праву немецкому, съ своими стрыи немецкыми, съ трубами и съ свирѣльми, и дав ему честь велику, и дары многы. А от Пьскова до Юриева* града 100 верстъ.

И приѣхал господинъ* къ Юрьеву, и ту сретоша его посадникы и ратманы* далече, и священници съ кресты, и множество народа града того, и даша ему честь велию.

Град же бѣ Юриев каменъ, велик, полаты же в нем велми чюдны, и нам же не видавшим, дивлящемся; церкви же бѣ многы и монастыри велици. И монастырь бѣ женскый, по их праву, един, велми чюденъ: неисходяшим бо имъ никогдаже из монастыря того, а стригущимся в монастыри том девами суще, и того ради звашеся святыа девы; ризы же черниць тѣх бѣлы яко снѣгъ, рякы же и монатьи, а на главах ихъ венець чернъ, а поперек главы крестъ, а на то наметкы белы, яко снѣгъ; а от мирян никакоже к ним не ходят, но токмо же нам у них бывшим съ господиномъ, и видѣвше их житие, удивихомся. Рѣка же бѣ обошла с тое страны, откуду мы приѣхали. Горы же бяху у них, поля и садове красны. Церкви же христианскые бѣ у них двѣ: святый Никола и святый Георгий; христианъ же мало.

А от Юриева до Ригы града 200 верст и 50. А от Юриева ѣхал къ Ризѣ, много градовъ видехом. И ѣхал на Володимерь град. И сретоша его паны велиции за день; и егда быша близ града, и срѣтоша его арцибискупъ Тимофѣй* и архимандрит Захариа, и посадникы, и ратманы, и весь град съ трубами и съ свирѣлми, и гудци, и с великою честию.

А приѣха в Ригу до обѣда, месяца февраля въ 4, на память отца Сидора. Въ градѣ же его срѣтоша съ кресты попове и вси народи, и ради бывше ему велми. И ялъ господинъ у арцибискупа; и владыка Аврамий и Фома, посол твѣрскый,* сѣдоша за единымъ столом с митрополитом, и арцибискупъ, а нам за другым. И ту видехом честь велику, и вина различные быша. И ту был господинъ 8 недель.

И поиде в корабль на море, и проводиша его с великою честию; и поѣха из Ригы месяца маиа въ 5, на память мученици Ирины рѣкою Двиною к морю. И на брезѣ у моря был день. И пошелъ в корабли по морю в среду 4 недели по Пасце, в Преполовление праздника.* И бывшу ему един день вѣтру добрѣ вѣющу. И не по мнозѣх днехъ внезапу в полунощи нападе на нас буря не

от Новгорода до Пскова сто восемьдесят верст. И тут для митрополита устраивались многие пиры, и дары ему большие давали. И, отпуская его, псковичи подарили ему сто рублей. И поехал из Пскова в Немецкую землю в январе месяце в день святого апостола Тимофея. А пробыл во Пскове семь недель.

Первый немецкий город был Коспир, город юрьевского епископа. И тут его встретил юрьевский епископ с большими почестями по своему немецкому обычаю, со своими немецкими магистрами, с трубами и со свирелями, и оказал ему большие почести, и дал многие дары. А от Пскова до города Юрьева сто верст.

И приехал господин к Юрьеву, и далеко до Юрьева его встретили бургомистры, и ратманы, и священники с крестами, и множество народа из того города, и оказали ему большие почести.

Город же Юрьев большой, построен из камня, здания в нем замечательные, и мы, не видевшие таких раньше, удивлялись; в городе много также церквей и больших монастырей. И есть в нем один женский монастырь, устроенный по их обычаю, весьма замечательный: монахини никогда не выходят из того монастыря, а постригаются в нем только девицы, и поэтому они называются святые девы; одежда же у тех черниц — рясы и мантии — белые, как снег, а на головах их черный венец, а поперек главы крест, а поверх всего покрывала, тоже белые, как снег; и из мирян никто к ним не ходит, только мы были у них с господином и, видев их жизнь, удивлялись. С той стороны, откуда мы приехали, река огибает город; и есть у них горы, поля и сады красивые. Церквей же православных у них две: святого Николы и святого Георгия; православных же мало.

А от Юрьева до города Риги двести пятьдесят верст, и по пути от Юрьева к Риге мы видели много городов. И ехал митрополит через город Вольмар, и встретили его знатные господа за день пути до Риги; и когда приблизились к городу, встретили его архиепископ Тимофей, и архимандрит Захарий, и бургомистры, и ратманы, и все население города с трубами, и свирелями, и скрипками, с великими почестями.

А приехал в Ригу 4 февраля, в день святого Исидора, до обеда. В городе же его встретили с крестами попы и весь народ и были ему очень рады. И ел господин у архиепископа; и владыка Авраамий и Фома, тверской посол, сидели за одним столом с митрополитом и архиепископом, а мы — за другим; и тут видели почести большие, и вина различные были. И здесь господин пробыл восемь недель.

И затем митрополит поехал к морю на корабле, и проводили его с великими почестями; и поехали из Риги к морю по реке Двине 5 мая, в день мученицы Ирины. Пробыв день на берегу моря, он затем на корабле поплыл по морю в среду четвертой недели после Пасхи, в праздник Преполовения. И только один день был попутный ветер. Затем, по прошествии немногих дней, внезапно, в полночь,

вѣтреным дѣлом, ино корабль волнами покрывашеся, а градьцу верховнему в валѣх бывшу. Мы же вси живота своего отчаяхомся, глаголюще: «Увы! погыбаемь». Но не многу тому бывшу. Но не единова тацѣй бури бывши, и потом тма бысть на мори велика, а вѣтру не вѣюшу. И роптанию бывшю в нѣмцех: «Не нас ради сиа быша, но христиан ради». И приидоша нѣмци господину глаголюще: «Видиши ли толику беду нашу — тмѣ бывши и вѣтру не вѣюшу; и ту бо островъ Свитскылих камены, преборы и разбои великиа; и мы того ради приидохом к тебѣ: помоли Бога, а мы поюще по своему». Господину призвавшу владыку Аврамиа и Фому, посла твѣрьскаго, и архимандрита Васиана, и всѣ свои боляре, и нача глаголати: «Епископе, помоли Бога». И нача молебен святѣй Богородици Одигитрие по греческы и съ своими грекы; а владыка Аврамий по своему, по русскыи. И нача тма расходитись, и уже бысть при вечерѣ, и вѣтру добрѣ вѣющу; и оттолѣ зла ничтоже не видѣвше. И по многых днех брегъ увидѣвше, и доидохом пристанища по здорову.

А ис корабля пошелъ в понеделник, месяца майа в 19 на память святаго мученика Патрекиа, и дошедшу ему до пристанища, и срѣтоша его посадникы и ратманы. От славнаго града Любка моремъ тысяща верстъ, а брегом полторы тысящи. И привезоша 20 возов, и седохом на возы, и поидохом ко граду, и быхом близь града, и срѣтоша весь народ мног.

И видѣхом град велми чюденъ, и поля бяху, и горы невеликы, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены връхы, и монастыри в нем велми чюдны и силни. И товара в нем всякаго полно. А воды приведены в него, текут по всѣмъ улицам, по трубам, а иные ис столповъ студены и сладкы. И ходящу ему на празник Възнесениа* по божницем;* и видѣхом съсуды священныа златыя и серебреныя, и мощей святых множество. И ту приидоша мниси и начаша звати господина, чтобы их монастыря посмотрилъ. Он же поиде, и показаша ему съсудовъ священных множество неизчетенно и риз драгых златых множество с камением драгым и съ жемчюгом. И увидѣхом ту мудрость недоумѣнну и несказанну: простѣ, яко жива, стоить Пречистая и Спаса дръжит на руцѣ младенечным образом; и зазвеняше колоколчик, и слетит аггел с верху, и снесет вѣнець в руках, и положит на Пречистую; и поиде звѣзда, яко по небу; и на звѣзду зряху, идяху вълсви три, а пред ними человекъ с мечем, а за ними человекъ с топоромъ; и внесоша дары Христу, злато, и ливан, и измирну, и приидоша къ Христу и Богородици, и поклонишася; и Христос обратяся, и благослови их, и хотяше руками взяти дары, яко дитя, играя у Богородици на руках; они же поклонишася и отидоша; и аггелъ же възлетит горѣ, и вѣнець взя.* И ведоша нас, идѣже лежат их книгы, и видѣхом болѣ тысящи книг, и всякого добра неизреченнаго, и всякыа хитрости, и полаты чюдны велми. И въведоша нас в трапезу свою и, несоша вина различная, и сахары многы разныа, а ту даша господину честь

налетела на нас буря, хотя ветра и не было, корабль захлестывало волнами так, что даже верхняя надстройка на нем заливалась водой. Мы же все, отчаявшись в жизни, восклицали: «Увы! погибаем». Но так продолжалось недолго, и никогда больше такой бури не бывало. Вслед за бурей на море наступила тьма и ветер не веял. И немцы начали роптать: «Не из-за нас это случилось, но из-за православных». И пришли немцы к господину, говоря: «Видишь ли ты, какая случилась беда — наступила тьма и прекратился ветер; а тут поблизости скалистый остров Готланд, около которого грабят пираты. И поэтому мы пришли просить тебя: помолись Богу, а мы будем молиться по-своему». Тогда господин призвал владыку Авраамия, и тверского посла Фому, и архимандрита Вассиана, и всех своих бояр, и сказал: «Епископ, помолись Богу». И господин начал молебен святой Богородице Одигитрии со своими греками по-гречески, а владыка Авраамий по-своему, по-русски. И стала тьма расходиться — уже было к вечеру, — и подул попутный ветер; и с тех пор мы не знали никаких бед. И по прошествии многих дней увидели берег и благополучно достигли гавани.

Девятнадцатого мая, в понедельник, в день святого мученика Патрикия, митрополит спустился с корабля, и когда сошел на пристань, его встретили там бургомистры и ратманы. От славного города Любека по морю тысяча верст, а по берегу полторы тысячи. И встречавшие прибыли с двадцатью возами, и мы сели на них и поехали к городу; и когда мы были уже близ города, нас встретило много народа.

И увидели мы прекрасный город: тут были и поля, и небольшие холмы, и сады красивые, и замечательные дома с позолоченными фронтонами, и монастыри в нем были также весьма замечательные и большие; и товаров всяких было в нем полно. А вода подается в него, течет по трубам по всем улицам и бьет из фонтанов — студеная и вкусная. И когда митрополит посещал храмы в праздник Вознесения, мы видели священные сосуды, золотые и серебряные, и множество мощей святых. И тут пришли монахи и начали звать господина посмотреть их монастырь. И когда он пришел, показали ему бесчисленное множество священных сосудов и дорогих златотканых риз, украшенных драгоценными камнями и жемчугом. И увидели здесь необычайное диво, которое умом нельзя постигнуть и словами описать: просто, как живая, стоит Пречистая и держит на руках младенца Спаса; и как зазвенит колокольчик, слетает ангел сверху, неся в руках венец, и возлагает его на Пречистую; и идет звезда, как по небу; и вслед за звездой идут три волхва, а перед ними — человек с мечом, а за ними человек с топором; и несут дары Христу, золото, и благовония, и миро, и подходят к Христу и Богородице, и кланяются; Христос же, обернувшись, благословляет их и хочет взять дары руками, играя, как дитя, у Богородицы на руках; они же кланяются и отходят; и ангел взлетает вверх, взяв венец. Затем привели нас туда, где лежат их книги, и видели более тысячи книг, и всякое добро несказанное, и всякие искусные вещи, и палаты чудесные. И ввели нас в свою трапезную, и принесли различные вина, и много разных сластей; и

велику. И ту видехом на рѣцѣ устроено колесо, около его 100 сажен, воду емлет из рѣкы и пущает на всѣ домы. И на том же валѣ колесо мало, тоже мелеть и сукна точет красные.* Ту же видѣхом два звѣря люты в полатѣ, у окна прекованы желѣзы.

А кони митрополичи гнали берегом от Риги къ Любку на Курскую землю, а поперек Жемотские земли 3 дни, и оттолѣ на Прускую, и оттолѣ на Баморьскую землю, и оттолѣ на Жунскую землю, и оттолѣ на Висмертьскую, и оттоле к Любку. И в Любок приѣхав един день господинъ в корабли, а с конми брегом, а поѣхали с конми из Ригы за 6 недель до поѣзда до митрополича.

И поѣха из Любка на конех в пяток Троицины недели* и ночевалъ за 4 мили* въ градѣ Мелнѣ. И бѣ бо около града того езеро, а з другую страну приведена рѣка болѣ 20 верст из великиа рѣкы Елевы. А от Мелна града 4 мили до рѣкы Елевы. А от Елевы рѣкы Мечь рѣка,* а перевоза поперѣкъ ея три версты. А от тое рѣкы до Луньбрега града 2 мили.

От Любка до Луньбрега 8 миль. Той убо град величеством подобенъ есть Любку. И среди града того суть столпы устроены, в мѣди и позлащены, велми чюдно, трею саженъ и вышше; и у тѣх столпов у коегождо люди приряжены около тою же мѣдию; и истекают ис тѣх людей изо всѣх воды сладкы и студены: у единого из уст, а у инаго изъ уха, а у другаго изъ ока, а у инаго из локти, а у инаго из ноздрию, истекают же велми прудко, яко из бочек; тѣ бо люди видѣти простѣ, яко живи суть, и тѣ бо люди напояют весь град той и скотъ; и все приведение вод тѣх велми хытро, истѣкание и несказанно.

А от Луньбрега до Бруньзвига града 16 миль. И той град величеством вышьши тѣх градовъ прежних, и полаты в нем видѣти чюдны, верхы их устроены; а покровение их велми подобно удивлению: есть бо крыто дъсками синего камени хитро и хороше, яко и лемешем,* и утвержливано гвоздиемь, яко не мощно рушитися во много лѣт. И еще суть рѣки великы приведены по всему граду тому, береги их и дна морованы камением; а иные воды въ столъпы приведены, якоже и в предписанных градѣхъ. И все здание града того видѣти твердо есть, и подивитися о сем.

А от Бруньзвига до Батмера града 11 миль. Той бо град величеством Любку подобен. И под весь град той улици морованы и полаты, а воды к нему приведены от Аламаньские земли.*

И от того града есть град именем Липесъ велми велик. А от того же града есть град именем Афрат, велик и чюденъ, и имениемъ многым и хитрым рукоделиемъ преумножен; и таковаго товара и хитра рукоделиа ни в коемъ граде въ предписанных не видехом.

тут оказали господину великие почести. И потом увидели мы — на реке, на расстоянии ста сажен от монастыря, устроено колесо, которое забирает воду из реки и направляет ее во все дома. И на том же валу находится малое колесо, которое мелет и валяет красивые сукна. Тут же видели в здании двух диких зверей, прикованных цепями около окна.

А митрополичьих коней гнали по берегу от Риги к Любеку: к Курляндской земле, и через Жмудскую землю в течение трех дней, и оттуда к Прусской, и оттуда к Поморской земле, и оттуда к Штральзундской земле, и оттуда к Висмарской, и оттуда к Любеку. И господин на корабле прибыл в Любек в тот же день, что и кони, которых гнали берегом, а поехали с конями из Риги за шесть недель до отъезда митрополита.

И он выехал из Любека на конях в пятницу Троицыной недели и переночевал в городе Мёльне, до которого четыре мили от Любека. И около того города имеется озеро, а с другой стороны проведен канал протяженностью более двадцати верст из великой реки Эльбы. А от города Мёльна до реки Эльбы четыре мили. А у реки Эльбы находится Мечь-река, перевоз через которую составляет три версты. А от той реки до города Люнебурга две мили.

От Любека до Люнебурга восемь миль. Этот город по своим размерам подобен Любеку. И в нем воздвигнуты с большим искусством фонтаны: колонны из меди, позолоченные, трех сажен в вышину и больше, и около каждой из колонн имеются сделанные также из меди статуи людей; и из тех людей вытекают воды вкусные и студеные: у одного изо рта, а у другого из уха, а у иного из глаза, а у иного из локтя, а у иного из ноздрей, — вытекают очень быстро, как из бочек; статуи людей выглядят как живые, и фонтаны те напояют весь тот город и скот; и все устройство для подачи воды выполнено с таким большим искусством, что его нельзя описать словами.

А от Люнебурга до города Брауншвейга шестнадцать миль. И тот город по своей величине больше всех ранее названных городов. И в нем можно увидеть замечательные здания с удивительными крышами: покрыты они пластинами из синего камня хорошо и искусно, как лемехом, и укреплены гвоздями так, что прочно держатся в течение многих лет. И по всему тому городу проведены каналы, берега и дно которых выложены камнем; а другие воды подведены к фонтанам, как и в ранее описанных городах. И весь тот город выглядит таким укрепленным, что вызывает удивление.

А от Брауншвейга до города Магдебурга одиннадцать миль. Тот город по своим размерам подобен Любеку. И в нем улицы выложены камнем и дома из камня построены, и воды к нему приведены из Аламанской земли.

За этим городом находится город очень большой, называемый Лейпцигом. А за ним город, называемый Эрфуртом, большой и замечательный, поражающий своим богатством и ремеслами искусными; и таких товаров и ремесел мы не видели ни в одном из прежде описанных городов.

А от того града есть град Бемибъверегъ великъ же и чюденъ. И ту празновахом праздникъ святых апостолъ Петра и Павла,* и ту видехом: ходили съ кресты по граду 300 попов.

Да того же дни господинъ выехал изъ того града милю, и облегохом въ градѣ именем Понтъ,* а рѣка под нимъ зовома Тискъ, и того ради зовется той град Понтенскъ. И той убо град окааннаго Пилата. В том бо граде вотчина его и рожение, и по градѣ зовется Понтийскый Пилатъ.

И от того града есть град Нурбехъ, велми велик и крепок. И людий в нем много, и товара; и полаты в нем деланы белым каменем, велми чюдны и хитры; такоже и рѣкы приведены къ граду тому великими силами хитро; а иные воды во столпы приведены хитрѣе всѣх предписанных градов, и сказати о сем убо не мощно и недомыслено отнудь. От Любка до Нурбеха 100 миль.

И тьи Нурбех град стоит среди Аламанские земли. Аламанская земля, то есть не инаа вера, ни ины язык, но есть едина вера латиньская, а языкъ немецкий же, но разно, яко и русь с сербы, тако и онѣ с нѣмьци.

И от того града 17 миль есть град во имя Августа царя, его же из начала тъй царь Иустиниянъ нача и създа на славной рѣцѣ Дунаи, и того ради зоветса град той Августъ, а по немецки же Авспрокъ.* И величьством превъзыде всѣх предписанных градовъ. И полаты в немъ, и воды, и иная вся строениа велми чюдна. И божници в нем устроены, и с надвориа писано велми хитро, а внутри якоже и иные божници подписаны; и ту написан царь Иустиниан, началный здатель града того, да и иные цари римьские писаны, то же и угорское и аламаньское.

А от того града до Полониных гор 10 миль. А от Полониных горъ до князя, зовомаго дукы,* 15 миль, и городок дръжит Жунбрюкъ невеликъ. А от того града къ Полониным горам до града Фреанды 24 мили. И оттолѣ въ Фряжскую землю* до града Павды 15 миль. И всех Полониных горъ 60 миль. Горы же тѣ не ту суть, но от Чернаго моря пошли даждь и до Бѣлаго моря,* яко зовутся поясъ земный, камены. Толико жо высоци суть, облаци вполь их ходят, и облаци от них ся взимают. Снѣзи же лежат на них от сотворениа горъ тѣхъ; лѣтѣ же варъ и зной велик в них, но снѣг же не тааше. Павда же град велик велми и крѣпок. И оттолѣ до Ферары града 10 миль. И ту есмя приехали по Госпожинѣ дни на 3 день.*

И ту есмя наѣхали папу римьскаго Еугениа,* от Рима за 50 миль. Ту же и святаго царя греческаго Иоанна,* и святаго патриарха Иосифа* вселеньскаго, и святый вселеньскый соборъ. А въ зборѣ бысть с патриархом митрополитов 22: первый — раклийскый Антоней, 2 — ефесскый Марко, 3 — русскый

Следующий за ним город Бамберг также велик и замечателен. Тут мы отпраздновали праздник святых апостолов Петра и Павла, и тут видели, как ходили по городу триста попов с крестами.

В тот же день господин выехал из этого города, и, проехав одну милю, мы остановились в городе по названию Понт, а около него течет река — Тиск, и поэтому тот город зовется Понтенск. И тот город — родина окаянного Пилата. В этом городе находилась его вотчина, и здесь он родился, и по названию города он прозывается Понтийский Пилат.

И за этим городом находится город Нюрнберг, весьма большой и укрепленный. И людей в нем много, и товаров. И в нем из белого камня выстроены с большим мастерством удивительные здания; и каналы подведены к тому городу с огромным трудом и умением; а кроме того, вода подведена к фонтанам с бо́льшим искусством, нежели во всех ранее описанных городах; и рассказать об этом невозможно, и понять это нельзя. От Любека до Нюрнберга сто миль.

И тот город Нюрнберг стоит посреди Аламанской земли. В Аламанской же земле вера не иная и язык не иной, но там такая же вера — латинская и язык немецкий же, но в языке различия есть: как у русских с сербами, так и у населения Аламанской земли с немцами.

И в семнадцати милях от того города находится город, названный в честь императора Августа; этот город основал и создал на славной реке Дунае император Юстиниан, и поэтому называется город Август, а по-немецки Аугсбург. И величиной он превосходит все ранее описанные города. И дома в нем, и снабжение водой, и всякие другие устройства весьма замечательны. И храмы в нем воздвигнуты, снаружи весьма искусно расписанные, и внутри они расписаны, как и другие храмы; и там изображен император Юстиниан, первый основатель того города, и другие римские императоры изображены, а также венгерские и аламанские короли.

А от того города до Альпийских гор десять миль. А от Альпийских гор до князя, называемого дука, пятнадцать миль, и тот князь владеет небольшим городом Инсбруком. И от этого города к Альпийским горам до города Тренто двадцать четыре мили. И оттуда во Фряжскую землю до города Падуи пятнадцать миль. И путь через все Альпийские горы составляет шестьдесят миль. Горы же не только тут: простираются они от Черного моря и до Белого и называются пояс земной, каменный. Так высоки они, что облака вдоль них движутся и с них подымаются. Снега же лежат на горах от их сотворения; летом в горах жара и зной большой, но снег не тает. Падуя — город весьма большой и укрепленный. И от него до города Феррары десять миль. И мы приехали туда в третий день после Госпожина дня.

И там мы встретили римского папу Евгения; было это на расстоянии пятидесяти миль от Рима. Там же мы застали святого греческого императора Иоанна, и святого вселенского патриарха Иосифа, и святой вселенский собор. А на соборе были с патриархом двадцать два митрополита: первый — гераклейский

Исидоръ, 4 — манавасийскый Досифей, 5 — трапизонскы Дорофей, 6 — кизитьскый Митрофанъ, 7 — никейскый Висарионъ, 8 — никомидѣйскый Марко, 9 — лакедомонийскый Мефодий, 10 — трьновскый Игнатей, 11 — амасийскый Иасафъ, 12 — мальдовъскый, рекше влашки, Демианъ, 13 — ставропольскый Исайа, 14 — родовьскый Нафанаилъ, 15 — митулиньскый Дорофей, 16 — драмасиньскый Дорофѣй, 17 — мелетинскый Матфѣй, 18 — тристриасийскый Калистъ, 19 — каланьскый Генадей, 20 — ахелоньский Генадей, 21 — иверьскый Иоанъ, 22 — сардакийскы Дионисий,* тьи на том святѣмъ съборѣ къ Господу отьиде.

1-ый соборъ бысть месяца октября въ 8 день, въ градѣ Ферарѣ в Фрязѣх. На соборѣ же сѣде римьскый папа Еугѣний, а с ним 12 гардиналовъ, и арцибискупы, и бискупы, и капланы, и мнихы. Православные же вѣры на съборѣ сѣдѣвшу греческому царю Иоану и брату его деспоту Дмитрею,* и вселенскому патриарху Иосифу, а с ним митрополитовъ 22, и епископовъ русскых — Авраамий Суздальскый, и архимандриты, и попы, и диакони, и черньци, и послов 4, трапизоньскый, иверьский, и твѣрьскый Фома, и волошьскый Микула. Въ вопросѣх бывшим тремъ митрополитом, въ отвѣтех ефесскый Марко, русскый Исидоръ, никѣйскый Висарионъ.

2-й соборъ месяца того же 13. Третий съборъ месяца того же 16. Четвертый съборъ месяца того же 20. Пятый собор месяца того же 25. Шестый соборъ месяца ноября 1. Седмый соборъ того же месяца въ 4. Осмый соборъ месяца того же 8. Девятый съборъ месяца того же въ 11. Десятый съборъ месяца того же въ 18. Первый на десять соборъ месяца того же въ 26. Вторый на 10 соборъ месяца декамбря въ 4. Третий на 10 соборъ месяца того же 8. Четвертый на 10 соборъ месяца того же 13.

В том же градѣ Ферарѣ на папине дворѣ възведен столпъ каменъ высокъ и велик, над торгом. И на том столпѣ устроены часы, колокол великъ; и коли ударит, на весь град слышати; и у того столпа отведено крыльцо, и двои двери; и коли приспѣет час и ударит в колокол, и выдет из столпа на крилце аггел, простѣ видѣти, яко жив, и потрубит въ трубу, и въходит другыми дверцами въ столпъ; а людем, всѣм видящим аггела и трубу и глас его слышати; и потом в той же великый колоколъ въсходяще на всяк час аггелъ и ударяше.

И в том же градѣ ясти купихом: яловица 20 золотых, боров пять золотых, а золотой по 30 грошей; а боран два золотых; гусь 3 гроши, куря 3 гроши, хлѣба 9 проскуръ* на грошь, сыръ по золотому.

Пятый на 10 соборъ месяца генваря въ 10, в зборной божницѣ во имя святаго Юриа. Папѣ же оболчену сущу въ святительскый сан и в рогатѣ

Антоний, второй — эфесский Марк, третий — русский Исидор, четвертый — монемвасийский Досифей, пятый — трапезундский Дорофей, шестой — кизикский Митрофан, седьмой — никейский Виссарион, восьмой — никомедийский Марк, девятый — лакедемонский Мефодий, десятый — тырновский Игнатий, одиннадцатый — амасийский Иоасаф, двенадцатый — молдавский, иначе говоря волошский, Демиан, тринадцатый — ставропольский Исайя, четырнадцатый — родосский Нафанаил, пятнадцатый — мителенский Дорофей, шестнадцатый — драмасский Дорофей, семнадцатый — мелениксккий Матфей, восемнадцатый — дристрасский Каллист, девятнадцатый — ганский Геннадий, двадцатый — анхиальский Геннадий, двадцать первый — грузинский Иоанн, двадцать второй — сардский Дионисий, который во время того святого собора отошел к Господу.

Первое заседание собора было 8 октября в городе Ферраре во Фряжской земле. На соборе присутствовали римский папа Евгений, и с ним двенадцать кардиналов, и архиепископы, и епископы, и капелланы, и монахи. Православной же веры были на соборе греческий император Иоанн и его брат деспот Дмитрий, и вселенский патриарх Иосиф, и с ним двадцать два митрополита, и из русских епископов — Авраамий Суздальский, и архимандриты, и попы, и диаконы, и чернецы, и четыре посла — трапезундский, грузинский, тверской Фома и волошский Микула. Задавали вопросы три митрополита, отвечали — эфесский Марк, русский Исидор, никейский Виссарион.

Второе заседание собора было тринадцатого числа того же месяца, третье — шестнадцатого числа того же месяца, четвертое — двадцатого числа того же месяца, пятое — двадцать пятого числа того же месяца, шестое заседание собора было 1 ноября, седьмое — четвертого числа того же месяца, восьмое — восьмого числа того же месяца, девятое — одиннадцатого числа того же месяца, десятое — восемнадцатого числа того же месяца, одиннадцатое — двадцать шестого числа того же месяца, двенадцатое заседание собора было 4 декабря, тринадцатое — восьмого числа того же месяца.

В том же городе Ферраре на дворе папы, над рынком, воздвигнута каменная башня, высокая и большая. И на той башне устроены часы с большим колоколом; и когда он ударит — слышно на весь город; и у той башни имеется крыльцо и две двери; и как настанет час и ударит колокол, выходит из башни на крыльцо ангел, видом как живой, и трубит в трубу, и входит через другие дверцы в башню; и все люди видят ангела и трубу и звук ее слышат; и так каждый час входит ангел в башню с большим колоколом и ударяет в колокол.

И в том городе мы покупали еду: яловую корову за двадцать золотых, борова за пять золотых, — а золотой состоит из тридцати грошей; барана за два золотых, гуся за три гроша, курицу за три гроша, хлеба девять проскур на грош, за сыр по золотому.

Пятнадцатое заседание собора состоялось десятого января в соборной церкви в честь святого Георгия. Папа, облаченный согласно святительскому

клобуцѣ* сѣдяшу ему на высоцѣ мѣстѣ, а с ним гардиналовъ и бискуповъ 44, такоже облачены въ святительскый санъ и в рогатых клобуцех. А патриарху и митрополитом сѣдящу в монатиах. И тогда четшим им грамоты по латынскыи и по греческыи, и что им ити ис Ферары къ Флоренску граду.

И поѣха папа месяца генваря 16. И поѣха патриархъ ис Ферары месяца того же въ 26 рѣкою Повою, в судѣх на низ; а митрополит рускый поиде месяца того же въ 27 рѣкою тою же въ судѣх. От Ферары до града Ржентие 25 миль. От Ржентие до града Обатши* 7 миль. А от Обатши до града Селжи 7 же миль. И ту поиде господинъ из судна на кони. А от града Селжи до града Алугы 7 миль. А от Лугы до града Фензы 10 миль. От Фензы до града Бряги 28 миль. От Бряги до града Берена* 13 миль; а рѣка под ним Ирнець* быстра вельми, чрез ее мостъ камен; и садовъ множество масличных, и мѣсто красно меж горъ. И от Берена до града славнаго и прекраснаго Флорензы 50 миль. А все горы камены, высоци, а путь тѣсенъ и тяжекъ велми, занеже возы не ходят, но на въюкѣхъ возять. И вино родится в горах тѣх велми добро и сладко и красно. И приѣхал господинъ въ славный град Флорензу месяца февраля въ 4. А патриарх въехал месяца того же 17, а царь того же дни.

Той же славный град Флоренза велик зѣло, и такова не обрѣтохом въ предписаных градѣх: божници в нем красны зѣло и велици, и полаты в нем устроены бѣлым каменем, велми высокы и хитры. И посреди града того течет рѣка велика и быстра велми, именем Рна; и устроен на рѣцѣ той мостъ каменъ, широк велми, и съ обѣ страны моста устроены полаты. Есть же во градѣ том божница велика и есть в ней за тысящу кроватей, а и на послѣдней кровати перины чюдны, одѣяла драгы; то ж устроено Христа ради маломощным пришелцем и странным и иных земель; тѣх же болѣ кормят и одевают, и обувают, и омывают, и дръжат честно; а кто ся оможет, той ударя челом граду, пойдет хваля Бога; и посреди постель тѣх устроена служба, и поют на всяк день.* Есть ины монастырь, устроенъ бѣлым камениемъ хитро и велми твердо, и врата желѣзны; а божница велми чюдна, и есть в ней служеб 40; и мощей святых множество, и риз драгых множество с камением, и съ златом и съ жемчюгом. Старцев же в нем 40, житие же их неизходно из монастыря никогдаже, ни миряне к ним не ходят николиже; рукодѣлие же их таково: шиют златом и шолком на плащаницах* святые. В том же монастырѣ был господинъ, и нам ту же бывшим, и та вся видѣхом. А погребение же умерших тѣх старцевъ въ устроеных тѣх монастырѣхъ, и гробы их, новоумершаго старца въкладают, а ветхыа кости выимают, и кладутъ в костеръ, и на них смотрят, поминают час смертный. В том же градѣ дѣлают камки* и аксамиты съ златом.* Товара же всякого множество и садов масличных, и тѣх маслиц древяное масло. И есть в

сану и в рогатом клобуке, сидел на высоком месте, и с ним сорок четыре кардинала и епископа, также облаченные в соответствии со святительским саном и в рогатых клобуках. А патриарх и митрополиты сидели в мантиях. И тогда зачитали грамоты по-латински и по-гречески, что всему собору нужно переехать из Феррары во Флоренцию.

И папа выехал 16 января, и патриарх выехал из Феррары двадцать шестого числа того же месяца на судах вниз по реке По; а русский митрополит поехал двадцать седьмого числа того же месяца по той же реке на судах. От Феррары до города Ардженты двадцать пять миль. От Ардженты до города Обатши семь миль. А от Обатши до города Конселиче семь миль. И тут господин покинул судно и далее поехал на конях. А от города Конселиче до города Луго семь миль. А от Луго до города Фаенцы десять миль. От Фаенцы до города Борго ди Битано двадцать восемь миль. От Борго ди Битано до города Берены тринадцать миль, а около этого города протекает очень быстрая река Ирнец, через которую перекинут каменный мост; и там много масличных садов, и красивое место между горами. И от Берены до славного и прекрасного города Флоренции пятьдесят миль. А кругом горы каменные, высокие, и путь через них тесен и очень тяжел, возы там не проходят, но на лошадях вьюки возят. И виноград, из которого делают вино, родится в тех горах очень хороший — сладкий и красивый. И приехал господин в славный город Флоренцию 4 февраля, а патриарх приехал семнадцатого числа того же месяца, и император в тот же день.

Тот славный город Флоренция очень большой, и того, что в нем есть, не видели мы в ранее описанных городах: храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны. И посреди города течет река большая и очень быстрая, она называется Арно; и построен на той реке мост каменный, очень широкий; и по обеим сторонам на мосту построены дома. Есть в том городе храм большой, и в нем более тысячи кроватей, и даже на последней кровати лежат хорошие перины и дорогие одеяла; все это сделано Христа ради для немощных пришельцев и странников из других земель; и там их кормят, и одевают, и обувают, и омывают, и хорошо содержат; а кто выздоравливает, тот с благодарностью бьет челом городу и идет дальше, хваля Бога; и посреди кроватей отведено место для богослужения, и службу творят каждый день. Есть в том городе и другой монастырь, он построен из белого камня с большим искусством и основательностью, имеет железные ворота. Храм в монастыре весьма замечательный, в нем имеется сорок служб, и множество мощей святых, а также дорогих риз, украшенных ценными камнями, золотом и жемчугом. Старцев в этом монастыре сорок, и они живут в нем, никогда не выходя за его пределы, и миряне к ним также никогда не ходят; работа же их такова: вышивают золотом и шелком святые плащаницы. В том монастыре побывал господин, и мы с ним были и все то видели. Места для погребения умерших тех старцев находятся в самом монастыре; когда какой-нибудь старец умирает, тело его кладут в гроб, предварительно вынув из него останки ранее умершего, которые сжигают на кос-

градѣ том икона чюдотворна, образ пречистыа Божиа Матере; и есть пред иконою тою в божницѣ исцѣлѣвъших людей за 6 тысяч доспѣты вощаны, въ образ людей тѣх, аще кто застрѣленъ, или слѣпъ, или хром, или без рукъ, или велик человекъ на конѣ приѣхав, тако устроени, яко живи стоят, или старъ, или унъ, или жена, или девица, или отрочя, или какого портище на нем было, или недугъ каков в нем был, и како его простило, или какова язва, тако то и стоит доспѣт. И ту же сукна скорлатные* дѣлают. Ту же видѣхом древие кѣдры и кипарисы; кѣдръ как руская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвоею яко ель, но мала хвоя кудрява, мяхка, а шишки походили на сосновую. И есть во градѣ том божница устроена велика, камень моръморъ бѣлъ, да чернъ; и у божницы тое устроен столпъ и колоколница, тако же бѣлы камень моръморъ, а хитрости ея недоумѣетъ умъ наш; и ходихом в столпъ той по лѣствицѣ и сочтохом степеней 400 и 50.* В томь же градѣ видѣхом лютых зверей 22.* А около града того стѣна 6 миль.

Шесты на 10 соборъ въ градѣ Флерензѣ месяца февраля 26. Седмый на 10 соборъ месяца марта въ 2. Осмый на 10 соборъ месяца того же въ 5. Девяты на 10 соборъ месяца того же въ 10. Двадесятый соборъ месяца того же въ 13. 21 соборъ месяца того же въ 14. 22 соборъ месяца того же в 17. 23 соборъ месяца того же в 21. 24 соборъ месяца того же въ 24. 25 соборъ месяца майа въ 2. Деспот, царевъ братъ, пойде от собора къ Царюграду изъ Флорензы месяца июня 25.

Месяца иулиа въ 5 собору бывшу велику, и тогда написаша грамоты събора их, како веровати въ Святую Троицю, и подписа папа Еугений и царь греческый Иоанъ, и вси гардиналове и митрополиты подписаша на грамотах коиждо своею рукою.*

В том же градѣ видѣхом черви шолковыя, да и то видѣхом, как шолкъ той емлють с нихъ.

Месяца того же въ 6 служил обѣдню папа Еугений опрѣсноком* въ соборной божницѣ въ имя пречистыя Богоматере, а с ним гардиналовъ 12, а бискупов 93, опричь каплонов и диаконов. Царю же греческому Иоану, сѣдящу ему на уготованном мѣстѣ, зрящу службы их, и вси бояре его с ним; и митрополитом ту же сѣдящим на уготованных мѣстѣх въ всемь святительском сану, тако же и архимандриты, и хартофилакове,* и попове, и диакони, оболчени кождо въ свой санъ, и калугерове* ту же сѣдяще на уготованных мѣстех, зряще еже служат; тако же и от грекъ и от руси миряне сѣдяще; мѣста же тѣ высоци чрез люди зряще. Народу же толику ту сущи, что бы их пущали, то бы много задушенных людей было; но подвойские* папины хожаху в

тре; и, смотря на это, думают о смертном часе. В том же городе изготовляют камки и аксамиты с золотом. Товаров всяких в нем множество; есть и сады масличные, и из тех маслин делают деревянное масло. И есть в том городе икона чудотворная, образ пречистой Божией Матери; и перед иконой в храме находится шесть тысяч сделанных из воска изображений исцеленных людей: кто разбит параличом, или слепой, или хромой, или без рук, или знатный человек на коне приехал, — так изображенные, стоят они, как живые; или кто стар, или юн, или женщина, или девица, или отрок, и какая одежда на нем была или каким недугом страдал, и как исцелен был, или какая рана у него, — так все это и изображено и стоит там. И в этом городе делают сукна скорлатные. И тут мы видели деревья, кедры и кипарисы; кедр очень похож на русскую сосну, а кипарис корою как липа, а хвоею как ель, только хвоя у него кудрявая и мягкая, а шишки похожи на сосновые. И есть в том граде храм великий, построенный из белого и черного мрамора; а около того храма воздвигнута колокольня также из белого мрамора, и искусности, с которой она построена, наш ум не способен постигнуть; и поднимались мы на ту колокольню по лестнице, насчитав четыреста пятьдесят ступеней. И в том городе видели двадцать два диких зверя. А город окружен стеной длиною в шесть миль.

Шестнадцатое заседание собора было в городе Флоренции 26 февраля, семнадцатое — 2 марта, восемнадцатое — пятого числа того же месяца, девятнадцатое — десятого числа того же месяца, двадцатое — тринадцатого числа того же месяца, двадцать первое — четырнадцатого числа того же месяца, двадцать второе — семнадцатого числа того же месяца, двадцать третье — двадцать первого числа того же месяца, двадцать четвертое — двадцать четвертого числа того же месяца, двадцать пятое — 2 мая. Деспот, брат императора, поехал с собора из Флоренции в Царьград 25 июня.

Пятого июля было торжественное соборное заседание, и тогда написали соборные грамоты о том, как верить в Святую Троицу, и подписал папа Евгений и греческий император Иоанн, и все кардиналы и митрополиты подписались на грамотах, каждый своею рукой.

В том же городе мы видели, как разводят шелковичных червей и как с коконов снимают шелк.

Шестого числа того же месяца папа Евгений служил обедню с опресноками в соборном храме во имя пречистой Богоматери, а с ним вместе двенадцать кардиналов, девяносто три епископа, помимо капелланов и диаконов. Греческий же император Иоанн сидел на приготовленном для него месте и смотрел их службы, и все его приближенные были с ним; и митрополиты тут же сидели на приготовленных для них местах, в полном святительском облачении, также и архимандриты, и хартофилаки, и попы, и диаконы, одетые каждый согласно своему сану; и калугеры тут же сидели на приготовленных для них местах, смотря, как служат; также сидели и миряне — греки и русские; места же были так высоки, что можно было видеть через головы присутствующих.

пансырѣх сребряных, и палици в руках дрѣжаще, и не дадуще наступати; а иные свѣщи виты дрѣжаще в руках зажьжены, и тѣми къ народом махаху, чтобы не наступали. И по службѣ нача молебен пѣти съ своими, и по молебнѣ сѣде папа посреди собора того на уготованом ему высоцѣ престолѣ позлащенѣ, и близ его поставиша амбон. И взыде от латинъ гардинал именем Иулианъ,* а митрополит никейскый Висарион, и възнесоша грамоты съборныя; и нача чести Иулианъ латиньскую грамоту велегласно, и по том нача чести митрополит грамоту греческую. И по чтении грамот благословилъ папа народ. И потом начаша папины диакы пѣти хвалу папѣ, и потом начаша царевы диакы пѣти хвалу царю. И потом начаша пѣти весь соборъ латинский и весь народ, и начаша радоватися, зане бяше прощение приали от грек.

И поѣха царь от збора из Флорензы месяца августа 26. И проводиша его с честию гардиналове вси и бискупы, и весь народ града того, с трубами и свирѣльми; и несоша над ним небо наряжено* 12 человекъ; а коня под ним ведоша пѣши два ратмана болшие града того.

Месяца сентевря 24 папа служил въ церкви святаго Иоанна Предтечи. И по службѣ гардиналове и арцыбискупы и бискупы изволоклися в ризы, множество их. И ту сѣдяше руский Исидоръ да греческых 12 въ тѣх же манатияхъ, а папа сѣдяше на престолѣ златѣ въ святительском сану. И взыде на высоко мѣсто бискупъ, именемъ Андрей, и нача чести грамоту неблагословеную, и прокля съборъ Базмѣйскый Аламанские земли, занеже не пришли на соборъ к папѣ, а учинили себѣ соборъ, не хотя повинутися папѣ; и того деля их прокля.*

И того же дни Сидоръ и Аврамий, владыка русский, благословилися у папы на Русь, и поиде из Флорензы на Русь месяца септября въ 6.

От Флорензы до града Корпиа 13 миль. От Корпиа до града Флоренца 12 миль. От Флоренца до града Кравениа 17 миль. А от Кравена до града Болоньи 23 миль; той же град велик. От того града поиде господинъ рѣкою Фарою, а кони берегом. К Фарѣ от Болоньи 40 миль. От Фары поиде рѣкою Повою, да и кони провадили тою же рѣкою в судѣхъ. От Фары до града Кѣзы 80 миль,* той град у Бѣлого моря на брезѣ, ту родится соль крупна.*

От Кѣзы до града Венеции 25 миль, а шли морем. А той град стоит на мори, а суха пути к нему нѣтъ, а от берега 13 миль стоит в морѣ. Среди его проходят корабли и катарги, а по всѣм улицам воды, ездят в барках.* Но велми град той великъ, и полаты в нем чюдны, а иные позлачены. И товару в нем всякого полно, занеже корабли приходят изо всѣх земель, от Иерусалима и от Царяграда, и от Азова, и ис Турьские земли, и ис Срачинъ,* и из Нѣмець.*

Народу же собралось так много, что если бы всех пустили, то было бы много задушенных людей; но папские подвойские ходили в серебряных панцирях, с палицами в руках, и не позволяли входить в церковь; а некоторые из них держали в руках зажженные витые свечи и размахивали ими перед толпой, чтобы не входили. И после службы папа начал петь молебен со своим духовенством и по окончании молебна сел посреди соборной церкви на приготовленном для него высоком позолоченном престоле, и около него поставили амвон. И взошел на амвон от латинян кардинал по имени Юлиан, и никейский митрополит Виссарион, и подняли они грамоты соборные; и начал Юлиан громко читать латинскую грамоту, а потом митрополит стал читать греческую грамоту. И после чтения грамот папа благословил народ; и затем папские диаконы начали петь хвалу папе, а потом диаконы императора — хвалу императору. И затем начал петь весь собор латинский и весь народ, и радовались они, потому что приняли прощение от греков.

И поехал император с собора из Флоренции 26 августа; и проводили его с почестями все кардиналы и епископы, и все население того города, с трубами и свирелями; и двенадцать человек несли над ним «небо» украшенное, а коня под ним вели, идя пешком, два главных ратмана того города.

24 сентября папа служил в церкви святого Иоанна Предтечи. И после службы все многочисленные кардиналы, и архиепископы, и епископы облачились в ризы. И тут сидели Исидор из Руси и двенадцать греческих митрополитов в таких же мантиях, и папа сидел на золотом престоле, как подобало его сану. И взошел на возвышение епископ по имени Андрей, и начал читать грамоту о неблагословении, и проклял Базельский собор Аламанской земли, потому что его участники не явились на собор к папе, а устроили свой собор, не желая повиноваться папе; и поэтому он их проклял.

И в тот же день Исидор и Авраамий, владыка русский, приняли от папы благословение на обратный путь на Русь; и выехали они из Флоренции на Русь 6 сентября.

От Флоренции до города Скарперия тринадцать миль. От Скарперия до города Фиренцуолы двенадцать миль. От Фиренцуолы до города Капренно семнадцать миль. А от Капренно до города Болоньи двадцать три мили; тот город большой. От того города поехал господин рекою Фарою, а коней гнали по берегу. От Болоньи до Фары сорок миль. От Фары поехал по реке По, и коней повезли по той же реке на судах. От Фары до города Кьоджи восемьдесят миль; тот город находится на берегу Белого моря, здесь добывают крупную соль.

От Кьоджи до города Венеции двадцать пять миль, ехали мы по морю. Тот город расположен на море, и пути к нему по суше нет; находится он на расстоянии тринадцати миль от берега. По городу проходят корабли и галеры, и вместо улиц там каналы, по которым ездят в барках. Но тот город очень большой, и дома в нем замечательные, а некоторые из них даже украшены позолотой. И всяких товаров в нем полно, потому что корабли приходят из разных земель: из Иерусалима и из

Есть в градѣ том цръковь камена святый Марко Еуангелистъ, и столпы в ней морованы, имущи мрамор всякъ цвѣтом; а иконы в ней чюдны, гречин писал мусиею, и до верху видѣти велми чюдно; а внутри рѣзаны святые на мраморѣ велми хитро; а сама велика церковь. А надъ предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, позлащены, велики, видѣти яко живи, и повѣшены два змия великы убиты. Ту и сам святый Марко лежит; а мощей святыхъ много, иманы изъ Царяграда. И монастырей много около града того по островом на морѣ близь, и иных церквей въ градѣ том.

Въеха господинъ въ град той месяца септевря 15. Видѣхом в том же градѣ, в монастырѣ святаго пророка Захарии за престолом, в рацѣ каменѣ отца Иоанова Предтечи и святаго Григориа и Федора во единой рацѣ, и ту черньцевъ 63. В том же градѣ, в монастырѣ святые Варвары, мощи ее в тѣлѣ лежать, трупъ без главы.

И поиде господинъ из Венеции в кораблѣ месяца декамбря 22. И приста корабль к острову. И ту монастырь святаго Николы, и ту сам святый Никола лежит. И видѣхом гробъ его въ церкви на четырѣхъ столпех, учинено по лѣствицѣ 6 степени, и знаменахомся у гроба святаго, самого не видѣхом, замурован бѣ лежит; с ним дядя его, да Федоръ в едином гробѣ. И въпрошахом игумена монастыря того, откуды мощи святаго Николы взяты; они же повѣдаша: «От Бара града слали венетяне 100 катаргъ, да 3 корабли с житом, и взяли мощи». И стоя корабль нашь два дни, зане вѣтръ противенъ. И поидохомъ на море в корабли на Рожество Христово.

И поидохом от Венети до града Печери 110 миль. От Печери до града Полы 30 миль; ту бо родится соль на морѣ месяца иуля и августа. И ту стоя наш корабль 10 дней, зане вѣтръ противенъ. Ис того града поиде господинъ на конех сам-третей, а 15 человекъ пеших с ним, а владыка кораблем, а господиновы боере с ним. А от Полы до града Осоры 8 миль. И ту стоя корабль 10 дней, зане вѣтръ; и ту родится соль тако же. До града Сени 60 миль; той град стоить у Белово моря межи горъ; ту бо выидохом ис корабля месяца генваря 17.

От Сени до града Брыни 15 миль, а путь лѣсомъ на горы; и в тѣх градѣх живут хавратяне, языкъ с руси, а вѣра латыньская.

От Мудруши до града Возоля* 20 миль; той град древянъ, а река под ним Коленъ. А от Возоля до града Ястреболска 15 миль. От Стреболска до града Окичи 5 миль. От Окичи до града Грева 20 миль; той град великъ и красенъ, а дръжава угорьскаго царя. И в сем граде видѣхомъ серпьскаго цесаря деспода

Царьграда, из Азова и из Турецкой земли, и из земли Сарацинской и из Немецкой земли. Есть в том городе церковь каменная во имя святого Марка Евангелиста; колонны в ней сделаны из камня, из разноцветного мрамора, и иконы в ней прекрасные, и мозаики, сделанные греком; и до самого верха церковь весьма красива; а внутри святые вырезаны из мрамора с большим искусством; и вся церковь большая. А над передними дверями поставлены изнутри четыре коня из меди, позолоченные, выглядят они как живые, и там повешены два больших убитых змея. В этой церкви покоится сам святой Марк, и мощей святых там много — привезены они из Царьграда. Около города того на близлежащих островах на море имеется много монастырей, и много других церквей находится в том городе.

Господин приехал в тот город 15 сентября. Видели мы в нем, в монастыре святого пророка Захарии, за престолом, в раке каменной отца Иоанна Предтечи и святого Григория и Федора в одной раке; и чернецов там шестьдесят три. В том же городе, в монастыре святой Варвары, лежат ее нетленные мощи, тело без головы.

И поехал господин из Венеции на корабле 22 декабря. И пристал корабль к острову. И на нем находится монастырь святого Николы; в нем сам святой Никола лежит. И видели мы в церкви его гроб на четырех столбах, к нему ведет лестница из шести ступеней; и осенили себя крестным знамением у гроба святого, но его самого не видели, так как он лежит замурованный; с ним в одном гробу покоится его дядя да Федор. И спросили мы игумена того монастыря, откуда мощи святого Николы взяты; они же ответили: «Из города Бара; послали венецианцы сто галер и три корабля с зерном и взяли мощи». И наш корабль стоял там два дня, потому что ветер был противный; и вышли мы в море на корабле в день Рождества Христова.

И проехали от Венеции до города Поречи сто десять миль. От Поречи до города Полы тридцать миль; тут добывают соль из моря в июле и августе месяце. И здесь стоял наш корабль десять дней, потому что ветер был противный. И из того города господин с двумя сопровождающими поехал на конях, и пеших с ним было пятнадцать человек, а владыка поехал на корабле, и с ним также бояре господина. А от Полы до города Осора восемь миль. И тут корабль стоял десять дней, так как ветер был противный; и здесь также добывают соль. До города Сени шестьдесят миль; тот город стоит у Белого моря между гор; здесь, 17 января, мы сошли с корабля.

От Сени до города Брыни пятнадцать миль, и путь идет лесом через горы; и в тех городах живут хорваты, язык их близок к русскому, а вера у них латинская.

От Мудруши до города Возоля двадцать миль; тот город построен из дерева, а около него протекает река Колен. А от Возоля до города Ястребольска пятнадцать миль. От Ястребольска до города Окичи пять миль. От Окичи до города Загреба двадцать миль; тот город большой и красивый и принадлежит

съ царицею его и съ детми, запленено бысть црьство его Серпьское от турьскаго царя Амурата.* И в том же граде видѣхомъ во церкви на престолѣ в рацѣ младенецъ в теле весь цѣл, от Ирода избиенных во Христово рожество, то же видѣхом месяца февраля в 7 день.

От Загреба до Раковца 4 мили. А от Раковца до Крижца 3 мили. От Крижица до Копрыницы 3 мили. От Копрыници до рѣкы Даравы миля. Та убо рѣка у рубежа Словеньской земли с Угорскою землею.*

От рекы Дъравы до града Закона миля. А от Закона до града Чергу 2 мили. А от града Чиргу до града Сегистя 3 мили. А на тѣхъ трех милях ехати до Шегездя лѣсомъ все. И ту есть разбой велик велми, без переима и человекъ доспѣшныхъ едва мочи проехати, иже Богъ поможет; ту и шубу разбили в Федорову суботу;* а выежьжают на той разбой ис Чиргова от Шегезяда и от всѣх сторонъ. А от Шегезяда до Иляши миля. А от Иляши до Дюд 5 миль великых; и на тых милях есть же разбой великъ. А от Дюд до Корешеди до Вепшина 4 мили. А от Вепшина до Белагорода 3 мили. А от Бѣлагорода до Мартомвашеря 4 мили. А от Мартомвашеря до Будина 4 мили. И той есть град столный и угорескаго кърьльвъства, и стоит на славной рѣцѣ Дунай. А из Будина за Дунай перевезлись есмы и поехали месяца марта 14 день.

От Будина до Орьсесика 3 мили. А от Орьсешисика до Хатвана 4 мили. А от Хатвана до Начежюта 5 миль, а от Начежюта до Кувездя 4. А от Кувезде до Моги 5 миль. А от Моги до Форы 6 миль. А от Форы до Кошици 6 миль. А Кошеца есть град велик и тверд, а ставили его нѣмци и дрьжат а въ Угорьском королевствѣ. А от Кошици до Априяша града 4 мили. А от Априяша до Любльва 300 и 36 миль. И той Люблевь останочный есть городок угореский, стоит на лядской границі.* И есть в нем дѣло вугореские пѣнязи, новци зовутся, по 3 на золотой.

А от Любльва в Лядскую землю до Судеча 6 миль; и той есть град велми добръ. И ту быхом въ пресветлый и въ превеликий праздник Христова Воскресения. А от Судоча до Липници 4 мили. А от Липници до Вохны 2 мили. А в той Вохнѣ соль копают, а град есть. А от Вохны до Кракова 5 миль. Ту убо видѣхом корьля Володислава* и брата его Казимира. Под Краковым река Висла; та убо река впала в море. А от Кракова до Бохны 25 връст. От Бохны града до места Воинича 4 мили. А от Воинича до рѣки Дунайца миля. А от Дунайца до града Терънова миля. А от Терънова до Пильзны 3 мили. А от Пилизны до Торопьчици 4 мили. От Торопчици до Решева 4 мили. От Решева до Ланцюха 3 мили. От Ланцаха до Пригорьска 3. От Пригорьска до Ярославля 2 мили. От Ярославля до Радемны 2 мили. От Радемны до Перемышляа города 2 мили. А под городом Перемышляемъ река Сянъ, другая Ярев, третиа Ярют. От Перемышляа до Мостища 4 мили. От Мостища до Вишене 2 мили. От Вишене до

венгерскому королю. В этом городе видели сербского деспота с царицею его и с детьми, так как его царство Сербское было завоевано турецким султаном Мурадом. И в том городе видели в церкви на престоле в раке нетленное тело младенца, одного из тех, которые были убиты по велению Ирода, когда родился Христос; и видели мы это 7 февраля.

От Загреба до Раковица четыре мили. А от Раковица до Крижицы три мили. От Крижицы до Копрыницы три мили. От Копрыницы до реки Дравы миля. Та река находится на рубеже Словенской земли с Угорской землей.

От реки Дравы до города Закона миля. А от Закона до города Чирга две мили. А от города Чирга до города Сегистя три мили. И на протяжении этих трех миль ехать до Сегистя нужно лесом. И тут бывают большие разбои, без дозорных и вооруженных людей проехать трудно, если только Бог поможет; тут и «шубу разбили» ⟨?⟩ в Федорову субботу; а выезжают на разбой из Чирга, и из Сегистя, и со всех сторон. А от Сегистя до Иляши миля. А от Иляши до Дюд пять миль больших; и на протяжении этих миль также бывают большие разбои. А от Дюд до Корешиди до Вепшина четыре мили. А от Вепшина до Белгорода три мили. А от Белгорода до Мартомвашеря четыре мили. А от Мартомвашеря до Буды четыре мили. И тот город — столица Венгерского королевства, находится он на славной реке Дунае. А из Буды отправились и переехали через Дунай 14 марта.

От Буды до Орсесика три мили. А от Орсесика до Хатвана четыре мили. А от Хатвана до Начежюта пять миль. А от Начежюта до Кувездя четыре. А от Кувездя до Моги пять миль. А от Моги до Форы шесть миль. А от Форы до Кошицы шесть миль. Кошица же — город большой и укрепленный, построили его немцы, и владеют они им в Венгерском королевстве. А от Кошицы до города Априяша четыре мили. А от Априяша до Люблева триста тридцать шесть миль. И тот Люблев — пограничный городок венгерский, стоит он на границе с Лядской землей. В нем чеканят венгерские деньги, которые называются новцы, три таких монеты дают за золотой.

А от Люблева до Судеча в Лядской земле шесть миль; и тот город очень хорош. И мы там были в пресветлый и превеликий праздник Воскресения Христова. А от Судеча до Липницы четыре мили. А от Липницы до Бохни две мили. А в той Бохне соль копают, и там город. А от Бохни до Кракова пять миль. Тут мы видели короля Владислава и его брата Казимира. Под Краковом протекает река Висла; та река впадает в море. А от Кракова до Бохны двадцать пять верст. От города Бохны до местечка Войнича четыре мили. А от Войнича до реки Дуная миля. А от Дуная до града Тернова миля. А от Тернова до Пильзена три мили. А от Пильзена до Торопчицы четыре мили. От Торопчицы до Решева четыре мили. От Решева до Ланцута три мили. От Ланцута до Пригорьска — три. От Пригорьска до Ярослава две мили. От Ярослава до Радемны две мили. От Радемны до города Перемышля две мили. А под городом Перемышлем протекает река Сан, и другая река — Ярев, и третья — Ярют. От Перемышля до Мостища четыре мили. От Мос-

Городка 3 мили. А от Городка до Волвова 4 мили, а врьст 134. А от Фролензы до Лвова 600 миль без трех, а врьстъ 2000 и 200.

А от Лвова до Галича 14 миль. И приидохом в Галич месяца мая 21. А оттоле опять приидохом в Лвов по Петрове дни на завтрее.* И поехали есмя изо Лвова июня 10. А от Лвова до Батятичина 6 миль. А от рѣки до Белза града 3 мили. От Белза до Видкова, гдѣ вишни, 3 мили. От Виткова до Хрубешева 4 мили. А от Хрубешева до Лещан 5 миль. А от Лещан до Холъму 3 мили. А приехали есмя в Холмъ в Ильин день.* В Пантелѣймонов же день в среде месяца июля 27 бысть буря велика з дождемъ, и храмы потрясаше. На утрия же въ четверток в 28 того же месяца выехахом ис Холму и ночевахом у пана у Ондрюшка в Вугрушкѣх на рецѣ на Бузѣ, 4 мили. А от Угровеска до Ганое 5 миль. От Ганое до Володавы 6 миль. От Володавы до Берестиа 3 мили. Поидохом же из Берестия месяца августа в 4 и приидохом в Каменецъ. А от Берестия до Каменца 5 миль. А дръжить князь Сендушено, а река Илцена, а смотрит.* От Каменца до Новаго двора 10 миль. А оттоле до Порозова 2 мили. А от Порозова до Волковыйска 4 мили. От Волковыйска до Немна 5 миль. От Немна до Василийска 5 миль. От Василиска до Радуни 5 миль. От Радуни до Рудниковь 7 миль. От Рудниковь до Троков 5 миль. А от Лва до Троков 100 миль великых, врьст 500. Приехали есма въ Трокы августа 11 в четверток. А ис Троков поехали есми в суботу 13. От Троковь до Вилны 4 мили. И поехалѣ есми от Вилны въ Торнок августа 16. А от Вилны до Медниковъ 4 мили. От Медниковь до Шмены 3 мили. От Шьмены до Крева 5 миль. От Крева до Маркова 3 мили. А от Малодешня до Каменца Краснаго, села Дока, 3 мили. От Каменца до Анны 5 миль. От Танны до Логожска 2 мили. От Логошьска до Борисова до реки до Березыни 8 миль. От Борисова до Дрютска 18 миль. От Дрютска до Орши 8 миль. От Орши до Дубровны 4 мили. От Дубровны до Климентиа святого 8 миль. От Катаны до Смоленска 4 мили. От Смоленска до Дорогобужа 18 миль. От Дорогобужа до Мстисловца 16 миль. От Мстисловца до Кореи 4 мили. От Кореи до Вязмы 8 миль. От Вязмы до Можайска 26 миль. А приехали есмя в Можайск сентября 14 в среде, а на Сторожи 18 в неделю сентября же. А приехали есми на Москву 19 день того же месяца. А поехали есмя с Москвы в Суждаль месяца того же 24 в суботу. А в Суждаль месяца того же 29 в четвертокъ.

тища до Вишни две мили. От Вишни до Городка три мили. А от Городка до Львова четыре мили, верст же сто тридцать четыре. А от Флоренции до Львова пятьсот девяносто семь миль, а верст две тысячи двести.

А от Львова до Галича четырнадцать миль. И приехали мы в Галич 21 мая. И оттуда снова вернулись во Львов на другой день после Петрова дня. И выехали из Львова 10 июля. А от Львова до Батячина шесть миль. А от реки до города Белза три мили. От Белза до Видкова, где растут вишни, три мили. От Видкова до Грубешева четыре мили. А от Грубешева до Лещан пять миль. А от Лещан до Холма три мили. А приехали в Холм в Ильин день. В Пантелеймонов же день, в среду, 27 июля, была сильная буря с дождем, такая, что храмы сотрясались. Утром же в четверг, двадцать восьмого числа того же месяца, выехали из Холма и ночевали у пана Ондрюшки в Угровске, расположенном на реке Буге в четырех милях от Холма. А от Угровска до Ганоя пять миль. От Ганоя до Володавы шесть миль. От Володавы до Берестия три мили. Поехали же из Берестия 4 августа и приехали в Каменец. А от Берестия до Каменца пять миль. А владеет князь Сендушено, а река Илцена, а смотрит ⟨?⟩. От Каменца до Нового Двора десять миль. А оттуда до Порозова две мили. А от Порозова до Волковыйска четыре мили. От Волковыйска до Немана пять миль. От Немана до Василийска пять миль. От Василийска до Радуни пять миль. От Радуни до Рудников семь миль. От Рудников до Троков пять миль. А от Львова до Троков сто миль больших, а верст пятьсот. И мы приехали в Троки 11 августа, в четверг. А из Троков поехали в субботу тринадцатого. От Троков до Вильны четыре мили. И поехали из Вильны в Торнок 16 августа. А от Вильны до Медников четыре мили. От Медников до Шмены три мили. От Шмены до Крева пять миль. От Крева до Маркова три мили. А от Малодешня до Каменца Красного, до села Дока, три мили. От Каменца до Танны пять миль. От Танны до Логожска две мили. От Логожска до Борисова до реки Березины восемь миль. От Борисова до Друцка восемнадцать миль. От Друцка до Орши восемь миль. От Орши до Дубровны четыре мили. От Дубровны до святого Климентия восемь миль. От Катаны до Смоленска четыре мили. От Смоленска до Дорогобужа восемнадцать миль. От Дорогобужа до Мстиславца шестнадцать миль. От Мстиславца до Кореи четыре мили. От Кореи до Вязьмы восемь миль. От Вязьмы до Можайска двадцать шесть миль. А приехали в Можайск 14 сентября, в среду, а в Сторожи — в воскресенье, 18 сентября. А приехали в Москву девятнадцатого числа того же месяца. А поехали из Москвы в Суздаль двадцать четвертого числа того же месяца, в субботу. А приехали в Суздаль двадцать девятого числа того же месяца, в четверг.

ЗАМЕТКА О РИМЕ

До града Ферары путь писанъ напреди. А от Ферары града до Рима великаго града 50 миль. А Римъ великий град стоить на рѣцѣ на Тиверѣ за 12 миль до моря. А около града 30 миль 2 мили. А ездили есмя около града два дни на конехъ. Стоит же межи горами. А церкви святаго апостола Петра внутри града. А мера ея в долину ступеней великих* 105, а поперекъ полсемадесять. А мощи святых апостолъ Петра и Павла лежат в церквах, разделилъ их святый папа Силивестръ, половина в Петрѣ святѣмъ и половина в Павлѣ святѣмъ, а главы ихъ лежат въ церкви святаго Ивана Предтечи. И тамо святый царь Коньстянтинъ* крестилъся, и крестилница его мраморъ зеленъ. Да были есмя на мѣстѣ, кдѣ усѣкнули главу святому апостолу Павлу, ту три кладязи: коли стяли главу, и она прянула трижды, и с тѣх мѣстъ истѣкають три кладязи прудко велми, и вода их пити сладка велми и студена. А мечем тѣм знаменахомся, которым его усѣкнули, и воду ту святую пихом. От града же до церкви святаго апостола Павла 2 мили. А мѣра церкви той — ступеней великих 130, а поперекъ 70. Церкви же в нем были велми велицы и позлащеныи верхи и полаты чюдны. И то все порушилося, запустѣния ради. Видѣхом же и домъ царевъ и домъ Еуфимиановъ великъ велми.* А иного не писахом.

ЗАМЕТКА О РИМЕ

Путь до города Феррары описан прежде. А от города Феррары до великого города Рима пятьдесят миль. Великий же город Рим стоит на реке Тибре в двенадцати милях от моря. Расстояние по окружности города составляет тридцать две мили. Объезжали мы его на конях в течение двух дней. Стоит же Рим между горами. А внутри города находится церковь святого апостола Петра, размер ее составляет в длину сто пять шагов и в ширину — тридцать пять. Мощи святых апостолов Петра и Павла лежат в церквах, разделил их святой папа Сильвестр, — половина мощей находится в церкви святого Петра, а половина — в церкви святого Павла, а головы обоих апостолов лежат в церкви Иоанна Предтечи. В этой церкви крестился святой император Константин, и в ней хранится его крестильница из зеленого мрамора. Были мы также на месте, где отсекли голову святому апостолу Павлу, — там имеются три родника; когда отсекли голову, она трижды прянула, и в земле в тех местах, которых голова коснулась, образовались три быстро текущих родника с очень вкусной и холодной водой. Мы осенили себя мечом, которым отсекли голову апостолу Павлу, и пили из родников ту святую воду. От города до церкви святого Павла две мили. Размер этой церкви — сто тридцать шагов в длину и семьдесят — в ширину. Церкви же в Риме раньше были очень большие и с позолоченными крышами, и дома также были замечательные, но разрушились из-за запустения города. Видели мы также императорский дворец и дом Евфимиана очень большой. А о другом виденном мы не написали.

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ

НАКАЗАНИЕ ОТЦА КЪ СЫНУ

Сыну, егда на рать съ князем̃ъ едеши, то съ храбрыми напред еди, да и роду своему честь наедеши и себѣ добро имя. Что бо того лучши есть, еже пред князем умрети! Слугы же, чядо, путныя* чти и люби.

Сыну, аще хощеши великъ быти пред Богомъ и человѣкы, то смѣрися всѣм равно, добротою пред всякым человѣкомъ, за очи и въ очи. Аще ли кому смѣються, а ты хвали и люби, да от Бога приимеши мъзду, а от людий — похвалу, а от него — честь.

Конь на брани разумѣет снягу,* другу же въ печали добръ другъ пособит. Другу вѣрну нѣсть цѣны от сущиих, ничто же на земли, никое же ставило доброты его.

Друг вѣренъ — покровъ крѣпокъ и утвръжено царствие; другъ вѣренъ — скровище духовно; друг вѣренъ — паче злата и камениа многоцѣнънаго множае; друг вѣренъ — óград заключенъ, источникъ запечатлѣнъ, въ время отверзаемъ же и причащаем; друг вѣренъ — пристанище же и утѣха.

Все новое добро есть, нъ ветхое всего лучши есть и силнѣй.

Иже душа своея не брежет, нъ паче умирающую плоть, то подобенъ есть тому, иже рабу кормит, а госпожду поверьжет. Иже земнаго ищет мимо небесныих, то подобенъ есть тому, иже хощет ратая имѣти *на* стенѣ написана, нъ *не* на нивѣ оруща.*

Мужъ мудръ — мудрым и смысльным другъ, а несмысленым — Богъ; мужь мудръ, аще и убогъ, имать бо премудрость въ богатства мѣсто; праведных богатьство — къ всѣм Бога миръ; велико богатство — умъ добръ.

Мужъ мудръ, аще и рабъ и нищь, имѣя страх Божий, лучи царя; имуще богатства многа — без ума не имуще страха Божиа, оного съмыслом поучаяся закону Божию — спасение получит, се же, не имуще страха Божиа, — спасениа отпадет.

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ

Сын мой, когда на рать с князем едешь, то езди с храбрыми впереди — и роду своему честь добудешь, и себе доброе имя. Что может лучше быть, если перед князем умереть доведется! Слуг же путных, чадо, почитай и люби.

Сын мой, если хочешь прославиться перед Богом и людьми, то будь ко всем одинаков и добр ко всякому человеку, и за глаза и в глаза. Если же над кем-нибудь смеются, ты хвали его и люби, тогда и от Бога получишь вознаграждение, и от людей похвалу, и от защищенного тобой — почитание.

Конь познается на поле боя, другу же в беде добрый друг поможет. Верному другу цены нет, ничто на земле не может сравниться с дружбой его.

Друг верный — защита надежная и царство укрепленное; друг верный — сокровище духовное; друг верный — дороже золота и каменья драгоценного; друг верный — ограда запертая, источник укрытый, в нужное время можно открыть и напиться; друг верный — прибежище и утешение.

Все новое хорошо, но старое — всего лучше и крепче.

Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего.

Мудрый муж — мудрым и разумным друг, а друг убогим людям — Бог; муж мудрый, если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников — мир Бога ко всем людям; великое богатство — хороший разум.

Мудрый муж, имеющий страх Божий, даже если он раб и нищий, — лучше царя. Тот же, у кого богатства много, но страха Божия нет — тот без ума; но, если старается постичь закон Божий, — спасение получит; тот же, кто не имеет страха Божия, — спасения будет лишен.

Богат мужь, не наказанъ и не смысленъ, подобенъ есть ослу, златою уздою обузданъ. Суть же убозии человеци и богобоязънивии потребнѣйши суть.

Подобно есть скупых и сребролюбивых житие мертваго вечери: вся бо имать плачюща, а веселящегося не имать.

Горбоватого горѣе есть грѣшникъ: онъ бо за собою носит вред, а сий — въ себѣ.

Лѣнивый горѣе есть болнаго: болный бо аще лежит да не ясть, а онъ и лежит и ясть.

Скупаго домъ, яко облачна нощь, крыющи звѣзды и свѣтъ от очию многыхъ.

Затъчена корчага — ти млъчаливъ мужъ: не извѣстно, имать ли что въ себѣ.

Часто поминай Бога: да рѣдко поминаа — помышляеши и поминаеши грѣховныя мысли.

Посупляй долу лице от неподобныих гляданий, и егда ти прогоняет око душевное на вѣчнаа.

Ни влъкъ влъка губит, ни змиа змии потрѣбит, нъ человѣкъ человѣка погубит.

Точно мертвеца цѣлити, а стараго наказати; старость и нищета — два струпа неудобь исцѣлна.

Затишие — кораблю пристанище, житию же человѣчю — беспечалие: бес печали имать веселие.

Человѣче, аще не вѣси, како спастися, ни книгъ умѣеши: еже ти себѣ не любо, того и другу не твори, спасешися.

Богатый муж, истине не наученный и неразумный, подобен ослу, взнузданному золотою уздою. Бедные и богобоязненные — лучше их.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут и нет веселящегося.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а этот — в себе.

Ленивый хуже больного: больной хоть и лежит, да не ест, а ленивый — и лежит, и ест.

Скупого дом — как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.

Молчаливый муж подобен закрытой корчаге: неизвестно, имеет ли что внутри.

Часто поминай Бога: ведь редко поминая — думаешь и вспоминаешь о греховном.

Потупляй взор свой долу от непотребных взглядов, и тогда око твое духовное обратится к вечному.

Волк волка не губит, змея змею не съест, а человек человека погубит.

Старого учить — словно мертвого лечить; старость и нищета — две язвы незаживающие.

Кораблю пристанище — гавань, жизни же человеческой — беспечалие, без печали весело жить.

Человече, если ты не знаешь, как спастись, и книг не умеешь читать — вот совет: не делай другому того, что самому не любо, и спасешься.

РАССКАЗ О ВОССТАНИИ В НОВГОРОДЕ В 1418 ГОДУ

В лѣто 6926. Знамение бысть въ церкви святѣи мученици Ностасьи:* идяше от иконы святыя Богородица Покрова акы кровь по обѣ сторонѣ ризъ ея, мѣсяца априля 19.

Того же мѣсяца сдѣяся тако в Новѣгородѣ научением дияволим: человѣкъ нѣкый Степанко изымаша боярина Данила Ивановича, Божина внука,* держащи вопияше людем: «А господо, пособите ми тако на злодѣя сего». Людие же, видящи его вопль, влечахут акы злодѣя к народу и казниша его ранами близъ смерти, и сведше с вѣца,* сринуша й с мосту.

Нѣкто же людинъ, Личковъ сынъ,* хотяше ему добра, въсхити его в челнъ, и народ, възъярившись на того рыбника, домъ его розграбиша. И рекомый бояринъ, хотя бещестие свое мьстити, въсхитивъ супостата и нача мучити, хотя вред ицѣлити, паче болши язву въздвиже; не помяну рекшаго: «Азъ отмъщение».*

Слышавъ же народ, яко изиманъ бысть Степанко, начаша звонити на Ярославли дворѣ вѣче, и сбирахуся людии* множество, кричаху, вопиюще по многы дни: «Поидем на оного боярина и дом его расхытим». И пришед в доспѣсех съ стягом на Кузмадемиану улицу,* пограбиша дом его и иных дворовъ мъного, и на Яневѣ улицѣ* берегъ пограбиша.

И по грабежи том возбоявъшися кузмодимиянци, да не горѣе будет на них, отдаша Степанка, пришедши къ архиепископу, молиша его, да пошлет къ собранию людску. Святитель же послуша молениа их, посла его с попом да съ своим бояриномъ; они же прияша его и пакы възъярившися, аки пианѣ, на иного боярина, на Ивана на Иевлича, на Чюдѣнцевѣ улици* и с ним много разграбиша домовъ бояръскых; нь и монастырь святого Николы на Полѣ разграбиша, ркуще:

РАССКАЗ О ВОССТАНИИ В НОВГОРОДЕ В 1418 ГОДУ

В год 6926 (1418). Предзнаменование было в церкви святой мученицы Анастасии: шла от иконы Покрова святой Богородицы словно кровь по обе стороны с риз ее — месяца апреля в девятнадцатый день.

И в тот же месяц случилось такое в Новгороде наущением дьявольским: человек один — Степанко — схватил боярина Данилу Ивановича, Божина внука, и, держа, кричал людям: «Да, государи мои, помогите же мне таково расправиться со злодеем этим!» Люди же, услыхав его крики, протащили боярина, словно злодея, до веча и избили его чуть не до смерти, а потом, сведя с веча, сбросили его с моста.

Один же из Людина конца, Личков сын, желая ему помочь, подобрал его в лодку, и народ, разъярясь на того рыбака, дом его разграбил. А помянутый боярин, желая за бесчестье свое отомстить, схватил своего противника и стал мучить — желая рану исцелить, еще большее бедствие воздвиг; не припомнил сказавшего: «Аз отмщение».

Народ же, прознав, что схвачен Степанко, начал звонить на Ярославле дворе к вечу, и собиралось людей множество, кричали, препираясь, несколько дней: «Пойдем на того боярина и дом его разграбим!» И пришли, вооружась и со стягом, на Козьмодемьянскую улицу, пограбили дом его и других дворов много, и на Яновской улице берег ограбили.

А после грабежа того, перепугавшись, как бы хуже не стало им, козьмодемьянцы вернули Степанка и, придя к архиепископу, молили его послать кого-нибудь к собранию народному. И святитель внял мольбам их и отправил Степанка со священником и со своим боярином; и люди приняли Степанка. И вновь разъярился народ, все словно пьяные, на другого боярина, на Ивана на Иевлича с Чудинцевой улицы, и вместе с домом его много разграбили домов

«Здѣ житницѣ боярскыи».* И еще того утра на Людгощи улицѣ* изграбиша дворовъ много, ркуще, яко: «Намъ супостаты суть»; и на Прускую уличу приидоша, и они же отбишяся их.*

И от того часа нача злоба множитися: прибѣгше они на свою Торговую сторону и рѣша, яко «Софѣйская страна хощеть на нас въоружатися и домы наша грабити»,* и начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскывати съ обою страну, акы на рать, в доспѣсѣх на мостъ Великый;* бяше и губление: овы от стрѣлы, овы же от оружиа, бѣша же мертвии аки на рати; и от грозы тоя страшныя и от возмущениа того великаго въстрясесе всь град и нападе страх на обѣ страны.

Слышав же владыка Семеонъ* особную рать промежи своими дѣтьми, и испусти слезы изъ очию и повелѣ предстоящим собрати зборъ свой; и вшед архиепископъ въ церковь святыя Софѣя, нача молитися съ слезами, и облечеся въ священныя ризы со своимъ збором, и повелѣ крестъ Господень и пресвятыя Богородица образъ взяти, иде на мостъ. И по нем въслѣдующе священници и причетъ церковный, и христоименитое людьство по немь идоша, и мнози народи, испущающе слезы, глаголюще: «Да укроти, Господи, молитвами господина нашего». И людие богобоязнивии припадающе къ святителевома ногама съ слезами: «Иди, господине, да уставит Господь твоимъ благословениемъ усобную рать»; ови же глаголаху: «Да будет злоба си на зачинающих рать».

И пришед святитель ста посредѣ мосту и, descriptionвземъ животворящий крест, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честный крестъ, плакахуся. Услышавши она страна святителево пришествие, и прииде посадникъ Федоръ Тимофѣевич* съ иными посадникы и с тысячкыми, поклонишася владыцѣ. Владыка послуша молениа их,* посла архимандрита Варлама* и отца своего духовнаго и протодиакона на Ярославль дворъ да подадут благословение степенному посаднику Василью Есифовичю и тысячкому Кузмѣ Терентѣевичю,* да идут в домы своя.

И разидошася, молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ.

боярских, и монастырь святого Николы на Поле разграбили, говоря: «Здесь житницы боярские!» И еще в то же утро на Людогощей улице пограбили дворов множество, приговаривая: «Нам враги они!» — и на Прусскую улицу пришли, но там отбились от них.

И с того часа стала вражда множиться: прибежали они на свою Торговую сторону, закричали: «Софийская сторона хочет против нас ополчиться и дома наши пограбить», и стали звонить по всему городу, и начали люди сбегаться с обеих сторон, как на битву, в доспехах на мост Великий; были и погибшие: те от стрел, а те от мечей, и мертвые были будто в бою. И от ужаса того страшного, и от мятежа того великого всколыхнулся весь город, и напал страх на обе стороны.

Прослышав же о междоусобной схватке среди своей паствы, архиепископ Семеон пролил слезы из очей своих и повелел приближенным собрать собор свой; и, войдя в храм святой Софии, начал архиепископ молиться со слезами, и облачился в священные ризы со всем своим собором, и, повелев взять крест Господен и образ пресвятой Богородицы, — пошел на мост. И вслед за ним шли священники и причт церковный, и именитые люди за ним пошли, и множество народа, проливая слезы, говоря: «Усмири же, Господи, молитвами господина нашего!» И люди богобоязненные припадали к ногам святителя со слезами: «Иди, господине, да усмирит Господь твоим благословением междоусобную схватку». Другие же говорили: «Пусть бедствие падет на зачинщиков усобицы!»

И, подойдя, святитель стал посреди моста, и, подняв животворный крест, стал благословлять обе стороны; те же, взирая на честной крест, рыдали. Как узнала та сторона о прибытии святителя, пришел посадник Федор Тимофеевич с другими посадниками и с тысяцкими, поклонились владыке. Владыка внял их мольбам, послал архимандрита Варлаама и отца своего духовного протодиакона на Ярославль двор, чтобы благословили степенного посадника Василия Есифовича и тысяцкого Кузьму Терентьевича и чтобы разошлись все по домам своим.

И разошлись молитвами святой Богородицы и благословением архиепископа Семеона, и настала тишина в городе.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛИЯ II

6954. ⟨...⟩ О ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИЗЫМАНЬИ,* КАКО ПОИМАН БЫСТЬ КНЯЗЕМЪ ИВАНОМ ОНДРѢЕВИЧЕМ* У ТРОИЦИ В СЕРГЕЕВЕ МОНАСТЫРѢ. Князю же Дмитрею Шемякѣ* вложи дьавол в мысль хотѣти великого княжениа, и начат посылати ко князю Ивану Можайскому с тѣмъ, что, рекши, царь на том отпустил великого князя, а он ко царю целовал, что «царю сѣдѣти на Москвѣ и на всѣх градѣх русских, и на наших отчинахъ, а самъ хочеть сѣсти на Тфери».* И тако по дьяволю научению обсылающеся и здумавше съ своими совѣтники злыми, иже тогда быша у них, — Костянтинъвовичь и прочии бояре их,* не хотящеи добра своим государемъ и всему христьяньству. И посылають съ предречеными рѣчми к великому князю Борису Тферьскому.* Он же слышевъ то и убояся, и бысть единомысленик с ними. Мнози же от москвичь в думѣ с ними бяху, бояре же и гости, бѣша же и от чернцев в той думѣ с ними. И тако начаша князи и съ своими совѣтники безвѣстно вооружатись и искати подобна времени, како бы изгонити великого князя. Усмотривше же си таковъ получай подобенъ ихъ злому совѣту.

Въсхотѣвъшю великому князю ити поклонитись живоначальной Троици и мощемъ Сергия чюдотворца, пошедшу же ему и с своими благородными чады, со княземъ Иваном и княземъ Юрьемъ,* и с малыми зѣло людьми, ничто же иного чая, но токмо накормити тамо сущую братью великиа тоя лавры, а ко княземъ Дмитрею Шемякѣ и Ивану Можайскому вѣсти по вся дни посылаеми бяху с Москвы от измѣнниковъ. А они совокупившесь, стояху в Лузѣ,* готови суще, яко пси на лов или яко диви звѣрье, хотяще насытитися крове человѣчя.

Бывши же к нимъ вѣсти той, что князь велики изыде изъ града, они же часа того поидоша изгоном к Москвѣ. И приидоша февраля мѣсяца, в суботу,

ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛИЯ II

6954 (1445—1446). 〈...〉 О ПЛЕНЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ — КАК ОН БЫЛ ЗАХВАЧЕН КНЯЗЕМ ИВАНОМ АНДРЕЕВИЧЕМ У ТРОИЦЫ В СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ. Внушил дьявол князю Дмитрию Шемяке мысль овладеть великим княжением, и он начал сноситься с князем Иваном Можайским, говоря, что «царь отпустил великого князя под условием, скрепленным присягой, что царю достанется власть в Москве, и во всех русских городах, и в наших отчинах, а великий князь хочет править в Твери». И так по дьявольскому наущению князья сносились между собой и устроили заговор со своими советниками, которые у них тогда были — Константинович и прочие бояре, не желающие добра своим государям и всему христианству. И отправляют послов с теми же речами к великому князю Борису Тверскому. Он же, услышав эти речи и устрашившись, стал их единомышленником. В заговоре с ними были и многие из москвичей, бояре и купцы, участвовали в заговоре и некоторые из чернецов. И так стали князья со своими советниками тайно вооружаться и искать подходящего времени, чтобы внезапно захватить великого князя. И нашли удобный случай для исполнения своего злодейского замысла.

Когда великий князь отправился поклониться живоначальной Троице и мощам Сергия-чудотворца, пойдя со своими благородными детьми, с князем Иваном и князем Юрием, и с совсем немногими людьми, думая только пожаловать братию этой великой лавры, то к князьям Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому ежедневно посылались вести из Москвы от изменников. И они, собравшись, стояли в Лузе готовые, как псы, на лов, или как дикие звери, хотящие насытиться кровью человеческой.

Когда к ним пришла весть, что князь великий выехал из города, они тотчас же внезапно подошли к Москве. И пришли в феврале месяце в субботу,

в 9 час нощи, противу недели, иже о блуднѣмъ,* и взяша град, не бяше бо противящагося имъ, и никому видящу сего, токмо единомыслеником ихъ, иже и град отвориша имъ, они же въшедше въ град, великих княгинь изнимаша, Софѣю и Марью,* и казну великого князя и матери его разграбиша, а бояръ, сущих ту, изнимавше и пограбиша, иных многих, и горожан.

И тоя жа паки нощи отпускаеть князь Дмитрей князя Ивана Можайского на великого князя Василья к Троици изгоном съ многими людми своими и сь его.

В самую же литургию пригонил к великому князю в недѣлю о блуднѣмъ, Бунком зовуть, повѣдая ему, што идуть на него князь Дмитрей Шемяка да князь Иванъ Можайской ратью. И не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мала того преже отъехал къ князю Дмитрею, и рече: «Си смущають нас. А яз съ своею братьею въ крестномъ целованьи. То какъ можеть быти такъ?»

И повелѣ того из монастыря збити и назад воротити его. И яко бывшу тому на Вори,* яша его ратни сторожи и биша его. А князь великий, хотя и не имя ему вѣры, а единако посла сторожи к Радонѣжу.* Они же, пришедше, сташа на горѣ над Радонѣжомъ стеречи, и познаша ихъ ратных сторожи издалеча, а си тѣх ратных не усмотриша, не имяху вѣры тѣм вѣстем. А тѣ сторожа сказаша князю Ивану, что есть сторожи за Радонѣжемъ на горѣ. Он же повелѣ сани многы изрядити, какъ возы с рогозинами, а ини с полъстьми, а в нихъ по два человѣка в доспѣсѣ, а третий послѣ идеть, какъ бы за возом. И какъ уже преднии минуша ихъ, и тако выскакаше вси изъс саней, изнимаше ихъ, а убѣжати имъ никако бяше, понеже убо тогда снѣг был девяти пядей.*

И тогда въскорѣ поидоша к манастырю. И какъ явишася, скачюще на конех з горы тоя, к селу Климентиевьскому,* яко же на ловъ сладок.

И яко увидѣвъ ихъ князь велики, потече на конюшной дворець, и не бѣ ему коня уготована, самъ се яко ложь вмѣни, надѣяся на крестное целование, и не повѣлѣ ничего уготовити. А люди вси въ уныньи быша, въ торопѣ велицѣ, яко изумлени. Вѣдѣвъ князь великий, яко нѣсть ему никакия помощи, скоро поиде на монастырь къ церкви святыя Троица каменыя. Пономарь же, именем Никифоръ инок, притек и отомче церковь. Князь же велик вниде въ церковь, и онъ замкнувъ его, отшед, схоронися.

А они, убийци, яко свѣрѣпии волци, взгониша на монастырь на конех, преж всѣх Микита Костянтинович, и на лѣствицу на конѣ къ преднимъ дверемъ церковным. Пошедшу ему с коня, и заразися о камень, иже предверми церковными въздѣлан на примостѣ. И притекшѣ прочии, воздняша его, он же едва отдохну, и бысть яко пиянъ, а лица его, яко мерьтвецю бѣ. Потом же и самъ князь Иванъ возъгони на монастырь, и все воиньство ихъ. И начат вопрошати князь Иванъ: «Гдѣ есть князь велики?»

накануне воскресенья недели о блудном сыне, в девять часов ночи, и заняли город; и не оказали им сопротивления — никто об этом ничего не знал, кроме их единомышленников, которые отворили им городские ворота. И, войдя в город, они пленили великих княгинь Софию и Марию и разграбили казну великого князя и его матери, захватили и ограбили находившихся там бояр, и других многих, и горожан.

И в ту же ночь отпускает князь Дмитрий Ивана Можайского к Троице со многими своими и его людьми, чтобы застать врасплох великого князя.

В воскресенье недели о блудном сыне, во время литургии, прискакал к великому князю человек по имени Бунко, чтобы сообщить, что идут на него ратью князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайский. Но великий князь не поверил ему, потому что тот Бунко незадолго перед этим перешел на службу к князю Дмитрию, и сказал: «Так сеют смуту между нами. А я со своей братьею целовал крест. Как же может быть такое?»

И велел прогнать Бунко из монастыря и воротить обратно. И когда тот был на Воре, захватил его сторожевой отряд заговорщиков и избил. А князь великий, хотя и не поверил ему, а все-таки послал сторожевой отряд к Радонежу. Они же, придя, стали на страже на горе над Радонежем, и увидел их издалека сторожевой отряд заговорщиков; те же не заметили ратников, ибо не поверили вестям, переданным Бунко. А сторожевой отряд заговорщиков сообщил князю Ивану, что на горе за Радонежем стоит стража. Он же повелел снарядить много саней, будто возы, а в них спрятать по два человека в доспехах: один под рогожами, а другой под войлоком, а третий чтобы шел сзади, как бы за возом. И когда передние сани уже миновали сторожей, тогда выскочили все из саней и захватили стражу, а тем никак было не убежать, ибо снег был тогда в девять пядей.

И так они вскоре подошли к монастырю. И вот явились, скача на конях с горы, к селу Климентьевскому, как на счастливый лов.

И как увидел их князь великий, бросился он на конюшенный двор, и не было ему готового коня, ибо он сам счел правду ложью, понадеявшись на крестное целование, не повелел ничего приготовить. А люди все были в унынии, все оторопели как безумные; князь великий, увидев, что ему нет ни от кого помощи, ринулся в монастырь, к каменной церкви Святой Троицы. Пономарь же, инок по имени Никифор, прибежал и отворил церковь, князь вошел в церковь, а Никифор запер его и, отойдя, спрятался.

А они, убийцы, как свирепые волки, ворвались в монастырь на конях, и впереди всех Никита Константинович, и въехал по лестнице на коне к передним дверям церковным. И, слезая с коня, расшибся о камень, который был вделан в крыльцо перед дверьми. И подоспели прочие, подняли его, он же едва отдышался, и был словно пьяный, и лицо как у мертвеца. Потом и сам князь Иван прискакал в монастырь, и все их войско. И стал спрашивать князь Иван: «Где князь великий?»

Князь же велики внутрь церкви услыша князя Ивана глаголюща и воспи велми, гляголя: «Брате, помилуйте мя, не лишите мя зрити образа Божиа* и Пречистыя матери его, и всѣх святыхъ его! А не изиду из монастыря сего и власи главы своея урѣжу зде».

И шед къ дверемъ южным, отпре их самъ и взятъ икону, иже на гробѣ святого Сергия — Явление святыя Богородица съ двѣма апостолма святому Сергѣю — и срѣте князя Ивана в тѣх же дверехъ церьковных, глаголя: «Брате, цѣловали есмя животворящий крестъ и сию икону въ церкьви сей живоначалныя Троиця, у сего же чюдотворцева гроба Сергиева, яко не мыслити намъ, ни хотѣти никоторому же от братьи межи себе никоего лиха. А се нынѣ не вѣмъ, что сбысться надо *мною*».

Князь же Иван рече к нему: «Господине государь, аще ти въсхощемъ лиха, буди то и над нами лихо. Но се сътворихом християньства дѣля и твоего окупа: видѣвши бо се татари, пришедши с тобою, облегчать окупъ, что ти царю давати».*

Князь же велики поставль икону на мѣсто свое и пад ниць у гроба чюдотворцева Сергѣева, слезами обливаяся и велми въздыхая и кричаньем моля, захлипаяся, яко удивитися всѣм сущимъ ту, и слезы испусти злодѣемъ тѣмъ противным. А князь Иванъ мало поклонься къ церкви, изыде, рече Никитѣ: «Възми его». И князь велики много молився и вста от ничанья своего, и възрѣвъ, рече велми: «Гдѣ брат князь Иванъ?»

Приступле же злый рабъ, гордый немилосерды мучитель Никита, ятъ за плече великово князя, глаголя: «Пойманъ еси великим княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ». Оному же рекшу: «Воля Божиа да будеть».

Он же, злодѣй, выведе его изъ церкви и с манастыря сведе, а посадиша его в голы сани, а противу его черньца. И тако отидоша с нимъ к Москвѣ, а бояръ его всѣх поимаша, а прочихъ всѣх пограбиша, нагих попущаша.

А сынове великого князя, князь Иванъ да князь Юрьи, ухоронишася в томь же манастырѣ: а они, кровопийцы, якоже нѣкоторый сладкы ловъ уловивше, отидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о них. Си же великаго князя сынове, Иоанъ и Юрьи, в ту же нощь побѣгоша из манастыря съ оставшими людьми, с ними кои ухоронишась. Прибѣгоша ко князю Ивану Ряполовьскому въ Юрьевъ в село его Боярово. Князь же Иванъ съ своею братьею, с Семеномъ и съ Дмитреемъ, и со всѣми людьми своими, бѣжаша с ними к Мурому* и тамо затворишася съ многими людми.

А князя великаго Василья в понеделникъ на ночь, на мясопустной недели, февраля 14, приведоша на Москву и посадиша его на дворѣ Шемякинѣ, и самъ князь Дмитрей Шемяка стоял на дворѣ Поповкинѣ. В среду на той же недели на ночь ослѣпиша князя великаго и отослаша его на Углече поле* и съ его княгинею, а матерь его, великую княгиню Софью, послаша на Чюхлому.*

Князь же великий, находясь внутри церкви, услышал голос князя Ивана и громко возопил: «Брат, помилуй меня, не лиши меня счастья зреть образ Божий и Пречистой его матери и всех его святых! А я не выйду из этого монастыря и постригусь здесь».

И, подойдя к южным дверям, сам их отпер, и взял икону с гроба святого Сергия — Явление святой Богородицы с двумя апостолами святому Сергию — и встретил князя Ивана в тех же дверях церковных, говоря: «Брат, мы целовали животворящий крест и эту икону в церкви живоначальной Троицы у этого самого гроба чудотворца Сергия, чтобы нам не замышлять и не хотеть никакого зла никому из братьи. А теперь вот не знаю, что будет со мной».

Князь же Иван сказал ему: «Господин государь, если захотим тебе зла, то пусть будет и нам зло. Но делаем мы это ради христианства и из-за твоего выкупа: ибо, увидев это, татары, пришедшие с тобой, облегчат выкуп, который ты обязался давать царю».

Князь же великий поставил икону на свое место и пал ниц у гроба чудотворца Сергия, обливаясь слезами, стеная и умоляя с криком, и захлебываясь от рыданий, так что все были потрясены и даже злодеи и отступники прослезились. А князь Иван слегка поклонился в сторону церкви и вышел, сказав Никите: «Возьми его». А князь великий долго молился и, встав с земли и оглянувшись, воскликнул: «Где брат князь Иван?»

И тут подошел к нему злой раб, гордый, немилосердный мучитель Никита, взял великого князя за плечи и сказал: «Ты во власти великого князя Дмитрия Юрьевича». Тот же ответил: «Воля Божья да будет».

Он же, злодей, вывел его из церкви и увез из монастыря, и посадили его в голые сани, а напротив него чернеца. И так поехали с ним в Москву, а бояр его всех похватали, прочих же всех ограбили, отпустив нагими.

А сыновья великого князя, князь Иван да князь Юрий, спрятались в том же монастыре: кровопийцы эти, словно завершив счастливый лов, удалились, не позаботившись и даже не спросив о них. Сыновья же великого князя, Иоанн и Юрий, в ту же ночь бежали из монастыря с оставшимися людьми, которым удалось вместе с ними спрятаться. Прибежали они к князю Ивану Ряполовскому в Юрьев, в его село Боярово. Князь же Иван со своими братьями, с Семеном и с Дмитрием, и со всеми своими людьми бежал к Мурому и там затворились с многими людьми.

А князя великого Василия в понедельник к ночи, на мясопустной неделе, 14 февраля, привели на Москву и посадили его на Шемякином дворе, а сам князь Дмитрий Шемяка стал на Поповкином дворе. В среду на той же неделе вечером ослепили великого князя и сослали его с княгиней на Углич, а мать его, великую княгиню Софью, послали на Чухлому.

Слышав же то князь Василей Ярославич* да побѣже в Литву, да князь Семенъ Иванович Оболеньской* с нимъ же, а прочии дѣти боярьские и вси люди биша челом служити князю Дмитрею. И приведе ихъ къ целованью крестному всѣх, один Федоръ Басенокъ* не въсхотѣ служити ему. Князь же Дмитрей повелѣ възложити на него желѣза тяжки и за сторожи держати его. Он же подговори пристава своего и убѣжа из желѣзъ, и бѣже къ Коломнѣ, и тамо лежал под своимъ притѣлемъ,* и многих людей подговорил съ собою, пограби уезды Коломеньские, побѣже в Литву съ многими людми. И прибѣже в Дябреньскъ къ князю Василью Ярославичю: дал бо бѣ король князю Дебряньскъ Василью в вотчину, да Гомей, да Стародубъ, да Мстиславль и иные многие мѣста. И князь Василей Ярославич дал Дебряньскъ князю Симиону Оболеньскому да Федору Басенку.*

А князь Дмитрей услышевъ, что дѣти князя великаго, пришед, сѣли в Муромѣ со многими людьми, и не въсхотѣ на них посылати, бояся, понеже бо всѣ людие негодоваху о княженьи его, но и на самово мысляху, хотяще великаго князя на своем осподарьстви видѣти.

Князь же Дмитрей умысливь сице: призва к себѣ епископа рязаньскаго Иону на Москву, и пришедшу ему, обѣща ему митрополью.* И начат глаголати ему: «Отче, чтобы еси шелъ въ свою епископъю, в град Муром, дѣти великого князя на свой пертахиль *взял*, а язъ рад ихъ жаловати, и отца ихъ, великаго князя, выпущу, и отчину дамъ доволну, как мощно имъ быти съ всѣм».

Владыка же Иона поиде к Мурому в судѣх и с тѣми рѣчми княжи Дмитреевыми приде в Муром, и начатъ говорити рѣчи его боаромъ великаго князя дѣтей, тремъ княземъ Ряполовьским и прочимъ с ними. Бояре же много о томъ думавше, смыслиша себѣ сице: «Аще мы нынѣ святителя не послушаем, не поидемъ *ко* князю Дмитрею съ сими великаго князя дѣтми, и онъ, пришед ратью, городъ възмет, и сихъ поимавъ, что хощет, то сътворит имъ, такоже и отъцу ихъ, великому князю, и всѣмъ намъ. И во что будеть крѣпость наша, не послушавше сихъ глаголъ святителевых?» И рекоша Ионѣ владыцѣ: «Аще пришелъ еси с сими глаголы от князя Дмитрея к нашим государемъ, великого князя дѣтем, да и к намъ, но мы сего не дьрзнемъ сътворити, что отпустити нам с тобою дѣти великаго князя безъ крѣпости. Но шед в соборну церковь Рожества Пречистыя и възмеши ихъ у Пречистыи с пелены на свой петрахиль, и тако отпустим ихъ с тобою, и сами с ними идемъ».

Владыка же Иона обѣщась тако сътворити. И вшед въ церковь, начат мольбен Пречистой и, свершивъ молебная, взятъ ихъ ис пелены у Пречистые на свой петрахѣль. И поиде с ними князю къ Дмитрею в Переславьль, тамо тогда ему сущу. Приде же в Переславль месяца мая 6. Князь же Дмитрей мало почти их с лестью, и на обѣд к себѣ зва их, и на третий день после того с тѣмъ же владыкою Ионою посла их къ отцу на Углеч в заточенье. Он же дошед с ними до отца ихъ, и оставивъ ихъ тамо, и възвратися къ князю Дмитрею. Он

Услышав обо всем этом, князь Василий Ярославич бежал в Литву, а с ним князь Семен Иванович Оболенский, а прочие дети боярские и все люди били челом в службу князю Дмитрию. И привели их к крестному целованию всех, один лишь Федор Басенок не захотел служить ему. Князь же Дмитрий велел заковать его в тяжкие железные оковы и держать под стражею. Он же, подговорив своего пристава, бежал из-под оков, и убежал к Коломне, и там укрылся под своим селом, и многих людей подговорил примкнуть к себе, пограбил Коломенские уезды и побежал в Литву с многими людьми. И прибежал в Дебрянск к князю Василию Ярославичу, ибо король дал князю Василию вотчину Дебрянск, да Гомель, да Стародуб, да Мстиславль и иные многие места. И князь Василий Ярославич отдал Дебрянск князю Семену Оболенскому и Федору Басенку.

А князь Дмитрий, услыхав, что дети великого князя, придя, засели в Муроме со многими людьми, не решался посылать за ними, потому что все люди негодовали из-за его вокняжения и замышляли против него самого, желая видеть своим государем великого князя.

Князь же Дмитрий задумал такое: призвал к себе епископа рязанского Иону на Москву и, когда тот пришел, обещал ему митрополию. И начал говорить ему: «Отче, сходил бы ты в свою епископию, в город Муром, взял детей великого князя под свою епитрахиль, а я буду рад их пожаловать, и отца их, великого князя, выпущу, и дам ему достойную его вотчину, чтобы у него там все было».

Владыка же Иона отправился к Мурому на судах и принес туда речи князя Дмитрия и стал говорить эти речи боярам детей великого князя, трем князьям Ряполовским и прочим, которые были с ними. Бояре же, подумав об этом, решили так: «Если мы теперь святителя не послушаем, не пойдем к князю Дмитрию с детьми великого князя, то он, придя с войском, возьмет город и, захватив их, сотворит с ними, что захочет; так же поступит и с отцом их, великим князем, и со всеми нами. И чего будет стоить наша присяга, если мы не послушаем слов святителя?» И сказали владыке Ионе: «Хотя ты и пришел с этими словами от князя Дмитрия к нашим государям, детям великого князя, и к нам, но мы не может так сделать — отпустить с тобой детей великого князя без присяги. Но если ты пойдешь в соборную церковь Рождества Пречистой и возьмешь их из-под покровительства Пречистой под свою епитрахиль, то тогда мы отпустим их с тобою и сами пойдем с ними».

Владыка же Иона обещал так сделать. И, войдя в церковь, начал молебен Пречистой, и, совершив молебен, взял их из-под покровительства Пречистой под свою епитрахиль. И отправился с ними к князю Дмитрию в Переяславль, где он тогда находился, и пришел в Переяславль 6 мая. Князь же Дмитрий притворно оказал им небольшие почести, пригласил их на обед, и на третий день после этого послал их с тем же владыкой Ионою к отцу в Углич в заточение. Он же дошел с ними до отца их и, оставив их там, возвратился к

же повѣлѣ ему итти к Москвѣ и сѣсти на дворѣ митрополиче. Иона же сътвори тако.

А Ряполовьские, то *слышавше*, князь Иванъ и братья, князь Семенъ и князь Дмитрей, что князь Дмитрей Шамяка слово свое измѣнил, во всем владыцѣ солгал, и начаша плакати, как бы великого князя выняти. Бѣша в той мысли тогда с ними князь Иванъ Васильевич Стрига да Иван Ощѣра з братом Бобром, Юшка Драница и иные многие дѣти боярские* двора великого князя. С ними же в думѣ был Семен Филимоновъ с дѣтми всѣми, да Русалко, Руно и иные дѣти боярские многие.* И учиниша себѣ срокъ всѣм быти под Углечем на Петровъ день о полудни. И Семион Филимонов на тот срокъ пришел, а про Ряполовских учинилась вѣсть князю Дмитрею, и не смѣша итти на тот срокъ под Углеч, но поидоша за Волгу к Белуозеру. И князь Дмитрей послал за ними с Углеча рать с Василиемъ Вепревым да Феодора Михайловича послал* за ними же со многими полки, а срок был имъ сьитись в мѣсто на усть Шексны у Всѣх Святых.* И Феодоръ не успѣ к Василию, а Ряполовские варатишась на Василья, побиша его на усто Мологи.* А Феодоръ в ту пору перевезеся на юсть Шексны со всѣми полки своими, а Ряполовским бысть вѣсть про него. Они же на того воротишась; Феодоръ же, видѣвъ их, опять побѣже за Волгу. А Ряполовские поидоша по Новгородской земли к Литвѣ и приидоша ко князю Василью Ярославичю во Мстиславль. Семен Филимоновъ со всѣми своими от Углеча поиде к Москвѣ, яко ничтоже про тѣх вѣдая, одинъ Руно отвернувъ от него за Ряполовскими. И какъ пришедши князи Ряполовские, да князь Иван Стрига, и прочие многие дѣти боярские, преж писаныя рѣчи и неписаные начаша говорити князю Василью Ярославичю, как бы выняти великого князя.

А князь Дмитрей Шамяка, видя то, что про великого князя мнози люди отступают от него, и розосла по владыки, начат думати со княземъ Иваномъ и со владыками, и з боляры, выпустити ли *его*, или ни. А владыка Иона на всяк день не престаша, глаголя: «Неправду еси чинил, а меня еси ввелъ во грѣх и в сором: князя было ти выпустити, и ты дѣтей его с нимъ посадил. А мнѣ еси дал свое слово правое, а они меня послушали, а нынѣча во всей лжи. Выпусти его, сведи с моей души и з своей. А что может онъ учинити без вѣка? А дѣти его малы. А и еще укрѣпи крестом честнымъ, да и нашею братиею владыками».

Многа же ина изрече. Князь же Дмитрей, много думавъ о том, положи на том, что выпустити великого князя, а дати ему вотчина, на чем бы ему мошно быти.

Того же лѣта родися великому князю на Углече сынъ Андрѣй августа въ 13.*

князю Дмитрию. Тот же приказал ему идти к Москве и сесть на митрополичьем дворе. Иона так и сделал.

А Ряполовские, князь Иван с братьями, князем Семеном и князем Дмитрием, услышав, что князь Дмитрий Шемяка нарушил свое слово, солгал владыке во всем, начали горевать и думать, как бы им освободить великого князя. Единомышленниками их были тогда князь Иван Васильевич Стрига и Иван Ощера с братом Бобром, Юшко Драница и иные многие дети боярские, придворные великого князя. С ними же в сговоре был Семен Филимонов со всеми детьми, Русалко, Руно и иные многие дети боярские. И установили срок — всем быть под Угличем в Петров день в полдень. И Семен Филимонов к тому сроку пришел, а о Ряполовских стало известно князю Дмитрию, и они не решились идти к этому сроку под Углич, а пошли за Волгу к Белоозеру. И князь Дмитрий послал за ними с Углича рать с Васильем Вепревым, послал также за ними Федора Михайловича с многими полками, и назначен был им срок сойтись в одном месте на устье Шексны у церкви Всех Святых. И Федор не успел подойти к Василию, и Ряполовские, обратившись против Василия, разбили его на устье Мологи. А тем временем Федор переправился на устье Шексны со всеми своими полками, и Ряполовские получили о нем весть. Они обратились против него; Федор же, увидев их, опять побежал за Волгу. А Ряполовские пошли по Новгородской земле к Литве и пришли ко князю Василию Ярославичу в Мстиславль. Семен Филимонов со всеми своими людьми от Углича пошел к Москве, ибо ничего обо всем этом не знал, один только Руно повернул от него, пойдя за Ряполовскими. И когда пришли Ряполовские, да князь Иван Стрига и прочие многие дети боярские, они стали говорить князю Василию Ярославичу прежде написанные и неписаные речи о том, как им освободить великого князя.

А князь Дмитрий Шемяка, видя, что из-за великого князя многие люди отступились от него, послал за владыками и стал совещаться с князем Иваном, с владыками и с боярами, выпустить ли его или нет. А владыка Иона каждый день, не переставая, говорил: «Совершил ты неправду, а меня вверг в грех и в срам: тебе следовало князя выпустить, а ты посадил вместе с ним еще и детей. А мне ты дал честное слово, и они меня послушались, и нынче вся эта ложь на мне. Выпусти его, сними грех с моей души и со своей. Что он может совершить без глаз? А дети его малы. А кроме того, вели ему поцеловать крест, и наша братия, владыки, будут свидетелями».

Много и другого говорил. Князь же Дмитрий, много думав об этом, решил выпустить великого князя и дать ему вотчину, в которой он мог бы жить.

В том же году родился у великого князя в Угличе сын Андрей 13 августа.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗѢ И ЕГО ДѢТЕХ, КАК ИХЪ КНЯЗЬ ДМИТРЕЙ ШАМЯКА ВЫПУСТИЛ С УГЛИЧА. Лѣто 6955-го. Князь Дмитрей Шамяка поиде на Углеч, хотя выпустити великого князя и дѣти. Поидоша с ним и вси епископи, и честныя архимандриты, и игумены. И пришедше на Углеч, выпустил великого князя и его дѣтей, каяся и прощаяся, а князь великий смиряясь и во всем вину сам на ся возлогая, яко: «И не сие мнѣ пострадати было грѣх моих ради и безаконий многих, и преступлений во крестномъ цѣловании и пред вами, старѣйш*ею* братию и пред всѣмъ православнымъ християнством, егоже изгубих и еще изгубити хотѣлъ есмъ до конца.* Достоин есмъ был главныя казни, но ты, государь мой, показал еси на мнѣ милосердие свое, не погубил еси мене со безаконии моими, но да покаюся зол моих».

Сия же имена многа изглагола, им же нѣсть числа и списати не мощно. Глаголюще же к нему, слезам текущим от очию его, яко же быстринам, яко всѣм сущимъ ту дивитись таковому смирению и умилению. И плакахуся вси, смотряюще его. По сем же князь Дмитрей пир великъ *сотвори* на великого князя и на великою княгиню, и на дѣтей его. Бяху же ту и вси епископи земли Руские, и боляре многих, и дѣтей боярских. И честь великою учини великому князю и дары ему многи подавал и великой княгинѣ и дѣтемъ их. Да и вотчину дал великому князю Вологду со всѣмъ, и отпустил великого князя, и со княгинею, и з дѣтми тамо.

Князь же великий пришед на Вологду и пожил немного, и поиде со всѣми своими в Кириловъ монастырь, творяся тамо сущую братию накормити и милостину дати; нѣсть бо лзѣ таковому государю в такой дальнѣй пустыни заточено быти. Слышав же то, боляре великого князя и дѣти болярские, людие вси побѣгоша от князя Дмитрея и Ивана к великому князю. Побыв *же* князь великий на Белѣозере, поиде прочь, а люди к нему туто мнози пребыли.

Князь же великий не возвратися к Вологдѣ, но поиде ко Твери, сослася с великимъ княземъ тверскимъ з Борисомъ Александравичем.* Пришедшу же ему во Тверь, и князь великий тверский дал ему у себя опочинути и честь велику воздасть ему и дары многи. Князь великий Василей Васильевич обручал тогда за болшаго сына своего за князя Ивана дщерь у великого князя Бориса Марью.* Мнози же боляре со многими людьми приидоша к великому князю во Тверь.

А коли князь Дмитрей выпущал еще великого князя, а князь Василей Ярославич в Литвѣ будя, а того не вѣдая, здумал с боляры великого князя, что, оставивъ жены и дѣти в Литовской земли, поити искати великого князя, как его выняти изо Углеча, и учиниша себѣ срок всѣм снятись в Литовской земли волости в Пацинѣ.* И еще не вышедшим из Литовской земли, князь Василей Ярославич иде во Мстиславль, а с ним Ряполовские три да и князь Иванъ

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ И ЕГО ДЕТЯХ — КАК КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ШЕМЯКА ВЫПУСТИЛ ИХ ИЗ УГЛИЧА. В год 6955 (1447). Князь Дмитрий Шемяка пошел в Углич, чтобы выпустить великого князя и его детей. И пошли с ним все епископы, честные архимандриты и игумены. И, придя в Углич, выпустил великого князя и его детей, каясь и прося прощения, а великий князь выразил смирение и возложил на себя всю вину такими словами: «Должно было мне и не так пострадать за грехи и беззакония мои, и за нарушения крестного целования, данного вам, моим старшим братьям и всему православному христианству, которое я губил и хотел погубить окончательно. Достоин я был смертной казни, но ты, государь мой, проявил ко мне милосердие свое, не лишил меня, отягченного грехами, жизни, но дал мне возможность покаяться в них».

И еще много говорил таких речей — их же перечислить и записать невозможно. И когда он говорил, а слезы потоками текли из его очей, то все бывшие там дивились такому смирению и благочестию. И плакали все, глядя на него. Потом князь Дмитрий устроил великий пир в честь великого князя, великой княгини и их детей. Были же тут и все епископы Русской земли, и бояре многие, и дети боярские. И честь великую оказал великому князю, и дары многие ему давал, и великой княгине, и детям их. И дал в вотчину великому князю Вологду со всеми землями, и отпустил его туда с великой княгиней и детьми.

Князь же великий, приехав в Вологду, пробыл там немного и пошел со всеми своими людьми в Кириллов монастырь, как бы для того, чтобы накормить тамошнюю братию и дать милостыню; нельзя ведь такому великому государю оставаться заточенным в столь дальней и пустой земле. Услышав об этом, бояре великого князя, и дети боярские, и многие люди побежали от князя Дмитрия и князя Ивана к великому князю. Побыв же на Белоозере, князь великий пошел прочь, и тут к нему прибыли многие люди.

Князь же великий не возвратился к Вологде, но пошел к Твери, снесясь с великим князем тверским Борисом Александровичем. Когда же он пришел в Тверь, то князь великий тверской пригласил его отдохнуть с дороги, оказал ему великую честь и дал многие дары. Тогда князь великий обручил своего старшего сына князя Ивана с дочерью великого князя Бориса Марией. Многие же бояре с многочисленными слугами перешли к великому князю в Тверь.

А когда князь Дмитрий еще только выпускал великого князя из заточения, то князь Василий Ярославич, будучи в Литве и еще не зная этого, договорился с боярами великого князя, что они, оставив жен и детей в Литовской земле, попытаются добраться до великого князя и похитить его из Углича. И установили срок, когда всем встретиться в Литовской земле в городе Пацине. И когда они еще не вышли из Литовской земли, князь Василий Ярославич пошел в Мстис-

Стрига, да Ощера, и иные многи дѣти боярские с ними, а в Дебрянцѣ князь Семен Оболенской да Басенокъ да многие же дѣти боярские с ними, и в то время прииде вѣсть князю Василию во Мстиславль, что князь велики выпущенъ, а дана ему Вологда, и пригонил Данило Башмак.* А в Дебряньскъ пригонилъ къ князю Семиону нѣкто киянинъ Полтинкою зовут, а лежалъ тотъ на Москвѣ от княгини Настасьи Олелковы* на вѣстехъ про великого же князя да из Дебряньска погонилъ к Киеву, а сказал имъ ту же вѣсть, с чѣмъ и Башъмакъ пригонилъ. Князь же Василей Ярославичь со всѣми людьми и с бояры, и женами, и с дѣтми поидоша изо Мьстиславля, а изъ Дебряньска князь Семенъ да Басенок, такоже съ всѣмъ, и снидошась в Пацинѣ.

И пригонилъ къ нимъ туто Дмитрей Ондрѣевъ, что уже князь великий пошол с Вологды къ Бѣлуозеру, да оттоле и къ Твири. Они же оттоле поидоша вси вмѣстѣ со многими людьми. Пришедшимь же имъ в Елну, и срѣтошась с ними татарове, и начаша межи собѣ стрѣлятися. По сем же татарове начаша Руси кликати: «Вы хто есть?» Они же отвещаша: «Москвичи, а идемъ со княземъ с Васильемъ Ярославичемъ искати своего государя великого князя Василья Васильевича, сказывають его выпущена. А вы кто есте?» Татарове же рекоша: «А мы пришли из черкас съ двѣма царевичи Махметевыми дѣтми, и с Касымом да съ Ягупомъ».* Слышели бо про великого князя, что братья над нимъ зраду учнили и они пошли искати князя великаго за передьнее его добро и за его хлѣбъ: «Много бо добра его до нас было». И тако сшедшеся и укрѣпившеся межю себе, поидоша вкупѣ, ищущи великого князя, како бы ему помощи.

А князь Дмитрей Шемяка и князь Иванъ Можайской еще стояли тогда на Волоцѣ.* А князь великий послалъ в ту пору к Москвѣ изгоном боярина своего Михаила Борисовича Плѣщѣева* с малыми зѣло людми, какъ мощно бы имъ проити мимо рать княжу Дмитрееву. И тако проидоша мимо всю рать, никим же видимы, и приидоша к Москвѣ в нощи противу Рожества Христова, в самую же завтреню приидоша к Никольскимъ воротомъ. А в ту пору въ град въехала к завтрени княгини Ульяна княжа Васильева Володимерича* къ празднику, и вратом отвореным бывшимъ. Они же часа того внидоша въ град. Намѣсьтник же княж Дмитреевъ Федоръ Галичский* Пречистые от завтрени убѣже. А княжа Иванова намѣстника Василья Чешиху, бѣжаща из града на кони, изнимал истобничишко великие княгини, Ростопчею звали, и приведе его к воеводамъ, и оковаша его; а прочих дѣтей боярьских, княжихъ Дмитреевых и княжихъ Ивановых, имающе, грабяху и коваху. А гражанъ приведоша к целованию за великово князя за Василья, а град начаша крѣпити.

А князь велики поиде к Волоку на Шемяку и на Можайсково со многою силою. Они же в недоумѣни бывше: се от Тфири на них князь велики идеть, а се прииде к ним вѣсть, что царевичи идут да князь Василей Ярославичь со

лавль, а с ним трое Ряполовских, да князь Иван Стрига, да Ощера, и иные многие дети боярские с ними, а в Дебрянске были князь Семен Оболенский да Басенок и также многие дети боярские; как раз в то время пришла весть к князю Василию в Мстиславль, что князь великий выпущен и дана ему Вологда. И прискакал с этой вестью Данило Башмак. В Дебрянск же прискакал к князю Симеону некий киевлянин, прозванный Полтинкой, который был послан в Москву княгиней Настасьей Олельковой для получения вестей про великого князя, а из Дебрянска поскакал к Киеву и рассказал им ту же весть, с которой примчался Башмак. Князь же Василий Ярославич со всеми людьми, и с боярами, и с женами, и детьми отправился из Мстиславля, а из Дебрянска — князь Семен и Басенок, также со всеми людьми, и сошлись они в Пацине.

И тут к ним прискакал Дмитрий Андреев с вестью, что князь великий пошел из Вологды к Белоозеру, а оттуда к Твери. Они же тогда пошли все вместе с многими людьми. Когда же они пришли в Ельню, встретились с ними татары, и началась между ними перестрелка. Потом татары стали кричать русским: «Вы кто такие?» Те же ответили: «Мы москвичи, а идем с князем Василием Ярославичем искать своего государя великого князя Василия Васильевича, говорят, что он выпущен. А вы кто такие?» Татары же сказали: «А мы пришли из черкас с двумя царевичами, сыновьями Махмета, — Касымом и Ягупом». Ибо они слышали про великого князя, что братья ему изменили, и пошли его искать, чтобы отплатить ему за оказанное им добро и угощение: «Много он сделал нам добра». И так, сойдясь и договорясь между собой, они пошли вместе, ища великого князя, чтобы ему помочь.

А князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайский тогда еще находились на Волоке. Князь же великий послал тогда тайно к Москве своего боярина Михаила Борисовича Плещеева с совсем немногими людьми, чтобы они могли пробраться мимо войска князя Дмитрия. И они прошли через все войско никем не замеченные, и пришли к Москве в ночь на Рождество Христово, подошли к Никольским воротам в самую заутреню. А в ту пору в город въехала к праздничной заутрене княгиня Ульяна, жена князя Василия Владимировича, и ворота были отворены. Они же тотчас вошли в город. Наместник же князя Дмитрия Федор Галицкий бежал с заутрени из церкви Пречистой. А наместника князя Ивана Василия Чешиху, убегавшего из города на коне, захватил истопничишка великой княгини по прозвищу Ростопча, и привел его к воеводам, и посадил его в оковы; прочих же детей боярских князя Дмитрия и князя Ивана, забирая в плен, грабили и заковывали. А горожан привели к присяге великому князю Василию и начали укреплять город.

А князь великий пошел к Волоку на Шемяку и на Можайского со многой силой. Они же были в смятении: вот от Твери на них идет князь великий, а вот к ним приходит весть, что идут царевичи и князь Василий Ярославич со многими силами, Москва уже взята и люд от них все как один бегут. И тогда побежали

многою же силою, а Москва уже взята, а от них люди одинако бѣжатъ. И тако побегоша къ Галичю, а оттолѣ на Чюхлому, и ту веземъ с собою матерь великаго князя, великую княгиню Софью, побѣже на Коргополе. А князь велики поиде за ними, а княгиню великую отпустилъ к Москвѣ, и пришед, ста под Углечемъ. Прииде же туто к нему князь Василей Ярославич да с ним бояре великого князя прежеречении; и стоявъ поду Углечем, взят его. Убиен же бысть тогда подъ градомъ литвинъ, храбрый человѣкъ Юшко Драница.

И оттоле поиде князь велики къ Ярославлю, и ту придоша к нему царевичи Касым да Ягуп. Изъ Ярославля же послалъ князь велики къ князю Дмитрею боярина своего Василья Федоровича Кутузова, прося у него матери своея, великии княгини Софѣи, глаголя ему тако: «Брате князь Дмитрей Юрьевич, коя тебѣ и хвала, что держишь у себе матерь мою, а свою тетку? Чѣм сѣмъ хощешь мнѣ мьститися? А яз уже на своемь столѣ на великом княженьи».

И отпустив же того, поиде самъ назад к Москвѣ, и прииде на Москву февраля въ 17, в Пяток сырный.

Болярин же великого князя пришед изглагола та вся князю Дмитрею, и множайша его. Князь же Дмитрей, обдумав з боляры своими, рече: «Что, брате, томити мнѣ тетку, госпожу свою великою княгиню? А сам бѣгаю, а люди себе надобныи, а уже истомленыи, а еще бы сеѣ стеречи, лучши отпустити ея ис Каргополя».

А с нею послал князь Дмитрей болярина своего Михайло Феодоровича Сабурова* да детей боярских с ним. Слышавше князь великий, что мати его отпущена, а уже близко, и поиде противу ея. И срѣтошась у Троицы в Сергиевѣ монастыри, и оттоле поиде с матерью к Переславлю, а Михайло Сабуровъ и с прочими, добил челом великому *князю*, не возвратишась к Шемякѣ, *не* осташась у великого князя служити ему.

они к Галичу, а оттуда на Чухлому и, взяв там с собой мать великого князя, великую княгиню Софью, бежали в Каргополь. А князь великий пошел за ними, великую княгиню отправив к Москве, и, придя, стал под Угличем. Туда же пришел к нему князь Василий Ярославич, а с ним уже упомянутые бояре великого князя и, осадив Углич, взяли его. Убит же был тогда под городом литовец, храбрый человек Юшко Драница.

И оттуда князь великий пошел к Ярославлю, а там к нему пришли царевичи Касым и Ягуп. Из Ярославля же послал князь великий к князю Дмитрию своего боярина Василия Федоровича Кутузова, прося у него отпустить свою мать, великую княгиню Софью, говоря ему так: «Брат мой, князь Дмитрий Юрьевич, что тебе за добро, что ты держишь у себя мою мать, а свою тетку? Чем ты мне так отомстишь? А я уже на своем престоле, на великом княжении».

И, отпустив посла, пошел сам назад к Москве, и пришел в Москву 17 февраля, в Пяток сырный.

Боярин же великого князя, придя, сказал это все князю Дмитрию, и многое сверх того. Князь же Дмитрий, посовещавшись со своими боярами, сказал: «Зачем, брат, мне томить мою тетку, госпожу великую княгиню? Сам я в бегах, люди самому надобны, а уже утомлены, и еще ее стеречь. Лучше отпустить ее из Каргополя».

А с нею князь Дмитрий послал боярина своего Михайла Федоровича Сабурова и с ним детей боярских. Князь великий, услышав, что мать его отпущена и находится уже близко, пошел навстречу ей. И встретились у Троицы в Сергиевом монастыре, и оттуда пошел он с матерью к Переяславлю, а Михаил Сабуров с прочими, бив челом великому князю, не возвратились к Шемяке, но остались у великого князя служить ему.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
ММК	— Музеи Московского Кремля
ОИДР	— Общество истории и древностей российских
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси. Двенадцать выпусков
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ФИРИ	— С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук

ХОЖДЕНИЕ СТЕФАНА НОВГОРОДЦА

Новгородец Стефан, о котором мы лишь предположительно можем сказать, что он был знатным жителем Новгорода, посетил Константинополь в 1348 или 1349 г. Его описание Константинополя представляет и литературный, и исторический интерес. Это рассказ новгородца о достопримечательностях столицы Византийской империи, центра православного христианства средневековья. Краткий, деловой рассказ Стефана передает и то, что он увидел сам, и то, что он услышал об увиденном от своих провожатых, и некоторые легендарные предания, источниками которых могли быть письменные памятники, известные Стефану. «Хождение» Стефана Новгородца обнаруживает в его авторе любознательного человека, понимающего и умеющего оценить грандиозность и красоту памятников византийской столицы. Произведение это замечательно и тем, что оно свидетельствует о возрождении в середине XIV столетия связей Руси с иными странами, связей, которые были прерваны татаро-монгольским нашествием. Рассказ Стефана донес до нас точные и яркие описания целого ряда не сохранившихся памятников Константинополя. Научное изд. см.: Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934, с. 5—82.

Текст «Хождения» публикуется по списку первой половины XVI в. — *БАН*, 16.8.13.

Стр. 30. *Царьград* — русское название Константинополя, столицы Византийской империи. Находится на европейском берегу пролива Босфор. Город основан императором Константином (отсюда его название) в 330 г. В 1204 г. Царьград был захвачен и разгромлен крестоносцами. Это событие нашло отражение в древнерусской «Повести о взятии Царьграда крестоносцами» (см. в т. 5 наст. изд.). В 1453 г. Царьград был захвачен турками и стал столицей Османской империи, получив название Стамбул. Таким образом, Стефан Новгородец описывает Царьград уже после захвата и разграбления его крестоносцами, но до разгрома турками в 1453 г.

...и идохомъ къ святѣй Софеи. — Главная святыня Константинополя — храм Святой Софии, построен в 532—537 гг.; после завоевания Царьграда турками стал мечетью Айя-София, в настоящее время — музей.

Ту стоить столпъ чюденъ... — Конная статуя императора Юстиниана. До нашего времени не сохранилась.

...цѣлующе Страсти Господни... — «Страсти Господни» — предметы, связанные с распятием Христа. В описании Константинополя неизвестного русского путешественника XIV в. приводится перечисление этих «Страстей» — «губа (губка), трость и копие». По евангельскому преданию, распятому Христу, когда он воскликнул «жажду», воины, намочив уксусом насаженную на длинную трость губку, поднесли к устам; после этого один из воинов пронзил грудь Христа копьем. Эти христианские реликвии, по-видимому, дробились на части: ниже говоря о монастыре Пантократора, Стефан сообщает, что там также имелись «Страсти Господни, на двое разделѣны» (см. стр. 34).

...протостратарь... — наименование одного из византийских придворных чинов.

Стр. 30—32. *И ту стоятъ столпове... в них же лежать мощи святых.* — В «Сказании о создании святой Софии» говорится, что «во всяком столпе» при постройке храма клались «горе же и долу (вверху и внизу) мощи святых».

Исидоръ — царьградский патриарх с 1347 по 1349 г.

...Елеоня гора... — Елеонская гора около Иерусалима. На ней Христос провел ночь перед предательством его Иудой. Судя по контексту, икона «Елеонская гора» находилась вне самого собора Софии, скорее всего, в часовне св. Николая, где действительно находился образ «Елеоня-гора».

Стр. 34. *...в том же столпѣ 12 коша укрух...* — Согласно Евангелию, Христос накормил пятью хлебами пять тысяч человек. После того как все наелись, ученики Христа собрали оставшиеся от трапезы куски хлеба и наполнили ими двенадцать корзин (Мф. 14, 19—20; Мр. 6, 41—44; 8, 19).

...близ церкви великия Ирина святая... — вторая по величине после Софии церковь Константинополя.

...в монастырь... Перечь. — Название, по-видимому, искажено, по другим источникам не известно.

Иоанн Златоуст — один из виднейших идеологов восточно-христианской церкви. В 398—404 гг. был константинопольским патриархом, умер в 407 г., находясь в ссылке в Киликии. Был причислен церковью к лику святых. В 438 г. его мощи были перенесены в Константинополь.

...в монастырь Панахрандов... — Панахрантов монастырь, на восток от Софийского собора.

...глава святаго Василиа. — Василий Великий — один из видных церковных деятелей IV в., с 370 по 379 г. был епископом Кесарии в Каппадокии. Автор целого ряда церковных сочинений.

...монастырь Пандънасу... — Монастырь Пандассы, построен в XII в.

...къ святѣй Богородици выходнѣй иконѣ... — Знаменитая в Византии и на Руси икона Одигитрии считалась написанной евангелистом Лукой. Икона была на каменной доске, окована серебром и золотом, чем объясняется ее тяжесть.

рипиды... — особые опахала, которыми обмахивают святыню.

Стр. 36. *Кандоскамия* — военная гавань Константинополя на Мраморном море.

Хозрой — персидский царь, вел войны с императором Юстинианом в 532—533 и 542—562 гг. Легенда о Хозрое в передаче Стефана объединяет легендарные предания о двух нашествиях на Константинополь — персов и руссов.

Ту жилъ Феодоръ Студискы... — Феодор Студит, идеолог монашества, с 798 по 826 г. был настоятелем Студийского монастыря; автор целого ряда церковных сочинений, в том числе особо строгого монастырского устава. Этот устав был принят на Руси Киево-Печерским монастырем и стал образцом монастырского устава и для других русских монастырей.

Иоанн Креститель — пророк, предсказавший пришествие Христа (отсюда его второе прозвище Предтеча) и крестивший в реке Иордане многих евреев, в том числе и Иисуса Христа. Жил при правителе Иудеи Ироде Антипе, был обезглавлен по наущению Иродиады, жены Ирода.

Симеон Богоприимец — согласно Евангелию от Луки иудею Симеону было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Когда родился Иисус Христос и на сороковой день был принесен в иерусалимский храм, то туда в это же время по вдохновению свыше пришел Симеон. Он взял Христа на руки, произнес молитву и пророчествовал о миссии Христа.

Стр. 38. *Григорий Богослов* — один из так называемых «отцов церкви». Став в 362 г. священником, управлял церковью в городе Назианзе (отсюда его второе прозвище — Назианзин). В 381 г. был избран константинопольским патриархом, но в том же году отказался от сана. Прославился своим красноречием. Умер около 390 г.

Андрей Критский — церковный деятель и писатель середины VII в., наиболее известен его «Великий покаянный канон».

...и печять взяхом святаго пророка Данила. — О том, что паломникам давали какие-то «печати» при посещении гроба пророка Даниила, сообщают и другие русские паломники в Константинополь. «Печать» — видимо, что-то вроде жетона или медали с изображением святого.

Иоанн Милостивый — патриарх александрийский VII в., прославился своим нищелюбием.

...на нем же Петръ плакася горко. — Иисус Христос перед тем, как он был предан Иудой и схвачен, предсказал, что все ученики отрекутся от него. Апостол Петр ответил, что он этого не сделает никогда. Христос же на это сказал ему: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Когда Христа схватили стражники, то бывшему здесь Петру три раза говорили, что он тоже был с Христом, и Петр трижды отрекся от этого. После третьего отречения запел петух, и Петр, вспомнив предсказание Христа, заплакал (Мф. 26, 34; 69—75).

Иоанн Дамаскин — церковный деятель первой половины VIII в., сириец по происхождению, бóльшую часть жизни провел в монастыре близ Иерусалима, автор многих церковных сочинений.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ НОВГОРОДСКОГО ФЕОДОРУ ТВЕРСКОМУ О РАЕ

Василий Ка́лика, архиепископ новгородский (1331—1352 гг.), — один из популярных политических и церковных деятелей средневекового Новгорода; именно он «заложил город каменный» (1331), организовывал защиту Новгорода и Пскова от шведских нападений, был инициатором строительства мостов и храмов; при нем новгородская София украшается вызолоченными медными воротами; царьградский патриарх присылает ему, первому на Руси, «крещатые ризы» и «белый клобук» — особые знаки достоинства новгородских епископов.

Послание Василия епископу Феодору Доброму (1342—1360 гг.) было написано, по-видимому, в 1347 г. (под этим годом оно помещено в новгородских летописях) по поводу споров о рае, происходивших в это время в Твери. Основной предмет спора — сохранился ли на земле рай, в котором жили Адам и Ева, — был отнюдь не схоластическим: проблема затрагивала основы средневекового христианского мировоззрения, и само возникновение спора было связано с волной антицерковного критицизма в Твери. Послание Василия — прямое вмешательство новгородского архиепископа в дела тверских «вольдумцев».

В споре Василия и Феодора произошло столкновение мистического и рационального представлений о сущности вещей; признание Феодором существования только «мысленного», «духовного» рая и отрицание рая земного, материального, было не вполне ортодоксальным и приближалось к еретическому учению о «разуме духовном» (см.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 138—149). Позиция Василия, защищавшего идею существования земного рая, была основана на легендарно-апокрифических представлениях и приближалась к наивно-«реалистическому» мировоззрению народных масс. Послание Василия — один из интереснейших образцов средневековой полемической литературы, связанной с жанром «видений» и «хождений» (см.: Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // «Труды по знаковым системам. VIII». К 70-летию акад. Д. С. Лихачева. Тарту, 1977, с. 3—27).

Текст «Послания...» издается по Софийской первой летописи (рукопись конца XV в.— *РНБ*, Q. IV, 298, лл. 437—442 об.) с дополнением окончания по Новгородской третьей летописи (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 230).

Стр. 42. *...Едем...* — Эдем, место, где, по средневековым представлениям, находился рай.

...плачася горко, въпия...насыщуся!» — В послании используется фрагмент духовного стиха «Плач Адама о рае», сохранившегося в рукописях начиная с XIV в.

Стр. 44. *...в Паремии именуются 4 рѣкы, идуть из рая — Тигр, Нил, Фисонъ, Ефраксъ...* — Паремии — выборки текста из книг Ветхого Завета, помещаемые в отдельные сборники (паремийники). Известие о реках, текущих из рая, и их названия восходят к Книге Бытия, где Нил именуется Геоном. Различные варианты этого текста используются в древних славянских описаниях земли — в «Космографиях», в «Шестодневах» и др.

Рахмане — брахманы, брамины — жители легендарной, утопической страны блаженных людей, живущих на земле без городов, без войн, болезней и распрей; рассказы о рахманах читаются в древнерусском Хронографе, «Александрии», особенно подробно — в апокрифическом «Хождении Зосимы к рахманам». Именно в «Хождении Зосимы...» рассказывается о непроходимом пути к рахманам и о великих горах около их земли (там небо смыкается с землей).

...в Прилозѣ... исцѣлениа многа быша. — Здесь Василий приводит ряд аргументов существования земного рая, равно извлекая их из памятников как канонической, так и апокрифической литературы. *...в Прилозѣ* — в Прологе; так называлась книга, содержащая сокращенные жития святых, поучения, сказания о праздниках, расположенные по дням года. *О Енохе* — ветхозаветном патриархе, который живым был взят на небо (существует апокрифическая «Книга

Еноха»), — в Прологе рассказывается под 8 ноября; *о Илье и Агапии* — в апокрифическом «Хождении Агапия в рай»; *о Макарии* — в апокрифическом «Слове о Макарии Римском»; *о Ефросине*, принесшем яблоки из рая, исцелившие многих, — под 11 сентября (ср. русскую народную сказку о молодильных яблоках).

Приидѣте ... сложениа миру ... Отъидите ... аггеломъ его. — Мф. 25, 34, 41.

Иоанн Златоустый (*Златоуст*) — см. коммент. к с. 34.

...Патрекѣй глаголеть... — Патрикий Прусский, ирландский монах (IV в.), якобы видевший место, где начинается ад — тартар («Слово Патрикия Прусского» читается в Прологе под 19 мая).

...на Дышучемь мори... — Так назывались в средневековой Руси северные моря — Белое море и Северный Ледовитый океан, куда новгородцам приходилось плавать на промысел морского зверя.

...рѣка молненая... и пакы исходить 3-жды днемь. — Послание Василия конкретизирует средневековые легенды о рае и аде. Ср. апокрифическое «Слово о всей твари»: «...за акияном же есть земля, на ней же рай и муки. Посреде же земля, на ней же тоя пропасть глубока... течеть рѣка...» (Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863, с. 350); *молненая* — в других списках «смоляная», «огненная»; в списке начала XVII в. (*РНБ*, собр. *ОЛДП*, О. 252) есть дополнение: «И от неи ключи горячие воды выходили по мѣстом» (л. 117). Сказания о реке на море встречаются также и в древнеирландских описаниях путешествий (XII в.). Возможно, в этих преданиях отразилось средневековое объяснение существования на европейском севере теплого течения Гольфстрим.

...вѣ «Блаженнѣх»... — то есть в тропарях, поющихся на литургии после евангельских чтений о райском блаженстве.

...егда же приближися... из рая... — Здесь используется рассказ апокрифического «Успения Богородицы».

Стр. 46. *...самовидець есмь сему... ни погнили.* — Василий Калика был в Иерусалиме и видел христианские святыни, места, связанные с евангельской историей Христа. Существует предположение, что перу Василия принадлежало не дошедшее до нас описание его путешествия в Константинополь (20-е гг. XIV в.), которое впоследствии было использовано новгородскими авторами для составления двух компиляций — описаний Царьграда (XIV в.).

...обрѣтеся въ Ерусалимѣ тѣло Адамле? — По преданию, голова Адама была зарыта на горе Голгофе, где впоследствии было совершено распятие Христа (об этом писали в начале XII в. и русский паломник игумен Даниил в своем «Хождении» — см. в т. 4 наст. изд.).

А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ-новгородец... — Новгородское предание, рассказанное Василием в Послании, о том, как новгородцы нашли место земного рая, отразилось в иронической пословице: «Новгородский рай нашел» (см.: Буслаев Ф. Русская хрестоматия. М., 1888, с. 167).

Юма — большая лодка. В новгородском говоре XIX в. это слово употреблялось для обозначения связки плотов для сплава бревен.

...к высокымъ горамъ. — По рассказам космографий, рай после нарушения Адамом заповеди был отделен от земли: «...а круг того рая и Едема обтекли великия пучины морския»; особую преграду на пути к раю составляли горы. Однако, здесь речь, видимо, идет о реальных горах северной Норвегии, увиденных новгородскими мореходами; по представлениям древних норвежцев, в Шемеханских горах, в Лапландии, находилось чистилище, как писал об этом С. Герберштейн, описывая свое путешествие в «Московию» (XVI в.).

...написанъ Дѣиисусъ лазоремъ чюднымъ... — Деисус (по-гречески «моление») — название центральной композиции иконостаса в православной церкви: в центре — Иисус Христос, справа и слева от него — Богородица и Иоанн Предтеча; *лазорь* — особая, очень дорогая краска ярко-голубого цвета, использовавшаяся обычно для книжных миниатюр, популярная в Новгороде XIV в.

...свѣтъ бысть многочасьтный... — то есть свет состоял из многих частей («многочасьтный» — точный перевод греч. πολυμερής — многосоставный, дробный), был многокрасочным, мерцающим; речь, по-видимому, идет о северном сиянии.

Щегла — длинное бревно с глубокими зарубками, используется как лестница, сходни.

Стр. 48. ...*Моисѣй ... на Фаворьстѣй горѣ* ... — Василий соединяет здесь несколько рассказов из Ветхого и Нового Заветов: о явлении Бога пророкам Моисею и Илье (Исх. 24, 15—16; 3 Цар. 19, 11—12) и о Преображении Христа на горе Фавор перед апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, видевшими его беседующим с Моисеем и Ильей (Мф. 17, 1—6; Лк. 9, 28—30; Мрк. 9, 2—4).

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ

«Слово о Вавилоне»... — самое раннее произведение из цикла сказаний о Вавилонском царстве, возникшее на рубеже XIV—XV вв.; цикл сказаний о Вавилонском царстве формируется с XVI в. до начала XVIII в. и широко распространяется на Руси, сохраняясь в течение пяти столетий в рукописных копиях XVI—XX вв., а также и в устной передаче в виде легенд о Федоре Бармине, устных рассказов и сказок («Вавилонское царство», О Борме Ярыжке и других).

«Слово о Вавилоне» является центральным звеном в цикле и претерпевает в течение веков значительные преобразования. Публикуемый текст «Слова о Вавилоне» представлен древнейшим списком конца XV в.; он выдержан в жанре «слов» и следует композиции посольского церемониала. «Слово о Вавилоне» повествует о легендарном посольстве греческого царя «Левкия» («Леукия», «Улевуя»), именуемого во святом крещении Василием, за «знамением» к трем вавилонским отрокам Анании, Азарии и Мисаилу (см. коммент. ниже). Ведомые гласом свыше из церкви, от гробов трех вавилонских отроков, к царским палатам, посланцы греческого царя обретают там регалии первых царей вселенной — царские венцы Навуходоносора и его царицы с сопроводительной грамотой к ним на греческом языке.

Следуя данному обещанию, греческий царь, увенчанный вавилонскими царскими венцами, остается верным Иерусалиму, являющемуся символом чистоты христианской церкви, и становится поборником «рода христианского»: он внимает мудрому совету критского царя Давида вместо похода в Индию пойти против «врагов иноверных» в северные страны на защиту «рода христианского».

В основу памятника, как установлено академиком А. Н. Веселовским, положена устная византийская легенда о византийском императоре Льве VI Премудром (Философе) (886—911 гг.), известная на Руси уже в начале XIII в. в записи новгородского путешественника Антония (в миру Добрыни Ядрейковича); Антоний слышал ее в Константинопольском Софийском соборе, где находился портрет-икона императора. Опираясь на эти сведения, русский автор создает свою версию легенды о посольстве некоего «греческого» царя «Левкия»-«Василия» в Вавилон и посланцами его делает представителей трех православных стран: русского, грека и «обежанина» (из Абхазии—Грузии—Иверии), которые только все вместе, втроем, могут прочесть на вавилонской лестнице ту надпись на трех языках, которая указывает путь к «знамению».

Отсутствие среди участников легендарного посольства представителей тех христианских стран, которые были уже покорены Турцией (Сербии, павшей в 1389 г., и Болгарии — в 1393 г.), и ряд других соображений позволяют предположительно датировать время создания памятника последним десятилетием XIV—первыми десятилетиями XV в. (до заключения в 1439 г. Флорентийской унии, когда византийские императоры под натиском Турции вступили в союз с католическим Римом). По своей идейной направленности и поэтическим особенностям этот памятник ближе всего кругу митрополита Киприана, активно ратовавшего в ту пору за создание антитурецкого союза во главе с Византией.

Интерес к сказаниям о Вавилонском царстве в последующие века был обусловлен не только сюжетной занимательностью, но и тем, что произведения этого цикла касались вопросов происхождения царской власти и законности наследования царских регалий.

Цикл сказаний о Вавилонском царстве формируется из легендарных повествований о вавилонских царях, о Навуходоносоре и его сыне «Василии Навуходоносоровиче», об Артаксерксе, Нимвроде и Иоанне; произведения этого цикла воссоздают легендарную генеалогию первых царей

вселенной, рассказывают притчи о рождении царя Навуходоносора, о происхождении его имени, об избрании на царство и о женитьбе, его сыне, о строительстве града Вавилона, о создании вокруг Вавилона городского вала в виде огромного глиняного змия и об изображении на всех вещах змеиных знаков — «печати», о причинах запустения Вавилона, в котором ожившие змеи поедают жителей всех до единого и последним — царя Навуходоносора: от великой династии вавилонских царей остаются только царские венцы. В поздних сказаниях о Вавилонском царстве, возникших в годы крестьянских войн начала XVII в., «Смуты» и утверждения на царство династии Романовых, рассказывается о том, как византийский царь дарит добытые в Вавилоне царские регалии (в числе которых оказывается уже и «шапочка Мономаха») великому киевскому князю Владимиру Мономаху. Это идейно сближает цикл сказаний о Вавилонском царстве со Сказанием о князьях владимирских, но не дает оснований для сближения цикла сказаний и «Слова о Вавилоне» с идеей «Москва — третий Рим».

Текст «Слова о Вавилоне» публикуется по рукописи — *ГИМ*. Музейное собрание, № 2952 (кон. XV в.).

Стр. 50. *Слово о Вавилонѣ, о 3 отрокъ.* — Согласно Библии (Дан. 3) три отрока: Анания, Азария и Мисаил — во время пленения Иерусалима Навуходоносором были отправлены им в Вавилон, в халдейскую школу; за отказ поклоняться языческому идолу были брошены в горящую печь, но остались невредимы. Вавилон в данном памятнике, изображенный как царство змей, является символом враждебных языческих сил, а три вавилонских отрока символизируют вечное, неистребимое христианское начало.

Послание от Леукия царя, а во крещеньи нареченаго Василия... — Под таким двойным именем фигурирует в русском варианте легенды обобщенный образ византийского императора (это не только Лев VI Философ устной византийской легенды), его второе имя «Василий» (базилевс) с греческого — «царь», «государь», — по замыслу автора, должно было воплощать представление об идеальном византийском императоре, как истом поборнике православной веры.

...из Безъ обяжанина... — Термин «Без», «Обез» в русской исторической литературе вплоть до XVI в. был основным словом, обозначающим Грузию.

Стр. 52. *Мы же...* — Для впечатления достоверности изложение иногда ведется от лица очевидцев.

...царя Навходоносора — Вавилонский царь Навуходоносор II (605—562 гг. до н. э.) дважды пленял Иерусалим, уводя его жителей в Вавилонию. При нем велось большое строительство, был возведен новый царский дворец, а Вавилон превращен в неприступную крепость.

...створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмстѣй. — Идол, поставленный Навуходоносором на левом берегу р. Тигр, на равнине Деире (поле Дирелмесском, Деирасте) (Дан. 3.1).

...и царѣцѣ блаженнии Александрѣ... — Под пером автора русской версии легенды, соправитель Льва VI Философа, его брат Александр, превращается в соправительницу — царицу; оба византийских императора были родом из армян.

...Сынъ жѣ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенъся съ 15 степени и полетѣ долу... — Русский автор обыгрывает одно из значений имени Яков — «запинатель».

Стр. 54. *...и на царицю на Александрѣю, родомъ арменина наречеся.* — См. коммент. к с. 52.

...по 3 перпера злата. — Испр., в рукописи: верапра; перпер — название византийской золотой монеты времен крестовых походов.

...Давидъ же, царь критьскый... — Критскому царю дано имя мудрого библейского царя.

СКАЗАНИЕ О ДОВМОНТЕ

Довмонт (христианское имя — Тимофей) — псковский князь, который за свое тридцатитрехлетнее княжение (1266—1299 гг.) одержал ряд крупных побед над Литвою, ливонскими рыцарями, чудью. Литовец по происхождению, Довмонт сумел снискать любовь псковичей, избрав-

ших его, а не князя из рода Рюриковичей, своим князем, и оправдал их доверие. Его княжение было отмечено не только воинскими подвигами в защиту Пскова и его земель, но и деятельностью по строительству и укреплению города. В конце XIII в. Довмонт воздвиг южную стену псковского кремля, которая зовется Довмонтовой, а территория, защищенная ею, Довмонтовым городом. В устных преданиях о любимом князе опускались исторические детали. Довмонт наделялся легендарными героическими чертами, его образ приобретал черты идеального князя-воина, защитника Пскова. Вскоре после кончины Довмонта псковичи начали его чтить как местного святого, покровителя Пскова.

Местные рассказы и краткие летописные заметки, а также литературные источники (Особая редакция «Жития Александра Невского», «Житие Владимира Святославича») послужили основными материалами для автора «Сказания о Довмонте». Оно было составлено во Пскове во второй четверти XIV в. и дошло до нас в составе трех псковских летописей.

Характерные особенности псковского летописного стиля — лаконизм изложения, пословичность, тяготение к местному просторечию — нашли отражение и в «Сказании о Довмонте». Оно повествует исключительно о военных победах Довмонта, сжато и живо рисуя столкновения с Литвою и ливонскими рыцарями. Традиционная образная фразеология воинских повестей, народная речь в сочетании с агиографическими параллелями придают «Сказанию о Довмонте» характер светской биографии князя.

Ближе всего к первоначальной редакции «Сказания о Довмонте» текст, читающийся в Псковской первой летописи; однако ни в одном из ее списков «Сказание» не сохранилось в полном виде. Поэтому «Сказание о Довмонте» публикуется в редакции Псковской третьей летописи (список *РНБ*, собр. Погодина, № 1413, XVI в.), которая не содержит больших изменений первоначального текста. В публикуемом тексте опускаются некоторые даты, внесенные в него в более позднее время. Название «Сказание о благовѣрнемь князи Довмонтѣ и о храбрости его» заимствовано из Псковской второй летописи (*ГИМ*, Синодальное собр., № 154, XV в.), так как ни в одном другом списке этого произведения, в том числе и в списке, взятом для публикации, его нет.

Стр. 56. *Побишася литва межи собою...* — Имеется в виду междоусобная война в Литве после убийства великого литовского князя Миндовга (1263).

Плѣсков, Плесков, Плъсков — подобное написание названия города встречается в некоторых рукописях XV—XVI вв.

Си бысть князь Домонт от племени литовского... — О жизни Довмонта в Литве сохранились весьма противоречивые сведения. Согласно одним источникам, Довмонт был князем нальшанским, участвовал в убийстве Миндовга и бежал после этого во Псков, преследуемый сыном убитого князя. Другие источники, более поздние, называют Довмонта сыном Миндовга, его побег во Псков объясняют гонениями на сторонников Миндовга и желанием Довмонта принять христианство.

...имѣа ко идоломъ служение... — Литовцы только с середины XIII в. начали принимать христианство (в его католической форме); до этого «поклонялись идолам», то есть были язычниками.

...въ святѣй Троици... — Троицкий собор в кремле, главный псковский храм, патрональная святыня Пскова (XII в.). Значение Троицкого собора в жизни древнего Пскова огромно — он был центром политической и духовной жизни. Здесь хранились важные документы, печати, казна, велось псковское летописание.«Святая Троица», «дом святой Троицы» были символами Пскова и постоянно употреблялись в псковской литературе как синонимы Пскова.

Девяносто — народный счет дружины, отряд в девяносто человек.

Гердень — литовский князь, бывший, по-видимому, в числе врагов Довмонта. Более поздние источники, которые называют Довмонта сыном Миндовга, считают Герденя убийцей великого литовского князя. Жена князя Герденя Евпраксия была родной теткой Довмонта.

Стр. 58. *Тогда же бѣ приспѣлъ день... воеводы... Леонтиа...* — Битва с литовцами состоялась 18 июня 1266 г., в день памяти святого Леонтия.

Всеволод — князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха, был псковским князем в 1137—1138 гг., псковичи пригласили его на княжение вопреки воле Новгорода. Считается

основателем Троицкого храма, куда в 1129 г. были перенесены его мощи. С этого времени он почитается как местный святой (общерусское почитание установлено после собора 1547 г.), защитник и покровитель города Пскова.

...великий князь Дмитрий Олександровичь съ зятемъ своимъ с Домонтомъ... — Дмитрий Александрович, сын Александра Невского, был великим князем с 1276 по 1294 г. Довмонт был женат на дочери Дмитрия Александровича Марии. Но женитьба состоялась, по-видимому, позже, уже после Раковорского похода.

Раковор (*Везенберг*) — крепость на территории, населенной эстами, современный г. Раквере в Эстонии.

...и бысть сѣча велика... — Раковорская битва с ливонскими рыцарями («с погаными немцами») состоялась 18 февраля 1268 г.

...и помощию святыа Софиа... — Собор святой Софии в новгородском кремле, патрональная святыня Новгорода (XI в.).

Суббота сыропустная — суббота накануне Великого поста.

Вируяне — население земель, расположенных у Раковора.

Поморье — часть южного побережья Балтийского моря, северо-западнее Раковора.

...поганое латины... — Латинянами называли сторонников католицизма, в данном случае — ливонских рыцарей. Термин «поганый» в древнерусских текстах не имел современного эмоционального оттенка, а означал — «иноверец», человек не православного вероисповедания.

Насад — вид речного судна.

Мироповна (*Мирополье*) — река, впадающая в Чудское озеро.

Стр. 60. *Георгий* — христианский мученик (IV в.), особо почитаемый на Руси, считающийся покровителем русских воинов. День памяти — 23 апреля.

...местеръ земля Ризскиа... — Магистр Ливонского ордена Оттон фон Луттерберг (1267—1271 гг.), возглавлял поход ливонцев на Псков весной-летом 1269 г.

«Господи Боже силъ... да не опустиеть пажить овць твоих». — Молитва Довмонта соткана из образов и выражений Псалтыри и других книг Библии. Ср.: Пс. 78, 13; 146, 6; Притч. 3, 34 и др.

...игуменъ Сидоръ... — В некоторых редакциях «Сказания» уточняется, что Исидор был игуменом Спасо-Мирожского монастыря, основанного в XIII в. близ Пскова, на левом берегу реки Великой, при впадении в нее реки Мирожи.

Учан — лодка, речное судно.

...Василей, игуменъ святого Спаса... — Игумен Спасо-Мирожского монастыря.

...Иасаф, игуменъ святѣй Богородици Снятной горѣ... — Снетогорский монастырь Рождества Богородицы, основанный в XIII в., находится на берегу реки Великой в трех километрах от Пскова.

Иван Дорогомилович — по-видимому, новгородский посадник.

...у святого Петра и Павла на брезѣ... — Имеется в виду церковь св. Петра и Павла, которая стояла, как считают, на берегу реки Псковы.

...раниша самого мендѣря... — Так в этом списке передается одно из высших званий в средневековых рыцарских орденах — командор. В других списках более точно — «кумендер».

...Вельневици... Вельневичане — жители ливонского города Феллина (Велиад, Вельяд, Вельян, Велиан).

Стр. 60—62. *...великому князю Андрѣеви...* — Андрей Александрович, сын Александра Невского, князь городецкий, костромской (с 1276 г.), в 1281 г. получил ярлык на великое княжение, боролся за великокняжеский стол с братом Дмитрием Александровичем, окончательно утвердился на великокняжеском столе после его смерти в 1294 г.; умер в 1304 г.

Стр. 62. *Якоже рече Исайя пророк: «Князь благъ... показуеть милость свою на мирѣ».* — Ветхозаветный пророк, автор библейской Книги пророка Исайи. Рассуждения о благом князе не находят точного соответствия в его книге. Весь этот фрагмент не принадлежит автору «Сказания о Довмонте», он является переложением похвалы Александру Невскому из Особой редакции его Жития.

Акрит — герой «Девгениева деяния», византийской повести о подвигах богатыря Дигениса, прозванного Акритом (см. в т. 3 наст. изд.). Акриты — воины, несшие службу на границе.

...великий князь Александръ... — Александр Невский.

То единаго ли ради Езекѣя... Синахиримля, царя Асурска. — Езекия — иудейский царь, известный своим благочестием, стремившийся вернуть иудеев к вере их отцов. Во время осады Иерусалима Сеннахиримом, ассирийским царем, Езекия воззвал к Господу, и тот через пророка Исайю возвестил ему, что город будет спасен (см: 4 Цар. 19).

РУКОПИСАНИЕ МАГНУША

«Рукописание Магнуша» — публицистическое сочинение, предостерегающее северных соседей Руси — шведов и норвежцев — от войны с Русским государством, было создано, по-видимому, в Новгороде в конце XIV—начале XV в. «Рукописание...» представляет собой вымышленное завещание Магнуса Эриксона, короля Швеции (1319—1363 гг.) и Норвегии (1319—1355 гг.), поход которого на новгородские земли в 1348 г. кончился полным разгромом шведского войска. Первую половину текста составляют сообщения о шведских походах на Русь и о победах Руси, начиная со времен ярла Биргера и Александра Невского (по стилю эта часть очень близка кратким записям русских летописцев). Вторая половина текста содержит полулегендарный рассказ о походе Магнуса на Русь в 1348 г. и о злоключениях его после поражения. Этот поход на Русь был весьма заметным событием в истории Швеции; шведская рифмованная хроника XV в. посвящает ему специальный рассказ, в котором неудача военного мероприятия Магнуса объясняется его союзом с немцами и непослушанием деве Марии (см.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. М., 1978, с. 124—127).

Автобиографическая форма жанра «рукописания» используется в этом повествовании с явно публицистической целью: самохарактеристика Магнуса и его самоосуждение, покаяние должны усилить мотив неизбежности возмездия завоевателю, нарушившему «вечный мир» с Русской землей, показать неустанную и победоносную оборону Руси ее князьями, посадниками, воинами. Эта публицистическая разработка темы вражеского нашествия и защиты Руси сближает «Рукописание Магнуша» с другими памятниками начала XV в. общерусской тематики — «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище» (общими для этих произведений являются также темы Божественного покровительства Руси и «безумия» или «высокоумия» ее врагов). Наряду с данными, почерпнутыми из летописей, «Рукописание...» содержит исторические сведения, отсутствующие в русских письменных источниках: автор «Рукописания...» знает об эпидемии черной оспы в Швеции, случившейся вскоре после похода Магнуса (1349), о междоусобной борьбе шведских феодалов и о свержении Магнуса с престола (1363), о поездке его с сыном Хаконом, норвежским королем, в Норвегию, о кораблекрушении, в которое он попал. С точки зрения И. П. Шаскольского, источником этих сведений (не всегда точных) могли быть рассказы шведских купцов, живших в Новгороде на Готском дворе (Шаскольский И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь // Известия АН СССР, серия истории и философии, т. VIII, № 3, 1951. С. 275).

«Рукописание Магнуша», описывающее одну из крупных военных побед Новгородской республики,защищавшей северо-западные рубежи Русской земли, пользовалось большой популярностью (особенно — в новгородской литературной традиции), неоднократно включалось в летописи, сопровождалось миниатюрами.

В настоящем издании текст печатается по Софийской первой летописи (*ПСРЛ*, т. V, СПб., 1851) по древнейшему ее списку (до 1481 г.) — (*РГАДА*, ф. 135, собр. Оболенского, отд.5, рубр. 2, № 3, лл. 368—369 об.) с необходимыми исправлениями.

Стр. 64. *Первие сего подьялъся местерь Бельгерь... — Бельгерь* — искаженное Биргер (из знатного рода Фолькунгов, ум. в 1266 г.) — руководитель внешней и внутренней политики

Швеции в середине XIII в.; ярл (герцог) с 1248 г.; положил начало активной завоевательной политике Швеции в отношении финских, карельских и русских земель; в 1240 г. возглавлял шведские войска, вторгшиеся в пределы Руси.

...князь великий Александръ Ярославич на Ижерѣ-рѣцѣ... — Новгородский (с 1236 г.), а затем и великий князь владимирский (1252—1263 гг.) Александр Ярославич Невский (1220—1263) разбил шведов на левом берегу реки Ижоры (приток Невы) 15 июля 1240 г.

...брат мой Маскалка, вшедъ в Неву, городъ постави на Охтѣ-рѣцѣ... — Речь идет о походе 1300 г. шведского маршала Торгильса Кнутсона и основании им крепости Ландскрона в устье Невы при впадении в нее реки Большая Охта. Почетное придворное звание марскалка, заменившее в XIV в. старинное скандинавское ярла, было принято в Новгородской первой летописи, послужившей источником некоторых сведений «Рукописания...», за личное имя «Маскалка» (под 1300 г.). «Братом» Магнуса он назван либо в переносном смысле, либо в результате ошибочного отождествления Магнуса Эриксона с другим королем Магнусом — с его дедом Магнусом Ладулосом, после смерти которого (1290) влиятельный политический и военный деятель маршал Торгильс Кнутсон правил Швецией как регент (до 1303 г.).

...великий князь Андрѣй Александрович, город взя... — Андрей Александрович, сын Александра Невского (см. о нем коммент. к с. 60—62) «побил шведов» и взял крепость Ландскрона в 1301 г. (подробный рассказ о штурме крепости сохранился в шведской хронике, так называемой хронике Эрика; см. русский перевод в книге Е. А. Рыдзевской, с. 114—119).

...розмирие с Русью... — началось с 80-х гг. XIII в., когда участились нападения шведов на Русь.

...с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ взяли есмя миръ вѣчный... — Имеется в виду Ореховецкий договор Новгорода со Швецией 1323 г., определивший границы владений и закрепивший их специальными грамотами. Юрий Данилович (1281—1325), внук Александра Невского, князь московский (с 1303 г.) и великий князь владимирский (с 1318 г.). В берестяных грамотах XIV в. часто упоминается «старая межа» князя Юрия. Условия Ореховецкого договора дважды подтверждались в XIV в. — в 1339 и 1351 гг.

И потом за 30 лѣт... — Дается приблизительный счет лет от года заключения «вечного мира» (1323) до похода Магнуса (1348).

Орѣховъ, Ореховец — русская крепость на Неве, около Ладожского озера (Орешек, Шлиссельбург, совр. Петрокрепость); *Копорье* — русская крепость; *Нерова* — река Нарова — Нарва.

И пошелъ есмь в землю свою съ останкомъ рати. — Шведская рифмованная хроника XV в. сообщает, что Магнус чуть не попал в плен близ реки «Ловки» (Луги?); Луга — река в Ленинградской области, впадающая в Финский залив.

Стр. 66. *...сынъ мой Сакунъ из Мурманьской земли...* — Хакон (Гакон) VI Магнусон, король Норвегии (1355—1380 гг.), младший сын Магнуса. Магнус умер в Норвегии в 1374 г.

...и с торцнемъ... — обозначение деревянной части корабля, точное значение слова не найдено (торец?).

...в Полную рѣку... — Неясно, является слово «Полная» названием реки или ее характеристикой. На карте Антония Вида — И. В. Ляцкого (1542—1555) обозначена река Полна, впадающая в Балтийское море севернее Невы. (См.: Рыбаков Б. А. Географические знания // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977, с. 233; может быть, это Вуокса?).

...и в скыму. — Пострижение в схиму влекло еще большее ужесточение условий монашеского обета, в частности, для схимников обязательным был «затвор» (одиночество в монастырской келье или пещере).

ЖИТИЕ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО

Житие Михаила Ярославича Тверского занимает свое особое место в истории древней русской литературы. Вполне традиционное по форме, оно встает в ряд известных с самого раннего времени развития русской литературы житий-«убиений», начинаемый житием первых русских святых Бориса и Глеба. Помимо определяющих эту группу памятников особенностей сюжетно-композиционного плана (особое развитие получает сцена гибели героя, при этом его жизнь либо не описывается вовсе, либо представляется крайне обобщенно и схематично) для произведений такого рода характерно, как правило, наличие четко сформулированной политической и связанной с ней религиозной идей. В памятниках, посвященных Борису и Глебу, это идеи престолонаследия и старшинства в княжеском роде, соединенные с идеей непротивления, а за всем этим стоит мысль о защите Руси от раздоров и усобиц, от княжеских распрей и войн. В Сказании об убиении Михаила Черниговского идея сопротивления татаро-монгольскому нашествию тесно связана с мыслью о страдании «за Христа и за веру христианскую». В Житии Михаила Ярославича Тверского лейтмотивом проходит евангельская идея «положить душу свою за други своя», и эта идея получает свое осмысление не только в религиозном плане, но и в плане политическом. Мысль о борьбе с татарами как борьбе за каждого отдельного христианина и за весь христианский род определяет высокий гуманистический пафос этого жития.

При всей своей традиционности это житие отражает новые явления в русской истории, в истории русской культуры. В этом произведении, в одном из первых, получила свое оформление мысль о противостоянии, соперничестве двух новых политических и культурных центров — Москвы и Твери, отразившаяся впоследствии в памятниках разных жанров и разного времени, вплоть до XVII в.

Житие Михаила Ярославича Тверского, скорее всего, было написано «вскоре после похорон Михаила, в конце 1319-го—начале 1320-го г.» (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974, с. 234). Наиболее вероятно, что его автор — игумен Тверского Отроча монастыря Александр, сопровождавший князя во время его поездки в Орду и бывший его духовником.

Житие Михаила Ярославича пользовалось на Руси огромной популярностью и сохранилось в большом количестве списков. Житие неоднократно перерабатывалось, создавались его новые редакции, в том числе и в составе летописей. Как показал В. А. Кучкин, наиболее близка первоначальному тексту Пространная нелетописная редакция. Мы публикуем текст этой редакции по списку конца XVI—начала XVII в. из собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева *ИРЛИ РАН*, колл. М. Ф. Першина, № 7, лл. 505 об.—530 об. с поправками по смыслу.

Стр. 68. *В лето 6800.* — Дата 6800 (1292) г., читающаяся в ряде списков Пространной редакции, не имеет никакого отношения ни к описываемым событиям, ни тем более ко времени создания текста. В двух списках этой редакции читается дата 6826 (1318) г.

Михаил Ярославич (1271—1318) — великий князь тверской (где-то с 1282—1285 гг.), великий князь владимирский (1305—1317 гг.).

«Аще кто положит... въ царствии небеснем». — Ср. Иоан. 15. 13.

Стр. 70. *Убояхся оного раба... сътворили сторицею.* — См: Мф. 25. 14—28.

В последняя бо лета... на небеса. — См: Мф. 1. 18—25, 26. 47—27. 50, 28. 1—8; Мк. 14. 43—15. 37, 16. 1—8, 16, 19; Лк. 2. 4—7, 22. 47—23. 46, 24. 1—9, 24. 51; Иоан. 18. 1—19, 30, 20. 1—18.

В день пятдесятный посла Господь нашъ Богъ Духъ свой на апостолы... — См.: Деян. 2. 1—4.

...приведе великого князя Владимера... землю русскую въ крещение. — Владимир Святославич (ум. в 1015 г.) — великий князь киевский, в 988 г. принявший крещение, а затем (в 988 или 990 г.) объявивший христианство государственной религией Руси.

...преда нас в руцѣ измаилтяном. — Измаильтяне — потомки Измаила, 12 сыновей которого стали князьями племен измаильских; народ, над которым исполнилось пророчество (см.:

Быт. 16. 11—12, 17. 20, 21. 18, 25. 16—18). На Руси измаильтянами могли называть язычников, идолопоклонников или чаще мусульман. Именование измаильтянами татар традиционно для древнерусских памятников.

...въ Орду къ цареви... — Царем именуется ордынский хан, что традиционно для литературных памятников периода татаро-монгольского нашествия.

По великомъ жестоком пленении русстемъ минувшимъ лет 34. — Судя по всему, отсчет годов ведется от нашествия татар в 1237 г. до рождения Михаила Ярославича в 1271 г.

...великий князь Михайло бысть сынъ... великие княгини Ксении... — Ярослав Ярославич (вторая половина 20-х—начало 30-х гг. XIII в. — 1271) — отец Михаила Ярославича, великий князь тверской (после 1255 г.), великий князь владимирский (с 1263 г.). Ярослав Всеволодич (1190—1245) — отец Ярослава Ярославича, сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь владимирский (с 1238 г.). Ксения (ум. в 1312 г.) — вторая жена Ярослава Ярославича, дочь новгородского боярина Юрия Михайловича.

Стр. 72. *...преставися великий князь Андрѣй...* — Андрей Александрович — князь городецкий и костромской, великий князь владимирский (с 1294 г.), сын Александра Ярославича Невского, двоюродный брат Михаила Ярославича, умер в 1304 г.

...благослови его на свой стол... степени великого княжения. — Михаил Ярославич имел преимущественные права на владимирский великокняжеский стол, так как был внуком Ярослава Всеволодича (см. выше), а претендовавший на это же княжение Юрий Данилович Московский (см. далее) лишь его правнуком.

И пойде въ Орду къ царю... — Поход Михаила Ярославича относится к 1304—1305 гг. Ханом в то время был сын Менгу-Тимура Тохта.

...сыновецъ его князь Юрий... — двоюродный племянник Михаила Ярославича Юрий Данилович (ум. в 1325 г.), князь московский, великий князь владимирский (с 1315 г.).

...митрополит Максимъ всея Руси... — Максим — митрополит киевский и всея Руси, грек, прибыл в 1283 г., умер в 1305 г.

«Аще обратитеся ко мнѣ... покажню вас». — Ср.: Иер. 25. 5—29, 35. 15, 35. 17.

...сѣде ин царь, именем Озбякъ. — В 1313 г. хан Тохта умер, ханский престол занял его племянник Узбек.

...мерьскую вѣру срацинскую... — Сарацины — один из народов, живших на территории Аравии. Первоначально сарацинами называли кочующие разбойничьи племена, в средние века христианские писатели называли сарацинами арабов, а впоследствии — мусульман.

«Предасть ны в руцѣ... паче всея земля». — Дан. 3. 32.

Егда бо Господь Титу предасть Иерусалимъ... за людская прегрешения. — Пленение Иерусалима войсками римского военачальника (впоследствии императора) Тита (70 г. н. э.) описано в кн. 5 и 6 «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, которая была переведена на древнерусский язык не позднее XI в. Идея «казни» Иерусалима не оригинальна для Жития Михаила Ярославича, она присутствует уже в «Истории иудейской войны»: «Тогда будеть взятъ Иерусалимъ град, и святаа пожжется, егда усобица будеть на градѣ и своими рукама осквернять олтарь божии» (Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 341). *Фока* — византийский император (602—610 гг.), известный своими жестокостями. Рассказы о его правлении читаются в составе различных хроник и хронографов.

...треклятаго Кавгадый. — Один из представителей золотоордынской знати, военачальник, ханский посол.

Стр. 76. *«Падетъ от страны твоея... на руках возмут тя».* — Пс. 90.7, 90.10—12.

сына своего Костяньтина... — Константин (1306—1346) — третий сын Михаила Ярославича, великий князь тверской (с 1339 г.).

...у епископа своего Варсунофия... — Варсонофий — епископ тверской (1315—1328 гг.).

...игумена Иванна... на рецѣ на Нерли... — Точных сведений об игумене Иване мы не имеем. По предположению В. А. Кучкина, это Иван Царегородец, игумен тверского монастыря св. Федора Тирона и Федора Стратилата, который провожал Михаила Ярославича до Нерли Волжской. На Нерли Волжской монастырей не было.

...благородная его княгини Анна и сынъ его Василий... — Анна (ум. в 1368 г.) — святая благоверная княгиня Анна Кашинская, дочь ростовского князя Димитрия Борисовича. Василий (1309—1368) — младший, четвертый сын Михаила Ярославича, великий князь тверской (1348—1365 гг.), в последние годы князь кашинский.

Стр. 78. *Помянулъ бо бяше... мученика Дмитрея... с ними спасенъ буду...* — Димитрий Солунский — святой великомученик, пострадавший во времена императора Диоклетиана, воин, правитель Солуни. Приведенный эпизод имеет своим источником широко распространенное на Руси Житие Димитрия.

Се бо умякнуша... ны быша и стрѣлы... — Ср. Пс. 54. 22.

«Поставлю властеля, ругателя ихъ и судию, немилующа ихъ». — Ср. Ис. 3. 1—4. Цитата далеко не точная, смысл библейской фразы несколько изменен. Возможно, в Житие Михаила Ярославича Тверского она попала не непосредственно из Книги пророка Исайи, а через другой текст, например, летописную повесть об убиении Бориса и Глеба (см. наст. изд., т. 1, с. 184).

...княгиню Юрьеву повелѣлъ еси уморити... — Женой Юрия Даниловича Московского была сестра хана Узбека Кончака (в крещении Агафья), умерла в 1318 г. в Твери, в плену у Михаила Ярославича; был слух, что ее отравили.

Стр. 80. *...«уши имуть... и не видят».* — Ср. Пс. 113. 13—14.

...от седми князей седмь сторожей... — Ср. Есф. 1. 10—2.9.

...отца его духовнаго Александра игумена... — Игумен Тверского Отроча монастыря, предполагаемый автор жития.

«Господи, услыши молитву мою... дние мои»... — Пс. 101. 1—4.

«Спаси мя, Боже... досажающи ми бес правды». — Ср. Пс. 68. 2—3, 68. 5.

Стр. 80—82. *«Господи, не отврати лица... и ярость гнѣва твоего да иметъ я».* — Ср. Пс. 68. 18—21, 68. 25.

Стр. 82. *Почто ся хвалиши... от земля живыхъ.* — Ср. Пс. 51. 3—7.

«Но въскую, Боже, прискорбна... спасение лицу моему Бог мой». — Ср. Пс. 41. 6, 41. 12.

...яко годѣ Господеви... от нынѣ и до вѣка. — Ср. Иов. 1. 21.

Стр. 84. *...«позору быхомъ аггеломъ и человѣкомъ, и вси видящеи мя покиваша главами своими»...* — Ср. Пс. 21. 7—8.

«Уповаша на Господа... от сесцю матере моея». — Ср. Пс. 21. 9—10.

...близ вратъ желѣзных... — Дарьяльский перевал. Возможны другие варианты — см., напр., коммент. к с. 110, 230.

«Съхрани мя, Господи, яко на тя уповах». — Пс. 15. 1.

«Господь пасетъ мя, ничтоже мя лишит». — Пс. 22. 1.

...«Вѣровах, тѣм же и възглаголахъ». — Пс. 115. 1.

«Внуши, Боже, молитву мою... враждоваху мнѣ». — Ср. Пс. 54. 2—4.

«Сердце мое смутися въ мнѣ, и страхъ смерти нападе на мя». — Пс. 54. 5.

...«възверзи на Господа... смятения праведнику». — Ср. Пс. 54. 23.

«Кто дасть ми крилѣ... спасающаго мя». — Ср. Пс. 54. 7—9.

Стр. 86. *«Аще бы ми врагъ... уповаю на тя».* — Ср. Пс. 54. 13, 54. 20, 54. 24.

...з Борисом и Глѣбом... — Сыновья великого киевского князя Владимира Святославича, убитые в 1015 г. по приказу своего старшего брата Святополка, первые русские святые.

...с Михайлом с Черниговьским. — Михаил Всеволодич (80—90-е гг. XII в.—1246) — великий князь черниговский (1224—1234 гг.), убитый в Орде, почитавшийся на Руси как мученик, погибший за христианскую веру (Сказание об убиении в Орде князя Черниговского... см. в т. 5 наст. изд.).

Котыга — верхняя одежда типа накидки, плаща или рубашка.

Кыпт — варианты др. списков: якыпт, апокит, апокыт, набкит, абъкит. Значение слова не зафиксировано др. источниками. Судя по всему, в данном случае имеется в виду плащ из войлока (подробнее см.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском, с. 214).

Стр. 88. *...съхранит бо Господь... смерть же грѣшником люта.* — Ср. Пс. 33. 21—22.

Стр. 90. *...въ церкви всемилостиваго Спаса в монастыри.* — Монастырь Спаса на Бору в Московском Кремле.

...князь Дмитрей брата своего Александра... — Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1299—1326) — старший сын Михаила Ярославича, великий князь тверской (с 1319 г.), 21 ноября 1324 г. убил в Орде Юрия Даниловича Московского и 15 сентября 1325 г. был казнен ханом за самоуправство. Александр (1301—1339) — второй сын Михаила Ярославича, великий князь владимирский (1325—1327), после набега Чол-хана (Шевкала) бежал в Литву, с 1337 г. великий князь тверской, казнен в Орде.

Насад — тип речного судна.

...въ церкви святаго Спаса... — Спасо-Преображенский собор, главный храм Твери, построенный по повелению Михаила Ярославича и его матери великой княгини Ксении.

Симеон — епископ тверской, умер в 1289 г.

княже... — Конец рукописи (один лист) утрачен.

ПОВЕСТЬ О ШЕВКАЛЕ

Летописная повесть о тверском восстании против ханского наместника Шевкала (Щелкана, Чол-хана) помещена в летописях, отражающих тверское летописание XIV в. — в Рогожском летописце и Тверском сборнике, под 6834 (1326) годом (*ПСРЛ*, т. XV. М., 1965), а также (в сокращенном виде) во фрагменте тверской летописи за 1314—1344 гг. («Археографический ежегодник за 1957 г.». М., 1958, с. 30—40).

Рассказ 6834 года неоднороден. Его вторая часть — описание восстания 15 августа — имеет черты современной записи, первая же часть обнаруживает ряд этикетных черт, характерных для агиографической литературы.

В отличие от тверского летописания, новгородское (Новгородская первая летопись) и московское летописание XIV в. (Троицкая летопись) не сообщали никаких подробностей восстания против Шевкала, ограничившись только (под 6835 г.) сообщением о его приходе в Тверь и о восстании; в Новгородской первой летописи виновником восстания объявляется тверской князь Александр; далее рассказывалось о приходе «рати татарской», опустошившей Русскую землю. В своде, лежавшем в основе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, помещен особый рассказ о «Щолкановой рати» (восходящий, по-видимому, к псковскому летописанию), где инициатором восстания также выступает Александр Михайлович, но само восстание изображается как справедливое возмущение против татар, желавших полностью завладеть русскими городами и «привести християны в бесерменскую веру».

Текст «Повести о Шевкале» публикуется по Рогожскому летописцу (*РГБ*, ф. 247, собр. Рогожского кладбища, № 253, лл. 271—272; по прежней нумерации 269—270).

Стр. 92. *Того же лѣта князю Александру Михайловичу дано княжение великое...* — Назначению тверского князя Александра Михайловича в 1324 г. великим князем владимирским (т. е. великим князем всей северо-восточной Руси) предшествовал ряд событий. В 1318 г. в Орде был казнен отец Александра великий князь Михаил Ярославич — первый русский князь со времени монголо-татарского завоевания, осмелившийся оказать вооруженное сопротивление хану. Но его соперник и претендент на великое княжение Юрий Данилович Московский тоже был убит; в 1324 г. в Орде старший сын Михаила — Дмитрий Михайлович Грозные Очи, мстя за отца, заколол Юрия и в свою очередь был казнен по приказу хана (1326). Правители Орды дали великое княжение второму сыну Михаила — Александру, но одновременно послали в Тверь наместника с большими полномочиями — Шевкала. (См. в наст. т. Житие Михаила Ярославича Тверского и коммент. к нему).

...безаконному царю... — Царем (ханом) Золотой Орды был в 1313—1342 гг. Узбек, первый правитель Орды, введший ислам как государственную религию.

...всему злу начальник Шевкалъ... — Шевкал, Щолкан (по Новгородской первой летописи младшего извода); именуется в поздней Никоновской летописи и исторической песне Щелканом Дудентьевичем (Дюденевичем). Если это отчество исторически верно, то Щелкан (правильнее, вероятно, Чол-хан) был, возможно, сыном Тудана (Дюденя), ходившего в 1293 г. с карательной экспедицией на Русь, и внуком хана Менгу-Тимура; следовательно, находился в родстве с ханом Узбеком.

...и прогна князя великаго съ двора его, а сам ста на князя великаго дворѣ... — Приезд Шевкала в Тверь и занятие им княжеской резиденции имели, очевидно, важное политическое значение. Вплоть до конца XIII—первой четверти XIV в. существовала система посылки на Русь баскаков — непосредственных представителей хана, ведавших сбором дани и учетом населения русских княжеств. Шевкал, видимо, имел подобные особые полномочия, сводившие на нет власть великого князя.

...въздвиже гонение велико на християны насилством и граблением, и битием, и поруганием. — Это описание насилий, учиненных Шевкалом в Твери, перекликается с аналогичным описанием в исторической песне о Щелкане Дудентьевиче (см.: «Исторические песни XIII—XVI вв.». Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960, с. 78).

...и сташа вечемъ, и поворотися град весь... — Роль городских вечевых движений в борьбе с монголо-татарским игом постоянно обнаруживается в XIII—XV вв. В исторической песне инициатором борьбы со Щелканом также оказываются горожане — «мужики посадские» («Исторические песни XIII—XVI вв.», с. 78).

Стр. 94. *А убиен бысть Шевкал в лѣто 6835.* — В Тверском сборнике текст расположен несколько иначе: слова о смерти Шевкала помещены в конце годовой статьи 6834 г. (вместе с известием о смерти митрополита Петра), а под датой 6835 г. помещен следующий далее в обеих летописях рассказ о походе Федорчука (см. след. коммент.).

...5 темников, а воевода Федорчюк... — Темниками в татаро-монгольском войске именовались начальники самых больших подразделений — «тем» (тьма — десять тысяч человек).

ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Летописный рассказ о побоище на реке Пьяне относится к событиям конца XIV в., когда усиливалось военное сопротивление великого княжества Московского Орде. Москва становится в это время во главе остальных княжеств северо-восточной Руси, и великий князь московский возглавляет борьбу русских княжеств с Золотой Ордой. Данное столкновение с ордынскими силами закончилось поражением русских отрядов: виной этому оказалась неорганизованность русских воевод и беспечность русских воинов. Летописная повесть о битве на Пьяне носит обличительный характер — автор с горьким сарказмом восклицает, обыгрывая название реки: «Поистиннѣ — за Пьяною пьяни!»

Текст «Повести...» публикуется по списку Симеоновской летописи первой половины XVI в. — *БАН*, 16.8.25. Отдельные исправления ошибочных написаний сделаны по Рогожскому летописцу (*РГБ*, ф. 247 — собрание Рогожского кладбища, № 253).

Стр. 96. *Пьяна* — приток Суры, которая впадает в Волгу; находится на юге от Нижнего Новгорода.

...из Синие Орды... — Синей Ордой древнерусские памятники называли Ак-Орду (Белую Орду), которая располагалась на территории нынешнего Казахстана и Западной Сибири. Центр Синей Орды находился в нижнем течении Сырдарьи.

Дмитрий Константинович — великий князь суздальско-нижегородский с 1365 по 1383 г. На его дочери Евдокии женился великий князь московский Дмитрий Иванович в 1366 г.

Дмитрий Иванович (1350—1389) — великий князь владимирский и московский с 1359 г., сын Ивана Ивановича Красного, внук Ивана Даниловича Калиты. Проводил политику укрепления Московского княжества, направленную на подчинение Москве русских княжеств, централизации государственного управления и военного дела. При Дмитрии Ивановиче для укрепления Москвы в 1367 г. предпринимается постройка кремлевских стен из камня, что в те времена имело важное военно-политическое значение. В 1378 г. на реке Воже под его руководством были разгромлены войска хана Мамая, которые шли на Русь под предводительством воеводы Бегича. (Повесть о битве на реке Воже и коммент. к ней см. в наст. т.). После Куликовской битвы в 1380 г. Дмитрий Иванович получил прозвище — Донской.

...посла сына своего, князя Ивана... — Иван Дмитриевич; утонул в реке Пьяне, когда ему было двадцать два года.

...да князя Семена Михайловичя... — Какой это князь — неизвестно.

...доспѣхи своя на телѣги своя въскладаху... — Доспехи надевались перед боем, а при передвижении и при отсутствии опасности находились в обозе. Также в обозе находились щиты и копья.

Сулицы — короткие метательные копья, дротики.

Зажитье — место, приготовленное заранее для размещения войска, с запасом съестных припасов и фуража.

Стр. 98. *Спасов день* — 6 августа.

Засурье — местность по реке Суре — пограничные с Ордой земли Суздальско-Нижегородского кряжества.

...князь Василей Дмитреевич... — Василий Дмитриевич Кирдяпа (1350—1403), старший сын Дмитрия Константиновича.

Оспожин (*Госпожин*) *день* — день Успения Богородицы — 15 августа.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

За два года до Куликовской битвы, в 1378 г., на реке Воже произошло первое серьезное столкновение сил Мамая с войсками великого князя московского Дмитрия Ивановича. Это была своеобразная «разведка боем» накануне Куликовской битвы. Опасаясь усиления Москвы, правитель Золотой Орды Мамай послал в 1378 г. под командованием воеводы Бегича большое войско на Московское княжество. Не дожидаясь прихода неприятеля, великий князь Дмитрий Иванович вышел навстречу Бегичу и в сражении на реке Воже нанес сокрушительное поражение врагу. «Разведка боем» подтвердила возросшую силу Московского княжества и заставила Мамая предпринять в 1380 г. большой поход на Русь, завершившийся Куликовской битвой.

Текст «Повести...» публикуется по списку Симеоновской летописи первой половины XVI в. — *БАН*, 16.8.25. Отдельные исправления ошибочных написаний сделаны по Рогожскому летописцу.

Стр. 100. *Вожа* — река в северо-западной части Рязанского княжества, в сорока-пятидесяти километрах от его границы с Московским княжеством; впадает в реку Оку.

...ординский князь, поганый Мамай... — Темник (военачальник) при хане Золотой Орды Бердибеке Мамай, женатый на дочери хана, был по существу правителем Орды. В 1379 г. он полностью захватил власть в свои руки. Однако именоваться ханом Мамай не мог, так как не был потомком Чингисхана.

Бегич — воевода Мамая.

...вежи... — Кибитки, шатры.

Алачуги — одно из названий походных жилищ кочевников.

Стр. 102. *И посрамлени быша окааннии половци...* — Половцами русские книжники называли и монголо-татар. Это объясняется и старой книжной традицией, и тем, что часть половецких племен после завоевания половецких земель монголо-татарами слилась с монголо-татарскими племенами и вошла в состав народностей Золотой Орды.

...нечестивии измалтяне... — Согласно Библии, от наложницы Авраама, рабыни Агари, родился сын Измаил, ставший родоначальником различных арабских племен. В русских памятниках измаильтянами назывались кочевые, нехристианские народы вообще.

...понеже царь их... не владѣаше ничимже... — Мамай держал на ханском престоле номинальных ханов, полностью подчинявшихся ему.

...князь великий Олегъ... — великий князь рязанский Олег Иванович (1350—1402). Положение Рязанской земли между Московским великим княжеством и Ордой приводило к тому, что все карательные экспедиции из Орды прежде всего обрушивались на Рязанское княжество. Это определило двойственность политики великого князя Олега Рязанского: он неоднократно вступал в сделки с Ордой, преследуя интересы своей земли. Однако такая политика не спасала Рязанское княжество от разгромов ордынцами. После Куликовской битвы Олег вынужден был бежать из своего княжества и в 1381 г. заключить невыгодный для себя договор с Дмитрием Донским. В 1386 г. Олег заключил мирный договор с великим князем московским, скрепленный родственными отношениями: сын Олега Рязанского Федор женился на Софье Дмитриевне — дочери Дмитрия Донского. С этого времени летописи ни о каких конфликтах между Москвой и Рязанью не сообщают.

...град Переяславль... взяша... — Переяславль-Рязанский стал стольным городом Рязанского княжества в середине XIV в., а старый стольный город Рязань, разгромленный Батыем в 1237 г., к этому времени пришел в полный упадок. В 1778 г. Переяславль-Рязанский был переименован в Рязань.

ЗАДОНЩИНА

В 1380 г. ордынский правитель Мамай предпринял большой поход на Московское княжество. Дмитрий Донской, как и в 1378 г., решает выйти навстречу врагу. В союзе с Москвой выступили многие русские княжества. Сражение произошло 8 сентября 1380 г. в пределах Рязанской земли, на Куликовом поле, в месте впадения в Дон реки Непрядвы. Понеся огромные потери, русские одержали победу. Это была первая большая победа над монголо-татарами, явившаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. Куликовская битва нашла отражение в нескольких произведениях: «Задонщине», краткой и пространной летописных повестях о Куликовской битве и в «Сказании о Мамаевом побоище». Есть все основания полагать, что «Задонщина» была написана в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы и, во всяком случае, еще при жизни Дмитрия Донского (т. е. до 1389 г.), которому, как говорит сам автор памятника, он воздает похвалу своим произведением. «Задонщина» — это лирико-эпическое описание сражения на Дону. Автор ведет не последовательный сюжетный рассказ, а выражает свои чувства и эмоции, связанные с событиями Куликовской битвы. За основу своего произведения автор «Задонщины» взял «Слово о полку Игореве» — рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова».

«Задонщина» дошла до нас в шести списках: Ундольского (список XVII в. — *РГБ*, собр. Ундольского, № 632); Ждановском (список XVII в., отрывок — *БАН*, № 1. 4. 1); Историческом первом (список конца XVI в., без начала — *ГИМ*, собрание Музейское, № 2060); Историческом втором (список начала XVI в., отрывок — *ГИМ*, собрание Музейское, № 3045); Кирилло-Белозерском (список 1470-х гг. — *РНБ*, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086); Синодальном (список XVII в. — *ГИМ*, Синодальное собрание, № 790). Самый ранний, Кирилло-Белозерский, список представляет собой сокращенную переработку только первой половины произведения, сделанную известным книгописцем XV в., монахом Кирилло-Бе-

лозерского монастыря Ефросином. Остальные списки «Задонщины» дают сильно искаженный переписчиками текст произведения. Тексты отдельных списков «Задонщины» издавались неоднократно, научное издание их см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 535—556. Однако каждый в отдельности список «Задонщины» имеет такое количество искажений и дефектов, что издание произведения по какому-либо одному из списков не даст достаточно полного и ясного представления о тексте произведения. Поэтому уже с давних времен принято давать реконструкцию текста «Задонщины» на основе сравнительного анализа всех списков памятника. В этой книге также публикуется реконструкция, в основу которой положен список Ундольского. Изменения, исправления и добавления в этот текст вносились только на основании чтений других списков по таким принципам: 1) по другим спискам восстанавливаются и изменяются все чтения, которые ближе «Слову о полку Игореве», как более близкие к оригиналу; 2) меняются поздние чтения списка Ундольского на основании сличений их с другими списками в том случае, если более ранние чтения в других списках совпадают по разным изводам (все списки делятся на два извода); 3) восстанавливаются некоторые чтения, сохранившиеся в одном из списков, которые могли быть опущены или изменены в остальных списках независимо друг от друга. Критерием в данном случае служили общие тенденции «Задонщины» и литературные особенности этого произведения. Из «Задонщины» делались вставки в «Сказание о Мамаевом побоище» — как в первоначальный текст этого произведения, так и в последующие его редакции. Вставки эти делались из списков «Задонщины», более близких к оригиналу, чем дошедшие до нас. При внесении изменений в текст, взятый за основной, учитываются, когда для этого имеется материал, чтения вставок из «Задонщины» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище». Все изменения, исправления, добавления, сделанные в списке Ундольского, набраны курсивом. Настоящая реконструкция, за единичными исключениями (восстановлены отдельные чтения списка Ундольского), повторяет реконструкцию «Задонщины», опубликованную в книге: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967, с. 363—378. В названном издании в подстрочном аппарате к тексту приводятся обоснования изменений, внесенных в список Ундольского по данным всех остальных списков «Задонщины», где имеется соответствующее место.

Стр. 104. *Дмитрий Иванович.* — См. коммент. к с. 96.

Владимир Андреевич — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь серпуховской. Впервые участвовал в военном походе с Дмитрием, когда великому князю московскому было двенадцать лет, а ему — девять. Руководил многими военными мероприятиями и походами Дмитрия Донского. Умер в 1410 г.

Мамай. — См. коммент. к с. 100.

Микула Васильевич — московский воевода, сын Василия Васильевича Вельяминова, последнего тысяцкого в Московском княжестве (тысяцкий — военачальник, возглавляющий городское ополчение из тысячи воинов). Микула Васильевич был свояком Дмитрия Донского — их жены были сестрами. Погиб в битве на Куликовом поле.

...идет к намъ в Залѣскую землю. — Залесской землей сначала назывались земли Владимиро-Суздальского, а затем и Московского княжества.

...жребия Афетова, сына Ноева... И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева... — Согласно Библии во время всемирного потопа Бог спас Ноя с семьей. После потопа земля была разделена между сыновьями Ноя. Иафету (Афету) достались северные и западные страны, таким образом, Русь входила в «третий» удел — Иафета; Хаму достался юг, а восток — Симу, поэтому «жребий Симов» — восточные страны.

...от него же родися хиновя... — Хинове — обобщенное наименование восточных народов, кочевников (заимствовано «Задонщиной» из «Слова о полку Игореве»).

Каяла — река, на которой герой «Слова о полку Игореве», князь Игорь, потерпел поражение в битве с половцами в 1185 г. Название реки — «Каяла» — встречается только в «Слове о полку Игореве», в летописной повести о походе Игоря и в «Задонщине».

...а от Калатьския рати... — То есть от битвы на реке Калке в 1223 г. — первого столкновения русских с монголо-татарами.

Владимир Киевский — Владимир Святославич I, князь киевский с 980 г.; ввел христианство в качестве государственной религии. Русские князья подчеркивали, что они потомки крестителя Руси, князя Владимира.

Стр. 106. *Боян* — дружинный певец второй половины XI—начала XII в., которого автор «Слова о полку Игореве» называет своим поэтическим предшественником. Автор «Задонщины», вероятнее всего, знает о Бояне только из «Слова о полку Игореве».

Игорь Рюрикович — киевский князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г.

Ярослав Владимирович — сын Владимира I Святославича Ярослав Мудрый, великий князь киевский с 1016 по 1054 г.

Аз же помяну резанца Софония... — В двух списках «Задонщины» Софоний Рязанец назван в заглавии как автор произведения. Но в самом тексте «Задонщины» автор говорит о нем как о лице по отношению к нему постороннему. Кроме того, Софоний называется автором произведения в заглавии некоторых списков «Сказания о Мамаевом побоище». Возможно, Софонию принадлежало еще одно сочинение о Куликовской битве, до нас не дошедшее, но известное авторам «Задонщины» и «Сказания». Никакими сведениями о Софонии мы не располагаем.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт. — 160 лет после Калкской битвы было в 1383 г. Академик М. Н. Тихомиров высказал предположение, что такая ошибка в вычислении может свидетельствовать о 1383 г. как о времени написания «Задонщины».

...в полѣ Половецкое! — Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые монголо-татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси назывались Половецким полем.

Коломна — важный опорный пункт в борьбе Москвы с монголо-татарами; поэтому-то Дмитрий Донской и назначает Коломну сборным пунктом войск.

...в Серпугове... — Серпухов — укрепленный опорный пункт южной окраины Московского княжества. Расположен на реке Оке западнее Коломны.

...стоят мужи навгородцкие у святыя Софии... — На площади около храма святой Софии, в новгородском кремле, собиралось новгородское вече.

...выехали посадники из Великого Новагорода... — Посадники — правители Новгорода, избиравшиеся на вече из представителей наиболее богатых и знатных семей. Об участии новгородцев в Куликовской битве сообщают и некоторые редакции «Сказания...». В распространенной редакции «Сказания...» помещен большой рассказ о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Однако новгородские летописи об участии новгородцев в битве на Куликовом поле ничего не говорят.

...на реки на Мечи... — Река Красивая Меча — правый приток Дона.

Стр. 108. *...и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею...* — сыновья великого князя литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя московского. См. коммент. к с. 124.

Дмитрий Волынский — Дмитрий Боброк-Волынский — сын литовского князя из Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Талантливый военный деятель, он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

...а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. — Едимант — Гедимин, один из первых великих литовских князей (княжил с 1316 по 1341 г.). Сколоменд — видимо, литовский князь Ердивил-Скирмунт (Скилмонт), XIII в.

Сулица. — См. коммент. к с. 96.

...черлеными щиты. — Щиты, окрашенные черленью, яркой розово-красной краской, которая делалась из особого насекомого — червеца.

Непрядва — приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле, находящееся в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала. — Эта фраза, вероятнее всего, восходит к следующему тексту «Слова о полку Игореве»: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» («О Русская земля! Ты уже за холмом»; шоломя — гора, холм). Автор «Задонщины» не мог не знать слова «шоломя», таким образом, либо он располагал текстом «Слова...», где было иное написание этого слова, не понятое им, либо он коренным образом переосмыслил этот образ «Слова о полку Игореве», связав его с популярным на Руси именем Соломона. Образ библейского царя Соломона является олицетворением мудрости.

...рвахуся от златых колодицъ... — Колодка — приспособление для соколиной охоты. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает такое описание этого приспособления: «Брусок с двумя стойками и насестью, на которой держат ловчую птицу, привязывая ее должиком». Должик — ременные путы, в «Задонщине» они названы шелковыми.

Стр. 110. *Борис и Глеб* — сыновья великого князя киевского Владимира I Святославича. После смерти отца были убиты братом Святополком, который захватил великокняжеский престол. При Ярославе Мудром, в 1019 г. разбившем Святополка и овладевшем княжеским престолом в Киеве, Борис и Глеб были признаны святыми: они почитались как покровители Руси и русских князей.

...крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь да Семен Михайловичь... — В Куликовской битве участвовали белозерские князья Федор Иванович (в тексте ошибочно «Семенович») и его сын Иван; оба погибли. Имя Семена Михайловича названо среди убитых на Куликовом поле и в «Сказании о Мамаевом побоище», и в летописных повестях. Названы белозерские князья Федор и сын его Иван и Семен Михайлович и в перечне убитых на Куликовом поле в пергаменном Синодике (поминальной книге) XV в. (*ГИМ*). См. коммент. к с. 150.

Тимофей Волуевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович — воеводы. Их имена также названы среди имен убитых в Синодике.

...кинжалы фряские... — генуэзские; фряги — генуэзцы.

Кликнуло Диво... — В «Слове о полку Игореве» — Див. Что означает это слово и в «Слове о полку Игореве», и в «Задонщине» — неясно, и толкование его значения носит предположительный характер. Большинство исследователей предполагает, что Див — какое-то мифическое существо.

Железные Ворота — либо Дербент, либо теснина в среднем течении Дуная.

...къ Караначи... — Орнач; город Орнач упоминается в летописях, но единого мнения о том, что это за город, нет. Н. М. Карамзин считал, что этот город находился в устье Дона. Но, может быть, так назывался в древнерусских летописях Ургенч — столица Хорезма, уничтоженная в 1388 г. Тимуром.

Кафа — современная Феодосия, в XIV в. генуэзская колония в Крыму.

...к Торнаву... — Тырново, столица Болгарского царства.

...Рожество святѣй Богородицы — 8 сентября.

Стр. 112. *Пересвет* — монах Троицкого монастыря; вместе с иноком Ослябей был послан игуменом монастыря Сергием с войсками Дмитрия Донского на Куликово поле. В «Сказании о Мамаевом побоище» рассказывается о поединке Пересвета перед началом сражения с богатырем из войск Мамая, в котором оба погибли. Все сведения о Пересвете ограничиваются данными памятников Куликовского цикла.

...на суженое мѣсто привели. — Сражение, поединок трактовались как «Божий суд»: по Божьему изволению побеждал правый. Смысл этой фразы в «Задонщине» становится понятным из «Сказания о Мамаевом побоище», где рассказывается о поединке Пересвета.

Ослябя чернец. — Ослябя называется братом Пересвета и в «Сказании о Мамаевом побоище». Но, скорее всего, в данном случае «брат» не термин родства, а обозначение того, что оба они монахи Троицкого монастыря.

...чаду моему Иякову... — В некоторых вариантах Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в числе воинов, посланных в поле в первом сторожевом (разведывательном) отряде, называется Яков Ослябятев.

...на забралах... — Забрало (заборало) — защищенная галерея, идущая по верху крепостной стены.

А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья... — Имеются в виду жены воевод Андрея Серкизовича и Михаила Ивановича.

Щур — певчая птица величиной со скворца.

...Акима и Аннинъ день — 9 сентября.

Стр. 116. *Батый* — внук Чингисхана. Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу в конце 30—40-х гг. XIII в. При нем возникла Золотая Орда и началось монголо-татарское владычество над Русью. Умер в 1255 г.

Тогды говорит Михайло Александровичь... — Расчет убитых на поле Куликовом носит преувеличенный характер; в числе убитых бояр названы представители и тех княжеств (например, «70 бояр рѣзаньских»), которые участия в Куликовском сражении не принимали.

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Куликовская битва 1380 г. нашла отражение в летописях и литературных памятниках (см. с. 539—540, 546—547).

Самый ранний известный нам краткий летописный рассказ о битве 1380 г. («О побоище иже на Дону») содержался в летописном своде 1408 г. (отразившемся в сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи, в Симеоновской летописи и Рогожском летописце). Более пространное описание событий 1380 г. мы видим в так называемой Летописной повести о Куликовской битве, старшие списки которой находятся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской пятой, Новгородской Карамзинской летописях.

Летописная повесть — не сухая хроника событий, а развернутое сюжетное повествование. В повести подчеркивается роль великого князя Дмитрия Ивановича как защитника Русской земли, благочестивого христианина и мужественного воина. С публицистическим пафосом автор изображает коварство Мамая и его союзников — литовского князя Ягайла и рязанского князя Олега.

Автор Летописной повести опирался как на собственно исторические источники (в частности — на рассказ «О побоище иже на Дону» и на Синодик — перечень убитых), так и на источники литературные — «Житие Александра Невского» и краткую (паремийную) версию «Чтения о Борисе и Глебе»: оба этих произведения о князьях-воинах давали автору Летописной повести материал для исторических аналогий. Кроме того, в тексте постоянно встречаются библейские цитаты; в описании скорби русских женщин использован фрагмент из апокрифического «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов».

Текстологический и идейный анализ Летописной повести позволяет считать, что повесть была создана не ранее середины XV в. как произведение публицистическое, направленное в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства.

Текст Летописной повести о Куликовской битве издается по списку Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (*РНБ*, F. IV, 603). Исправления внесены по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (*РНБ*, Q. XVII, 62).

Стр. 120. *...ордынский князь Мамай...* — См. коммент. к с. 100.

...бесермены... буртасы. — По мнению М. Н. Тихомирова, черкесы и ясы — это черкесы и осетины Северного Кавказа, буртасы — различные племена Среднего Поволжья, фрязи (фряги) — итальянцы, связанные торговыми отношениями с Поволжьем; армены — армяне в войске Мамая, упомянутые потому, что в XIV в. они жили и торговали в волжских городах; бесермены — мусульмане.

...князь Ягайло Олгердович... — Литовский великий князь с 1377 по 1392 г. (с перерывом), с 1386 по 1434 г. король польский; сын великого князя литовского Ольгерда (1345—1377 гг.).

...Олегъ Иванович, князь рязанский. — См. коммент. к с. 102.

...на великого князя Дмитриа Ивановича... — См. коммент. к с. 96.

...князя Володимера Андреевича. — См. коммент. к с. 104.

...от работы измалтьскиа... — См. коммент. к с. 102.

...темныа своа князи... — Темными князьями (темниками) у татар назывались предводители крупных воинских отрядов (тьма — десять тысяч).

...при Батыи... — См. коммент. к с. 116.

...на Вожи. — См. «Повесть о битве на реке Воже» и коммент. на с. 530.

...сътонщику... — Это слово, видимо, производное от слова «сатана».

Стр. 122. *...на Семень день...* — 1 сентября, день памяти Симеона Столпника.

...сыроядци... — Здесь видят намек на обычай татар есть сырое (вяленое) мясо.

«Оружие извлекоша грѣшници... и луци их съкрушатся». — Ср. Пс. 36. 14—15.

...къ соборной церкви матери Божии Богородици... — к Успенскому собору в Кремле. Успенский собор, сохранившийся до нашего времени, был построен в 1475—1479 гг. на месте одноименного собора XIV в.

«...Аврамлю доблесть». — Имеется в виду один из наиболее почитаемых библейских праведников патриарх Авраам.

«И да постыдяться и посрамляются... единъ вышний по всей земли!» — Пс. 82, 18—19.

Стр. 124. *...великие князи Олгердовичи... князь Дмитрий Брянский...* — Андрей и Дмитрий — сыновья великого князя литовского Ольгерда. В 1378 г. князь Андрей Полоцкий бежал в Псков, а затем приехал в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу. Дмитрий Брянский перешел на службу к Дмитрию Ивановичу в 1379 г. и княжил в Переславле-Залесском. Полоцким и Брянским они названы по месту первоначального своего княжения.

...при Чанибѣ-цари... — при хане Золотой Орды Джани-беке (1342—1357 гг.), сыне Узбека.

...не азъ началъ... но онъ... — Исправлено; в рукописи: «но он началъ кровъ христианскую проливати, а не яз».

...Святополъкъ новый. — Имя Святополка, убившего в 1015 г. своих сводных братьев Бориса и Глеба, стало в древнерусской литературе нарицательным обозначением злодея и клятвопреступника.

«Въздай же ему, Господи... творяй чюдеса единъ». — Пс. 76, 14—15; Пс. 78, 6, 10, 12; Вт. 32, 41—42.

...к Пречистѣй... — Видимо, к собору Успения Богоматери в Коломне.

...къ епископу Герасиму... — Герасим, епископ коломенский (ум. в 1388 г.).

...на усть Лопастны... — Река Лопасня — левый приток Оки, впадающий в нее восточнее г. Серпухова.

Стр. 126. *...у великой княгини Евдокеи...* — Евдокия Дмитриевна — жена (с 1366 г.) владимирского и московского князя Дмитрия Ивановича, дочь князя Дмитрия Константиновича Суздальского (ум. в 1407 г.).

...у сынов своих — у Василья, у Юрья и у Ивана... — См. коммент. к с. 156 и 214.

...Федора Андреевича. — Речь идет об именитом московском боярине Федоре Андреевиче Кошке.

И слышано бысть, сиирѣчь высоких, Рахиль же есть, рыдание крѣпко, плачющеся чяд своих... — Здесь основной текст повести инкрустирован вставкой из апокрифического «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов» и не всегда ясен; ср. в апокрифе: «...гласъ в Рамѣ слышанъ бысть, сирѣчь въ высокихъ, Рахили, плачющися чадъ своих...» (в апокрифе это место восходит к Иер. 31, 15). Совпадение с текстом апокрифа продолжается до слов: «...пагубѣ вашей». Слова «сиирѣчь высоких» — толкование географического названия «в Рамѣ», читающегося в апокрифическом тексте, — в переводе опускаем.

...да сиа... печали... — В рукописи: «за сиа». Исправлено по тексту апокрифа.

...до Рожества святыа Богородица. — День Рождества Богородицы отмечается 8 сентября.

...от преподобнаго игумена Сергиа... — От Сергия Радонежского, основателя, а впоследствии игумена Троицкого монастыря (ныне Троице-Сергиева лавра в г. Сергиев Посад). См. «Житие Сергия Радонежского» и коммент. к нему в наст. т.

«Сии на колесницах... Бога нашего призовемъ». — Пс. 19, 8.

...въ одежу их местную. — Что именно значит термин «одежда местная» — неясно.

...аки аспида нѣкаа... — Аспид и ехидна — греческие наименования ядовитых змей — нередко употреблялись в средневековой письменности как нарицательные обозначения злых и коварных людей.

Стр. 128. *«Аще оживемь — Господеви есмы!»* — Рим. 14, 8.

...в самый празник Госпожинъ... — Госпожин день в данном тексте — праздник Рождества Богородицы.

...до третиаго часа. — В Древней Руси счет часов начинался с восхода солнца. Поэтому первый час в зависимости от времени года и восхода солнца по современному исчислению времени мог соответствовать различному времени: с трех часов ночи до восьми часов утра. Так как события происходили в сентябре, то три часа дня в Древней Руси — это около восьми часов утра по современному времяисчислению.

«Господи, что ся умножишя... противляхся имъ». — Пс. 3, 1; Пс. 117, 11.

...в шестую годину дни... — Шесть часов дня — около одиннадцати часов утра по современному времяисчислению.

...«где будет трупие, ту сберутся и орли». — Мф. 24, 28.

Стр. 130. *...царя Теляка...* — Речь идет, видимо, о золотоордынском хане Тулун-беке (в русских источниках он именуется Тюляком). Известен ярлык 1379 г., данный от его имени митрополиту Михаилу (Митяю).

...в великий полкъ. — Великий полк, видимо, то же, что большой полк (как он именуется в разрядных книгах), то есть полк, возглавлявшийся великим князем.

«Братие, Богъ намъ прибѣжище и сила». — Пс. 45, 2.

...от шестаго часа до 9-го — от одиннадцати часов утра до двух часов дня по современному времяисчислению.

...въ 9 час дне... — Девять часов дня — это около двух часов дня по современному времяисчислению.

...воина Георгиа, и славнаго Дмитриа... — Имеются в виду святые — покровители христианского воинства — Георгий Победоносец и Дмитрий Селунский.

архистратигъ Михаил. — Архангел Михаил — предводитель «небесных сил».

...гѣтовыми... — Готы — древнегерманское племя.

Стр. 132. *...до рѣки до Мечи...* — См. коммент. к с. 106.

...съдомлян... — В Библии рассказывается о погрязших в грехах жителях города Содома. Здесь же «содомляне» — бранный эпитет татар.

...князь Феодоръ Романовичь Бѣлоозерский... Александръ Пересвѣтъ, бывый преже болярин брянскый... — Большинство этих имен перечислено в кратком рассказе о битве 1380 г. в Троицкой (Симеоновской) летописи и в Синодике. Летописная повесть о Куликовской битве добавляет к ним имена еще четырех убитых, причем Дмитрий Мининич, Дмитрий Монастырев и Федор Тарусский, как следует из летописей, погибли не на Куликовом поле, а в битвах с Ольгердом в 1368 г., в битве 1378 г. на Воже и в битве под Белевым в 1437 г.

«Не на лукъ бо мой уповаю... не спасеть мене» — Пс. 43, 7.

«Вышняго положилъ... летящаа в день» — Пс. 90, 5, 9, 10, 11.

Стр. 134. *...на поганых обѣдищех, на костех татарскых...* — «Стать на костях» — значит занять после победы над врагом поле боя. Во время такого «стояния» разбирали трупы павших, хоронили своих соратников. Значение выражения «на объдищех» неясно.

...слузѣ своему Моисею... Ярославу, сроднику великих князей... — Здесь упомянуты библейский пророк Моисей, древнееврейский царь Давид; новым Константином именуется, видимо, Владимир Святославич, при котором Русь приняла христианство в качестве официальной религии,

как Римская империя — при императоре Константине. Ярослав — сын Владимира, отомстивший Святополку, убийце его братьев Бориса и Глеба.

Стр. 136. ...*Тохтамышь из Синие Орды.* — См. коммент. к с. 190.

... *в Кафу*... — См. коммент. к с. 110.

...*улусъ*... — Становище, табор, а также удел, владение у кочевников.

...*килициев*... — Киличей — посол, гонец, толмач.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

«Сказание о Мамаевом побоище» — основной памятник Куликовского цикла. Это самый подробный рассказ о победе Дмитрия Донского над Мамаем и самое увлекательное сюжетное повествование о событиях на Куликовом поле.

«Сказание о Мамаевом побоище», вероятнее всего, было написано в первой четверти XV в. Особый интерес к Куликовской битве, о которой в это время еще хорошо помнили, объяснялся вновь обострившимися взаимоотношениями с Ордой и, в частности, нашествием Едигея на Русь в 1408 г. Нашествие Едигея, успех которого объяснялся недостаточной сплоченностью и единодушием русских князей, вновь с особой остротой поставило вопрос о необходимости единения всех князей под руководством великого князя московского для борьбы с Ордой. Эта мысль является основной в «Сказании о Мамаевом побоище».

По сюжету и содержанию многих эпизодов «Сказание о Мамаевом побоище» близко к пространной летописной повести о Куликовской битве. Большинством исследователей это объясняется зависимостью «Сказания...» от летописной повести. Однако вопрос этот далеко не столь бесспорен. Нельзя забывать, что оба произведения посвящены одному событию, авторы их пользовались одними и теми же устными рассказами и преданиями о Куликовской победе и близость содержания обоих произведений может объясняться именно этим обстоятельством. Текстуальные же совпадения между пространной летописной повестью и «Сказанием о Мамаевом побоище» столь малочисленны и имеют такой характер, что у нас отнюдь не меньше оснований предполагать обратную зависимость, а именно — зависимость пространной летописной повести от «Сказания...».

«Сказание о Мамаевом побоище» сообщает значительно больше всевозможных подробностей как о подготовке к битве, так и о самом сражении, чем пространная летописная повесть. Не приходится сомневаться, что многие из этих подробностей являются отражением действительных исторических фактов, более нигде не зафиксированных. Так, например, только в «Сказании...» обстоятельно рассказано о действиях засадного полка Владимира Андреевича, решившего исход боя в пользу великого князя московского, только в «Сказании...» перечисляются купцы-сурожане, отправившиеся на Куликово поле, только в «Сказании...» приводятся подробные данные об «уряжении» (расстановке) полков во время подготовки к сражению и в ходе битвы и т. п.

Немало в памятнике и книжно-риторических эпизодов, явно легендарных сообщений, элементов церковно-религиозного характера. Стремясь нарисовать идеальный образ великого князя московского, автор «Сказания...», в соответствии с мировоззрением своей эпохи, трактует своего героя в ярко выраженном религиозном плане.

В соответствии с публицистической направленностью произведения автор его допускает исторические анахронизмы. В «Сказании...» поход Дмитрия благословляет не только Сергий Радонежский, но и митрополит Киприан, литовский союзник Мамая назван Ольгердом. Между тем Киприана в 1380 г. в Москве не было — он находился в это время в Киеве, литовским союзником Мамая был сын Ольгерда Ягайло — Ольгерд умер в 1377 г., за три года до Куликовской битвы. Это не ошибки, а умышленный литературно-публицистический прием. Для феодального периода объединение княжеской и духовной власти было типичным. Для того чтобы подчеркнуть силу и общерусское значение великого князя московского, автор «Сказания...» показывает его

тесный союз с митрополитом, изображает дело так, будто все поступки, все действия великого князя одобрены и благословлены митрополитом всея Руси: деяния, санкционированные и одобренные митрополитом всея Руси, приобретали общерусское значение, осенялись особой значимостью и величием. Великий князь литовский Ольгерд был опасным противником московского князя, его набеги на Москву и опустошения, причиненные им Московскому княжеству, делали это имя ненавистным в Москве. Ягайло же ни до этого, ни после не воевал против московского князя. Поэтому называя литовского союзника Мамая Ольгердом, автор «Сказания...» тем самым с особой силой подчеркивал могущество московского князя. И монголо-татары, которые угнетали русский народ, и литовский князь, который дважды угрожал Москве и принес столько бедствий ее жителям, на этот раз, когда с московским князем объединились все остальные русские князья и биться вышел весь народ, потерпели поражение.

Автор «Сказания...» широко использовал в своем произведении изобразительные средства «Задонщины». Вставки из «Задонщины» были сделаны автором «Сказания...» не механически, он не просто выписывал понравившиеся ему отрывки из этого произведения, а перерабатывал их в соответствии с основным идейным и художественным замыслом. К «Задонщине» обращался не только автор первоначального текста «Сказания...», но и последующие редакторы этого произведения.

«Сказание о Мамаевом побоище» дошло до нас в очень большом количестве списков, датируемых периодом времени с XVI по XIX в. включительно. Все эти списки делятся на восемь редакций, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные варианты. Из четырех редакций «Сказания...», которые бесспорно возникли не позже XVI в. («Основная», «Летописная», «Распространенная» и «Киприановская»), наиболее близка к первоначальному виду произведения Основная редакция.

Текст Основной редакции публикуется по списку первой половины XVI в. — *РНБ*, Q. IV, 22.

Стр. 138. *Дмитрий Иванович.* — См. коммент. к с. 96.

Мамай. — См. коммент. к с. 100.

...якоже въ прежняя врѣмена Гедеону над мадиамы и преславному Моисию над фараоном. — По Библии, мадиамляне в течение семи лет совершали опустошительные набеги на Израиль. Но однажды израильтянин Гедеон, во главе небольшого отряда напав ночью на отряды мадиамлян, перебил их. Пророк Моисей освободил евреев от владычества фараонов (ср. Суд. 6—8; Исход. 14).

Владимир Андреевич. — См. коммент. к с. 104.

Господь же... тъ и творить. — Ср. Пс. 113, 11.

...поревновавъ второму Иулиану... — Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан) — римский император (с 361 по 363 г.), возродивший эллинистическое язычество и выступавший с гонениями против христиан. Был прозван за это Отступником; резко осуждался христианской церковью. Погиб от вражеской стрелы во время похода на персов.

Батый — см. коммент. к с. 116.

...великого князя Юрья Дмитреевичя убилъ... — Имеется в виду Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь владимирский, убитый в сражении на реке Сити в марте 1238 г. Отец Юрия Всеволод Юрьевич Большое Гнездо имел второе имя — Дмитрий.

Стр. 140. *...въ Володимерѣ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ.* — Имеется в виду златоглавый Успенский собор, сожженный и разграбленный во время захвата Владимира монголо-татарами в 1238 г.

...Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ римскым и Навходнасором, царемъ вавилонскым... — Навуходоносор II — царь Вавилонского (Халдейского) государства (605—562 гг. до н. э.) — в 587 г. захватил Иерусалим и разрушил его (ср. 4 Цар. 25). Император Тит в 70 г. н. э., подавляя восстание в Иудее, взял Иерусалим, разрушил город и его храм.

...нача глаголати... еулпатом... — Алпауты — вельможи.

...Господня рука высока есть. — Ср. Пс. 88, 14.

...Олегъ Резанскый. — См. коммент. к с. 102.

...Ольгордъ Литовскый — Ольгерд — великий князь литовский (1345—1377). О том, почему союзником Мамая назван Ольгерд (на самом деле с Мамаем заключил союз его сын Ягайло), см. подробнее на с. 539.

Стр. 142. *...яко хощеши казнити свой улусъ...* — Улусом называлась земля, подвластная ордынскому хану. Отсюда же и слово «улусник».

«Аще кто к Богу... и в посмѣх». — Ср. Пс. 39, 5; 40, 3.

Стр. 142—144. *«Не сътвори ближнему своему... живити и мертвити».* — Ср. Пс. 14, 3; Притч. 26, 27.

Стр. 144. *«Поистинѣ сами... к дивии масличнѣ».* — Ср. Рим. 11, 17.

«Путь нечестивых... и поносъ». — Ср. Пс. 145, 9; Иер. 44, 8.

...новаго Святоплъка нареку. — См. коммент. к с. 124.

...то к кому простру... печаль мою. — Ср. Пс. 60, 3; 141, 2.

...яко Иезекию... — Езекия, согласно Библии, — царь Иудейского царства. Был излечен от смертельной болезни пророком Исайей по велению Бога, которому молился об исцелении (ср. 4 Цар: 20, 1—11).

Стр. 146. *«На Господа уповах — и не изнемогу».* — Ср. Пс. 36, 34.

Боровск.— Город юго-западнее Москвы, на реке Протве. При Владимире Андреевиче входил в состав Серпуховского удельного княжества.

Киприан — митрополит всея Руси с 1375 по 1406 г. Болгарин знатного происхождения. См. подробнее во вступительной заметке, а также на с. 564—565.

...Господь гръдым противится... дает. — Ср. 1 Петр 5, 5.

...случися иногда Великому Василию в Кесарии. — Василий Великий — каппадокийский епископ, один из так называемых «отцов церкви», живший в IV в. Кесария — столица Каппадокии (государства в центральной части Малой Азии).

...посла... Меркуриа... — Меркурий Кесарийский — византийский святой. Согласно легенде, он был воином и по повелению свыше разбил неприятеля.

...Захарий Тютьшов... — Имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище». Старинный дворянский род Тютчевых, к которому принадлежал знаменитый русский поэт Федор Тютчев, возводил свою родословную к Захарию Тютчеву.

«Суди, Господи... злоба грѣшных». — Ср. Пс. 42, 1; 7, 9—10.

Стр. 148. *...просвѣти си... и правду възлюби.* — Ср. Пс. 10, 7; 21, 17; 96, 11.

Тихая Сосна. — Имеется в виду река Сосна, приток Дона. Через эту реку проходили дороги, по которым татары продвигались на Русь.

...Мясопустъ святыа Богородица». — Мясопуст — время, в которое по церковному уставу нельзя есть мясную пищу, здесь имеется в виду Успенский пост (с 1 до 15 августа).

...гнѣздо есмя князя Владимера Святославича Киевъского, емуже откры Господь познати православную вѣру, якоже оному Еустафию Плакидѣ... — Русские князья подчеркивали свое происхождение от «святителя» Руси Владимира I. Владимир сравнивается с великомучеником Евстафием Плакидой, язычником, крестившимся после чудесного видения и затем пострадавшим за христианство.

Стр. 150. *«Аще кто... жывотъ вѣчный».* — Ср. Мф. 19, 29.

...Успение святыа Богородица... — 15 августа.

И приидоша к нему князи бѣлоозерскыа... — Белозерские князья действительно принимали участие в Куликовской битве (см. коммент. к с. 110). Федор Иванович (в «Сказании...», как и в «Задонщине», ошибочно — Семенович) и его сын Иван погибли во время битвы. Мелкие удельные княжества Кемское, Карголомское (в «Сказании...» названо Каргопольским) и Андомское входили в состав Белозерского княжества и существовали только в конце XIV—начале XV в. Имена Андрея Кемского и Глеба Карголомского, кроме «Сказания...», в других источниках не встречаются. В этом случае, как и в целом ряде других, «Сказание...» сообщает сведения о лицах, неизвестных по другим историческим источникам; возможно, что отчасти это является следствием ошибок и искажений, возникших в процессе многократной переписки произведения.

...приидоша же ярославскыа князи... — Уделы князей Прозоровских и Курбских входили в состав Ярославского княжества. Перечисленные имена известны только по «Сказанию...».

...поеде к Жывоначалной Троици на поклонъ къ... Сергию. — См. коммент. к с. 126.

...дабы слушалъ святую литоргию... — Литургия — церковное богослужение, совершаемое до полудня. Называется также обедней (служба до обеда).

...память святых мученикъ Флора и Лавра. — 18 августа.

«...Господь Богъ будеть ти помощникъ и заступникъ». — Ср. Пс. 29, 11; 58, 10.

...Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу... — См. коммент. к с. 112.

Стр. 152. *...крестъ... на скымах...* — Схима — особое монашеское одеяние, одеваемое монахами, принявшими схиму — высшую монашескую степень.

...ста в церкви святыа Богородица. — См. коммент. к с. 122.

Суди, Господи... в помощь мнѣ. — Ср. Пс. 34, 1—3.

...приступи къ чюдотворному образу... юже Лука... написа... — Икона Владимирской Божьей матери, считавшаяся написанной евангелистом Лукой (на самом деле произведение византийского художника нач. XII в.; в настоящее время — в Третьяковской галерее), была перенесена Андреем Боголюбским из Киева во Владимир. Позже была перенесена в Москву.

Стр. 154. *...прииде къ гробу... Петра митрополита...* — Петр — митрополит всея Руси с 1305 по 1326 г. Был погребен в заложенной им самим в 1326 г. в Москве первой каменной церкви Успения святой Богородицы. Вскоре после смерти Петр был канонизирован, считался святым покровителем Москвы.

...въ Фроловъскыа врата... и в Констяньтино-Еленскыа... — Фроловские — нынешние Спасские ворота Кремля; Константино-Еленинские ворота в настоящее время заложены.

...церковь... архистратига Михаила... — В 1380 г. на том месте, где сейчас находится Архангельский собор в Кремле, построенный в 1505—1508 гг., стояла каменная церковь того же названия, сооруженная при Иване Калите и служившая княжеской усыпальницей.

...Еовдокѣя, и княгини Владимерова Мариа... — Евдокия — жена Дмитрия Донского; Мария — жена князя Владимира Андреевича Серпуховского.

...аще Богъ по нас, то кто на ны! — Ср. Рим. 8, 31.

Стр. 156. *...на Брашеву дорогою...* — Брашево (Брошево) — древнерусский городок в Коломенском уделе.

...Болвановъскою дорогою... — Дорога на Коломну.

...на Котелъ дорогою... — Дорога на юг, по направлению к Серпухову. Котел — небольшой ручей, впадавший в Москву-реку. На нем было расположено село Нижние Котлы; ныне это место входит в черту Москвы.

...сяде на урундуцѣ... — Рундук — лавка в виде ларя с подъемным сидением.

...князи Василиа и князя Юриа. — Во время Куликовской битвы Василию (будущему великому князю московскому Василию Дмитриевичу) было девять лет, Юрию — шесть лет.

...поимъ с собою... гостей сурожанъ... — Сурожанами назывались купцы, торговавшие с богатым колониальным генуэзским городом на берегу Черного моря в Крыму — Сурожем (современный Судак). Большинство из этих перечисляемых имен купцов-сурожан исторически достоверны.

Стр. 158. *...на память... Моисиа Мурина* — 29 августа.

Северка — небольшая река в районе Коломны.

...на поле к Дивичю. — Поле около Девичьего монастыря в Коломне.

Стр. 160. *«Аще рабъ... бьенъ будеть много».* — Лк. 12, 47.

Одоев.— Город в ста сорока километрах на северо-запад от Куликова поля.

Стр. 162. *...князь Андрѣй Полотскый и князь Дмитрей Брянскый...* — См. коммент. к с. 124.

...аки нѣкиа класы... расплодити. — Ср. Лк. 8, 14.

...и отрѣши нас от пустошнаго... сътворениа брашенъ. — Ср. Пс. 93, 11; Деян. 10, 14.

«Братие, въ бѣдах пособиви бывайте!» — Ср. Нав. 1, 14.

«Предани будете... тьй спасется!» — Ср. Лк. 21, 16—19.

...приидоша... ис Сѣверы... — Северская земля, в которую входили города Путивль и Брянск.

...якоже иногда Иосифъ съ Веньямином... — Библейский образ братьев, которые встретились после длительной разлуки (ср. Быт. 45, 14).

Стр. 164. *Березуй* — небольшой город в восьмидесяти километрах на север от Куликова поля.

...поругашяся, яко иногда вълсви Ироду... — Сюжет евангельского рассказа: Ирод просил волхвов, идущих поклониться родившемуся Христу, рассказать ему на обратном пути все о новорожденном. Получив извещение о том, что Ирод собирается убить младенца Христа, волхвы вернулись иным путем, обманув Ирода (ср. Мф. 2, 7—12).

...ревнители... Авраама, яко тъй въскорѣ Лоту поможе... — Этот образ, как и многие другие сравнения в «Сказании...», взят из Библии: однажды на Содом напали враги и увели в числе пленных Лота, племянника Авраама. Авраам, узнав об этом, с вооруженным отрядом рабов бросился в погоню, освободил Лота и всех пленников (ср. Быт. 14, 12—16).

...ревнители... князю Ярославу... — Имеется в виду борьба Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным.

...яко съпротивнии наши вѣтри... прелагаеши! — Ср. Мф. 14, 24—32.

Поприще — мера длины, приблизительно соответствует позднейшей версте (1066 м).

Стр. 166. *...яко не в силѣ Богъ, нъ в правдѣ...* — Ср. Пс. 142, 11—12.

...Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплъка побѣди... — Первая битва Ярослава со Святополком произошла в 1016 г. на Днепре у Любеча. Войска три месяца стояли друг против друга по обеим сторонам реки. Наконец Ярослав перешел реку, напал на Святополка и одержал победу.

...великий Александръ, Неву-реку перешед... — Имеется в виду битва Александра Невского со шведами на Неве в устье реки Ижоры. Перед битвой Александр перешел Ижору.

Въ шестый же час дни... — По современному времяисчислению — в одиннадцатом часу дня.

Стр. 168. *...Дмитрей Боброковъ...* — См. коммент. к с. 108.

Яловцы — небольшие флажки, прикрепленные к навершию шлемов.

...даруй... яко Констяньтину побѣду... — Имеется в виду Константин Великий, римский император (306—337 гг.); был причислен православной церковью к лику святых.

Амалик — по библейскому преданию, племя амалекитян, напавшее на израильтян во время перехода последних через пустыню, не смогло их одолеть, несмотря на свое численное превосходство. Амалекитянами они назывались по имени своего родоначальника Амалика (ср. 1 Цар, 30, 1—21).

...якоже иногда кроткому Давиду. — Имеется в виду библейский рассказ о единоборстве Давида с исполином Голиафом (ср. также *Амалик*).

...мужеством бысть Гедеоновы снузници... — Ср. Суд. 7.

Стр. 170. *«Нощь не свѣтла... просвѣщена».* — Ср. Пс. 104, 39.

Стр. 172. *«...всѣх нас дыхание в руцѣ его!»* — Ср. Дан. 5, 3; Иов 12, 10.

...Ярославу на Святоплъка... — Имеется в виду битва Ярослава со Святополком на реке Альте в 1019 г., закончившаяся победой Ярослава.

Александру на хвалящегося короля римъскаго... — Имеется в виду победа Александра Невского над шведами на Неве в 1240 г. В «Повести о житии Александра Невского» (см. в т. 5 наст. изд.) говорится, что «римский король» (т. е. шведский король) похвалялся завоевать всю землю Александра.

«Гдѣ есть Богъ их, на нь же уповаша?» — Ср. Пс. 41, 11.

Наставшу же второму чясу дни... — По современному времяисчислению это около семи часов утра. Соответственно следует определять часы и остальных сообщений о времени боя.

Стр. 174. *...жывоносный крестъ, на немъ же бѣ въображены страсти Христовы...* — Крест с частицей дерева, на котором якобы был распят Христос (живоносное древо), и с изображением распятия (страстей) Христа.

...греческому царю Констянтину... — Имеется в виду Константин VII Багрянородный, византийский император с 913 по 959 г.

Стр. 176. *...якоже Леонтий царь Феодору Тирону...* — Феодор Тирон — герой апокрифического сказания, первый воин у царя, успешно и мужественно выполняющий царские поручения.

Стр. 176—178. *...шелом архангельскаго образа...* — Куколь — головное покрывало схимника, по форме похожее на воинский шлем.

Стр. 180. *«...будеть ваше врѣмя... възвеселитися!»* — Ср. 2 Кор. 7, 4.

...Мамай... нача призьвати богы своа. — Автор «Сказания...», желая подчеркнуть «идолопоклонство» Мамая, то, что он язычник, называет в числе богов Мамая и древнерусских языческих богов — Перуна и Гурса (искаженное «Хорс»).

Стр. 182. *«Аще пастырь пораженъ — и овцы разыдутся».* — Мф. 26, 31.

Стр. 184. *«Радуйся, князю нашь, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ...»* — Дмитрий Иванович сравнивается с Ярославом Мудрым и Александром Невским.

Стр. 186. *...древнему Авису подобенъ...* — Любимый воевода персидского царя Дария Авис, чтобы спасти Дария от окончательного поражения, решил убить Александра Македонского, жертвуя ради этого своей собственной жизнью. Покушение Ависа не увенчалось успехом. Александр Македонский, сказав Авису, что тот «по своей воле сегодня умер» за своего господина, даровал ему жизнь. Рассказ о покушении Ависа на Александра Македонского встречается только в «Сербской Александрии», античные источники о покушении Ависа на Александра Македонского ничего не сообщают.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША

В 1382 г. хан Тохтамыш, воцарившийся в 1380 г. в Золотой Орде после победы над темником Мамаем, пошел на Москву. Ему удалось захватить город и подвергнуть его страшному разгрому; опустошены были и другие города Русской земли. Эти события и легли в основу летописной повести «О плѣнении и о прихожении Тахтамыша царя и о Московскомъ взятьи», именуемой в научной литературе «Повестью о нашествии Тохтамыша».

Как показало текстологическое изучение «Повести...», в основе ее лежит краткий рассказ 1382 г., читавшийся в летописном своде 1408 г. Старшие списки «Повести...» содержатся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской пятой, Новгородской Карамзинской летописях.

«Повесть о нашествии Тохтамыша», как можно полагать, была создана одновременно с Летописной повестью о Куликовской битве и в одном кругу книжников: на это, в частности, указывает тот факт, что «Повесть...» использовала тот же самый летописный свод и тот же источник — «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов».

Текст повести публикуется по Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (*РНБ*, F. IV, 603). Исправления вносятся по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (*РНБ*, Q. XVII, 62).

Стр. 190. *...Тахтамыша царя...* — Золотоордынский царевич Тохтамыш — хан Белой Орды с 1377 г. и хан Золотой Орды с 1380 г. после победы «на Калках» над Мамаем. В 1395 г. он был разбит Тимуром (см. коммент. на с. 550). Умер Тохтамыш в 1406 г.

...звѣзда нѣкаа... копейнымъ образомъ... — Сравнение кометы с копьем традиционно для древнерусского летописания. В Повести временных лет, в статье 1065 г. также упоминается «звѣзда... на образъ копийный».

...въ Ордѣ и в Сараи. — Имеется в виду Золотая Орда и ее столица Сарай (Сарай-Берке), расположенная в низовьях Волги.

...град, нарицаемый Блъгары... — Болгар (Булгар) — бывшая столица Волжско-Камской Болгарии, в XIV в. важный ремесленный и торговый центр. В 1361 г. был разрушен ханом Булак-Тимуром, но продолжал существовать вплоть до начала XV в.

...и поиде изгономъ... — напасть, осуществить неожиданный набег.

...князя Дмитриа Ивановича... — См. коммент. к с. 96.

...Дмитрий Костянтинович Суждалскый... — См. коммент. к с. 96.

...на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Сернацѣ... — Сернач, видимо, урочище, местонахождение которого неясно.

...князь Олегъ Рязанский... — См. коммент. к с. 102.

...каменъ град... — См. коммент. к с. 96, к словам «Дмитрий Иванович».

Стр. 192. *«Се коль добро... жити братии вкупѣ...»* — Пс. 132, 1.

«Друг другу посабляа... яко град твердъ...» — Ср. Притч. 18, 19.

...Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и, паки реку, вборзѣ *на Кострому.* — Здесь автор комментирует свою обработку предшествующего текста, то есть краткого летописного рассказа свода 1408 г., где не упоминались ни Переяславль, ни Ростов, а называлась только Кострома.

...Киприанъ митрополит приеха на Москву. — Киприан стал московским митрополитом в 1381 г. В 1382 г., перед нашествием Тохтамыша, Киприан, по сведениям летописей, покинул Москву, уехав в Тверь.

...Остѣй, внукъ Олгердов... — Об Ольгерде см. коммент. к с. 140.

Стр. 194. *...сурожане...* — См. коммент. к с. 156.

...суконники... — Купцы, торговавшие сукном с Польшей, Ливонией и странами Западной Европы.

...с заборолъ... — См. коммент. к с. 112.

Стр. 196. *...тюфяки...* — По мнению В. Г. Федорова, «тюфяки» (от тюркского «туфенг») — название огнестрельного оружия, предназначенного для стрельбы картечью и имевшего меньший вес и калибр по сравнению с пушками.

...самострѣлы... — Орудия для метания камней под действием натянутой тетивы.

...порокы. — Камнеметные орудия (типа катапульт).

...над враты Фроловскими... — См. коммент. к с. 154.

...князи Нижняго Новаграда... — Здесь Василий и Семен, сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского и Суздальского, названы нижегородскими князьями. Выше в тексте они именовались князьями суздальскими.

«Не всякому духу вѣру имѣте». — Ср. 1 Иоан. 4, 1.

Стр. 198. *«Боже, приидошя языци... не бѣ погрѣбаяи...»* — Пс. 78, 1—3. Текст псалма в памятнике переделан: вм. Иерусалима названа Москва.

...Семенъ, архимандрит спасьскый... — архимандрит Спасского монастыря в Московском Кремле. Около 1490 г. монастырь был перенесен на Крутицы и стал именоваться Новоспасским.

Стр. 202. *...брат его Володимеръ...* — Владимир Андреевич Серпуховской (см. коммент. к с. 104).

...мати Володимерова... — Княгиня Мария, жена князя Андрея Ивановича Серпуховского.

...в Торжъку... — Торжок — город на р. Тверце, левом притоке Волги.

«...побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста — тма». — Ср. Лев. 26. 8.

...къ Звенигороду и къ Юрьеву, а инии к Волоку и к Можайску, а друзии — к Дмитрову... — подмосковные города Звенигород, Дмитров, Можайск, Волок (нынешний Волоколамск) и Юрьев Польской (г. Владимирской области).

СЛОВО О ЖИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

Похвалы умершим князьям, обычно включавшиеся в состав летописей, — традиционный жанр древнерусской литературы. Некрологические характеристики и похвалы встречаются уже в Повести временных лет, в южнорусских летописных сводах, а затем во владимиро-суздальском и московском летописании. Одним из наиболее известных в художественном отношении произведений этого жанра является «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича». Посвященное выдающемуся деятелю русской истории — Дмитрию Донскому — «Слово о житии...» — не только пышная похвала, созданная по всем правилам высокого риторического искусства, но и публицистическое произведение, в котором воспоминания о князе Дмитрии служат поводом для провозглашения важных идеологических принципов и оценки современной автору политической обстановки на Руси.

«Слово о житии...» читается в ряде летописных сводов в составе статьи 1389 г., года смерти князя Дмитрия Ивановича. Старшие его тексты находятся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской Карамзинской летописях. С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов и А. В. Соловьев считали, что «Слово о житии...» было создано в конце XIV в. К концу XIV—началу XV в. относит памятник Г. М. Прохоров. 1—2-й четвертью XV в. датировала это произведение В. П. Адрианова-Перетц. К XV в. склонна была относить «Слово о житии...» и М. А. Салмина, со временем посчитавшая, однако, более вероятным XVI в. (см.: Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162).

«Слово о житии...», как показывает текстологический анализ памятника, использовало одинаковые с летописной повестью о Куликовской битве литературные источники — «Житие Александра Невского», паре́мийное «Чтение о Борисе и Глебе», «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов».

«Слово о житии...» публикуется по Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (*РНБ*, F. IV, 603). Исправления вносятся по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (*РНБ*, Q. XVII, 62).

Фрагмент «Слова о житии...» со слов «Инъ добродѣтели вид и въздержание...» до слов «Солнцю же доброта и величьство хвалится...» (с. 222—224) приводится в переводе Г. М. Прохорова (см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 104—111).

Стр. 206. *...сынь князя Ивана Ивановича... събрателя Руской земли...* — Дедом Дмитрия Ивановича был Иван Данилович Калита, великий князь московский с 1325 г., а в 1328—1340 гг. — великий князь владимирский, при котором началось собирание русских земель вокруг Москвы. Иван Иванович Красный — второй сын Ивана Калиты, великий князь московский и владимирский (1353—1359 гг.). Мать Дмитрия Ивановича — Александра (ум. в 1364 г.).

...царя Володимера... крестившаго землю Рускую... — См. коммент. к с. 104.

...чюдотворцю Бориса и Глѣба. — См. коммент. к с. 110.

...Иваном. — Иван Иванович, брат Дмитрия (ум. в 1364 г.).

...славный град Москву стѣнами чюдно огради. — См. коммент. к с. 96, к словам «Дмитрий Иванович».

«яко кедръ в Ливанѣ... в древеси процвѣте». — Пс. 91. 13. Библейский образ, употреблявшийся при описании чьего-либо возросшего влияния или могущества.

...Овдотью от земля Суждалскыя... — Евдокия — мать князя Дмитрия Константиновича Суздальского, жена Дмитрия Донского (см. коммент. к с. 126).

Стр. 208. *...ропаты...* — Ропата — храм иноверцев; обычно — мусульманская мечеть или немецкая кирка.

...баскаки... — См. коммент. к с. 92 к словам: «...и прогна князя великаго съ двора его...»

...Агагъ, царь васанескь... самъ погыбе. — Здесь ссылка на библейский сюжет не точна: царя васанского звали Ог, а не Агаг, он упоминается в Книге Иисуса Навина; Агага, царя амаликитян, победил израильский царь Саул: об этом говорится в Первой Книге Царств; здесь же

находится рассказ о пленении кивота — святыни израильтян — филистимлянами, что принесло этому народу несчастья, но к истории с захватом кивота ни Ог, ни Агаг отношения не имели.

И бестудный Мамай срама исплънися... — Далее рассказывается о событиях 1380 г. — Куликовской битве.

ни ркут погании: «Где есть Богъ их...» — Пс. 78. 10.

Стр. 210. *...Авраамлю доблесть...* — См. коммент. к с. 122.

...святителя Петра... — то есть митрополита Петра; см. коммент. к с. 154.

...аки древний Ярославь, на злочестиваго Мамаа, втораго Святоплъка. — См. коммент. к с. 110.

...якоже преже Моиси, Амалика побѣдив... — См. коммент. к с. 168.

...яко Давидъ богоотець Сауловы дѣти миловаше... — В Библии рассказывается о дружбе Давида с сыном Саула Ионафаном; Саул несколько раз пытался убить Давида, не пользовавшегося возможностью отомстить ему. Согласно Евангелию, муж Марии, Иосиф, был потомком царя Давида.

По великому же Иову... — Имеется в виду одна из библейских книг — Книга Иова.

Стр. 212. *«Вы есте церкви... и похожу».* — 2 Кор. 6. 16.

«Чьсти отца... ти будет». — Исход. 20. 12.

Стр. 212—214. *«Клятва отчяа... до конца искоренить».* — Ср. Сирах 3. 9.

Стр. 214. *...сына своего прьвие болшаго, князя Василья...* — Василий Дмитриевич, старший сын великого князя Дмитрия Ивановича, занимал великокняжеский стол с 1389 по 1425 г. Продолжал объединительную политику отца и деда.

...на старѣйший путь... — Речь идет о передаче князем Дмитрием сыну Василию великокняжеского титула и старшинства над остальными братьями.

Второму сыну своему, князю Юрью... — Второй сын великого князя Дмитрия Ивановича — Юрий Дмитриевич (1374—1434), с 1389 г. князь звенигородско-галицкий, в 1433 и 1434 гг. дважды занимал московский великокняжеский стол.

...яже нѣколи бывало княжение Галицкое... — Эта фраза по-разному читается в разных списках (или «нѣколи», то есть «некогда, когда-то» или «николи», то есть «никогда»). Аналогичная фраза «се же княжение нѣколи было Белозерское» читается ниже при упоминании белозерского княжения, данного Андрею. По-видимому, автор хочет сказать, что Галическое и Белозерское княжества как таковые существовали лишь прежде. Приведенные фразы в Духовном завещании Дмитрия отсутствуют.

...князю Андрею... — Третий сын великого князя Дмитрия Ивановича — Андрей Дмитриевич (1382—1432), князь можайский, верейский, белозерский.

...князю Петру... — Четвертый сын великого князя Дмитрия Ивановича — Петр Дмитриевич, князь дмитровский (1385—1428).

Стр. 216. *...багряница...* — одежда, символ царской (великокняжеской) власти. В Византии багряные (окрашенные в пурпур) одежды носили только лица императорского рода.

Звѣри земнии... не красно отходиши! — Ср. Мф. 8. 20.

Стр. 218. *...митрополит тряпезонскый, Феогностъ гречин...* — Видимо, имеется в виду митрополит Трапезундской империи, существовавшей с начала XIII в. по 1461 г. и располагавшейся на побережье Черного моря в северо-западной части полуострова Малая Азия.

Пятый же сынь... Данило. — Сыновья князя Дмитрия Ивановича — Иван и Данило умерли в детстве. Константин Дмитриевич умер углицким князем в 1433 г.

По великому Дионисию... — Имеются в виду сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, богослова V в.

Стр. 220. *Бчелы ничим же хужшу ему быти...* — Традиционный образ византийской средневековой и древнерусской книжности: мудрый и начитанный человек уподобляется пчеле, собирающей отовсюду «мед», — изречения, содержащиеся в книгах Священного писания, наставления авторитетных богословов и античных мудрецов.

Самоилъ в пророцѣх прозряй предняа, но и Саулъ отвръженый. — Упоминается библейский пророк Самуил, предсказавший царю Саулу поражение и смерть.

Ровоамь, сынъ Соломонь, въ царих, но Ировоам, рабъ и отступникъ, царь же. — В Библии рассказывается, что после смерти царя Соломона его царство разделилось: в Иудее стал править Ровоам, сын царя, а в Израиле Серовоам — сын Навата, подданного Соломона.

«*Не се ли словеса моа яко огнь...*» — Иер. 5. 14.

«*Обыдоша мя... яко огнь в тернии*». — Пс. 117. 12. Перевод сделан согласно смыслу библейского текста; в цитате следовало бы читать «разгорѣшася» (мн. число) вместо «разгорѣся» (ед. число).

Стр. 222. ...*яко Павлу Варнава на проповѣдь подвизашеся...* — Здесь, видимо, имеется в виду «...свидетельство Варнавы перед апостолами в Иерусалиме об обращении Савла в Павла» (см.: Прохоров Г. М. Памятники... С. 103).

...*понеже...* — Далее текст испорчен. См. след. коммент.

Преподобство...Сице о Господѣ здравствуй. — Как показал Г. М. Прохоров (Памятники... С. 89—90), этот текст представляет собой письмо, по-видимому, автора «Слова о житии...» к какому-то духовному лицу, случайно попавшее в текст памятника. Без указанного вставного текста письма фраза вероятно имела вид: «...понеже Богъ двойства не имѣет...». См. с. 228—229 и коммент. на с. 547—549.

Быша 3 дщери у пиавици... — Ср. Притч. 30, 15.

Стр. 224. *Пръвозданнаго ли тя нареку?* — Имеется в виду Адам, нарушивший «заповедь» — не «вкушать» от древа познания.

Сифа ли тя нареку? — Сиф, третий сын Адама, почитавшийся в средневековой христианской историографии как создатель письменности и начинатель астрономических знаний.

Еноху ли тя уподоблю? — В апокрифической книге Еноха рассказывалось, как он был живым вознесен ангелами на «высшее» небо и навечно оставлен «пред лицем» Бога.

Евера ли тя нареку, не примѣсившася безумных язык столпотворению? — В средневековых хрониках рассказывается, что Евер не принял участия в сооружении «столпа» (Башни) подле Вавилона.

Авраму ли тя уподоблю? — Имеется в виду библейский праотец Авраам, о котором рассказывается в Книге Бытие.

Исаака ли тя въсхвалю, отцемь на жертву приготовлена Богу? — Имеется в виду библейский рассказ: Бог, желая испытать Авраама, повелел ему принести в жертву единственного сына, но в последний момент Авраам был остановлен ангелом.

Израиля ли тя възглаголю? — В Библии рассказывается, как Иаков боролся с Богом; после этого Бог дал ему имя Израиль.

Иосифа ли тя явлю... обладавшаго Египтом? — По Библии, Иосиф, любимый сын Иакова, был продан братьями в рабство в Египет. Целомудренный юноша был оклеветан женой хозяина, добивавшейся его любви, и заключен в темницу. Однако впоследствии Иосиф стал влиятельным советником фараона.

Стр. 226. *Похваляет убо земля Римскаа...* — Далее перечислены апостолы (Петр, Павел, Иоанн, Фома, Андрей) и страны, в которых они, по церковному преданию, проповедовали христианство.

...*Поморие...* — Какие именно земли имеются здесь в виду — неясно, во всяком случае, — земли, расположенные по берегам Черного моря.

ПОСЛАНИЕ МУДРОГО ФЕОФАНА МОНАХУ ПРОХОРУ

Предлагаемое здесь вниманию читателя «Послание» во многих отношениях загадочно. Название и объем текста, под которым и в котором оно публикуется, свойственны лишь списку *РНБ*, Погодинское собр., № 27, Апостол, пергамент, XIV в., л. 13—13 об. (об этой рукописи см.: Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол и Чудовская, усвояемая св. Алексию, рукопись Нового Завета // Статьи по славяноведению, под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904. Вып. 1, с. 1—29;

Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаментных рукописей. Л., 1953, с. 38). Но вообще этот текст представляет собой часть «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго», существующего в составе общерусских сводов, Новгородской 4 и Софийской 5 летописей, а также — причем в древнейшем виде — во второй подборке летописного материала так называемой «Новгородской Карамзинской летописи», известной в списке конца XV в. (*РНБ*, F. IV, 603).

Присутствие в составе «Слова о житьи и о преставлении...» инородного текста мною было замечено ранее, нежели в поле моего зрения попал Погодинский № 27 Апостол (мое внимание обратил на него А. А. Алексеев); я назвал этот инородный текст «Письмом к заказчику» (см.: Прохоров Г. М. 1) Непонятый текст и Письмо к заказчику о «Слове о житьи и преставлении великого князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ, т. 40. Л., 1985, с. 229—247; 2) Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987, с. 88—98). Окончание «Послания» в Погодинском Апостоле совпадает с концом выделенного мною Письма в «Слове о житьи...». Последние слова и там, и там: «О Господе здравствуй». После них в Апостоле без заглавия начинается другое послание, написанное более бледными чернилами и, как кажется, другим почерком (л. 13 об.—14).

Что касается начала Письма в «Слове о житьи...», то я определил его иначе, нежели «Послание» Феофана Прохору начинается в Погодинском списке. По моему мнению, Письмо начинается словами «Преподобство свое испроси...», а слово «понеже», которое предшествует ему, хорошо, на мой взгляд, связывается и связывает предшествующий Письму период с текстом, за Письмом следующим: «мнози бо философи быша в миру, но две главѣ быша философомь — Платон и Пифагоръ. Овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ умлъче, понеже (здесь вторгается Письмо. — *Г. П.*) Бог двойства не имѣет, душамъ имѣет тройство ниедино...». Будучи так воссоединен, текст обретает смысл: причина, по которой Пифагор молчал, объясняется запредельностью Бога по отношению к человеческому сознанию, каковая демонстрируется апофатически — путем отрицания ряда свойств как не принадлежащих Богу, причем свойства эти обозначаются в пифагорейском стиле — с помощью чисел (подробнее см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв., с. 106—110).

Еще одна причина, почему именно так я определил начало письма, это его композиция: получается, что оно построено строго симметрично по темам. Начинаясь известием о просьбе «преподобства» к автору о «слове», оно заканчивается (перед прощальным пожеланием «О Господѣ здравствуй») словами о посильном выполнении этой просьбы. Вторая от начала тема — суетность «нашей жизни», вторая от конца — «строптивость» «жизни моей». Центральной оказывается тема любви, и здесь говорится как о любви своей, авторской, так и любви божественной — о Боге как о любви, причем слова *о своей* любви (о «разсудомъ правымъ правом» и «не заимной», но «истинной» любви автора к корреспонденту) обрамляют евангельские слова о любви — цитату из 1 Послания Иоанна (4, 8) и пересказ «Господских слов» из Евангелий от Матфея (5, 46) и от Луки (6, 32, 34). Таким образом на очень небольшом словесном пространстве автор совершает восхождение от будничного к абсолютному и затем по ступенькам тех же тем, которые возвели его мысль к Богу-Любви, спускается к тому, с чего он начал (подробнее см.: Прохоров Г. М. Памятники..., с. 96).

Я до сих пор думаю, что правильно определил начало Письма. Но публикую Послание, конечно же, таким, каким оно находится в рукописи.

Среди мелких различий между Письмом внутри «Слова о житьи...» (в Новгородской Карамзинской летописи) и «Посланием» мудрого Феофана (в Погодинском Апостоле) есть разночтение «художство» (Письмо) и «худовъство» («Послание»). Чтение «худовъство» и близкие к нему («худобство», «худство», «худьство», «хуждьство») дают списки Новгородской 4 летописи. Но поскольку летопись эта вторична по отношению к подборкам летописного материала «Новгородской Карамзинской летописи», так как из них составлена (см.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи РНБ, F. IV, 603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, т. 32, Л., 1977, с. 165—198), а также потому, что слов «худовъстьво», «худобство» и «худство» не знает словарь древнерусского языка, я счел возможным допустить, что слово «художство», указывавшее

на сочетание знания и умения (в данном контексте — умения придать знанию подобающее словесное выражение), в тексте Письма первоначально (см.: Прохоров Г. М. Памятники..., с. 91—93). В таком случае Послание в списке Погодинского Апостола дает уже вторичное, «осмысленное» переписчиком чтение («худовъство»).

Теперь я думаю, что написать о себе другому человеку «наше художство» автор мог бы, повторяя слова письма, на которое отвечал. По всей видимости, «преподобство», обращаясь с просьбой о «слове», употребило выражение «ваше художество», а автор ответа лишь изменил третье лицо на первое, и потому слова «наше художество» в тексте Письма беру в кавычки.

Но кто же автор Письма? Если эта маленькая эпистола не является «словом», о котором «преподобство» попросило автора, то речь в ней идет, представляется, о том самом «Слове о житьи и преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго», в котором она и заключена. Если так, то Письмо и «Слово», подумал я, написаны одним и тем же человеком, а наиболее вероятный автор «Слова о житьи...» — Епифаний Премудрый (см. там же, с. 110—122).

Но вот в Погодинском № 27 Апостоле заглавие «Послания» называет его автором не Епифания Премудрого, а «мужа мудра» «именем Феофанъ» и указывает также имя получателя («преподобства»): «преподобный муж», именуемый «Прохорос» (попутно заметим, что имя написано на греческий лад). Это создает альтернативу: либо автором «Слова о житьи...» является некий мудрый Феофан, либо речь в «Послании» идет не о «Слове о житьи...», и, стало быть, оно связано со «Словом» только, так сказать, «пространственно» — тем, что его текст включен в «Слово», но не тем, что оно на него указывает, и не общим автором.

Учитывая тот факт, что рукопись, в которой Послание Феофана содержится, Погодинский № 27 Апостол, принадлежит XIV веку, по-видимому, его последней четверти, когда на Руси работал Феофан Грек, учитывая также то, что мы знаем об отношениях Епифания Премудрого с Феофаном Греком — неоднократно посещавший его мастерскую и беседовавший с ним Епифаний пишет о нем Кириллу Тверскому как о в высшей степени мудром человеке: «преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ», «упредивленный муж», «умом дальная и разумная обгадывавший» (см.: Письмо Епифания Премудрого Кириллу Тверскому в этом же томе), я допускаю, что «мужем мудрым ⟨...⟩ именем Феофан», автором Послания, может быть Феофан Грек. В таком случае слово «художъство» в Письме может быть указанием на профессию автора-живописца. Это не исключает того, что автор написал это слово, повторяя слова корреспондента.

Что же касается корреспондента, то греческое окончание «ос» прибавил к его греческому имени («Прохорос»), по всей видимости, грек-автор. Это не означает, что получатель должен был быть греком: писанное по-русски, письмо обращено, очевидно, к русскому человеку по имени Прохор. Если автор Послания — Феофан Грек, возможно, что его получатель — другой художник-иконописец — Прохор с Городца, сотрудник Феофана Грека и Андрея Рублева при росписи в 1405 г. Благовещенского собора Московского Кремля.

Повторяю: в этом Послании остается много загадочного. Загадочным оказывается, будучи вырванным из «Слова о житии...», начало Послания (до начала Письма, представляющегося самостоятельным как в составе «Слова», так и в составе Послания). Осмысление этого начала в составе «Слова» (слова об изменчивости жизни, непоминании зла, недоступности Бога и доступности человека для вражды и хвалы) см. в моей книге «Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв.» (с. 103—108). Но тот факт, что его автором является не Епифаний Премудрый, а некий мудрый Феофан, возможно Феофан Грек, не снижает, а скорее повышает вероятность того, что «Слово о житьи» Дмитрия Донского написал именно Епифаний Премудрый: из письма Епифания Кириллу Тверскому мы знаем, что он срисовывал в свою рукопись рисунок Феофана Грека; неудивительно, если наряду с другими источниками он использовал в своем словесном произведении и словесную композицию художника, мудростью которого он восхищался.

Стр. 228. *Два бо пути есть разума: ли глаголати, или молчати правѣ.* — Имеются в виду два метода богословствования, о которых пишет Дионисий Ареопагит: катафатический (путь утверждений) и апофатический (путь отрицаний).

«Слова во отверзенье устъ». — Ефес. 6, 19.

«Богъ любы есть». — 1 Иоан. 4, 8.

А иже пребывает въ любви, и въ Бозѣ прѣбывает, и Богъ в нем. — Ср. Иоан. 14, 9—10.

«Аще любим любящая(...) то и мытари и грѣшници творят». — Ср.: Мф 5, 46; Лк. 6, 32—34.

Уподобихся сѣмяни (...) и подавися. — Ср. Лк. 8, 7.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР АКСАКЕ

Повесть о неудачном походе Тимура на Русскую землю создана в период между 1402 и 1418 гг. в окружении московского великого князя Василия I Дмитриевича; она посвящена описанию этого события, но основным мотивом ее является идея избранности Москвы как политического центра Руси — в противопоставлении Киеву или Владимиру. Из Владимира как раз в это время была перенесена государственная святыня — икона Владимирской Богоматери, которая считалась покровительницей царствующего града и царской фамилии еще со времен Киевской Руси. Московский князь тем самым был представлен как правомочный наследник киевской, а затем и владимирской государственности. Именно потому автор повести так последовательно и настойчиво титулует своего князя великим и даже самодержцем — вещь необычная для XIV в.

В августе 1395 г. Тимур неожиданно вышел к Ельцу, разграбил его и, простояв у Дона около двух недель, по неясным причинам повернул обратно, направляясь в Крым. По-видимому, вполне трезво оценивая обстановку, Тимур не пожелал связываться с мятежными «улусами». Он только что вторично и уже окончательно разбил своего соперника Тохтамыша и продолжал карательные экспедиции по татарским землям, подчиняя их своей власти. Выход на Русь был разведкой, подобной той, которую осуществил военачальник Чингисхана Сабудай в 1223 г., дав бой русским и половецким князьям на Калке. Решение Тимура на Руси было воспринято как Божье заступничество и как чудо. В Москве на месте встречи иконы, которой приписано было свершение этого чуда, заложили памятную церковь и монастырь, названный в честь события Сретенским.

В повести, впоследствии неоднократно перерабатывавшейся, отразились некоторые идеологические противоречия XV в., в частности противоречия между великим князем московским и высшей церковной властью. Появились «распространенные» и «полные» версии рассказа, прославлявшие уже не князя, а церковных иерархов.

Здесь публикуется первоначальная краткая редакция, в которой меньше традиционной церковной риторики и вымышленных позднее подробностей; так, здесь нет описания сна Тимура, заставившего его отступить, и того ужаса, который вызвало у него вещее сновидение. Здесь нет упора на заслуги церковных деятелей, например митрополита Киприана; все события контролируются московским князем и подчинены его распорядительным и своевременным действиям.

Средневековая символика придавала акту перенесения иконы из Владимира в Москву не меньшее значение, чем военной победе на Куликовом поле; вот почему со временем описываемое здесь историческое событие обросло эмоциональным подтекстом и фактическими подробностями. Возникла и самостоятельная «Повесть об иконе Владимирской Божьей матери», и тем самым основное внимание переключилось с описания всенародного подъема перед лицом заклятого врага на утверждение идеи Божьей защиты по просьбе московских властителей.

Чтобы понять эмоциональную и нравственную атмосферу того времени, необходимо вспомнить политическую и экономическую обстановку конца XIV в. После Куликовской битвы еще не раз приходили на Русь все новые полчища и орды врагов; Тохтамыш, например, уже через два года после Куликовской битвы разорил и сжег Москву, а затем такие набеги повторялись почти

ежегодно. Гибло мирное население, земли обезлюдели, воинов и вооружения не хватало. Враг все больше ожесточался, видя, что постепенно, уже навсегда утрачивает долголетний источник наживы. Вот почему весть о новом восточном властелине, более сильном, чем Тохтамыш, подняла всех от мала до велика; это был новый, но тем не менее уже легендарный противник, молва о его жестокостях, более страшных, чем жестокости Батыя, опережала движение его войск. Встречу с подобным противником русские люди восприняли как решительную схватку с ненавистными притеснителями, причем в момент, когда обескровленная и обессиленная Русь фактически не смогла бы противостоять Тимуру.

Так возник единый горячий порыв всего народа, то самое эмоциональное единство, которое служило гарантом будущего единства политического, экономического и духовного. Эту атмосферу всеобщего подъема, истовой веры в единение прекрасно показал автор «Повести...» — разумеется, в доступных для средневековой литературы формах. В этом и заключается основная художественная мысль произведения, отразившего не только историческое событие первостепенной важности, но и тот накал общественных страстей, в которых это событие происходило. Единство Руси под московскими знаменами — прогрессивная идея XIV в., и потому вся «Повесть...» в конце концов оказывается подчиненной идеологическому обоснованию такого единства.

«Повесть...» публикуется по рукописи Сборника XV в. из *РНБ*, Соловецкое собрание, № 804/914, лл. 476—484 — здесь сохранился ранний вариант, не включенный еще в текст летописи; текст сверен и исправлен по изданию: Софийская вторая летопись, *ПСРЛ*, т. VI. СПб., 1853, с. 124—128.

Стр. 230. *Василий Дмитриевич* — см. коммент. к с. 214.

...внука великого князя Ивана Ивановича, правнука великого князя... Иоанна Даниловича... — См. коммент. к с. 206.

...при благолюбивемъ архиепископѣ Купреянѣ... — Киприан, см. коммент. на с. 564—565.

...въ 15 лѣто царство Тахтамышева... — То есть на пятнадцатый год после воцарения Тохтамыша в Золотой Орде, произошедшего в 1380 г.

...а въ 13 лѣто по татарщинѣ... — То есть после нашествия Тохтамыша на Москву и ее взятия в 1382 г.

Прииде нѣкоторый цесарь Темирь Аксакъ... — Знаменитый завоеватель Тимур (1336—1405) родился в небольшом городке близ Самарканда в семье мелкого феодала. В молодости служил в дружине эмира Казгана и из простых нукеров выбился в предводители дружины, а затем стал вождем чагатайского племени баргас. В 1370 г. объявил себя чагатайским эмиром и сделал своей столицей Самарканд. С того же года начинает свои завоевательные походы, покоряя сначала Хорезм, Иран и Персию, а затем государства Закавказья. Победив в 1391 г. золотоордынского хана Тохтамыша, пришел на Русь, затем разгромил Азов, Кафу (ныне Феодосия), сжег столицу Золотой Орды и Астрахань. Впоследствии предпринял походы на Индию и Китай, воевал с египетским и турецким султанами.

...отъ Синее Орды, от Саморхиискыя земли... — Возможно, имеется в виду Ногайская Орда, кочевавшая вокруг Аральского (Синего) моря.

...отъ заицькихъ татаръ... — племена, расположенные за рекой Яик на южном Урале.

...за Желѣзными Враты. — Узкий проход в южной части Урала, через который неоднократно устремлялись на запад орды азиатских кочевников.

Стр. 232. *...прозванъ бысть Темирь Аксакъ...* — В одном из сражений Тимур был тяжело ранен в бедро и остался хромым (это подтвердило и медицинское обследование его скелета); русское прозвище Железный Хромец — перевод с тюркского («половецкого») Темир Аксак; персидский вариант Тимур-ленг дал известное в Европе произношение: Тамерлан.

...цесаря турьска Крещия полонилъ... — В походе на Малую Азию Тимур пленил султана Баязета I Молниеносного (Крещий — высекающий искру, огонь; от глагола *кресати*, как перевод-калька турецкого эпитета Баязета: Jildirim — Молниеносный) после битвы при Ангоре в 1402 г.; раньше этого года «Повесть...» о Темир Аксаке не могла появиться.

А се имена тѣмъ землямъ и тѣмъ цесарствомъ... — Перечисляются города и государства, покоренные Тимуром: Чагадай — Чагадайское государство в междуречье Амударьи и Сырдарьи, первый эмират Тимура; Хорусани — Хорасан, город и область в северо-восточной части Ирана; Голустаини — город Гюлистан; Китай — Китая Тимур не завоевал, он умер в начале вторжения в эту страну; Ширасъ — Шираз — город в Иране, захвачен Тимуром в 1387 г.; Испаганъ — город в центральном Ираке Исфаган за восстание и убийство тимуровских сборщиков дани в 1387 г. был разрушен; Тимур повелел убить жителей, а из их черепов сложить пирамиду; Ориначь — город Ургенч в Средней Азии; Гиненъ-Сизъ — Гилянсизъ, то есть Ганджа, город в Закавказье на одном из притоков Куры; Шибренъ — Шабран, ныне город Ширван в Северном Азербайджане; Шамахии — город Шемаха в Азербайджане; Савасъ — город в Малой Азии Сивас захвачен Тимуром в 1402 г.; Арзунумъ — город Эрзерум в западной Армении; Тефлизий — Тбилиси захвачен Тимуром в 1386 г.; Тевризий — город в южной части Азербайджана Тавриз захвачен Тимуром в 1385 г.; Горзустаний — Грузия; Обезний — обезами в Древней Руси называли абхазцев; Багдатъ — Багдад, город на реке Тигр (ныне столица Ирака), Тимур занимал дважды — в 1392 и 1401 гг.; Тимиръ Кабы — город Дербент на западном побережье Каспийского моря, в переводе «Железные Ворота»; Асурию — называется территория древнейшего Ассирийского государства в Закавказье; Вавилонское цесарство — называется территория древнего малоазийского государства в междуречье Тигра и Евфрата, также покоренная Тимуром.

...идѣже былъ Навходонасоръ... — Навуходоносор II, царь Вавилона (605—562 гг. до н. э.), в 586 г. до н. э. захватил и разрушил Иерусалим; здесь же упоминаются четыре избранных иудейских отрока, согласно Библии плененных Навуходоносором; один из них — пророк Даниил — растолковал царю вещий сон о конце его царства, трое других (Анания, Азария и Мисаил) были брошены по повелению Навуходоносора в огненную печь за то, что отказались поклоняться языческим богам, но остались невредимы. Все четверо упоминаются здесь как подвижники, своей верой посрамившие языческого царя-захватчика.

...и Савастию-градъ — Севастия в Малой Азии, где, по преданию, в гонение римского императора Лициния были замучены сорок христиан (320 г.); Тимур взял город в 1400 г.

...святый Григорий, епископъ великия Арменѣя... — первый епископ Армении Григорий Просветитель, основатель армянской церкви, ставшей государственной в 301 г., умер в 331 г.

...Дамаскъ великий... — древнейший город мира Дамаск (ныне столица Сирии), который был захвачен Тимуром в 1401 г.

...и Сарай великий... — Сарай-Берке, город на Волге, основанный ханом Берке, столица Золотой Орды, в 1395 г. был разрушен Тимуром.

Стр. 234. *...и бысть имъ бой на мѣстѣ, нарицаемѣ Ораиньскомъ...* — в одном из ущелий на реке Терек в 1395 г., непосредственно перед походом Тимура на Москву.

Стр. 236. *Такоже повелѣ князь намѣстьникомъ своимъ и властельмъ...* — Крепить осаду Москвы на этот раз, как и позже, при нашествии Едигея в 1408 г., пришлось дяде великого князя, выдающемуся военачальнику князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому Храброму (1353—1410); о нем см. коммент. к с. 104.

...отъ нашествия зловѣрнаго царя Хоздроя... — Хосрой (по-персидски Хосров — «царь») II Первиз — иранский шах из династии Сасанидов — царствовал в 591—628 гг.; в войне против Византии (началась в 613 г.), о которой здесь говорится, потерпел поражение.

Стр. 238. *...и молитвою угодника его, боголюбиваго пресвященнаго Петра...* — См. коммент. к с. 154.

Якоже древле при Езикѣиле цари и при Исаии пророцѣ Сенахирим; царь асурийский... — Сеннахирим, ассирийский царь (705—680 гг. до н. э.), дважды осаждал Иерусалим, но не смог овладеть городом; здесь упоминается библейский рассказ о том, как пророк Исайя, советник иудейского царя Иезекии, спас город своей молитвой; вернувшийся из неудачного похода Сеннахирим был убит собственными сыновьями во время дворцового переворота.

...отбѣжа въ Ниневгию градъ... — столица Сеннахирима, древний город Ниневия на р. Тигр.

СКАЗАНИЕ О НАШЕСТВИИ ЕДИГЕЯ

Летописное сказание о нашествии на Москву Едигея в 1408/1409 г. посвящено теме противоборства зарождающегося Русского централизованного государства и еще сильной Золотой Орды, которая после Куликовской битвы и разгрома ее Тимуром предпринимала последние усилия восстановить свое былое могущество и стремилась заставить Москву вновь платить дань. Памятник передает сложность военной и дипломатической обстановки, создавшейся в 1408/1409 г. между Московским великим княжеством, Литвой и Золотой Ордой.

Главное действующее лицо сказания — Едигей (Едегей, Идиге, Идигу, Едику, Эдеку; 1352—1419) — эмир Белой Орды, бек, «темник», основатель Ногайской Орды. В течение 1397—1410 гг., став главой войска, Едигей был фактическим правителем Золотой Орды при нескольких ханах. Стремясь к возрождению ее былого могущества и надеясь заставить Московскую Русь снова платить дань, Едигей применяет во внешней политике коварные дипломатические приемы, разжигающие и усугубляющие вражду между великими князьями московским и литовским. В 1408 г. Едигей неожиданно нападает на Русь, разоряет ряд городов (Серпухов, Дмитров, Ростов, Переяславль, Нижний Новгород, Городец и другие) и в декабре осаждает Москву. Однако города взять он не смог и снял осаду. Вскоре, во время начавшейся в Золотой Орде смуты 1410—1412 гг., он потерял власть, бежал в Хорезм и в 1419 г. был убит одним из сыновей Тохтамыша близ г. Сарайчик.

Сказание о Едигее известно в нескольких различных редакционных обработках, начиная от лаконичного летописного изложения фактов, связанных с походом эмира Едигея и осадой Москвы, до пространных и стилистически изукрашенных повествований назидательного характера и компилятивных сочинений, вошедших в состав Никоновской летописи. (Подробнее об этом см.: Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 197—201.)

Одна из древнейших редакций «Сказания...» находилась в составе знаменитой сгоревшей в пожаре 1812 г. Троицкой летописи и завершала ее. (Поэтому Троицкая летопись известна также под названием Летописного свода 1408 г.). Однако от этого текста «Сказания...» сохранились лишь отдельные выписки Н. М. Карамзина, на основании которых можно строить только предположения о его полном виде. Симеоновская летопись в той ее части (за 1390—1409 гг.), которая содержит «Сказание о Едигее», представляет собой сделанную около 1413 г. тверскую переработку текста Троицкой летописи. Выбор для публикации «Сказания о Едигее» именно Симеоновской летописи обусловлен тем, что этот текст принадлежит выдающемуся древнерусскому книжнику, мудрому политику и блестящему писателю, изощренному в искусстве «извития словес» и применения внутренней рифмы. Развивая идеи Повести временных лет, он призывает Русь и Литву к единению против общего противника, отождествляя татаро-монголов с половцами Киевской Руси, а великокняжеский город Владимир сопоставляя с Киевом.

Кроме русских летописных сказаний сохранился ногайский героический эпос о Едигее и его предках и потомках, возникший, по-видимому, по следам событий и долгое время бытовавший среди тюркоязычных народов СССР. (Записи этих народных сказаний известны под названиями «Едигей», «Идиге», «Сорок богатырей»). Эпические предания о Едигее отличаются бо́льшей исторической достоверностью и могут кое в чем уточнить русские летописные данные, но образ Едигея в них идеализирован. Распри в Золотой Орде на рубеже XIV—XV вв. и борьба за власть между Едигеем и Тохтамышем расцениваются в эпосе как кровавое единоборство жестокого и несправедливого хана с его благородным и честным вассалом Едигеем, любимцем народа, народным героем.

Текст «Сказания о Едигее» публикуется по Симеоновской летописи (издан в ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, с. 155—159; сверен по списку: *БАН.* 16.8.25, лл. 319 об.—329 об., 334—335. (Листы рукописи перепутаны, и конец «Сказания...» помещен не на л. 330, а после л. 333.)

Стр. 242. *Въ лѣто 6917...* — то есть в 1409 г.; заглавие летописной статьи в Симеоновской летописи «О Едегии, князи ордынскомъ, иже воевалъ Московскую землю», написано на полях рукописи киноварью.

...Тое же зимы... — то есть после сентября, в 1409 г. (перечень следующих имен есть в выписках Н. М. Карамзина, но отсутствует в Рогожском летописце).

...повелѣнием Булата царя... — Булат-Салтан (Пулад-хан), правитель Золотой Орды с 1407 по 1410 г., претендовавший на восстановление ее прежнего могущества. В 1408 г. Булат-Салтан ходил войной на Литву и был инициатором похода Едигея на Москву.

...а с ним 4 царевичи да мнози князи татарстии. А се имена их... — Написание имен четырех царевичей и видных князей (эмиров) Золотой Орды, назначенных Едигеем военачальниками, в летописи несколько видоизменены.

...князь великий Василей Дмитриевич... — старший сын великого князя Димитрия Ивановича, княжил с 1389 по 1425 г. После разгрома Золотой Орды Тимуром в 1391—1395 гг. Василий перестал платить ей «выход» и восстановил уплату дани только в 1412 г. после нашествия Едигея.

Стр. 244. *...съ тестем своим Витовтом... владѣющу всею землею Киевскою и Литовскою.* — Витовт (Витаутас, 1350—1430) — с 1392 по 1430 г. великий князь Литвы. Дочь Витовта княгиня Софья была женой великого московского князя Василия I. При Витовте территория великого княжества Литовского достигла значительных размеров, доходя до берегов Черного моря и включая киевские земли. Витовт препятствовал объединительной политике московских князей и, нарушая врéменные союзы с Василием I, трижды вторгался со своей ратью в пределы Московского великого княжества.

И быша по три лѣта воюючися. — В течение 1406—1408 гг., временно замиряясь, Витовт захватил русские города Коложе и Одоев, а Василий I — г. Дмитровец; в 1408 г. состоялось противостояние русских и литовских войск на р. Угре, разделяющей княжества.

...иже приведоша половець на помощь? — Здесь под половцами подразумеваются татаро-монголы.

Стр. 246. *...Светригайло Олгердовичь.* — Свидригайло (Швидригайла, ок. 1370—1452), сын великого князя литовского Ольгерда (1345—1377 гг.) и брат Ягайла Ольгердовича, великого князя литовского (с 1377 по 1392 г., с перерывом), а с 1386 по 1434 г. — короля польского. Свидригайло Ольгердович был великим князем Литвы в 1430—1432 гг. В 1408 г. принял сторону московского великого князя и получил от него в удел города Владимир, Переяславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны.

В нем же — и чюднаа великая православная съборная церкви Пречистыа Богоматери... Золотоверха же именуема: пять бо верховъ златых имѣя есть. В ней же — чюдотворная икона Пречистыа... — Успенский собор во Владимире, построенный в 1158—1161 гг. при Андрее Боголюбском.

...отъя бо ся крѣпкаго крѣпость, — по пророку, — и стрѣлы младенець язвы быша им... — Ср. Дан. 10, 8.

Стр. 248. *дядю своего князя Володимера...* — Владимира Андреевича Серпуховского, который был двоюродным братом Димитрия Донского и участвовал во многих его походах (ум. в 1410 г.).

...брата — князя Андрѣя... — Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Ивановича Донского.

...отъѣха къ Костромѣ. — В безуспешную погоню за Василием I Едигей направил 30-тысячное войско во главе с царевичем Тегрибердеем и князьями Якши-беем и Сеит-Али-беем.

Стр. 250. *Сломи бо ся оружиа их, и щитъ гордых огнем съжжеся...* — Ср. Пс. 45, 10; Иез. 39, 9.

...объстоаще славный град Москву уже 20 дней... — Во время осады Москвы, длившейся три недели, никаких военных действий Едигей не предпринимал.

«Или царство инъ въсхитить...» — Согласно другим летописным данным, в это время к Едигею был прислан посыльный со срочным известием о начавшейся в Орде «замятне», о попытке некоего царевича убить царя Булат-Салтана и занять ханский престол. Во время начавшейся в Золотой Орде смуты 1410—1412 гг. Едигей и сам, потеряв власть, вынужден был бежать из Орды.

...якоже въсхотѣша гражане, тако смирися с ними окаанный Едигѣй и отъиде. — Согласно другим летописным данным, Едигей взял с Москвы три тысячи рублей, не считая пленных и имущества, награбленного в других русских городах.

Стр. 252. *...аще и озоба нас вепрь от луга...* — Пс. 79, 14.

Тферскаго настолованиа дому Святого Спаса взяша волость Клиньскую и множество людей посѣкоша, а иных въ плѣнъ поведоша. — Это особое внимание к событиям в Тверском крае позволяет исследователям летописания предположить, что «Сказание о Едигее» в Симеоновской летописи представляет собой тверскую переработку.

...яко бо обрѣтаем Началнаго лѣтословца киевскаго... — Повесть временных лет является для автора «Сказания...» образцом беспристрастного изложения событий и смелой публицистической направленности летописания, призванного поучать «властодержцев» — князей.

...якоже при Володимерѣ Мономасѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишущаго... — Сильвестр Выдубицкий (ум. в 1123 г.) — игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве. По поручению Владимира Мономаха, в 1116 г. им был переработан текст Повести временных лет, составленный Нестором-летописцем.

«Въпроси отца твоего, възвѣстить ти, и старца твоя, — рекут ти...» — Вт. 32, 7.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Литературные памятники конца XIV—первой половины XV в. характеризуются исключительным вниманием к психологической жизни человека, стремлением передать тончайшие оттенки человеческих эмоций; отличительной чертой литературы этого периода является, по выражению Д. С. Лихачева, своеобразный «абстрактный» психологизм. Особенности русской культуры конца XIV—первой половины XV в. во многом объясняются так называемым вторым южнославянским влиянием; в это время в южнославянских землях получил широкое распространение тот витийственный стиль, который характерен и для русских писателей. Интерес к внутренней жизни человека обусловил внимание писателей к слову, к способности слова передать сущность изображаемого. Этим объясняется нагромождение эпитетов, любовь к сочетаниям слов одного корня (figura etymologica), неологизмам; слова у писателей иногда как будто теряют свою смысловую функцию и связываются ассонансом, аллитерацией. Этот стиль, который обычно называют «плетением словес», особенно ярко проявился в сочинениях Епифания Премудрого.

Немногие сведения, которыми мы располагаем о жизни Епифания, черпаются из его сочинений, из которых крупнейшие — жития его учителей Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Некоторые выражения в «Похвальном слове Сергию» дали основание предполагать, что Епифаний побывал в Византии; здесь он, очевидно, выучил греческий язык, знакомство с которым обнаруживается в его сочинениях. Последние годы жизни писатель провел в Троицкой лавре, где и умер между 1418 и 1422 г. «Житие Сергия Радонежского», написанное Епифанием на склоне жизни (1417—1418), посвящено одному из интереснейших русских людей XIV в. Сергий Радонежский сыграл выдающуюся роль в истории Древней Руси. Создатель крупнейшего русского монастыря — Троицкой лавры, преобразователь монастырской жизни на основе общежительного принципа (киновия), исключавшего личную собственность монахов, воспитатель целого поколения игуменов — основателей многих известных монастырей (Андроникова, Симонова, Саввино-Сторожевского и др.), Сергий был не только крупным церковным, но и политическим деятелем. Он сознательно поставил свою деятельность на службу централизаторским стремлениям московских князей и выручал их в ряде деликатных ситуаций (в частности, в деле приведения к покорности удельных князей Бориса Константиновича Суздальского и Олега Ивановича Рязанского); именно к Сергию отправился Дмитрий Донской, чтобы получить благословение перед Куликовской битвой. Желая сделать Сергия своим преемником на митрополию, митрополит Алексей говорит ему, что «от великодръжавных господий и до послѣднихъ вси тебе требують». Указывая на связи Сергия с великокняжеской семьей, Епифаний, однако, не разделяет целиком политическую программу своего учителя; описание бесчинств москвичей в Ростове позволило исследователям предположить, что Епифаний не был родом из Москвы.

К сожалению, «Житие Сергия» не дошло до нас в первоначальном виде: в середине XV в. житие, вышедшее из-под пера Епифания, было переработано официальным агиографом Пахомием Логофетом. Пахомий писал после «обретения мощей» Сергия в 1422 г. и основное внимание уделил «чудесам», свершавшимся у гроба святого. Однако описание жизни святого также подверглось под рукой Пахомия существенным изменениям: он значительно сокращает пространное житие Епифания, с тем чтобы сделать его пригодным и для церковной службы, усиливает элемент похвалы святому в новом панегирическом стиле, удаляет нежелательные политические намеки. Удовлетворяя требованиям заказчиков, Пахомий придал «Житию Сергия» парадную форму. В том виде, в котором сохранилось «Житие Сергия», оно свидетельствует о незаурядной образованности его автора. Библия и Евангелие многократно цитируются и перефразируются в житии; в некоторых случаях из библейских цитат создается своеобразный монтаж, как, например, в молитве Сергия после его пострижения, которая составлена из небольших отрывков 25, 83, 92 псалмов. Памятники византийской агиографии также были прекрасно известны автору «Жития Сергия»; чудесные явления, сопровождавшие рождение Сергия, сопоставляются в житии с рассказами о различных греческих святых; здесь же приводится выписка из русского жития митрополита Петра, которое было написано митрополитом Киприаном. К различным эпизодам «Жития Сергия» ученые приводили параллели из житий Антония Великого, Федора Едесского и др.

«Житие Сергия» дошло до нас в нескольких редакциях. Степень переработки, которой подверглась каждая из редакций со стороны Пахомия Логофета, оценивалась учеными по-разному. Публикуемая редакция жития не сохранилась в списках XV в. Очевидно, она представляет собой компиляцию, составленную в XVI в. на основе других редакций. Именно в этом заключается ее значение; вследствие своей компилятивности эта редакция сохранила больше кусков, автором которых можно признать Епифания.

«Житие Сергия» печатается по изданию: «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид». Памятники древней письменности и искусства, т. 58. СПб., 1885, по спискам: *РГБ*, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 698, л. 1—139 об., 156 об.—182 об.; № 663 (главы «О Голутвиньском монастырѣ» — «О преставлении святого»), л. 539—553 об. Издание выверено по рукописям. Вставки и исправления сделаны по изданию: «Великие Минеи-Четьи». Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883, стб. 1463—1578 и по рукописи XVII в.: *РНБ*, Софийское собр., № 1493, л. 100—311 (по изданию Леонида с. 22, 64, 70, 74, 142, 146—147). В одном случае вставка сделана по рукописи XVI в.: *РНБ*, F. 1. 278, л. 69 («Сий же внѣшняя обзираша, а не вънутреняя...» — по изданию Леонида с. 96), а в двух случаях сохранены конъектуры Леонида («побивачи» вместо «побиваючи»; «неочищену имѣя мысль» вместо «очищену имѣя мысль» — по изданию Леонида с. 98, 145), которые не подтверждаются рукописными чтениями. Перевод дат от сотворения мира к датам от Рождества Христова дается по мартовскому году.

Стр. 254. *...о нем же живемь, и движемся, и есмы!* — Деян. 17, 28.

Благодать Богу... его дарѣ! — 2 Кор. 9, 15.

Стр. 256. *Пишет же Великий Василие...* — Василий Кесарийский (Великий, ок. 330—379 гг.) — отец церкви.

Въпроси отца твоего ...рекут тебѣ. — Вт. 32, 7.

...отца Феодору, архиепископу Ростовьскому... — См. коммент. к с. 370.

Стр. 258. *...да подасть... устъ моих...* — Ср. Иер. 6, 19.

Стр. 260. *...их же бо имена на небесѣх Богъ написа...* — Лук. 10, 20.

...блажени бо, — рече, — не видѣвше вѣроваша. — Иоан. 20, 29.

...боюся осужения притчи оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ и облѣнившагося. — Имеется в виду евангельская притча: один человек, отправляясь в чужую страну, поручил свое имение рабам с приказом пустить деньги в оборот. Рабы так и поступили, за исключением одного, который зарыл свой талант в землю и был за это наказан господином. Талант — древнегреческая мера веса и денежная единица.

Без мене не можете... просите и приимете. — Иоан. 15, 5; Мф. 7, 7.

...даай... смыслъ... — Прит. 1, 4.

Стр. 264. *...якоже древле Анна пророчица, мати Самоиля пророка.* — Анна — библейский персонаж, жена Елканы и мать пророка Самуила. Будучи бездетной, она молила Бога дать ей потомство, которое обещала посвятить служению Богу. Родив наконец сына Самуила, она отдала его служению в храме.

Стр. 266. *Несъдѣланное мое видѣста очи твои...* — Пс. 138, 16.

Вы же яко искони съ мною есте. — Иоан. 15, 27.

...Иеремѣя пророкъ въ чревѣ матерни освятися... — Иеремия — библейский пророк. В Книге Пророка Иеремии Бог говорит, обращаясь к нему: «Прежде, нежели ты вышел из утробы, я освятил тебя» (Иер. 1, 5).

Богъ... да благовѣствую въ странах. — Гал. 1, 15—16.

...в среду бо и в пяток не приимаше... — Среда и пятница — постные дни.

Стр. 268. *...трижды Господь Самоила пророка възва...* — Когда пророк Самуил, еще будучи отроком, служил в храме, он трижды услышал голос Бога, обращавшегося к нему.

...трею камению пращею Давидъ Голиада порази... — Царь Давид во время одной из войн израильтян с филистимлянами победил в единоборстве исполина Голиафа, бросив камень из пращи.

...трижды повелѣ възливати воду Илиа на полѣна... — Илия — библейский пророк. В Третьей Книге Царств рассказывается о следующем чуде: Илия построил жертвенник, положил на жертвенник дрова и тельца и повелел трижды выливать воду на дрова; когда Илия помолился, на жертвенник ниспал огонь и поглотил жертву и воду.

Стр. 270. *...три дни и три нощи Иона пророкъ в китѣ тридневнова...* — Библейский пророк Иона был выброшен по жребию мореходами в море, чтобы утишить бурю; его проглотил кит, и он провел в его чреве три дня и три ночи, а затем был выброшен китом на берег.

...трие отроци в Вавилонѣ пещь огньную угасиша... — См. коммент. к с. 50.

...тричисленое же слышание Исаию-пророку серафомовидцу... — Библейский пророк Исайя в видении лицезрел Бога, окруженного серафимами.

Трею же лѣт въведена бысть въ церковь Святаа Святых пречистая дева Мариа... — О введении Богородицы в храм рассказывается в апокрифическом Протоевангелии Иакова.

...три же ученикы Христос постави на Фаворѣ и преобразися пред ними... — В Евангелии рассказывается, что Христос явился в божественном сиянии перед тремя учениками — Петром, Иаковом и Иоанном (Преображение).

Петре, любиши ли мя? — См.: Иоан. 21, 15—17.

...и понеже Иеремѣю пророка Богъ въ чревѣ матерни освяти... — см. коммент. к с. 266.

Глаголеть Господь ... пронарече мя. — Ср. Ис. 49, 1.

Святый же великый Иоан пророкъ Предтеча... «Откуду ... къ мнѣ?» — См.: Лук. 1, 41—43.

Стр. 272. *Святый Николае чюдотворець...* — В тексте далее приводятся эпизоды, связанные с рождением целого ряда византийских святых: Николая Мирликийского (ум. в 343 г.), Ефрема Сирина (ок. 306—373 гг.), Алипия Столпника (VI—VII вв.), Симеона Столпника (ум. в 459 г.), Федора Сикеота (ум. в 613 г.), Евфимия Великого (376—477), Федора Едесского (IX в.), Федора Тирона (ум. ок. 306 г.).

...в ночвах... — Ночва или ночвы — сосуд, имеющий форму корыта.

...отрока тѣшениа тяклоименита... — Обыгрывается имя Евфимия Великого, которое по-гречески означает «произносящий хорошие слова».

Въистину даръ Божий... — Федор по-гречески означает «Божий дар».

Пишет же в житии святого отца нашего Петра митрополита... — Приводится эпизод из «Жития митрополита Петра», написанного митрополитом Киприаном.

Стр. 274. *...в лѣта... царя Андроника... при архиепископѣ... Калистѣ... въ княжение великое тферьское при великомъ князи Димитрии Михайловиче, при архиепископѣ пресвя-*

щеннѣмь Петре, митрополитѣ всея Руси, егда рать Ахмулова. — Патриарх Каллист I (с 1350 по 1354 г.; с 1355 по 1362 г.) не мог править одновременно с византийским императором Андроником II Палеологом (занимал престол с 1282 по 1328 г.), так что здесь допущена явная хронологическая ошибка. Дмитрий Михайлович Грозные Очи был великим князем в 1322—1325 гг.; Петр занимал митрополичий престол в 1308—1326 гг.; Ахмыл, татарский посол, приходил на Русь в 1322 г.

Стр. 276. *...якоже Прьвыа Царьскиа Книгы извѣщают о Саулѣ...* — Приводится рассказ из Первой Книги Царств о первом израильском царе Сауле.

...образом акы анафору... — Анафора — одна из частей богородичной просфоры, которая раздробляется и раздается верующим после трапезы.

Коль сладка грътани моему словеса твоя!... устом моимь — Пс. 118, 103.

Стр. 278. *И начят Часы пѣти...* — Часы — церковная служба, которая совершается трижды в день: утром (последование первого часа), днем (последование третьего и шестого часа) и вечером (последование девятого часа).

Тако глаголеть Господь: «Се... въ уста твоя». — Иер. 1, 9.

Стр. 280. *Чти отца своего и матерь... на земли.* — Исх. 20, 12.

...никтоже чистъ пред Богом... — Ср. Иов. 25, 4.

Се бо въ безаконии... мати моя. — Пс. 50, 7.

Стр. 284. *...егда великаа рать татарьскаа, глаголемая Федорчюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилование, сирѣчь княжение великое досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталося княжение ростовьское к Москвѣ.* — Федорчук — татарский темник, участник карательной экспедиции против Твери 1327 г., к которой был причастен и московский князь Иван Калита. Согласно «Житию Сергия»,Иван Калита получил великое княжение через год — в 1328 г. Правда, полновластным великим князем Калита стал позднее, когда в 1331 г. умер его соправитель Александр Суздальский; тогда же, очевидно, он овладел Ростовом, точнее — половиной Ростова.

...Тормосовъ род, Дюдень, зять его, с родом си... — В русской истории известны потомки Тормоса и Дюденя — Тормосовы и Дюденевы (Деденевы).

...с Протасиемь тысяцкым... — Протасий Федорович — московский тысяцкий (ум. ок. 1341 г.).

...даде князь великы сынови своему мѣзиному князю Андрѣю. — Андрей Иванович Серпуховской (1327—1353 гг.) — сын Ивана Калиты.

Стр. 286. *Каа плъза въ крови моей... въ истлѣние?* — Пс. 29, 10.

Стр. 288. *Изыдѣте от среды их... не прикасайтеся.* — Ис. 52, 11.

Прилпѣ душа моа... десница твоя. — Ср. Пс. 62, 9.

Се удалихся... чаах Бога спасающаго мя. — Ср. Пс. 54, 8.

Иже кто хошаго... быти мой ученикь. — Ср. Лук. 14, 33.

Уметы вся... да Христа приобрящу. — Фил. 3, 8.

...Климента да и Иоанна, иже тот Иоаннъ послѣди бысть Феодоръ Симоновский. — См. текст на с. 368—370.

...и бысть мних в монастыри святыя Богородица у Покрова иже на Хотьковѣ. — Покровский Хотьков монастырь к северо-востоку от Москвы, основанный в 1308 г.

Стр. 290. *Буди имя... в вѣкы!* — Ср. Иов. 1, 21.

...от митрополита Феогнаста... — Феогност был митрополитом с 1328 по 1353 г.

...и антимисъ... — Антиминс — льняной или шелковый плат с изображением положения Христа во гроб.

...при великом князи Симеонѣ Ивановиче... — Семен Иванович Гордый княжил в 1340—1353 гг.

Стр. 292. *...вселися в монастырь святого Богоявлениа...* — Московский Богоявленский монастырь, находившийся в пределах Китай-города.

...в том монастыри Алексий митрополит живяше... — В 1340 г. Алексей, будущий митрополит, был взят из Богоявленского монастыря наместником к митрополиту Феогносту.

...такоже и Василий тысущникъ, и Феодоръ, братъ его... — Очевидно, Василий Васильевич Вельяминов, последний московский тысяцкий (ум. в 1373 г.), и Федор Васильевич Воронец.

Стр. 294. *...тако бо тогда нарицаху сплоха имена, не съ имени...* — Позднее установилась практика давать монашеское имя, которое начиналось с той же буквы, что и мирское.

Стр. 296. *...оставль род свой и вся ближникы и ужикы, дом же и отечество, по древнему патриарху Аврааму.* — Авраам — библейский персонаж. Бог повелел Аврааму:«Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе».

Господи... твоея... — Пс. 25, 8.

...дому... дний... — Пс. 92, 5.

Коль... нежели жити ми въ селе грѣшничих. — Пс. 83, 2—5, 11.

Се удалихся... и милости своея от мене. — Пс. 54, 8; 65, 19—20.

Стр. 298. *Благословенъ Господь... искушеным быти.* — 1 Кор. 10, 13.

Все могу укр*ѣпляющему мя Богу.* — Фил. 4, 13.

...Господь любит праведника... — Ср. Пс. 145, 8.

Стр. 302. *Не премлъчи... въшумѣша.* — Пс. 82, 2—3.

Да въскреснет Богъ... а праведници възвеселятся. — Пс. 67, 1—4.

Стр. 304. *Сътвори... мя еси.* — Пс. 85, 17.

...яко лавра иже в Радонеже състави... — Слово «лавра» здесь употреблено в значении большого, многолюдного монастыря. Официально Троицкому монастырю было присвоено название лавры лишь в 1744 г.

...рекомый аркуда... — Аркуда — новогреческое «ἀρκοῦδα» вместо славянского эвфимистического образования «медведь».

Стр. 306. *Праведный яко левъ уповаа ходит.* — Прит. 28, 1.

Надѣющейся на Господа... в вѣкы. — Пс. 124, 1.

...яко гора Сионъ... — Сион — гора в Иерусалиме, на которой находится Иерусалимская крепость. В Священном писании Сион — символ несокрушимости и твердости.

С ним есмь въ скръби... спасение мое. — Пс. 90, 15—16.

Исчезоста очи... на Бога моего. — Пс. 68, 4.

Не убоишися от страха нощнаго... полуденьнаго и полунощнаго. — Пс. 90, 5—6.

...якоже в Лѣствицѣ речеся... — «Лестница (лествица), возводящая к небесам» — аскетико-дидактический трактат византийского писателя Иоанна Синайского (Лествичника, ум. между 650—680 г.). Это сочинение пользовалось в Древней Руси исключительной популярностью.

Стр. 308. *Яко аггелом своим заповѣсть съхранити тя.* — Пс. 90, 11.

Не ища своеа плъзы... да ся спасут. — 1 Кор. 10, 33.

Стр. 310. *Грядущаго къ мнѣ не ижьждену вънъ.* — Иоан. 6, 37.

Идѣже суть два... ту аз есмь посредѣ их. — Мф. 18, 20.

Се коль добро... жити братии вкупѣ. — Пс. 132, 1.

Многыми бо скръбьми... въ царство небесное. — Деян. 14, 22.

Узокъ путь и прискръбенъ есть... иже обрѣтают его. — Мф. 7, 14.

Нужно бо есть... въсхищают е — Мф. 11, 12.

Мнози суть звани, мало же избранных. — Мф. 22, 14.

Не бойся... дати вамъ царство небесное. — Лук. 12, 32.

Зачало бо премудрости страх Господень. — Прит. 1, 7.

Стр. 312. *...и чясове... и нефимонъ...* — Мефимон — церковная служба, отправляемая после великой вечерни (великое повечерие). Часы. — См. коммент. к с. 278.

Седмижды днемь... правды твоея. — Пс. 118, 164.

Не престающе молитеся Богу. — Фес. 5, 17.

Приидѣте къ мнѣ... смиренъ сердцемь. — Мф. 11, 28—29.

Стр. 314. *Предзрѣх Господа... да ся не подвижу.* — Пс. 15, 8.

Волю боящихся... и спасеть их. — Пс. 144, 19.

Стр. 318. *Митрополиту же Алексию всея Руси тогда бывшу ему въ Цариградѣ, въ градѣ же Переяславли повелѣ быти въ свое мѣсто епископу Афонасию Велыньскому.* — Митрополит Алексей был в Константинополе в 1353—1355 гг. Поставленный в епископы в 1328 г., Афанасий прибыл в Москву из юго-западной Руси около 1344 г.

Изведу избраннаго от людий моих. — Ср. Пс. 88, 20.

Ибо рука моя... укрѣпит и. — Пс. 88, 22.

Никтоже приемлет... от Бога. — Ср. Евр. 5, 4.

Стр. 320. *...изложение образ святыя вѣры, еже есть: «Вѣрую въ единого Бога».* — Символ веры («Верую») — изложение основных догматов православной веры.

...и постави его иподдиаконом, таже и диаконом... — Иподьякон — церковный служитель; дьякон — помощник священника при богослужении.

...немощи немощных носити... да угаждает. — Рим. 15, 1—2.

Сиа предаждь... иных научити. — 2 Тим. 2, 2.

Друг другу тяжести... законъ Христовъ. — Гал. 6, 2.

Ни хотящему, ни текущему... отца свѣтом. — Рим. 9, 16; Иак. 1, 17.

Стр. 322. *...съ сими же началныя святителя — Василиа Великаго, Богослова Григориа и Златаустаго Иоанна...* — Василий Великий (см. коммент. к с. 256), Григорий Назианзин (Богослов, ок. 330—390 гг.), Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407 гг., см. коммент. к с. 34) — наиболее известные «отцы церкви».

Подвизайтеся, братиа... враты. — Мф. 7, 13.

...нужно бо есть царство небесное... въсхыщают е. — Мф. 11, 12.

Плод духовный есть... въздержание. — Гал. 5, 22.

Приидѣте, чада... научю вы. — Пс. 33, 12.

Талантъ приахь... — См. коммент. к с. 260.

Иже аще съблазнить... и ввръженъ в море. — Мф. 18, 6.

Благий рабе, вѣрне!... господа своего. — Мф. 25, 21.

...помышляше въ умѣ житиа великых свѣтилъ... реку Атониа Великаго, и Великаго Евфимиа, Саву Освященнаго, Пахомия аггеловиднаго, Феодосиа общежителя... — Византийские святые Антоний Великий (ок. 250—356 гг.), Евфимий Великий (см. коммент. к с. 272), Савва Освященный (434—531 гг.), Пахомий (ум. в 346 г.), Феодосий Великий (ум. в 529 г.).

Акы ничтоже имуще, все съдръжаще. — 2 Кор. 6, 10.

Стр. 324. *...сей бо... поглотити.* — 1 Петр. 5, 8.

Се дахь вам власть... силу вражию. — Лук. 10, 19.

Призва Господь... и апостолы нарече. — Лук. 6, 13.

...или по числу двою на десяте колѣнъ Израилевь... — После исхода из Египта Моисей произвел религиозно-политическую реорганизацию израильтян: одно из тринадцати племен посвящено было служению Богу, а остальные двенадцать сделаны частями нового политического организма.

...или будет по числу 12 источник вод... — В библейской Книге Исход рассказывается, что израильтяне во время скитаний в пустыне пришли в Елим, где было двенадцать источников воды.

...или по числу избранных камений драгых 12, бывших на ризах архиерейских по чину Аароню? — В библейской Книге Исход рассказывается, что Бог повелел пророку Моисею сделать Аарона, своего брата, священником; на одежде Аарона должны были быть укреплены двенадцать драгоценных камней.

...прииде къ ним Симонъ, архимандритъ смоленский... — Предполагают, что Симон прибыл в Москву как один из кандидатов на смоленскую кафедру.

Стр. 326. *...якоже древле Аврам не пощадѣ сына своего Исаака.* — См. коммент. к с. 224.

Пасете стадо... бывающе стаду. — 1 Петр. 5, 2—3.

...писано есть въ книгах отечьскых, рекше въ Патерицѣ... — Патерик — сборник повествований о подвижниках какой-либо области.

Стр. 328. *Но увѣдайте... своего.* — Ср. Пс. 4, 4.

...и кутию самъ варяше... и каноны творяше. — Кутья и канун — еда и питье, которые приносили в церковь для поминовения умерших.

Иже кто... всѣмь слуга. — Мар. 9, 35.

Павечерница... — церковная служба, отправляемая после вечерни.

Стр. 330. *Претръпѣвый бо... той спасется.* — Мф. 24, 13.

Покажет мя праведникъ... обличит мя. — Ср. Пс. 140, 5.

Стр. 332. *...въ днех княжениа князя великого Ивана, сына Иваня, брата же Симионя...* — См. коммент. к с. 206 и 290.

Стр. 334. *Нѣкоторый же от мних поропта...* — В житии заметна непоследовательность. Сначала говорится, что один монах возроптал, затем говорится о монахах во множественном числе, а затем вновь об одном монахе. Возможно, это следствие компилятивности текста.

Стр. 336. *Възрите на пръвыя роды... от него?* — Ср. Сир. 2, 10.

Не аз ли есмь податель пищам... животно благоволениа. — Ср. Пс. 135, 25; 144, 15—16.

Ищете и просите... до конца и спасется. — Мф. 6, 33, 26; Евр. 10, 36; Лук. 21, 19; Матф. 10, 22.

...вечеръ бо... радость. — Пс. 29, 6.

Стр. 338. *И яко же древле израильтяном нѣкогда в пустыни манна от Бога посылаема бяше...* — В Библии рассказывается, что когда пророк Моисей выводил израильтян из египетского плена, Бог чудесным образом накормил народ в пустыне и утолил жажду людей.

И одожди им манну... и насытишася зѣло. — Пс. 77, 24—25, 29.

Тръпѣние убогых... добро тебѣ будет. — Ср. Пс. 9, 19; 27, 2.

Ихже око не видѣ... хранящимъ заповѣди его. — 1 Кор. 2, 9.

Зане пепелъ... с плачемъ растворях. — Пс. 101, 10.

Стр. 340. *Имуще пищу... доволни будем.* — 1 Тим. 6, 8.

Одожди имь манну ясти... насытишася зѣло. — Ср. Пс. 77, 24—29.

Мягкая бо... царевых суть. — Мф. 11, 8.

Стр. 344. *...яко же премудрый Сирах рече...* — Имеется в виду библейская «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова».

Аще человекь... духом кроткым. — Гал. 6, 1.

Стр. 346. *...подвойские княжи...* — Подвойский — придворный чин.

Стр. 348. *Аще бо непокоривым людемъ еврейскым от камене воду источилъ есть...* — Когда, спасшись из египетского плена, израильтяне странствовали в пустыне и мучились жаждой, Моисей чудесным образом высек жезлом воду из скалы.

...вънезаапу источникь велий явися, иже и донынѣ всѣми видим есть... — Над источником, который, по преданию, возник по молитве Сергия близ Троице-Сергиевой лавры, сейчас находится Пятницкая часовня.

Стр. 354. *О съставлении общаго житиа.* — Монастыри разделяются на особножительные (идиоритм) и общинножительные (киновия). В последних не допускается никакой личной собственности монаха.

...патриархъ Коньстянтиня града киръ Филофей... — Константинопольский патриарх Филофей занимал престол в 1354—1355 и 1364—1376 гг. Предполагают, что в действительности инициатива введения общежития исходила от митрополита Алексея, а послание Филофея было доставлено Сергию в 1355 г., когда митрополит Алексей вернулся из Константинополя.

...крестъ, и парамантъ, и схиму... — Параманд — четырехугольный плат с изображением креста и других знаков страдания Иисуса, носимый монахами на груди и плечах. Схима — монашеское облачение. Сохранился крест-мощевик (крест с частицами мощей святых), который по традиции Троице-Сергиева монастыря считается тем самым, который был послан Сергию патриархом Филофеем.

Се нынѣ что добро... братии вкупѣ. — Ср. Пс. 132, 1.

...овогo келаря... — Келарь — заведующий кельями и благоустройством монастыря.

Стр. 354—356. *...пръвѣе еклисиарха; еже потом параеклисиарси...* — Екклесиарх — церковный уставщик; параекклесиарх — помощник екклесиарха.

Стр. 356. *...и въпроси канонарха...* — Канонарх — клирик в монастыре, являющийся руководителем церковного пения.

Стр. 358. *...в монастырь иже на Махрище.* — Троицкий Махрищский монастырь, к востоку от Троице-Сергиевой лавры, при впадении р. Махры в р. Молокшу (Молокчу), был основан Стефаном, который прибыл в Москву около 1355 г. из Киева (ум. в 1406 г.).

...имуще и рѣку близ, именем Кержачь, идѣже нынѣ монастырь стоит честное Благовѣщение пречистыа владычица наша Богородица. — Благовещенский Киржачский монастырь был основан на р. Киржач, притоке р. Клязьмы.

...и законодавца своего Моисеа многыми и различными извѣстивъ знаменьми... — См. коммент. к с. 338.

...Гедеону руном образ побѣды показывый! — Гедеон — библейский персонаж, «судья израильский». Желая узнать исход будущего сражения с мадианитянами, Гедеон попросил у Бога знамение: если утром роса будет только на разостланной шерсти, а на земле будет сухо, значит, израильтяне будут спасены. На другой день Гедеон попросил у Бога нового знамения: чтобы шерсть была сухая, а земля покрыта росой. Исход гадания был благоприятен для израильтян.

Стр. 362. *Аз же бых... не отвръзаа устъ своих.* — Пс. 37, 14.

И тако в том предасть душю свою Господеви... — Исаакий-молчальник умер в 1387 г.

...О епископѣ Стефанѣ. — Стефан Пермский, герой другого жития, написанного Епифанием Премудрым; в епископы пермские поставлен в 1383 г. (ум. в 1396 г.).

...яко поприщь 10... — См. коммент. к с. 164.

...сътвори «Достойно есть»... — Молитва.

Стр. 364. *Случи бо ся нѣкогда, пловущим намь от Коньстянтиня града къ Рускым странам...* — См. коммент. к с. 354.

Стр. 366. *Вручив же старѣйшинство предреченному Андронику...* — Предполагается, что Андроников монастырь (ныне — в черте Москвы) был основан около 1360 г. Первый его игумен Андроник ум. в 1374 г.

...и вручаеть паству своему ученику, Савѣ именем... — Второй игумен Андроникова монастыря Савва умер между 1410—1420 гг.

...священноинокъ именем Ефрѣмь, от бѣса блуднаго страстию борим бѣ. — Очевидно, этот Ефрем был позднее игуменом Андроникова монастыря.

По времени же въ оной обители бывшу игумену Александру... — Третий игумен Андроникова монастыря Александр умер не ранее 1427 г.

...тако же и другому старцу его, именем Андрѣю, иконописцу преизрядну... — Знаменитый древнерусский живописец Андрей Рублев. Спасский собор Андроникова монастыря был расписан Андреем Рублевым и Даниилом Черным в начале второй четверти XV в. Рассказ об игуменах Савве и Александре, преемниках Андроника, и об Андрее Рублеве обычно рассматривают как интерполяцию Пахомия Логофета.

Стр. 368. *И тако съставляет монастырь...* — Симонов монастырь был основан около 1370 г. Этот монастырь был посвящен Рождеству Богородицы (Старое Симоново).

Стр. 370. *...и въ архимандритѣх въ всѣх русскых старѣйшиньству сподобляеться, въ еже Симановьскый честнѣйши монастырь в Руси Феодоровъ строится въ патреарше имя.* — Во время поездки в Константинополь в 1383 г. Федор был поставлен в архимандриты патриархом Нилом (1378—1388 гг.), а Симонов монастырь сделан ставропигиальным, то есть подчиняющимся непосредственно константинопольскому патриарху.

...на томъ мѣстѣ благодатию Христовою устроенъ бысть монастырь... — В 1379 г. Симонов монастырь был перенесен на новое место и посвящен Успению Богородицы.

По времени же Феодоръ... възведенъ бысть на архиерейство града Ростова... — В 1390 г. Федор, став епископом ростовским, добился в Константинополе превращения Ростовской епископии в архиепископию.

...бѣ бо тогда Владимеръ в монастыри. — Владимир Андреевич Серпуховской.

Стр. 372. *Князь же великодръжавный... Дмитрей да глаголется.* — Дмитрий Иванович Донской.

Стр. 374. *Единъ гоняше тысящу, а два тму.* — Втор. 32, 30.

...обрѣте мѣсто угодно на рецѣ, зовомой Дубенкѣ... — Дубенский Шавыкинский монастырь, посвященный Успению Богоматери, был основан на северо-западе от Троицкой лавры на острове р. Дубенки, впадающей в р. Дубну.

Вручи же святый игуменъство от ученикъ своих, Савѣ именем... — Позднее Савва основал Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде.

...на Коломнѣ, въ отечьствѣ его, на мѣстѣ, именем Голутвинѣ... — Голутвин Богоявленский монастырь был основан около 1385 г. в устье р. Москвы.

Стр. 376. *...великоименитому князю Владимеру...* — См. коммент. к с. 370.

...благословит мѣсто на рѣцѣ Наре, и въздвигнет церковь въ имя Зачятиа пречистыа Богородица. — Высоцкий (Богородицкий Зачатьевский) монастырь был основан в 1374 г. близ Серпухова на р. Наре — притоке р. Оки.

И сего оставляет святый строити монастырь... — В 1382 г. Афанасий, оставив игуменство в Высоцком монастыре, ушел в Константинополь.

Стр. 378. *Възыде же на престолъ архиерейскый нѣкто архимандрит, Михаилъ именем...* — Претендент на митрополичий престол архимандрит придворного Спасского монастыря Михаил-Митяй был ставленником Дмитрия Донского (см. коммент. на с. 564—565).

...повнегда бо пловяше къ Царьскому граду, в телесный недугъ впаде и скончася. — Михаил-Митяй умер в 1379 г. на пути в Константинополь, куда он отправился для поставления в митрополиты.

Стр. 384. *...предпомянутый благовѣрный князь Владимеръ...* — См. коммент. к с. 370.

Стр. 386. *...нѣкаа плащаница...* — Плащаница — покрывало с изображением положения Христа во гроб.

...потыръ... — Потир — чаша, использующаяся для вина во время литургии.

Стр. 388. *...предводящее слово скажеть...* — Имеется в виду «Житие Никона», написанное Пахомием Логофетом.

Стр. 386—388. *...вручаетъ старѣйшинъство своему присному ученику... Никону же именем.* — Вскоре после смерти Сергия Никон удалился с игуменства, чтобы подвизаться в безмолвии. Спустя шесть лет он снова стал игуменом вплоть до своей смерти (1427 г.).

Стр. 388. *...в лѣто 6900-е месяца септевриа 25; живъ же преподобный лѣтъ 70 и 8.* — Возраст Сергия в год его смерти (78 лет) вызывает сомнения, поскольку не согласуется с другими историческими событиями, упоминаемыми в житии.

Стр. 390. *...и иже по нем Исусу...* — Иисус Навин — библейский персонаж, герой Книги Иисуса Навина.

...незлобие Иаковле стяжа и Авраамово страннолюбие... — Иаков и Авраам — библейские персонажи.

Аще и разсудителенъ бяше Великый Сава... — Савва Освященный (см. коммент. к с. 322).

Стр. 392. *Коль сладка грътани... путь неправды.* — Пс. 118, 103—104.

...славящаа мя бо... без чести будуть. — Ср. 1 Цар. 2, 30.

Стр. 394—396. *Тако да просвѣтится... иже есть на небесѣхъ.* — Мф. 5, 16.

Стр. 396. *Не укрыется град... но на свѣщницѣ.* — Мф. 5, 14—15.

Понеже начат... и учити. — Деян. 1, 1.

Зачало бо прѣмудрости страх Господень. — Прит. 1, 7.

Стр. 398. *Въпроси... не забудут дѣлъ Божиих.* — Втор. 32, 7; Пс. 77, 3—7.

Стр. 400. *Братие, вы есте... «Вселюся в ня».* — 2 Кор. 6, 16.

Поучится день и нощь... въ время свое. — Пс. 1, 2—3.

...но бяше... с любовию. — Ср. Кол. 4, 6.

Стр. 402. *...в вослѣдняя времена... на скончание седмыа тысяща...* — То есть под конец земной истории человечества, так как в средние века было распространено мнение, что Страшный Суд наступит по истечении тысячелетия от сотворения мира.

...яко алавастръ мира... — Алавастр — узкогорлый металлический сосуд, употреблявшийся для хранения ароматов.

Стр. 404. *...престолъ пресвятыа и преславныя владычица наша Богородица...* — Имеется в виду Успенский собор в Московском Кремле.

...Кипреянъ митрополит. — Митрополитом Киприан был в 1381—1382 и 1390—1406 гг.

...ни Святыа горы... — Афонская монастырская колония.

Ищете бо... тлъкущему отвръзается. — Мф. 7, 7—8; Лук. 11, 9—10.

Всѣмь сердцемь моим взыска тебе. — Пс. 118, 10.

Взысках Господа, и услыша мя. — Пс. 33, 5.

Стр. 408. *Душа праведных... на преподобных его.* — Ср. Прем. 3, 1—9.

Праведници бо... владычьствиа их. — Ср. Прем. 5, 15—16; Прит. 10, 6—7; Прем. 4, 7—14; Пс. 15, 10; 112, 4, 6; 146, 6; 144, 18—19; 33, 21; Прит. 29, 2; Пс. 90, 1; 91, 13—14; 32, 1; 111, 6, 2; 138, 17.

Братие... Радуйтеся! — Фил. 4, 4.

Стр. 408—410. *Понеже убо смирихся... въ странѣ живущихь.* — Ср. Пс. 114, 6—9.

Стр. 410. *Се покой мой... шума празднующаго?* — Ср. Пс. 131, 14; 83, 11; 41, 3, 5.

Тѣм же не умру... исповѣмся Господеви... — Ср. Пс. 117, 17—19.

Господи, Боже силъ!... в вѣкъ вѣка въсхвалят тя. — Ср. Пс. 83, 2, 11; 89, 5; 41, 2; 35, 10; 83, 5.

Блажени кротци... обладают ею. — Ср. Мф. 5, 5.

Толцай отвръзет себѣ... безцѣнный бисерь. — Ср. Мф. 7, 7.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ИГУМЕНАМ СЕРГИЮ И ФЕОДОРУ

Публикуемое здесь послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору от июня 1378 г. является вторым его к ним посланием. Первое, краткое, он написал на двадцать дней раньше, 3 июня, находясь на пути в Москву и извещая об этом своих корреспондентов. Их встреча не состоялась. Великий князь Дмитрий Иванович перехватил митрополита и выдворил его из Москвы. Послание от 23 июня написано сразу после этих событий. Из него мы и знаем, чем обернулась для Киприана его попытка утвердиться в Москве вопреки воле князя.

В 1375 г. Киприан был поставлен в митрополиты Киевские и всея Руси Константинопольским и вселенским патриархом Филофеем, стремившимся к тому, чтобы сохранилось церковное единство Великой и Малой Руси, бывшее в то время под угрозой (Великой Русью владели татары, а Малая находилась во власти Литвы и Польши). Еще жив был митрополит Алексей, и Киприан должен был до его смерти пребывать в подвластном Литве Киеве, а затем переехать в Москву и тем самым объединить западную и восточную части митрополии всея Руси. Но великий князь московский и владимирский Дмитрий Иванович видел в Киприане сторонника своих врагов, литовских князей. После смерти митрополита Алексея (февраль 1378 г.) князь сделал наместником митрополичьего престола своего духовного отца и печатника попа Митяя, получившего в монашестве имя Михаила. Игумены Сергий и Феодор были сторонниками Киприана. И Киприан, направляясь летом 1378 г. из Киева в Москву, рассчитывал с их помощью овладеть занятым Митяем-Михаилом престолом. Неудача не сломила воли Киприана, о чем свидетельствует публикуемое здесь послание. Киприан прибег к перу как к средству борьбы за свои права.

Это послание — уже не частное письмо, но публицистическое произведение, рассчитанное на прочтение — наряду с его непосредственными получателями — широким кругом заинтересованных читателей. Главная его цель — разоблачение незаконности действий Митяя и защита собственных прав. Для обоснования своей правоты Киприан привлекает и цитирует целый ряд церковно-канонических правил. В его послании много также живых эмоциональных описаний того, что он сам только что претерпел; элементы автобиографии, описания перенесенных страданий встречаются также в Киприановской редакции Жития митрополита Петра, в этом Киприан выступает прямым предшественником протопопа Аввакума.

Киприан в этом послании отлучает от церкви и проклинает и великого князя Дмитрия Ивановича, и всех, кто причастен к его «иманию, и запиранию, и бещестию, и хулению», а также и тех, «хто покусится сию грамоту сжещи или затаити». Так что это его послание было небезопасно во всех отношениях: если читаешь и распространяешь, подвергаешься опасности наказания со стороны властей предержащих, если утаиваешь или уничтожаешь, подпадаешь под митрополичье проклятие. Желание избежать и той и другой опасностей объясняет наличие сознательно затрудненных для прочтения и зашифрованных мест во всех четырех дошедших до нас списках послания, из которых два принадлежат XV в., а два — рубежу XV и XVI вв.

Послание печатается по рукописи: *РНБ*, Соловецкое собр., № 858, Кормчая, 1493 г., л. 527—536.

Стр. 412. *Кипріанъ... митрополит всея Руси...* — Киприан, южный славянин, возможно, из тырновского боярского рода Цамблаков, в 50-х гг. XIV в. эмигрировал в Византию, жил на Афоне, сблизился с Константинопольским патриархом Филофеем Коккином (1354—1355, 1364—1376 гг.), в 1374 г. в качестве патриаршего посла был на Руси, в 1375 г. был поставлен патриархом в митрополиты Киевские и всея Руси. Но этого поставления, как совершенного еще при жизни митрополита Алексея, великий князь московский и владимирский Дмитрий Иванович не признал, и Киприан вынужден был жить не в Москве, куда он стремился, а в подвластном Литве Киеве, владея лишь западной частью своей митрополии. Таким образом, митрополитом «всея Руси» он был в момент написания послания лишь номинально. В Москву великий князь Дмитрий Иванович пригласил его в 1381 г., после гибели Мамая, а в 1382 г., после разгрома Москвы Тохтамышем, изгнал, и тот ушел обратно в Киев. В Москву Киприан вернулся как митрополит, на этот раз окончательно, в 1390 г., после смерти Дмитрия Донского. Умер в 1406 г.

...игумену Сергию... — Игумен основанного им Свято-Троицкого монастыря преп. Сергий Радонежский.

...и игумену Феодору... — См. коммент. к с. 368—370.

«Вси ли уклонишася... быша?» — Пс. 13, 3.

Стр. 414. *«Удобь есть вельблуду... внити»* — Мф. 19, 24; Мр. 10, 25; Лук. 18, 25.

«Мерзость запустѣния... святемъ» — Дан. 9, 27; Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

Стр. 416. *...яко Симонъ вълъхвъ мною, Петромъ».* — Симон-волхв, согласно новозаветной книге Деяния Апостолов (8, 18—20), предлагал апостолам деньги, чтобы они дали ему власть, какая была у них, ниспосылать Духа Святого, возлагая на кого-либо руки, — на что апостол Петр ответил ему резкой отповедью («Серебро твое да будет в погибель с тобою...»).

...по святемь Генадии патриархи Новаго Рима... — Геннадий I — патриарх Константинополя в 458—471 гг.

...въ сборномъ послании Тарасьеви, святѣйшаго патриарха Костянтинаграда... — Тарасий — патриарх Константинополя в 784—806 гг.

...к папѣ старѣйшаго Рима Андрѣянови... — Адриан — римский папа в 772—795 гг.

Стр. 418. *...на митрополицѣ мѣстѣ чернець... и посох в руках?* — Имеется в виду Митяй, в монашестве Михаил.

...перемонатка... — параман, особый плат, который имеет право носить (поверх подрясника во время литургии) только глава поместной церкви (митрополит, патриарх).

...брат мой преставилъся... — Имеется в виду митрополит Алексей, умерший 12 февраля 1378 г.

Полтретия лѣта мнѣ в святительствѣ... 14 дний до сего дни... — Киприан был поставлен патриархом Филофеем в митрополиты 2 декабря 1375 г.; в Киев он прибыл, как следует из этих его слов, 9 июня 1376 г.

...княгини дѣля великой... князю Кашиньскому. — Не совсем ясно, кого имеет здесь в виду Киприан. Речь идет, очевидно, не о жене великого князя московского Дмитрия Ивановича Евдокии, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского: мы ничего не знаем о ее дочери, бывшей замужем за кашинским князем, да и замужем за Дмитрием Ивановичем Евдокия Дмитриевна была только с 1366 г., так что и зятя, по-видимому, иметь еще не могла. Вероятно, Киприан говорит о великой княгине Марии Александровне, третьей жене дяди Дмитрия Ивановича, великого князя Семена Ивановича Гордого: дочь Семена Ивановича от первого брака (с Августой—Анастасией Гедиминовной) Василиса Семеновна была женой Михаила Васильевича Кашинского, который, следовательно, приходился Марии Александровне зятем. Но к тому времени, когда Киприан стал митрополитом, он уже умер (1373 г.). На ком был женат его сын Василий Михайлович, бывший в момент написания послания Кашинским князем, неизвестно.

Стр. 420. *Кладет на мене вины, что былъ есмь в Литвѣ первое.* — Великий князь московский Дмитрий Иванович считал Киприана ставленником великого князя литовского Ольгерда, сторонником враждебной ему Литвы.

Одеюрѣви мивропродиву... — Зашифрованы слова «Алексееви митрополиту».

...ни в Велыньскую землю, ни в Литовьскую... — Митрополиту Алексею, выступавшему в политической борьбе Москвы и Литвы решительным сторонником Москвы, доступ в земли, находящиеся под властью Литвы, практически был закрыт.

Стр. 422. *...дв оудушь отдумени...* — Тайнопись: «Да будут отлучени». Открыто писать эти слова, направленные против великого князя, русским писцам было, очевидно, страшно.

И тии на куны надѣются и на фрязы... — Эти слова показывают, что Киприан в 1378 г. знал, на какую помощь рассчитывают его противники, сторонники выделения из митрополии «всея Руси» великорусской митрополии. Действительно, в 1380 г. они добились в Константинополе поставления в митрополиты одного из спутников внезапно умершего Митяя, Пимена, именно с помощью взятых у латинян и турок в долг денег и угроз грекам «латинами».

ТРИ ПОСЛАНИЯ И ДУХОВНАЯ ГРАМОТА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

Послания Кирилла Белозерского воспроизводятся здесь по списку *РНБ*, Софийское собр., № 454, Сборник богослужебный, конец XVI в., лл. 187—198. На первом листе рукописи находится запись, свидетельствующая о вологодском ее происхождении: «Книга Трефолой инока Никона Вологженина. В началѣ служба воскресная со всеми Евангелии воскресными, в нейже псалмы избранные на весь год с величаньми и иные приписи».

В издании грамот преподобного Кирилла Белозерского, сделанном Археографической комиссией (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 1. 1334—1598. СПб., 1841. № 32, с. 21—22, 24—26, 55—56), указана как основа публикации именно эта рукопись. Но листы, на которых послания в ней находятся, указаны неверно, а опубликованные тексты великим множеством мелочей отличаются от содержащихся в списке.

Текст Духовной грамоты Кирилла Белозерского воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. Отдельные дефектные, не поддающиеся прочтению места оригинала восстанавливаются по его изданию, осуществленному Археографической комиссией (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том первый. 1334—1598. СПб., 1841. № 31, с. 61—62).

Все начало грамоты от слов «Во имя Святыя и Живоначальныя Троица» до слов «судъ страшный Спасовъ» представляет собой дословное заимствование из Духовной грамоты ми-

трополита Киприана (ум. в 1406 г.) с заменой только слов «Киприанъ митрополит» на «Кирило игуменъ» (ср.: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857, т. 1. с. 544).

Стр. 424. *Василий Дмитриевич* (1371—1425) — старший сын Дмитрия Ивановича Донского, великий князь московский и владимирский (1389—1425 гг.), возведен на престол во Владимире ханским послом Шахматом. Когда Москве угрожал Тамерлан, 26 августа 1395 г., по приказу Василия Дмитриевича туда из Владимира была перенесена икона Богоматери Владимирской, и Тамерлан повернул от Москвы. Несмотря на то что в княжение Василия Дмитриевича Московская Русь терпела урон и от литовцев, и от татар (в 1404 г. тесть Василия Витовт захватил Смоленск; в 1408 г. совершил набег на Русь Едигей), в целом при нем произошло расширение территории и укрепление Московского княжества. Василий Дмитриевич присоединил к московским владениям Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Муром, Тарусу и Суздаль. Ярлык на Нижний Новгород и Суздаль он купил у хана Тохтамыша, посетив в 1392 г. Орду. Завладеть Нижним Новгородом помогли ему ханский посол Улан и боярин Румянец, предатель нижегородского князя Бориса. Борис был схвачен, но его племянники, Василий Кирдяпа и Симеон, в 1394 г. бежали в Орду. В 1399 г. Симеон с царевичем Эйтяком ненадолго брал Нижний. Жена Симеона была захвачена московским отрядом в Мордовский земле и доставлена в Москву. Проскитавшись восемь лет в степях на службе четырем ханам, Симеон вернулся на Русь, удалился с позволения Василия Дмитриевича в Вятскую землю и через пять месяцев, в 1402 г., там умер. Тоже вернувшийся на Русь Василий Кирдяпа скончался в Городце в 1403 г.

Стр. 426. *...еже стяжа честною си кровию.* — Ср. Деян. 20, 28.

«Блаженны бо... боящиися Господа».— Пс. 111, 1; 127, 1.

Стр. 428. *«Аще имам вѣру... полза ми есть».* — 1 Кор. 13, 2—3.

«Бога люблю... ложь есть». — Ин. 4, 20.

...ко князю Юрѣю Дмитреевичю. — Юрий Дмитриевич (1374—1434), сын Дмитрия Ивановича Донского, крестник Сергия Радонежского. По завещанию отца в 1389 г. получил в удел Звенигород, Галич, Рузу-городок и др. После смерти в 1425 г. своего старшего брата Василия начал борьбу за великокняжеский престол с его сыном Василием Васильевичем. В 1428 г. вынужден был признать себя «младшим братом» своего племянника. Не смирившись с этим, попытался в 1431 г. найти поддержку в Орде, сумел добиться лишь выморочного г. Дмитрова, но оттуда его наместники были изгнаны великим князем Василием. После оскорбления, нанесенного его сыну Василию Косому на свадьбе великого князя Софьей Витовтовной, Юрий Дмитриевич с галицким войском нанес в 1433 г. поражение Василию Васильевичу, дал ему в удел Коломну, но затем сам предложил ему вернуться на великокняжеский стол и ушел из Москвы в Галич. Дети Юрия Дмитриевича с помощью его воевод и людей нанесли в том же году еще одно поражение великому князю, за что тот на следующий год взял и сжег Галич, а затем в третий раз был разбит дядей. Юрий Дмитриевич вступил в Москву, послал вдогонку за Василием Васильевичем своих сыновей, но тут, 5 июня 1434 г., скоропостижно скончался.

Стр. 430. *...брат твой, князь Ондрѣй...* — См. след. коммент.

Стр. 432. *...ко князю Андрею Дмитриевичу.* — Андрей Дмитриевич (1382—1432), третий сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Согласно Духовному завещанию отца, получил в 1389 г. в удел Можайск, Верею, Медынь, Калугу и Белозерск. Был верным союзником своего брата, великого князя Василия Васильевича Темного. Умер в Можайске, похоронен в Кремлевском Архангельском соборе. Оставил детей: Ивана, князя Можайского, Михаила Верейского и Белозерского и дочь Анастасию, бывшую замужем за князем Борисом Александровичем Тверским.

Стр. 434. *«Да не оправдиши... мъзды ради».*— Исх. 23, 7.

«Ни сотвориши неправду на суде». — Лев. 19, 15.

Стр. 436. *«И во мнѣ смутися... тма недоумѣния».* — Ср. Пс. 54, 5—6.

«...възвергу печаль на Господа». — Ср. Пс. 54, 23.

...князю великому, сыну своему, Андрѣю Дмитриевичю. — См. коммент. к с. 432.

...священноинока Инокентия. — Иеромонах Иннокентий, ученик и наследник Кирилла Белозерского, был игуменом Кириллова монастыря всего пять месяцев — до своей смерти в 1427 г.

...княгиню великую Ографѣну. — Ографена, или Агриппина, дочь князя Александра Патрикеевича Стародубского, в 1403 г. вышла замуж за князя Андрея Дмитриевича Можайского и имела от него троих детей.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

Это один из немногих литературных памятников начала XV в. (после 1413 г.), раскрывающих взгляды современников на изобразительное искусство. Автор письма — Епифаний Премудрый — выдающийся писатель конца XIV—начала XV в., возможно, владевший и искусством живописца. Его адресат — Кирилл Тверской, — видимо, представлял Епифанию Премудрому убежище во время набега хана Едигея на Москву (1408). В письме содержатся ценные сведения о творческой биографии и художественной манере византийского живописца Феофана Грека, работавшего на Руси в XIV—начале XV в. и бывшего старшим современником знаменитого русского художника Андрея Рублева.

Письмо печатается по единственному известному списку второй половины XVII в.(*РНБ*, Соловецкое собрание, № 1474—15, лл. 130—132).

Стр. 440. *...церковь Софийскую цареградскую...* — См. коммент. к с. 30.

...изограф... — Художник, живописец.

...в Халкидонѣ... — Халкидон — средневековый город на берегу Мраморного моря.

...в Галафѣ... — Галата — часть Константинополя.

...в Кафѣ... — См. коммент. к с. 110.

...церкви... Благовѣщения святыя Богородицы... — Благовещенский собор в Московском Кремле (построен в 1390-е гг., расписан Феофаном Греком, Прохором с Городца и Андреем Рублевым в 1405 г.; фрески не сохранились, так как в конце XV в. собор был перестроен). В иконостасе собора сохранились подлинные произведения Феофана Грека, Андрея Рублева и Прохора с Городца.

...одну же на Москвѣ. — Обычно под этой церковью подразумевают церковь Рождества Богородицы с приделом Лазаря в Московском Кремле (построена и расписана в 1390 г. Феофаном Греком, Семеном Черным и другими мастерами). Фрески XIV в. не сохранились.

В Михайле святом на стенѣ написа град... — Собор архангела Михаила, или Архангельский собор в Московском Кремле (построен в 1333 г., расписан Феофаном Греком и его учениками в 1399 г.; фрески не сохранились, так как собор был перестроен в начале XVI в.).

...у князя Владимира Андрѣевича... — См. коммент. к с. 104.

...«Корень Иессеевъ»... — мифическая родословная Исуса Христа, которую возводили к отцу библейского царя Давида — Иессею.

Стр. 442. *...нарицаемого Иустиниана, на конѣ седяща и в руцѣ своей десницы мѣдяно держаща яблоко...* — См. коммент. к с. 30.

...написа наскорѣ храмовидное изображение... — Рисунок Феофана Грека с изображением Софии Константинопольской не сохранился. Возможно, в ряде русских рукописей XV—XVI вв. встречаются подражания этому рисунку. Однако это мнение оспаривается.

СКАЗАНИЕ О БИТВЕ НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ

В феврале месяце 1170 г. объединенные силы ряда русских княжеств под предводительством сына Андрея Боголюбского Мстислава осадили Новгород. После трехдневной осады 25 февраля произошло сражение, окончившееся победой новгородцев. Событие это нашло отражение и в

летописях, и в устном предании. В летописях встречаются две версии повести — одна из них проновгородская, другая антиновгородская. Обе версии летописной повести, созданные независимо друг от друга, возникли в близкое к событию время. Через какое-то время после битвы возникла и устная легенда, объяснявшая победу новгородцев над осадившими город многочисленными силами врага чудесной помощью патрональной иконы Новгорода. В основу легенды о повернувшейся иконе, по мнению Д. С. Лихачева, мог лечь действительный факт. Новгородская икона Знамения Богородицы (сохранилась до нашего времени, находится в Новгородском соборе) — небольшая по величине, она укреплена на древке. Если во время осады икона была вынесена на острог, в нее действительно могла попасть стрела и повернуть ее вокруг оси. «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» объединило краткую летописную повесть об этом событии проновгородской ориентации и устную легенду. Как письменное произведение «Сказание...» возникло в 40—50-х гг. XIV в. К этому времени относится возникновение первой редакции «Сказания...», которая называется в рукописях «Словом о знамении». В дальнейшем вплоть до XVII в. создавались новые редакции этого произведения.

Мы публикуем текст «Сказания...» по самому раннему списку его первоначальной редакции, по рукописи пергаменной праздничной Минеи XIV в. из Софийского собора — *РНБ*, Софийское собрание, № 396, лл. 1 об.—4 об.

Стр. 444. *Романъ Мьстиславличь, внукъ Изяславль* — сын киевского князя Мстислава Изяславича, внук великого князя киевского Изяслава Мстиславича, с 1168 по 1170 г. князь новгородский, с 1170 по 1205 г. князь владимиро-волынский, а с 1199 г. и галицкий.

...двиняни... — жители Двинской земли, по реке Северной Двине, входившей в состав владений Новгорода.

...вдашася князю Андрѣю Сусьдаскому... — Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владимиро-суздальский с 1157 по 1174 г.

Даньслав Лазутинич — новгородский воевода.

...ис концовъ по сту мужь. — Новгород делился на пять частей — «пять концов».

...святому архиепископу Ивану... — Иоанн, в миру — Илья, сначала был священником церкви Власия на Волосовой улице в Новгороде, в 1164 г. был избран новгородским епископом. В 1167 г. в Новгороде была установлена архиепископия, и Иоанн стал первым новгородским архиепископом; умер в 1186 г.

Стр. 446. *«Иди в церковь святаго Спаса на Ильину улицю...»* — Иоанн находился во Владычных палатах, на Софийской стороне, а Ильина улица — на противоположном берегу Волхова, на Торговой стороне. Всемирно известная церковь Спаса на Ильине улице, украшенная фресками Феофана Грека, была выстроена на месте старой (той, о которой идет речь в «Сказании...») в 1374 г.

...канун... — канон, церковное песнопение в честь святого или праздника.

Кондак — церковное песнопение, более краткое чем канон.

...на Десатинѣ. — Здесь: Десятина — название местности на Софийской стороне.

...фелонъ... — риза — длинное широкое облачение без рукавов, покрывающее все тело и постепенно суживающееся кверху. В древности фелонь могли носить только патриархи, архиепископы и некоторые епископы.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

Устная легенда о чудесном путешествии на бесе в Иерусалим первого новгородского архиепископа Иоанна возникла, по-видимому, очень рано. Сюжет этой легенды — служение человеку заклятого крестным знамением беса — восходит к сказочному фольклору Древней Руси (этот фольклорный мотив нашел отражение в «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя). Точных

данных о том, когда эта легенда об Иоанне была зафиксирована как литературно-письменное произведение, у нас нет. В первой половине XV в. при новгородском архиепископе Евфимии II в Новгороде создается ряд литературных произведений, в которых воскрешается былая история Новгорода Великого; тогда же происходит и «чудесное» обретение забытых мощей первого новгородского архиепископа. Вероятнее всего, в это время и записывается легенда о чудесном путешествии Иоанна на бесе. До нас «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского...» дошла в составе его «Жития», написанного, скорее всего, известным агиографом XV столетия Пахомием Логофетом. Здесь она является вторым «Словом» (первое «Слово» — рассказ о битве новгородцев с суздальцами, третье — рассказ об обретении мощей Иоанна).

Текст «Повести...» печатается по списку «Жития» конца XV в. — *РНБ*, Соловецкое собр., № 500 (519), лл. 200—203 об.

Стр. 450. *Иоанн* — архиепископ новгородский. См. коммент. к с. 444.

«Прославляюща мя... прославлю». — I Цар. 2. 30.

«Се дахъ вамъ власть над духы нечистыми». — Ср. Мф. 10. 1; Мр. 6. 7.

Имѣяше же святый сосуд с водою стоящь, из негоже умывашеся. — В Новгородском музее хранится древний рукомойник, принадлежавший, согласно легенде, епископу Иоанну.

Стр. 452. *...и часть животворящаго древа.* — «Животворящее древо» — крест, на котором был распят Христос.

Паникадило — большая люстра или большой подсвечник со свечами в церкви.

Стр. 454. *«Нѣмы да будуть... гордынею и уничиждениемъ».* — Пс. 30. 19.

И выведоша святаго... Иоанна на Великий мостъ... — Казнь осужденных в Новгороде совершалась на мосту через Волхов — их сбрасывали с моста в реку.

...къ святаго Георгиа монастырю. — Юрьев монастырь расположен в верховьях Волхова, в четырех километрах от Новгорода вверх по течению.

...шедше скоро в великую Премудрость Божию... — то есть в Софийский собор в Новгородском кремле. София — символ «Божьей премудрости».

Стр. 456. *...полпоприща...* — около полукилометра.

Стр. 458. *«Блажени изгнани правды ради, яко тѣхь есть царство небесное!»* — Мф. 5. 10.

ПОВЕСТЬ О БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

«Повесть о Благовещенской церкви», так же как «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе», связана с именем архиепископа новгородского Иоанна, но в состав «Жития Иоанна Новгородского» она не включалась. Повесть эта дошла в небольшом числе списков и, как правило, в виде приложения к тексту жития. Вероятнее всего, это следует объяснять более поздним происхождением «Повести о Благовещенской церкви» по отношению к двум другим произведениям об Иоанне, а также тем, что здесь фигурирует не только Иоанн, но и его брат Григорий.

«Повесть...» возникла не ранее 1310 г. и не позже начала XVI в.: в конце ее сообщается, что в Благовещенском храме был погребен архиепископ Феоктист, а он умер в 1310 г.; вместе с тем до нас дошли списки «Повести...», датируемые первой половиной XVI в. Упоминание Феоктиста, ничем не примечательного и никак не связанного с сюжетом «Повести...», дает основание относить время ее возникновения к XIV в., когда это имя еще хорошо помнили. Устная легенда о построении братьями монастыря возникла раньше.

Текст «Повести...» печатается по списку: *БАН*, 34. 4. 1. — Сборник историко-повествовательного характера, XVII в., лл. 712—712 об.

Стр. 460. *Благовещенская церковь* — находилась в Благовещенском монастыре, основанном Иоанном и Григорием в 1170 г. В 1179 г. была построена каменная церковь Благовещения. От этой церкви до нашего времени сохранилась только нижняя половина здания с остатками фресок 1189 г.

Иоанн. — См. коммент. к с. 444.

Григорий — брат Иоанна, был избран на архиепископский престол после смерти Иоанна в 1186 г. и занимал его до своей смерти в 1195 г.

...чюдный мужъ Сергий... — Сергий — игумен Островского Никольского монастыря, его имя упоминается в новгородской грамоте конца 50-х—начала 70-х гг. XV в. В некоторых сборниках, где встречается подборка нескольких новгородских повестей, говорится, что Сергий рассказал и другую историю — «О посаднике Добрыне», которая идет перед рассказом о Благовещенской церкви. Поэтому «Повесть о Благовещенской церкви» и начинается словами, что ее рассказал «тот же Сергий».

Стр. 462. *...и взята быста единъ по единому, по времени, на архиепископский престолъ...* — На самом деле Иоанн был уже архиепископом (с 1167 г.), когда основывал с братом Благовещенский монастырь.

...положена быста в... церкви святѣй Софѣи. — Иоанн и Григорий были погребены рядом в Софийском соборе — патрональном храме Новгорода.

...архиепископъ Феоктистъ — был архиепископом Новгорода с 1300 по 1310 г.

ХОЖДЕНИЕ НА ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР

В 1439 г. во Флоренции на объединенном соборе православной и католической церквей было принято решение об унии. Византийский император Иоанн VIII Палеолог и руководство Византийской церковью согласились на это, рассчитывая таким образом получить от Запада помощь в борьбе с турецкой экспансией. Папа Евгений IV стремился посредством унии добиться распространения влияния папского престола на страны православного мира. Унию подписал и русский митрополит Исидор, но его поступок вызвал в Москве бурю негодования, и Исидор был низложен.

Участники русской церковной делегации на Флорентийском соборе написали четыре произведения. Одно из них — «Повесть о восьмом соборе» суздальского иерея Симеона, рассказывающая о деятельности Флорентийского собора, представляет собой полемическое антикатолическое сочинение, три других — являются памятниками литературы путешествий. Суздальский епископ Авраамий описал мистерии (театральные представления на религиозные темы), которые он наблюдал в церквах Флоренции (сочинение Авраамия известно под названием «Исхождение Авраамия Суздальского»). Неизвестный суздалец, член свиты Авраамия, составил описание путешествия русского посольства из Москвы во Флоренцию и из Флоренции в Суздаль (из Москвы посольство выехало 8 сентября 1437 г., в Суздаль прибыло 29 сентября 1440 г.). Этому же автору принадлежит, очевидно, и «Заметка о Риме» (см. далее).

Описание путешествия русского церковного посольства выполнено в традиционном для памятников древнерусской литературы жанре «хождений»: в них «дорожник» — перечисление географических объектов в хронологической последовательности путешествия — сочетается с очерковыми описаниями виденного и выражением чувств и переживаний автора.

Повествуя о путешествии русского посольства — из Москвы через Ливонию, Германию, Италию во Флоренцию и из Флоренции через Италию, Хорватию, Венгрию, Польшу, Литву на Русь, — неизвестный суздалец знакомит читателя не только с географической и политической картой Европы, но и с внешним обликом европейских городов, занятиями их жителей, сообщает сведения языкового и вероисповедального характера. Автор искренне восхищается достижениями

западноевропейской культуры, без тени осуждения «латинства», хотя в то время, в связи с Флорентийским собором, религиозные страсти достигли большого накала. Сочинение неизвестного суздальца представляет большой интерес как первое русское описание Европы, как памятник, сохранивший первые впечатления русских людей от знакомства с Западом.

Произведение издается по списку: *БАН*, 16. 8. 13 (вторая четверть XVI в.); исправления сделаны по списку: *РГБ*, Музейное собр., № 939 (середина XVIII в.).

Стр. 464. ...*митрополит Сидоръ* — Исидор, митрополит киевский и всея Руси (1437—1441 гг.).

...*на Рожество святыа Богородици*... — 8 сентября.

...*на Воздвижение честнаго креста* — 14 сентября.

...*владыка Аврамий Суждальский* — Авраамий, епископ Суздальский (упоминается в 1437—1440 гг.).

...*князь Борис Твѣрьский*... — Борис Александрович, великий князь тверской (1425—1461 гг.).

...*владыка Илиа*... — Илья, епископ тверской (упомин. в 1437, 1438, 1451 гг.).

...*владыка новгородский Еуфимий*... — Евфимий II, архиепископ Великого Новгорода (1429—1458 гг.).

...*къ святой Софии*... — Речь идет о соборе святой Софии, патрональном храме Великого Новгорода.

...*на память святаго отца Николы* — 6 декабря.

...*у святые Троици*... — Речь идет о соборе святой Троицы, патрональном храме Пскова.

Стр. 466. ...*поѣха изо Пскова в Нѣмци*... — «Немци», «Немецкая земля» — в данном случае Ливония.

...*на память святаго апостола Тимофеа* — 24 января.

...*град немецкий Коспиръ бискупа Юрьевскаго.* — Имеется в виду замок Фербек, принадлежавший дерптскому епископу.

...*до Юриева*... — Юрьев — русское название города Дерпта, современный Тарту (Эстония).

...*господинъ.* — «Господином» здесь и далее называется митрополит Исидор.

Ратман — член городского совета (рата); раты имелись в немецких городах.

...*арцибискупъ Тимофѣй*... — Геннинг Шарпенберг, архиепископ Рижский (1424—1448 гг.).

...*Фома, посол твѣрскый*... — Фома — посол великого князя тверского Бориса Александровича на Флорентийском соборе.

...*Преполовление праздника* — срединный день праздника; в данном случае название праздника — середина между Пасхой и Троицей, который в 1438 г. приходился на 7 мая.

Стр. 468. ...*празник Възнесениа*... — 22 мая.

...*по божницем*... — «Божницами» здесь и далее называются католические храмы.

И увидѣхом ту мудрость недоумѣнну... и вѣнець взя. — Речь идет о представлении на сюжет евангельского рассказа о поклонении волхвов младенцу Христу; одни исследователи считают, что участники русского церковного посольства видели в Любеке мистерию, другие — представление с куклами, приводимыми в движение механизмом.

Стр. 470. *И ту видехом на рѣцѣ... сукна точет красные.* — Здесь описаны водозаборное устройство, подававшее воду в водопровод, мукомольня и сукновальня, в которых также использовалась сила воды.

...*пяток Троицины недели*... — 6 июня, «пяток» — пятница.

...*мили*... — При проезде через Германию употребляется немецкая миля, равная 7.5 км, при проезде через Италию — итальянская миля, равная 1.25 км.

...*Мечь рѣка*... — Установить, какая река так названа в «Хождении...», не удалось.

...*яко и лемешем*... — Автор «Хождения...» сравнивает черепицы с покрытием лемехом — пластинами из дерева, которые он видел у себя на родине.

Аламаньская земля — южная Германия.

Стр. 472. *...праздникъ святых апостолъ Петра и Павла...* — 29 июня.

Понт или Понтенск — город Форхгейм в Баварии, являвшийся, согласно местному преданию, родиной Понтия Пилата, римского прокуратора Иудеи, который, по Евангелию, предал Христа иудеям на распятие.

...град во имя Августа царя... Авспрокъ — город Аугсбург, выросший из основанной римлянами в 15 г. до н. э. в честь императора Августа колонии. Автор «Хождения...» ошибочно приписывает основание Аугсбурга византийскому императору Юстиниану (VI в.).

...до князя, зовомаго дукы... — Имеется в виду герцог тирольский Фридрих IV Габсбург.

Фряжская земля — Италия.

Белое море — в данном случае Средиземное море.

...по Госпожинѣ дни на 3 день — 18 августа; Госпожин день — день Успения Богородицы, 15 августа.

...папу римьскаго Еугениа... — Евгений IV (1431—1447 гг.).

...царя греческаго Иоанна... — Иоанн VIII, император Византии (1425—1448 гг.).

...святаго патриарха Иосифа... — Иосиф II, патриарх константинопольский (1416—1439 гг.).

Стр. 472—474. *...А в зборѣ бысть с патриархом митрополитов 22... 22 — сардакийскы Дионисий...* — Здесь перечислены митрополиты православных церквей (византийской, русской, болгарской, молдавской, грузинской), участвовавшие в работе Ферраро-Флорентийского собора.

Стр. 474. *...брату его деспоту Дмитрею...* — «Деспот» — титул Дмитрия, брата византийского императора Иоанна VIII.

Проскура — просвира, в данном случае отдельный хлебец.

Стр. 476. *Рогатый клобук* — двурогая митра, головной убор католических епископов. В определенный период папская тиара также имела вид двурогой митры.

Обатша — вероятно, от итальянского Abbazia — аббатство; речь идет, очевидно, о населенном пункте около какого-то аббатства.

Берена — может быть, г. Понтессиеве.

Ирнець — возможно, р. Арно.

Есть же во градѣ том божница велика... и поют на всяк день. — Здесь описан госпиталь Санта Мария Нуова.

...на плащаницах. — Плащаница — предмет культа в виде четырехугольного куска ткани с изображением тела Христа в гробу.

...камки — сорт шелковых цветных тканей.

...аксамиты съ златом. — Затканные золотом шелковые ткани.

Стр. 478. *Сукна скорлатные* — сукна особенно высокого качества.

И есть во градѣ том божница устроена велика... сочтохом степеней 400 и 50. — Имеется в виду собор Санта Мария дель Фьоре с колокольней.

...В томь же градѣ видѣхом лютых зверей 22. — Речь идет о зверинце.

Месяца иулиа въ 5 собору бывшу велику... коиждо своею рукою. — Здесь говорится об акте подписания церковной унии.

...служил обѣдню... опрѣсноком... — Опреснок — облатка, круглый листок из пресного теста, символизирующий тело Христа в римско-католическом богослужении.

...хартофилакове... — Хартофилаки — хранители документов, архивариусы.

Калугеры — монахи.

Подвойские — должностные лица, в данном случае, вероятно, телохранители.

Стр. 480. *...гардинал именем Иулианъ...* — кардинал Джулиано Чезарини.

...несоша над ним небо наряжено... — «Небо» означает здесь ткань, символизирующую небесный свод.

И взыде на высоко мѣсто бискупъ, именемъ Андрей... и того деля их прокля. — Сообщается о проклятии папою участников заседавшего в Базеле собора католической церкви,

стремившегося к ограничению власти папы; проклятие было произнесено родосским епископом Андреем.

От того града поиде господинъ рѣкою Фарою... От Фары до града Кѣзы 80 миль... — В этом отрывке «Фара» означает то реку, то город; если правильно второе, то под «Фарой» можно подразумевать Феррару, расстояние от которой до города Кьоджи («Кѣзы») близко к указанному в тексте «Хождения...».

...той град у Бѣлого моря на брезѣ, ту родится соль крупна. — «Белое море» здесь и далее означает Адриатическое море; в ряде пунктов на его побережье велась добыча соли путем выпаривания морской воды.

...ездят в барках. — Барка — род судна; в данном случае, может быть, гондола.

...ис Срачинъ — из арабских земель.

...из Нѣмець — из Немецкой земли, в данном случае из Германии.

Стр. 482. *...от Мудруши до града Возоля...* — Начиная с этого места в тексте «Хождения» перечисляется большое количество населенных пунктов, в которых побывали русские путешественники, проезжая через Хорватию, Венгрию, Польшу, Литву; в подавляющем большинстве эти населенные пункты представляли собой мелкие поселения. В тех случаях, когда нам не удалось произвести идентификацию их названий с существующими в настоящее время или же встречающимися в других древнерусских источниках, мы оставляли в переводе «Хождения...» те формы названий населенных пунктов, которые читаются в его древнерусском оригинале.

Стр. 482—484. *И в сем граде видѣхомъ серпьскаго цесаря деспода... от турьскаго царя Амурата.* — В Загребе русские путешественники видели сербского деспота Юрия Бранковича (1427—1457 гг.), чьи владения были захвачены войсками турецкого султана Мурада II (1421—1451 гг.). «Деспот» — титул правителя Сербии.

Стр. 484. *Угорская земля* — Венгрия.

...ту и шубу разбили в Федорову суботу... — Смысл этой фразы неясен.

...на лядской граници — на границе с Польшей.

...видѣхом коръля Володислава... — Владислав III, король Польши (1434—1444 гг.) и Венгрии (с 1440 г.).

Стр. 486. *...по Петрове дни на завтрее* — 30 июня.

...в Ильин день — 19 июля.

А дръжить князь Сендушено, а река Илцена, а смотрит. — Текст непонятен, по-видимому, в нем имеются пропуски.

ЗАМЕТКА О РИМЕ

Во время пребывания в Италии автор «Хождения на Флорентийский собор» вместе с несколькими членами русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор посетил Рим и в короткой заметке изложил впечатления о нем. Несмотря на краткость, в ней сообщается ряд сведений о географическом положении Рима, его религиозных и архитектурных достопримечательностях. Очень интересно наблюдение автора о запустении Рима.

Город в XIV—первой половине XV в. действительно находился в состоянии упадка: экономика переживала застой, население катастрофически уменьшалось, здания ветшали и разрушались. «Заметка о Риме» является первым в русской литературе описанием «вечного города».

Памятник издается по списку: *РНБ*, Софийское собрание.№ 1465 (начало XVI в.).

Стр. 488. *...ступеней великих.* — Слово «ступень» в древнерусском языке означало, в частности, меру длины, равную длине шага или же стопы; под «ступенями великими» в данном памятнике подразумевается длина шагов.

...святый царь Коньстянтинъ... — Первый римский император, введший христианство в качестве государственной религии.

...домъ Еуфимиановъ великъ велми. — Возможно, имеется в виду легендарное известие о римском вельможе Евфимиане, отце Алексея, человека Божия, — святого, очень популярного на Руси (см. его Житие в наст. изд., т. 2).

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ

Это произведение относится к популярному жанру древнерусской дидактической литературы — к жанру поучений. Тексты такого типа, генетически связанные с византийскими сборниками изречений — флорилегиями, были широко распространены в средневековой русской литературе, начиная с XI в. Несколько другая композиция этих же афоризмов содержится в начале популярного на Руси сборника изречений «Пчела» (Розанов С. П. Материалы по истории русских «Пчел». СПб., 1904, с. 33—38); однако публикуемая подборка наставлений представляет собой вполне законченный текст с концовкой.

Особенностью этой подборки афоризмов, включенной в сборник середины XV в., предназначенный для чтения (в состав сборника входят «Историческая Палея» и Рогожский летописец), является ее очевидная светская направленность: так, в пергаменном сборнике XIV в. «Золотая Чепь» начальный фрагмент публикуемого поучения получил даже специальное название «Слово о храборьстве» (*РГБ*, ф. 307, № 11, л. 7). В тексте «Наказания» соединены советы, выражающие этические принципы феодального вассалитета («Что бо того лучши есть, еже пред князем умрети!») с нормами поведения в духе средневековой морали («Посупляй долу лице от неподобных гляданий»). Текст публикуется по рукописи 40-х гг. XV в. (*РГБ*, ф. 247, № 253, лл. 247—248).

Стр. 490. *...слугы... путныя...* — Древнерусский термин, обозначавший людей, управлявших княжеским имуществом; именно в этом смысле выражения «путный боярин», «путный слуга» употреблялись в грамотах XIV—XV вв.

Конь на брани разумѣет снягу... — Это выражение византийская «Пчела» приписывает Плутарху.

...иже хощет ратая имѣти на стенѣ написана, нъ не на нивѣ оруща... — В рукописи, вероятно, ошибка: «...иже хощет ратая имѣти не на стенѣ написана, нъ на нивѣ оруща». Основанием для исправления являются тексты источника и другие, хотя и более поздние списки (ср. в сербском списке «Пчелы»: «...иже имать ратая на стенѣ нашарена (т. е. нарисованного. — *Н. Д.*), а не на нивѣ оруща» (Розанов С. П. Материалы по истории русских «Пчел», с. 35).

РАССКАЗ О ВОССТАНИИ В НОВГОРОДЕ В 1418 ГОДУ

Рассказ о восстании 1418 г. в Новгороде восходит в летописании к Новгородской первой летописи младшего извода. Из этой летописи он, очевидно, был заимствован в Новгородско-Софийский свод — протограф Новгородской четвертой и Софийской первой летописей; к Софийской первой летописи восходит рассказ великокняжеского свода начала 70-х гг. XV в. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи). Московский свод 1479 г., составленный после окончательного присоединения Новгорода и отмены новгородских вольностей, совсем выпустил рассказ о восстании 1418 г.

Социальный характер восстания 1418 г. особенно ясно подчеркнут в Софийской первой летописи: «...сташа чернь с одной стороны, а с другую — бояре»; вместе с тем восстание это отражало и традиционный для Новгорода антагонизм между Торговой (где собиралось вече) и

Софийской сторонами. Ср.: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 178—180, 190—199; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 737—739; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 251—257.

Рассказ о восстании 1418 г. публикуется по Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода — *ФИРИ*, ф. 11 (собр. Археографической комиссии), № 240, лл. 249—250 об. с исправлениями по Академическому списку той же летописи — *БРАН*, 17. 8. 36.

Стр. 494. *...въ церкви святѣи мученици Ностасьи...* — Церковь Анастасии, обетная обыденная (построенная за один день) церковь, была поставлена в 1417 г. в связи с мором в Новгороде.

...Степанко изымаша боярина Данила Ивановича, Божина внука... — Род Божиных, к которому принадлежал Даниил Иванович, был не боярским родом, а относился к категории менее крупной феодальной знати — «житьих людей»; писцовая книга именует Божиных «бояришками». Новгородская четвертая летопись упоминает участие «жены некоей» в избиении Божина. Отношение Степанка к Божину неясно; более поздняя Летопись Авраамки указывает, что Степанко «имеяше господаря боярина Даниила Ивановича Божина»; если это верно, то Степанко мог быть холопом Божина. Однако, вероятнее, слова в Летописи Авраамки представляют собой вторичное осмысление слов ее источника — Новгородской четвертой летописи: «...имаше (имяше) боярина Даниила Ивановича...» (т. е. захватил боярина).

...сведше с вѣча... — Эти слова указывают на то, что свержение боярина с моста в Волхов было не простым проявлением самосуда, а исполнением приговора, вынесенного на вече (тот же смысл имеют и слова «влечахут... к народу»).

Нѣкто же людинъ, Личковъ сынъ... — «Людин» означает в древнерусских памятниках «обычный человек», «простолюдин». Однако в Новгороде это слово могло иметь и другой смысл. Город имел пять концов — Плотницкий и Славенский конец на Торговой стороне, Неревский, Загородский и Людин конец на Софийской стороне. Вече, осудившее Божина, собиралось на Торговой стороне; спаситель Божина мог быть «людином» по месту своего проживания — представителем Людина конца Софийской стороны.

«Азъ отмъщение». — Неточная и сокращенная библейская цитата: «Мне отмщение, аз воздам» (Рим. 12, 19; Евр. 10—30).

...начаша звонити на Ярославли дворѣ вѣче, и сбирахуся людии... — Выступление восставших после захвата Степанка вновь было предпринято по решению веча, собравшегося на его традиционном месте — Ярославовом дворе (Торговая сторона).

И пришед в доспѣсех съ стягом на Кузмадемиану улицу... — Приход со стягом (знаменем) еще раз подчеркнул связь действий восставших с решением веча. Козмодемианская улица находилась на Софийской стороне Новгорода (Неревский конец). Из дальнейшего текста видно, что именно здесь находился в заточении захваченный Божиным Степанко.

...на Яневѣ улицѣ... — На Софийской стороне Новгорода, на берегу Волхова.

...възъярившися, аки пианѣ, на иного боярина, на Ивана на Иевлича, на Чюдѣнцевѣ улици... — На Софийской стороне Новгорода. Боярин Иван Иевлевич входил в 1416—1417 гг. в число посадников.

Стр. 494—496. *...монастырь святого Николы на Полѣ разграбиша, ркуще: «Здѣ житницѣ боярскыи».* — Никольский монастырь на Неревском конце Софийской стороны. Новгородская четвертая летопись указывает еще, что восставшие «игумена и черноризцевъ оскорбиша», а слова их передает иначе: «Здѣ животы крестьянскиа и болярьския».

Стр. 496. *...на Людгощи улицѣ...* — На Софийской стороне Новгорода.

...на Прускую уличу приидоша, и они же отбишяся их. — Прусская улица, один из старейших центров Софийской стороны, соединяла Людин и Загородский концы Новгорода.

...прибѣгше они на свою Торговую сторону и рѣша, яко «Софѣйская страна хощеть на нас въоружатися и домы наша грабити»... — Направленное против бояр восстание 1418 г. отражало также традиционный для Новгорода антагонизм между Торговой и Софийской сторонами.

Восстание было связано с решением веча на Торговой стороне, восставшие грабили дома бояр на Софийской стороне. Естественно, что они ждали ответного удара «Софѣйской страны».

...на мостъ Великый... — Волховский мост, на котором часто происходили столкновения враждебных групп.

...владыка Семеонъ... — Архиепископ новгородский в 1415—1421 гг.

...посадникъ Федоръ Тимофѣевич... — Посадник Славенского конца Торговой стороны в 1385—1421 гг.

Владыка послуша молениа их... — Очевидно, Федор Тимофеевич изложил владыке какие-то конкретные ходатайства граждан Торговой стороны, связанные с восстанием.

...архимандрита Варлама... — Варлаам II, архимандрит крупнейшего в Новгороде Юрьева монастыря.

...степенному посаднику Василью Есифовичю и тысячкому Кузмѣ Терентѣевичю... — Василий Есифович (Есипов) — посадник Плотницкого конца Торговой стороны с 1416 г.; с марта 1418 г. был степенным посадником Новгорода. Кузьма Терентьевич несколько раз занимал должность степенного тысяцкого (в 1417, 1418, 1420 и 1421 гг.); после 1421 г. был посадником.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛИЯ II

Летописная повесть о пленении, свержении и ослеплении Василия II входит в число рассказов о феодальной войне между Василием и его соперниками в борьбе за великое княжение — князем Галича-Костромского Юрием Дмитриевичем Галицким и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В 1445 г. Василий II потерпел поражение в Суздальской битве с татарским ханом Улу Мухаммедом, отколовшимся от Орды и захватившим Белев и Нижний Новгород, и был взят в плен. Выпущенный из плена Василий II обязался выплатить хану огромный выкуп за освобождение. Этим обстоятельством воспользовались Дмитрий Юрьевич Шемяка и его союзники для выступления против великого князя.

«Повесть об ослеплении Василия II» появляется в летописании не ранее 50-х гг. XV в. — после окончательной победы Василия II (Темного). В общерусском своде середины XV в. (Софийская первая летопись младшего извода) читаются лишь самые краткие упоминания о феодальной войне, изложенные без явного сочувствия той или иной стороне. Наиболее ранний текст «Повести об ослеплении Василия II» содержится в неизданном Музейном летописце — памятнике московского великокняжеского летописания, доведенном до 1452 г. Рассказ был заимствован великокняжеским сводом начала 70-х гг. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) и вошел с незначительными изменениями в летописание последующего времени (начиная с Московского свода конца XV в.). Уже М. Д. Приселков высказывал предположение, что этот рассказ имел источником воспоминания самого Василия Темного, доживавшего последние дни при фактическом управлении сына (Ивана III) и располагавшего «в условиях вечного мрака только воспоминаниями и образами прошлого» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 172).

Текст «Повести об ослеплении Василия II» публикуется по Музейному летописцу — *РГБ*, ф. 178 (Музейное собр.), № 3271, л. 224—231 об. Между л. 229 об. и 230 в этом списке обнаруживается значительный пропуск в тексте (от слов «князь Иванъ и братья» до «что князь велики выпущенъ» — см. с. 506—510), окончание (от слов «назад к Москвѣ» — с. 512) также отсутствует. Мы восполняем этот текст по другому списку того же летописца — *БРАН*, 34. 2. 31, л. 433 об.— 435 об. и л. 437. Пропуски и погрешности обоих списков летописца исправляются по Вологодско-Пермской летописи (*ПСРЛ*, т. XXVI. М.—Л., 1959).

Стр. 498. *О великого князя изыманьи...* — Рассказ о пленении и ослеплении великого князя Василия II читается в упомянутых выше летописях под 6954 г., которому соответствует в современном календаре время с сентября 1445 по сентябрь 1446 г. Этому рассказу предшествуют

известия об освобождении «царем Махметом» (Улу Мухаммедом) великого князя Василия II и князя Михаила Андреевича Верейского, взятых в 1445 г. в плен, и о возвращении Василия II в Москву.

...князем Иваном Ондреѣвичем... — Князь Иван Андреевич, двоюродный брат Василия II и родной брат плененного в 1445 г. Михаила Андреевича, удельный князь можайский в 1432—1454 гг. (умер в Литве, куда бежал в 1454 г.). Иван Андреевич участвовал в Суздальской битве, был ранен, но избежал плена.

Дмитрий Шемяка. — Князь Дмитрий Юрьевич Большой Шемяка, двоюродный брат Василия II. В ходе борьбы его отца князя Юрия Дмитриевича Галицкого за великокняжеский престол с Василием II в 1430—1434 гг. Дмитрий Шемяка, вместе со своими братьями Василием Косым и Дмитрием Красным (меньшим), обычно поддерживал отца; однако, когда в 1434 г. Юрий умер в Москве и великокняжеский престол занял его старший сын Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не поддержали брата и содействовали возвращению Василия II в Москву. После 1434 г. в борьбе между Василием II и Василием Косым Шемяка занимал двойственную позицию; в 1436 г. Василий II подверг его заточению, но вскоре освободил. После ослепления Василием II старшего брата Шемяки Василия Косого (1436) и смерти его второго брата Дмитрия Красного (1441) под властью Дмитрия Шемяки соединились Галич, Руза, Вышгород, а также Ржев и Углич, уступленные Василием II после 1434 г.

...царю сѣдѣти на Москвѣ и на всѣх градѣх русских, и на наших отчинахъ, а самъ хочеть сѣсти на Тфери». — В научной литературе уже отмечалась явная гиперболичность обвинений против Василия II, влагаемых летописцем в уста Шемяки. Следует учитывать при этом, что комментируемый рассказ принадлежит великокняжескому летописцу времени Василия Темного или его сына Ивана — фантастичность рассказа имела поэтому целью не очернить Василия, а подчеркнуть клеветнический характер обвинений против него. Однако обвинения Василия в пособничестве татарам, в связи с огромным выкупом, который он должен был выплатить за освобождение, несомненно, выдвигались его противниками.

Костянтинъновичь и прочии бояре их... — Никита Константинович Добрынский, представитель одного из московских боярских родов, возводивших свое происхождение к легендарному Редеде (Редеге). Его старший брат Петр служил Василию II и был одним из зачинщиков ссоры на свадьбе великого князя в 1433 г. между ним и галицкими князьями. Переход Никиты Константиновича на сторону противников Василия II и его роль в ослеплении великого князя привели после победы Василия Темного к бегству Никиты Константиновича в Литву.

...к великому князю Борису Тферьскому. — Борис Александрович, великий князь тверской в 1425—1461 гг. Краткая тверская летопись второй половины XV в., сохранившаяся в Тверском сборнике, и тверское «Похвальное слово» Борису Александровичу ничего не говорят об участии Бориса в заговоре Шемяки, упоминая только его важную роль в последующих событиях, когда он стал главным союзником Василия Темного.

...со княземъ Иваном и княземъ Юрьемъ... — Старший сын Василия II Иван (будущий Иван III) родился в 1440 г., занимал великокняжеский престол с 1462 по 1505 г.; сын Юрий родился в 1441 г., удельный князь дмитровский с 1462 по 1473 г.

...стояху в Лузѣ... — Так именуется место стоянки Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского в наиболее ранних версиях «Повести об ослеплении...»; в Московском своде 1479 г. и последующем летописании — «в Рузе». Руза принадлежала к числу западных владений галицко-звенигородских князей; к западу от Москвы находилось также поселение Лужа, но оно входило в число владений князя Василия Ярославича Серпуховского.

Стр. 498—500. *...в суботу, в 9 час нощи, противу недели, иже о блуднѣм...* — В древнерусском церковном календаре каждая из недель имеет свое название; суббота недели о блудном сыне в 1446 г. приходилась на 12 февраля.

Стр. 500. *...великих княгинь изнимаша, Софѣю и Марью...* — София Витовтовна, мать Василия II, дочь великого князя литовского Витовта, великая княгиня московская с 1392 по 1453 г.; Мария Ярославна, жена Василия II, дочь князя серпуховского Ярослава Владимировича, великая княгиня московская с 1433 по 1485 г.

...на Вори... — Река Воря, приток Клязьмы, служила границей между Московским и Радонежским уездами — владениями великого князя и удельного князя серпуховско-боровского.

...к Радонѣжу. — Город, находившийся недалеко от Сергиева Посада; см. «Житие Сергия Радонежского».

Пядь — мера длины, равная расстоянию между концами расставленных большого и указательного пальцев.

...к селу Климентиевьскому... — Клементьевское или Климентьево — село в Радонежском уезде, под Троицким монастырем.

Стр. 502. *...не лишите мя зрити образа Божиа...* — С. Б. Веселовский считал, что в этом летописном рассказе «замечается какая-то неувязка», так как князь, не ожидавший нападения, не мог предвидеть своего ослепления (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969). Однако, попав в руки Дмитрия Шемяки, Василий II мог, естественно, ждать для себя участи ослепленного им Василия Косого.

«Но се сътворихом християньства дѣля и твоего окупа: видѣвши бо се татари, пришедши с тобою, облегчать окупъ, что ти царю давати». — Это заявление князя Ивана Можайского, приведенное летописцем, подтверждает, что выступление Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, как отмечал ряд летописей, обосновывалось необходимостью избавиться от чрезмерного «окупа», обещанного Василием II Улу Махмету, и совершалось под антитатарскими лозунгами.

Прибѣгоша ко князю Ивану Ряполовьскому въ Юрьевъ в село его Боярово. Князь же Иванъ съ своею братьею, с Семеномъ и съ Дмитреемъ... бѣжаша с ними к Мурому... — Князья Ряполовские — одна из ветвей князей Стародубских, потомков младшего сына Всеволода Большое Гнездо. С XIV—XV вв. Стародубские-Ряполовские стали служить великим князьям московским. Иван Иванович Ряполовский и его братья Семен и Дмитрий активно помогали Василию II в борьбе с Шемякой; в дальнейшем неоднократно выступали в роли военачальников в борьбе за Казань и в других войнах. При Иване III Семен Ряполовский подвергся великокняжеской опале и был казнен. Юрьев Польской и Муром с конца XIV в. входили в состав владений великих князей московских.

...Углече поле... — Углич, находившийся с 1434 г. во владении Дмитрия Шемяки.

Чюхлома (Чухлома) — Город Галицкого уезда, также владение галицких князей.

Стр. 504. *...князь Василей Ярославич...* — Удельный князь серпуховский и боровский, шурин Василия II. Был активным сторонником Василия во время его борьбы с Шемякой. Однако после победы великого князя в 1456 г. был лишен удела и сослан в Углич; умер в 1483 г. в ссылке в Вологде.

...князь Семенъ Иванович Оболеньской... — Князья Оболенские, потомки Юрия Тарусского, сына князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Уже с середины XIV в. Оболенские стали служить великим князьям московским. После бегства в Литву Семен Оболенский активно помогал Василию II в борьбе с Шемякой.

Федоръ Басенокъ — Федор Васильевич Басенок; принадлежал к числу «худородных» сподвижников Василия II, но еще до 1446 г. выступал как один из воевод великого князя. За заслуги Басенка в борьбе с Шемякой великая княгиня София Витовтовна и Василий Темный вознаградили его селами в Коломенском уезде; Басенок был свидетелем при составлении завещания Василия II. В 1446—1460 гг. Басенок играл выдающуюся роль в ряде военных походов на татар и на Новгород, но после смерти Василия Темного в 1463 г. был ослеплен, а в 1473 г. сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

...бѣже къ Коломнѣ, и тамо лежал под своимъ притѣлемъ... — Слово «притѣлемъ» читается в наиболее ранних текстах «Повести об ослеплении...». В более поздних версиях того же рассказа (Московский свод 1479 г., летописание конца XV—XVI вв.) вместо загадочного слова «притѣлемъ» — «приателем». По данным И. И. Срезневского, слово «лежати» могло означать — «быть погребенным, ночевать, пребывать, жить»; в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи здесь читается: «лежал под своим присельем». Вероятно, речь идет о том,

что Басенок укрывался в своем селе, поселке в Коломенском уезде (в этом районе и впоследствии находились земельные владения Басенка, дарованные ему великокняжеской семьей).

...дал бо бѣ король князю Дебряньскѣ Василью в вотчину, да Гомей, да Стародубъ, да Мстиславль... И князь Василей Ярославич дал Дебряньскъ князю Симиону Оболеньскому да Федору Басенку. — Дебрянск (Брянск), Гомей (Гомель), Стародуб и Мстиславль — западнорусские города, находившиеся на восточной границе Польско-Литовского государства, постоянно давались в «держание» (вассальное владение) русским феодалам, переходившим на службу к Ягеллонам.

...призва... епископа рязаньскаго Иону на Москву, и пришедшу ему, обѣща ему митрополью. — Иона — епископ рязанский, впоследствии первый митрополит всея Руси, назначенный без участия константинопольского патриарха. В последующем летописании содержится утверждение, что Иона еще в 1441 г. был «благословен» патриархом на митрополию. Однако в Музейном летописце и великокняжеском своде начала 70-х гг. этого утверждения нет, и в комментируемом рассказе Иона выступает в качестве ставленника Шемяки на митрополичьем престоле.

Стр. 506. *...князь Иванъ Васильевич Стрига да Иван Ощѣра з братом Бобром, Юшка Драница и иные многие дѣти боярские...* — Иван Васильевич Стрига-Оболенский — племянник Семена Ивановича Оболенского; впоследствии неоднократно участвовал в военных походах при Василии II и Иване III; был наместником во Пскове и в Новгороде. Иван Васильевич Ощера и его брат Дмитрий Бобр принадлежали к боярскому роду Сорокоумовых, в дальнейшем Иван Ощера неоднократно участвовал в военных походах. Вскоре после «стояния на Угре» в 1480 г. (когда Ощера выступал против сражения с ханом) он попал в опалу. Юшко (Юрий) Драница упоминается в великокняжеском летописании как «литвин» (выходец из Литовского государства), он участвовал в Суздальской битве 1445 г., помогал Василию II в борьбе с Шемякой и погиб в 1447 г. в столкновении под Угличем.

...Семен Филимоновъ с дѣтми всѣми, да Русалко, Руно и иные дѣти боярские многие. — Семен Филимонов (Филимонович) и его внук Михаил Яковлевич Русалка — представители влиятельного московского боярского рода Морозовых; впоследствии — участники ряда военных походов. Иван Дмитриевич Руно также упоминается в последующие годы как военачальник. В 80-х гг. Русалка и Руно подвергались опале.

...рать с Василиемъ Вепревым да Феодора Михайловича послал... — Василий Борисович Вепрев-Фоминский и Феодор Михайлович Сатин выступали в феодальной войне на стороне Шемяки; после поражения Шемяки выбыли из боярской среды.

...на усть Шексны у Всѣх Святых... — Село Всесвятское на Усть-Шексне.

...на усто Мологи. — Река Молога — приток Волги; город Бежецкий Верх в верхнем течении Мологи принадлежал к владениям Ивана Андреевича Можайского.

...родися великому князю на Углече сынъ Андрѣй августа въ 13. — Сын Василия II Андрей Большой (Андрей Горяй) родился в 1446 г., удельный князь углический и звенигородский с 1462 г.; в 1492 г. был обвинен Иваном III в измене и заточен; в 1493 г. погиб в заточении.

Стр. 508. *...пред всѣмъ православнымъ християнством, егоже изгубих и еще изгубити хотѣлъ есмъ до конца.* — Эта речь Василия II, приведенная весьма близким ему летописцем (и имевшая, по-видимому, целью подчеркнуть крайнее смирение князя), еще раз подтверждает антитатарскую и патриотическую окраску переворота 1446 г.

...поиде ко Твери, сослася с великимъ княземъ тверскимъ з Борисомъ Александравичем. — Роль Бориса Александровича Тверского в борьбе Василия II с Шемякой отмечается многими источниками, особенно Тверским «Похвальным словом Борису Александровичу».

...за князя Ивана дщерь у великого князя Бориса Марью. — Мария Борисовна, первая жена Ивана III, была обручена с Иваном в 1446—1447 гг.; согласно Устюжскому летописцу, этот брак был предварительным условием помощи Бориса Василию Темному. Свадьба Ивана III и Марии состоялась в 1452 г. В 1467 г. Мария умерла — по известию враждебной Ивану III летописи, «от смертнаго зелия».

...в Пацинѣ. — Пацин (Пацынь), город в бассейне верхней Десны, к северо-западу от Брянска (Дебрянска) и к востоку от Мстиславля.

Стр. 510. *Данило Башмак* — очевидно, Даниил Васильевич Башмак Вельяминов.

...от княгини Настасьи Олелковы... — Анастасия Васильевна, сестра Василия II, жена вассала великих князей литовских князя киевского Олелько (Александра) Владимировича, внука Ольгерда.

«...пришли из черкас съ двѣма царевичи Махметевыми дѣтми, и с Касымом да съ Ягупомъ». — Ягуп и Касым, сыновья Махмета (Улу Мухаммеда), одержавшего в 1445 г. победу над Василием II в Суздальской битве; Ягуп был непосредственным участником этой битвы. Слово «черкасы», относимое обычно к северо-кавказским народам, означает в данном контексте, по-видимому, бродячую, не имеющую постоянного местонахождения орду (сходно с понятием «казаки»). С 1445 г. Улу Мухаммед и его сын Мамотяк перенесли центр своих владений из Белева и Нижнего Новгорода в Казань и основали казанское царство. Дружеские отношения Василия II с сыновьями Улу Мухаммеда завязались еще со времени его выкупа.

...на Волоцѣ — Волок на Ламе, Волоколамск — город на границе Московского княжества и Новгородской земли.

Михаил Борисович Плещеев — представитель старейшего московского боярского рода, племянник митрополита Алексея, умер в 1468 г.

...княгини Ульяна княжа Васильева Володимерича... — Вдова князя Василия Владимировича Серпуховского, сына Владимира Андреевича Храброго.

Намѣсьтник же княж Дмитреевъ Федоръ Галичский... — Федор Васильевич Галицкий, внук князя Дмитрия Галицкого, владения которого были присоединены к Москве в 1363 г. Дмитрием Донским. После потери своего княжества князья галицкие стали служить великим князьям московским и удельным князьям галицко-звенигородским — Юрию Дмитриевичу и Дмитрию Шемяке.

Стр. 512. *Михаил Федорович Сабуров* — представитель боярского рода, перешедшего на московскую службу из Костромы в XIV в. После измены Шемяке и перехода к Василию II Сабуров стал дворецким великого князя; умер в 1464 г.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 6

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Е. М. Малинина*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. Х. Салтанаева* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 28.01.99.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Антиква. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 47.5. Уч.-изд. л. 42.0. Тираж 2000.
Тип. зак. № 3387. С 21

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12